307.222

STUDIA SLAVICA

ACADEMIAE SCIENTIARUM HUNGARICAE

ADIUVANTIBUS
E. BALECZKY, L. HADROVICS, J. HARMATTA,
P. KIRÁLY, B. SULÁN

REDIGIT
St. KNIEZSA

TOMUS VI

AKADÉMIAI KIADÓ, BUDAPEST
1961

INDEX

Tomus VI. Fasciculi 1—4.

Балецкий, Э.: Венгерское *kert* в закарпатских украинских говорах 247
Ботош, И.: Текст Повести о разорении Рязани Батыем по Волоколамскому списку XVI века (№ 523) 23
Данко, И.: К проблематике венгерского слова *hajdú* 'гайдук' 169
Domokos, S.: Eigentümlichkeiten der Strauchdieb-Balladen 411
Дзендзелівський, Й. О.: Назви сільськогосподарських культур у говорах Закарпаття 113
Gáldi, L.: Un grand disciple roumain de J. Kochanowski: le métropolite Dosithée. — Contribution à l'histoire de l'ancien vers roumain 1
Gáldi, L.: Les variétés de l'accent dans le vers russe 315
Gregor, F.: Unbekannte slowakische Gedichte und Volksliedvarienten 347
Киш, Л.: Заметки по русской исторической лексикологии 267
Póth, I.: Jovan Pačićs „Liedersammlung" 145
Самуэли, Н.: Из наблюдений над языком публицистики В. В. Воровского 331
Szőke, B.: Über die Beziehungen Moraviens zu dem Donaugebiet in der Spät-awarenzeit 75
Úrhegyi, E.: Etymologische Beiträge 285
Vujičić, St.: Les formes métriques sud-slaves de la poésie de B. Balassi 393

MISCELLANEA

Gregor, F.: Versus maxime Proverbiales 211
Király, P.: Budapešťský zlomek latinské legendy o sv. Václavu 199
Lengyel, B.: Eine Motivverwandtschaft der Erzählung „Das Schloss" von Lajos Nagy mit Turgenevs „Inspektor" 431
Ondruš, Š.: Genetické vzťahy praslovanského slovesa *sъlati* 193
Póth, I.: Angaben über T. Ostojić 440
Ройзензон, Л. И.: О некоторых специфических разрядах народно-разговорных фразеологизмов чешского языка 203
Сабо, М.: К некоторым вопросам категории собирательности в древнерусском языке 443
Вујичић, Ст. Д.: Опроштајно писмо Теодора Павловића „Српском Обштеству„ у Пешти 442
Зельдхейи, Ж.: Э. Сабо — венгерский популяризатор творчества А. П. Чехова ... 436

CRITICA ET BIBLIOGRÁPHIA

Gáldi, L.: *М. П. Штокмар,* Рифма Маяковского 453
Niederhauser, E.: Beiträge zur Bibliographie der Geschichte der slawischen Völker in der ungarischen bürgerlichen Geschichtsschreibung 457
Перени, Й.: *Tardy L.,* Doktor Orlay János (1770—1829) 455
Péter, M.: *В. Б. Бродская, С. О. Цаленчук,* История русского литературного языка. Часть первая. X—XVIII вв. 238
Szabó, D.: Polnisch-ungarische lexikographische Arbeiten und das erste polnisch—ungarische Handwörterbuch 217

CHRONICA

Петер, М.: Славянское языкознание в Венгрии за 1959—1960 годы 475
Sziklay, L.: Slawistische literaturgeschichtliche Vorträge im Studienjahr 1958/59.. 243

MAGYAR TUDOMÁNYOS AKADÉMIA KÖNYVTÁRA

307.222

Index vocabulorum et nominum

Tomus VI. 1960.

Abbreviationes:

bg — Bulgaricum
bh — Bohemicum
brs — Belorussicum
hg — Hungaricum
mc — Macedonicum
pl — Polonicum
rm — Rumenicum (Valachicum)
rss — Russicum
slc — Slovacicum
slv — Slovenicum
scr — Serbocroaticum
ucr — Ucranicum

Ács T. 461
Adrianova-Peretc V. P. 23, 24
Áldásy A. 464
Alecsandri V. 422
Andrejev M. 170
Angelov D. 170, 179
Angyal E. [A.] 170, 468
Apostolescu N. 1
Aradi V. 469
arbuz pl, rss 124
Archipov N. 282
Arct M. 225
Árky Á. 469
armeut rss 267
Arnaudov M. 323
arnaut rss 267, 277
Arne T. J. 80
Asbóth J. 465
Asbóth O. 303, 304, 441, 459
asztag hg 142
Atanacković B. 145

bab hg 119, 142
bacon rm 141
Bajza J. [G.] 462, 463, 466
baklaž, baklaży, baklažan ucr 132
bakun ucr 139, 141
bakun, bakuń pl 141
balagol, balagula rss 267
bałaguła pl 267
balahula ucr 267
Balanyi Gy. 462, 471
Balassa J. 303, 311
Balassi B. 393—409
Bălcescu N. 416
Baleczky E. 128, 247, 475
Bálint S. 177, 313
Balla P. 464
Ballagi M. 176, 293, 311
Balogh-Beéry L. 469
Balogh I. 181
Balog J. 244
Barabás S. 174
Baranyai B. 471
Baráth T. 460
Barchudarov S. G. 24, 282
Barcsa J. 182
Bárczi G. 128, 130, 131, 140, 142, 143, 186, 187, 283, 296, 298, 303, 313
baron rss 267
Baróti Szabó D. 291, 293, 313
Barta I. [St.] 463
Bartal A. 282
D. Bartha K. 278, 282
Bartha M. 469
Bartholdy 180
Baumgarten M. 470
bekcsiás hg 187
Bélay V. 468
Belloszteneez J. 311
Belyj A. 317
Benveniste É. 194
Béranger P.-J. 341
Berneker E. 119, 133, 143, 175, 176, 177, 272, 280, 282, 304, 311
Bernolák A. 290, 294, 308, 311
Bernštejn S. B. 176, 327
Berzeviczy A. 459, 473
Berzsenyi D. 150
besli hg 187
beslia hg 186
Bianu I. 1, 3, 14, 19
bib ucr 119, 141
Bielfeldt H. H. 286
Bilen'kyj Ja. 117, 125
bob rm 119

Boba I. 223
bocsát hg 295
Boér Gy. 220
Bogdanović M. V. 146
Boisacq É. 194, 195, 197
Bonkáló S. 459, 468, 469
Bor K. 244
borak pl 127
borgondija ucr 127
borodyčka ucr 131
borona hg 142
Borsody I. [S.] 466, 468
Botev Ch. 183
Botos I. 23
Bödey J. 176, 223
Böör Gy. 469
Braun R. 466
Brodskaja V. B. 238
Brodskij N. L. 281
Broz I. 176, 177, 312
brukov, brukva ucr 129, 141
Brückner A. 114, 123, 127, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 138, 143, 225, 270, 271, 273, 278, 280, 281, 282, 311
Buchanan 1, 4
Buck C. D. 194, 195
Buda hg 268
Buda, Budin, Budyn', Buzyn grad rss 268
Budenz J. 285, 296, 304, 312, 441
Budilovič A. S. 113, 114, 115, 130, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 143
Budim scr 268
Budín bh, slc 268
Budinský-Krička V. 83, 84, 86, 100, 107
Budzyk K. 3, 5, 7, 8, 10, 13, 14, 15
Budzyn pl 268
Buffa F. 143
bula, bulba pl 123
bul'a, bul'i ucr 123, 142
Bulachovskij L. A. 343, 344
bul'ba rss, brs 123
burak ucr 127, 142
burak brs, pl, rss 127
Burger A. 6
burgondia, burgonya hg 128
burgundija ucr 141
burgundia, burguňa, burgunka slc 128
Buslajev F. I. 274, 275, 281
Buzuk P. 123
bycyjka, byčajka ucr 136

Calenčuk S. O. 238
Calepinus 218
Călinescu G. 2
cap-carap rss 281
carap rss 281
Cartojan N. 2, 13, 20
cebula pl 132
cékla hg 127
cekla ucr 127, 141
celer bh 134
Chaustova I. S. 282
chmil', chmylna ucr 138, 141, 142
chrin, chrin' ucr 136, 141
Chropovský B. 102
chusa rss, scr 271
chusar scr 271
chusar' rss 271
cibul'a slc 132
cibule bh 132
cikovka ucr 126
Cioban E. 2
cjucjun brs 140
cmyn ucr 138
Comenius J. A. 311
Conev B. 449
Costin Miron 4
Crohmălniceanu S. 2
crumpenă, crimpel, crumpir rm 124
Csalog J. 76, 91, 96
Csapodi Cs. 467
csárda hg 186
Császár E. 173, 184
csép hg 142
csicsóka hg 127
Csorba T. 223, 224
Csorba T., Frau 224
csoroszlya hg 142
Csuka Z. 464
Csűry B. 313
cug rss 273
cukorrépa hg 128
cukorripa, cukroripa ucr 128, 141
cybul'a ucr 132, 141
cybulja brs, rss 132
cyjkla ucr 127, 141
cynga brs, rss, ucr 280
cvejkla ucr 141
cvikla, cvikl'a, cvikel' slc 127
cvikl'a ucr 127
cwikla pl 127
Czambel S. 114, 117, 143
czata pl 278
Czirbusz G. 473
czosnek, czostek pl 133
Czuczor G. 171, 185, 186, 311
Čaplovič P. 79
časnok ucr 133, 141
časnok brs 133
časnyk ucr 133, 141
Čekanova O. A. 282
Čech E. 204
Čechov A. P. 436—440
Černych P. Ja. 268, 271, 274, 275, 281, 282
česan scr 133
česen sln 133
česnek bh, slc 133
č'esnok, č'ysnok ucr 133, 142
česnok rss 133
česъn bg 133
čičovka ucr 126
č'oč'ka ucr 120, 141
Čorović-Ljubinković M. 106

Dal' V. I. 116, 118, 120, 122, 123, 138, 143, 270, 274, 276, 277, 280, 281

Dankó I. 169, 174, 184, 191
Darás G. 469
Deák J. 467
Deák K. 224
Deér J. 462
deli hg 186
Deme L. 329
Dézsi L. 396, 398, 399, 404
dida rss 271
dinnye hg 135, 141
Divéky A. 471, 472
Dłuszka M. 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 18, 19
Dmitrijev N. K. 273, 281
dobos hg 279
dobosz pl 278
doboš scr 279
Dobrovský J. 204
dohán slc 140
dohan ucr 139, 140, 141, 142
dohány hg 140
Domokos P. P. 295
Domokos S. 183, 411, 420, 421
Dongó Gyárfás G. 171
dorodor, dorodorovyj rss 272
Dosithée (Dosoftei) 1—21
dovhán ucr 139, 140
Držić Dž. 403
Dudás Gy. 171, 464
Dugovich T. 467
duhan ucr 140
duhan, duvan scr 140
duleb rss 277
D'urovič L'. 193
duttyán hg 184
duvan bh 140
dyki krompl'i ucr 127
dyn'a ucr 135, 136, 143
dzeller ucr 134
Dzendzelivs'kyj J. O. 113, 114, 116, 122, 123, 127, 138, 139
dzida brs, pl 272
dzsida hg 272
džida scr 272
džyda ucr 272

Eckhardt S. 377, 394, 395, 396, 397, 398, 406, 407
Eichenbaum B. 320, 324
Eisner J. 75, 83, 86, 97, 100
Elekes L. 180, 188
Ellis A. Y. 321
Eminescu M. 20, 21
Eötvös J. 183
Eperjessy Á. 224
Erdélyi Gy. 181, 188, 189
Érdujhelyi M. 464
Ernout A. 195
Ernyei J. 173
Estreicher K. 217
eszkába hg 287

faćuk scr 191
Fancev F. 401, 405
fantana rss 270
Faragó L. 464, 465
fasol' rss 120
fasol'a ucr 120, 142
fasola pl 120
fasolja brs 120
fattyú hg 191
Fazekas M. 181
Fedorova N. N. 282
Fehér G. 86, 108, 473
Feist S. 194, 195
Fekete Nagy A. 466
Ferdinándy M. 461
Fettich N. 79, 83, 86, 90, 91, 95, 97, 99, 101
Filippide O. 116
Finály H. 311
Flachbart E. 460
Flajšhans V. 204
floarea-soarelui rm 119
Fogarasi J. 171, 185, 186, 311
Fogarasi M. 270, 271, 280
fogdmeg hg 178
Fónagy I. 329
fontan rss 270
fora, foro rss 280
forgu(v) ucr 118, 141
Fóris A. 467
Franko I. 187
fringia hg 186
Fügedi E. 466

gabona hg 142
Gál I. 460, 462
Gáldi L. 1, 3, 6, 8, 177, 178, 271, 315, 323, 455, 475
Galperin I. R. 325
ganaj, ganéj, gané hg 299
garázda, garázna, garáz hg 285—291
Garázda hg 290
garazdiť slc 290
garbuz pl 124
Gáspár G. 472
Gavrilovič A. 180
Gebauer J. 290, 298, 309, 465
genny hg 295—303
gennyed hg 295
genyéte, genyőte hg 301
gereblye hg 142
geregdyn'a ucr 135, 141
Gerov N. 176, 177, 312
Gerő J. 467, 468
getman rss 268
giermek pl 278
Ginzburg D. G. 317
Glixelli E. 2
gnoj bg, rss, sln 299
Goedeke 147
Gogol' N. V. 456
Gogolák L. 460, 461, 462, 467, 468
Goleniščev-Kutuzov I. N. 25
Gombocz E. 302
Gombocz Z. 273, 282, 312

Gomólka N. 1, 19
gonosz hg 299
gorazdyj rss 289
Gorjajev N. 141
Göllner A. 473
Gönczi F. 466
görögdinnye hg 135
Grammont M. 321
Gregor F. 215, 347
Grekov N. I. 225
grot rss 270
grozan scr 286
grozen bg, sln 286
groznyj rss 285, 286
groźny pl 286
Grünwald B. 466
Gudzij N. 281
gulaş rm 274
gulaš bg, scr 274
guláš bh 274
gul'áš slc 174
gulasz pl 274
guljaš brs, rss, ucr 274
gulyás hg 274
gusar, gusarskij rss 268, 270—1
Gyarmathi S. 303, 312
Györffy I. 173, 184
György J. 461
Gyulai P. 441
gyümölcs hg 295

Habovštiak A. 475
Hadrovics L. 176, 177, 178, 180, 191, 243, 273, 405, 462, 463, 464, 465
Hafner Ph. 244
haiduc rm 177
hajdemák hg 187
hajdú hg 169—191
Hajek 180
Halász M. 468
Hampel J. 79, 80, 83, 86, 87, 100, 103, 104
harácsoló hg 187
harámbasa hg 187
haramia hg 186
harbičovka ucr 126
harbuz brs, pl, rm 124
harbuz, harbudz ucr 142, 143
harbydzy, harbuzy ucr 133
harpučuvka ucr 126
Hary J. 238
Hauptová Z. 274, 475
Hauzenblas K. 475
Hegendorf Ch. 217
Heinrich G. 441
hejnał pl 278
heńati scr 311
Henisch G. 218
henjati scr 301
henye hg 303, 306
henyél hg 303—311
Heyden Sebald 217
Hidy J. 224
hirčycja ucr 137, 141
Hirt H. 196
hnij ucr 299
hnis bh, slc 299
hnít bh 307
hniť slc 307
hnoj slc 299
hnůj bh 299
hnyty ucr 307
Hodinka A. 269, 282, 462, 464, 465, 468, 469
Holub J. 119, 131, 132, 138, 143, 193, 197
horazditi bh 290
horčycja ucr 137
Horger A. 188
Hornyik J. 178, 184, 465
horoch, oroch ucr 119, 141
Horváth J. 400, 409
Horváth M. 175
Horváth S. 462
Horváth T. 79, 86, 87, 90, 92, 94, 95, 96, 97, 101
Hostaš K. 204
hreč'ka ucr 115, 142
Hrinčenko B. D. 123, 135, 139, 140, 141, 143, 278, 281, 312
Hristoforov P. 243
hrozný bh, slc 286
Hrubý V. 75, 79, 81, 82, 84, 85, 92, 94, 103, 105, 106, 108
Hrycak E. 139
hryzačka, hryzučka ucr 135, 142
hryzuči krompl'i ucr 127
Hugo V. 454
husar scr 271
husarz pl 271, 278
huszár hg 188, 191, 271
Hvozdzík J. 291, 312

Ignjatović J. 145
Ila B. 466
Illésházi 188
Ilovajskij D. 23
Implom J. 272
Isačenko A. V. 133
Istvánffy M. 395
Iveković F. 176, 177, 312
Ivić A. 394, 395
Ivić P. 475

jačmin' ucr 114, 141
Jagić V. 403
Jakobson R. 327
Jákói O. 224
Janák V. 471
Jancsó B. 460
Jancsovics I. 176, 177, 293, 312
Jánošík A. 194, 291
jarec slc 114
jarec' ucr 114, 142
jarzec pl 114
Jászi O. 460
Jávorka S. 301
Javorskij Ju. 140

Jóna E. 194, 291
Juga V. 184
Juhász J. 171
Juhász L. 463
Jungmann J. 290, 294, 312

Kaczorowski Z. 224
Kálal M. 114, 116, 119, 128, 134, 137, 143, 282, 312
kalangya hg 142
kalapács hg 142
kalarábé hg 130
Kalina P. 225
Kállay B. 464, 469
Kálmány L. 185
Kalmár J., Frau 224
kal'rabi brs 131
kantár bh, hg, slc 273
kantar brs, scr, ucr 273
kapor hg 142
káposzta hg 130, 142
kapusta ucr 130
kapustripa, kapustaška ucr 129
Karácson I. 177, 186, 189
Karácsonyi J. 178, 182, 462
Karadžić V. 167, 311
kalaraba, kalarab, kararab ucr 130
kalarábé hg 130
karbuz pl 124
Karłowicz J. 143, 176, 177, 289, 308, 312
Kármán M. 441
karpel bh 130
karpel', karpel'e slc 130
karpel'a ucr 142
karpiel pl 130
karpuz bg 124
karpuza scr 124
karpyl', karpyl'a ucr 129
Karskij Je. F. 272, 282
kartoplja ucr 122
kartofel pl 122
kartofel' rss 122
karwasz pl 278
kaskad rss 270
Kassai J. 312
kasza hg 142
kavun ucr 135
kazal hg 142
Kelecsényi J. 382
Kelemen B. 225
keržak rss 277
kemyn'mog ucr 137, 141
kenderica slc 117
kenderyc'a ucr 116, 141
Képes G. 183
Kernbach V. 2, 3
Kerner von Marilaun A. 140
Kertész J. 471, 472
kimin rss 138
kimion, kimen, kim'on, kimjun bg 138
Király P. 203, 475
Kiričenko I. N. 282
Kiss G. 178
Kiss J. 181
Kiss L. 267
Klafaczyński W. 221, 223, 225, 226, 231, 232
Klaniczai T. 377
Kluge F. 176, 177, 282
kmen brs 138
kmin pl, rss 138
kmin', kminok, kmyn ucr 137, 141, 142
kmín bh, slc 138
Kniezsa I. 116, 119, 120, 121, 128, 130, 132, 135, 136, 138, 141, 142, 143, 170, 175, 180, 184, 185, 186, 187, 271, 275, 278, 279, 282, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 292, 299, 302, 303, 312, 459, 460, 461, 467
Kochanowski J. 1—21
Kollár J. 146, 348, 351, 360, 361, 362, 365, 366, 370, 371, 372, 373, 374, 375, 387
kolopn'i, kolon'i ucr 138, 141, 142
kolorab(a) ucr 141
kol'rabi rss, ucr 131
Koltay-Kastner J. 177
Komáromi Z., Frau 224
Komarovič V. L. 23, 24
Kombol M. 393, 404
komin scr 138
Komlósy F. 465
Komoróczy Gy. 471, 472
kompery pl 124
konopli ucr 138
kontari rss 272
Kopečný F. 119, 131, 132, 138, 143, 193, 197
koper ucr 142
kopor slc 137
kopyr' ucr 137
Korek J. 84
korhadt hg 300
korolaba, korolaby, korolab ucr 130, 141
Korolenko V. G. 440
Korompay E. 218
Kosáry D. 460
Kossányi B. 471
Kott F. Š. 294, 312
Kovács A. 467
Kovács E. 243
Kovács Gy. 224
Kovalovszky M. 224
kozák hg 187
kömény(mag) hg 138
köpönyeg hg 186
Kőrösy J. 466
Kralovánszky A. 103
krąple pl 124
Krejci K. 4
Kresznerics F. 312
Kring M. 466
krip ucr 137, 141
kripyc' ucr 137
krompele pl 124
krompil', krompl'i ucr 123, 141
krompir, krumpir scr 124
kromple, krompele, krompele, krumple slc 124

Kronasser H. 199
kropec ucr 137, 142
krumpir, krumple bh 124
krumpli hg 124
krumpil', krumpl'i ucr 123, 141
krup ucr 137
Kryński A. 143, 176, 177, 312
kukurudz ucr 142
kuleška ucr 115, 141
kumač rss 273
kumina sln 138
kumpery pl 124
kumpitera, kumpiteri ucr 123
kuper ucr 137
Kuprin A. I. 267, 273, 274, 281, 282
Kurdybowicz J. 221
Kuročkin V. S. 341
Kuryłowicz J. 194, 196, 197
Kutílek E. 204
kvak(a) ucr 129, 141, 142
kvinok ucr 137

Lajos I. 463
Lajtor L. 461, 462
Lakatos S. 462
l'anča slc 120
Langlade J. 4
lapaj slc 178
lapát hg 142
László Gy. 80, 86, 101, 107, 108, 111
latyš rss 277
Lázár Gy. 469
leća scr 120
leča slv 120
Lechin I. V. 175, 177
Lehoczky T. 469
leicy rss 273
lejce pl 273
lemez hg 142
len hg 142
len, l'on ucr 138, 141, 142
lenč'a ucr 120, 141
lenča slc 120
lencse hg 120, 142
Lengyel B. 435
Lengyel T. 461
Lenin V. I. 432
Leschka St. 285, 303, 312
Leskovac M. 146, 150
lešta bg 120
Levin V. D. 240
Lichačev D. S. 23, 24, 25
Linde S. 225, 278, 282, 312
Littré É. 282
ljašča rss 120
ljustgauz rss 270
Lobmayer I. 463
Lockemann Fr. 325, 329
Loderecker P. 218
Lokotsch K. 137, 140, 143
Łoś J. 8
Lote G. 329
Lukinich I. [E.] 472
Lur'je Ja. S. 268

Machek V. 119, 127, 128, 129, 130, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 143, 195, 196, 282, 288, 290
máglya hg 287
Magyari I. 179
Maiewski E. 312
Majakovskij V. V. 453—5
mak ucr 136, 141
makacs hg 274, 275
Makkai L. 170
Maksay F. 181
mălai rm 116
malaj ucr 142
Málnási E. 472
Málnási Ö. 171
Mályusz E. 461, 466
Marcal J. 220
Marcel Simone 4
Margalits E. 462, 463
marhoripa ucr 127
Marienescu At. 424
Márki S. 182, 465, 469, 470
Markó Á. 466
Marot C. 1, 4
martalóc hg 186, 191
Martinková M. 204
maržača ripa ucr 128
maržačyj burak ucr 128
maržynskyj burak ucr 128
máslás, mászlás hg 273
masljaš rss 273
maślacz pl 273
Mašin J. 204
mášláš slc 274
Mavrodinov N. 79, 80, 86, 87, 90, 97, 105, 106, 108
Meillet A. 195
melaj ucr 116, 142
Melich J. 217, 282, 312, 313, 412, 461, 466, 473
Mel'nikov P. I. [Pečerskij A.] 272, 282
Mel'nyčuk S. 117
Mel'nyk M. 116, 122, 123, 130, 133, 134, 135, 137, 138, 139
Mendelssohn 180
Mészáros I. 224
Meyer G. 176, 177
Mezey L. 199
Miklosich F. 128, 130, 132, 135, 136, 138, 143, 183, 278, 283, 303, 312
Mikola S. [A.] 466
Miladinov K. D. 183
mis'ačnyk ucr 118, 119, 142
Miskolczy Gy. 463
Mišianik J. 377
Mitscha-Märheim H. 107
Mitrák S. 136
Mjasnikov 333
Mladenov S. 114, 115, 119, 128, 131, 133, 134, 136, 138, 143, 176, 282
Mocsonok hg 290

mokačenъ rss 274
Mokoš' rss 274, 275
[Sz.] Molnár A. 293, 312
Molnár I. 169
Mons V. 455
morhoripa ucr 127
Móricz Zs. 412
Morier H. 323
morcov rm 128
morkov bg 128
morkov, morkva ucr 128, 141
morkov', morkva rss 128
morkva brs 128
mrkev bh, slv 128
mrkva scr, slc 128
Mrozówna E. 116
Muka E. 312
Munkácsi B. 291, 293, 303, 304
murok hg 128
Mušicki L. 167
Mycjuk O. 117, 122, 139

nachrap rss 281
Nagy I. 471
Nagy L. 431—5
Nagypál T. 243
Nagy Szeder J. 178
napraforgó hg 119
naproforguv ucr 118
Nechrebecka I. 224
Nejštadt V. I. 446
Nemeskéri J. 83, 95, 99
Németh J. 463
Niederhauser E. 473
Niederle L. 75
Niedźwiedzki W. 143, 176, 177, 312
Nikolić V. 145
Nitsch K. 116
noproforgu(v) ucr 141
Norberg D. 6
Nosz Gy. 468
Novaković St. 180
Nyáry P. 472

Obnorskij S. P. 24, 282
Obradović D. 167
ohirok, ohurok ucr 135, 141
okropyc' ucr 137
okrup ucr 137
Ondruš Š. 199
oranžereja rss 270
Orlay J. 455—7
oroch ucr 119
Országh Hviezdoslav P. 244, 245
Orthmayer [Ortvay] T. 463
Oslay F. 462
Ostojić T. 440—1
oves ucr 114, 141
Ovsjaniko-Kulikovskij D. N. 449

Pačić J. 145—167
pač'ka ucr 139, 140
Pais D. 295
pajkos hg 186
pajzán hg 187
pakocsa hg 291—5
Pakocsa hg 294
palánk hg 186
palaš rss 275
pałasz pl 275, 276
paleš bg 275
Palkovič J. 290
pallos hg 275
pamidor brs 131
Panaitescu P. P. 1
Panit Istrati 412
Panfil'jev G. 116
Pan'kevyč I. 117, 128, 129
pandur hg 187
Pápai Páriz F. 313
paprika hg 132, 142
paprika scr 132
papryga, papryka ucr 132
Papp Gy. 468
paradicsom hg 131, 295
paradička slc 131
paradyčka, paradyš'ka ucr 131, 141
parlag hg 142
Parypa M. 123, 124
pasol'a ucr 120
pastarnak brs 134
pasternak, pastrnák bh 134
pasternak pl, rss 134
pasternak, pastyrnak ucr 142
Pastinszki J. 185, 187
paštrnák slc 134
pasul'a ucr 142
paszkonca hg 142
paszuly hg 121, 142
Patachi L. 169, 170, 182
Pataky V. 82
Pauler Gy. 462, 465, 470
Pauliny E. 348
Paus I. V. 455
Pavel A. 466
Pavlović T. 442
Pavskij V. 443
Pechány A. 146, 177, 466, 467
pečovan'a, pičovan'a ucr 126
pekačka ucr 136, 142
Pekař J. 199
pekučka ucr 136, 142
Perényi J. 457
Peresvetov I. 268, 271, 282
peršun, peršin scr 134
Pesty F. 462, 465
Petranović B. 183
Petrov F. N. 175, 177
petršilj sln 134
petruška rss, ucr 134
petružel' bg 134
petržel bh 134
petržlen sln 134
Péter M. 241, 475
Péterffy L. 470
Petrović M. 440

Pfuhl Chr. Tr. 313
picsóka hg 127
pičovka ucr 126
pietruszka pl 134
Pišely A. 204
Pisztora J. 191
Podhradszky Gy. 467, 469
Pogány S. 224
pohánka bh 116
pomidor pl, rss 131
pomidor(a) ucr 131
Pleteršnik M. 303, 304, 313
Pokorny J. 194, 195, 196
Pokrovskij A. M. 96
pokoušeti bh 294
pokusiti bh 294
pokúšať slc 194
Pompiliu M. 425
Ponori Thewrewk J. 295
poper, poper' ucr 132
Popović D. J. 170, 171, 177, 180, 181, 184, 186, 412, 414
popryga ucr 132
Pór A. 471
portyázó hg 186
posielať, poslať slc 193
poshadt hg 300
poson'ačnyk ucr 118
Potebnja A. A. 444
Póth I. 145, 441
Poulík J. 75, 76, 81, 82, 84, 85, 94, 106
Preidel H. 75
Preobraženskij A. G. 132, 133, 134, 143, 193, 197, 267, 268, 269, 271, 273, 277, 278, 280, 281, 282
pribék hg 186, 191
proconcvit ucr 118
Prokopy I. 464, 466
proso ucr 115, 141
proson'ačnyk ucr 118
prósza hg 142
pšenic'a ucr 115, 141
pšono ucr 115
Puşcariu S. 1, 2

Radičević B. 146, 167
Radović J. 180
Radspieler E. A. 176
Raskin A. G. 282
Rátz K. 460, 468, 469
red'ka, red'kov ucr 129, 141
red'kev slc 129
Reizner J. 178, 182
repa slc 123
répa hg 142
Repajev A. 116
repce hg 142
Rešetar M. 170, 177, 403
retek hg 142
Réthei Prikkel M. 173, 174, 175
Reychman J. 169, 170, 176, 177
ripa ucr 123, 127, 141, 143
ripak ucr 129

Rippl E. 204
Rojzenzon L. I. 211
Roller M. 415
Rónai A. 460
Rosen G. 170, 182
rothadt hg 300
Rozanov I. N. 453
Rozwadowska M. F. 225
rozs hg 142
ruiny rss 270
Russu L. 329
Ruttkay L. 467
Ružička J. 193, 475
rzodkiew pl 129
ředkev bh 129

Sacharov I. 23
Sadoveanu M. 412
Şăineanu C. 116, 119, 143
Šajó A. 470
sajtałasz pl 278
sajtolás hg 279
salat(a) ucr 131
saláta hg 131
saler pl 134
Sándor I. 313
Saran Fr. 321
Sárkány O. 468
Sauvageot A. 225
Schmidt Gy., Frau 224
Schránil J. 75
sel'derej, sel'dereja rss 134
seler(a) pl 134
Severa, Severskije gorody rss 276
sevrjuk, sevruk rss 276
Sillye G. 171
Simai K. 313
Simonyi D. 110
Simonyi J. 290, 296
Simonyi Zs. 304, 313
Sinkovics I. 169
síp hg 278
sipeť rss 277
sipoš(a) rss 277—9
sipošnik rss 277—9
siposz pl 278
sipovka rss 277
Skerlić J. 146
Skripecz S. 224
slanečnik brs 118
Sławski F. 120, 124, 127, 133, 143, 270, 271, 272, 273, 283
slnečnica, slnečnik slc 118
slonečnik slc 119
slonecznik pl 118
sloničnyk ucr 118, 142
slovačka rss 279
slovackij rss 279
Slovák, Sloviák slc 279
slovak, slovjak rss 279
Slovakija rss 279
Slovenka slc 279
slovenský slc 279

słowacki pl 279
Słowaczka pl 279
Słowak pl 279
slunečnice, slunečník bh 118
sluníčnyk ucr 141
Słuszkiewicz E. 273, 274
slъnčogledъ bg 119
Smirnov N. 272, 282
Sobolevskij A. I. 447
soja, sojvobob ucr 122
son'ačnyk ucr 118, 142
son'ašnyk ucr 142
Soó R. 301
sovja ucr 141
Sőtér I. 244
spasibo rss 275
Specht F. 196
spenót hg 131
Spicer M. 177
Spyšnov P. A. 269, 270, 282
Sreznevskij I. I. 23, 24, 132, 133, 143, 274, 282, 309, 313
statuja rss 270
Stanislav J. 283
Stonojević S. 145
Steier L. 467
Stender-Petersen A. 289
Strausz A. 183, 465
student rss 279
Strypski H. 218
suncogled, suncokret scr 118
Sylvester J. 217
syn'a paradyčka ucr 132
syri byl'i ucr 127
Sváby F. 472
svekla rss 127
Svešnikova E. 326
Szabliński W. 219, 221
Szabó E. 436—440, 460
Szabó D. 238
Szabó I. 172, 173, 184, 461, 468
Szabó M. 177
Szabó M. 178
Szabó M. 450
Szabó O. 468
Szabó Z. 467
Szabolcsi B. 283, 404
Szádeczky L. 472
Szádeczky-Kardoss L. 470, 471
Szalay L. 464
szalma hg 142
Szamosközi I. 187
Szamota I. 313
Szamuely N. 331
Szarvas G. 313
Szegedy R. 463
Szekfü Gy. 459, 460, 461
Székely G. 180
Székely T., Frau 243
Szekrényessy K. 461
Szél F. 393
széna hg 142
Szentirmai I. 181
Szerémi Gy. 172, 174
Szeremley S. 186
Sziklay L. 243, 244, 245, 468
Szilády Á. 313
Szilády Z. 473
Szilágyi S. 470, 472
Szily E. 223
Szily K. 313
Szinnyei J. 127, 128, 130, 138, 142, 312
Szirmai O. 224
Szober St. 225
szója hg 122
szory pl 273
Szőke B. 75, 99, 100, 102, 103
szyposz pl 278, 279
Šachmatov A. A. 443, 446
Šafarik O. 96
Šafařik J. P. 145, 148
šalát slc 131
šalata ucr 131, 141, 142
šarap, šerap rss 280, 281
šarpat' rss 281
Ščerba L. V. 318, 319, 320, 323, 324, 326, 329, 445
Šembera 290
š'esnok ucr 133
šipuš scr 278
Šišić F. 394
Šižgorić J. 402
šory rss 273
špinat rss 131
špinat, špynat, špenat, špenot, špynata ucr 131
Štefanić Vj. 403
Štokmar M. 315, 323, 324, 326, 328, 453—5
Štrekelj K. 406
Šuchevyč V. 143
šypoš ucr 278, 279

tabak bh, pl, rss, slc, sln 140
tabaka pl 140
tabaka ucr 139, 142
Tagányi K. 292, 472
Takáts S. 171, 173, 184, 186, 188, 472
talló-répa hg 128
talov, talovo, talog scr 302
talovín bh 302
talovnik scr 302
táragy-gyöker hg 302
Tardy L. 355—7
Tarczay E. 462
Tárczy K. 470
Tarján Ö. 468
tătarcă rm 116
tatárka hg 116
tatarka, taterka pl 116
tatarka ucr 115
tatarka rss, slc 116
tenderycja ucr 117
tengerica slc 117
tengeryc'a ucr 116, 117, 141, 142
tęgierzyca pl 117

Teodorescu G. D. 183
Tereško L. S. 117
Teuchman St. 223
Tewfik Ahsan 176, 185
Thallóczy L. 461, 462, 463, 464, 465, 471, 473
Thienemann T. 225
Thim J. 184, 463, 465
Thim L. 464
Tholnai M. 178
Tichonravov N. S. 340
Tiktin H. 177
Timofejev L. I. 315, 316, 453
timon rss 138
tjutjun bg, rss 140
tjutjun ucr 139
tobak sln 140
Todorov N. 170, 177
tolovripa ucr 128, 141
Tolstoj L. N. 440
Tomaševskij B. V. 453
Tomcsányi J. 471
Tomić J. 189
Tóth A. 283
Tóth Gy. 472
Tóth-Szabó P. 468
tmin rss 138
tmin, tmyn ucr 138
tök hg 142
Török Gy. 103, 104
trádor hg 272
Trautmann R. 194, 195, 196
Trávníček Fr. 204
Tret'jakov P. N. 106
Trócsányi Z. 170
Turgenev I. S. 431—5
turkyn'a ucr 126
tutun rm, scr 140
Tymčenko E. 141
Tynjanov Ju. 328
tytoń, tytuń pl 140

uborka, ugorka hg 135, 142
ukropyc' ucr 137
Unbegaun B. O. 316, 326, 449, 453
Undol'skij V. M. 23
Úrhegyi E. 285
Ušakov D. N. 270, 280, 282

Váczi P. 460
Vaillant A. 196
Vájlok S. 467, 468
Vámbéry Á. 184
Vaňa Z. 97
Vargyas L. 399
Varjas B. 397
Varsányi I. 224, 238
Vaska G. 466
Vasmer M. 130, 141, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 276, 278, 280, 281, 283, 299, 313
Vážný V. 123, 124
Verancsics F. 173, 218, 295
Verchrats'kyj I. 115, 117, 143
Verseghy F. 295, 297, 298
vice- rss 269
vic'kyj rss 269
Vidak Ž. 169
Vinogradov V. V. 209, 210, 239, 240, 331, 333, 443
Vinski Z. 104
Virányi E. 177
Vitkovics M. 150
Vitner I. 2
vkropyc' ucr 137
vodoboj rss 270
vodokid' rss 270
vodomet rss 270
vodovažda rss 270
vody vzvodnyje rss 269
vohurok ucr 135
Vondrák W. 193, 277, 278, 283, 298
Vorovskij V. V. 331—345
Vostokov A. Ch. 443
Vörösmarty M. 329
v'sjamookač'nyj, v'sjamokač'nyj rss 274
Vujić J. 145
Vujičić D. St. 244, 393, 442
Vuković J. 289
Vyšeslavceva S. 327

Wackernagel I. 196
Wagner F. 313, 467
Waldapfel J. 244, 407
Walde A. 194, 195, 196
Wenczel G. 172, 470
Wertner M. 461
Wichmann Y. 312

zamožnyj rss 268
Zaorálek J. 204
Zaręba A. 176, 278
zbruja pl 268
zelenec ucr 139, 140
zeler slc 134
zeller hg, ucr 134
Zolnai B. 169, 174, 176
Zolnai Gy. 313
Zoranić P. 402
Zöldhelyi Zs. 440
Zsilinszky M. 466
Zsirkó J. 472
Zubryc'kyj M. 123
Želechivs'kyj Je. 115, 120, 135, 139, 143
Žinkin I. I. 329
Žirmunskij V. M. 315, 321, 322, 323, 327, 453
žovta dyn'a ucr 135
Žukovskij P. M. 120, 132
žyto ucr 113, 141

Un grand disciple roumain de J. Kochanowski: le métropolite Dosithée

— Contribution à l'histoire de l'ancien vers roumain —

L. Gáldi

1. L'histoire de la poésie d'art commence chez les Roumains par une oeuvre remarquable : le psautier en vers (Psaltirea, Uniev, 1673) de Dosithée (en roumain : Dosoftei), métropolite de Moldavie (1624—1694). Comme il est depuis longtemps connu,[1] la paraphrase roumaine des Psaumes avait pour modèle la célèbre traduction polonaise de J. Kochanowski (Psalterz Dawidów, 1579), mise en musique par N. Gomólka (1580). Inutile de dire que ces deux paraphrases, la polonaise et la roumaine, représentent les étapes successives d'un grand courant littéraire européen qui, suivant l'exemple de Clément Marot et de Buchanan, avait pour but de rendre accessible, au moyen des systèmes de versification les plus divers, le charme poétique des Psaumes à l'homme de la Renaissance et de l'âge baroque. Dans ce grand processus les deux chaînons que nous nous proposons d'examiner, à savoir les psautiers versifiés de Kochanowski et de son disciple roumain, méritent d'autant plus notre attention que les rapports qu'il y a entre eux au point de vue de la versification n'ont pas encore été éclaircis d'une manière définitive. Malgré la préface de I. Bianu (à laquelle nous aurons à renvoyer bien des fois) et les réflexions sommaires de N. Apostolescou, spécialiste isolé et même un peu oublié de l'ancienne versification roumaine,[2] les manuels modernes se contredisent à cet égard à tel point qu'il nous paraît nécessaire de signaler au moins quelques-unes de ces vues contradictoires. En 1930 S. Puşcariu a formulé son opinion d'une manière trop catégorique en affirmant que Dosithée avait adopté «à peu près toutes les formes de versification, la longueur des vers, leur groupement en strophes et même une certaine qualité de la rime» [c'est-à-dire la rime obligatoirement féminine ou paroxytone de la poésie polonaise]. Malgré cette étroite dépendance vis-à-vis de ses modèles

[1] Le point de départ de toutes les recherches est l'introduction de I. Bianu à son édition critique de la Psaltirea (Buc. 1886, p. V—LVI ; sur l'influence de J. Kochanowski : ibid. p. XXVII—XXXI). Des mêmes années (1671—3) date aussi le poème philosophique du chroniqueur moldave Miron Costin, «La vie du monde» (Viiaţa lumii), v. l'édition critique de P. P. Panaitescou : Miron Costin : Opere. Buc. 1958, 318—324. Ce poème, avec ses vers de 13 (ou 14) syllabes, reflète également l'influence de la versification polonaise, v. Panaitescou o. c. 434.

[2] Cf. son étude sur L'ancienne versification roumaine (XVIIe et XVIIIe siècles). Paris 1909, 44—9.

polonais, Dosithée aurait, selon Puşcariu, subi aussi l'influence de la poésie populaire «qu'il connaissait certainement et qu'il semble avoir voulu imiter».[3]

Dix ans plus tard G. Călinescou, dans sa monumentale Histoire de la littérature roumaine a abordé le problème d'un autre point de vue. Après avoir fait l'éloge du style de Dosithée et surtout de ce qu'il appelle, à propos de cet écrivain, «matérialité verbale suggérant des tristesses abstraites», il souligne que le mérite du métropolite, malgré certaines gaucheries inhérentes à ses tentatives de pionnier, consiste dans le fait d'avoir essayé «une série de registres du vers roumain, d'une étendue variant de 6 à 16 syllabes».[4] Dans la grande synthèse de Călinescou le rôle de Kochanowski est à peine mentionné («luînd pildă dela polonul J. K.», p. 53) ce qui, bien entendu, contribue peu à éclaircir les relations des deux systèmes de versification, le polonais et le roumain.

Plus importantes sont les déclarations de N. Cartojan, formulées peu après la parution de l'ouvrage de Călinescou. A son avis, «nous retrouvons chez Dosithée la rythmique [plus exactement: la métrique] employée par le poète polonais : les vers sont de la même longueur et se terminent toujours par des rimes plates féminines (*aa*). Néanmoins, Dosithée n'emprunta à son modèle que les formes de versification ; dans les détails, la mesure de ses vers ne correspond pas à celle des vers de Kochanowski».[5]

Il nous est pénible de constater qu'après les observations justes, mais malheureusement très sommaires de N. Cartojan, quelques travaux plus récents ne marquent aucun progrès. Abstraction faite des recherches de E. Cioban sur les vers polonais du métropolite roumain,[6] nous ne voudrions encore mentionner que deux opinions. Le nouveau manuel d'histoire de la littérature roumaine, tout en reconnaissant par une phrase très laconique le rôle d'intermédiaire du psautier de Kochanowski, ajoute aussitôt, dans l'esprit de l'appréciation de Puşcariu (v. plus haut), que Dosithée fut «puternic influenţat de versificaţia poeziei populare».[7] Il est évident que dans ces conditions même le sens du mot «modèle» reste douteux ; le lecteur non averti pourrait bien avoir l'impression que Dosithée ne doit à son «modèle» que l'idée de rédiger son psautier roumain en v e r s et non en p r o s e.

Rappelons encore l'étude, illustrée d'une série de bonnes citations, de V. Kernbach où nous lisons les réflexions suivantes :

[3] Voir : Istoria literaturii romîne. Epoca veche. Sibiiu 1930, 124.

[4] Istcria literaturii romîne. Buc. 1940, 55.

[5] N. Cartojan Istoria literaturii romîne vechi. Buc. 1942, 119. Il est à remarquer que pour juger ces manières de paraphraser les Psaumes, Cartojan mettait à profit les remarques de E. Glixelli, ancien doyen de l'Université de Wilno; on peut soupçonner les suggestions du même informateur quant aux diverses particularités de la versification. Plusieurs idées ont été empruntées à la préface de Bianu.

[6] Cf. Versuri poloneze necunoscute în opera Mitropolitului Moldovei Dosoftei. Extrait des Mélanges Drouhet. Buc. 1940.

[7] Istoria literaturii romîne . . . Redactat de Acad. G. Călinescu, Prof. univ. I. Vitner, Conf. univ. Ov. S. Crohmălniceanu. Buc. 1954, 1 : 29.

«Comment Dosithée eut-il l'idée de mettre en vers les psaumes? L'ambition d'imiter Jan Kochanowski, ce vieux poète connu aussi comme traducteur polonais du psautier (1577), ou le besoin de doter l'Eglise du pays d'un psautier en vers serait une explication bien naïve. Un vrai artiste ne crée pas pour la simple raison d'avoir appris qu'il y en a aussi d'autres à s'occuper de l'art ou avec l'ambition de doter de son oeuvre une certaine institution ; ce que le pousse à la création, c'est la nécessité intérieure de peindre et d'interpréter, par ses moyens d'artiste, la réalité qui nous entoure ; ce qui l'oblige à créer, ce sont ses idées et ses sentiments. Il serait d'ailleurs bien difficile d'imaginer le besoin, souvent supposé, de doter l'église orthodoxe d'un psautier en vers. Il va sans dire que Dosithée connaissait les psaumes traduits par Jan Kochanowski et que, d a n s u n e f a i b l e m e s u r e [!], il était influencé par leur technique. De même il est fort possible que le poète regrettât l'absence de la poésie d'art de la littérature à peine naissante des Roumains ; vu ses hautes fonctions ecclésiastiques, il était bien naturel qu'il essayât de combler cette lacune précisément par les psaumes. Néanmoins il est beaucoup plus logique de supposer qu'il s'agit tout simplement du besoin d'un poète de créer, c'est-à-dire de révéler ses pensées et ses sentiments au moyen d'images poétiques».[8]

2. Les réflexions de V. Kernbach, malgré ce qu'elles contiennent d'anachronique, peuvent bien nous servir de point de départ : nous sommes d'accord avec lui et ses prédécesseurs, de Puşcariu à Cartojan, pour considérer Dosithée comme un poète conscient de ses buts qui, selon toute probabilité, visait à la même gloire que Kochanowski : doter la poésie de sa nation d'une versification riche et variée.[9] Cette intention n'était point incompatible avec les hautes fonctions de Dosithée : ayant déjà auparavant achevé une traduction en prose des Psaumes sur la base d'un psautier slavon commenté,[10] il s'en tenait, par l'intermédiaire de ce texte, aux traditions de l'Eglise ortho-

[8] V. l'étude Un poet uitat : Dosoftei (Un poète oublié : D.), dans le volume Limbă şi Literatură. Buc. 1955, 147.

[9] Sur cet aspect du rôle de Kochanowski dans l'histoire du vers cf. l'étude de K. Budzyk, Jan Kochanowski — twórca wersyfikacji narodowej. Studia z zakresu nauk pomocniczych i historii literatury polskiej. Wroclaw 1956, 159—270. — Sur les intentations analogues de Dosithée cf. Bianu o. c. XXVI.

[10] Les traces de ce psautier commenté se sont conservées dans le texte roumain des ps. 29/28 et 87/86 où la paraphrase en vers est encore suivie d'un commentaire en prose ; sur les sources possibles de ce commentaire v. L. Gáldi, Le psautier commenté du métropolite Dosithée. Byzantinoslavica 1949 : 219—28. Rappelons encore que le numérotage des psaumes roumains ne correspond pas exactement à celui des psaumes polonais ; aux ps. 9 et 10 de Kochanowski correspond le 9e ps. de Dosithée, aux ps. 114—5 le 113e ps. roumain et au 116e ps. polonais les ps. roumains 114—5. Le ps. 147 donna également naissance à deux ps. roumains, notamment aux ps. 146 et 147. A cause de ces divergences, nous signalons, dans la plupart des cas, deux numéros : le premier renvoie au psautier polonais, le second au psautier roumain. Les versets latins initiaux sont dans certains cas donnés d'après les indications analogues du psautier de Kochanowski.

doxe ; ce qu'il empruntait à Kochanowski, c'est-à-dire à un poète catholique (inspiré par une série d'auteurs protestants, de Marot à Buchanan!)[11] c'était exclusivement l'idée de rédiger sa paraphrase en vers dans des formes semblables aux mètres et aux strophes les plus connues de la poésie polonaise de l'époque. A notre avis, aussi bien Kochanowski que Dosithée représentent déjà le souffle de la contre-réformation : vivement impressionnés par la popularité des Psaumes en vers dans les églises protestantes, les catholiques et même les orthodoxes devaient quasi nécessairement tenter de contrebalancer la propagande religieuse de la Réforme par ses propres moyens et de mettre, eux aussi, entre les mains des fidèles un remaniement approprié de la partie la plus populaire de l'Ancien Testament. Reste à préciser dans quelle mesure il y a des correspondances précises entre les formes adoptées par Kochanowski et celles que nous trouvons dans le psautier roumain.

3. Avant d'entrer dans les détails, il convient de dire que précisément à l'époque où J. Kochanowski déploya son activité, la versification polonaise a subi des modifications nullement négligeables. C'est l'époque où les anciennes libertés de la plupart des mètres jusque-là anisosyllabiques[12] disparaissent pour céder la place à un principe isosyllabique très rigoureux. La base même de la versification polonaise sera désormais le nombre fixe des syllabes ; c'est donc un schéma établi par le syllabisme qui se combinera avec les autres éléments constitutifs du vers, notamment avec la disposition des césures et la chute caractéristique du rythme aussi bien à la césure qu'en fin de vers. Conformément au système d'accentuation de la langue polonaise, les clausules féminines prédominent ; certaines combinaisons syntaxiques à accent proparoxytone mises à part (p. ex. «Zdradzon, jęt i wydan jest | ludu żydowskiemu»),[13] un ictus obligatoire tombait sur l'avant-dernière syllabe des hémistiches et des vers. Il en résulta nécessairement un certain flottement du rythme au début de chaque hémistiche et, d'une manière générale, à l'intérieur du vers ; toutefois le triomphe du principe syllabique, c'est-à-dire l'isosyllabie a aussitôt

[11] Sur les sources et les modèles du Psautier polonais v. surtout J. Langlade, Jan Kochanowski, le penseur, le poète lyrique. Paris 1932. — D'après Simone Marcel (Histoire de la littérature polonaise. Paris 1957, 148), «avant d'entreprendre *Les Psaumes* le poète [Kochanowski] avait étudié les traductions antérieures, notamment celles de Hess (1527), de Buchanan et de Clément Marot. Il s'appuie sur la traduction latine de *Sanctes Pagnino*, et la populaire paraphrase de Van den Campen, éditée à Cracovie en 1532. Il s'inspire de Hess, de Flaminio, de Buchanan, de Marot, de Bèze, Trzecieski, Rej et Jacques de Lublin». Selon Karel Krejci (Geschichte der polnischen Literatur. Halle 1948, 64) «als Ausgang seiner Bearbeitung benützte der polnische Dichter nicht direkt den biblischen Text, sondern die dichterische Paraphrase des schottischen Protestanten Buchanan».

[12] Un excellent exemple du long vers anisosyllabique (1461) ayant une césure à peu près au milieu du vers (7,7; 6,6; 7,6; 6,7 etc.) a été cité par M. Dłuszka, Studia z historii i teorii wersyfikacji polskiej. Kraków 1948, 1 : 18—9. Un écho roumain de la métrique polonaise anisosyllabique est représenté par le poème de Miron Costin «Viiața lumii» (La vie du monde), cf. note 1.

[13] Cité par M. Dłuszka o. c. 1 : 12.

eu pour conséquence un enrichissement très considérable des mètres poétiques.[14] Dosithée se fit donc l'héritier d'une versification déjà perfectionnée ; pour l'adapter à la poésie roumaine, il devait se prescrire, pour ainsi dire, dans chaque cas le schéma à suivre. D'où ses indications métriques, déjà suffisamment décrites par Bianu ;[15] retenons-en le fait que Dosithée se sert d'habitude du terme de «slovenitură» (ou «strună, coardă») pour désigner la syllabe. Le décasyllabe du ps. 1 peut donc être décrit comme un mètre «în dziace slovenituri». En d'autres cas, Dosithée groupe par deux les «slovenituri» : pour indiquer la forme du ps. 19/18 il se contente de dire : «5 părechi» (5 paires de syllabes) ce qui, selon Bianu, correspondrait au schéma

ó o | ó o | ó o | ó o | ó o[16]

Dans quelques cas (v. le ps. 31) Dosithée groupe par quatre les syllabes de son dodécasyllabe («în 12, împărţite în 3») ce qui revient à dire qu'il pensait au schéma suivant :

o o o o | o o o o | o o o o

Rappelons encore la manière dont il décrit les vers de 16 syllabes du ps. 33 ; dans ce cas nous lisons : «în 2 cetverodvoiţe». Il en résulte qu'une unité de deux syllabes était pour Dosithée une «dvoiţă» ou «păreche»; sa «cetverodvoiţă» était incontestablement l'hémistiche de 8 syllabes (2 × 4). Comme nous voyons, même les termes de métrique attestent l'origine slave de ces formes d'importation ; nous devons quand même répéter avec Bianu (o. c. XXX) que Dosithée lui-même n'a fait a u c u n e m e n t i o n du modèle (ou des modèles)[17] qu'il se proposait de suivre en matière de versification.

4. Comment, par quels moyens Dosithée a-t-il adapté à sa langue la technique du vers polonais? Pour avoir une idée de ce processus, examinons les psaumes roumains conçus dans les mêmes mètres que leurs modèles polonais. Ce groupe est représenté par une quinzaine de psaumes ; sur la base des mètres communs on peut les répartir dans les catégories suivantes :

A) L'octosyllabe. — Dans 8 cas l'octosyllabe de Kochanowski, auquel M. Budzyk cherche à attribuer une origine populaire,[18] est rendu par un vers analogue en roumain. Ces concordances ne sont que trop naturelles, l'octosyllabe trochaïque étant la base même de la versification populaire roumaine.[19]

[14] Cf. l'opinion de Budzyk : «Wprowadzenie sylabizmu ścisłego niemal automatycznie wzbogaciło warsztat artystyczny poezji» (o. c. 177). — [15] O. cit. p. XVI sg.

[16] Sauf la syllabe pénultième, ces accents (ou ictus) ont, bien entendu, une existence tout à fait hypothétique.

[17] Nous renvoyons par là à notre conclusion **(9.)**.

[18] O. c. 190. Sur l'octosyllabe polonais du XVe siècle qui peut bien être aussi d'origine latine v. M. Dłuszka o. c. 1 : 67, 96 ss.; 103 ss. 2 : 5 — 6 ; sur le ps. 14, écrit en octosyllabes : ibid. 2 : 8 — 10.

[19] Dans un recueil récent comme «200 cîntece si doine», publié par l'Institut de Folklore (Buc., s. d. [1954]). env. 90 p. c. des chansons sont conçues en octosyllabes.

Rappelons comme cas typique le parallèle offert par les quatrains du ps. 5 :

Prsypuść, Panie, w uszy swoje
Słowa i wołanie moje ;
Wysłuchaj mój głos płaczliwy,
Królu i Boże prawdziwy!

Slobodzi, Doamne, 'n urechi sfinte
Graiuri cu jiale cuvinte,
Şi mi-ascultă mişea rugă
La greu, ce-Ţ[i] sînt a Ta slugă.[20]

Des concordances analogues sont représentées par les ps. 82/81, 90/89, 96/95, 98/97, 112/11, 117/116 et 142/141 ; dans plusieurs cas la conservation du mètre semble avoir été dictée par les sentiments à exprimer. Plusieurs psaumes qui appartiennent à cette catégorie sont plutôt des chorales destinées à révéler la joie du peuple (cf. ps. 96 et 98 : «Cantate Domino canticum novum»; 117 : «Laudate Dominum omnes gentes»).[21] Pour prouver la justesse de cette thèse, il suffit de citer la première strophe du ps. 117/116 :

Wszelki naród, wszelkie plemię,
Coście w krąg obsiedli ziemię,
Pana z chęcią wyznawyjcie,
Jemu cześć i chwałę dajcie.

Lăudaţî-l toţi pre Domnul,
Păgînii toţi şi tot omul,
Că şi-au pus mila cea mare
Preste noi cu aşedzare.

Dans un certain nombre d'octosyllabes roumains prévaut la césure médiane (4,4) ; particulièrement mélodieux sont les vers où l'accent met en relief la 3e et la 7e syllabes (type : Cu cîm*pi*a depre*u*nă, ps. 98/97, v. 44). Par suite de cette répartition des accents, les ditrochées de Dosithée se transforment souvent en péon (∪ ∪ ⏑ ∪), conformément aux tendances générales de la poésie populaire roumaine.[22]

B) Le décasyllabe. — Pour attester l'emprunt du décasyllabe polonais à césure médiane (vers comparable au «quinario doppio» des Italiens)[23] nous

[20] Les textes polonais sont cités d'après l'édition moderne des oeuvres de J. Kochanowski : Dzieła polskie. 1955, II ; pour le texte roumain nous nous sommes servi de l'édition déjà citée de Bianu, mais nous en avons rajeuni l'orthographe tout en conservant, dans la mesure du possible, la notation des particularités phonétiques.

[21] Sur l'expressivité de la structure du vers chez Kochanowski v. les judicieuses remarques de M. Dłuszka o. c. 1 : 224.

[22] Sur cette particularité de l'octosyllabe populaire roumain v. L. Gáldi, Le mètre et le rythme. Études Hongroises 1935 : 77—8 ; *idem*, Le origini italo-greche della versificazione rumena. Roma 1939, 10. — Dans les octosyllabes analysés, au point de vue du rythme, par M. Dłuszka on ne constate rien de pareil, cf. o. c. 2 : 8—10, 34.

[23] Sur la diffusion de ce mètre dans la versification populaire des Slaves v. Budzyk o. c. 184, 189 ; v. aussi M. Dłuszka o. c. 1 : 49. — Sur le décasyllabe à césure médiane dans la poésie latine médiévale v. dernièrement D. Norberg ; Introduction à l'étude de la versification latine médiévale. Stockholm, s. d. [1958], 147 ; A. Burger, Recherches sur la structure et l'origine des vers romans. Genève—Paris 1957, 122 ss.

n'avons qu'à renvoyer au ps. 17/16 («Exaudi, Domine, iustitiam meam«) : aux vers «Płacz sprawiedliwy | i skargę moję — Przypuść przed świętą | oblicznoś̀ć swoję» Dosithée répond par les accents pathétiques de son décasyllabe de la même facture : «Ascultă-mi Doamne, | de dereptate — Şi de făgadă | la greutate». Le nombre des syllabes reste le même aussi dans le ps. 72/71 («Daj swe baczenie, | Boże, królowi»), mais dans ce cas les décasyllabes à césure médiane du modèle polonais se transforment en roumain en décasyllabes du type 6,4 ou 4,6, cf. v. 1 : «Doamne, dă-ţi giudeţul | la-mpăratul»; v. 7 : «Pacea-n lume | ca munţii să crească».[24] Dans le ps. 100/99 la césure médiane n'est pas respectée non plus. Aurions-nous affaire à un décasyllabe que Dosithée partageait en trois (4, 4, 2)? Malgré le témoignage de certains vers bien rythmés (cf. v. 12 : «Că-i bun Domnul | şi slăvit în | lume») la question ne peut être tranchée avec certitude. L'original polonais représente le rythme 4,6 («Wszyscy, którzy | po ziemi chodzicie»,[25] cf. aussi le ps. 127/126).

C) Le dodécasyllabe. — Dans ce cas il est nécessaire de distinguer, malgré l'identité du nombre des syllabes, deux mètres différents.

a) Le dodécasyllabe à césure médiane. — Comme il ressort du ps. 20/19, on rencontre chez Kochanowski un dodécasyllabe à césure médiane (6,6), largement représenté aussi par la poésie populaire des Slaves,[26] mais complètement étranger à la poésie populaire roumaine. Le ps. 20/19 commence par les vers suivants :

Wsiadaj z dobrym serce, o królu cnotliwy,
I w dobrą godzinę na swój koń chętliwy . . .

Domnul să te-asculte-n | dzî de greutate
Să te sprejiniască-n- | tr-a sa bunătate.

Il est curieux de noter que les hémistiches de Dosithée ont souvent le rythme amphibrachique ∪ – ∪ ∪ – ∪, cf. v. 19—21 : Audzi-va Domnul | din *sfînt*a lui *sla*vă — A *lui* rugă*min*te | fără de zăbavă — Dîndu-i biruinţă | la *loc* de năv*a*lă — Cu *sfînt*a-şi di*reap*tă | fără de zmintealâ». Lorsque deux hémistiches de ce genre s'unissent en un vers, on aboutit à la variante rythmique ∪ – ∪ ∪ – ∪ | ∪ – ∪ ∪ – ∪, comparable au «verso de arte mayor» de la poésie espagnole ou au «senario doppio» des Italiens. Nous aurons encore souvent l'occasion de signaler la préférence de ce rythme de la part de Dosithée. Pour expliquer la genèse de cette réalisation, on peut penser aussi bien à l'influence

[24] Sur les décasyllabes mixtes en polonais cf. M. Dłuszka o. c. 1 : 70.

[25] Sur les décasyllabes du type 4, 6 cf. M. Dłuszka o. c. 1 : 59, 62—3, 159 ; 2 : 9, etc. — Sur un ps. de Kochanowski (76) écrit dans ce mètre : ibid. 2 : 10. Le second hémistiche du décasyllabe à césure médiane présente souvent en polonais la réalisation rythmique ∪ – ∪ ∪ – ∪ (cf. «Możnym królom | i światu panuje»).

[26] Budzyk o. c. 184. — Sur le rythme du ps. 51, écrit en dodécasyllabes du type 6,6 v. M. Dłuszka o. c. 2 : 14.

de l'hexasyllabe populaire roumain[27] qu'à celle de certains hémistiches du dodécasyllabe polonais.[28]

b) Le dodécasyllabe du type 7,5. — L'autre variété (peut-être d'origine populaire)[29] du dodécasyllabe est la vers où la coupe se trouve après la 7e syllabe. L'emprunt de ce vers est attesté par le ps. 77/76 («Voce mea ad Dominum clamavi») :

Pana ja wzywać będę, | dokądem żywy,
A On w uszy swe przyjmie | mój głos płaczliwy.

Am strigat cu glasul mieu, | Dumnedzău sfinte,
Şi mă rog să-mi înţălegi | de rugăminte.

Le reste de l'adaptation roumaine ne respecte pas ce mètre d'une manière absolument conséquente ; dans plusieurs vers (cf. v. 10 : «Lăsînd somnul | şi odihna, | stînd în cuget») on reconnaît l'écho d'un autre mètre polonais, à savoir de dodécasyllabe du type 4,4,4.[30] Il n'est pas sans intérêt de rappeler que le dodécasyllabe du type 4,4,4 n'est pas attesté par le psautier de Kochanowski.

D) Le vers de 13 syllabes. — Un de faits les plus significatifs est incontestablement le passage de ce célèbre vers polonais que M. Dłuszka cherche à ramener au mètre de l'hymne latin «Patris sapientia, veritas divina»[31] et Budzyk, à des analogies populaires serbes, polonaises, ukrainiennes et russes.[32] En roumain le premier hémistiche du vers de 13 syllabes présente souvent un rythme «ïambique» quasi involontaire et le second, un rythme manifestement trochaïque[33] ce qui s'explique par le jeu du nombre des syllabes et des cadences exclusivement féminines. L'adaptation du mètre peut être saisie sur le vif dans le cas du ps. 6 («Domine, ne in furore Tuo arguas me») :

Czasu gniewu i czasu | swej zapalczywości
Nie racz mię, Panie, karać z moich wszeteczności ..

Să nu mă-nfruntedzi, Doamne, | la *ceas* de mî*nie*,
Cînd îmi vei lua sama | cu a ta urgie.

[27] Cf. les vers du type «De *eşti* năzdrăvană» dans la ballade «Mioriţa», etc., v. Gáldi, Origini ... 13.

[28] V. l'analyse du ps. 102 de Kochanowski (M. Dłuszka o. c. 2 : 14—5) où abondent les hémistiches du type $\upsilon - \upsilon\,\upsilon - \upsilon$: «Prze ciężkie wzdychanie» etc.

[29] Cf. Budzyk o. c. 189. — Un ancien exemple est signalé par M. Dłuszka o. c. 1:49.

[30] Cf. à ce sujet le commentaire de Budzyk (o. c. 184) : «W piesniach serbskich, bulgarskich, polskich, małoruskich i wielkoruskich mamy dwa rytmy następujące : 1) 12 (4 + 4 + 4) i 2) 13 (4 + 4 + 5).»

[31] O. c. 1 : 12 ss., 204—5.

[32] A l'avis de Budzyk qui s'en réfère aussi à J. Łos (Wiersze polskie w ich dziejowym rozwoju. Warszawa, s. d.) : «Łacinska genealogia tego rytmu jest możliwa, ale wcale niekonieczna» (o. c. 190).

[33] En polonais le second hémistiche reflète souvent le schéma $\upsilon - \upsilon\,\upsilon - \upsilon$, cf. le vers suivant de Kochanowski : «Użatuj sie kto dobry, | a potłucz zawiasy» (cité par M. Dłuszka o. c. 2 : 18). Des phénomènes analogues s'observent dans le vers roumain.

Les vers d'allure «ïambique» abondant au premier hémistiche : «*Oa*sele mi le *strînge*»; «mi-i *su*fletul în *groază*»; «Mă tru*desc* fără *vrea*me»; «Şi *cei* fără de *leage*»; «La *boa*la mea-mi tri*mite*» etc. Inutile de dire qu en polonais cette répartition des accents semble être beaucoup plus rare; aurons-nous-donc affaire à une particularité d'adaptation découlant plutôt de la nature de l'accent de la phrase en roumain?

Le ps. 13/12 témoigne de faits analogues. Quoique le vers de 13 syllabe soit imité de près, on y rencontre de nouveau un certain nombre d'hémistiches «ïambiques» comme p. ex. au v. 12: «Din *sfînt*a ta lu*coa*re, din senina radză». Les hémistiches de ce genre semblent préparer, dès le XVIIe siècle, le triomphe d'une espèce d'alexandrin (de 13 ou 14 syllabes) dans la poésie roumaine du XIXe siècle. Cf. aussi le ps. 29/28.

5. Après ces correspondances, relativement faciles à décrire, nous avons à analyser un grand nombre d'autres cas où les corrélations ont un autre caractère. Jusqu'ici nous n'avons vu que les psaumes à propos desquels Dosithée a maintenu le mètre de son modèle ; dans la plupart des cas, cependant, il ne fit rien d'analogue puisque, d'une manière assez bizarre, il avait l'habitude de remplacer tel mètre polonais par tel autre mètre polonais, attesté par un autre psaume. Dès maintenant, les mètres d'importation semblent donc s'entrecroiser ; à nous de proposer quand même une sorte de typologie pour faire mieux comprendre la technique de l'adaptation. Le point de départ de nos comparaisons est toujours fourni par le modèle polonais.

A) L'hexasyllabe. — Les petits vers de 6 syllabes du ps. 64 (analysés par M. Dłuszka, op. c. 1 : 13—4 «Boże litościwy, — W mój czas nieszczęśliwy») ont été remplacés en roumain par des décasyllabes à césure médiane : «Dum-nedzău sfinte | tu mi-audzi glasul». Ce fut pourtant le ps. 64 de Kochanowsky qui servit de modèle à une célèbre paraphrase du ps. 47/46, commençant par le vers «Limbile să salte» (v. plus bas).

B) L'heptasyllabe. — Dans un cas (ps. 43/42) Dosithée remplaça les vers de 7 syllabes de son modèle («Niewinność, Panie, moję — Przyjmi w obronę swoję») par des dodécasyllabes à césure médiane : «Giudecă-mă, Doamne, şi *pîra*-mi a*liage*, — De *limbă* vi*clean*ă, de *om* fără *liage*». Le second vers, de même que bien d'autres, deviennent sous la plume de Dosithée autant de parfaits «senari doppi», cf. v. 14—6 : «Să *în*tru cu *da*ruri fără de zăbavă? — La *sfîn*tul jrătăvnic cu *jrat*ve de *sfar*ă — Să-mi *faci* bucu*rie* să s'audză-n ţară». — Dans un célèbre psaume de jubilation (ps. 97/96) les heptasyllabes de Kochanowski — «Pan nasz, Bóg nasz | panuje» — ont été transformés en octosyllabes : «Domnul stătu | crai în ţară, — Ţările se bucurară.» Beaucoup de vers s'y distinguent par leurs péons, par ex. v. 37 : «Că tu *Doam*ne | ne eşti *dom*nul», etc.

C) L'octosyllabe. — En ce qui concerne l'adaptation des psaumes écrits en octosyllabes, on peut distinguer, outre le maintien du mètre original (v. plus haut), les procédés suivants :

a) Octosyllabe ~ décasyllabe. — 7 exemples : ps. 66/65, 79/78, 126/125, 128/127, 146/145, 148. Dans la plupart des cas, les décasyllabes roumains de ce genre se partagent entre les types les plus divers ; néanmoins p. ex. le texte roumain du ps. 65 ne présente que des décasyllabes du type 6,4 : «Cîntaţi să s-audză | păn-afară». Selon K. Budzyk, ce mètre serait commun aux Polonais et aux Ukrainiens.[34] D'excellents exemples d'un autre décasyllabe d'origine polonaise (du type 4,6) sont attestés par le texte roumain du ps. 79/78 : «Doamne sfinte, | păgînii veniră». Les décasyllabes du type 4,6 prédominent aussi dans la paraphrase du ps. 52/51 : «Ce te laudzi | cela ce eşti tare».

b) Octosyllabe ~ dodécasyllabe. — 5 exemples : ps. 14/13, 27/26, 39/38, 46/45, 53/52. Dans tous ces cas c'est le dodécasyllabe à césure médiane qui prévaut ; on peut relever aussi des hémistiches transformés en «senari» et des vers devenus «senari doppi» (par ex. ps. 14/13, v. 10 : «Pli*nin*du-i po*run*ca, veade pre tot omul»). Dans un cas reparaît l'autre variété du vers de 12 syllabes, à savoir celui qui présente la division 7+5, cf. ps. 62/61 : «In ce chip nu s-a pleca | cătră Dumnedzău — Şi i să va cuceri | biet sufletul mieu?»

c) Octosyllabe ~ vers de 13 syllabes. — Sous ce rapport nous n'avons à signaler que le ps. 30/29 où le changement du rythme eut pour conséquence un considérable approfondissement du ton du poème :

Będę Cię wielbił, mój Panie,
Póki mię na świecie zstanie,
Boś mię w przygodzie ratował
I smiechów ludzkich uchował.

Innălţa-te-voi, Doamne, | cu *mult*ă ple*care*,
Că-mi trimiţi sprejinială | de *n-am* lune*care*,
Să n-aibă bucurie | pizma*şii* de *mi*ne,
Doamne Dumnedzău sfinte, | că eu strig spre tine.

Malgré la popularité de l'octosyllabe aussi bien dans la versification polonaise que dans la versification roumaine, comment s'explique cette série de changements rythmiques ? Tout porte à croire que Dosithée cherchait à éviter la monotonie à laquelle aurait abouti la conservation de la forme originale de tous les psaumes écrits en octosyllabes. Nous assistons donc aux efforts d'un vrai poète, soucieux de fuir la monotonie d'un mètre trop répandu.

D) L'ennéasyllabe. — Un mètre d'origine assez obscure,[35] le vers de 9 syllabes (5,4) n'est représenté que par 3 ps. polonais, le 86e, le 101e et le 130e («De profundis clamavi . . .»). Dosithée renonça sans hésiter à ce mètre relativement rare, le remplaçant dans un cas par l'octosyllabe (ps. 101/100), dans

[34] O. c. 183. V. aussi M. Dłuszka o. c. 1 : 49.
[35] Cf. Budzyk o. c. 189. — L'analyse du ps. 86 a été faite par M. Dłuszka o. c. 2 : 22.

deux autres par le décasyllabe. Le 85e ps. roumain se distingue par ses beaux décasyllabes du type 4,6 : «Pleacă-ţi, Doamne, | u*ria*chea cea *sfîn*tă — Şi să-mi asculţi | la *vrea*me de *zmîn*tă». Bien entendu, même ces vers, ornés du rythme ∪ ⏑ ∪ ∪ ⏑ ∪, ne rendent pas entièrement le curieux rythme du modèle polonais: «Nakłoń, o Panie, | uszu swoich — A nie zarzucaj | modlitw moich. . .» Non moins intéressante est la traduction du «De profundis» (130/129) :

W troskach głębokich | ponurzony,
Do Ciebie, Boże | niezmerzony,
Wołam, racz smutne | prośby moje
Przyjąć w łaskawe | uszy swoje!

Dintr-adînc ţ[i]-am strigat, | Doamne sfinte,
Şi să m-audzi | glas de rugăminte,
Şi-n audzul tău, | Doamne, s-agiungă
Glasul mieu : cel ovilit | de rugă.

Notre dernière citation roumaine témoigne bien du mélange constant des divers types (6,4; 4,6; 5,5; 7,3) du décasyllabe.

E) Le décasyllabe. — Les diverses variétés des vers de 10 syllabes ont subi en roumain les adaptations suivantes :

a) Décasyllabe ~ hexasyllabe. — Grâce à ce procédé, les «quinari doppi» expressifs du psaume de jubilation 47/46 («Omnes gentes plaudite manibus») furent assimilés à l'hexasyllabe de la poésie populaire roumaine :[36]

Kleszczmy rękoma | wszyscy zgodliwie,
Wszyscy śpiewajmy | Panu chętliwie . . .

Limbile să salte — Să strige-n tărie
Cu cîntece nalte — Glas de bucurie . . .

b) Décasyllabe ~ dodécasyllabe. — Pour illustrer ce procédé, nous devons renvoyer aux ps. 23/22 és 76/75 : dans le premier cas nous rencontrons en polonais des décasyllabes à césure médiane («Mój wiekuisty | pasterz mię pasie»), dans le second, des décasyllabes du type 4,6 («Znaczny jest Bóg | w zydowskiej krainie»).[37] En roumain on voit reparaître le rythme ∪ ⏑ ∪ ∪ ⏑ ∪ : «La *loc* de ver*dia*ţă | mi-i *ca*le des*chi*să» (ps. 23/22. var. A). Il est curieux de signaler que dans la var. B du même psaume Dosithée maintient le décasyllabe, mais il recourt à une autre disposition de la césure (6,4) : «Dumnedzău mă paşte | şi n-am lipsă — La loc de otavă | ce-mi întinsă [= întinse]». Il est pourtant à remarquer que dans la var. B les vers du type 6,4 (v. 4 : «Şi-n cărări direapte | mi-i povaţă»; sur ce vers cf. l'analyse de M. Dłuszka, o. c. 2 : 12) alternent avec ceux du type 4,6 (v. 12 : «Şi pizmaşii | nu-i suferi în casă») ce qui revient à dire que la var. B représente — au moins en ce qui concerne le nombre des syllabes — un reflet plus fidèle du mètre de l'original.

[36] Sur quelques hexasyllabes polonais intercalés dans des combinaisons strophiques v. plus bas, 6.

[37] Sur le rythme de ce psaume cf. M. Dłuszka o. c. 2 : 10—12.

F) L'hendécasillabe. — Ce mètre, très fréquent chez Kochanowski, fut soigneusement écarté par Dosithée qui, d'une manière générale, préférait les vers pairs aux vers impairs (cf. plus haut nos remarques sur les possibilités d'adaptation de l'ennéasyllabe polonais). A propos du vers de 11 syllabes, les ramaniements se partagent entre les catégories suivantes :[38]

a) Hendécasyllabe ~ heptasyllabe. — Ce procédé, d'une extrême rareté, n'est représenté que par le ps. 15/14. Le vers initial du texte polonais («Kto będzie w Twoim | mieszkaniu przebywał?») ne laisse point prévoir le rythme vif de l'adaptation de Dosithée, vraie préfiguration du vers anacréontique et du «martelliano» des Roumains :

Doamne, cine-şi va face
Lăcuinţă de pace,
Să şadză-ntr-a Ta casă
In magura cea deasă ?[39]

b) Hendécasyllabe ~ octosyllabe. — 8 psaumes (2, 49/48, 58/57, **91/90,** 92/91, 95/94, 113/112, 140/139) sont traduits en octosyllabes. La division des textes polonais en «ottave rime» (p. 92) ou en «sestine» (ps. 95) n'est guère respectée : les octosyllabes roumains à rimes plates se succèdent sans aucune division strophique ce que les rend semblables aux vers monotones de certaines chroniques rimées du XVIIIe siècle.

c) Hendécasyllabe ~ décasyllabe. — Dans une dizaine de cas (cf. ps. 19/18, 22/21, 25/24, 63/62, 73/72, 115/114, 125/124, 134/133, 135/134, 143/142) le vers polonais de 11 syllabes est remplacé par les diverses variétés du décasyllabe. Dans la plupart des cas Dosithée n'attache pas d'importance au maintien de la césure ; néanmoins par ex. le ps. 63/62 se fait remarquer en roumain par ses décasyllabes à césure médiane : «Dumnedzăul mieu, | Dumnedzău sfinte, — Şi pentru mine | îţi ad' aminte.» Le rythme de ces «quinari doppi» confère au poème une tonalité assez différente du vers d'inspiration saphique de la paraphrase de Kochanowski : «Ku służbie Twojej, Boże, mój obrońca, — Wstaję ranego nie czekając słońca . . .»

d) Hendécasyllabe ~ dodécasyllabe. — Dans quelques cas (ps. 32/31, 37/36, 45/44, 61/60, 111/110) on rencontre chez Dosithée des dodécasyllabes qui se répartissent entre plusieurs petites catégories. Tantôt il ne peut guère être question d'une césure appliquée d'une manière conséquente (ps. 32/31), tantôt c'est la division 7,5 (ps. 61/60) ou 4,4,4 (111/110) qui prévaut. Vu que les deux derniers mètres sont assez rares dans le psautier roumain, citons quelques textes à l'appui de nos constatations.

[38] V. aussi ce que nous allons dire **(6.)** sur les adaptations roumaines de la strophe saphique accentuelle (5,6×3 ; 5).

[39] Sur l'heptasyllabe polonais et son rythme cf. M. Duszka o. c. 1 : 92.

Ps. 61/60. Usłysz me prośby, Boże władze wiecznej,
A obroć ku mnie święte uszy swoje ;
Z granice prawie świata ostatecznej
Do Ciebie wzdycha smutne serce moje.

Mă rog, Dumnedzăul mieu, | tu să-mi socoteşti
Rugămintea ce mă rog, | şi să o priimeşti.
Cînd strig de la margine, | de preste hotariu
Tu, Doamne, să mă audzi | la sfîntul oltariu.

Ps. 111/110. Pana ja zawżdy między cnotliwymi
Chętnie wspominać będę rymy swymi.
Chwalne są sprawy Jego ; wielką czuje
Rozkosz, kto się im pilnie przypatruje.

Mărturisi-mă-voi ţie, | Doamne sfinte,
Cu inema | mea cu toată | de nainte.
A tot sfatul | de direpţi în- | tr-adunare
De a tale, | Doamne, lucruri | că sînt mare.

e) Hendécasyllabe ~ vers de 13 syllabes. — Le poète roumain semble avoir manié ce long vers caractéristique de la poésie polonaise avec tant de facilité[40] qu'il y recourait même dans des cas où son modèle ne lui imposait rien de pareil. Au ps. 7 («Domine Deus meus, in Te speravi») l'hendécasyllabe de Kochanowski («W Tobie ja samym, | Panie, człowiek smutny») est remplacé par des vers de 13 syllabes dont la plupart se distinguent par leur rythme manifestement trochaïque : «Doamne, Dumnedzăul mieu, | tu-mi eşti radzăm tare».

G) Le dodécasyllabe. — Si l'on distingue de nouveau les deux variétés du vers de 12 syllabes (6,6; 7,5), on est amené à constater que Dosithée les remplaçait le plus souvent par des octosyllabes ou des décasyllabes ; dans un cas (ps. 56/55) le métropolite roumain recourut au long vers de 14 (8,6) syllabes. On a donc à examiner les correspondances suivantes :

a) Dodécasyllabe du type 6,6 ~ octosyllabe. — 3 exemples : ps. 102/101, 141/140.

b) Dodécasyllabe du type 6,6 ~ décasyllabe. — 2 exemples : ps. 51/50, 123/122, 145/144.

c) Dodécasyllabe du type 6,6 ~ vers de 14 syllabes.[41] — Pour illustrer ce cas bien rare, nous devons recourir au témoignage du ps. 56/55 :

Zmiłuj się nade mną, Boże litościwy,
Bo mię prawie w ziemię wbił człowiek złośliwy ...
Nie mam odpoczynku, nie mam i wytchnienia
Od jego potwarzy o jego trapienia.

Dintr-a ta milostivire | mă rog, Doamne sfinte,
Milă să-ţi fie de mine, | să mă iai aminte.
Şi să nu laşi toată dzua | om ce mi-i cu scrîbă
Să mă lupte, să stropşască | să să pue-n gîrbă.

[40] V. aussi ses autres poèmes, conçus dans le même mètre : Cartojan o. c. 123.
[41] Sur les correspondances du vers de 14 syllabes dans le monde slave v. Budzyk o. c. 184. Sur quelques emplois polonais v. M. Dłuszka o. c. 1 : 51, 55, 58, 64, 163.

Il est utile de noter que Dosithée lui-même a transcrit le rythme de ce texte de la manière suivante (v. le dernier vers cité ci-dessus) *Д''Д''Д''В''* ce qui équivaut au schéma

óo óo | óo óo | óo óo | óo[41a]

d) Dodécasyllabe du type 6,6 ~ vers de 4 syllabes. — En un seul cas (34/33) le dodécasyllabe polonais est traduit par ce grand vers qui, à première vue, semble correspondre au tetramètre trochaïque acatalectique de l'antiquité (cf. aussi le poème bien connu de St. Augustin contre les donatistes : «Abundantia | peccatorum | solet fratres | conturbare») : «Jakokolwiek szczęscie | ku mnie się postawi» ~ «Blagoslovi-voi pre Domnul toată vriamia şi-n tot ciasul». Néanmoins c'est aussi un des mètres connus des «Roksolanki» (Budzyk, o. c. 194) ce qui veut dire qu'il est solidement ancré dans le sol polonais.

e) Dodécasyllabe du type 7,5 ~ octosyllabe. — Parmi nos 4 exemples (ps. 3, 103/102, 109/108, 139/138) choisissons le premier :

Mocny Boże, jakoż ich | Wiele powstało,
Jakoż się ich przeciw mnie | siła zebrało . . .

Doamne, ce să înmulţîră
Ceia ce mă trag cu pîră.

f) Dodécasyllabe du type 7,5 ~ décasyllabe. — De nos 4 exemples (ps. 105/104, 124/123, 147/146, 149) citons de nouveau le premier ; le texte de Dosithée se fait remarquer par ses bons décasyllabes du type 4,6 :

Chwalcie Pana, imienia | Jego wzywajcie
I sprawy Jego şwiatu | opowiadajcie!

Rugaţi Domnul | şi-l strigaţi pre nume
Oamenii toţi | ce sînteţi pre lume.

H) Le vers de 13 syllabes. — Dans cette catégorie il est indispensable de distinguer deux importantes mètres : d'une part, le célèbre vers du type 7,6, d'autre part, un vers plus rare du type 8,5.[42] Les correspondances des mètres polonais et roumains sont les suivants :

a) Type 7,6 ~ hexasyllabe. — Un seul exemple, le ps. 48/47 ; le texte roumain se rattache, au point de vue de la forme, à la célèbre paraphrase, citée plus haut, du ps. 47/46 (v. p. 91). Sur le ps. 54/53 v. plus bas, à propos des formes strophiques.

b) Type 7,6 ~ heptasyllabe. — Cette correspondance n'est attestée que par un seul exemple, le ps. 136/135 : «Chwalcie Pana z dobroci | Jego nieprzebranej» ~ «Mărturisiţi pre Domnul.»

[41a] Cf. Bianu o. c. XXI.
[42] Sur le second type v. M. Dłuszka o. c. 2 : 43 ; Budzyk o. c. 184.

c) Type 7,6 ~ octosyllabe. — Correspondance assez fréquente, attestée par 10 exemples, cf. les ps. 4, 71/70, 89/88, 94/93, 104/103, 116, IIe p./115, 120/119, 121/120 et 137/137.

d) Type 7,6 ~ décasyllabe. Groupe très nombreux, représenté par 18 exemples, cf. les ps. 1 (5,5), 31/30, 40/39, 41/40, 55/54 (5,5), 59/58 (5,5), 69/68 (6,4), 74/73, 78/77, 83/82 (5,5), 106/105, 107/106 (4,6), 108/107, 119/118, 131/130, 132/131, 138/137, 144/143. Les décasyllabes roumains auxquels nous n'avons ajouté aucune remarque sont des vers syllabiques dépourvus d'une césure constante.

e) Type 7,6 ~ dodécasyllabe à césure médiane. — Cette manière d'adaptation est attestée par une dizaine d'exemples, cf. les ps. 10/9, 12/11, 21/20, 24/23, 36/35, 44/43, 67/66, 68/67, 84/83 et 88/87. Les vers amphibrachiques du type ∪ ⏑ ∪ ∪ ⏑ ∪ | ∪ ⏑ ∪ ∪ ⏑ ∪ sont fréquents, cf. ps. 24/23, v. 5 : «Ur*dzît* ai păm*în*tul | cu *mări* şi cu *a*pe ; ps. 36/35, v. 11 : «Ce *mi*la ta, *Doam*ne, | pre *ceriu* să lă*ţaş*te»; ps. 44/43, v. 28 : «Şi *sfîn*tul tău *nu*me | pre *noi* să răs*pun*de».

f) Type 7,6 ~ dodécasyllabe à coupe ternaire. — Cette correspondance, attestée par un seul psaume (57/56), sera examinée plus bas, puisqu'il s'agit d'une des rares constructions strophiques qui se rencontrent dans le psautier roumain.

g) Type 7,6 ~ vers de 16 syllabes. — Sur le seul exemple qui s'y réfère (ps. 33/32) v. plus bas, à propos des constructions strophiques.

h) Type 8,5 ~ décasyllabe. — Un seul exemple, cf. ps. 122/121 : «Rad to słysze, że dom Pański | nawiedzić mamy» ~ «Mă veselesc | de *vias*tea ce-mi *vi*ne».

i) Type 8,5 ~ dodécasyllabe à césure médiane. — Un seul exemple, le ps. 18/17 : «Ciebie ja, póki mi jedno | żywota stanie» — «Iu*bi*-te-voi, *Doa*mne. că *tu-mi* eşti pu*tia*re». V. aussi le v. 5 : «Că *scu*tul îmi *ias*te | la *cias* de năv*a*lă».

I) Le vers de 14 syllabes. — Dans cette catégorie il est nécessaire de distinguer 3 sortes de correspondances :

a) Type 7,7[43] *~ dodécasyllabe à césure médiane.* — Un seul exemple, le ps. 11/10 : «Panu ja ułam, a wy mówicie : miedzy gory» — «Că̆tră tine, Doamne, | mi-i *toa*tă năd*ej*dia».

b) Type 8,6 ~ octosyllabe. — Un seul exemple, le ps. 99/98 : «Pan króluje, który włada | anioły lotnemi» — «Domnul stătu | crai în ţară».

c) Type 8,6 ~ dodécasyllabe à coupe ternaire. — Un seul exemple, le ps. 80/79 : «Słysz, Pasterzu izraelski, nasz głos żałościwy» — «Cela ce paşti | pre Izrail | a ta turmă».

6. Essayons maintenant de jeter un coup d'oeil sur les psaumes dont la paraphrase polonaise était conçue en une forme hétérométrique, c'est-à-dire

[43] Sur ce mètre v. M. Dłuszka o. c. 1 : 50, 52, 157 ; Budzyk o. c. 193.

en périodes ou strophes formées par deux différents mètres. A cet égard, les efforts de simplification de Dosithée, déjà mis en relief par I. Bianu,[44] sont indéniables ; néanmoins dans ce domaine on peut également distinguer plusieurs procédés. Dans ce qui suit, nous allons passer en revue les adaptations roumaines d'après le nombre des syllabes des périodes (ou strophes) polonaises correspondantes.

5 + 11. — Le ps. 87, avec ses vers de 5,5, 11,11 syllabes (rimes : *aabb*) présente des affinités avec le ps. 60 où des hendécasyllabes s'associent à un décasyllabe à césure médiane (v. plus bas). Dosithée préféra remplacer ce mètre rare par des dodécasyllabes à césure médiane, cf. p. ex. le v. 16 : «Bo*iari* şi pros*t*i*m*e | şi *crai* de supt *soa*re».

6 + 11. — Une fois de plus, Dosithée renonce à imiter une curieuse forme strophique (ps. 70/69) où deux hexasyllabes s'associent à deux hendécasyllabes :

Boże wiecznej mocy,
Twej żądəm pomocy,
Chciej się pospieszyć ku ratunku memu,
Nie daj mię w ręce człowiekowi złemu!

Le remaniement roumain présente des décasyllabes du type mixte cf v. 1—2 : «Doamne, 'ntr-agiutoriu | să-mi iai aminte, Să m-audzi de sîrg, | Dumnedzău sfinte» (5,5) ; v. 7 : «Şi direpţii | s'aibă voie bună» (4,6) etc.

8 + 7. — Le ps. 9 est une des rares paraphrases où l'on voit paraître des rimes croisées : «Ciebie będę, Boże *prawy* Całym sercem *wyznawał*, Twoje wszystki dziwne *sprawy* Będę światu *podawał*». Rien de pareil chez Dosithée dont le remaniement est écrit en dodécasyllabes du type 6,6.

8 + 8. — Les rimes croisées du ps. 129 ont été éliminées entièrement des décasyllabes roumains du ps. 128 ; les rimes plates sont aussi fréquentes chez Dosithée que dans la poésie populaire roumaine (cf. pourtant le remaniement du ps. 54/53).

10 + 8. — Dans le ps. 81 de Kochanowski les rimes plates sont combinées avec une période hétérométrique : «Radujcie się | Bogu nawysszemu, Dobrodziejowi naszemu». Le remaniement roumain est écrit en dodécasyllabes du type 4,4,4 : «Bucuraţî- | vă direpţii | toţi de Domnul, Ce agiută lui Iiacov ş-a tot omul.»

11 + 5. — Un type particulier est représenté par les strophes de trois vers du ps. 35 (10,10,5 ; *aax*), traduites en roumain en décasyllabes munis de rimes plates.

11 + 5. — Dans un grand nombre de cas Dosithée avait à remplacer la strophe saphique rimée et accentuelle par les mètres les plus divers. Ces substitutions représentent les solutions suivantes :

[44] V. son introduction à l'édition du psautier roumain, p. XXIII—XXIV.

a) La strophe saphique est remaniée en octosyllabes cf. le ps. 93/92.

b) Selon le témoignage de 5 psaumes (16/15, 35/34, 65/64, 75/74 et 133/132) la forme saphique pouvait être remplacée aussi par les diverses variétés du décasyllabe. Le ps. 16/15 sera encore mentionné plus bas.

c) Dans 4 cas ce fut le dodécasyllabe du type 6,6 qui s'est substitué à la forme saphique, cf. les ps. 8, 28/27, 42/41 et 85/84.

11 + 7. — A ce propos nous n'avons à signaler que le ps. 150 dont les derniers vers sont les suivants :

Chwalcie Pana | i harfą, i regały,
Chwalcie Pana | wesołymi cymbały!
Wszelka rzecz, która żywie,
Wyznaj Pana chtliwęie![45]

Lăudaţi şi-l strigaţi tare
In ţimbale de cîntare.
Cîte-s vie şi tot omul,
Lăudaţî-l toţi pre Domnul.

11 + 10. — Une curieuse variante de la strophe saphique est représentée par le ps. 50 de Kochanowski où les trois hendécasyllabes sont suivis d'un décasyllabe à césure médiane. La paraphrase de Dosithée est écrite en octosyllabes.

13 + 7. — Le ps. 110/109 dont le texte polonais avait été rédigé en quatrains hétérométriques (13,7,13,13 ; *aabb*) fut traduit en décasyllabes.

13 + 8. — Les périodes de ce genre, munies de rimes plates, du ps. 118/117 furent imitées en décasyllabes.

13 + 10. — Les deux périodes rangées en quatrains (13,13,10,10) du ps. 60/59 ont été traduites en vers de 13 syllabes. Des vers de 13 syllabes (7,6) et des décasyllabes à césure médiane alternent dans le texte polonais du ps. 26 ; la traduction roumaine (ps. 25) présente des dodécasyllabes du type 6,6, munis de rimes plates. Ajoutons-y encore le témoignage du ps. 33 : ses périodes analogues ont été traduites en décasyllabes. Cf. aussi le ps. 114/113.

13 + 11. — Dans un seul psaume (38/37) les strophes composées de trois vers de 13 syllabes et d'un hendécasyllabe ont été traduites en dodécasyllabes à césure médiane.

7. Après ces procédés de simplification qui, dans tous les cas examinés ci-dessus, ont abouti à l'élimination des formes strophiques, de quelque nature fussent-elles, il est curieux d'observer que deux psaumes (54/53, 57/56) reflè-

[45] Le rythme de ce psaume (4, 7×2, 7×2) est analysé aussi par M. Dłuszka o. c. 2 : 12.

tent la tendance contraire, c'est-à-dire l'introduction d'une nouvelle forme strophique dans le texte roumain. Dans ces deux cas le vers de 13 syllabes (7,6) fut traité d'une manière tout à fait singulière.

54/53. Mocą imienie swego | i swej wszechmocności
Wybaw mię, sługę Twego, | z mych niebezpieczności.

Ces longs vers, groupés en quatrains, se divisent — à cause des rimes intérieures — en unités plus petites ; en réalité, on a affaire à une période composée de vers de 7 et 6 syllabes. En roumain l'alternance des deux mètres fut supprimée et le schéma des rimes croisées (*abab*), transformé en rimes embrassées *(abba)* :

Doamne, mă spăsiaşte
Cu sfîntul tău nume,
Fă-mi giudeţ pre lume
Şi-ntreg mă feriaşte.

Pour expliquer l'apparition inattendue de ces rimes embrassées, on doit nécessairement penser à la prise en considération d'autres modèles : même quelques-unes des Pieśni de Kochanowski représentent une disposition analogue des rimes (cf. I, n° 14 : 11*a*, 7*b*, 7*b*, 11*a*, signalés par Stanisław Dobrzycki, Pieśni Kochanowskiego. Rozprawy Akad. Umiejęt. Wydział Fil. Ser. II, T. XXVIII, 1906, p. 133).

Le psaume 57 de Kochanowski mérite notre attention pour d'autres raisons : on y observe le maintien du caractère hétérométrique des quatrains (13,11,13,13 ; *aabb*), mais les mètres originaux sont remplacés par des dodécasyllabes à coupe ternaire (4,4,4 × 4) et des octosyllabes (4,4 × 2). Citons, pour terminer nos comparaisons, au moins la première strophe des deux textes :

Zmiłuj sie, Panie, czasu | mego niepokoja,
W Tobie ufanie | kładzie dusza moja.
Niechaj ulęgę w pewnej | Twych skrzydeł zasłonie,
Aż bystra zapalczywość i niechęć opłonie.

Hie-ţi milă, | Doamne sfinte, | hie-ţi milă,
Că spre tine | mi-i nediajdia | cînd am silă.
Şi mişelul | mieu de suflet | ţie caută,
Să-l acoperi | cu aripa | ta cea lată.
Pînă să va | trece toiul
Şi va-ndărăp- | ta poghoiul.

Cette strophe qui n'a pas de correspondance exacte chez Kochanowski, est à rapprocher du vieux chant polonais «Krzyżu wierny i wyborny» (cité par M. Dłuszka, o. c. 1 : 34) :

Krzyżu wierny i wyborny, | samo drzewo szlachetne,
W zadnym lesie tobie nie jest | kwiatem, owocem równe,
Słodkie twoje goździe były,
Ktore Krystusa nosiły.

8. Nos comparaisons et surtout les cas énumérés aux points **6—7** nous suggèrent pourtant bien des doutes quant à l'imitation exclusive du psautier de Kochanowski. On ne saurait plus répéter avec Bianu : «Nous retrouvons chez Kochanowski t o u t e la structure des vers de Dosithée» (o. c. p. XXIX). A notre avis, il n'est point exclu que le métropolite roumain ait connu aussi d'autres psautiers polonais ou au moins certains psaumes en vers et que le choix du mètre pour sa paraphrase roumaine fût parfois déterminé par c e s s o u r c e s «n o n - k o c h a n o w s k i e n n e s». Nous ne voudrions point nier que Dosithée fût lui-même capable de choisir et de combiner à son gré ces mètres étrangers ; néanmoins les divergences sont trop nombreuses pour être expliquées uniquement par l'originalité et les efforts d'indépendance du poète roumain.

Quant à ces sources «non-kochanowskiennes», nous comptons y revenir à une autre occasion. Pour le moment, il suffit de formuler par exemple les conclusions qui se dégagent du remaniement des ps. 54/53 et 57/56 par Dosithée. Est-il probable qu'un poète qui évitait soigneusement même l'emploi des rimes croisées ait recouru s a n s a u c u n m o d è l e é t r a n g e r au schéma *abba* (ps. 53) qui, chose encore plus significative, manque entièrement au psautier de Kochanowski ? D'autre part, comme nous venons de voir, la strophe 16×4, 8×2 parait inséparable de la structure du chant «Krzyży wierny i wyborny» (15×2, 8×2) ou d'une autre forme strophique, représentée par le chant religieux «O Bożim narodzeniu» (M. Dłuszka, o. c. 1 : 94—5 ; 13×2, 6×2). Ces analogies seraient-elles dues à nos chimères philologiques ou simplement au jeu du hasard ? Ni la première, ni la seconde hypothèse ne nous paraissent probables ; néanmoins, une réponse définitive ne pourrait être donnée qu'après l'examen d'un grand nombre de chants religieux polonais des XVIe et XVIIe siècles. C'est là et, d'une manière générale, dans la poésie polonaise (même d'inspiration laïque) de l'époque qu'il faut chercher aussi la source des mètres ($12 = 4,4,4$; $16 = 4,4,4,4$) qui ne sont pas attestés par le psautier de Kochanowski.

9. Essayons de répondre maintenant à la dernière question que nous nous proposons d'examiner ; cette question peut être formulée de la manière suivante : dans quelle mesure l e c h a n t a-t-il agi sur la forme des psaumes de Dosithée ? Il est évident que l'imitation d'une certaine rythmique chantée ne peut être supposée que dans le cas de cette quinzaine de psaumes où, comme nous venons de le souligner **(5.)**, il y a une correspondance exacte entre les textes polonais et roumains. Les psaumes qui représentent des mètres isosyllabiques attestés par d'autres textes et non par les psaumes correspondants ne peuvent guère dériver directement des psaumes c h a n t é s de Kochanowski, c'est-à-dire des textes mis en musique par N. Gomólka. Toutefois, comme nous venons de dire plus haut, il est assez probable qu'au moins quel-

ques-unes de ces adaptations devaient également avoir, quant à leur forme, des modèles antérieurs : reste à voir (mais ce sera le sujet d'une autre étude) dans quelle mesure ces modèles encore inconnus étaient des textes chantés.

10. Une chose est certaine : comme il résulte des recherches de N. Cartojan,[46] les psaumes adaptés par le métropolite roumain furent bientôt mis en musique et chantés à l'occasion de certaines fêtes religieuses. Plusieurs d'entre eux connurent une diffusion encore plus large, devenant de véritables «colinde», c'est-à-dire chants de Noël. On les chantait non seulement au-delà des Carpathes, mais même en Transylvanie ;[47] au XIXe siècle ils finirent par être admis aussi par Anton Pann dans son recueil de chants religieux.[48] En ce qui concerne ces psaumes chantés aussi en roumain, leur rythme présente encore une certaine variété, mais une variété déjà bien différente de la métrique d'inspiration polonaise de Dosithée. Le chant le plus répandu est sans conteste le ps. 46 dont les h e x a s y l l a b e s («Limbile să salte» etc.) s'identifient, au point de vue du rythme, à une bonne partie des «colinde» et des ballades populaires roumaines. D'autres psaumes devenus également populaires et entrés, sauf le dernier, dans le recueil d'Anton Pann (48,94,96,147 selon le numérotage du psautier roumain) sont sans exception des textes rédigés en o c t o s y l l a b e s ! Il est absolument certain que, dans tous ces cas, l'identification des mètres étrangers avec les formes roumaines indigènes a grandement contribué à faciliter la diffusion de ces paraphrases bibliques. La conservatisme de la rythmique populaire a donc empêché l'adoption de ces formes plus variées dont plusieurs ne renaîtront que dans la poésie d'art classique des Roumains et, en particulier, dans la métrique d'Eminescou. Tout porte à croire que cet admirateur des choses du passé s'est inspiré du ps. 77/76 pour doter d'un rythme tout à fait insolite son idylle «Sara pe deal» (Un soir sur la colline). Dans ce cas le dodécasyllabe d'Eminescou, de même que le mètre admis par son grand prédécesseur moldave, comporte trois variétés rythmiques :[49] dans la première la coupe est placée au milieu du vers, dans la deuxième elle se trouve après la 7e syllabe (4,3|3,2), dans la troisième nous avons affaire à un dodécasyllabe divisé en trois parties égales (4,4,4) :

Type a)

Dosithée : De-ai uscat într-însa | valuri [vaduri] în vînt mare.
Eminescou : Ah, în curînd pasu-mi | spre tine grăbește.

[46] Cărțile populare în literatura romînească. Buc. 1938, 2 : 214—5.
[47] CARTOJAN o. c. 2 : 215.
[48] Versuri musicești ce se cîntă la Nașterea Mîntuitorului ... și în alte sărbători ale anului. La seconde édition date de 1834 ; plus tard ce recueil fut réimprimé à plusieurs reprises (cf. CARTOJAN o. c. 2 : 203).
[49] A proprement parler, il s'agit plutôt de la fusion de deux dodécasyllabes polonais (7,5 et 4,4,4), le dodécasyllabe à césure médiane n'y étant représenté que par quelques vers d'un rythme plus ou mains douteux.

Type b)

Dosithée : Am strigat cu glasul mieu | Dumnedzău sfinte.
Eminescou : Sara pe deal buciumul | sună cu jale.

Type c)

Dosithée : Lăsînd somnul | şi odihna, | stînd în cuget.
Eminescou : Apele plîng, | clar izvorînd | din fîntîne.

Outre la «coexistence» de trois espèces de dodécasyllabes en un seul poème chez Dosithée et Eminescou, rappelons aussi ce qu'est devenu, sous la main d'Eminescou, l'hémistiche de 6 syllabes, d'un rythme amphibrachique, de l'ancien poète moldave. Dans ce cas, comme j'ai démontré dans un autre article,[50] la filiation nous mène, après les voies bien tortueuses d'une longue évolution historique, jusqu'aux amphibraques (ou «verso de arte mayor») d'une célèbre méditation eminescienne, intitulée «Mortua est». Tous ces échos lointains nous permettent de dire que les survivances de la versification de Dosithée doivent toujours être examinées d'un double point de vue : sous l'angle de la tradition populaire, d'une part, et sous celui de la poésie d'art, d'autre part.

[50] Cf. Limba romînă 1958, 6 : 42.

Текст Повести о разорении Рязани Батыем по Волоколамскому списку XVI века (№ 523)*

И. Ботош

1. Повесть о разорении Рязани Батыем, описывающая рязанские события 1237 года, была, по всей вероятности, составлена в первой половине XIV столетия[1] и дошла до нас в разных редакциях во множестве поздних списков.[2]

Первые три печатных издания[3] сделаны по «хронографической редакции».[4] Следующее за ними издание В. М. Ундольского[5] основано, главным образом, на одном из списков редакции «компилятивной» или «основной Б.»[6]

Следующий издатель, И. И. Срезневский, отзывается о предшествующих изданиях такими словами: «Повесть эта уже была напечатана, между прочим, покойным В. М. Ундольским (во Временнике Моск. общ. древн., кн. XV. Смесь: 14—21); но не по такому смыслу, который можно было бы назвать удовлетворительным. В Русском временнике (М. 1820. 1 : 126) а за тем и в Сказаниях Русского народа (I : IV : 45—50) она соединена в одно целое с другою Повестью о нашествии Батыя на Русскую землю. Была она не раз источником исторического рассказа о нашествии Батыя (см. Карамзина И. Г. Р. III: гл. VIII: 277—280; Д. Иловайского История Рязанского княжества 125—136); но до сих пор не была подвергаема раз-

* Статья, поступившая в редакцию в марте 1957 г., печатается с опозданием по техническим причинам.

[1] «Центральные «воинские» части этого цикла (цикла повестей о Николе Заразском, т. е. Повесть о разорении Рязани Батыем — *И. Б.*) в основе своей несомненно принадлежат первой половине XIV в...» *Д. С. Лихачев*, Повести о Николе Заразском (тексты). Труды Отдела древне-русской лит. Инст. р. лит. (Пушкинского дома) АН СССР. Т. VII. Москва—Ленинград 1949, 258. См. еще *его же*, Повесть о разорении Рязани Батыем. Воинские повести древней Руси. Под ред. *В. П. Адриановой—Перетц*. Изд. АН СССР. М—Л. 1949, 139—141.

[2] См. об этом *В. Л. Комарович*, К литературной истории повести о Николе Зарайском. Труды Отдела древне-русской лит. Инст. р. лит. (Пушкинского дома) АН СССР. Т. V. 1947; Воинские повести древней Руси 1949, 244—249 (Комментарий археографический, составленный *Д. С. Лихачевым*); и особенно *Д. С. Лихачев*, Повести о Николе Заразском. Труды ОДРЛ Инст. р. лит. Т. VII. 1949, 264—281.

[3] Летописец, М. 1791; Русский временник, ч. 2, М. 1820; *И. Сахаров*, Сказания русского народа. СПБ. 1841. 1 : 4.

[4] См. *Д. С. Лихачев:* Труды ОДРЛ Инст. р. лит. Т. VII, 280. — Имеются в виду редакции не одной Повести о Рязани, а целого цикла Повестей о Николе Заразском.

[5] Временник Общ. ист. и древн. росс., кн. XV. М. 1852.

[6] См. *В. Л. Комарович* указ. соч. 57; *Д. С. Лихачев:* Труды ОДРЛ. 7 : 281.

бору, который бы определил ценность ее показаний сравнительно с другими. Вот почему, пользуясь двумя списками Волоколамской библиотеки, одним Софийской Новгородской и печатными, издаю эту повесть и прилагаю несколько замечаний».[7]

Что же касается издания самого И. И. Срезневского,[8] то оно характеризуется тем, что наибольшее внимание автор уделяет историческим данным повести, не стремясь при этом к установлению разных вариантов и редакций, а, наоборот, сливая их в один общий текст. Замечания сводятся почти исключительно к вопросам родственных отношений рязанских князей.

Тщательно обработанные, действительно филологические издания Повести появляются лишь в 1949 году. Это два издания Д. С. Лихачева.[9] Дополняя и развивая классификацию текстов по редакциям, данную В. Л. Комаровичем,[10] во второй из упомянутых в ссылке работ он дает полнейшую до сих пор разработку списков, устанавливая свыше десяти редакций цикла повестей о Николе Заразском, куда входит и Повесть о разорении Рязани Батыем,[11] перечисляя и классифицируя около 60 списков цикла и используя почти половину их при печатании текстов по различным редакциям и разновидностям, а также разночтений.

Из изданий в различных хрестоматиях отметим издание больше половины текста Повести о Рязани в «Хрестоматии по истории русского языка» С. П. Обнорского и С. Г. Бархударова.[12] Издание это сделано не по другим изданиям, а непосредственно по фототипии со списка XVI в., хранящегося в Государственной Библиотеке СССР имени В. И. Ленина (Волоколамское собрание № 523).[13]

2. Повесть о разорении Рязани Батыем, «по единодушному мнению исследователей древней русской литературы, принадлежит к лучшим после Слова о полку Игореве произведениям древней русской литературы.»[14] Эта повесть, разумеется, заслуживает не только литературный и общефилологический, но также и языковой анализ. Тем не менее строго лингвистической разработки этого памятника, поскольку мне известно, сделано до сих пор не было. Первым шагом к такой разработке считаю л и н г в и с т и ч е с к о е издание текстов, т. е. издание, на основе которого можно сделать

[7] *И. И. Срезневский*, Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. Вып. IV. Сборник статей, читанных в ОРЯС Имп. АН. Т. I. № 9. СПб. 1867, 80.

[8] Указ. соч. 77—90.

[9] Воинские повести древней Руси. Под ред. *В. П. Адриановой—Перетц*. Изд. АН СССР. М.—Л. 1949, 9—29, 119—42, 244—55, 267—9, 284—96; *Д. С. Лихачев*, Повести о Николе Заразском (тексты). Труды ОДРЛ 7 : 257—406.

[10] Указ. соч.

[11] Отметим кстати, что Повесть о Рязани, как на это неоднократно указывали исследователи, связана с названным циклом крайне слабо.

[12] Часть I. Изд. 2-е. М. 1952, 222—227.

[13] В хрестоматии ошибочно указан № 526. В статье Д. С. Лихачева в Трудах ОДРЛ этот же список назван то правильно (№ 523), то ошибочно (№ 526). Также и в книге «Воинские повести».

[14] *Д. С. Лихачев:* Труды ОДРЛ 7 : 258.

анализ письма, орфографии, фонетики, морфологии, синтаксиса и языковой стилистики отдельных редакций Повести. Издания, появившиеся до сих пор, для этой цели не пригодны. Издания прошлого века лишены филологической точности, а издание Д. С. Лихачева в VII томе «Трудов ОДРЛ», могущее полностью удовлетворить литературоведов, дает тексты модернизированной графикой, которые, таким образом, только частично могут быть подвергнуты языковому анализу.

Поскольку тексты разных редакций расходятся в очень значительной мере, я решил выбрать сначала одну из редакций, редакцию «основную А»[15] и опубликовать ее древнейший дошедший до нас список (Гос. Библ. СССР им. Ленина, Волоколамское собр. № 523).[16]

Текст Повести о Рязани по этому списку опубликован Д. С. Лихачевым[17] модернизированной, как и у всех остальных текстов, графикой (титла раскрыты, ъ в конце слов опущен, і заменено через *и*, ѣ через *е*, оу, ѹ через *у*, ѕ через *з* и т. д., надстрочные знаки (᾽, ′, ᾽, ῾) опущены, знаки препинания и прописные буквы расставлены по-современному). Встречаются и неточности в тексте, ср.:

В Трудах ОДРЛ, т. VII:			*В рукописи:*		
стр.	строка		стр.	строка	
288	12	охапися	239 об.	16	и ѡхапи
	13	попросити	240	1	просити
289	22	покры	242	3	Покры
290	3—4	в церковь пресвятыя владычицы	242 242 об.	19 1	в᾽ цркѣь в᾽ прⷭтыа/влчⷣцы
	12	рязаньское	243	2	рѧзаньскоѥ
291	21	окоаный	244 об.	19	окаѧнный
292	10	от оружиа	245 об.	7	ѡ ржїа
	23—24	до основаниа	246 об.	2—3	и до ѡсно/ваніа
295	2—3	и тако	249	17—18	та/ко

[15] По классификации Д. С. Лихачева.

[16] Публикую его по микрофильму, полученному от Отдела рукописей Библиотеки им. Ленина. За любезную высылку микрофильма выражаю и здесь свою благодарность. — Снабжать текст разночтениями по другим спискам этой редакции, к сожалению, теперь не могу. Это будет возможно только после работы в архивах СССР, на осуществление которой я надеюсь. После этого я намерен приступить к языковому анализу основной редакции «А». — Стимулом к работе над языком этого памятника я обязан профессору И. Н. Голенищеву-Кутузову.

[17] Воинские повести... 9—19 (Один из листов [248 об. — 249] изображен и фототипически); а также Труды ОДРЛ 7 : 287—301.

298	12	за веселием	254	4	ꙁа веселїе
299	9	и великаго	255	14	в·лика
301	15	и православную	258	16	Йа провослав'ноую
	17	даяше	258 об.	1	даꙗша

и др.

Текст первой половины Повести о Рязани — до части о Евпатии Коловрате включительно — отпечатан по этому же списку (Волок. собр. № 523) и в «Хрестоматии по ист. русского языка» С. П. Обнорского и С. Г. Бархударова. Являющаяся пособием языковедческой дисциплины для студентов пединститутов и университетов, эта хрестоматия публикует тексты, сохраняя, в основном, графику и правописание оригинала. Опущены, однако, надстрочные значки (', ', ', ') и также точки не в конце предложений. Надстрочные буквы внесены в текст. Буква ѧ заменена буквой *я*. Описки текста исправлены.

Ошибки встречаются, ср.:

В хрестоматии С. П. Обнорского и С. Г. Бархударова:[18]			*В оригинале:*		
стр.	строка текста		стр.	строка	
222	1	второе	238	16	Ѳ'тороѐ
	5	великому	238 об.	6	великомоу
	8	вскоре		15	воско́ре
223	2	резаньского	239 об.	4	реꙁаньска
	3	ѳедор		9	Ѳе̑ръ
	8	у резаньских	240	1—2	оу̑ рѧꙁань/ски
	8	тщерей		2	т'щери
	10—11	резанского		7	реꙁа̑ска
	11	у (вместо оу)		8	оу̑
	27	еупраксѣя	241	8	е̑оу̑прак'сѣ̀а
	30	с сн҃ом		16	сн҃о
	32	убиеніе	241 об.	1	оу̑биѐнїе
	33	и инѣх		3	И̑нѣ
	33	многѡ		4	мнѡ́го̀
224	6	ѣздяще		17—18	ѣꙁ̑ѧ/ше
	8	покры	242	3	Покры

[18] Часть I. Изд. 2-е. М. 1952.

224	10	о	242	7	ѡ҆
	18	дас(ть)	242 об.	6	да҃в
	20	сретоша		13	стр тоша
	27—28	братие	243	11	братїе
225	3	лежаше	244	1—2	лежа/ша
	16	раздробити	244 об.	12—13	р҃одроби/ти
	17	венец		15	венець
	21	бьюшеся	245	7	бьꙗ҆ше҃
226	15	ови	247	2	ѡ҆ви
	30	мнѡга зла	247 об.	19	мнѡ҃ ꙁла

и др.

3. Печатаемый ниже текст (Гос. Библ. СССР им. Ленина, Ф. 113. Иосифов-Волоколамский монастырь № 523, листы 238—258 об.) помещен в сборнике текстов религиозно-нравственного характера, написанных одним почерком, полууставом XVI в. Вод. зн.: сфера[19] (на листах 14, 16, 30, 67 и др.), рука (234, 306 и др.). 20,5 × 14,5. Листов: 1 пуст. + 348 + 2 пуст. Текст сохранился хорошо.

На каждой странице написано 19 строк. Специальные прописные формы некоторых букв употреблены часто после точки (.) и знака паузы (.҃), в начале строки (это бывает и в середине слова), а также часто для начала слова Кн҃ѕь.

Некоторые буквы имеют две формы, употребляемые безразлично (напр.: в, ѥ; л, λ; є, ε). Надстрочные буквы имеют специальные формы (д҃, ҃, ҃, ж҃, ҃, ҃, ҃ [= и] и др.). Spiritus lenis (ʼ) употреблен почти регулярно над гласными после гласных и точек, очень часто вместе с accentus acutus (ʼʼ).

Значок ʽ употреблен не только на месте выпавших «еров», но часто и просто между двумя согласными. Писец весьма часто отражает конец слова, или речевого такта, употребляя accentus gravis (ʽ) над конечной гласной или надстрочные согласные с пропуском конечного гласного и «еров». Правила конца строки (строка оканчивается гласною — включая «еры» — или надстрочной согласной) строго соблюдены. При этом употреблены «еры» и там, где в середине строки они опущены.[20] Последняя гласная строки (особенно ѧ, ꙑ) часто имеет специальную форму. Буква і обычно снабжена двумя точками (ї).

[19] Briquet № 11 211 — 1553 г., № 1210 — 1546 г., № 11 216 — 1588 г. — См. Труды ОДРЛ 7 : 267, примечание.

[20] В зависимости от положения в конце строки, может изменяться и письменная форма слова, ср. вла҃мер ʽ ско҃мꙋ (238 об. 18) и вла҃мръ/ско҃ (239 3—4).

Я разбил текст на слова по-современному (за исключением таких случаев, как сем сотъ 247 8, Ни ким 252 13 и др.). Не отделял я слово от предшествующего там, где оно целиком или частично надписано над предшествующим: хра́бры̑ моу́жственны 241 об. 17 (храбры и мужественны), цр҃ь 244 4 (царь же), ж҃/Нами 240 об. 3—4 (и женами), ж҃щи 244 12 (и жещи), со̑мочисленными 245 14 (со тмочислеными), мано́/гихъ 249 12—13 (на многихъ) и др., а также в случаях типа бр҃аею 241 об. 8.

Ниже печатается текст повести. (Прописные буквы, как правило, соответствуют прописным формам букв в рукописи, за исключением Ѳ, прописная форма которой употребляется здесь по типографическим причинам.) Рукопись изображается фототипически по микрофильму.

238

Въ лѣто.

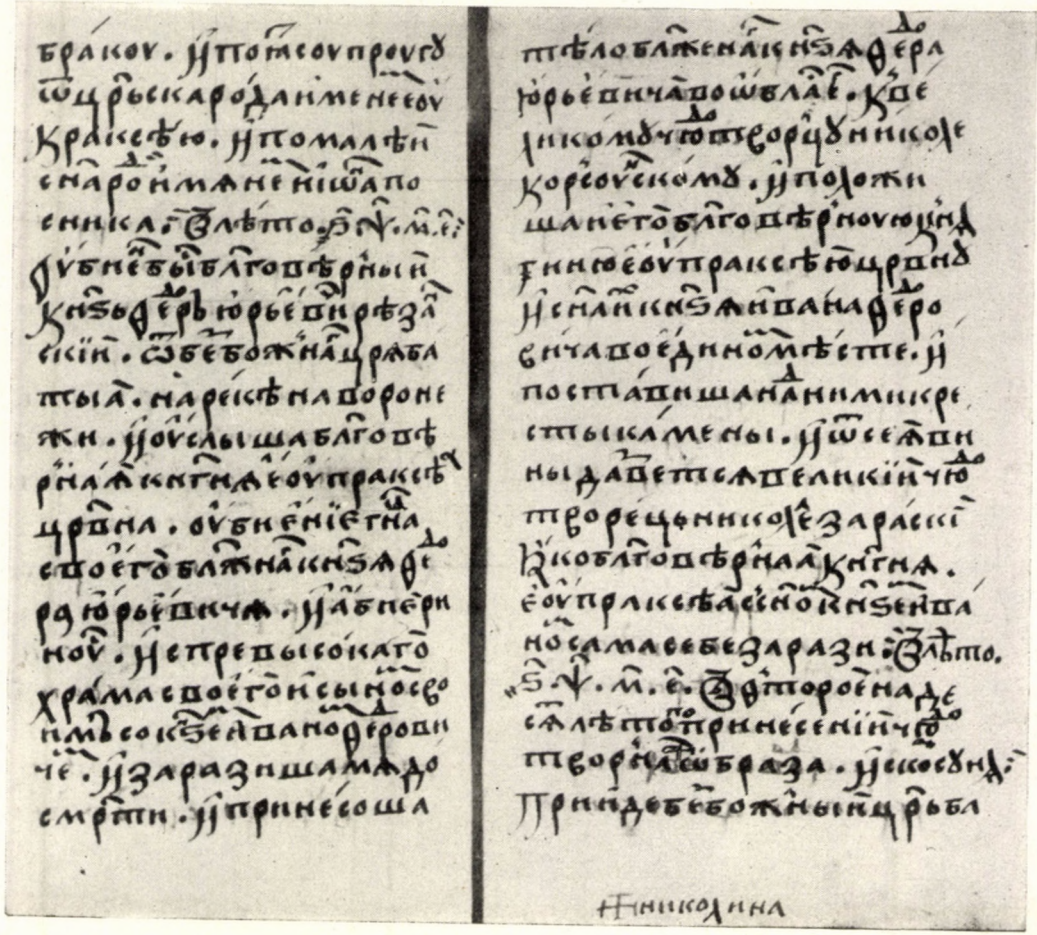
ѕ҃. ѱ҃. м҃. е҃. Въ Ѳ҆торое на де

сѧ лѣто по принесенїи чю до

твор҆на҃ ✝ ѡ҆браѕа. Ис ко҃сѹнѧ.

Прииде бе҃бож҆ный цр҃ь ка

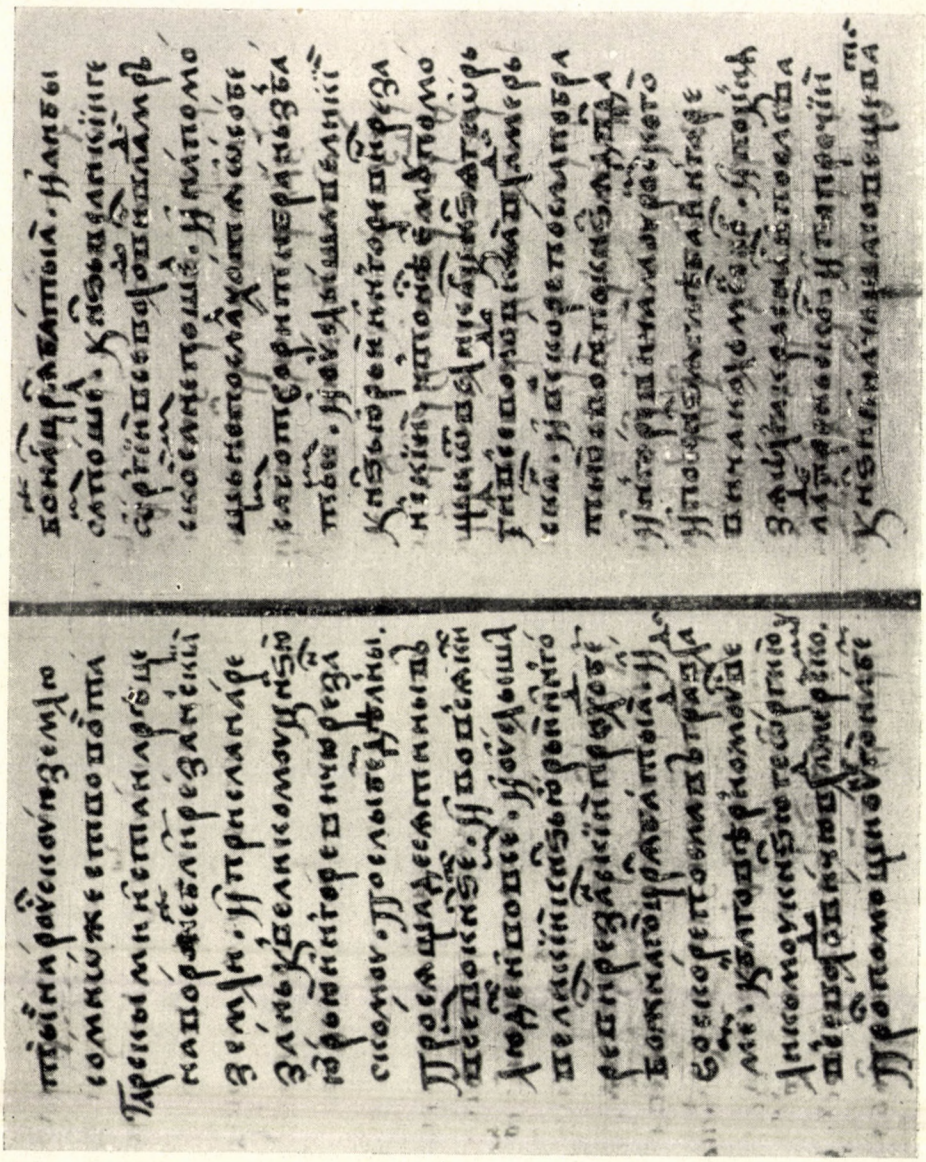
✝николина



238 об.—239

тыⷭ҇ на́ роу҆скоу́ю ꙁемлю
со́ мнѡ́жество воⷭ҇ та́
тарскыми и҆ ста́ на рѣце
на во́роне҆ж бли҆ ре́ꙁан҆скїа
ꙁемли. И҆ присла на́ ре
ꙁа́нь к҆ великомоу кнѕю
ю҆рью и҆н҆го́ревичю реꙁа
скомоу. Послы бе҆дѣл҆ны.
Про́сѧща десѧтины въ
всеⷨ во кнѕе҆. И҆ во в҆сѧки
люде҆ и҆ во всеⷨ. И҆ оу҆слы́ша
великїи кнѕь ю҆рьи и҆н҆го́
реви҆ реꙁа҆скїи прихо҆ бе҆
божнаго̀ црѧ ба́тыа̀. И҆
воско́ре посла въ гра҆ вла҆
ме҆. К҆ блговѣр҆номоу҆ ве
ликомоу кнѕю геѡ́ргию̀
в҆севоло҆ви́чю вла҆мер҆скоⷨ.
Про҆ помо́щи оу҆го̀ на́ бе҆
божна҆ црѧ ба́тыа̀. И҆ли бы
саⷨ по́ше҆. Кнѕь великїи ге
ѡ҆р҆гїи всеволо҆ви҆ вла҆мръ
скоⷭ саⷨ не поше҆. И҆ на́ помо́
щь не посла҆ хо́тѧ ѡ҆ со́бе
саⷨ сотвори́ти бра́нь ꙁ҆ ба́
тыⷨе. И҆ оу҆слы́ша великїⷭ
Кнѕь ю҆рьи и҆н҆горевиⷭ реꙁа
н҆скїи. ч҆то нѣ҆ е҆мꙋ помо́
щи ѿ велика҆ Кнѕѧ геѡ́рь
Гиⷣ в҆севоло҆вича̀ вла҆мерь
ска҆. И҆ в҆ско́ре по́сла по бра
тью̀ свою̀ по кнѕѧ двда
И҆н҆го́ревича̀ моуроⷨского̀
И҆ по кнѕѧ глѣба и҆н҆горе
вича коломеⷭскоⷭ. И҆ по к҆нѧ
ꙁѧ ѡ҆л҆га красна҆ и҆ по слева
ла҆е проньскоⷭ. И҆ по прочїи
Кнѕи и҆ на́чаша совещева҆

238 об.—239

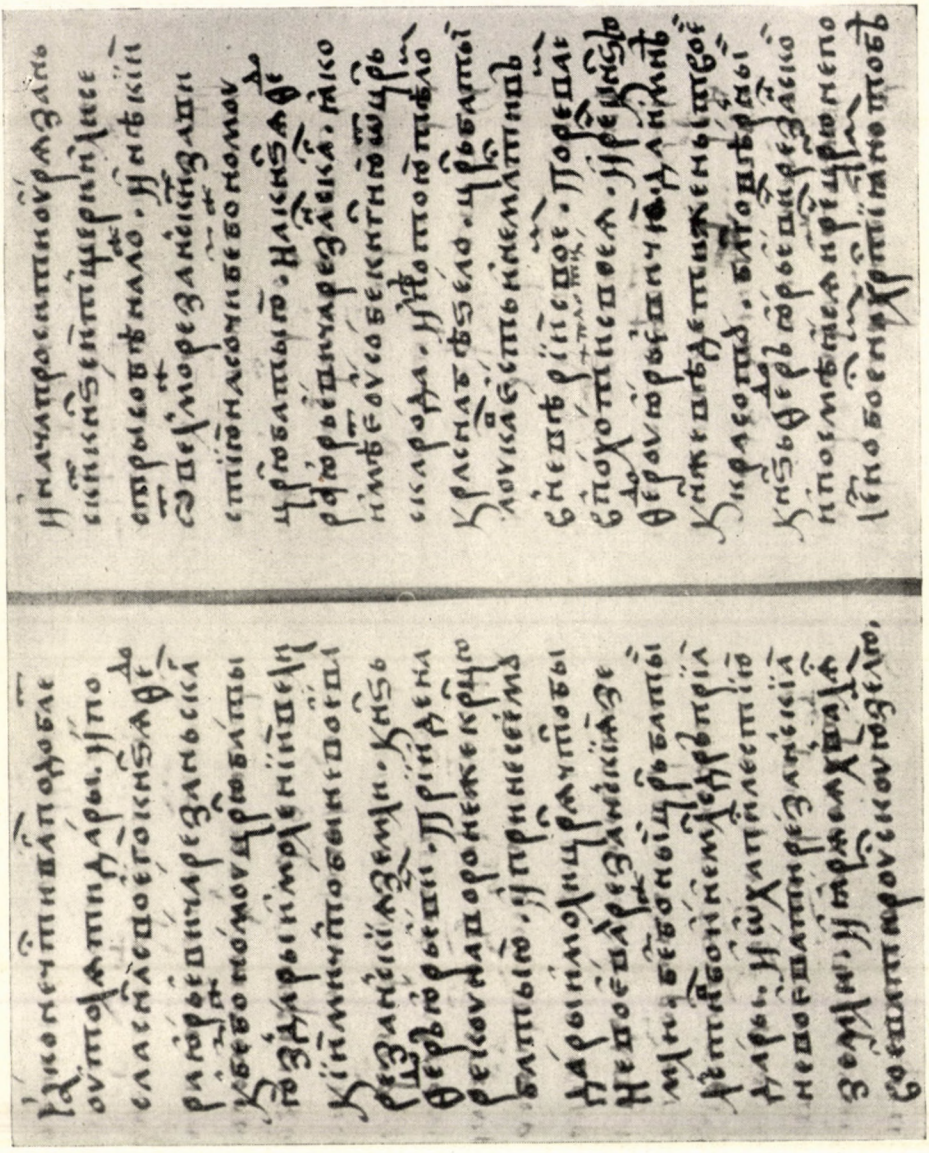


239 об.—240

Ꙗко нечⷭ҇тива подобаⷮ҇е
оутолѧти дары. И по
сла сн҃а своего кн҃ѕѧ Ѳеⷣо
ра юрьевича резаньскаⷭ҇
К҆ бе҃бо҃жномоу црю баты
ю з҆ дары и моленїи вели
Кїими ч҆тобы не воева
резан҆скїѧ земли. Кн҃ѕь
Ѳеⷣоръ юрьевич. Прїиде на
рекоу на воронеже к рцю
батыю. И принесе емꙋ
дары и моли црѧ чⷭ҇тобы
Не воева резан҆скїѧ зе
мли. бе҃бо҃жныⷯ црь баты
л҆стиⷡ бо и немлсдръ прїа
дары. И ѡхапиⷭ лестїю
не воевати резан҆скїа
земли. И ꙗрѧсѧ х҆валѧ
воевати роуⷭ҇скоую землю.

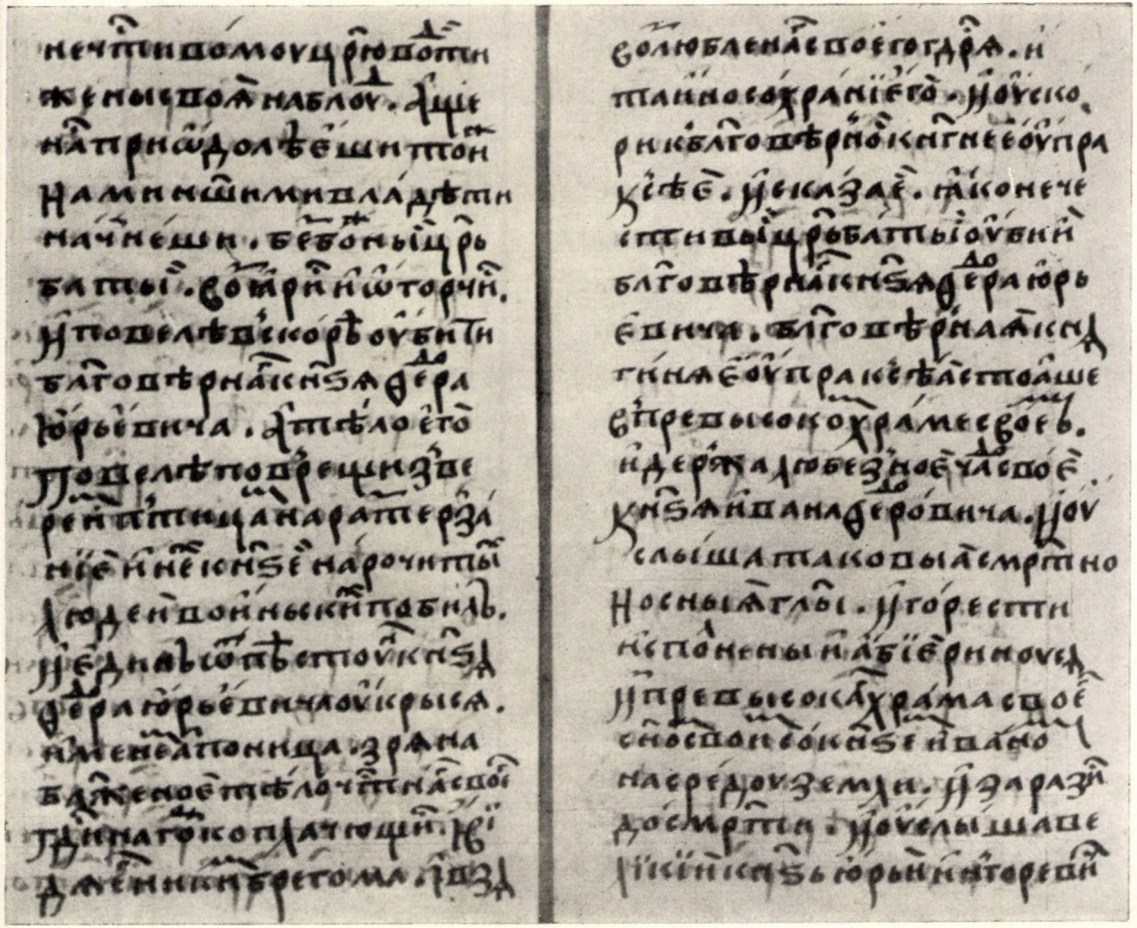
И нача просити оу рѧзань
скиⷯ кн҃ѕеи т҆щери или се
стры собѣ на лⷪ҇. И нѣкїи
ѿ вел҆мⷪ҇ резан҆скиⷯ зави
стїю насочи бе҃бо҃жномоу
црю батыю. На кн҃ѕѧ Ѳеⷣо
ра юрьевича резаⷭ҇скаⷭ҇. ꙗко
имѣеⷮ оу собе кнгню ѿ црь
ска рода. И лѣⷭ҇потою тѣлоⷨ
Красна бѣ ѕело. црь баты
лоукаⷡ есть и немлⷭ҇тивъ
в҆ невѣрїи своеⷨ. Пореваⷨ
+плоти
в҆ похоти своеѧ. И реⷱ Кн҃ѕю
Ѳеⷣороу юрьевичю· дай мнѣ
Кн҃же вѣдети жены твоеⷯ
красоту. блгⷭ҇овѣр҆ныⷯ
Кн҃ѕь Ѳеⷣоръ юрьевиⷱ резаⷭ҇ско
и посмѣꙗсѧ и реⷱ црю не по
леⷭ҇но бо еⷭ҇ наⷨ хрⷭ҇тїꙗноⷨ тобѣ

239 об.—240



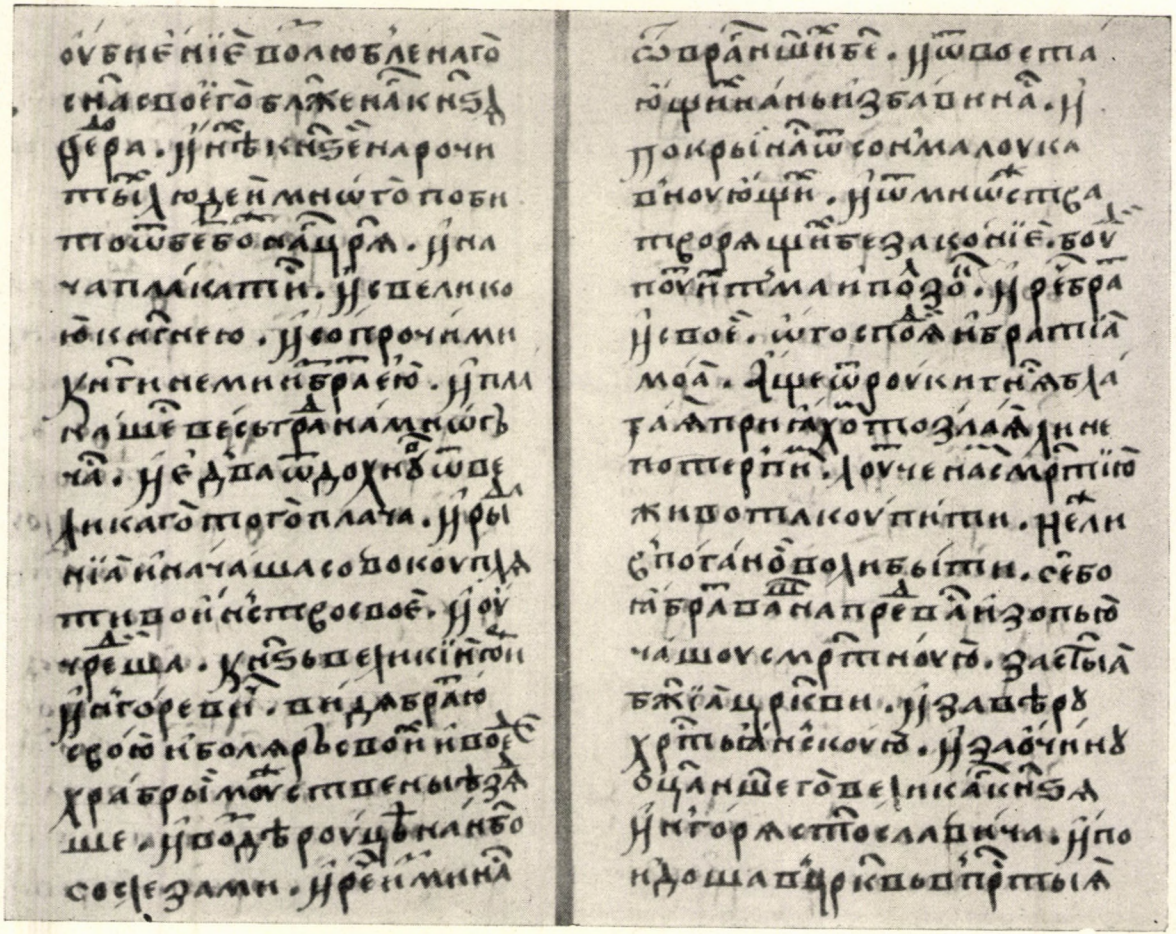
240 об.—241

нечⷭ҇тивомоу цр҇ю вⷣ҇ти
жены своѧ на блоу҇. А҆ще
наⷭ҇ приѡ҆долѣ҆ши то и҆
Нами нш҇ими владѣти
нач҆неши. бе҆бо҆жныⷭ҇ цр҇ь
батыⷭ҇. во҆ꙗриⷭ҇ и҆ ѡ҆горчиⷭ҇.
И҆ повелѣ в҆скорѣ оу҆бити
блг҇овѣрнаⷭ҇ кнѕѧ Ѳе҆ⷣра
ю҆рьѥ҆вича. А҆ тѣло е҆го
Повелѣ пов҆рещи з҆ве
реⷨ и҆ п҆тицаⷨ на ратер҆за
нїе и҆неⷯ кнѕеⷯ нарочитыⷯ
людеи войньскиⷯ побилъ.
И҆ е҆динъ ѿ пѣстоуⷭ҇ кнѕѧ
Ѳе҆ⷣра ю҆рьѥ҆вича оу҆крысѧ.
и҆менеⷨ а҆поница. зрѧ на
блж҇еноѥ тѣло чⷭ҇тнаⷭ҇ своѥ
Гдⷭ҇ина гⷭ҇ко плачющиⷭ҇. І҆ві
дѧ еⷭ҇ ни киⷨ брегома. І҆ взѧ
во҆люблена своего гдⷭ҇рѧ. и҆
тайно сохранї е҆го. И҆ оу҆ско
ри к҆ блг҇овѣр҆ноⷭ҇ кнг҇не е҆оу҆пра
к҆сѣѥ. И҆ сказа еⷭ҇. ꙗ҆ко нече
стивыⷭ҇ цр҇ь батыⷭ҇ оу҆бий
блг҇овѣрнаⷭ҇ кнѕѧ Ѳе҆ⷣра ю҆рь
е҆вича. блг҇овѣр҆наѧ кнѧ
гинѧ е҆оу҆прак҆сѣа стоаше
в҆ превысокоⷨ храме своеⷨъ.
и҆ дер҆жа любез҆ноѥ чаⷣ҇ своѥ
Кнѕѧ и҆вана Ѳе҆ⷣровича. И҆ оу҆
слы́ша таковыѧ смрⷭ҇тно
Носныѧ глы. И҆ горести
и҆спⷣнены и҆ а҆бїе риноусѧ
И҆ превысокаⷭ҇ храма своеⷭ҇
сноⷨ своиⷨ со кнѕеⷨ и҆ваноⷨ
на средоу земли. И҆ заразиⷭ҇
до смрⷭ҇ти. И҆ оу҆слы́ша ве
лїкїи кнѕь ю҆рьи и҆н҆горевиⷭ҇



241 об.—242

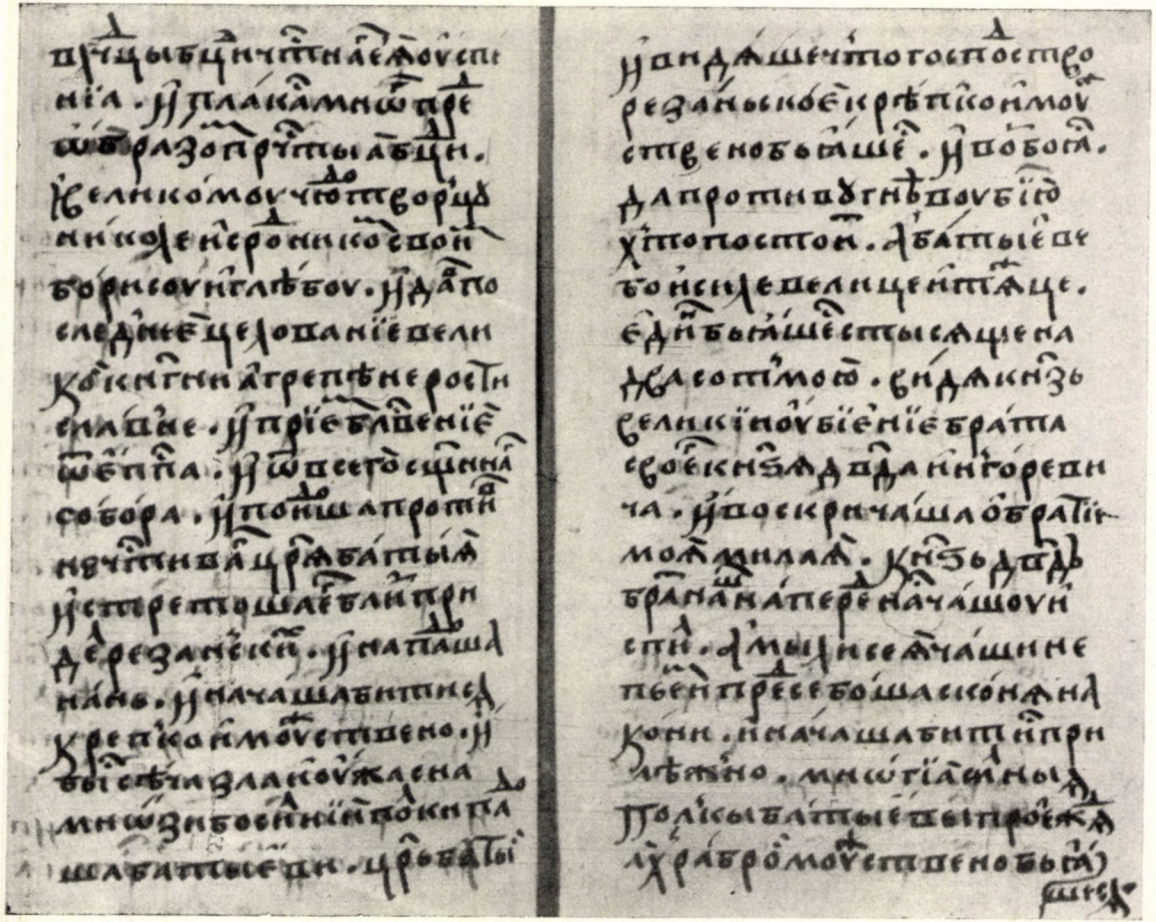
оу҃бие҃нїе҃ во҃люб҃ле́наго҃
сна҃ своего҃ бл҃же҃на҃ кн҃зя
Ѳе҃о҃да҃. Ии҃ѣ҃ кн҃зе҃ нарочи
тыѣ людеи҃ мнѡ́го҃ поби
то ѿ ве҃ко҃на҃ ца҃ра҃. И на
ча плака́тїи҃. И с велико
ю кнѧгнею. И со́ прочи́ми
Кнѧгинеми и ѣ҃ра҃е҃ю҃. И пла́
ка́ше҃ вѣсь гра҃ на́ мнѡ́гъ
ча҃. И е҃д҃ва ѿдохнꙋ҃ ѿ ве
ликаго҃ того҃ плача. И ре҃ѣ҃
нїа҃ и на́ча́ша собокоупла
ти войи҃ство своѥ҃. И оу҃
чре҃ша҃. Кнѧзь великїи҃ юи҃
Ии҃го́ревї҃. ви́дѧ бра҃ю
сво́ю и коларъ свои҃ и вое҃
хра́брыѣ҃ мо҃ужественыѣ҃ кѣ҃
ше. И во҃дѣ҃ роу́цѣ҃ на́ нбо҃
со слезами. И ре҃ ими҃и на҃
ѿ бра҃ ншѣ҃ ке҃. И ѿ вста́
ю҃щи҃ на́нь ихва́ви на҃. И
Покры҃ на҃ ѿ сон҃ма лоука
в҃ноую҃щ҃и҃. И ѿ мнѡ́҃ства
творѧщи҃ вехако́нїе҃. воу҃
пꙋ҃ и т҃ма и по҃хо҃. И ре҃ бра҃
И свое҃. ѡ҃ госпо҃а҃ и братїа҃
мо́а҃. Аще ѿ роу́ки гн҃а҃ бла́
Га҃а҃ прия҃хо҃ то х҃ла҃а ли не
потер҃пи҃. лоу҃че на҃ смр҃тїю
живота коупи́ти. Не҃ли
в҃ по́гано҃ воли кы́ти. се҃ бо
и҃ бра҃ ба҃ напре҃ ба҃ ихопкю
ча́шоу смр҃тноу́ю. за ст҃ыа
кжїа҃ ц҃ кви. И за в҃кру
хр҃тыа҃н҃скоу́ю. И за о҃чи́ну
о҃ца҃ ншего҃ велика҃ кнѧза
Ии҃го́ра ст҃осла́ви́ча. И по
идоша в҃ цркы҃ в҃ пр҃тыа҃



242 об.—243

влчцы бцⷣи чⷭ҇тнаⷭ҇ ѥѧ оуспе
нїа. И плакаⷭ҇ мнѡⷭ҇ прⷣе
ѡбразомⷭ҇ прчⷭ҇тыѧ бцⷣи.
Ивеликомоу чⷣтоюворцꙋ
николе и сродникомⷭ҇ своимⷭ҇
борисоу и глѣбоу. И даⷭ҇ по
следнеѥ целованїе вели
Коⷭ҇ кнгни агрепѣне рости
славне. И прїемⷭ҇ блⷭ҇венїе
ѿ еппⷭ҇а. И ѿ всего сщⷭ҇ннаⷭ҇
собора. И поидоша протⷭ҇ⷭ҇
нечⷭ҇тиваⷭ҇ цр҃ѧ батыѧ
И стретоша еⷭ҇ блⷭ҇ при
деⷭ҇ резанскиⷭ҇. И напⷣаша
нань. И начаша битисѧ
Крепко и моⷤуствено. И
бы сѣча зла и оужасна
мнѡзи бо синїи поки паⷣо
ша батыѥви. цр҃ь батыⷭ҇

И видѧше что господство
резаньскоѥ крѣпко и моⷤ
ствено быѧшеⷭ҇. И вобоѧⷭ҇.
да противꙋ гнѣвоу бїю
хто постоиⷭ҇. А батыѥве
бо и силе велице и тѧⷤце.
едиⷭ҇ быѧшеⷭ҇ с тысѧщеи а
два со тмою. видѧ кнзь
великїи оубїенїе брата
своеⷭ҇ кнѕѧ двда ингореви
ча. И воскричаша о братїе
моѧ милаѧ. Кнѕь двдъ
браⷭ҇ наⷭ҇ наперⷣе наⷭ҇ чашоу и
спи. А мы ли сеѧ чаши не
пьемⷭ҇ и прⷣесебоша с конѧ на
Кони. и начаша битиⷭ҇ при
лѣжно. мнѡгїа синыѧ
Полкы батыѥвы проѥжⷣѧ
а храброⷭ҇ моⷤуствено быѧ
[шесѧ.



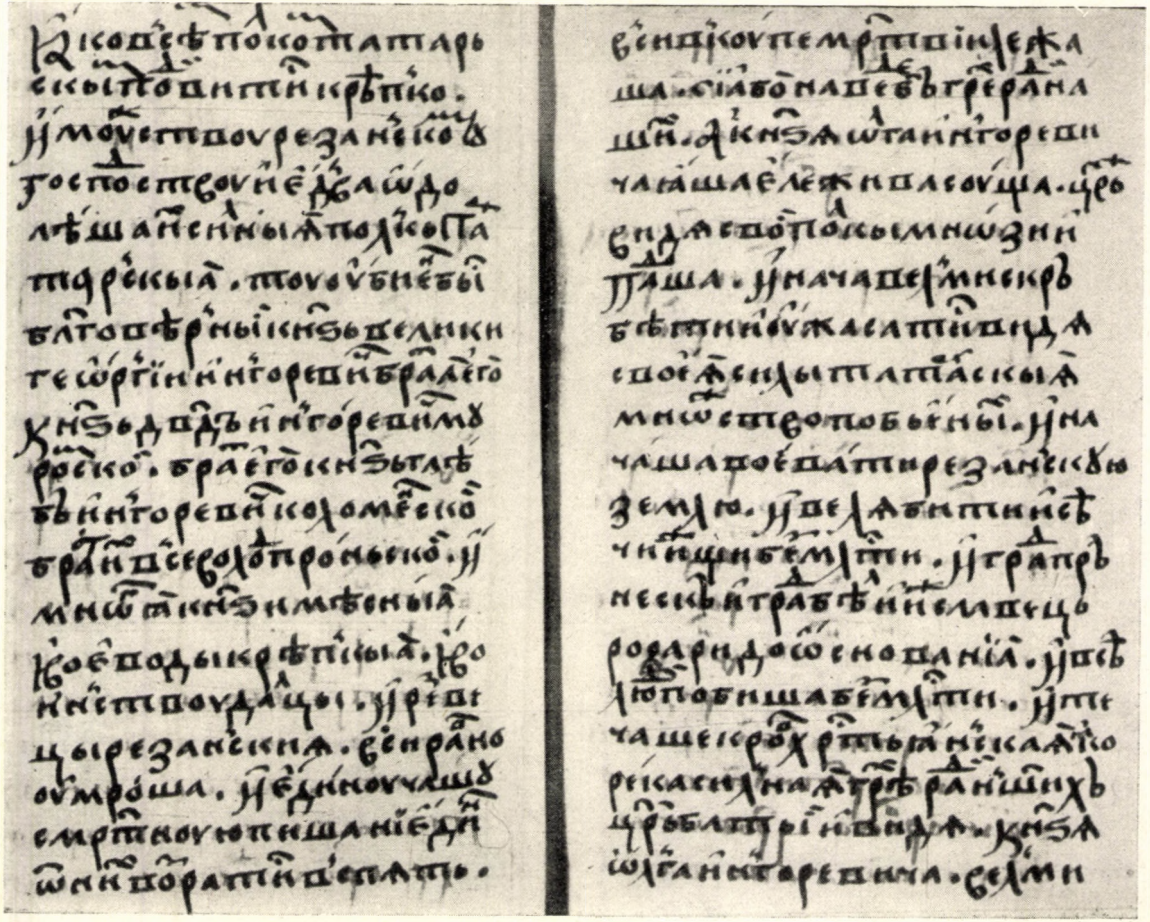
пустыни чистыя лѣсовъ
ныя. И плакаша мнѡ пре
ѡбразопрѣтыя вѣщи.
Велико моучѧтворца
ни коегоже нерадѣ
борисовы главы. И да по
следнее цѣлованіе дѣли
ко быстрыи агрепѣне роста
ше. Пріѣзженіе
шѣпа. И ѡ сего сущна
собора. И поиде противи
ѹ чистыя вѣцрквы братыя
И стрѣтошася ѹ ли при
дерезанѣи. И напаша
на нь. И начаша битися
крѣпко имоужественно. И
ѹ бисѧ ѹ ви злаго ѹ жасна
мнѡ зѣло боязнь покры
ша ѹ братыя вѣщи. Цр̃кви

И нападаше чтого ѡ стро
резаны быше крѣпко имо
ственно бѧше. И побѣ
да противнаго ѹ бѣжѣ
хѹ то по стом. А братыя
ѹ бо не ѹ мѣдѣли ще нѧ
ѧ. Едини бы ша шестыи ста
жалостимою. Видѧ кнзь
велии ѹ поубѣжѣніе брата
своего кнзѧ ѡ даннаго ре
ча. И по скрича ша ѡ брат
мѡмъ милаѧ. Кнзь ѡ даннь
бра на на пере на ча шѧ ѹ
сѧ. А мы не смѣ ча шине
пѣи прѣ ѕѣ бо шася ѡ на на
кони. И начаша битися при
лѣжно. Мнѡ гіа ны
по лѣсы бѧ тые ѹ бѣжа
ша храбро мужествено бьющеся

243 об.—244

Ꙗ̀ко в҃сѣ̀мъ по̀комъ татарѣ
скы̀мъ по̀вити кр҃ѣпъ̀ко.
Й̀ моу̀ствоу рєхан҃ско̀у
Господствоу̀ и ѣ̀дъ̀ва ѡ̑до
лѣ̀ша Й̀ сѝнкыѧ̀ пол҃кы та̀
тар҃скыѧ̀. тоу оу̀киѐ вкі
влг҃овѣр҃ны̀ кнѣ̀зь велики
гєѡ̑р҃гїи ин҃горевй кра̀ѧ̀ є҆го̀
Кнѣ̀зь дв҃дъ̀ ин҃го́ревй мѵ
ро̀ско̀. кра̀ є҆го̀ кнѣ̀зь глѣ
къ̀ ин҃горевй коломѣ̀ско̀
кра̀ Й̀ в҃севоло̀ пр҃ньско̀. Й̀
мнѡ̑ѧ кнѣзи мѣ̀нкыѧ̀
Й̀воєводы кр҃ѣпъ̀кыѧ. Й̀во
ин҃ство удаа̀цы. Й̀ рѣ̀ве
цы рєхан҃скиѧ. в҃си ра̀но
оу̀мро́ша. Й̀ ѣ̀диноу чашѵ
смр҃тноую пиша нї ѣ̀дй
ѡ̑ нѝ во̀ѧти в҃спа̀ть.

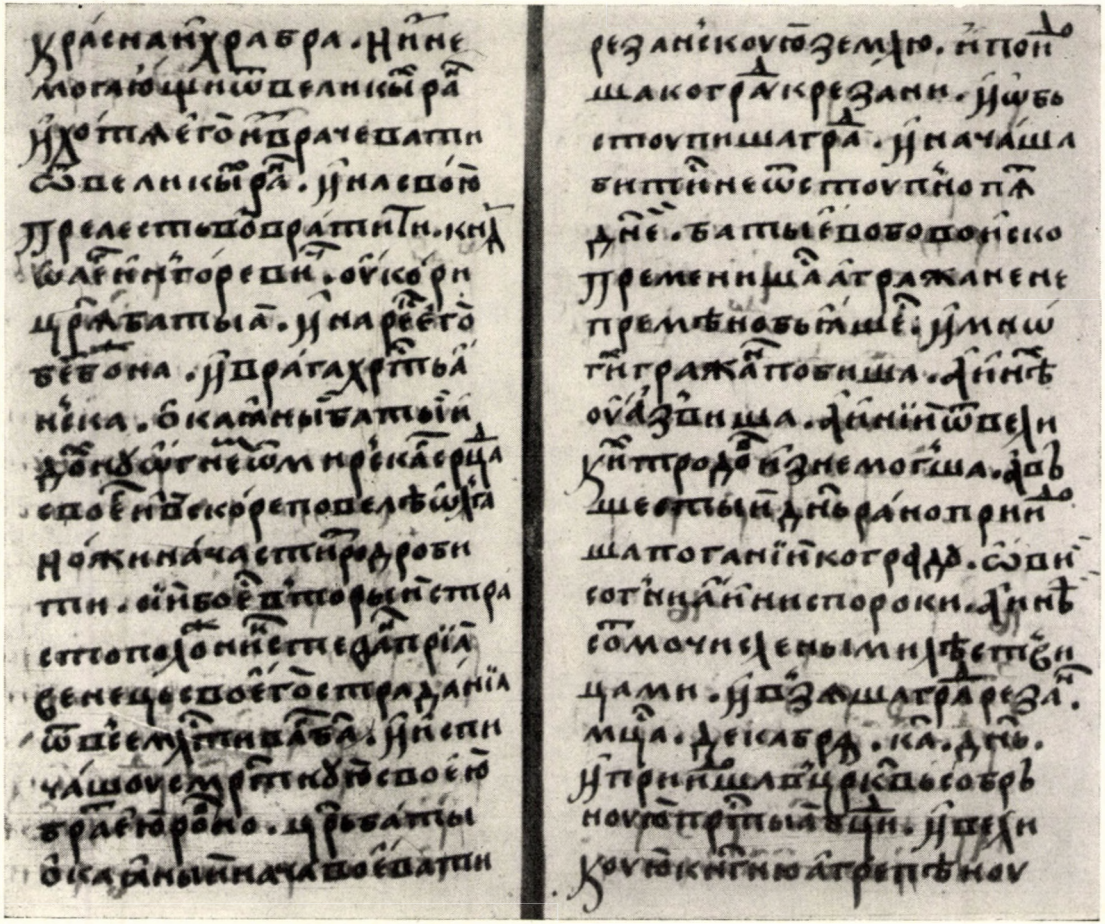
в҃си в҃коупе мр҃твїи лежа
ша. сїѧ̀ во̀ навѐ къ̀ гр҃ѣ ра̀ на
шй. Й̀ кнѣ̀зь ѡ̑га ин҃горевичь
ча ѩ̑ша ѣ̀ле жива соу̀ща. цр҃ь̀
вида̀ сво̀ по̀кы мнѡ́жий
Па̀ша. Й̀ нача вел҃ми скръ̀
бѣти ѝ оу̀жасатѝ вида̀
своѣ̀ѧ силы татѧ̀скыѧ̀
мнѡ̑ство повьѣ̀ны̀. Й̀ на
ча́ша боѣ̀ва́ти рєхан҃скую
землю. Й̀ бела̀ бити ѝ сѣ
чи ѩ̑ши бѣ̀ мл҃ти. Й̀ гра̀ пръ
нескъ̀ ѝ гра̀ сѣ̀ ѝ Ѩславецъ
роѕѧ̀ди до ѡ̑снованїѧ̀. Й̀ всѣ
лю̀ повиша бѣ̀ мл҃ти. Й̀ те
чаше кр҃ь̀ хр҃тьѧ̀н҃скаѧ ѩ̑ко
рѣ́ка сил҃наѧ гр҃ѣ ра̀ н҃шѝхъ
цр҃ь̀ батыѣ̀ ѝ вида̀. Кнѣ̀зь
ѡ̑л҃га ин҃горевича. вел҃ми



244 об.—245

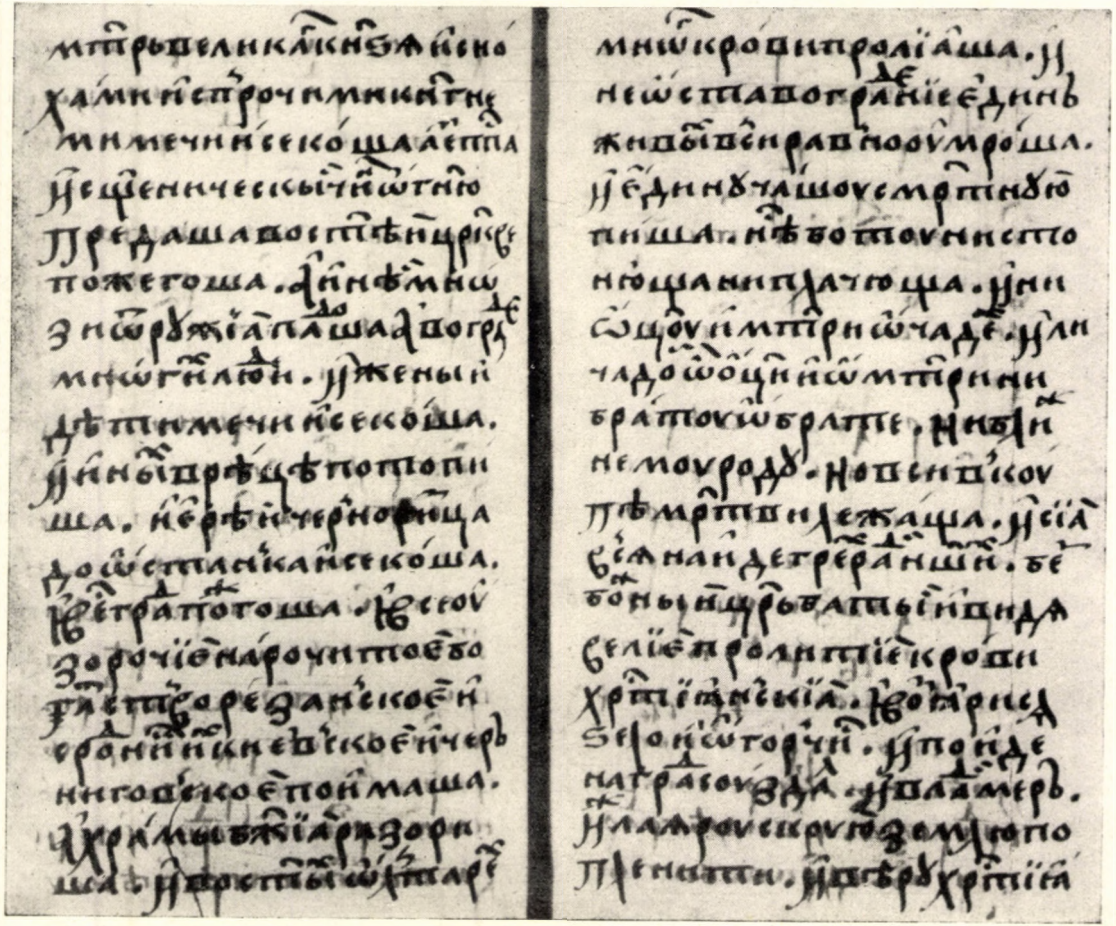
Кра́сна и҆ храбра. И и҆́не
могаю́щи ѿ великы҆ ра҃
И҆ хо́тѧ е҆го̀ и҆́врачевати
ѿ великы҆ ра҃. И҆ на сво́ю
Прелесть во̑вра́тити. кнѧ҃
ѡ҆ле҃ и҆н҆го́ревиⷭ҇. оу҆ко́ри
црѧ҃ батыа̀. И҆ наре҃ е҆го̀
бе҃бо҃на. И҆ вра́га хрⷭ҇тьа̀
н҆ска. о҆каѧ́ны҆ баты҆ и҆
до҃ну ѡ҆гне҃ ѿ мир҆ска҃ срⷣца
свое҃ и҆ вско́ре повелѣ ѡ҆л҆га
Но́жи на́ части ро҃д, оби
ти. сїи̑ бо е҃ в҆торыи̑ стра́
стополо҃ни҃ стеѳа҃ прїа̀
венець своего̀ страда́нїа
ѿ в҆семлⷭ҇тива҃ ба҃. И҆ и҆спи
ча́шоу смрⷭ҇тную̀ своею̀
бра҃е̑ю ро҃бно. црь ба́ты
о҆каѧ́ныи̑ нача воевати

резан҆скоую̀ землю. и҆ поидо
ша ко гра҃ у к резани. И҆ ѡ҆бь
стоупиша гра҃. И҆ нача́ша
бити҃ неѿстоуп҆но пѧ҃
дне҃. батыево бо войско
Премениша҃ а҆ гражане не
премѣно бьѧше҃. И҆ мнѡ́
ги҃ гража҃ побиша. А҆ и҆нѣ
оу҆а҆з҆виша. А҆ и҆нїи̑ ѿ вели
Ки҃ тродо҃ и҆знемог҆ша. А҆ въ
шестыи̑ днь ра́но прииⷣо
ша поганїи̑ ко граду. ѡ҆ви҃
с ог҆ни а҆ и҆ни с пороки. А҆ инѣ҃
сѡ҃мочислеными лѣст҆ви
цами. И҆ в҆зѧша гра҃ резаⷩ҇.
мцⷭ҇а. декабрѧ. ка҃. днь.
И҆ прииⷣоша в҆ црквь собръ
ноую̀ прⷭ҇тыа̀ бцⷣи. И҆ вели
Коую̀ кнⷭ҇гню а҆грепѣноу



245 об.—246

мтр҃ь велика҃ кнѣ҃а и сно́
хами и с пр҃очими кнѧгне
ми мечи йсеко́ша а҆ е҃пп҃а
и а҆рхиническы҃ чи҃ ѡ҃гню
Предаша во ст҃ѣи҂ цр҃кве
пожегоша. и҆ и҃нѣ҃ мно́
зи ѿ ржїа҃ па҃ша и҆ во гра҃
мно́гїи лю҃и. и҆ жены и
дѣти мечи йсеко́ша.
и҆ и҃нїи в рѣцѣ потопи
ша. йер҃ѣи҃ чер҃норїца
до ѡ҃стан҃ка йсеко́ша.
Ивѣ҃ гра҃ по҃гоша. Ивсе оу҃
зорочи҃: на҃рочитое҃ бо
Га҃ст҃во рехан҃ское҃ и
ср҃бнїи҃ и҃ киев҃ское҃ и черⷯ
нигов҃ское҃ поймаша.
и҆ хра́мы бж҃їа҃ разори
ша. и҆ во ст҃ы҃и҃ ѡл҃тар҃ѣ҃
мно҃ѿ кро́ви проли҃а҃ша. и҆
не ѡ҃ста бо гра҃ нїе҃ е҃дин҃ъ
живы҃и҃ в҃си раб҃но оумро́ша.
и҆ е҃дину҃ чашоу смр҃тноу҃
пиша. нѣ҃ бо тоу ни сто
нюща ни плачюща. и҆ ни
ѡ҃цоу и мтр҃и ѡ҃ чадѣ҃. Или
чадо҃ ѡ҃ ѻ҃ци и҆ ѡ҃ мтр҃и ни
кра́тоу ѡ҃ брате. Ни кли҃
немоу роду. Но вси в҃коу
пѣ҃ мр҃тви лежа́ща. и҆ сїа҃
в҃са найде гре҃ ра҃ нш҃и҃. кѣ҃
ко҃нный цр҃ъ батыѣ҃ и҃ вида҃
велїе҃ пролитїе҃ кро́ви
хр҃тїан҃скїа҃. Ивѣ҃ариса҃
село и҆ ѡ҃гор҃чи҃. и҆ пойде
на гра҃ соу҃здa҃. и҆ бла҃мерⷯ.
Илиа҃ роускоую҃ землю по
Пленити. и҆ вѣ҃рꙋ хр҃тїа҃

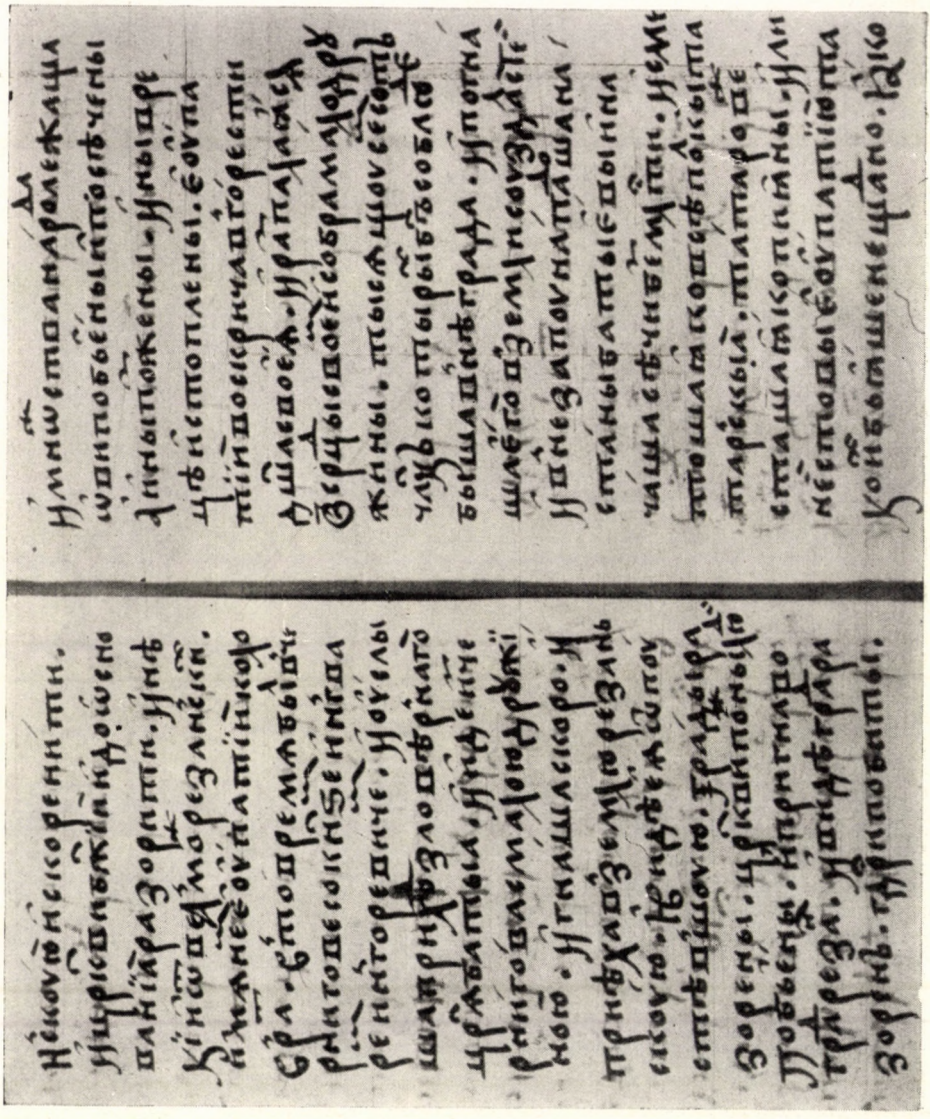


246 об.—247

Н҆скоу́ю и҆скорени́ти.
И҆ црк҃ви бж҃їи и҆ до ѡ҆сно
ванїа̀ разорити. И҆ нѣ
Кїи ѿ вел҆мо҃ резан҆ски҃.
и҆мѧне҃м е҆оу҆патїи коло
в҆ра҃. в҆ то́ времѧ бы҃ в҆ че
рнигове со кн҃зе҃м и҆н҆гва
ре҃м ин҆горевиче҃м. И҆ оу҆слы
ша прихо҃д зловѣр҆наго̀
цр҃ѧ батыѧ. И҆ и҆де и҆ че
рни́гова с малою дрꙋжї
ною̀. И҆ гна́ша скоро. И҆
приѣха в҆ землю резань
скоу́ю. И҆видѣ е҆ѧ ѡ҆поу́
стѣв҆шоую. Гра́ды ра
зорены. црк҃ви по҃жны лю҃д
Побьѐны. и҆ пригна во
гра҃д реза҃. И҆ видѣ гра҃д ра
зоренъ. гдр҃и побиты.

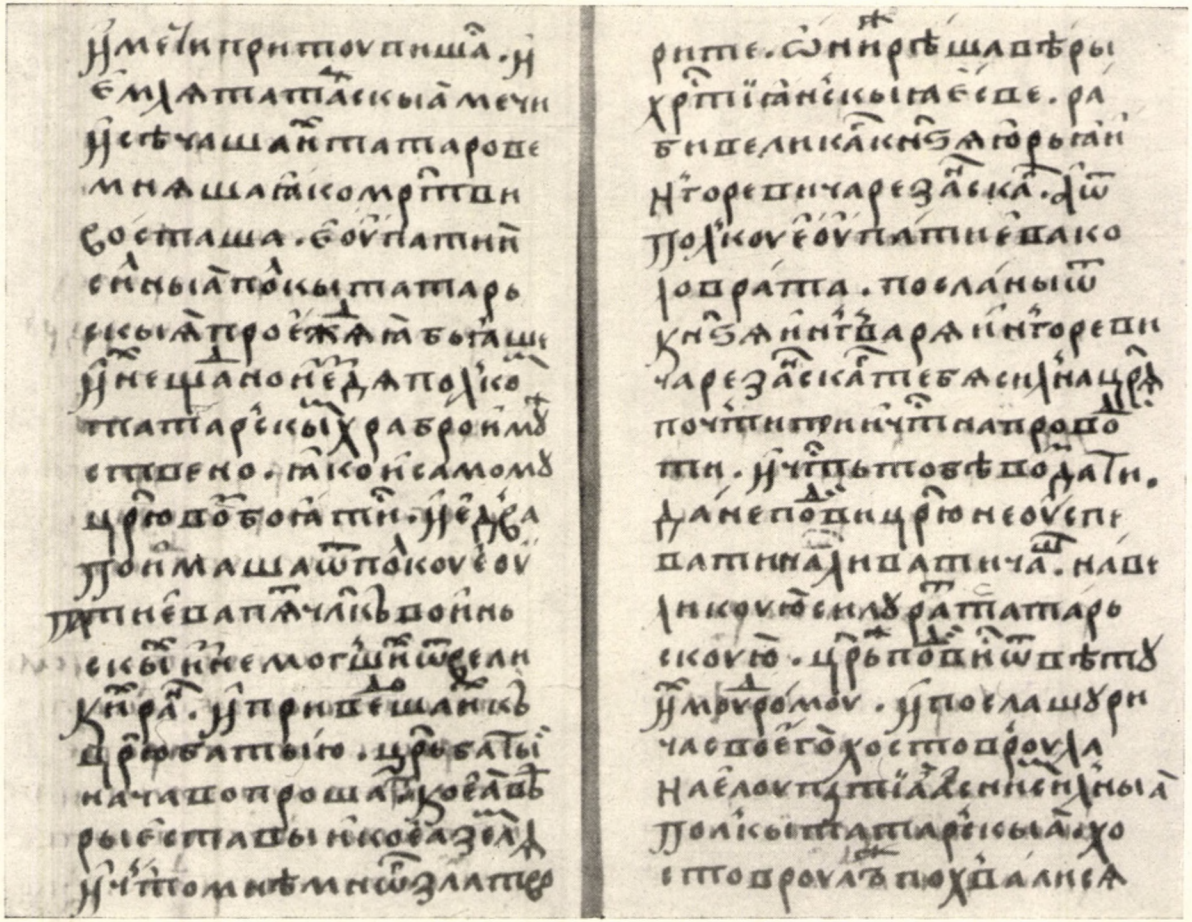
И҆ мнѡ҃жства на́ро҃да лежаща
ѡ҆ви побьѐны и҆ посѣчены
А҆ и҆ны по҃жены. И҆ны в ре
цѣ и҆стоплены. е҆оу҆па
тїи воскрича в҆ го́рести
дш҃а своѐѧ. И҆ ра҃палаѧсѧ
в҃ срц҃ы свое҃м и҆ собра ма́ло дрꙋ
жины. тысѧщоу се҃м сотъ
чл҃къ котыры҃х б҃ъ соблю҃де
быша в҆нѣ града. И҆ погна́
ша е҆го̀ в҆ з҆мли соуздаⷭ҇те
И҆ в҆незапоу на́па҃доша на
ста́ны батыѐвы и҆ на
ча́ша сѣчи б҃ї мл҃ти. И҆ сме
тоша ꙗ҆ко всѣ по҃кы та
тар҆скыа̀. та́таровѐ
сташа ꙗ҆ко пиꙗ҆ны. И҆ли
не҃стовы е҆оу҆патїю та
Ко и҃ бы҃ше нещ҃дно. Ꙗ҆ко

246 об.—247



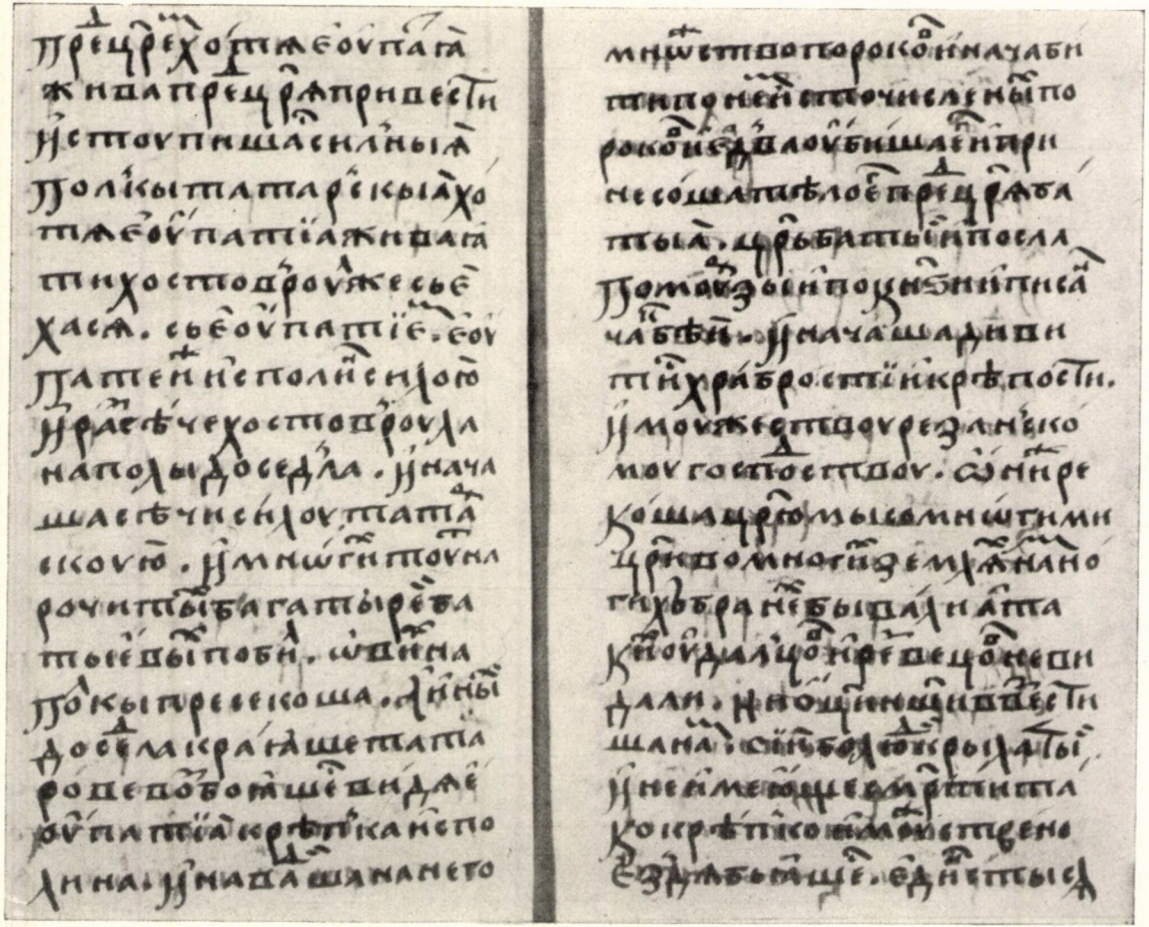
247 об.—248

И҆ мечи притоупиша҃. И҆
е҆мла татаⷣскыѧ̀ мечи
И҆ сѣчаша и҆ татарове
мнѧша ꙗ҆ко мр҃тви
во́сташа. е҆оу҆патиѝ
си҃ныѧ̀ по҃кы татарь
скыѧ̀ проѣ҆ждѧ̀ѧ бы҆аше
И҆х нещ҃дано и҆ е҆дѧ пол҆ко҃м
татар҆скы҃м храбро и҆ мꙋ҃ж
ствено. ꙗ҆ко и҆ самомꙋ
цр҃ю во҆бо҆ꙗти҃. И҆ е҆д҆ва
Поимаша ѿ по҃коу е҆оу҆
патиева пѧ҃ чл҃къ воинь
скы҃х и҆немог҆ши҃ ѿ вели
Ки҃х ра҃. И҆ приве҃доша и҆х къ
цр҃ю батыю. цр҃ь баты҃
нача вопрошат.и Коеа̀ вѣ
ры е҆ста вы и҆ коеа ѕе҃мла
И҆ ч҆то мнѣ мнѡ҃ ѕла тво
рите. ѡ҆ни҃ рѣша вѣры
хр҃тїꙗн҆скыꙗ е҆све. ра́
би велика҃ кн҃ѕѧ ю҆рьꙗ̀ и҆
Н҆горевича реза҃ска҃. А҆ ѿ
Пол҆коу е҆оу҆па́тиева ко
ловра́та. посла́ны ѿ
Кн҃ѕѧ и҆н҆г҆варѧ и҆н҆гореви
ча реза҃ска҃ тебѧ сил҆на цр҃ѧ
поч҆тити и҆ ч҃тна прово҃д
ти. И҆ ч҃ть тобѣ во҆дати.
да́ не по҃ви цр҃ю не оу҆спе
вати наливати ча҃. на́ ве
ликоую̀ силꙋ ра҃ тата́рь
скоую̀. цр҃ь по҃ви҃ ѿвѣтꙋ
И҆х моу҃ро́моу. И҆ посла шꙋри
ча своего̀ хостов҆роула
На е҆лоупатїа̀ а҆ с ни҃м сил҆ныѧ̀
Пол҆кы татар҆скыѧ̀. хо
стовроулъ҃ пох҆ва́лисѧ



248 об.—249

Пр҃ѣ цр҃ѣ хо́тѧ є҆оу҃па҃а
жива пр҃ѣ цр҃а привести
И̑ стоупиша҆ сил҆ныѧ҆
Пол҆кы татар҆скыѧ҆ хо́
тѧ є҆оу҃патїа жива ꙗ҆
ти хостов҆роу҃ же сьѣ
хасѧ. сь є҆оу҃патїѣ. є҆оу҃
Патей҃ исполѝ силою
И̑ рас҃ѣче хостов҆роула
на полкы до сед҆л҆. И̑ нач҃х
ша сѣчи си́лоу тата҆
скоую҆. И̑ мнѡ́г҃и тоу҃ на
рочитꙑ҃ѧ҆ багатырѣ҆ ба
тыёвꙑ҃ покѝ. ѡ҃вѝ на
По҆кы пресекоша. И̑ и҃нꙑ҃
до сѣла краꙗ҆ше тата
рове бо҆ꙗ҆ше҆ ви́дѧ ѣ҆
оу҃патїа крѣп҆ка испо
лина. И̑ набѣ҆ша на него
мнѡ́ж҃ство пороко҆ѧ҆ и̑ нача ви́
ти по нѣ҃ ис҃ точислены҃ по
роко҆ѧ҆ и̑ ѣ҆д҆ва оу҃би́ша ѣ҆ и̑ при
несо́ша тѣ́ло ѣ҆ пр҃ѣ цр҃а ба́
тыа҆. цр҃ь батыѩ҃ и̑ посла
По моу҃зы и̑ по Кизи и̑ писа҆
чакѣ́и̑. И̑ начаша диви
ти́ хра́бростї и̑ крѣпости.
И̑ моужествоу рѧзан҆ско́
моу господствоу. ѡ҃нѝ ре
Ко́ша цр҃ю мы со мнѡ́гими
цри́ во многи́ѧ҆ земла҆ѧ҆ нѣ҃но́
гихъ кра́ѣ҆ бывáли а҆ та
Кѝ оу҃дал҆цѣ҆ и̑ ре́вецѣ҆ не ви
дали. Ни о҆ци ныни вѣ́сти
ша нѣ҃. сїѝ бо лю҃ѩ҃ крыла́тыѩ҃.
И̑ не и҃мею҆ще смр҃ти та́
Ко крѣп҆ко и̑ моу҃стве́но
ѣ҆з҆да бꙑ҃ша҆ше҆. ѣ҆дѝ с тыса

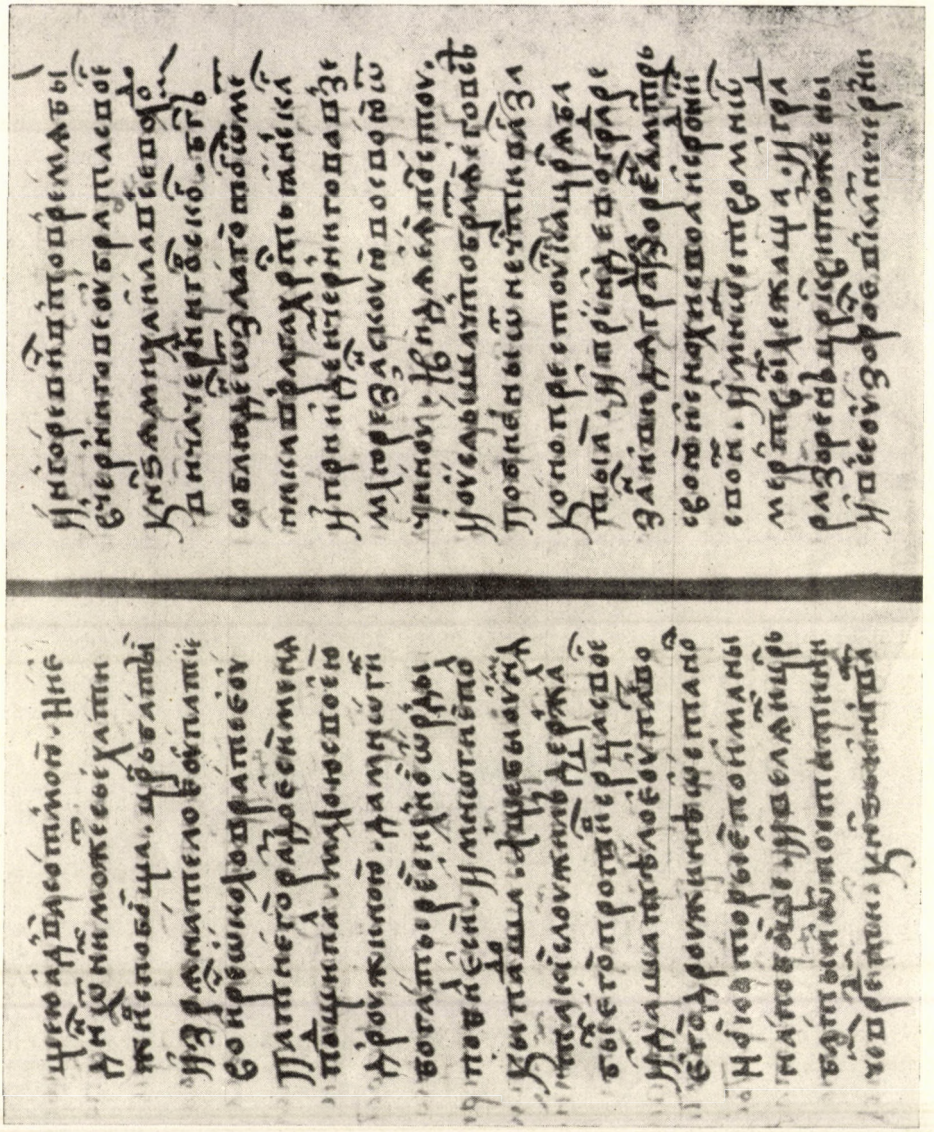


249 об.—250

щею а д҆ва со т҆мою. Ни е҆
дин ѿ них може сьѣхати
жив с побоща. црь батъг
И зрѧ на тело еоупатїе
во и рече ѡ коловрате еоу
Патие гораздо еси менѧ
подщипал. малою своею
д҆роужиною. да мнѡгих
богатырех сил҆ноу ѡрды
побил еси. И мнѡгие по
Кы падоша. Аще бы оу мнѧ
такіг слоужилъ дер҆жал
бых его против срца своего
И даша тѣло еоупатево
его дроужинѣ ѡстаноу
Ноу которые поиманы
на побоще. И велѧ их црь
батый ѿпостити ни
чем вредити. Кнѧзь ин҆гвар

Ин҆горевич в҆ то в҆ремѧ был
в҆ чер҆нигове оу брата своего
Кнѧзѧ михаила в҆севолодо
вича чер҆нигов҆ского. бгъм
соблюдеи ѿ злаго того ѿмет
ника в҆рага хрстьѧн҆скаго
И прииде и чер҆нигова в зе
млю резанскоую во свою ѿ
чиноу. Ивидѧ еѧ поустоу.
И оуслыша ч҆то братѧ его всѣ
Побиены ѿ нечестиваго за
Конопрестоупника црѧ ба
тыа. И прїиде во град ре
зан и видѧ град разорен а мтрь
свою и снохи своа и сродник
свои. И мнѡжство мнѡг
мер҆твых лежаща. И град
разоренъ црькви поженыи
И в҆се оузороче в҆ каине чер҆ни

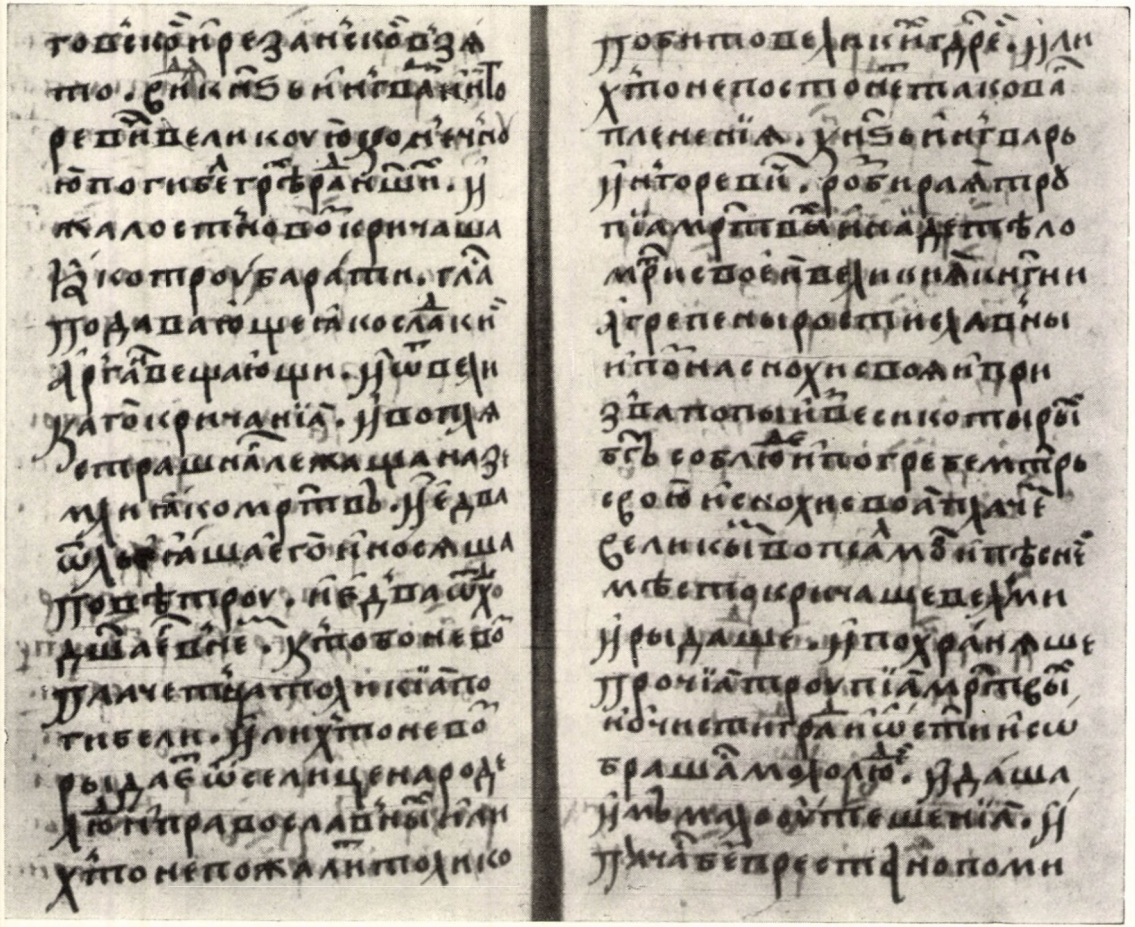
249 об.—250



250 об.—251

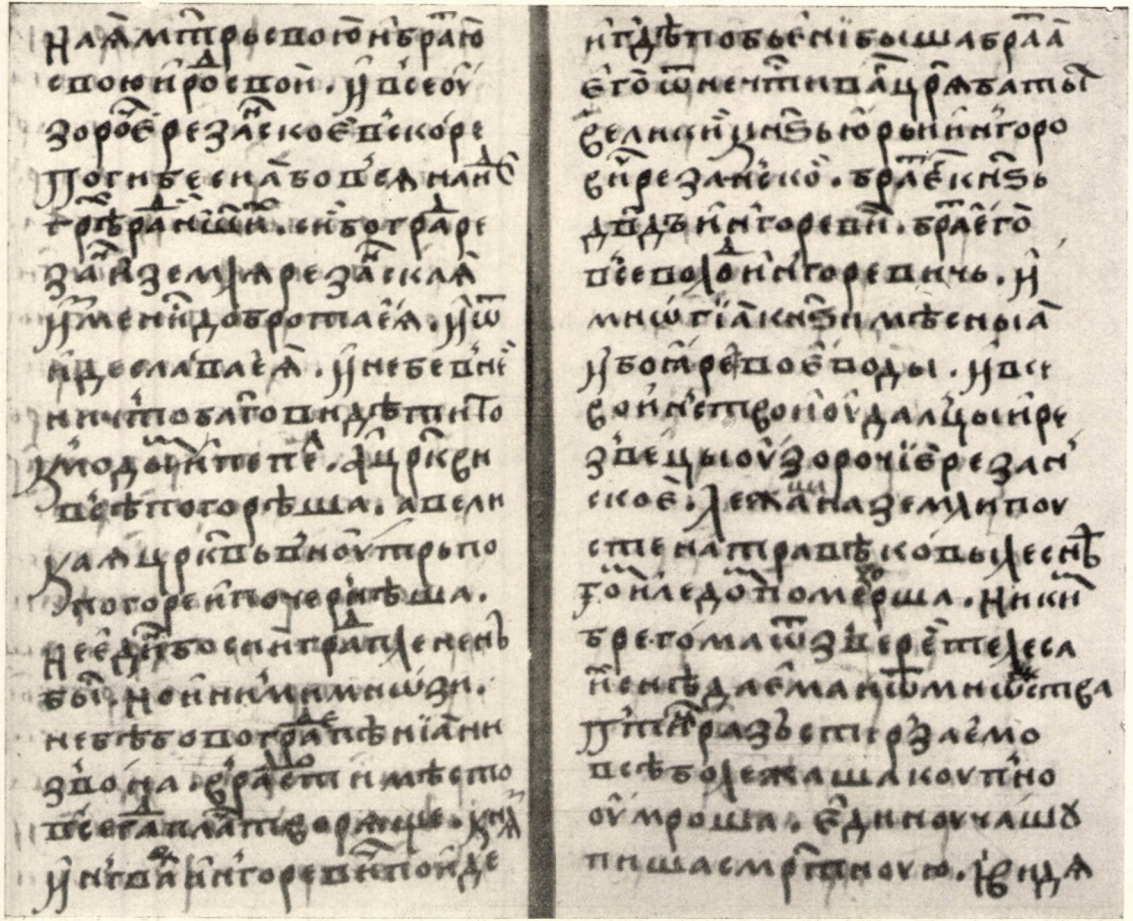
гов҆ско҃ и҆ резан҆ско҃ в҆зѧ́
то. ви҃ кн҃зь и҆н҆гва҃ и҆н҆го
реви҃ великоую Кон҆еч҆но
ю погибе҃ гр҃ѣ ра҃ нш҃и. И҆
жалост҆но во҆кричаша
Ꙗ҆ко троу́ба ра́ти. гла҃
Подаваю́ще ꙗ҆ко сл҃аки҃
А҆р҆га҃ вещаю́щи. И҆ ѿ вели
Каго̀ кричанїа̀. И҆ вопла
страшна҃ лежаща на зе
мли ꙗ҆ко мр҃твъ. И҆ е҆два
ѿльеꙗ́ша е҆го̀ и҆ носѧша
По вѣтроу. и҆ е҆д҆ва ѿхо
дша҃ е҃ в҆ не҃. К҆то бо не во҃
Плачет҆ца толикїа̀ по
гибели. И҆ли х҆то не во҃
рыдае҃ ѡ҆ селице народе
лю҃и православ҆ны҃ и҆ли
х҆то не пожали҃ толико

Побито велики҃ гдре҃. И҆ли
х҆то не постоне҃ такова҃
плененїѧ. Кн҃зь и҆н҆гварь
И҆н҆горевич. ро҆бираѧ тру
пїа мр҃твы҃ и на҃де тѣло
мр҃ти своеи҆ великиѧ кнг҃ни
А҆грепены ростислав҆ны
и҆ по҆на сно҃и своѧ и҆ при
з҆ва попы и҆ веси котыры҃
бг҃ъ соблю҃е и҆ погребе мт҃рь
свою и҆ снохи своа̀ плаче҃
великы҃ во псалмо҃ и҆ пѣсне҃
мѣсто кричаше вел҆ми
И҆ рыдаше. И҆ похра́нѧше
Прочїа̀ троупїа̀ мр҃твы҃
и҆ о҆чисти гра҃ и҆ ѡ҆сти и҆ сѡ
браша҃ моло лю҃е. И҆ да́ша
И҆мъ мало оу҆тешенїа̀. И҆
Плача҃ бе҃престано поми



251 об.—252

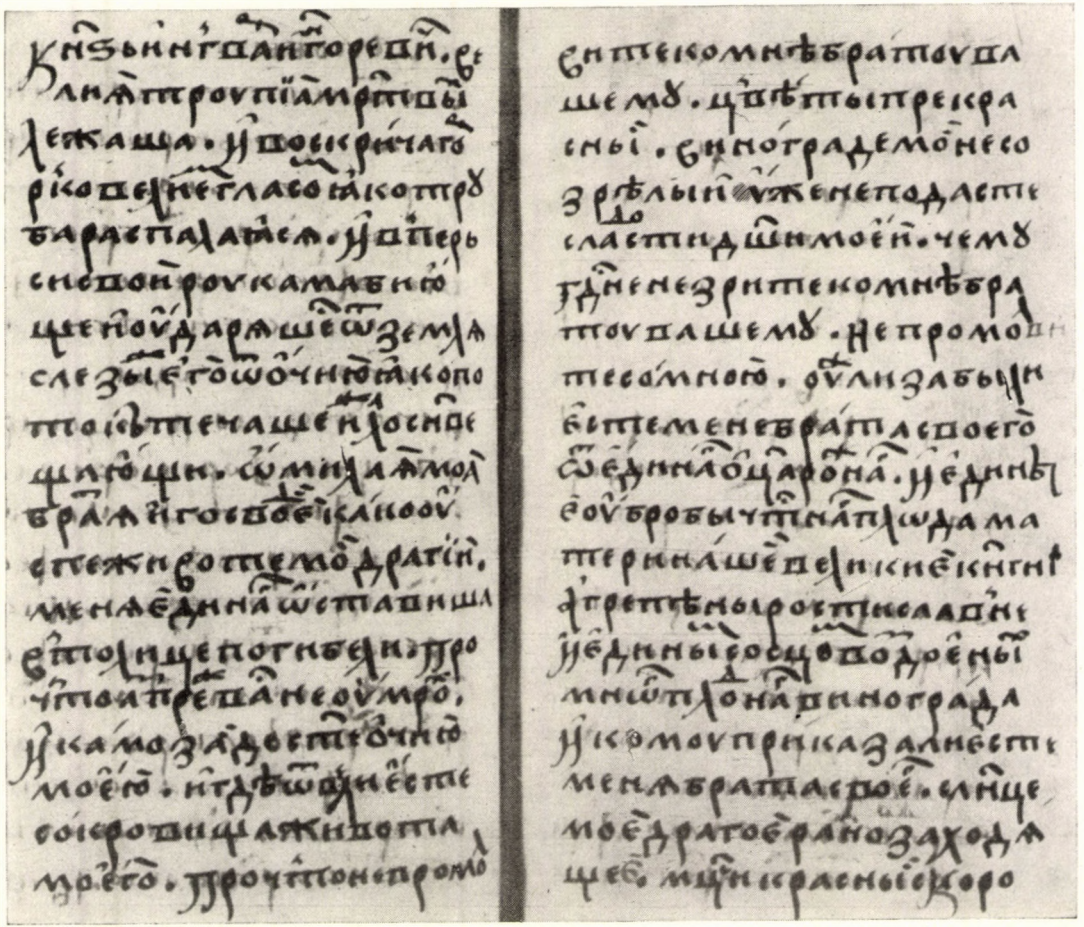
Наа̀ мт҃рь свою҆ и҆ краю҆
свою҆ и҆ рѣ҆ свои҆. И҆ в҃се оу҆
хордѣ҆ рєхаскоє҆ в҃скоре
Погибе сиа̀ во в҃сѣ наи҆
5 гр҃ъ ра҃ ишїи҃. си҃ во гра̀ ре 5
ха̀ и҆ хемла рєхаскаа̀
Имєнїи҃ доброта ѣ҆а. И҆ ѿ
иде слáва ѣ҆а. И҆ не ве в҃ не҃
ни ч҃то клт҃о видѣ҆ти то
10 К҃мо дк҃ и҆ пепе҃. А҆ цр҃кви 10
в҃сѣ҆ погорѣ҆ша. а҆ бели
Каа цр҃кы в҃ноу҆трь по
погоре и҆ почер҃нѣ҆ша.
Не ѣ҆дн҃ во сии҆ гра̀ пленєнъ
15 вкы҃. Но инн҃ми мнѡ́хи. 15
не вѣ҆ во во гра̀ пѣнїа̀ ни
х҃во́на. в҃ ра̀сти мѣсто
в҃сѣ҆а̀ пла̀ творѧще. Кнѧ҆
19 Ин҃гва̀ ин҃горевн҃ пои҆де 19
и҆ г҃дѣ҆ покьѣнї вкн҃ша кра̀а
ѣ҆го҆ ѿ нечт҃ива̀ цр҃а батыа҆
великн҃ Кнзь ю҆рьи ин҃горо
вн҃ рєхан҃ско҃. кра҃ ѣ҆ кнзь
дв҃дъ ин҃горевн҃. кра҃ ѣ҆го҆
в҃севолѡ҆ ин҃горевичь. И҆
мнѡ́гїа̀ кнзи мѣсныа҆
И҆ коа҃ре І воєводы. И҆ все
воин҃ство и҆ оу҆дал҃цы и҆ ре
х҃вѣцы оу҆хорочїѣ рєхан҃
ское҆. лежа҃шїа҆ на хемли поу
сте на травѣ҆ кобыле сиѣ҆
Гм҃ и҆ ледм҃ зо помѣ́рша. Ни км҃
крегóма ѿ х҃вере҃ телеса
и҆ сиѣ҆даємá и҆ ѿ мнѡ́ства
П҃ти рахъстер҃заємо
всѣ҆ во лежаша коуп҃но
оу҆мроша. ѣ҆диноу ча́шѫ
пиша смр҃тноую. І҆вида



251 об.—252

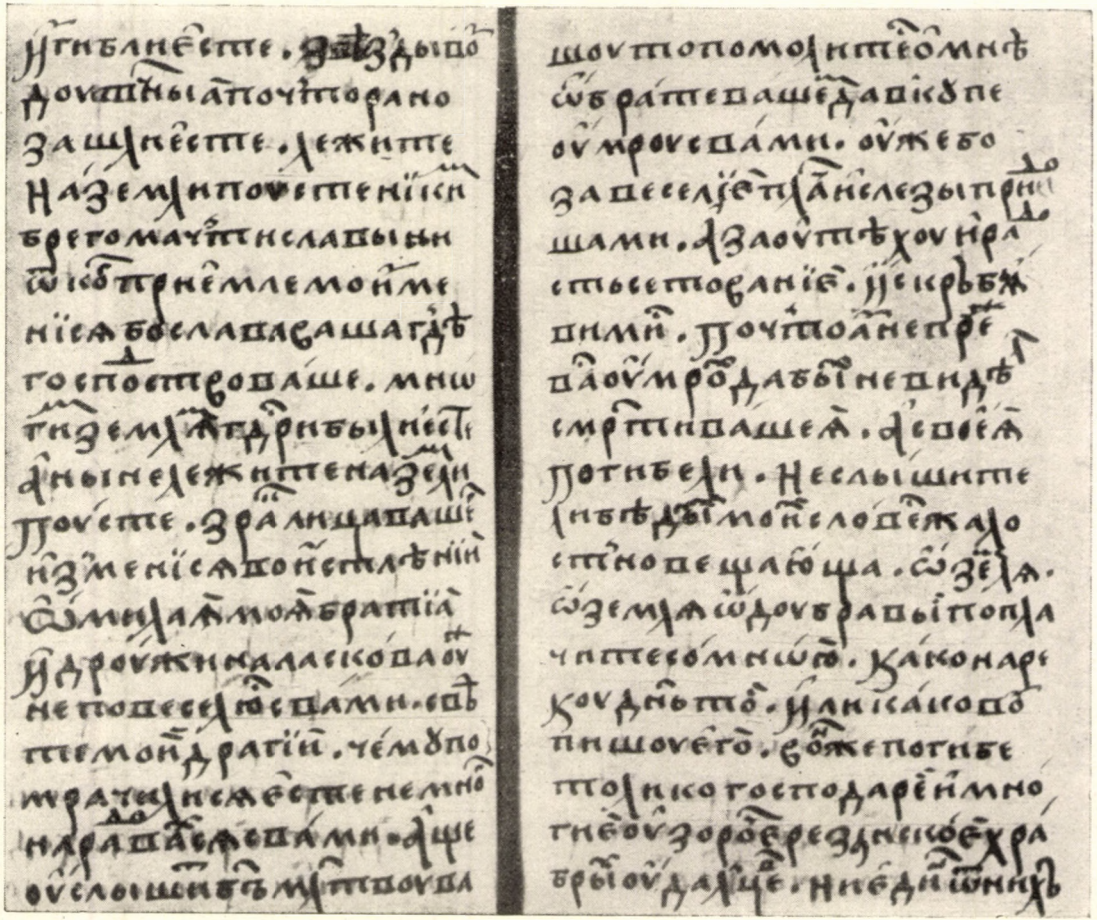
252 об.—253

Кн҃ѕь и҆н҆гва҃ и҆г҃ореви҃. ве
лиѧ̀ троупїа̀ мр҃твы҃
лежаша. И҆ воскри́ча го҃
р҆ко велие҃м гласо҃м ꙗ҆ко тру
ба распалаꙗсѧ. И҆ в҆ перь
си свои̑ роукама бию̑
ще и҆ оу҆дарѧше҃ ѿ землѧ
слезы҃ ѥ҆го̀ ѿ о҆чию̀ ꙗ҆ко по
токъ течаше и ж҃лосн҃ ве
щаю̑щи. ѡ҆ милаѧ̀ моа̀
бра҃тѧ и҆ госво҃дѣ ка́ко оу҆
спе животе мо҃ драгїи̑.
менѧ ѥ҆дина҃ ѡ҆ставиша
в҆ толице погибели. Про
ч҆то а҃ пре҃ ва҃ не оу҆мро҃.
И҆ ка́мо за҃десте о҆чию̀
моѥ̑ю̀. и҆ гдѣ ѿвели ѥ҆сте
со́кровища живота
моѥ̑го̀. Про ч҆то не промо҃
вите ко мнѣ бра́тоу ва
шему. ц҆вѣ́ты прекра
сны҃. вино́граде мо҃ несо́
зрѣлыи̑ оу҆же не подасте
сла҃дости дши моѥ̑и̑. чему
Гд҃не не зрите ко мнѣ бра
тоу вашему. Не промо҃ви
те со́ мною̀. оу҆ ли забыли
ѥ҆сте мене бра́та своего̀
ѿ ѥ҆дина҃ о҆ца ро҃жна҃. И҆ ѥ҆дины
ѥ̀ оу҆бробы чт҃на҃ плѡда ма
тери на́ше҃ великиѥ̀ кн҃гнї
А҆гропѣны ростислав҆не
И҆ ѥ҆дны҃м сосцо҃м во҃доѥны҃
миѡ҃плодна҃ виногра́да
И҆ комоу при́казали ѥ҆сте
менѧ брата свое҃. сл҃нце
моѥ̀ драгоѥ̀ рано заходѧ́
щеѥ̀. мц҃и красны҃ скоро



253 об.—254

Игибли есте. звѣзды во
доустныѧ по что рано
зашли есте. лежите
На земли поусте нїкимъ
брегома чти славы ни
ѿ кого приемлемо име
нїсѧ бо слава ваша гдѣ
господство ваше. мнѡ
гимъ землѧмъ гдри были есте
А ныне лежите на земли
Поусте. зрачь лица вашего
изменїсѧ во истлѣнїи
ѡ милаѧ моѧ братїа
И дроужина ласкова оужъ
не повеселю с вами. свѣ
те мои драгїи. чему по
мрачилисѧ есте не много
нарадовахсѧ с вами. Аще
оуслышит бъ млтвоу ва
шоу то помолитесь о мнѣ
ѡ брате вашемъ да вкупе
оумроу с вами. оуже бо
за веселїе плачь и слезы прїи
ша ми. А за оутѣхоу и радо
сть сетованїе. И скрьбь ѧ
ви мнѣ. По что аще не прежде
вась оумрох да бых не видѣлъ
смрти вашеѧ. А своеѧ
Погибели. Не слышите
ли бѣдныхъ моихъ словесъ жало
стно вещающа. ѡ землѧ.
ѡ землѧ ѡ доубравыи попла
чите со мнѡю. Како наре
Коу днь тоже. Или како во
пишоу его. в онъ же погибе
толико господарецъ и мно
гие оузорочье резанское хра
брых оудальцевъ. ни един ѿ нихъ

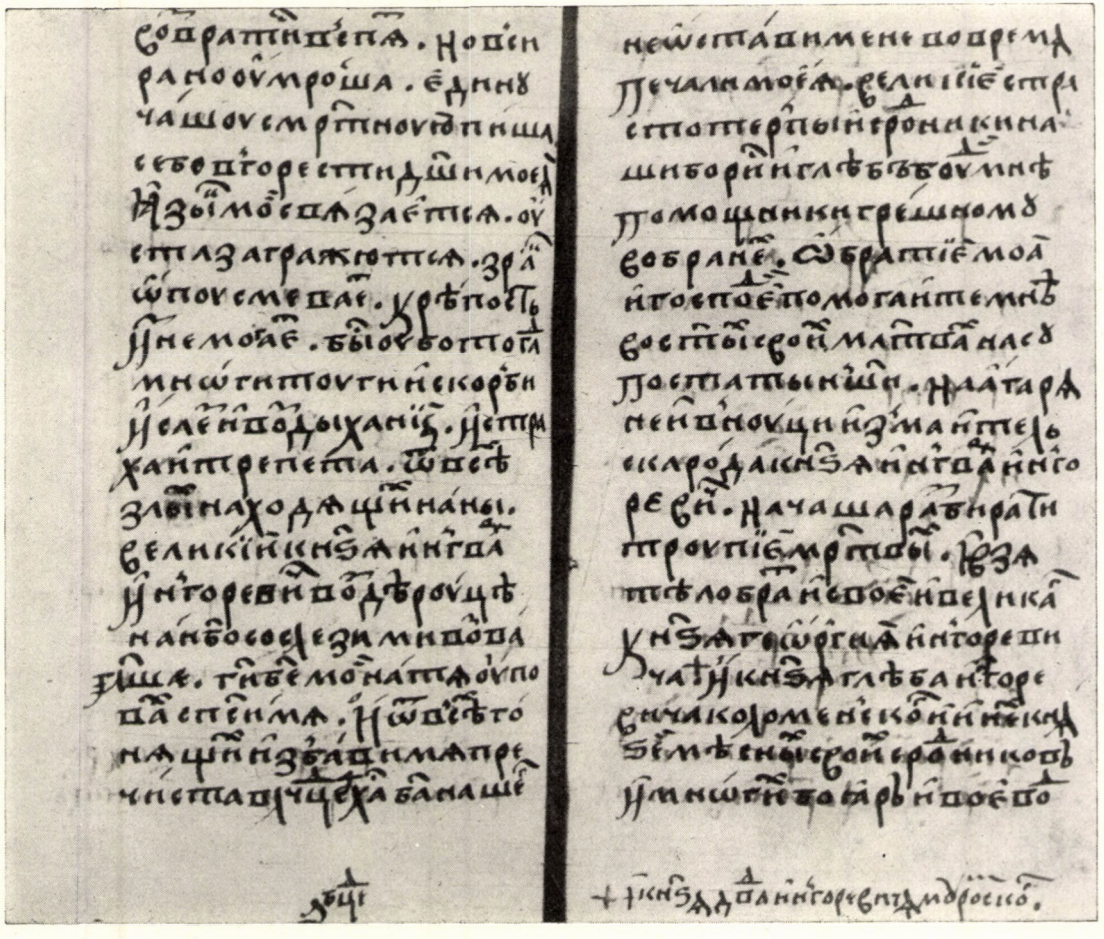


Изгибнете. Здѣ здѣ по
доч҃тныа почтоурано
защ҃пѣете. Лежите
на земли по чтенїи сѧ
брегомачтнеслабыи
ѡ҃ сѣбрнѣмлемоимѣ
нїемъ бесловлѧсашагдѣ
господствоваше. мнш
тнземлѧ ѣдрибы нѣсть
ѳныне лежите на земли
почѣте. Зрѧлищапаш
изменїемъ ѡпѣстлѣнїи
ѡмилаѧ моябратїѧ
идроужинадалѣсоплоу
не подсѣкѣсѣпами. сѣдъ
темойдратїи. чемъ по
мрати нѣсмѣете немно
гадрашабѣмѣсѣпами. дще
оуслоишитъ мѧтьсоуда
шоуто помоянѣомнѣ
сѫбратѣпашѣдаикъпе
оумроусѣпами. оумѣбо
запѣсѣлѣѣтѣдѧнѣслезыпрнѣ
шами. дзлоуттъхоунрл
стьсѣтованїѣ. Ѭскорьбѫ
пимѣ. Почтолѧнепре
дѧоумродабынѣпидъ
смрттипашемѧ. дсѣѣмѧ
потибели. Неслышите
ли ѣдымоѣсловѣжѧщѧ
стнопещлоюща. сѫзѣла.
сѫземлѧ сѫдоубрапыпопла
чптеомнѣѫ. Каконарь
коудньто. Ѵлкисѧгоспо
пишочего. сѫжепотибе
тоѵнсогосподарѣѣмно
гѣоузорѣрездѣнѣсѣхрл
брыоудалцѣ. Ниѣдѣшнихъ

254 об.—255

вовратиⷮ в҆спⷭ҇ѧ. Но в҆си
рано оу҆мро́ша. є҆дину
ча́шоу смрⷭ҇тноую пи́ша.
се бо в҆ горести дш҃и моеѧ
Ꙗзы҃ моⷭ҇ свѧ́заетсѧ. оу҆
ста загражютсѧ. зраⷭ҇
ѡ҆поусмеваⷯ҇. Крѣ́пость
И҆немогаⷯ҇. бы҃ оубо тогда
мнѡ́ги тоуги и҆ скор҆би
И҆ слеⷯ҇ и҆ во҆дыханїа. И҆ стра
ха и҆ треп та. ѿ всⷯ҇ѣ
злы҃ находѧщиⷯ҇ на́ ны.
в ликїи кнѕѧ и҆н҆гва
И҆н҆горевиⷯ҇ во҆дѣ роу́цѣ
на́ нбо со слезами во҆ва́
Глⷭ҇шае. гⷭ҇и бе моⷭ҇ на́ тѧ оу҆по
ва҃ спси́ мѧ. И҆ ѿ всⷯ҇ѣ го́
нѧщиⷯ҇ и҆з҆ба́ви мѧ пре
чи́ста влчⷣцⷣе ✝ хⷭ҇а ба҃ нашеⷯ҇
✝бцⷣе

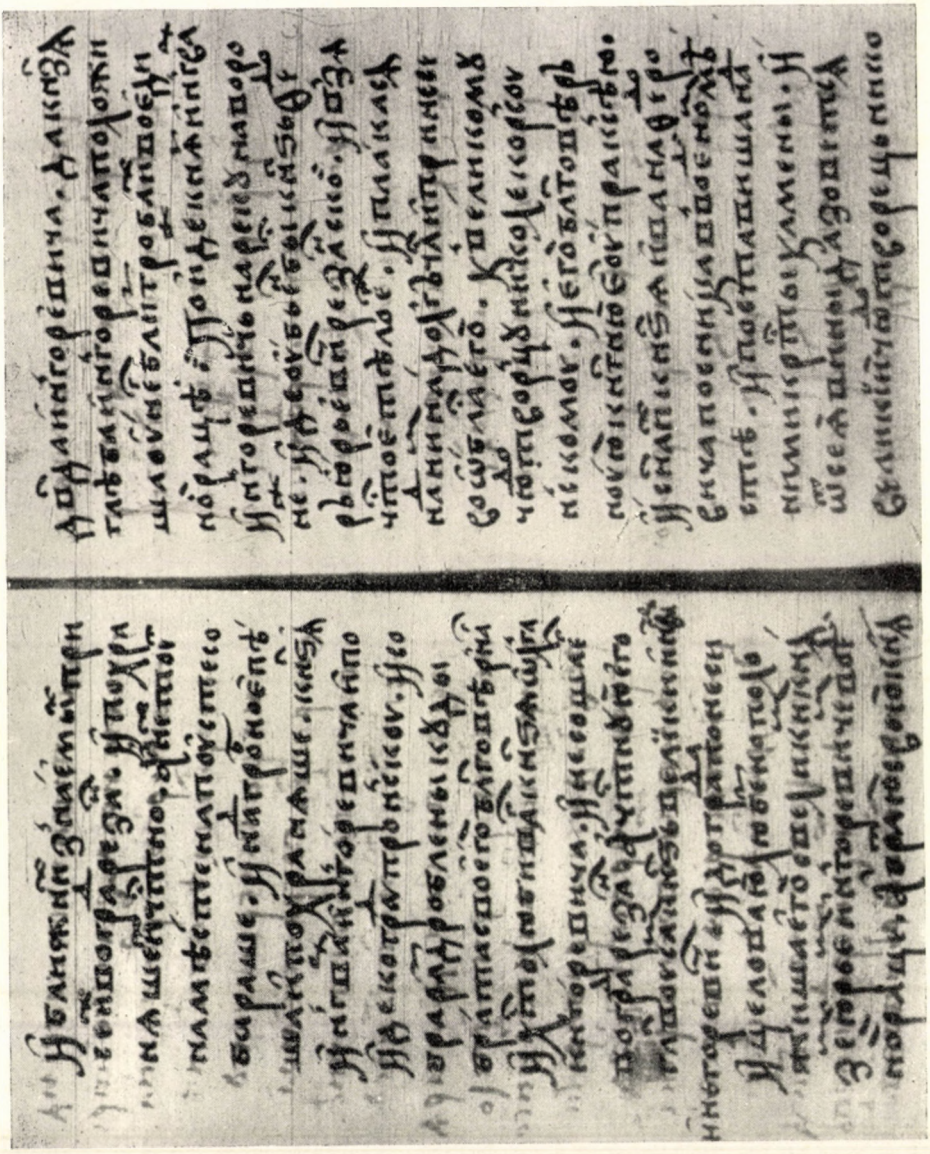
не ѡ҆ста́ви м не во времѧ
Печали моеѧ. великїе стра
стотер҆пыи сродники на
ши бориⷯ҇ и҆ глѣбъ боуⷣⷭ҇ мнѣ
Помощники грешному
во бранеⷯ҇. ѡ҆ братїе моа
и҆ господⷣе помогайте мнѣ
во стⷭ҇ы свои млⷭ҇тва на су
Постаты н҆ши. На а҆гарѧ
не и҆ в҆ноу́ци и҆з҆майтель
ска ро́да кнѕѧ и҆н҆гва и҆н҆го
ревиⷯ҇. Начаша ра҆бирати
троупїе мрⷭ҇твы҃. І҆взѧ
тѣло бра҃и своеи великаⷯ҇
Кнѕѧ геѡ҆р҆гиѧ и҆н҆гореви
ча✝. И҆ кнѕѧ глѣба и҆гⷭ҇оре
вича коломен҆скоⷯ҇ и҆ и҆неⷯ҇ кнѧ́
ѕеⷭ҇ мѣсны҃ свои сродниковъ
И҆ мнѡ́гиⷯ҇ боꙗръ и҆ воеводⷣ
✝ І кнѕѧ двⷣа и҆н҆горевичѧ моⷯ҇ромскоⷯ҇.



255 об.—256

И ближни҃ з҆на́емы҃ при
се и҃ во гра҃ реза҃. И похра
нѧше и҃ чтно. А и҆ не҃ тоу҃
на мѣсте на поусте со
бираше. И на҃гробное пѣ
ша и похранѧше. кнѕѧ
Ин҆гва҃ ин҆го́ревича и по
Иде ко гра҃у прон҆скоу. И со
бра раздроблены куды
бра́та своего̀ бл҃говѣр҆на҃
И хтолю ива҃ кнѕѧ ѡ҆л҆га
инго́ревича. И несоша е҃
во гра҃ реза҃. А чтнꙋю его
гл҃воу са҃ кнѕь велїки ин҃ва҃
иньгоревич. И до гра҃ понеси
И целова ю любе҃но поло
жиша его̀ с велики҃ кнѧ́
зе҃ юрье҃ ин҆горевиче҃ во е҃
но҃ раце. А бра҃ю свою кнѧ҃
дв҃да ин҆горе҃вича. да кнѕѧ
глѣба ин҆горевича положи
ша оу не҃ бли҃ гроба и҃ во е҃ди
но҃ рацѣ. Пойде҃ кнѧ҃ ин҆гва҃
Ин҆горевичь на реку на воро
не҃. Иде оубье҃ бы҃ кнѕь Ѳе҃до
ръ юрьевич реза҃ско҃. И в҆зѧ
чтое тѣло е҃. И пла́касѧ
на҃ ни҃ на́ дол҆гъ ча҃ и принесе
во ѡ҆бла҃ его̀. К҆ великому
чю҃твор҆цу николе кор҆соу
н҆скомоу. И его̀ бл҃говѣръ
ноую кнгню еоупрак҆сѣю.
И сна н҃ кнѕѧ ивана Ѳе҃до
вича посни́ка в҆во е҃но҃ мѣ
стѣ. И поставиша на҃
ними кр҃ты Камены. И
ѿ сеѧ вины да зоветсѧ
великїи чю҃творець нико

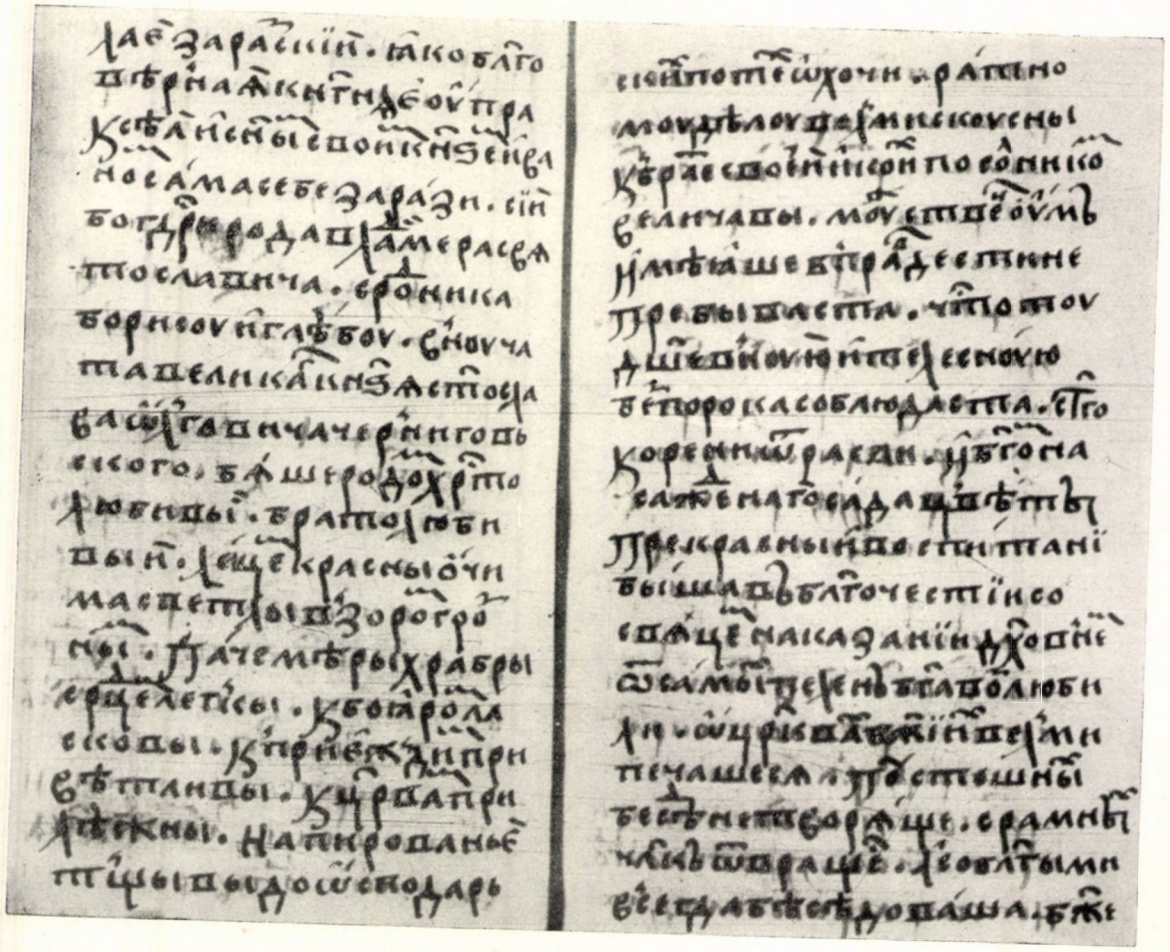
255 об.—256



256 об.—257

лаѐ зара̑скїй. ꙗко бл҃го
вѣр҆наѧ кн҃гнѧ ѥоу̑пра
Ксѣа̀ и̑ сн҃ы̑ свои̑ кн҃зе̑ и̑ва
но̑ са́ма себе зара́зи. сїй
бо гд҃ри рода вла̑мера свѧ
тославича. сро̑ника
борисоу и̑ глѣбоу. в҆ноуча
та велика̑ кн҃зѧ ст҃осла
ва ѡ̑л҆говича чер҆ниговь
ского. бѧ́ше родо̑ хр҃то
любивы̑. братолюби
вый. ли́це̑ красны о̑чи
ма светлы в҆зоро̑ гро̑
ны̑. Па́че мѣры храбры
срце̑ лег҆кы. К боꙗро̑ ла
сковы. К҆ приѥж҆ди̑ при
вѣтливы. К цр҃ва̑ при
лѣжны. На пированьѐ
т҆щывы до ѡ̑сподарь

ски̑ поте̑ ѡ̑хочи. ра́тно
моу дѣлоу вел҆ми скоусны
К҆ бра̑е своѥ̑и и̑ ко и̑ посо̑нико̑
величавы. мо̑ужстве̑ оу̑мъ
И̑мѣꙗше в҆ пра̑бдестине
Пребываста. чт҃отоу
дш҃ев҆ноую̀ и̑ телесноу́ю
бе̑ порока соблюдаста. ст҃го
Корени ѿрасли. И̑ бг҃о̑ на
са̑денаго̀ са́да ц҆вѣ́тъі
Прекрасный воспи́танї
бы́ша въ бл҃гочестїи со
свѧце̑ наказанїи дх҃ов҆не̑
ѿ са́мы̑ пеленъ бг҃а во̑люби
ли. ѡ̑ цр҃ква̑ бж҃їи̑ вел҆ми
печашесѧ. По̑стошны̑
бесѣ̑ не творѧ́ще. срамны̑
чл҃къ ѿвраще̑. А̑ со бл҃гыми
в҆сегда бѣсѣдова́ша. бж҃е



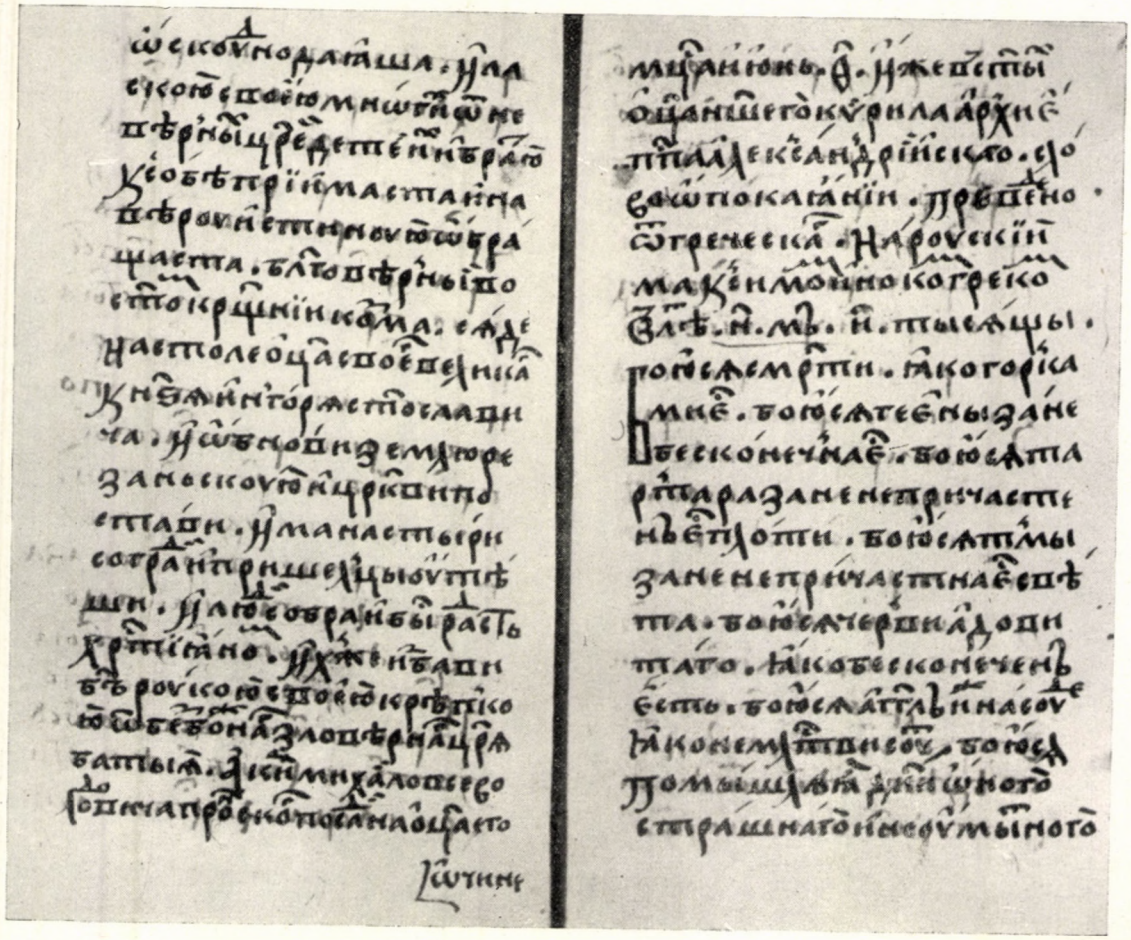
257 об.—258

ственыхъ писанїихъ в҆сего̀
да во оу҆миленїѝ послоу
шаше. ратныи во бранехъ
стра́шенїа̀ и҆в҆лѧшеⷭ҇.
мнѡ́гїѧ̀ вра́ги воста
ю́щи на́ нихъ побежаша.
И҆ во всѣхъ стра́нахъ слвна
и҆мѧ и҆мѧща. Ко грече
скимъ црⷭ҇емъ великоу любовь
И҆моуща. И҆ да́ры оу҆ нихъ
мнѡ́ги в҆зимаша. А҆ по
бра́це целомоудрено жи
вѧста смо́трѧю́щи
своеⷭ҇ спⷭ҇нїа̀. в҆ чⷭ҇тоⷭ҇ сове
сти и҆ крѣ́пости и҆ рау̑
ма предер҆жаⷭ҇ земноѐ
црⷭ҇тво. И҆ к҆ нбⷭ҇но́моу при
ближаѧ̀сѧ. Пло́ти оу҆годⷭ҇е
Не творѧще. соблюдаю̀
щи тѣ́ло сво́е по бра́це
грехꙋ непричасна. гдⷭ҇рь
скиѝ саⷭ҇ дер҆жа. А҆ постꙋ
И҆ млⷭ҇тве прилежаста. И҆
Крⷭ҇ты на ра́мѣ своемъ носѧ
ща. И҆ чⷭ҇ть и҆ сла́воу ѿ всеⷭ҇
мира при́и҆маста. А҆ стыⷭ҇а̀
дни стⷭ҇го по́ста чⷭ҇то хра
Нѧста а҆ по всѧ стⷭ҇ыа̀ по
сты причащастаⷭ҇ стыⷭ҇
прчⷭ҇тыⷭ҇ бесмртныⷭ҇ таи̑.
И҆ мнѡ́ги троуды. И҆ побѣ
ды по правои̑ вѣре показа
ста. А҆ с пога́ными поло
в҆цы чⷭ҇то бьѧ́шаⷭ҇ за стыⷭ҇а̀
црⷭ҇кви. И прⷭ҇овослав҆ноую̀
вѣроу. а҆ ѿчинꙋ̀ сво́ю ѿ сꙋ
Постаⷭ҇ вел҆ми беⷭ҇ лѣности
хра́нѧща. А҆ млⷭ҇тиноу не

257 об.—258

253 об.

ѡ҆скоу҆дно даꙗша. И҆ ла
скою̀ свою̀ мнѡ́гих ѿ не
вѣр҆ныхъ цр҃е дете҃ и҆х и҆ бра҃тю̀
К҆ со́бѣ прїи҆маста и҆ на
вѣроу и҆стиноую̀ ѡ҆бра́
щаста. бл҃говѣр҆ныи҃ во
ст҃ом крщ҃нїи ко҃ма. сѧ́де
На столе о҆ц҃а свое҃ велика҃
Кн҃ѕѧ и҆н҆го́рѧ ст҃ослави
ча. И҆ ѡ҆бно́ви землю ре
заньскоу́ю и҆ цр҃кви по
ста́ви. И҆ манасты́ри
согра҃ и҆ пришел҆цы оу҆тѣ́
ши. И҆ лю҃ собра и҆ бы҃ ра҃сть
хр҃тїꙗно҃м. И҆х҆ же и҆́бави
бъ҃ роу́кою своею̀ крѣп҆ко
ю̀ ѿ бе҃бо҃жна҃ зловѣрна҃ цр҃ѧ
батыѧ̀. А҆ ки҃ мих҃ало всево
ло҃довича про҃ско҃ поса҃ на о҆ц҃а его
[ѡ҆чине



Примечания

Лист	*Строка*	
238	18	Знак ✢ и слово внизу ✢ николина приписаны позднее.
238 об.	2—3	та́/тарскыми : к ошибочно написанному та́/рскыми приписано перед 3 строкой : та.
	19	оу҆ⷩ҇го̀ : ⷩ҇ⷵ переделано позднее из ⷩ҇ над у.
239	10—11	геѡ́рь/Гиⷧ҇ : ⷧ҇ надписано позднее.
239 об.	10	к рⷭ҇цю : описка, вместо к цⷭ҇рю.
	15	нⷭ҇емⷭ҇лсдръ : описка, вместо немⷭ҇лсрдъ.
240	6—7	Ѳеⷣо/ра : а переделано из о.
	9	И҆ пⷣотою̀ : ⷣⷮ — вставка.
	13	✢ плоти вписано позднее.
240 об.	11	и҆ : написано и҆.
241 об.	16	воеⷣе : вместо воеводе.
242 об.	3	ѡ҆бра́зⷪ҇ : первые буквы написаны на месте стертого слова бою̀.
243	4	бⷭ҇ію : титло поставлено позднее.
	15	прⷣесебо́ша : описка, вместо преседо́ша.
	17	сиⷧ҇ныѧ : и исправлено из л.
243 об.	15	удаⷧ҇цы : описка вместо оудаⷧ҇цы (из-за предшествующего о).
244	14	роꙁари : ꙁ исправлено из с.
	16	ⷭ҇ко : ⷭ҇ — вставка.
244 об.	1	И : написано Н.
245	10	тродⷪ҇ : описка вместо троудⷪ҇.
246	2	нїе : повидимому, описка вместо нї.
247 об.	12—13	е҆оу҆/патие҆ва : к ошибочно написанному е҆оу҆/тие҆ва перед 13 строкой приписано па.
	17	вопрошат.и : ти вписано позднее. (Первоначально было : вопроша .).
248	12	наливати : над первым а видно стертое ⷭ҇.
248 об.	16—17	тата/рове : над вторым а стертое ⷣ ; р исправлено из о (повидимому, писец хотел сначала написать татⷣа/ове, но припомнил правило переноса).
249	2	точисленⷯ҇ы : описка, вместо тмочисленⷯ҇ы.
249 об.	11	оу҆ ⷨⷱ҇нѧ : ⷨⷱ҇ надписано позднее.
	18	ѿпостити : описка, вместо ѿпоустити.
250	11—12	ꙁа/Ко́нопрестоуⷭ҇ⷭ҇ⷩ҇ка : ⷩ҇ⷩ҇ — вставка более поздняя.
250 об.	2	ⷣⷧ҇ви : ⷣⷧ҇ — вставка более поздняя.
	3—4	Кон҆ⷭ҇еч҆ⷭ҇но҆/ю̀ : ҆ между ч и н, а также ⷭ҇ над о вставлены позднее.

250 об.	13	ѿхо: надписанное ° неразборчиво — может быть ⁼; о в конце слова приписано позднее. (Возможное чтение: ѿходи.)
	14—15	во҃/Плачет҆ца: ц переделано из н.
251	5	на҃де: ⁼ надписано позднее.
	9	котыры҃: первая часть первого ы исправлена на о.
	17	моло: описка, вм. мало.
251 об.	12—13	по/погоре: описка, вм. погоре.
	15	и҆ни҆ми: описка, вм. и҆ инии.
252	8	I воѥводы: I вставлено позднее.
	11	лежа҃ша: ша надписано позднее.
	13	померша: зо надписано, повидимому, позднее. Такое начертание буквы ꙁ встречается в тексте только здесь.
252 об.	7	ѿ: повидимому, описка вместо ѡ҆.
	11	госво҃е: описка, вместо госпо҃е.
253	7—8	промо҃ви/те: ви в конце 7 строки приписано позднее.
	11	оу҆бробы: описка, вм. оу҆тробы.
	14	сосцо҃: второе о исправлено из е.
	18—19	ꙁаходѧ́/щеѥ̀: второе ѥ̀ на конце приписано позднее.
	19	скоро: к позднее переделано из к.
253 об.	1—2	во҃/доуст҃ныѧ̀: неясно. В более поздних списках: восточныя.[21]
	16	мои҃ (sic! — м. б., вместо мои҃).
254	4—5	прии҃/ша: второе и приписано позднее.
	6	скръбь: ь — вставка.
254 об.	8	И҆немогаѥ҃: ⁼ переделано из ʾ.
	15—16	во҃ва́/Гл҃шае: переделано из во҃ва́/ша (ае лигатурой).
	19	✠ и внизу ✠ бц҃е написаны позднее.
255	16	✠ и текст внизу написаны позднее.
255 об.	1—2	при/се вм. принесе.
	3	и҆не҃: и҆ вписано позднее.
	14—15	и҆нь҃ва / и҆ньгореви҃: переделано позднее из и҆нь/гореви҃.
256	15	в҆во вм. во.
256 об.	3	сн҃ы вм. сн҃о.
	9	ѡ҆л҆говича: о переделано из а.
	12	ли́цѥ: и́ переделано позднее из е.
257	5	в҆ переделано из б҆; пра҃дестине т. е. пра҃де истине.
	13	свѧцѥ: над ѧ зачеркнутый акут.
258	2	непричасна: а в конце переделано из о.
	16	И ⁼а: буква ⁼ переделана из ʾ над И.
	17	ѿчино҃: о҃ переделано из е или ь.

[21] Ср. Труды ОДРЛ 7 : 298.

Über die Beziehungen Moraviens zu dem Donaugebiet in der Spätawarenzeit

B. Szőke

1. In einer unlängst veröffentlichten Arbeit wies ich bereits darauf hin, daß auf dem Gebiete der materiellen und geistigen Kultur von Mähren im 9. Jahrhundert der Einfluß des benachbarten Awarentums in bedeutendem Maße zu beobachten ist[1]. Die mährischen Kunstsschmiedearbeiten des genannten Jahrhunderts kurz streifend, betonte ich, daß an diesen die Grundzüge jener Kunst zu erkennen seien, die den Schatzfund von Nagyszentmiklós kennzeichnen. In meinen vorliegenden Ausführungen komme ich nun auf dieses Thema zurück, und möchte vor allem die Beziehungen, die das mährische Land des 9—10. Jahrhunderts mit der benachbarten spätawarischen, ferner auch mit der byzantinisch-kaukasisch-iranischen Metallkunst verbanden, schärfer ins Auge fassen, und eingehender behandeln.

1. Unter die hervorragendsten Arbeiten der mährischen Metallkunst des 9. Jahrhunderts gehören die verzierten Plattenknöpfe.[2] Sie wurden im allgemeinen aus vergoldeten Kupfer-, seltener aus Silberplatten hergestellt; die aus Goldblech getriebenen Stücke sind recht selten. Der Hintergrund und die ihre Fläche ausfüllende Reliefverzierung ist meist mit Punkten oder kleinen Kreisen gepunzt. Was die Technik ihrer Herstellung und Verzierung betrifft, sind die Meinungen der Forscher nicht einheitlich. Nach der Ansicht einzelner (wie etwa nach der von H. Preidel) sind sie westlichen Ursprungs, nach anderen (so L. Niederle, J. Schránil, J. Poulík) byzantinischer Herkunft; nach J. Poulík und J. Eisner könnte auch vermutet werden, daß sie zwar nach byzantinischem Muster, doch als Arbeit einheimischer Handwerker entstanden seien. V. Hrubý zufolge sind an den Knöpfen weder Spuren byzantinischen, noch karolingischen Einflusses zu bemerken; nach ihrer provinziellen Technik geurteilt, dürften sie wohl — seiner Ansicht nach — als die Arbeit einheimischer, d. i. mährischer Meister betrachtet werden.

In größter Zahl kamen Plattenknöpfe in Mähren zum Vorschein. Einzelne Stücke sind — wohl auf dem Wege des Handels oder des Raubes — auch in die

[1] B. Szőke, Spuren des Heidentums in den frühmittelalterlichen Gräberfeldern Ungarns. Studia Slavica 2 (1956) 119—155.

[2] V. Hrubý, Staré Město. Velkomoravské pohřebiště »Na valách«. Praha 1955, 206—208.

benachbarten Gebiete (nach Böhmen, Ungarn, Bayern, Slowenien) geraten, dagegen sind sie an anderen Orten unbekannt. Somit besteht die Annahme wohl zu Recht, daß diese Knöpfe in mährischen Werkstätten hergestellt wurden.

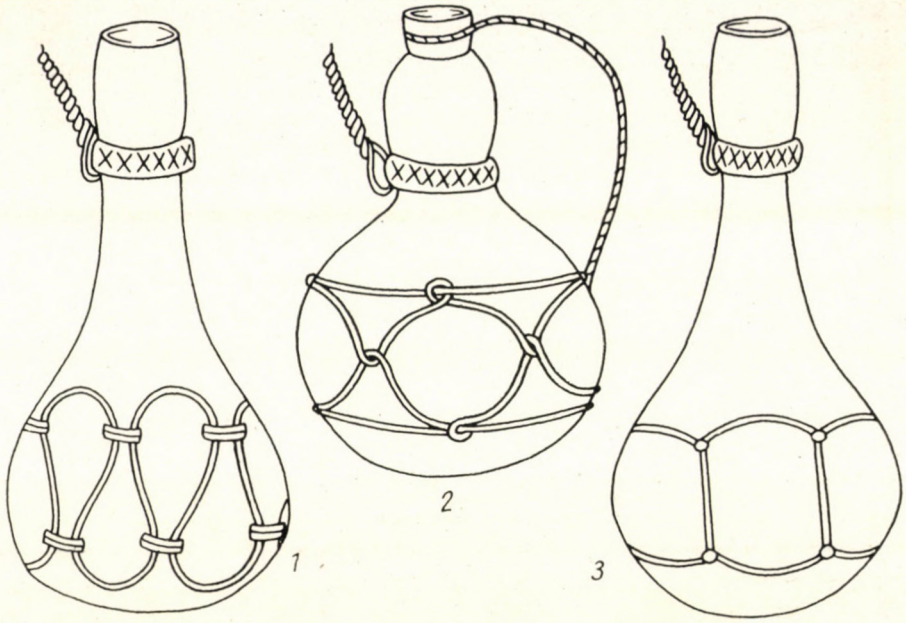
Meines Erachtens stellen die verzierten mährischen Plattenknöpfe Produkte einer mit byzantinischen Elementen bereicherten Nomaden-Metallkunst dar. Im Grunde sind sie wohl nichts anderes, als die bei Hirtenvölkern so beliebten Kürbisflaschen, d. i. verkleinerte Kopien der rundlichen Ausbauchung jener wertvollen Metallgefäße, die nach dem Muster der genannten Kürbisflaschen verfertigt worden sind. Derartige Gurden sind nicht erhalten geblieben, aber ihre aus Goldplatten getriebenen Kopien finden sich mehrfach im Schatzfunde von Nagyszentmiklós, wie es von J. Csalog so geistreich nachgewiesen wurde.[3]

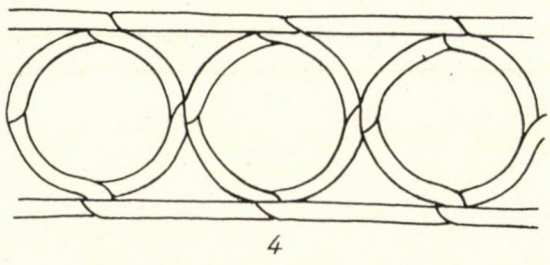
Die Kürbisflaschen wurden, wie J. Csalog erklärt, zwecks leichteren Tragens und wahrscheinlich auch zum Schutze vor etwaigem Zerbrechen, oft zugebunden. Dieses konnte sowohl mit Hilfe von Schnüren, oder Lederriemen, als auch mit eingeweichten Ruten, Binsen-Flechten u. dgl. erfolgen. Bereits das geschickte Zubinden schmückte die Gurde, bot aber zugleich auch verschiedene Möglichkeiten zur Verzierung mit eingeritzten Zeichnungen oder Bemalung. J. Csalog beschrieb zweierlei Arten des Zubindens. Nach der einen Art wurde je eine Schnur unter dem Rande der Flasche, bzw. um den Bauch der Gurde herumgeführt, und so gewunden und verschlungen, daß dadurch runde medaillonartige Flächenformen entstanden (Taf. 1: 1). Nach der anderen Art »wurde die Gurde mit einer enzigen Rute umwunden, und die Bögen der in einer Wellenlinie geführten Rute sowohl oben, als auch unten ebenfalls verbunden« (Taf. 1: 2). Eine dritte Möglichkeit des Zubindens bringe ich selbst. Nach dieser wurden die am Bauche der Gurde oben und unten entlanggeführten Schnüre an mehreren Stellen mit einander vertikal verbunden. Dadurch erhielten sie arkadenförmige Flächen mit zum Teil geraden, zum Teil bogenförmigen Seitenlinien (Taf. 1: 3).

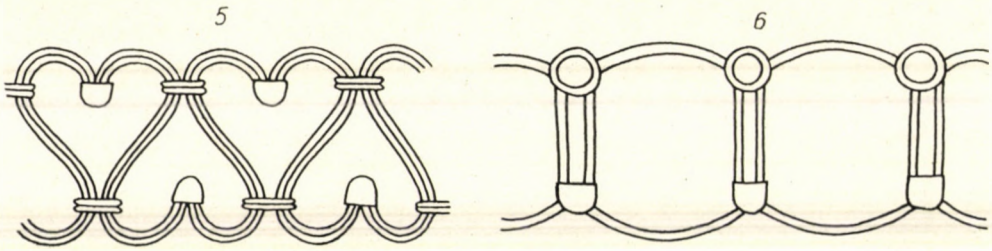
Diese drei Arten des Zubindens der Kürbisflaschen bilden den Rahmen für figurale und Pflanzenornamente auf den mährischen Plattenknöpfen. Zur Veranschaulichung mögen die schematischen Bilder der Rahmenumfassungen der Plattenknöpfe nach den Abbildungen Hrubýs folgen (Taf. 1: 4—6). Zugleich wäre darauf hinzuweisen, daß auf einem Plattenknopf aus Mikulčice auch eine solche Art des arkadenförmigen Zubindens vorkommt, bei der die Kreuzpunkte der einzelnen Arkaden selbst noch kreuzweise verbunden waren.[4]

[3] Csalog J., Kobakedények hatása a népvándorlási agyag- és fémművességre. — L'influence des vases de gourde sur la céramique et l'industrie du métal de l'époque des migrations. Folia Archaeologica (= FA.) 9 (1957) 135—139.

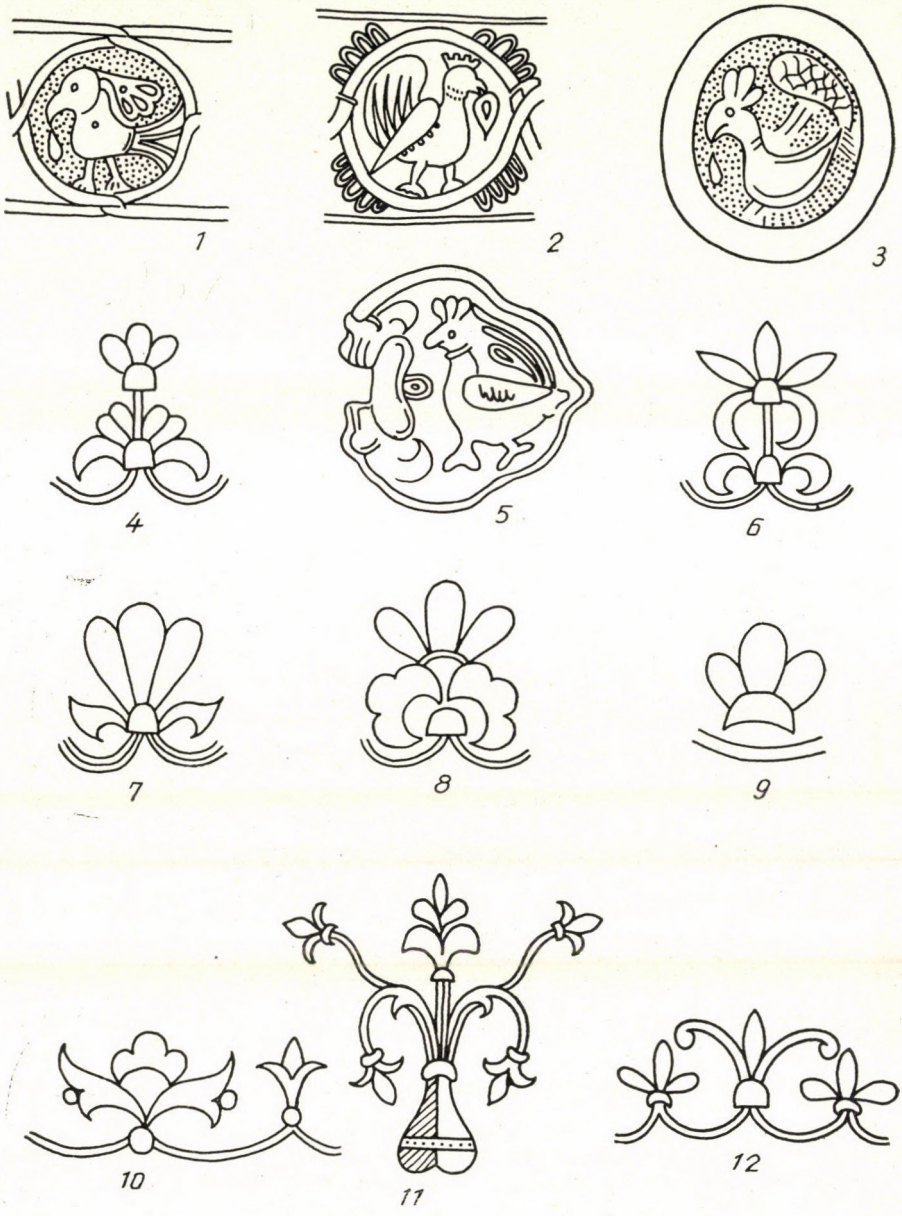
[4] J. Poulík, Výsledky výzkumu na velkomoravském hradišti »Valy« u Mikulčicích. — Die Ergebnisse der Ausgrabungen auf dem großmährischen Burgwall »Valy« in Mikulčice. Památky archeologické 48 (1957) 241—388; Abb. 87.







1: 1, 2, 3. Arten des Zubindens der Kürbisflaschen (Csalog, FA. 9 : Abb. 27, 28). — 4, 5, 6. Umfassungen der Verzierung der mährischen Plattenknöpfe (Hrubý, Staré Město. Taf. 39 : 1 ; Taf. 38 : 1).



2: 1. Motiv an einem Plattenknopfe aus Staré Město (Hrubý, Staré Město. Taf. 39 : 1) — 2. Motiv auf dem Horn von Lehel (Hampel, Alterthümer 2 : 891 ; Abb. 4). — 3. Motiv an einem Plattenknopf aus Nitra (Čaplovič, SA. 2 : Abb. 5). — 5. Beschlag aus der Spätawarenzeit. Ungarn, unbekannter Fundort (Hampel, Alterthümer 3 : Taf. 280; 1). — 4, 6, 7, 8, 9. Einzelmotive von Plattenknöpfen aus Staré Město (Hrubý, Staré Město, Taf. 38 : 5, 6 ; Taf. 40 : 1, 2, 3). — 10, 11, 12. Einzelmotive auf den Gefäßen Nr. 2, 7 und 15 des Schatzfundes von Nagyszentmiklós

Das runde Medaillon der Plattenknöpfe wurde in mehreren Fällen mit dem Bilde eine Pfaus ausgefüllt. Vor dem großen Krummschnabel des Vogels mit üppigem Schwanz und Kopfbusch ist meist auch eine kleine tropfenartige Form abgebildet. Solche Knöpfe mit Pfauenabbildungen wurden im Gräberfeld »Na valách« zu Staré Město,[5] dann in einem Gräberfeld zu Nitra aus dem 10. Jahrhundert[6] (Taf. 2 : 1, 3) vorgefunden ; ein ähnlicher wird auch von V. Hrubý aus dem in Böhmen gelegenen Zákolany erwähnt.[7] Jener viereckige, aus Silberplatten hergestellte Beschlag, der in Staré Město im Grabe Nr. 24/48. gefunden wurde, trägt ebenfalls das Bild eines Pfauenvogels.[8]

Auch in dem ungarländischen Fundmaterial aus der Spätawarenzeit erscheint oft das Bild des Pfaues. Vor allem wäre hier eine Kartusche aus Bronze von unbekanntem Fundort zu nennen[9] (Taf. 2 : 5). Diese ist blattförmig, ebenso wie diejenigen aus der Spätawarenzeit. Ihr oberer Teil steht offen und stellt zwei, einander gegenübergestellte Tierköpfe dar. Auch dieses Motiv kommt am Beschlagwerk und an den Riemenenden aus der Spätawarenzeit oft vor. Somit kann mit großer Wahrscheinlichkeit vermutet werden, daß die erwähnte Kartusche von irgendeinem ungarländischen Gräberfeld aus der Spätawarenzeit stammt. — Das Bild eines Pfaues mit zurückgebogenem Kopf bedeckt den oberen, hufartigen Teil der Beschläge der spätawarenzeitlichen Gürtelgarnitur aus Szeged-Bilisics (Kom. Csongrád), während der hängende Teil des Beschlages mit einer Menschenmaske geschmückt ist.[10] — Im Grabe Nr. 130. des Gräberfeldes von Kundomb (Kom. Csongrád) fand sich neben einer reichen Gürtelgarnitur aus der Spätawarenzeit auch ein gelbgefärbter Tonkrug. Der ausgebauchte Teil des Kruges ist durch eine Reihe von ineinander geschlungenen, mit schwarzer Farbe bemalten Medaillonen verziert. In der verschwommenen figuralen Verzierung des einen Medaillons meinte T. Horváth das Bild eines Greifes erkennen zu dürfen ;[11] dieser Ansicht stimmten dann auch andere Forscher bei.[12] Ich glaube jedoch, daß auch in dieses Medaillon von dem einstigen Töpfermeister kein Greif, sondern das bekannte Bild eines buschigen Pfaus gemalt wurde. — Eine den mährischen Pfau-Darstellungen völlig ähnliche Abbildung befindet sich am Randstreifen des

[5] V. Hrubý, Staré Město. Abb. 39 : 1 ; Taf. 61 : 3.

[6] P. Čaplovič, Slovanské pohrebiště v Nitre pod Zoborom. — Eine slawische Begräbnisstätte in Nitra unter den Zobor. Slovenská archeológia 2 (1954) S. 27 : 5.

[7] V. Hrubý, Staré Město 208.

[8] Ebda, Abb. 37.

[9] J. Hampel, Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn. Braunschweig 1905, 2 : 383 ; 3 : 280, Taf. 1.

[10] Fettich N., A honfoglaló magyarság fémművessége. — Die Metallkunst der landnehmenden Ungarn. Archaeologica Hungarica 21 (1937), Taf. 9 : 6—11.

[11] Horváth T., Az üllői és kiskőrösi avar temető. — Die avarischen Gräberfelder von Üllő und Kiskőrös. Archaeologia Hungarica 19 (1935) 105—106 ; Abb. 27—29.

[12] N. Fettich : Arch. Hung. 21 : 114—115. — Mavrodinov N., A nagyszentmiklósi ősbolgár kincs. — Le trésor protobulgare de Nagyszentmiklós. Archaeologia Hungarica 29 (1943) 32—33.

sogenannten Horns von Lehel.[13] Auch hier wurde die Umfassung durch eineinander geschlungene Medaillone gebildet. Der Pfau hält auch da ein Blatt in dem Schnabel, dies wurde dann auf den aus Mähren stammenden Exemplaren zu einer unverständlichen tropfenartigen Form (Taf. 2 : 2).

Unter den entfernteren Analogien wäre noch ein mohamedanischer Goldkrug aus dem 10. Jahrhundert an dieser Stelle zu erwähnen, dessen Bauch ebenfalls von ineinander geschlungenen Rundmedaillonen umgürtet wird. Ein Medaillon ist auch hier mit dem Bild eines Pfaues ausgefüllt.[14] Ähnliche Bilder, wie die Pfauenabbildungen aus Ungarn und Mähren, kennt man auch noch aus Vladikavkaz im Kaukasus-Gebiet, und aus dem Fundmaterial des schwedischen Björkö.[15]

Auch das Motiv des Lebensbaumes, an dessen Seiten sich zwei einander anblickende Pfauen befinden, war in der Kunst des Orients sehr beliebt. Auf den gepreßten Goldplatten, die auf der zu Cibakháza (Kom. Szolnok) gefundenen Brautkrone der awarischen Fürstin sichtbar sind, begegnet man diesem Motiv, dessen symbolische Bedeutung und Ursprung von Gy. László behandelt wurde.[16]

Wir glauben mit der Behauptung nicht irre zu gehen, daß der in seinem Schnabel ein Blatt, oder wohl eher ein Reis haltende Pfau auch nichts anderes darstellte, als einen vereinfachten Nachkommen und Vertreter des erwähnten ursprünglichen und noch vollständigen Symbols.

Nach unseren vorhin angeführten Belegen lassen sich diese Zeugnisse der meist dem provinziellen Geschmack entsprechenden Darstellungsart des Pfauenvogels von dem mährischen Land angefangen über Ungarn und Byzanz (das Horn von Lehel) bis zum Kaukasus und in noch weiter gelegene Gebiete verfolgen. Die aus Mähren stammenden, mit einem Pfauenbild verzierten Plattenknöpfe sind, wie wir weiter unten sehen werden, in der zweiten Hälfte oder dem dritten Drittel des 9. Jahrhunderts hergestellt worden. Gy. László zufolge ist das Horn von Lehel als die Arbeit eines nordbalkanischen oder etwa auch ungarländischen Meisters zu betrachten, der die Kunst des Beinschnitzens in einer byzantinischen Werkstatt erlernt haben mochte. Die Entstehungszeit des Horns wird von László auf die Wende des 9. und 10. Jahrhunderts gesetzt.[17] Aus dieser Zeit stammen auch die den vorhin genannten so ähnlichen Pfauenbilder in den Funden der Spätawarenzeit. Das gleiche Alter der mährischen spätawarenzeitlichen und byzantinischen Fundgruppen untersteht wohl keinem Zweifel.

[13] J. Hampel, Alterthümer 2 : 891 ; Abb. 4—5.
[14] N. Mavrodinov : Arch. Hung. 29 : 33—34 ; Abb. 10.
[15] T. J. Arne, La Suède et l'Orient. Uppsala 1914, 158—159.
[16] Gy. László, Études archéologiques sur l'histoire de la société des Avars. Archaeologica Hungarica 34 (1955) 239—251.
[17] László Gy., Lehel kürtje. [Das Horn von Lehel.] Budapest 1953, 16.

Die wellenband- und arkadenförmigen Einfassungen der Plattenknöpfe werden durch eine recht abwechslungsreiche, doch im Grunde nur auf einige Motive zurückzuführende Palmettenverzierung ausgefüllt (Taf. 2 : 6—9). Genaue Entsprechungen finden sich auf den Gefäßen des Schatzfundes von Nagyszentmiklós und, wie es aus dem weiteren hervorgehen wird, auch auf dem Beschlagwerk der spätawarenzeitlichen Gürtelgarnituren und Riemenendend. Die beliebtesten Muster sind : das aus einem Halbmond emporwachsende Zwei- oder Dreiblatt, die zwei Blätter bogenförmig verbindende dreiteilige Blüte und das stark stilisierte Bild des Lebensbaumes (Taf. 2 : 10—12).

Dieser Motivschatz der mährischen Plattenknöpfe läßt engste Beziehungen zu einer anderen bedeutsamen Denkmälergruppe, dem Schatzfunde aus Nagyszentmiklós, sowie zu dem Fundmaterial der Spätawarenzeit vermuten. Das zur Verzierung der Plattenknöpfe verwendete Material, die Technik der Metallbearbeitung und der gepunzte Hintergrund der Muster sind, wie bereits hervorgehoben, solche Einzelmerkmale, die ebenfalls an die Metallkunst des Schatzes aus Nagyszentmiklós erinnern.

2. Die Zeitbestimmung der Plattenknöpfe wurde schon von vielen Forschern versucht. Auf Grund des mächtigen Fundmaterials aus Staré Město wurde ihre Mode durch V. Hrubý auf die zweite Hälfte des 9. und auf das 10. Jahrhundert angesetzt. Ihre späteren Exemplare kamen aus anderen Gräberfeldern mit Fundmaterial aus dem 11. Jahrhundert zum Vorschein.[18] Ähnlich wurde die Entstehungszeit der Plattenknöpfe auch von J. Poulík auf Grund der Ausgrabungen von Mikulčice festgestellt.[19] Während Hrubý seine Behauptung auf den jeweils zusammengehörenden Grabbestand stützte, ging J. Poulík von der Schichtenlagerung des Gräberfeldes aus.

Bemerkenswerte Stützpunkte für die Zeitbestimmung der Plattenknöpfe bieten sich auch, wenn die räumliche Verteilung der derartige Funde bergenden Gräber im Situationsbild des Gräberfeldes beobachtet wird. In dem »Na valách« bezeichneten Gräberfelde zu Staré Město liegen unter denjenigen Gräbern, in denen Plattenknöpfe gefunden wurden (Nr. 12b/AZ, 13/Az, 5/48, 134/49, 251/49, 261/49, 323/49, 35/50), fünf in der nächsten Nähe der im Gräberfeld befindlichen kleinen Kirche. Drei von ihnen schmiegen sich eng an die Wand der Kirche, während zwei andere von dieser nicht mehr als zwei Meter entfernt liegen. Diese Gräber mußten unbedingt in solchen Jahrzenten entstanden sein, in denen die Kirche noch stand, sonst hätten sie infolge des Schuttes der bereits zerfallenen Kirche wohl kaum jene Stellen einnehmen können, wo der Schutt eben am höchsten gestanden haben muß. — V. Hrubý setzt das Bestehen der Kirche auf die zweite Hälfte des 9. Jahrhunderts, und

[18] V. Hrubý, Staré Město 210.
[19] J. Poulík : PA. 48 : 299.

es liegt kein Grund vor, seine Ansicht zu bezweifeln.[20] Die Plattenknöpfe, die aus den an der Wand der Kirche gelegenen Gräbern zum Vorschein kamen, gehören zu den frühesten und schönsten Stücken dieser Gattung ; unter ihnen befindet sich auch derjenige mit dem Pfauenbilde aus dem reichen Grabe Nr. 251/49. — Ähnliche Beobachtungen konnten auch in dem anderen frühmittelalterlichen Gräberfeld zu Staré Město, »Špitálky« bezeichnet, gemacht werden.[21] Auch hier wurden die mit Palmetten verzierten Plattenknöpfe den in der nächsten Nähe der Kirchenwand gelegenen Gräbern entnommen (Grab Nr. 1, 6, 18). Der aus dem einen der bezeichneten Gräber, (dem Grab Nr. 6) stammende und aus vergoldeter Kupferplatte (nach Poulík irrtümlich aus Bronze-Platte) hergestellte Knopf mit Palmettenornament ist beinahe »identisch« mit jenem anderen Plattenknopf, der in dem reichen ungarischen Frauengrab aus der Zeit der Landnahme in Heves (Kom. Heves, Ungarn) gefunden wurde.[22] Es kann kaum bezweifelt werden, daß beide Stücke von derselben Meisterhand herrühren. Nach Poulíks Ansicht wurde die Kirche des »Špitálky« bezeichneten Gräberfeldes etwa um 870 erbaut, und sie mochte bis in das dritte Viertel des 10. Jahrhunderts bestanden haben. Unlängst legte J. Poulík in dem mährischen Mikulčice eine andere Kirche frei, deren Bestehen er auf die Zeit zwischen 860—950 ansetzte.[23] In acht in der Nähe der Kirche gelegenen Gräbern fanden sich Plattenknöpfe mit Palmettenornament vor. Alle bezeichneten Gräber lagen in südwestlicher Richtung von der Kirche, doch in ihrer Nähe.

Die besprochenen Belege lassen uns zweierlei erkennen : nach mehrfachen, unter verschiedenen Gesichtspunkten vorgenommenen Beobachtungen, scheint eindeutig erwiesen zu sein, daß die Plattenknöpfe in den mährischen Gräberfeldern aus der zweiten Hälfte oder dem letzten Drittel des 9. Jahrhunderts erscheinen ; anderseits, war ihre Mode in der Tracht der vornehmsten Schicht verbreitet. Auch letzteres kann als erwiesen gelten, da jene reichen Gräber, in denen Plattenknöpfe vorgefunden worden sind, meist in der nächsten Nähe der Kirche, an den vornehmsten Plätzen lagen.

In 15 Gräbern des »Na valách« bezeichneten Gräberfeldes von Staré Město wurden Klappern vorgefunden. Diese werden von V. Hrubý in zwei Gruppen geteilt.[24] Die erste Gruppe umfaßt diejenigen Klappern, die aus Bronze, die andere, die aus Eisen verfertigt wurden. Nach V. Hrubýs Fest-

[20] V. Hrubý, Staré Město 284—287.

[21] J. Poulík, Nález kostela z doby říše velkomoravské v trati »Špitálky« ve Starém Městě. — Die Entdeckung der zweiten Kirche in Staré Město (Alt-Stadt) in Süd-Ostmähren. Památky Archeologické 46 (1955) 307—351.

[22] Pataky V., A hevesi honfoglaláskori női sírlelet. — Fundbeschreibung eines Frauengrabes in Heves aus der Zeit der Landnahme. Folia Archaeologica 1—2 (1940) 200—203.

[23] J. Poulík : PA. 48 : 241—388.

[24] V. Hrubý, Staré Město 265—266.

stellung sind die vorgefundenen Klappern denjenigen, die aus Gräberfeldern der Awarenzeit zum Vorschein gekommen sind, überaus ähnlich. Solche wurden z. B. in den nicht weit gelegenen Gräberfeldern von Dolní Dunajovice, Devínska Nová Ves, Žitavská Tôň usf. ausgegraben. Hrubý zufolge dürften die bronzenen Klappern aus dem ungarischen Donaugebiet nach Mähren geraten sein, während diejenigen aus Eisen einheimische Stücke sein, da aus den awarenzeitlichen Gräberfeldern etwas ähnliches nicht bekannt wäre. Diese Behauptung muß allerdings berichtigt werden, da z. B. aus den Gräbern Nr. 258 und 450. des awarenzeitlichen Gräberfeldes von Győr ebenfalls je eine eiserne Klapper zum Vorschein kam.[25]

Einige wichtige Beobachtungen über die aus Eisen verfertigten Klappern fehlen bei Hrubý. Er merkte z. B. nicht, daß es unter den genannten 15 Gräbern 12 Kinder — und bloß zwei Frauen-Gräber (Nr. 167/50., 24/48.) gibt. In dem einen Grab (Nr. 16/50.) lag zwar ein Mann, doch war das Grab bereits früher aufgewühlt worden, und es dürfte angenommen werden, daß die Klapper etwa erst später auf das Schenkelbein des Skeletts geriet. — In den Kindergräbern lagen die Klappern in den meisten Fällen neben der linken, seltener neben der rechten Hand, und unter ihnen befand sich der Regel nach ein Messer. Nur ganz wenig Fälle kennen wir, in denen die Klapper in der Nähe des Schädels, unter dem Nacken gefunden wurde, und demnach ursprünglich wohl ein Anhängsel an einem Halsgehänge war. In den zwei Frauengräbern wurden die Klappern neben dem Scheitel vorgefunden ; in diesen Fällen wurden sie wahrscheinlich als Schmuck an einer Mütze getragen.

In den Gräberfeldern der Awarenzeit findet sich eine viel reichere Verwendung der Klappern. Im Gräberfeld von Devínska Nová Ves wurden in sieben Gräbern Klappern gefunden (Nr. 79., 147., 401., 412., 796., 804., 842.) ; alle sieben waren Reitergräber. Aus jedem kam eine oder zwei Klappern zum Vorschein, und zwar am Pferdezaum.[26] In Žitavská Tôň wurden im Reitergrab Nr. 10. nebst anderem Schmuck am Pferdezaum 14 Klappern gefunden, während in dem Reitergrab Nr. 31. drei Klappern neben dem Pferdeschädel lagen.[27]

Wie die Gräber der nun folgenden Gräberfelder aus der Awarenzeit bezeugen, wurden die Klappern in diesen anderen auf andere Art verwendet. Im Grab Nr. 258. zu Győr[28] lag ein Kind. Als Beigaben kamen zum Vorschein : eine Klapper, in ihrer Nähe ein Messer, eine Gürtelgarnitur, ein nicht abge-

[25] J. Hampel, Alterthümer 2 : 826, 837 ; 3 : 487 ; Taf. 493

[26] J. Eisner, Devínska Nová Ves. Slovanské pohřebiště.

[27] V. Budinský—Krička, Pohrebisko z neskorej doby avarskej v Žitavskej Tôni na Slovensku. — Ein Gräberfeld aus der späten Awarenzeit in Žitavská Tôň in der Slowakei. Slovenská Archeológia 4 (1956) 1 : 59.

[28] Fettich N.—Nemeskéri J., Győr története a népvándorláskorban. [Geschichte der Stadt Győr zur Zeit der Völkerwanderung.] Győr 1943, 23, 29.

[29] J. Hampel, Alterthümer 2 : 323 ; 3 : Taf. 248.

glättetes Henkeltöpfchen, verbrannte Knochen, ferner Reste des Sarges. Im Grab Nr. 450. lag eine Frau. Hier sind folgende Beilagen zu nennen: ein Messer neben der linken Hand, daneben eine Klapper, dann Perlenanhängsel, melonenkernförmige Perlen, Reife und ein Ring. Beide erwähnten Gräber befanden sich am östlichen Rand des Gräberfeldes. — Im Grab Nr. 51. des in der Awarenzeit zu Závod (Kom. Tolna)[29] angelegten Gräberfeldes lag eine Frau mit ihrem Kind zusammen. Am Hals des Kindes fand sich nebst Perlenschmuck eine Klapper vor. — In dem Reitergrab Nr. 407. des Gräberfeldes von Szentes-Kaján (Kom. Csongrád)[3] aus der Awarenzeit kam ein Gürtelschmuck, an der rechten Hand ein Hängereif, eine Klapper und ein Messer zum Vorschein.

Die angeführten Beispiele deuten darauf hin, daß die Bewohner von Staré Město die Klappern auf die gleiche Weise verwendeten, wie das Vol der awarenzeitlichen Gräberfelder. Nun könnte das etwa als Zeichen einer kulturellen Beeinflussung betrachtet werden, doch gleicherweise auch als ein Beweis für die unmittelbar erfolgte Einwanderung aus awarischem Gebiet. Letztere Annahme dürfte wohl auch durch die mongoloide Gruppe im anthropologischen Material des Gräberfeldes von Staré Město erhärtet werden.[31]

Unter den Klappern aus Staré Město gibt es solche, deren Leib kugelförmig, während der geöffnete Unterteil strahlenförmig schraffiert ist. Völlig ähnliche Stücke sind aus dem nahegelegenen Gräberfeld von Dolní Dunajovice bekannt.[32] Die andere Art der Klappern aus Staré Město ist kugelförmig, ihr Griff bildet aber mit dem Leibe zusammen ein Dreieck. Völlig gleiche Entsprechungen kamen im Gräberfeld zu Žitavská Tôň zum Vorschein.[33]

In beiden Fällen wurden die Klappern in Begleitung von Gürtelschmuck mit späterem, für den Fund von Nagyszentmiklós charakteristischem Rankenornament vorgefunden. — Die dritte Gruppe der Klappern aus Staré Město ist glatt und trägt eine Birnenform. Von diesen meint Hrubý, sie seien bereits den ungarischen Klappern aus der Zeit der Landnahme ähnlich.[34] Diese Behauptung ist freilich ein Irrtum: zahlreiche Exemplare derartiger Klappern sind aus den verschiedenen Gräberfeldern der Awarenzeit zum Vorschein gekommen.

Eben die zwei letztgenannten Klapperarten sind in solchen Kindergräbern zu Staré Město gefunden worden (Nr. 33/49., 64/49.), die unmittelbar an der Wand der Kirche liegen, und demnach aus der gleichen Zeit, wie die ersten Plattenknöpfe stammen. Bezeichnend ist, daß die Klapper des

[30] Korek J., A Szentes-kajáni avarkori temető: Das awarenzeitliche Gräberfeld zu Szentes-Kaján. Dolgozatok 19 (1943) 46; Taf. XXX.

[31] V. Hrubý, Staré Město 297.

[32] J. Poulík, Jižní Morava, země dávných Slovanů. — La Moravie du sud, pays des Slaves anciens. Brno 1948—1950, 108; Abb. 111.

[33] Budinský—Krička: SA. 4, Taf. XVIII.: 8—21.

[34] V. Hrubý, Staré Město 266.

Grabes 64/49. aus vergoldetem Kupfer verfertigt wurde, was ebenfalls beweisen dürfte, daß in der Nähe der Kirche vorwiegend reiche, vornehme Leute bestattet wurden. Die Klappern aus den von der Kirche entfernter gelegenen Gräbern sprechen demnach keineswegs eindeutig für einen zeitlichen Unterschied, sondern weisen eher auf gesellschaftliche Abstufungen hin. Auch unsere weiteren Feststellungen lassen erkennen, daß außer dem erwähnten Doppelgrabe alle Gräber, aus denen Klappern entnommen wurden — verstreut im ganzen Raume des Gräberfeldes von Staré Město liegen ; allein die aus Eisen angefertigten Klappern scheinen eine besondere Gruppe zu bilden, etwa 15 Meter südlich von der Kirche entfernt. Dennoch datiert V. Hrubý die in Staré Město vorgefundenen Klappern auf Grund der zusammengehörigen Grabbestände auf die zweite Hälfte des 9. Jahrhunderts, also auf eine verhältnismäßig kurze Zeitspanne.[35]

Ganz besonders wären die in Dolní Dunajovice vorgefundenen Klappern zu erwähnen.[36] In dem hier ausgegrabenen, mit Bretterverschalung versehenen Grab Nr. 6. aus der Spätawarenzeit lagen zwei Skelette. Neben dem Arm des einen Skeletts lagen fünf Klappern auf einem Haufen. Weitere Beilagen waren : ein Gürtelschmuck, Bruchstücke eines eisernen Gegenstandes, ein Gefäß. — In dem ebenfalls mit Bretterverschalung versehenen Grab Nr. 7. lag ein Skelett. An der inneren Seite des linken Unterarmbeins befanden sich elf Klappern ebenfalls in einem Haufen. Die weiteren Beilagen des Grabes waren : ein reichverzierter Gürtelschmuck, ein Messer, Tiergebeine, ein Gefäß, eine eiserne Fibel. Eine derartige Anwendung von Klappern ist mir aus ungarländischen Gräberfeldern der Awarenzeit nicht bekannt.

Dagegen kenne ich ein Schultergehänge aus einem Grab des gräberfeldes zu Ascheraden in Livland aus dem 10—11. Jahrhundert, das aus einer Schildkrötenfibel, einem halbmondförmigen Kettenträger und 10 Ketten besteht, und am Ende der einzelnen Ketten je eine birnenförmige, unten kreuzweise eingeschnittene und schraffierte, herabhängende Klapper trägt.[37] Die Ketten des Schultergehänges sind so lang, daß die Klappern eben bis zum Unterarm reichen. Wir glauben, die Frage stellen zu müssen, ob denn die Klappern von Dolní Dunajovice wohl nicht ebenfalls auf diese Weise angewendet wurden? In diesem Fall mochte das Gehänge selbst an diesen nicht aus Metall bestanden haben, sondern aus einem schneller zerfallenden Textilmaterial.

Unsere Annahme scheint umsomehr begründet zu sein, da sich an diesem Ort, an der großen, von Norden nach Süden ziehenden Bernstein-Straße, der Einfluß des Nordens sich mehrfach und in vielem beobachten läßt. Bereits

[35] Ebda.
[36] J. Poulík, Jižní Morava 66, 67, 154
[37] Katalog der Ausstellung zum X. Archäologischen Kongreß in Riga, 1896. Riga 1896, 66 ; Taf. 11 : 9, 12.

V. Hrubý wies darauf hin, daß in drei Gräbern von Staré Město (Grab Nr. 317/49., 122/51., 193/51.) solche aus vergoldeten Silber- und Bronze-Platten verfertigte Knöpfe gefunden wurden, deren Verzierung getriebene Spiralformen bilden. Entsprechende Ornamente finden sich in Gotland. Dieser Hinweis auf den Norden wird noch dadurch unterstützt, daß in zwei der erwähnten Gräber der Tote in einem Sarkophag aus ausgehöhltem Baumstumpf gelegen hatte, was eben ein charakteristisches Merkmal des nordischen Bestattungsbrauches war.[38] Es ist auch bekannt, wie eine ganze Reihe von Funden aus der Spätawarenzeit beweist, daß die Auswirkungen dieser Kultur bis in das Baltikum und das dänische Reich zu verfolgen sind ;[39] mit Recht kann demnach andererseits gefolgert werden, daß — gleichsam in einer gewissen Wechselwirkung — auch der Einfluß der nordischen Kulturen bis in das Tal der Morava reichte.

2. Es ist nach all dem mit Bestimmtheit festzustellen, daß die Plattenknöpfe Produkte jener plötzlich aufblühenden Metallkunst waren, die sich in Mähren in der zweiten Hälfte oder dem letzten Drittel des 9. Jahrhunderts entwickelte. Es kann auch festgestellt werden, daß selbst in solchen großen stadtartigen Ansiedlungen Mährens, wie etwa das einstige Staré Město, in ethnographischer Hinsicht mit unmittelbarem awarischen Einfluß zu rechnen ist.

3. Die Gürtelgarnituren der spätawarenzeit stellen einesteils den letzten Abschnitt in der Entwicklung des Greifen- und Rankenstils, anderenteils das Anwenden neuer ornamentaler Technik, neuer Motive und Formen dar. In dieser Hinsicht teilt sich das Fundmaterial in zwei Gruppen : erstere umfaßt die Gürtelgarnituren, die mit plastischen und durchbrochenen Ornamenten geschmückt sind, während die letztere die mit Gußverfahren hergestellten, und mit eingravierten Zeichnungen versehenen Gürtelbeschläge.

Die neuen Elemente der spätawarischen Metallkunst stammen aus jener Kultur, deren hervorragendste Denkmäler in dem Schatzfund aus Nagyszentmiklós vorliegen. Bereits zahlreiche Forscher wiesen auf die vielseitigen Beziehungen zwischen dem spätawarischen Fundmaterial und dem erwähnten Schatzfund hin (so. J. Hampel, T. Horváth, N. Mavrodinov, N. Fettich, G. Fehér, Gy. László, J. Eisner, V. Budinský-Krička und andere), die meisten datieren aber den Schatzfund und zugleich auch das spätawarische Fundmaterial auf eine viel zu frühe Zeit. Auch diejenigen, die das Alter des Schatzfundes den Tatsachen entsprechend richtig bestimmt hatten, betonten nur allzu schwach, daß auch das mit jenem verwandte spätawarenzeitliche Fundmaterial auf eine spätere Zeit, als allgemein angenommen wird, zu setzen sei.

[38] V. Hrubý, Staré Město 211.
[39] J. Eisner, Dev. N. Ves. 223. — N. Fettich : AH. 21.

Die beliebtesten Pflanzenornamente der Gürtelschmucke aus der Spätawarenzeit sind : das aus einem Halbmond oder einer ringartigen Form entsprossene Doppel- oder Dreiblatt, die drei- oder vierteilige Blüte, die die beiden Blätter bogenförmig verbindet, eine mit stilisierten Blattformen und veredelten Blüten beladene Ranke, d. i. die bedeutend vereinfachte, stilisierte Darstellung des Lebensbaumes.

a) Die mit einem plastischen Ornament oder mit einem durchbrochenen Blattwerk geschmückten Gürtelbeschläge und Riemenenden sind durch einen hohen, glatten, oder einen mit Perlen geschmückten Rand eingefaßt. Innerhalb dieser Einfassung findet sich die im Grunde auf einige Motive zurückzuleitende, aber dennoch sehr abwechslungsreiche Flächenverzierung.

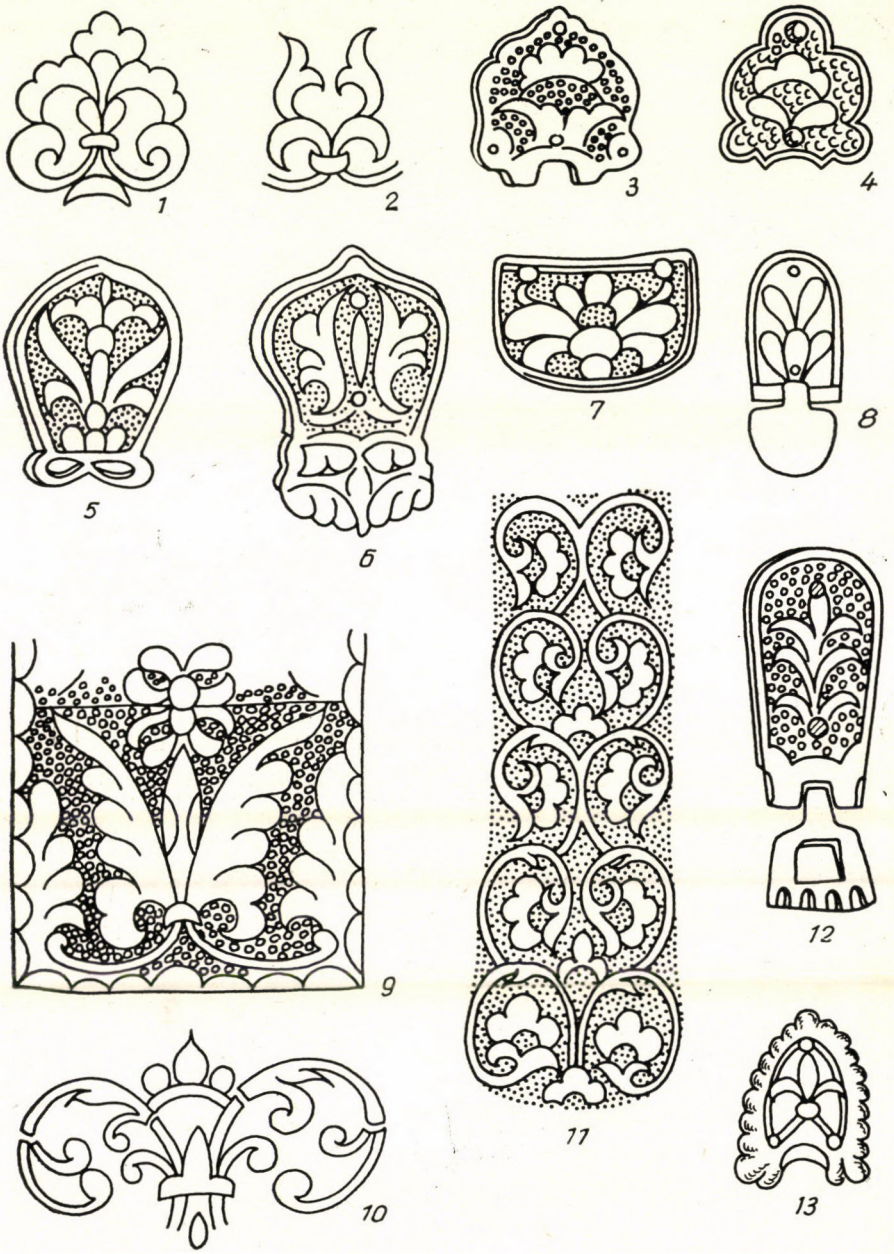
Eine Art der durchbrochenen Ornamente dürfte »Blattgitterwerk« genannt werden (Taf. 4 : 7). Eine Variante des Blattgitterwerkes besteht aus aneinander gereihten, lilienartigen Kelchformen, nämlich aus drei, aus einem Stamme entsprießenden, sich verzweigenden Blättern. Dieses lilienartige Motiv ist beinahe an jedem Stück im Schatzfund von Nagyszentmiklós in irgendeiner der vielen vorkommenden Formen vertreten. Nacheinander und aneinander gereiht bedeckt es größere Flächen auf den Gefäßen No. 13. und 14., gleichsam als Darstellung der den Nacken des Tieres dicht bedeckenden Mähne.[40] Vergleicht man das Muster des Blattgitterwerks und einen Teil der erwähnten Mähnendarstellung, so wird klar, daß ersteres wohl nichts anderes darstellen will, als einen herausgegriffenen Teil der mit den gleichen Motiven geschmückten größeren Fläche. Die orientalische Ornamentik bietet und wandte mit Vorliebe ähnliche Lösungen an. An dieser Stelle wären die mit Palmetten bedeckten Gittermuster der ungarischen Taschenplatten aus der Zeit der Landnahme zu nennen, die ebenfalls einen jeweils herausgegriffenen Teil einer größeren Fläche darstellen.

Eine andere Form der Anwendung des lilienartigen Motivs sieht man an einer Riemenzunge aus dem unweit der Stadt Kiskőrös freigelegten Gräberfeld (Kiskőrös-Városalatt).[41] Hier zweigen sich die lilienartigen Formen aus je einem Kreise in zwei Richtungen ab, und reihen sich dann aneinander. Das Motiv des aus einem Kreise emporstrebenden und sich verzweigenden Dreiblatts findet sich auch an dem äußeren Boden der Krüge Nr. 6. und 7. aus dem Schatzfund von Nagyszentmiklós.

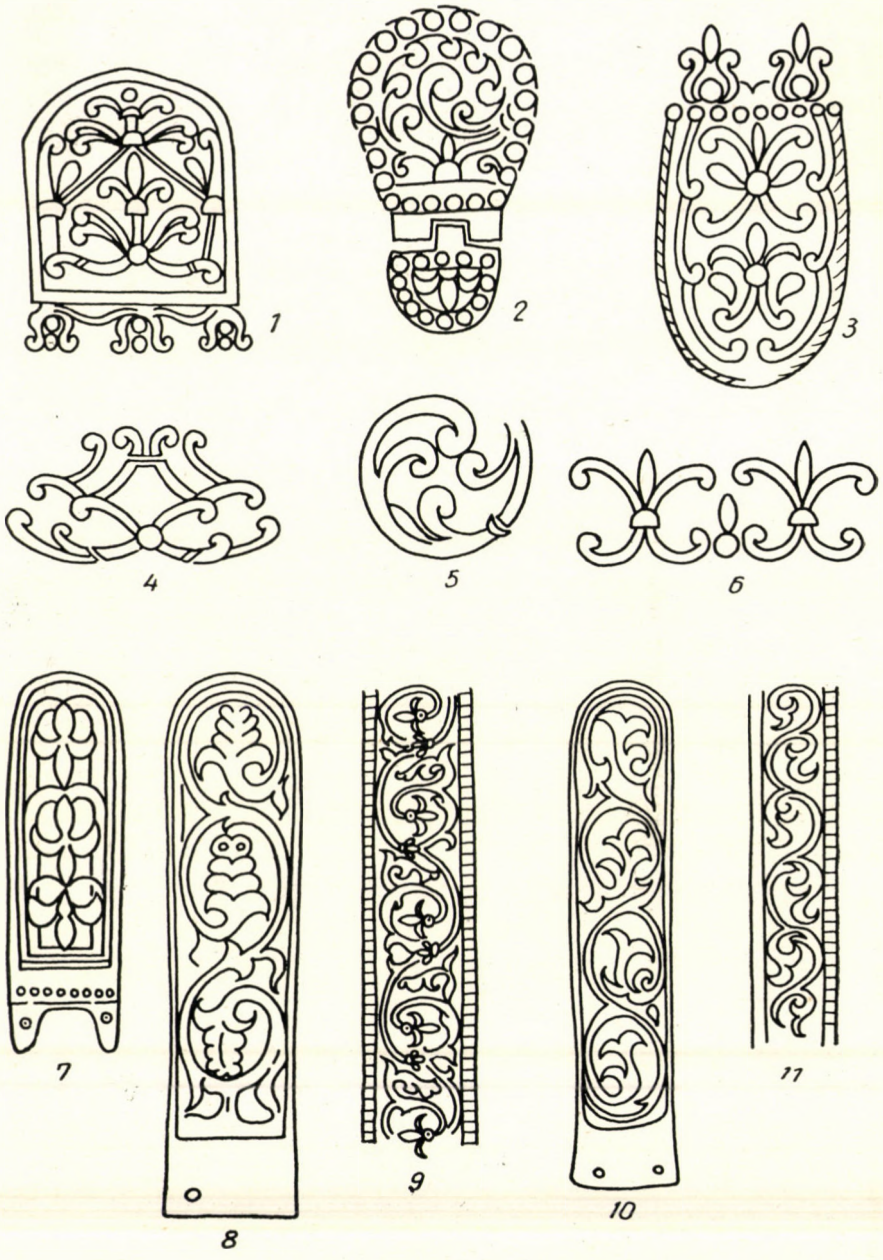
Endlich sind auch Beschläge bekannt, an denen das dreiblätterige, lilienartige Motiv allein erscheint ; auch diese sind durchbrochener Art (Taf. 3 : 31).

[40] Die Gefäße des Schatzfundes aus Nagyszentmiklós werden nach der allgemein gebrauchten Nummerierung angeführt. J. Hampel, Alterthümer 3 : Taf. 288—317. — N. Mavrodinov : AH. 29 : Tafeln I—XXXVI.

[41] T. Horváth : AH. 19 : Taf. XXX : 17.



3. 1. Hódmezővásárhely (Hampel, Alterthümer 3 : Taf. 82 : 16). — 2. Dolní Dunajovice (Poulík, Jižní Morava, Taf. 111 : m—r). — 3. Csúny (Hampel, Alterthümer 3 : Taf. 122 : 19). — 4. Mártély (Ebda, Taf. 90 : 9). — 5, 7. Keszthely (Ebda. Taf. 151 : 10, 11). 6. Blatnica (Fettich : AH. 21 : Taf. XCVII : 15). — 8. Mezőtúr (Hampel, Alterthümer 3 : Taf. 81 : 10). — 9. Kiskőrös (Horváth : AH. 19 : Taf. 10 : a). — 10. Einzelmotiv vom Henkel der Schüssel Nr. 15. im Schatzfunde von Nagyszentmiklós — 11. Kiskőrös (László : AH. 34 : Abb. 9a). — 12. Csúny (Hampel, Alterthümer 3 : Taf. 122 : 11—18). — 13. Csúny (Ebda, Taf. 125 : 16)



4: 1. Blatnica (Fettich : AH. 21 : Taf. 13). — 2. Hohenberg (Ebda, Taf. CII : 3). — 3. Mátészalka (Horváth : AH. 19 : Taf. 33). — 4, 5, 6. Einzelmotive von den Gefäßen Nr. 15. und 19. im Schatzfunde von Nagyszentmiklós. — 7. Hódmezővásárhely (Hampel, Alterthümer 3 : Taf. 82 : 3). — Nemesvölgy (Ebda, Taf. 111 : 6). — 10. Csúny (Ebda, Taf. 117 : 7). — 9, 11. Ornamente auf den Gefäßen Nr. 2. und 10. des Schatzfundes von Nagyszentmiklós

In der Einfassung des Medaillons auf dem Krug Nr. 7. aus Nagyszentmiklós befindet sich ein Wellenband. Aus diesem wachsen und verzweigen sich abwechselnd je eine dreiblätterige Palmette und ein komplexer gestaltetes Ornament. Letzteres besteht aus zwei sich von einander wegbiegenden Blüten ; eine dritte, dreiteilige Blüte verbindet vorige im Bogen. Dieses Motiv wurde auf dem Beschlagwerk der spätawarenzeitlichen Gürtelgarnituren mit Vorliebe angewendet (Taf. 3 : 1—12). Es kommt auch selbständig, ohne Einfassung vor, und zwar im spätawarenzeitlichen Fundmaterial von Hódmezővásárhely (Taf. 3 : 1), ferner auf einem durchbrochenen Beschlag aus Dolní Dunajovice, daselbst mit einigen Abweichungen von der gewohnten Form (Taf. 3 : 2). Dasselbe Motiv ist auch auf mährischen Plattenknöpfen zu sehen (Taf. 2 : 8).

Eine andere Gruppe der glatten oder mit granulierten Perlen umfaßten Riemenzungen ist mit Rankenwerk bedeckt. Auch diese weisen oft durchbrochene Arbeit auf. Dem Rankenornamente der Riemenzungen aus der Awarenzeit entspricht in vollstem Maße die Rankenverzierung am Rande der Gefäße aus dem Schatz von Nagyszentmiklós, eingefaßt zwischen zwei glatte oder mit Perlen besetzte Parallelen. Falls die genannten Endbeschläge nicht durchbrochen sind, ist der Hintergrund des Rankenmusters meist ebenso gepunzt, wie auf den Gefäßen aus Nagyszentmiklós.

Vergleicht man z. B. die mit Rankenwerk verzierte Riemenzunge aus dem spätawarenzeitlichen Gräberfeld von Nemesvölgy (Kom. Győr-Sopron) und die Zeichnung des Rankenbandes am Rande der Henkelschale Nr. 10. aus Nagyszentmiklós, so fällt gewiß die Identität der Motive und des Stilisierens ins Auge (Taf. 4 : 8—9) ; das gleiche gilt auch für ein mit Blätterranken verziertes Riemenende aus dem Gräberfeld Csúny (Kom. Győr-Sopron), und anderseits für das Rankenband am Rande des Kruges Nr. 2. im Schatze von Nagyszentmiklós (Taf. 4 : 10—11).

Eine besondere Art der Palmetten aus der Spätawarenzeit befindet sich auf den Riemenzungen der Funde in Blatnica (Slowakei),[42] Brestovac (Jugoslawien),[43] Hohenberg (Steierland)[44] und an dem goldenen Riemenbeschlag aus Mátészalka (Kom. Szabolcs-Szatmár).[45] In dieser Fundgruppe erscheint das Rankenornament mit Blättern und das Motiv des Lebensbaumes stark stilisiert, in einer Darstellung mit plastisch gerippten Leisten. Diese Art des zu plastischen Linien vereinfachten Ornaments ist für die Gefäße Nr. 15., 16., 19., 20., 21. aus Nagyszentmiklós kennzeichnend. Zur Veranschaulichung lasse ich einige Funde und Einzelmotive aus dem erwähnten schatzfunde im Bilde folgen (Taf. 4 : 1—6).

[42] N. Fettich : AH. 21 : Taf. XCVII : 13.
[43] N. Mavrodinov : AH. 29 : Abb. 44.
[44] N. Fettich : AH. 21 : Taf. CII : 1, 3, 5, 9.
[45] T. Horváth : AH. 19 : Abb. 33.

Auf den Gürtelbeschlägen, die aus einem Grabe des Keszthelyer Gräberfeldes aus der Spätawarenzeit stammen,[46] sowie an einer Fibel aus dem Hohenberger Fund,[47] erscheint das Blattwerk gleichsam in allzu üppiger Fülle. Eine ähnlich reiche, übertrieben gehäufte Verzierung zeigt sich innerhalb der Einfassung des Medaillons an dem äußeren Boden der Schale Nr. 20. aus Nagyszentmiklós.

b) Eine höchst charakteristische Gruppe der Gürtelgarnituren aus der Spätawarenzeit bilden die mit Gußtechnik hergestellten, flachen Beschläge und Riemenzung mit graviertem Ornament. Der Hintergrund ist in diesen Fällen stets mit Punkten oder kleinen Kreisen gepunzt. Die Beschläge sind aus Bronze, seltener vergoldet. Diese Garnituren bedeuten ohne Zweifel etwas Neues in der Metallkultur der Spätawarenzeit.

Neu und ungewohnt ist bei einem Teil der Beschläge die Form (Taf. 3 : 3—8), die stark an die Tür und Fensteröffnungen, und Kuppeln der arabischen Baukunst erinnert.

Derartige Spitzbögen sieht man an den Krügen Nr. 5., 6., 7., wo die vom Halsring herabhängenden, zungenförmigen Zierate eine gleiche Form aufweisen. J. Csalog vermutet, daß dies Nachahmungen von jenen ledernen »Schmetterlingen«, Anhängseln wären, die ursprünglich vom Halsring der einfachen Gurden herabhingen.[48]

Ein sehr beliebtes Ornament der gravierten Gürtelbeschläge aus der Spätawarenzeit ist, wie wir auch vorhin, bei der Behandlung der vorigen Gruppe gesehen haben, das aus einem Halbmonde sich verzweigende Doppelblatt und die mehrteilige Blüte, die beide Blätter im Bogen verbindet (Taf. 3 : 3, 4, 7, 11). Im vorigen Abschnitte wurde schon erwähnt, daß dieses Ziermotiv auf den Schatzfund von Nagyszentmiklós zurückgeht, und auch daß es auf den mährischen Plattenknöpfen ebenfalls vorhanden ist. Dasselbe Motiv sieht man auch an einem Riemenende aus dem Gräberfeld Kiskőrös-Vágóhíd (Schlachtbank) ; in diesem Falle jedoch als eine Blume zwischen Ranken gefaßt (Taf. 3 : 11).

Ein reicher entwickeltes Ornament erscheint auf einem gravierten Beschlag aus Keszthely (Taf. 3 : 5). Es will offentsichtlich die vereinfachte Darstellung des Lebensraumes sein (Taf. 2 : 11). Verwandte Darstellungen finden sich an einem Riemenzungenträger in der Ornamentik der mährischen Plattenknöpfe (Taf. 2 : 4, 6). Dieses Motiv, doch in einer weiterentwickelten Form, kommt auch an einem Riemenzungenhalter aus dem Grabfeld von Kiskőrös vor[49] (Taf. 3 : 9). Mit diesem ist das Zierwerk an einer Seite des

[46] N. Fettich : AH. 21 : Taf. CIV : 1—9.
[47] Ebda, Taf. CII : 2.
[48] J. Csalog : FA. 9 : 135—139.
[49] T. Horváth : AH. 19 : Abb. 10 : a.

reichgeschmückten Riemenendes aus dem Grabe Nr. 96/AZ. von Staré Město engst verwandt.[50]

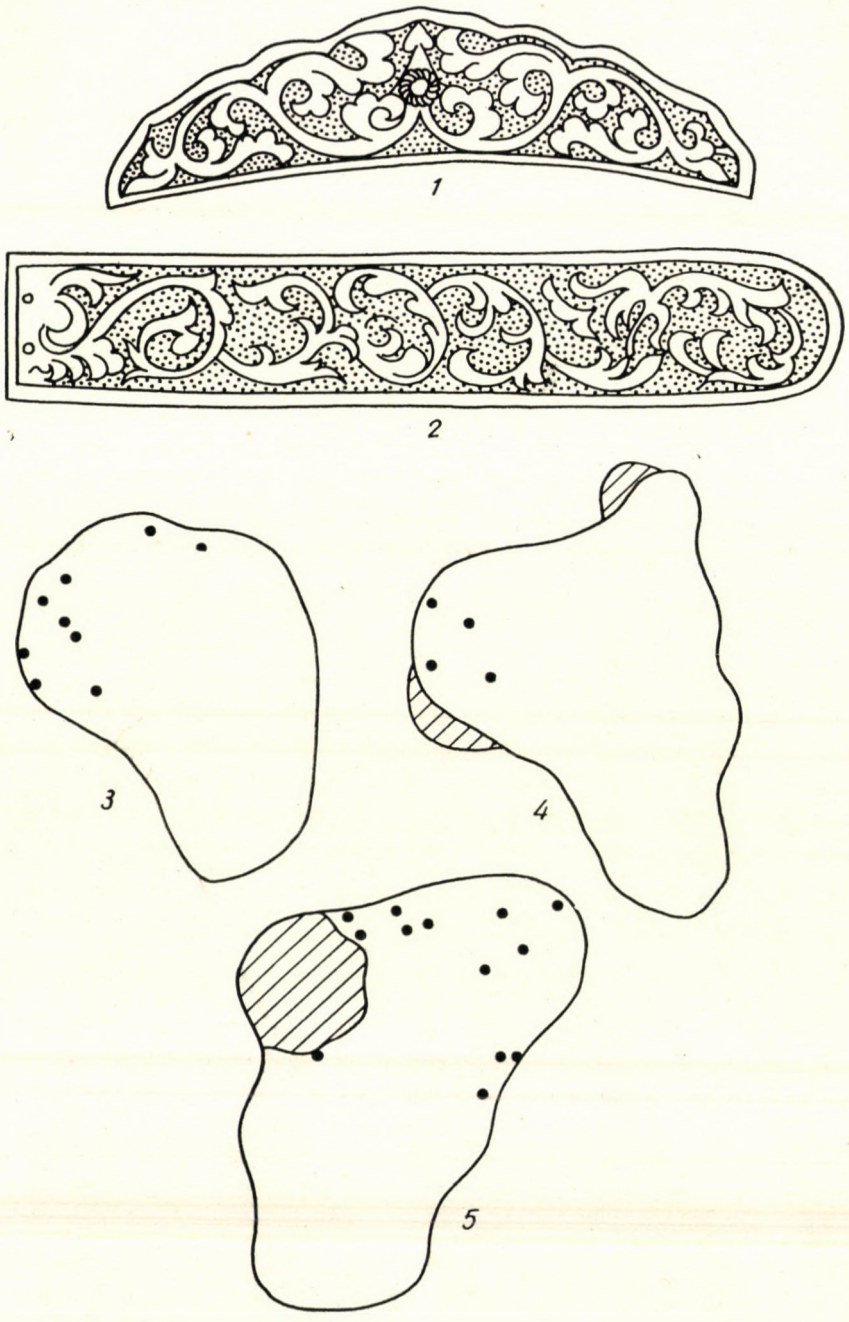
Schließlich wäre noch die Blätterranke zu erwähnen, als ein ornamentales Motiv der gravierten Riemenzungen. Als bezeichnende Beispiele mögen das Ornament einer Riemenzunge aus Gátér und das Bild der Verzierung des Henkels an der Schüssel Nr. 8. aus dem Schatzfund von Nagyszentmiklós angeführt werden (Taf. 5 : 1, 2). Der enge Zusammenhang, ja die Identität der Ornamentik der Spätawarenzeit und des Schatzes von Nagyszentmiklós springt auch in diesem Falle ins Auge.

3. Aus alldem, was in Wort und Bild über die Gürtelgarnituren aus der Spätawarenzeit im vorliegenden Abschnitte gebracht wurde, geht unzweifelhaft hervor, daß die Metallkulturen der Spätawarenzeit, des Schatzfundes von Nagyszentmiklós und Mährens im 9. Jahrhundert mit einenader organisch verflochten und zu engst verknüpft waren. Aber Verbindungen von derartigem Ausmaß wären ohne die Annahme eines gleichzeitigen Bestandes der einzelnen Gruppen wohl kaum denkbar.

4. T. Horváth vermutet, daß die in den Gräberfeldern aus awarischer Zeit vorgefundenen, aus feinerem Ton gebrannten, und die römische Art nachahmenden Krüge roter und gelber Farbe Erzeugnisse solcher Töpfereien der awarischen Zeit wären, in denen noch in dem 7. und 8. Jahrhundert nach den pannonischen Traditionen der Römerzeit gearbeitet wurde. Dagegen werden die Amphoren, die in Kiskőrös-Pohibuj-Mackó (Kom. Bács-Kiskun) und Gátér (Kom. Bács-Kiskun) ausgegraben wurden, von Horváth als awarische Töpferarbeit nach südrußländischen Traditionen bezeichnet.[51] Über die Krüge und Amphoren wird gleicherweise festgestellt, daß sie sowohl hinsichtlich des Materials, als auch der Art des angewandten Brennverfahrens andere Merkmale aufweisen, als die Gefäße der römischen Provinzien. Das Festhalten an den abweichenden Behauptungen über Krüge und Amphoren trotz der letzterwähnten einheitlichen Feststellung bildet zweifelsohne bei Horváth einen offenbaren Widerspruch. Meiner Überzeugung nach brachten die Awaren die Kenntnis beider Keramiearten aus Südrußland mit sich, d. h. aus einem solchen Gebiete, wo die Traditionen, Formen und Technik der Antike im Töpfergewerbe und in der Metallkultur während des ganzen Frühmittelalters und darüber hinaus bis um die Wende des 10—11. Jahrhunderts, ja noch weiter, lebten und wirkten.

Außer den erwähnten, antike Formen aufweisenden Tonwaren sind in den Gräberfeldern der Awarenzeit in bedeutender Zahl auch solche hellziegelfarbene und gelbe, aus feinem, geschlämmten Ton erzeugte Gefäße

[50] V. Hrubý, Staré Město, Taf. 28b.
[51] T. Horváth : AH. 19 : 76—84.



5 : 1. Ornament auf der Schüssel Nr. 8. des Schatzfundes von Nagyszentmiklós. — 2. Gátér (László : AH. 34 : Abb. 9a : 1). — 3. Situationsplan der Gräberfelder zu Kiskőrös-Városalatt, 4. zu Devínska Nová Ves, und 5. zu Győr aus der Awarenzeit

zu finden, die nach dem Muster der Holz- und Metallgefäße der Nomaden verfertigt wurden. In diesen meint T. Horváth die spezifische keramische Art des Awarentums erblicken zu dürfen.[52]

Eben solche, aus fein geschlämmten Ton hergestellte, gelbe und ziegelfarbene Gefäße wurden auch in Mähren vorgefunden, an den Fundorten Blučina, Rousinov, Staré Město (»Čertuj kút«) und Staré Město (»Na valách«).[53] Die Mehrzahl der tschechoslowakischen Forscher betrachtete sie — ähnlich, wie etwa T. Horváth — als Erzeugnisse von solchen Töpfern des Donau-Gebietes, die römischen Traditionen folgten. V. Hrubý glaubte die Stücke aus Staré Město auf Grund der Begleitfunde aus dem letzten Drittel des 9. Jahrhundert datieren zu können. Die Möglichkeit, daß in einem so späten Jahrhundert irgendwo am Mittellauf der Donau die Traditionen der Töpfer aus der Zeit der Provinzien etwa noch weiterlebten, weist Hrubý als etwas Unmöglichses entschieden ab. Nun haben aber die Gefäße dennoch manche antike Züge bewahrt ; V. Hrubý suchte deshalb eine solche Lösung zu finden, die beiden Umständen gerecht werden könnte. Er fand sie in der Vermutung, daß diese auf mährischem Boden eigentlich fremde Gefäße durch solche byzantinische Töpfer hergestellt worden seien, die im Besitze der Kenntnis der antiken Formen und Technik zur Zeit der Missionsarbeit von Cyrill und Method mit anderen Handwerkern zusammen nach Mähren eingewandert waren. Er hielt auch jene römischen Dachziegel für ihre Arbeit, die in einigen Exemplaren aus dem Grabfeld »Na valách« zum Vorschein kamen.

Eine bedeutende Wendung trat in der Beurteilung der Frage mit den Ausgrabungen J. Poulíks zu Mikulčice ein.[54] In dem um die Kirche herum befindlichen Gräberfeld (dessen Bestehen Poulík aus den Jahren 860—950 datiert) lag im Grabe Nr. 136. ein anscheinend junges Weib. Beigaben des Grabes waren : ein henkelloser, gelber, aus feingeschlämmtem Ton erzeugter Krug, am Hals mit einem erhabenen Ring, zwei vergoldete Kupferplatten mit geometrischen Formen verziert, ein kleinerer, grob ausgearbeiteter, irdener Becher mit einfachem Wellenband-Ornament. Das Grab lag in der nächsten Nähe der Kirchenwand, und stammt, wie wir mit Recht behaupten können, aus dem letzten Drittel des 9. Jahrhunderts.

Über den feinen gelben Krug vertrat J. Poulík, unter Berufung auf seine Studienreise in Ungarn, die Ansicht, es gäbe eine Reihe von ganz gleichen Entsprechungen zum Kruge von Mikulčice, bzw. den ähnlichen mährischen Krügen im Fundmaterial der verschiedenen Gräberfelder aus der Spätawarenzeit. Das Fundmaterial des Gräberfeldes von Fenékpuszta wurde, da in diesem die erwähnten Krüge mit Begleitfunden aus der zweiten Hälfte des 11. Jahrhunderts ausgegraben worden sind, besonders hervorgehoben. Hinsichtlich

[52] Ebda 78—82.
[53] V. Hrubý, Staré Město 145—151.
[54] J. Poulík : PA. 48 : 241—388.

des Ursprungs dieser keramischen Art verwarf Poulík die Annahme von Hrubý. Seiner Feststellung nach wurden die in Staré Město vorgefundenen römischen Dachziegel nur sekundär, nachträglich an diesem Orte verwendet; ursprünglich stammten sie wohl aus den Ruinen irgendeines, gegenwärtig noch unbekannten, nahegelegenen römischen Lagers. Somit glaubte Poulík die Vermutung, daß in Mähren byzantinische Handwerker gearbeitet hätten, widerlegt zu haben; er trat nun wieder für die bereits erwähnte Annahme der tschechoslowakischen Forscher ein. Demnach müßten die Hersteller der feinen ziegelfarbenen und gelben keramischen Waren gewiß Slawen gewesen sein, slawische Töpfer, die sich die Kunstgriffe der früher, doch noch zur Zeit des Bestehens der Provinzen am Mittellauf der Donau gelebten Töpfer aneigneten und weiter entwickelten. Nach Poulíks Ansicht wären diese feinen Tonwaren nur in den größeren Zentren verfertigt worden, und zwar vorwiegend für die begütertere Schicht.

Im Gräberfeld »Na valách« zu Staré Město wurden die feinen gelben Krüge im ganzen Gebiete des Gräberfeldes verstreut vorgefunden. Niemals wurden im selben Grabe Beilagen von Plattenknöpfen beobachtet. Das Grab von Mikulčice ist eben deshalb von Bedeutung, da die besprochene Tonwarenart in diesem Falle mit Plattenknöpfen zusammen vorgefunden wurde. Uns scheint im Gegensatze zur Behauptung von Poulík als ob diese Art von Gefäßen nicht so sehr von der reicheren Schicht, sondern eher von den Minderbegüterten Toten beigegeben wäre. Die Gräber, aus denen sie zum Vorscheine kamen, weisen keineswegs auf Reichtum hin. Das Grab von Mikulčice hat allerdings einen chronologischen Wert, denn es beweist die gleichzeitige Mode dieser Tonwaren und der Plattenknöpfe.

In Verbindung mit den hellgefärbten, feingeschlämmten Gefäßen möchte ich noch auf einen bisher unbemerkt gebliebenen Umstand hinweisen. Während die an römische Muster erinnernden Krüge, niedrige Henkeltassen und Gefäße mit Schnäbeln hauptsächlich aus solchen Gräbern der Awarenzeit zum Vorscheine kamen, die aus früherer Zeit datieren, wurden die kürbisförmigen, bauchigen Krüge mit oder ohne Henkel stets mit Begleitfunden aus der Spätawarenzeit vorgefunden. Zur Illustration des Dargelegten nur einige Beispiele: 1. Im Gräberfeld Kiskőrös-Városalatt:[55] Im Männergrab Nr. 150. ein gelber, unten ausgebauchter Henkelkrug, Teile einer Gürtelgarnitur, teils graviert, teils mit Gitterwerk aus Blättern: die Beschläge meist vergoldet. — Im Männergrab Nr. 155. ebenfalls ein gelbgefärbter, unten ausgebauchter Henkelkrug, dann gravierte und mit Palmetten verzierte, vergoldete Gürtelbeschläge. — 2. Gräberfeld von Győr:[56] Im Grab Nr.776. ein gelber, unten ausgebauchter Henkelkrug, ferner Riemenenden mit Gitter-

[55] T. Horváth: AH. 19: Taf. XXXVIII: 2, 9.
[56] Fettich N.—Nemeskéri J., Győr 39, Taf. XXIV: 1—14; Taf. XXXIX: 6.

werk, Beschläge mit Palmetten, ein Messer. — 3. Gräberfeld von Szekszárd-Gyüszühát (Kom. Tolna) :[57] Im Grab Nr. A. ein kürbisförmiges Gefäß. — 4. Őcsény-Tótvölgy (Kom. Tolna) :[58] Im Grab Nr. 11. ein dem vorhin genannten ähnliches Gefäß. Beide Gräberfelder stammen aus der Spätawarenzeit. — 5. Mali Idjoš (Jugoslawien) :[59] Im Grabe Nr. 6. ein kennzeichnend kürbisartiger, henkelloser, gelber Krug, Riemenenden mit Blattgitterwerk, gravierte Beschläge. — 6. Kundomb (Kom. Csongrád) :[60] In einem Männergrab ein gelber, bemalter, henkelloser Krug, um den Bauch ringsherum eine Riefe ; ferner Beschläge und Riemenzungen einer mit Rankenwerk und Gravierung verzierten Gürtelgarnitur und ein Messer.

Die erwähnten kürbisförmigen Krüge, deren Form im Schatzfund von Nagyszentmiklós aus getriebenem Gold erscheint, wurden nach den angeführten Belegen stets mit solchen Gürtelgarnituren vorgefunden, deren Ornamentik ebenfalls die gleichen Motive aufweist, wie der Schatz von Nagyszentmiklós. Auch erwähnten wir weiter oben, daß nach Poulík zufolge solche Krüge im spätawarenzeitlichen Gräberfeld von Fenékpuszta mit Fundmaterial aus der zweiten Hälfte des 9. Jahrhunderts zusammen gefunden wurden. Schließlich besprachen wir auch das Grab von Mikulčice, aus dem ebenfalls ein derartiger Krug zusammen mit Plattenknöpfen zum Vorschein gebracht wurde. — In die Reihe und Verknüpfung der Zusammenhänge, die die mährische Metallkunst, diejenige der Spätawarenzeit, und die des Schatzfundes von Nagyszentmiklós verbinden, schließt sich mit der besprochenen keramischen Art gleichsam ein neues Kettenglied an, und dadurch wird die Zusammengehörigkeit der einzelnen Gruppen noch mehr unterstrichen.

Diese Art von Tonwaren hat jedoch mit den Traditionen der Römerzeit in Pannonien gewiß nichts zu tun. Ihrer Form nach ist sie ganz und gar nomadistisch, und läßt sich auf einfache Gurden zurückzuführen ; hinsichtlich der technischen Herstellung finden sich Entsprechungen in Verchne-Saltovo. Die hier vorgefundenen Gefäße sind aus feingeschlämmtem Ton auf Drehscheibe gebildet, von gelber Farbe, und schwarzer Bemalung. Das Gräberfeld von Verchne-Saltovo, aus dem sie zum Vorschein kamen, wurde vorwiegend im 8. und 9. Jahrhundert benützt.[61]

Das Erscheinen dieser spätawarenzeitlichen Krugform in Mähren war nicht bloß ein flüchtige Zwischenspiel ohne Folgen. Aus ihr ging jene Art der flaschenförmigen Gefäße hervor, die besonders in Böhmen eine hohe

[57] J. Csalog : FA. 9 : 135—139.
[58] Ebda.
[59] O. Šafarik, Nalazi sa nove avarsko-slovenske nekropole u Malom Idjošu. — Funde aus der neuen avarischen-slovenischen Nekropole in Mali Idjoš. Rad vojvodjanskich muzeja 4. Novi Sad 1955, 63—70, Abb. 16.
[60] T. Horváth : AH. 19 : 104—105, Abb. 26.
[61] A. M. Pokrovskij, Verchne-Saltovskij mogil'nik. Trudy XII. T. I. 475. Taf. XXII.

Stufe der Entwicklung erreichte. Dieser Problemkreis wurde von Z. Váňa eingehend erforscht; er stellte darüber fest: die flaschenförmigen Gefäße entwickelten sich in Mähren unter dem Einfluß der sogenannten Keszthelyer Kultur, und sie stammen vorwiegend aus dem 9. Jahrhundert. Die kulturelle Strömung, auf die das Verbreiten dieser Gefäßart in Böhmen zurückzuführen ist, gelangte hieher aus dem Becken der Karpaten durch die Vermittlung von Mähren.[62] — Das Erscheinen und die große Verbreitung der flaschenförmigen Gefäße in Böhmen hängt meines Erachtens auch mit der Verbreitung der in mehrfachen S-Formen endenden Schläfenringe und Anhänger zusammen. Eine eingehende Behandlung dieses Problems fällt jedoch aus dem Rahmen der vorliegenden Arbeit.

5. Bereits im 3. Abschnitte bemerkte ich, daß die Zeitbestimmung des Fundmaterials aus der Spätawarenzeit bei den meisten Forschern im Zusammenhange mit der Datierung des Schatzfundes von Nagyszentmiklós behandelt wird. Statt einer Besprechung der diesbezüglichen Meinungen verweise ich nur auf die Arbeiten folgender Forscher: N. Fettich,[63] T. Horváth,[64] N. Mavrodinov,[65] J. Eisner,[66] bzw. auf die in ihnen angeführte einschlägige Literatur. Im weiteren lege ich meine Argumente dar, die mich veranlaßten, das Fundmaterial aus der Spätawarenzeit von den bisherigen Meinungen abweichend zu datieren.

a) Der Abschluß der Awarenzeit wird meist von der Zeit der Vernichtungsfeldzüge Karls des Großen an gerechnet. Dem gemäß glauben die meisten Forscher, die Benützung der Gräberfelder aus der Awarenzeit sei bereits um 800. herum abgeschlossen gewesen. Nur wenige vertreten die Ansicht, und auch sie nur sehr unsicher, daß die Bevölkerung der Gräberfelder auch in den ersten Jahrzehnten des 9. Jahrhunderts anhielt. Keiner ging jedoch weiter, und so entstand in der Kontinuität des archäologischen Fundmaterials im Karpatenbecken ein tiefer, bis zur ungarischen Landnahme, d. h. rund bis zum Jahre 900. währender Riß. Über die Bevölkerung des awarischen Reiches schweigt aber auch ferner das archäologische Quellenmaterial, und zwar ganz bis zur Mitte des 10. Jahrhunderts, als sie dann in der sogenannten »Kultur von Bjelo Brdo« von neuem auftaucht. Demnach lebten und starben die Völker im Karpatenbecken rund ein Jahrhundert lang, ohne im archäologischen Nachlaß auch nur eine Spur zu hinterlassen.

Zu dieser völlig falschen Betrachtungsart führt der Weg über eine Reihe von Irrtümern. Völlig verfehlt ist nämlich die Annahme, daß die fränkischen

[62] Z. Váňa, Lahvovité tvary v západoslovanské keramice. — Die Flaschenformen in der westslawischen Keramik. Památky archeologické 47 (1956) 142—143.
[63] N. Fettich: AH. 21: 15—24, 108—120.
[64] T. Horváth: AH. 19: 104—126.
[65] N. Mavrodinov: AH. 29: 50—92.
[66] J. Eisner, Dev. N. Ves 320—333.

Heerscharen im awarischen Reiche eine menschenlose, verlassene Einöde hätten schaffen können. Ein katastrophaler Schlag mochte damals höchtens die führende Schicht des Reiches getroffen haben. Große Mengen vom Gemeinvolk und auch ein großer Teil der Mittelschicht lebte einfach in seinen Siedlungen weiter. So bedeutende Wechsel, die die daselbst ansässigen Völkergruppen zu einem Abzug oder auch nur zu einer Umformung ihrer früheren Lebensform gezwungen hätten, erfolgten im größten Teil des Karpatenbeckens im Laufe des 9. Jahrhunderts überhaupt nicht. Hieraus folgt, daß wohl auch die früheren Beerdigungsstätten unbehelligt weiter gebraucht wurden. — Ein grundlegender, auch das Leben des Gemeinvolkes betreffender Wechsel trat im Karpatenbecken erst mit der ungarischen Landnahme ein. Gewiß sind jene reichen Reitergräber, die man bisher für die einzigen Denkmäler der landnehmenden Ungarn gehalten hatte, nicht der einzige Nachlaß dieser: die landnehmenden Ungarn bestanden zum großen Teil, ja vorwiegend aus Gemeinvolk. Ihr Erscheinen brachte einen vollständigen Wandel in der ethnographischen Karte des Karpatenbeckens mit sich. Ihre Begräbnisstätten wurden etwa 150 bis 200 Jahre hindurch benützt, und sie bestehen aus vielen Hunderten von Gräbern, ebenso wie bei dem Gemeinvolke der Spätawarenzeit. Die Gräberfelder des ungarischen Gemeinvolkes lassen sich auf Grund der Wandel im Fundmaterial in zwei Gruppen gliedern. Die erste Gruppe umfaßt die beiden ersten Drittel des 10. Jahrhunderts und kann etwa aus der Zeit der ungarischen Landnahme sein. Die zweite umfaßt das letzte Drittel des 10. Jahrhunderts sowie das 11. Jahrhundert und schließt spätestens mit dem 13. Jahrhundert; diese letztere Gruppe könnte als diejenige der Früharpadenzeit bezeichnet werden. Die erste Entwicklungsstufe konnte bisher nicht unterschieden werden, die zweite aber, deren charakteristisches Merkmal das Erscheinen der in einfacher S-Form endenden Schläfenringe ist, wurde als eine selbständige archäologische Gruppe betrachtet und als »Kultur von Bjelo Brdo« bezeichnet. (Diese Ausführungen werden in meiner bald beendigten Arbeit viel eingehender behandelt.)

Auf einem großen Gebiet des Karpatenbeckens wurden demnach die Gräberfelder des awarenzeitlichen Gemeinvolkes von denen des landnehmenden ungarischen Gemeinvolkes abgelöst.

Aus dem Gesagten geht eindeutig hervor, daß das landnehmende Ungartum auf einem großen Gebiete des Karpatenbeckens eine solche Bevölkerung vorfinden mußte, deren Lebensform und Tracht seit dem Zerfall des awarischen Reiches bis zur ungarischen Landnahme keinen bedeutenden Wandel erfahren hatte. Für uns ist besonders das Fortbestehen der Tracht bedeutsam: in den Gräberfeldern finden sich unbestreitbare Zeugnisse dafür, wie auch für die etwaige — oder spätere — Änderung der Tracht.

Bereits mehrfach wurde in dieser Arbeit darauf hingewiesen, daß zwischen den frühen mährischen Plattenknöpfen aus der zweiten Hälfte des

9. Jahrhunderts oder aus dem letzten Drittel desselben und den Erzeugnissen der spätawarenzeitlichen Metallkunst und Töpferei, die die ornamentalen Motive des Schatzfundes von Nagyszentmiklós gebraucht, eine Gleichzeitigkeit zu beobachten ist. Man müßte also in den spätawarenzeitlichen Gräberfeldern die Spuren jenes Wandels nachweisen können, für den die am Schatzfund von Nagyszentmiklós erscheinenden neuen Formen, neue Ornamentik und Technik charakteristisch sind. Von dieser Hypothese ausgehend ließ sich folgendes feststellen : in den Gräberfeldern aus der sogenannten Ranken- und Greifen-Spätawarenzeit finden sich die Gürtelgarnituren und Tonwaren von Nagyszentmiklóser Art stets am äußersten Rande der großen Gräberfelder, in sichtbar zusammengehörigen Gruppen, und bedeuten den letzten Abschnitt in der Geschichte des Gräberfeldes; man wird auch sehen, daß die Gräbergruppen des ungarischen Gemeinvolkes aus der Landnahme, bzw. der früheren Arpadenzeit, sich eben an die vorhin erwähnten spätawarenzeitlichen Gräbergruppen am Rande des Gräberfeldes anschließen.

Über das awarenzeitliche Gräberfeld von Győr stellte früher auch schon N. Fettich fest, daß die frühesten Gräber im Südteil und in der Mitte des Gräberfeldes, die späteren an ihren nordöstlichen und nordwestlichen Teilen liegen[67] (Grab Nr. 258., 270., 421., 471., 506., 545., 652., 678., 690., 694., 696., 776.). Die sich an die Spätgräber des Gräberfeldes anschließenden ungarischen Gräber mit Toten aus dem gemeinen Volke aus der Landnahmezeit wurden — nach dem Fundmaterial geurteilt — in der ersten Hälfte des 10. Jahrhunderts gegraben, dann wuchs ihre Zahl und sie verbreiteten sich im Gräberfeld nach Westen, endlich, im letzten Drittel des 10. Jahrhunderts versiegten sie ganz (Taf. 5 : 5). Wir stellen also die Frage : wohin gehörten in ethnischer Hinsicht die Toten dieser Gräbergruppen? Es ist aus geschichtlichen und archäologischen Belegen bekannt, daß das landnehmende Ungartum auf dem gegenwärtigen Gebiete der Waggon-, bzw. Spiritusfabrik zu Győr eine bedeutendere Siedlung und auch ein Gräberfeld hatte.[68] Wir kennen auch das Denkmälermaterial eines Gräberfeldes für das gemeine Volk von diesem Gebiet. Die genannte Siedlung liegt einige hundert Meter von dem awarenzeitlichen Gräberfeld entfernt, uns es ist deshalb schwer zu begreifen, weshalb eine kleine Gruppe aus dem gemeinen Volk der landnehmenden Ungarn ihre Toten eben am Rande des genannten großen awarenzeitlichen Gräberfeldes bestatten ließ, wo doch für diesen Zweck geeignete Felder weit und breit in der Nachbarschaft reichlich vorhanden waren. — Falls jedoch diese Gräbergruppe des ungarischen gemeinen Volkes zur Zeit der Landnahme ethnisch doch nicht auf die neugekommenen Ungarn zurückginge, wäre anzunehmen, daß wir es

[67] Fettich N.—Nemeskéri J., Győr 46.

[68] Szőke B., Adatok a Kisalföld IX. és X. századi történetéhez. [Daten zur Geschichte der kleinen ungarischen Tiefebene im 9. und 10. Jahrhundert.] Archaeológiai Értesítő 1954 : 119—132.

hier mit einer solchen Gruppe der autochtonen Bewohnerschaft aus der Spätawarenzeit zu tun haben, die die ungarische Tracht des gemeinen Volkes und zum Teil auch die ungarischen Bestattungsgebräuche schon übernommen hatte. Diese Gräber aus der Zeit der Landnahme sind nämlich — im Gegensatz zu den nordwest-südöstlich orientierten Gräbern aus der Awarenzeit — ost-westlich orientiert. Die Entscheidung der Frage hätte auf Grund einer anthropologischen Untersuchung erfolgen können, aber leider, wurden die aus den Gräbern zum Vorschein gebrachten Knochenfunde vom Leiter der Ausgrabungen, A. Börzsönyi, nicht bewahrt.

In Devínska Nová Ves liegen im südlichen Teil des großen awarenzeitlichen Gräberfeldes die frühesten Gräber, das sind noch Brandgräber, während am nordwestlichen Rande die Reiter-Gräber mit solchen Gürtelgarnituren, die mit Motiven des Schatzfundes von Nagyszentmiklós verziert sind (Grab Nr. 524., 805., 842., 878.). In ihrer nächsten Nähe, am äußersten Rande des Gräberfeldes wurden auch einige solche Gräber ausgegraben, in denen Schläfenringe mit einfachem S-Ende vorgefunden wurden (Nr. 771., 772., 773., 676.).[69] (Taf. 5 : 4.) Ganz offensichtlich wird dadurch der Vorgang der Bevölkerung des Gräberfeldes, bzw. deren Richtung. In diesem Fall schließen sich an die spätest entstandenen Gräber aus der Awarenzeit nicht ungarische Gräber aus der Zeit der Landnahme, sondern solche aus der frühen Arpadenzeit. Daß die ersteren fehlen, kann leicht begründet werden : das effektive Siedlungsgebiet des Ungartums der Landnahme reichte in der ersten Hälfte des 10. Jahrhunderts nicht über den Fluß Váh, bzw. das Sumpfgebiet Hanság. Auf diese Weise erreichte auch die im Karpatenbecken entstandene neue Tracht nur einige Jahrzehnte danach die Gegend des sogenannten Dévényer Tors.[70]

In Žitavská Tôň wurde bislang nur ein Teil des Gräberfeldes aus der Awarenzeit durch V. Budinskỳ—Krička freigelegt.[71] Unter den Gräbern hält auch der Leiter der Ausgrabung die Gräber Nr. 29. und 31. für die spätest entstandenen. In diesen Gräbern wurden lauter solche Gürtelgarnituren und sonstiges Beschlagwerk gefunden, dessen allzu üppige Ornamentik ganz in der Art des Schatzfundes von Nagyszentmiklós gehalten ist. Bezeichnenderweise befinden sich beide Gräber am Rande des Gräberfeldes.

Auch diejenigen Gräber des awarenzeitlichen Gräberfeldes zu Csúny (Kom. Győr-Sopron) liegen am Rande, in denen mit Motiven von Nagyszentmiklós verzierte Gürtelgarnituren vorgefunden wurden.[72]

Aus einem Reitergrab des großen awarenzeitlichen Gräberfeldes von Keszthely (Kom. Veszprém) kam eine Gürtelgarnitur mit allzu reichem Blatt-

[69] J. Eisner, Dev. N. Ves 9—192, Taf. III.
[70] B. Szőke : AÉ. 1954 : 119—132.
[71] Budinský—Krička : SA. 4 : 7 (Karte).
[72] J. Hampel, Alterthümer 2 : 139.

werk zum Vorscheine (s. weiter oben, im Abschnitt 3a). Auf Grund dessen wird das Grab von N. Fettich unter die am spätesten entstandenen gezählt; diese Datierung wird seiner Erklärung nach auch dadurch erhärtet, daß das Grab am äußersten Rand des Gräberfeldes lag.[73]

Die charakteristisch aus der Spätawarenzeit stammenden, mit Motiven des Schatzes von Nagyszentmiklós geschmückten Gürtelgarnituren und die mit diesen in gleicher Zeit entstandenen eigenartigen Krüge des Gräberfeldes Kiskőrös-Városalatt (Kom. Pest) sind aus solchen Gräbern enthoben worden (Grab. Nr. 8., 147., 150., 156., 158., 165., 181., 204.), die sich ohne Ausnahme am nördlichsten Rande des Gräberfeldes befinden.[74] (Taf. 5 : 3.)

Es liegt auf der Hand, daß eine solche, sich wiederholende, aus den angeführten Beispielen klar hervorgehende Identität kein etwaiger Zufall sein könnte. Diejenigen Gräber, die solche Metall- oder Tonwaren enthalten, die eine Verwandtschaft mit dem Schatz von Nagyszentmiklós aufweisen, zeigen den letzten Abschnitt der Geschichte des Gräberfeldes an; dieser Abschnitt steht jedoch mit der ungarischen Landnahme bzw. mit dem in den darauf folgenden Jahrzehnten eintretenden Wandel in Verbindung.

Unsere eben dargelegte Auffassung steht in offenkundigem Gegensatz zu alldem, was Gy. László über die Bestattungsbräuche der awarenzeitlichen Gräberfelder feststellen wollte.[75] Über seine Ansichten möchte ich folgendes sagen: die ungarischen Bestattungsgebräuche zur Zeit der Landnahme waren denen der Awarenzeit überaus ähnlich — ebenso wie auch die gesellschaftliche Struktur beider Völker, die sich in den Bestattungsriten widerspiegelt, sehr ähnlich war, wie man es mit den gleichen Grundlagen der Geschichte beider Völker leicht erklären kann. (Mit dieser Frage beschäftigt sich ausführlicher meine schon erwähnte, in Vorbereitung stehende Arbeit.) Die führende Schicht wird bei beiden Völkern durch die überaus reichgeschmückten, männlichen und weiblichen Einzelgräber gekennzeichnet. Die durch Gy. László ausgearbeitete Bestattungsrite für Großfamilien und Sippen ist bei beiden Völkern für die Mittelschicht bezeichnend. Auch die Gräberfelder für das gemeine Volk sind bei beiden Völkern gleicher Art, doch von den zwei erst erwähnten gesellschaftlichen Schichten abweichend. Unter dieser letzten Gruppe, — nämlich unter den Gräberfeldern für das gemeine Volk, — verstehe und meine ich diejenigen Gräberfelder der Awarenzeit, bzw. diejenigen ungarischen Gräberfelder aus der Zeit der Landnahme und der frühen Arpadenzeit, die mehrere hundert Gräber umfaßten. Sowohl die ersteren (z. B. Győr, Devínska Nová Ves, Kiskőrös), als auch die letzteren, ungarischen (z. B. Kérpuszta im Kom. Somogy, Halimba im Kom. Veszprém, Szentes-Szentlászló im Kom. Csongrád) verbreiteten sich meist von einem Punkte ausgehend und meist jenem Hügel-

[73] N. Fettich: AH. 21 : 112.
[74] T. Horváth: AH. 19 : 34—53, Beilage Nr. II.
[75] Gy. László: AH. 34 : 21—130.

zuge folgend, der die Gräber in sich schloß. Die Gräberfelder für das gemeine Volk wurden zur Zeit der Awaren rund etwa 200—250 Jahre hindurch benützt, die für das ungarische Gemeinvolk etwa 150—200 Jahre. Gefüllt wurden diese Gräberfelder natürlich nicht von irgendeiner größeren Gemeinschaft; erst war es wohl nur eine kleine Gruppe, die die gleiche Begräbnisstätte hatte, etwa eine Großfamilie, die mit der Zeit infolge der natürlichen Vermehrung anwuchs. Meines Erachtens geht dies auch aus dem Situationsplan der awarenzeitlichen, bzw. ungarischen Gräberfelder für das gemeine Volk hervor. Diese Gräberfelder öffnen sich gleichsam, und verbreiten sich fächermäßig; das kann aber nur mit der allmählichen Vermehrung der ursprünglich kleinen Gruppe erklärt werden. Die Gruppen aus dem gemeinen Volk waren sowohl bei den Ungarn an Ort und Stelle gebunden, da ihr Beruf — der Ackerbau, die verschiedenen Handwerke, ferner die sich abwechselnd in Sommer- und Winterquartieren abspielende Viehzucht — es so mit sich brachte. Allein auf diese Weise konnten derartige, lange Zeit hindurch benützte Gräberfelder entstehen. Die führende und Mittelschicht der beiden Völker hielt dagegen viel eher an seiner ursprünglichen nomadisierenden Lebensform fest; ihr Leben spielte sich in ständiger Bewegung auf einem größeren Gebiete, ihrem Besitze ab. Die Mitglieder der fürstlichen Familien oder diejenigen der Stammesführer wurden meist an irgendeinem verborgenen, einsamen Orte bestattet, während die Sippen der Mittelschicht sich beinahe in jeder Generation je einen anderen Bestattungsort wählten. Diese Umstände geben die Erklärung für das Entstehen der verschiedenen, für die einzelnen gesellschaftlichen Schichten bezeichnenden Gräberfeldtypen.

b) In einzelne Westgebiete des Karpatenbeckens drang im Laufe des 9. und 10. Jahrhunderts die eigenartige Kultur der Bewohner des mährischen Landes ein. Die Denkmäler dieser Kultur — gegenwärtig noch vorwiegend Gräberfelder — sind aus dem nördlichen Teil der Kleinen Tiefebene und aus dem nordwestlichen Transdanubiens (Sopronkőhida, Zalavár) bekannt.[76] Diese Gegenden liegen auf einem in ethnischer Hinsicht charakteristischen Randgebiet, und dadurch sind bereits die Bedingungen einer Vermischung der verschiedenen Kulturen geboten. Dies kann mit folgenden Belegen erwiesen werden:

Das mit dem Bestehen des mährischen Reiches zeitgenössische Grabfeld von Vel'ky Grób (Magyargurab, in der Tschechoslowakei) wurde von B. Chropovský erschlossen. Auf Grund des aus 133 Gräbern zum Vorschein gebrachten Fundmaterials datierte Chropovský das Gräberfeld aus der zweiten Hälfte des 9., bzw. der ersten Hälfte des 10. Jahrhunderts.[77] Die Gräber bilden hier

[76] Szőke B., IX. századi sírok Sopronkőhidán. — Gräber aus dem 9. Jahrhundert in Sopronkőhida. Soproni Szemle 9 (1955) 3—4, 55—68.

[77] B. Chropovský, Slovanské pohrebisko z 9. st. vo Vel'kom Grobe. — Ein slavisches Gräberfeld aus dem 9. Jahrhundert in Vel'ký Grob, Bezirk Senec. Slovenská Archeológia 5 (1957) 1: 201—202.

einander nahe liegende Gruppen. In zwei Gräbern der einen Gruppe (Nr. 18., 49.) fanden sich gravierte Beschläge vom Typus vom Blatnica, in einem Grab der angrenzend liegenden Gräbergruppe (Nr. 122.) aber rhombusförmige, kennzeichnende Pfeilspitzen der landnehmenden Ungarn.[78]

In Sopronkőhida (Kom. Győr-Sopron) ist die Ausgrabung eines Gräberfeldes von ähnlichem Typus und aus der gleichen Zeit im Gange. Ich selbst habe 11 Gräber des Gräberfeldes freigelegt, und datierte sie aus dem Ende des 9. Jahrhunderts.[79] Die Ausgrabung wird zur Zeit von Gy. Török fortgesetzt. In den im Jahre 1956 erschlossenen Gräbern wurde unter anderem im Frauengrabe Nr. 25. eine Perlenkette vorgefunden, und in diese eingefaßt das untere, mit einer Öse versehene Glied eines Scharnierbeschlages aus der Awarenzeit. Eine genaue Entsprechung ist aus dem Fundmaterial des im nahegelegenen Nemesvölgy befindlichen Spätawarenzeitlichen Gräberfeld bekannt.[80] Das Exemplar aus Sopronkőhida ist stark abgenützt. Die entsprechenden Teile der Perlenschnur finden sich im Fundmaterial aus Staré Mesto, und werden von V. Hrubý aus dem Ende des 9. und noch mehr aus dem 10. Jahrhundert datiert.[81] Unter den weiteren Funden desselben Grabes fanden sich auch solche Hängereifen, die mit Spiralen verzierte, sich nach unten zuspitzende Anhängsel trugen. Diese Art von Schmuck wurde eingehender von A. Kralovánszky untersucht ;[82] er beging jedoch den grundlegenden Fehler, daß er in seiner Arbeit die sich nach unten zu verbreiternden, bzw. zuspitzenden Spiralanhängsel der Hängereifen zusammen, ohne sie von einander zu unterscheiden, behandelte. Die genaue Statistik der Funde zeigt nämlich, daß während letztere einzig und allein aus Gräberfeldern der Awarenzeit zum Vorschein kommen, Hängereifen mit nach unten zu sich ausbreitenden Spiralanhängseln stets in ungarischen Gräberfeldern der Landnahme-, bzw. der frühen Arpadenzeit vorgefunden werden.[83] Dieser einfache kleine Schmuckgegenstand ist früher aus Rußland belegt, in den Gräberfeldern für das gemeine Volk aus der Zeit der ungarischen Landnahme taucht er — auf Grund der Begleitfunde — frühestens im zweiten Viertel des 10. Jahrhunderts auf. — Im Männergrab Nr. 16. in der von Gy. Török geleiteten Ausgrabung wurde ein mit Blattgitterwerk verziertes, bronzenes Riemenende vorgefunden. Eine genaue Entsprechung fand sich hiezu im spätawarenzeitlichen Gräberfeld von Kiskőrös-Városalatt.[84]

[78] Ebda 204.
[79] B. Szőke : Soproni Szemle 9 : 66.
[80] J. Hampel, Alterthümer 3 : Taf. 106 : 13, 14.
[81] V. Hrubý, Staré Město 246—255; Taf. 85 : 6, 9, 10, 11, 21, 33, 43; Taf. 86 : 5, 8.
[82] Kralovánszky A., Adatok az ún. s-végű hajkarika kialakulási és időrendi kérdéséhez. [Angaben über das Problem der Entwicklung und Chronologie der Schläfenringe mit S-Ende.] Archaeologiai Értesítő 1956 : 206—212. —S. noch : Studia Slavica 5 (1959) 327—361.
[83] Diese Frage wird in meiner gegenwärtig noch nicht beendeten Arbeit über das landnehmende Ungartum, bzw. das der Früharpadenzeit eingehend erörtert werden.
[84] Vgl. den Abschnitt a) der vorliegenden Arbeit und die Anmerkung Nr. 41.

Das erwähnte Frauen-, bzw. Männergrab lagen in dichter Nähe bei einander, es könnte auch kein bedeutender zeitlicher Unterschied zwischen beiden bestehen.[85]

c) Ein von den vorigen abweichendes, doch recht charakteristisches Beispiel für die Vermengung der Spätawarenzeit, bzw. der Zeit der ungarischen Landnahme ist aus dem südlichen Randgebiet des Karpatenbeckens bekannt.

In Vukovar (Valkóvár, Jugoslawien) wurden 437 Gräber eines ungarischen Grabfeldes für das gemeine Volk aus der Zeit der Landnahme, bzw. der Früharpaden von Z. Vinski freigelegt. Über die Ergebnisse seiner Arbeit erschien ein vorläufiger Bericht von ihm.[86] In einzelnen Gräbern des Gräberfeldes, die nicht neben einander, sondern verstreut inmitten der ungarischen Gräber aus der Zeit der Landnahme lagen, fand sich spätawarenzeitliches Fundmaterial vor. Im Männergrabe Nr. 71. lag der obere Teil eines Scharnierbeschlages und ein glattes Riemenende. Der Beschlag ist oval, von durchbrochener Arbeit und mit einem Greif verziert. — Aus dem Männergrabe Nr. 336. kam ein Riemenende mit durchbrochenem Rankenwerk aus der Spätawarenzeit zum Vorschein. Entsprechungen finden sich in den Funden aus der Spätawarenzeit von Csúny (Kom. Győr-Sopron)[87] und Cikó (Kom. Tolna).[88] Das Grab war bereits aufgewühlt worden ; außer dem vorhin erwähnten Riemenende kamen aus ihm Bruchstücke des Eisenbeschlags eines Köchers, und ein atypischer Bronze-Gegenstand zum Vorschein. — Im Männergrabe Nr. 53. wurde ein Rest eines mit einem Menschenbild geschmückten, vergoldeten Riemenendes und ein viereckiger Beschlag vorgefunden. Von ersterem kann auf Grund der photographischen Abbildung nicht festgestellt werden, ob es aus der Awarenzeit stammt ; letzterer datiert gewiß aus der Zeit der ungarischen Landnahme. Z. Vinski betrachtete beide Funde dieses Grabes als Denkmäler der Spätawarenzeit. Auf Grund der Funde meinte er feststellen zu dürfen, daß diese Gegenstände der Spätawarenzeit zur Zeit der »Bjelo-Brdoer Kultur« vergraben worden sind, somit im südlichen Teil des Karpatenbeckens die Kultur von Keszthely von der von Bjelo Brdo nur durch ein paar Jahrzente getrennt erscheint.

Die angeführten Belege zeugen davon, daß — vor allem auf den ethnischen Randgebieten — Ende des 9. und Anfang des 10. Jahrhunderts recht bunte ethnographische Verhältnisse herrschen mußten. In dieser Beziehung kann nur auf Grund der erhalten gebliebenen Denkmäler der Tracht der einzelnen Völker gefolgert werden. Der Umstand, daß in den Gräberfeldern der Bewohner des mährischen Reiches Trachten und einfachere Waffen der Spät-

[85] Die Ausgrabungen von Gy. Török sind noch nicht publiziert worden.

[86] Z. Vinski, Prethodni izvještaj o iskopanju nekropole na Lijevoj Bari u Vukovaru 1951., 1952. i 1953. godine. Ljetopis Jugoslavenske Akademije. Knjiga 60 : 231—255. Sep.

[87] J. Hampel, Alterthümer 3 : Taf. 114 : 5.

[88] Ebda, Taf. 231 : 1, 2.

awarenzeit, bzw. die der Ungarn aus der Zeit der Landnahme gefunden worden sind, anderenteils, daß aus ungarischen Gräbern und Gräberfeldern mährische Plattenknöpfe und Schmuck, ja Tote in der Tracht der Spätawarenzeit zum Vorschein kamen, macht offensichtlich, daß zur gleichen Zeit nahe beieinander verschiedenen Völkern zugehörige und jeweils andere Tracht tragende Siedlungen bestanden. Zur Zeit der ungarischen Landnahme war wohl in einem großen Teil des Karpatenbeckens die awarische Tracht in Mode, in einzelnen Teilen der Kleinen Tiefebene und Transdanubiens war die im mährischen Reich sich entwickelte Tracht üblich ; zwischen diese Gruppen drang nun die neue Züge mit sich bringende Tracht des landnehmenden Ungartums ein.

Daß es wirklich so war, kann — wie das aus den Funden hervorgeht, — kaum bezweifelt werden, und es kann uns auch nicht verwundern. Auch heute könnten wir eine Reihe von Beispielen dafür angeben, daß Gruppen von verschiedenem Ethnikum, die von einander durch vielerlei wirtschaftliche, Religions-, sprachliche und andere Traditionen getrennt werden, in der nächsten Nachbarschaft beieinander, ja selbst im gleichen Dorfe über Generationen hindurch ihre eigenartige Volkstracht in ihrer ursprünglichen Reinheit bewaren.

d) Zur Unterstützung des Dargestellten möchte ich kurz noch über den Fund zu Brestovac (Slowenien)[89] einige Worte sagen. Die einzelnen Gegenstände des Fundes zeigen nämlich ebenfalls, daß die mit der Ornamentik von Nagyszentmiklós und der Spätawarenzeit verzierten Gürtelgarnituren und die mährischen Kuntsschmiedeerzeugnisse der Wende des 9. und 10. Jahrhunderts aus gleicher Zeit stammen. Die im Funde vorkommenden zwei Goldplattenfibeln und die Bruchstücke von Beschlägen werden, wie bereits erwähnt, von einer derartigen plastischen Leistenverzierung bedeckt, deren Entsprechungen auf den Gefäßen Nr. 15., 16., 19., 20., 21. im Schatzfund von Nagyszentmiklós und den Funden von Blatnica, Hohenberg usf. sichtbar sind. — Einige weitere Stücke des Fundes sind dagegen ohne Zweifel mährische Erzeugnisse.[90]

Zu diesen gehören vor allem die traubenförmigen Anhänger.[91] Ihr Ring ist ovalgeformt, im Querschnitt eckig. Der untere Bogen ist an beiden Seiten mit Trauben geschmückt, seitlich davon an beiden Seiten je ein Perlenring angesteckt. — In dem Gräberfeld »Na valách« zu Staré Město wurden völlig gleiche Anhänger vorgefunden, und zwar in vielen Exemplaren. Von V. Hrubý wurden diese auf Grund des zusammengehörigen Grabbestandes aus dem letzten Drittel des 9., bzw. der ersten Hälfte des 10. Jahrhunderts datiert.[92]

[89] Ebda, Taf. 320. — N. Mavrodinov : AH. 29 : Abb. 43.
[90] N. Mavrodinov : AH. 29 : Abb. 43 : 5, 9, 8, 10.
[91] Ebda, Abb. 43 : 11.
[92] V. Hrubý, Staré Město 232.

Eins steht fest: diese Anhänger sind keine byzantinische Arbeit. Wir müssen festellen: die mährische Kunstschmiederei zur Wende des 9—10. Jahrhunderts wandte höchstens einzelne byzantinische Motive an, doch war ihr Formenschatz keineswegs byzantinischen Gepräges. Auch V. Hrubý, P. N. Tret'jakov und J. Poulík stellten dies bereits fest.[93] Wären die den vorhin besprochenen ähnlichen Traubenanhänger byzantinischen Ursprungs, so müßte eine ganze Reihe von Funden von Byzanz bis Mähren existieren, aber solche gibt es nicht.[94] Die vereinzelten Stücke vom Balkan (Brestovac, Trilje) stammten aus Mähren, nicht aus Byzanz. — Keineswegs darf jedoch außer Acht gelassen werden, daß ovale Anhänger, beiderseitig mit Trauben und je zwei Perlenringen verziert, auch aus dem Nordkaukasus bekannt sind.[95] N. Mavrodinov datierte ein gegossenes Exemplar von diesem Anhängertypus, das aus dem Tale des Bakšan und Čegem stammt, aus dem 7. Jahrhundert. Die Fäden der Kultur der Spätawarenzeit und auch — wie wir sehen werden — die des Schatzfundes von Nagyszentmiklós führen nach dem Kaukasus; höchst wahrscheinlich reichen auch die Wurzeln der verwandten mährischen Metallkultur ebenfalls hieher.

Die glatten, mit Ösen versehenen Plattenknöpfe aus dem erwähnten Gräberfeld zu Staré Město waren vorwiegend aus Goldblech verfertigt, seltener aus Silber- oder Bronzplatten, die ab und zu vergoldet wurden. Der runde Kopfteil dieser Knöpfe ist aus zwei Teilen zusammengelötet, und hat eine längliche Öse, die oft durch einen dünnen Gold- oder Silberdrahtreifen an der Stelle ihrer Befestigung noch verstärkt wurde.[96] Ganz genau so sehen auch die zwei Knöpfe im Fund von Brestovac aus. Der eine Knopf ist glatt, der andere mit etwas Filigranarbeit (mit granulierter Verzierung) ornamentiert.[97] V. Hrubý setzte die Entstehung der Knöpfe aus Staré Město auf die zweite Hälfte des 9. Jahrhunderts an. — Meiner Überzeugung nach untersteht es keinem Zweifel, daß diese Knöpfe mit dem Anhänger zusammen in den Fund von Brestovac aus mährischen Werkstätten gelangt waren.

Durch die aus Mähren stammenden Gegenstände wird die Datierung des Fundes von Brestovac aus der Wende des 9. und 10. Jahrhunderts ermöglicht.

6. Nun möchte ich einige Belege zur Unterstützung der Annahme anführen, daß jene kulturelle und Kunstströmung, die ihren Einfluß im Kar-

[93] Ebda 309, Anm. 101. — J. Poulík, Nové slovanské výzkumy na Moravě. Vznik a počátky Slovanů. I. Praha 1956, 250.

[94] M. Čorović—Ljubinković, Metalni nakit belobrdskog tipa. — La parure en metal chez les Slaves de sud aux IX—XI-ème siècles. Starinar. Nova serija, knjiga II. Beograd 1951.

[95] N. Mavrodinov: AH. 29: Abb. 120: 14.

[96] V. Hrubý, Staré Město 214.

[97] N. Mavrodinov: AH. 29: Abb. 43.: 12, 13.

patenbecken und in Mähren von der zweiten Hälfte des 9. Jahrhunderts an ausübte, ihren Ursprung im Gebiet des Pontus und Kaukasus hatte.

Gy. László teilte den Schatzfund von Nagyszentmiklós auf Grund der verschiedenen Kunstschmiedegriffe, sowie der Abweichungen in der Punzierung in zwei große Gruppen.[98] Der Unterschied zwischen diesen wird dadurch noch handgreiflicher, daß die Gefäße der einen Gruppe fast ausnahmslos Inschriften tragen, in der anderen Gruppe dagegen solche durchaus fehlen; auch bilden die Gefäße je einer Gruppe betreffs der Verwendung ebenfalls ein geschlossenes Ganzes, eine »Garnitur«. Von László wurde die Gruppe ohne Inschriften als früher entstanden betrachtet. Seiner Ansicht nach ist der Ursprung dieser Gruppe, der Ort ihrer Herstellung im Kaukasus zu suchen. Von künstlerischem Standpunkte aus weist diese Gruppe der Gefäße auf das Grenzgebiet zwischen Iran und Byzanz hin.

Aus meinen Ausführungen weiter oben ging hervor, daß die Ornamente der spätawarenzeitlichen Gürtelgarnituren ohne Ausnahme auch auf dieser älteren Gruppe des Schatzfundes von Nagyszentmiklós zu finden sind.

Am linken Ufer des Oberlaufs der Donau wurden in drei spätawarischen Gräberfeldern drei zum Pferdegeschirr gehörige, mit Gold und Silber eingelegte Phalerae aus Eisen gefunden. An den Fundorten, d. h. in Drasenhofen, Devínska Nová Ves und Žitavská Tôň kamen sie in jedem einzelnen Fall aus solchen Gräbern zum Vorschein, in denen auch spätawarische, mit den Motiven des Schatzes von Nagyszentmiklós geschmückte Gürtelgarnituren gefunden wurden. H. Mitscha-Märheim zufolge sollen die Stücke aus Drasenhofen, — die übrigens jenen aus Žitavská Tôň recht ähnlich sind — der Abstammung nach von dem Pontus-Gebiet sein, ihre Ornamentik wäre jedoch hellenistisch-iranischen Ursprungs[99].

In den spätawarischen Grabfeldern zu Žitavská Tôň und Devínska Nová Ves wurden auch Federbuschhalter gefunden, die zum Pferdegeschirr gehörten. Auch diese erscheinen stets in der Begleitung von Gürtelgarnituren mit der Ornamentik von Nagyszentmiklós. Laut V. Budinský-Krička sind solche Federbuschhalter auch aus Verchne-Saltovo bekannt.[100]

Über die geschmückten mährischen Plattenknöpfe konnte festgestellt werden, daß diese von iranisch-byzantinischem Geschmack und nomadistischer Stilisierung sind. Jene Goldschmiede, die diese Ware produzierten, stellten gewiß auch anderen Schmuck her; so vor allem dürften jene Plattenringe auf sie zurückgehen, die mit der gleichen Technik als die der Platten-

[98] László Gy., Jegyzetek a nagyszentmiklósi kincsről. — Notes sur le trésor de Nagyszentmiklós. Folia Archaeologica 9 (1957) 141—152.

[99] V. Budinský—Krička: SA. 4/1: 56. — H. Mitscha—Märheim, Die frühmittelalterlichen Gräberfunde von Mistelbach, Katselsdorf, Münchendorf und Schwechat, Niederdonau. Natur und Kultur 8 (1941) 39.

[100] V. Budinský—Krička: SA. 4/1: 59.

knöpfe verfertigt, sich dem Vorderteil zu ausbreiten,[101] und auch, wie gesehen, höchst wahrscheinlich die Anhänger mit Traubenverzierung, deren Entsprechungen angeblich bereits im 7. Jahrhundert im Kaukasus zu finden seien. Besonders bemerkenswert erscheint auch, daß ein Teil der mährischen Kirchen aus dem 9. Jahrhundert eine halbkreisförmige Apse besitzt; so ist auch die kleine Kirche im Gräberfeld »Na valách« erbaut. Nach V. Hrubý soll diese Kirche sowohl dem Grundriß, als auch den Maßverhältnissen nach ihre Entsprechungen im Kuban und an anderen Orten des nordwestlichen Kaukasus haben.[102]

Gewiß könnten die angeführten Beispiele noch vermehrt werden; an dieser Stelle möchte ich aber die Frage nicht eingehender behandeln. Meine Beispiele und meine ganze Arbeit erweisen wohl, daß die Metallkultur, die Töpferei, und ganz gewiß auch noch andere Gebiete der materiellen und geistigen Kultur der Bewohner des Morava-Tales und des Karpatenbeckens in der Mitte des 9. und in der zweiten Hälfte des 10. Jahrhunderts durch eine neue Kunst- und Kulturströmung befruchtet wurden. Diese neue Strömung ist jedoch mit der älteren Kultur des sogenannten Greifen- und Ranken-Awarentums engst verwandt; sodaß sie letzten Endes so betrachtet werden kann, als der reifste Ausdruck, und die höchste Stufe der Entwicklung jener älteren Kultur.

7. Die letzten Sätze werfen die Frage auf: wie war der ethnische Hintergrund der neuartigen Kultur und Kunst etwa des Schatzfundes von Nagyszentmiklós, der Spätawarenzeit, und Moraviens?

Der Schatz von Nagyszentmiklós wird meist dem Awarentum oder den Bulgaren zugeschrieben. Hinsichtlich der Datierung halte ich die Ergebnisse G. Fehérs und N. Mavrodinovs — im Einklang mit meinen obigen Ausführungen — für die annehmbarsten: sie setzen nämlich die Entstehung des Schatzes auf die zweite Hälfte des 9. Jahrhunderts an.[103] Neuerdings warf Gy. László eine interessante Frage über den Ursprung des älteren, östlichen Teils des Schatzes auf.[104] Er hielt es für möglich, daß diese Gruppe des Schatzes etwa von den Saward-Ungarn zum hiesigen Ungartum gelangt sei. Die Saward-Ungarn hatten sich etwa um 835 vom Stamme der Ungarn abgelöst und sich dann im Südkaukasus niedergelassen, das nach Westen gezogene Ungartum hielt jedoch die Beziehungen zu ihnen durch zeitweilig abgesandte Vertreter bis etwa um 950 aufrecht.

[101] V. Hrubý: Staré Město 267—271.
[102] Ebda 288.
[103] Fehér G., A bolgár-török műveltség emlékei és magyar őstörténeti vonatkozásaik. — Les monuments de la culture protobulgare et leurs relations hongroises Archaeologica Hungarica 7 (1931) 128—129. — N. Mavrodinov: AH. 29: 207—208.
[104] Gy. László: FA. 9: 141—152.

Da der Schatzfund von Nagyszentmiklós, wie in der vorliegenden Arbeit erwiesen wurde, von der Metallkultur und Töpferei der Spätawarenzeit, sowie von den Kunstschmiedarbeiten und den Tonwaren von Mähren unzertrennlich ist, und eigentlich selbst nichts anderes darstellt, als eine Gruppe von hervorragenden künstlerischen Werken der neuen, in der zweiten Hälfte des 9. Jahrhunderts sich verbreitenden kulturellen Strömung, kann auch die Frage seiner Herkunft und ethnischen Abstammung nicht isoliert untersucht werden.

Die Metallkultur und Tonwarenerzeugung der Spätawarenzeit entfalteten sich in Mähren — nach unseren bisherigen Feststellungen — im letzten Drittel des 9. Jahrhunderts. Somit kann ihr Erscheinen im Karpatenbecken etwas früher, Mitte oder erstes Virtel des 9. Jahrhunderts erfolgt sein. Daselbst ist es nicht in vereinzelten Gruppen zu finden, sondern auf dem ganzen Siedlungsgebiet des Awarentums mit Greifen- und Rankenornamentik.

Nun ist es bekannt, daß nach dem Zerfall des awarischen Reiches die Große Tiefebene und das Gebiet Siebenbürgens unter die Herrschaft der Bulgaren, ein großer Teil Transdanubiens unter den Einfluß des fränkischen Reiches, die Gebiete der Kleinen Tiefebene und Niederösterreichs in den Interessenkreis des mährischen Reiches und der Karantaner Kultur gelangt waren. Auf den ersten, oberflächlichen Blick scheint es so, als ob — den geschilderten politischen Ereignissen entsprechend — auch die kulturelle Entwicklung der genannten Gebiete einen Wandel erfahren hätte. Die handgreiflichen archäologischen Daten und Belege zeigen jedoch etwas anderes. Die Kultur der Awarenzeit bestand auch nach dem Verfalle des Reiches, und zwar ungebrochen, ja, brachte in der zweiten Hälfte des 9. Jahrhunderts — gleichsam als ein letztes Aufleuchten — eine neue, prächtige Blüte.

Wir stehen dieser Erscheinung in hohem Maße verständnislos gegenüber. Wer oder was mochte wohl die unerwartete Entfaltung und Blüte der awarenzeitlichen Kultur hervorrufen? Sämtliche Belege weisen darauf hin, daß diese neue Strömung, die im Karpatenbecken das Leben von neuem entfachte, aus der Gegend des Kaukasus und des Pontus kam. Schenken wir nur den historischen Angaben Aufmerksamkeit, so werden wir meinen, die Vermittlung der kulturellen Strömung müsse den Bulgaren zugeschrieben werden, da eben diese aus den erwähnten fernen Gebieten in ihre spätere, am unteren Lauf der Donau liegende Heimat gezogen waren. Leider sind jedoch unsere gegenwärtigen Kenntnisse zum Ermessen dessen, was denn eigentlich die bulgarische Machtübernahme in einzelnen Teilen des Beckens der Karpaten für die hier lebende Bewohnerschaft bedeuten mochte, keineswegs genügend. Die am Ende der Awarenzeit auftretende neue Kulturströmung brachte eine solche Menge, einen solchen Reichtum neuartiger kaukasischer und pontischer Motive in das Karpatenbecken, daß wir mit Recht die Frage stellen müssen: ist das alles in der Tat allein den Bulgaren zuzuschreiben? Die iranisch-

kaukasisch-byzantinisch geformte Kunst hinterließ im Karpatenbecken in der Spätawarenzeit ein viel ansehnlicheres und reicheres Denkmälermaterial, als in Bulgarien und dieses hat am Laufe der unteren Donau zum großen Teil überhaupt keine Entsprechungen. Somit hat es den Anschein, als ob in einzelnen Teilen des Karpatenbeckens nach dem Zerfall des awarischen Reiches außer dem Erscheinen der bulgarischen politischen und militärischen Macht auch noch andere wichtige Ereignisse erfolgt wären. Ich halte es für wahrscheinlich, daß die veränderten politischen Verhältnisse am Anfang des 9. Jahrhunderts es ermöglichten, daß einzelne südrußländische Völkergruppen allmählich und vereinzelt ins Karpatenbecken einwanderten. Die Spuren einer solchen beinahe unmerklichen Völkerbewegung sind auf archäologischem Wege kaum festzustellen; erst ihre Folgen sind zu merken. D. Simonyi machte darauf aufmerksam, daß mit einer ständigen Einwanderung verschiedener Völkerreste ins Karpatenbecken auch während des Bestehens der awarischen Herrschaft stets zu rechnen sei.[105] Diese sehr richtige Feststellung sollte in den Zeiten nach dem Zerfall des Reiches in einem noch viel bedeutenderen Maße geltend gemacht werden. Auch sollte daran gedacht werden, daß auch die ungarische Landnahme keinen Abschluß dieses aus Südrußland nahenden ständigen Wellenschlages bedeutete, und dieser stets neue und aberneue Völker und Völkerreste in das Karpatenbecken trieb.

Ein derartiges Einsickern von Völkerresten, die gleichzeitig auftauchenden Handelswaren und die zugleich im neuen, noch nicht ausgenützten, guten Aufnahmegebiet erscheinenden Handwerker konnten zusammen wohl geeignet sein, die Wechsel herbeizuführen, die die Metall- und Tonbearbeitung des Karpatenbeckens im 9. Jahrhundert erfuhr. Es erscheint auch natürlich, daß die damaligen politischen Grenzen einer mit der geschilderten Einsickerung gleichzeitig erscheinenden kulturellen Strömung kein Hindernis bedeuten konnten, und diese sich in der Folge auf allen Gebieten verbreitete, wo die Traditionen der awarischen Greifen- und Rankenornamentik weiter lebten. Auf diese Weise kann vielleicht erklärt werden, daß diese orientalische Kultur eben auf solchen Gebieten besonders farbenreiche Blüten brachte, — nämlich im Westen von Transdanubien und im Wiener Becken, — von denen bekannt ist, daß das Awarentum seine relative Selbständigkeit eben in ihnen am längsten bewahrte.

Es ist bekannt, daß Cyrill und Method um vieles früher, als ihre Reise nach Mähren, das Land der Chasaren und das Gestade des Schwarzen Meeres besucht hatten, somit also die Völker und die Kultur, die bei uns den Wandel der spätawarischen Kultur hervorrief, zweifelsohne kennen mußten. Eben deshalb finde ich es höchst wahrscheinlich, daß zwischen dem Beginn der

[105] D. Simonyi, Die Kontinuitätsfrage und das Erscheinen der Slawen in Pannonien. Studia Slavica 1 (1955) 333—361.

mährischen Tätigkeit der beiden Missionare (d. h. Anfang der 860-er Jahre) und der Blütezeit der unter iranisch-kaukasisch-byzantinischem Einfluß entstandenen mährischen Metallkunst und Töpferei (in der zweiten Hälfte oder dem letzten Drittel des 9. Jahrhunderts) ein Zusammenhang bestehe. Es wäre wohl möglich, daß jene Meister des Kuntsgewerbes, die auch auf diesen Gebieten die Metallkunst und das Töpfergewerbe kaukasischen und pontischen Ursprungs verbreiteten, eben den Zureden von Cyrill und Method folgend aus dem Donaugebiet nach Mähren zogen. In der Kenntnis der Missionsbestrebungen von Byzanz in Südrußland im 11. Jahrhundert ist es wohl anzunehmen, daß sich unter diesen Handwerkern auch Christen befanden, und etwa auch die kleinen mährischen Kirchen mit halbkreisförmigen Apsen das Werk dieser aus Südrußland stammenden Meister sein mochten. Es wäre an dieser Stelle an die vollkommene Analogie zu Kirchen aus dem Kaukasus zu erinnern, auch, daß in der materiellen Kultur Mährens im 9. Jahrhundert nirgends ein unmittelbarer Einfluß von Byzanz zu verspüren sei.

Ist die Beweisführung von Gy. László über den kaukasischen Ursprung der früheren Gruppe im Schatz von Nagyszentmiklós, bzw. über die spätere Gruppe, als Arbeit der Goldschmiede der ersten Arpadenkönige[106] richtig, so kann vermutet werden, daß der erste Teil des Schatzes mit der weiter oben geschilderten Kunstströmung ins ungarische Land geraten, und hier zur Zeit der Landnahme in den Besitz des ungarischen Fürstenhauses gekommen sei. Jene Goldschmiede aber, die den späteren Teil des Schatzes erzeugten, wären solche Meister der Spätawarenzeit, die bereits vorher im Geiste der Kunst von Nagyszentmiklós gewirkt hatten, und erst hier in Ungarn in den Dienst ihrer neuen königlichen Herren getreten sind.

8. In meiner Arbeit gebrauche ich für die Bezeichnung der zweiten Hälfte des 9. Jahrhunderts den Ausdruck »Spätawarenzeit«. Möglicherweise erscheint das ungewohnt, da es sich hier um die etwa ein halbes Jahrhundert nach dem Zerfall des Awarenreiches erfolgte Zeit handelt. Mein Verfahren dürfte dennoch angebracht sein, wie das aus dem Folgenden hervorgeht: Wie allgemein bekannt, gibt es im Karpatenbecken keine geographischen Namen türkischen Ursprungs, die dem Awarentum zuzuschreiben wären. Demnach konnten die landnehmenden Ungarn bei ihrer Ankunft keine türkisch sprechenden Awaren angetroffen haben. Demgegenüber lebten laut Zeugnis der Gräberfelder, im größten Teil des Karpatenbeckens ganz bis zur ungarischen Landnahme die für die Lebensform der Nomaden oder Halbnomaden charakteristischen Trachten und Bräuche des Awarentums unverändert fort. Diese, nach awarischer Sitte und Tracht lebende, bzw. sich kleidende Bewohnerschaft sprach den sprachwissenschaftlichen und geschichtswissenschaftlichen Ergebnissen zufolge zur Zeit der ungarischen Landnahme slawisch. Unter

[106] Gy. László: FA. 9: 141—152.

Spätawarenzeit ist dem nach jener historische Abschnitt im Leben der Völker des Karpatenbeckens zu verstehen, in dem das in ein großes Ganze einheitlic verschmolzene Volk seinem äußeren Erscheinen und zum Teil auch seine geistigen Traditionen nach zwar awarisch war, aber schon die Sprache jenh Slawen übernahm, die das awarische Ethnikum in sich aufnahmen, und sic aus dem früheren Sklaventum emporrangen.

Назви сільськогосподарських культур у говорах Закарпаття

Й. О. ДЗЕНДЗЕЛІВСЬКИЙ

В українців, як і взагалі в слов'ян, землеробство здавна було провідною виробничою галуззю, яка постачала продукти харчування та давала найрізноманітніші матеріали для народного господарства взагалі. Землеробство в слов'ян здавна характеризується досить високою культурою виробництва. У зв'язку з цим у слов'ян (в тому числі і в українців) склалася досить багата сільськогосподарська номенклатура, яка в ряді випадків впливала на таку номенклатуру деяких сусідніх народів, зокрема румун та угорців.

Слов'янська сільськогосподарська номенклатура і зокрема номенклатура сільськогосподарських рослин з часом в силу певних історичних та економічних обставин розвивалася, змінювалася. Зміни ці відбувалися в основному в бік поповнення новими назвами, що зумовлювалося поповненням самого асортименту сільськогосподарських культур. Так, у різні часи українці (як і росіяни, білоруси та ін.) запозичили ряд таких культур від народів східних країн. Помітне поповнення цієї номенклатури в європейських народів взагалі і в українців зокрема відбулося в останні три-чотири століття у зв'язку з відкриттям Америки і завезенням звідти ряду нових сільськогосподарських культур.

Завданням цієї праці є опис назв сільськогосподарських культур в українських закарпатських говорах. Умовно ці назви поділяємо на дві групи : 1. назви зернових та бобових культур і 2. назви городніх, баштанних та інших культур.

Назви зернових та бобових культур

1. Frumentum L., як і в інших українських діалектах, — *жи́то*, *жы́то*. *Жи́то* — давнє праслов'янське слово (Будилович 1 : 94—95), в окремих слов'янських мовах *жи́то* виступає як родова назва для всіх злакових, чи лише в значенні 'яровий хліб', у ряді випадків це слово означає видові назви злакових (в залежності від того, яка культура де домінує, див. Буди-

лович 1 : 317). Від *жито* в досліджуваних говорах відмічено похідні : *жи́тн'а́ник, житн'а́к, житн'а́к, жи́тник* — 'житній хліб'; *жи́тниц'а, жи́тниц'ə* — 'поле після жита', 'вид трави', 'житня солома'; *житн'а́нка* — 'поле після жита', 'житня мука', 'вид трави'; *житн'а́ниц'а, жи́тнишче* — 'поле після жита'; *жи́тний (-ый), жы́тний (-ый)*. По говорах зафіксовано назви сортів жита : *йа́ре* або *йа́рнойе, ôсі́ннойе, си́н'ойе, бі́лойе, кротоно́с, чотыришоро́войе*.

2. Відповідно *ячмінь* — Hordeum L. по говорах вживають : на сході — *йач'мі́н', йачмі́н'*, на заході — *йа́рᵘц', йа́рᵘц'*. Межа між *йачмі́н'* і *йа́рᵘц'* проходить по лінії Вишково — Сокирниця — Драгово — Вучкове — Голятин — В. Студене.[1]

Ячмінь — давня (є відомості, що слов'яни ячмінь знали раніше пшениці) спільнослов'янська (праслов'янська) назва, див. Будилович 1 : 96, 318 ; Brückner, SE. 208 та ін. Паралелі для *йа́рᵘц'* знаходимо у галицьких лемків — *ярец* (Верхр., Лемки 488), у сх. словац. говорах *jarec* (Czambel 1 : 526 ; Kálal 217 ; Buffa 160), у польск. діалектах *jarzec* (SJP. 2 : 137) ; походить назва від *ярь* — 'весна'. Територія поширення могла б вказувати на західнослов'янське (словацьке, а, можливо, і польське) походження *йа́рᵘц'* у закарпатських говорах, проте це пояснення не може бути єдиним, бо відсутність історичних відомостей не дає можливості встановити, де це слово появилося раніше.[2] Не виключена можливість, що у словацьких чи польських говорах це українізм. Нарешті, могло бути й так, що в українських, словацьких та польських говорах (носії яких перебували у тісних економічних та інш. взаємозв'язках) ця назва появилася одночасно.

Від *йачмі́н'* у досліджуваних говорах відмічено похідні : *йачмі́ннишче* чи *йачме́ннишче, йачмін'а́нка* — 'поле після ячменю'; *йачмі́нниц'а* — 'ячмінна мука', а в ряді говорів 'ячмінна солома'; *йачм'ѝнник* чи *йачме́нник* — 'ячмінний хліб', у ряді говірок Тячівщини та ін. ще і очна хвороба' (запалення сальних залоз у товщі повіка) ; *йачмі́нный (-ий)*. Від *йа́рец'*: *йарча́нка* — 'поле після ячменю', а в ряді говорів 'ячмінна солома'; *йа́рчаник* чи *йарча́ник* — 'ячмінний хліб'; *йа́рчик* — 'очна хвороба'; *йарча́ный (-ий)* чи *йарчаны́й (-ий)*.

3. Avena L., як і в літературній та інших слов'янських мовах, — скрізь *овéс;* (паралелі з інших індоєвропейських мов див. Младенов, EP. 371 ; Brückner, SE. 387—388 та ін.). У непрямих відмінках по говірках (у залежності від рефлексації давнього *о* у новозакритих складах, стягнення *у, ӱ*,

[1] Докладно про поширення цих назв див. *Й. О. Дзендзелівський,* Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області УРСР. Частина І. Ужгород 1958, карта № 71.

[2] В українських закарпатських пам'ятках *ярець* засвідчується відносно пізно. У календарі Югасевича 1806 р.: *сѣи ярецъ овесъ марта хго* (л. 105). У цій же пам'ятці поруч фіксується і *ячмінь*, див. л. 105. зв. Можливо, таке паралельне вживання *ярець* ~ *ячмінь* вказує на пізню появу *ярець* у досліджуваних говірках.

(< о) з наступним білабіальним *в*) фіксується ряд фонетичних варіантів : род. од. *вівсá, вусá, вувсá, вўсá, вўвсá, усá, вса;* дав. од.: *вівсóви, вівсý, вусý, вўсý, усóви, усý* і т.ін. Від *овéс* відмічено деривати : *вівс'áнка, ву(в)с'áнка, ву(в)с'áниц'а, вў(в)с'áнка, ус'áнка, вівс'áниц'а, вівс'эниц'э* — 'поле після вівса', а в ряді говорів ще і 'вівсяна мука', 'вівсяна солома', 'вівсяна крупа'; *вівс'á-ник, вус'áник, вўс'áник, овéсн'эник* — 'хліб з вівсяної муки' (останній варіант, як спорадичний відмічено у с. Кос. Поляна, Рахів.) ; *вівс'áний (-ый), вус'á-ний (-ый), вўс'áний, ус'áний (-ый).* Для сортів цієї культури по говірках відмічено назви : *зеᵘлеᵘнéᵘц' (дзеᵘлеᵘнéᵘц')* або *молокóвеᵘц', косáк* або *злáтый, дб'вгий, чопáтий (-ый), прóстий (-ый), скôлб'здр'а, пб'л'с'кий, прýс'кий, мад'áрс'кий, áлумс'кий, усáтый, чóрний (-ый), бíлий (-ый), óстрий (-ый).*

4. Triticum L., як і в інших діалектах, літературній українській та інших слов'янських мовах (Будилович 1 : 96—97, 318 — 319), скрізь наз. *пшеᵘнúц'а, пшеᵘнúц'э* (здр. *пшеᵘнúч'ка).*

Відмічено похідні: *пшеᵘнич'н'áник, пшеᵘнишн'áник, пшеᵘнúчник, пшеᵘ-нúшник* — 'хліб з пшеничної муки'; у с. Калини (Тячів.) *пшеᵘнишн'áник* має ще переносне значення : 'тендітна, квола людина, що перебирає їжею, а до роботи лінива'; *пшеᵘнич'н'áнка, пшеᵘнишн'áнка, пшеᵘнишн'áниц'а, пшеᵘнúчнище, пшеᵘнич'áнка, пшеᵘнúнчиц'э* — 'поле після пшениці'; *пшеᵘнúч-ний (-ый), пшеᵘнúшний (-ый).* По говорах відмічено назви сортів : *йáра* або *йáрн'а, озúма, голомшúва* або *голомшúвка, скл'анá, колосáта, бавусáта, черевáта, дôвгáста.*

5. Як і в літературній мові та інших українських діалектах, Panicum miliaceum L. у досліджуваних говорах скрізь *прóсо,* лише у ряді говірок південної частини Закарпаття (у сс. Н. Ремети, В. Ремети, Квасово, Берег.; Олешник, В. Ком'яти, Оник та ін. — Виногр.) — *кýлешка* (що з мадьяр. *köles* — 'просо'). В окремих говірках (напр., Іза та ін. на Хустщині) поруч з *прóсо* на означення цієї культури вживається ще і *пшонó,* хоч взагалі на досліджуваній території, як і в інших українських діалектах, звичайно *пшонó* — це 'крупа з проса'. Слово *просо* загальнослов'янське, деякі автори наводять паралелі і в інших індоєвропейських мовах, зокрема, в санскриті, пруській, грецькій (див. Младенов, ЕР. 530). Відзначимо, що ця давня і така популярна злакова культура в слов'ян (див. Будилович, 1 : 319) на Закарпатті взагалі вирощується порівняно мало.

Від *просо* відмічено похідні : *прос'áнка* — 'поле після проса', в ряді випадків 'просяна солома'; *прос'аníк* — 'хліб з просяної муки'; *прóс'а-ний (-ый), прóсовий (-ый).*

6. На означення Polygonum fagoryrum L. вживається *грéч'ка, татáрка.* Назва *грéчка* поширена на Тячів., півд. Рахів., Волов., захід. Ужгор., захід. Іршав.; *татáрка* — Хуст., Виногр., Берег, В. Березн.; у ряді місць обидві назви співіснують. *Татáрка* — 'гречка', крім закарпатських, зустрічається і в деяких інших говорах південно-західного наріччя (Желех. 950) ; І. Вер-

хратський відмічає це слово із значенням 'дика гречка';[3] див. також у В. Даля *татарка* 'дикуша' ('дика гречка'); пор. із значенням гречка пол. *tatarka, taterka* (SJP. 7 : 32), сх. слов. *tatarka* (Kálal 709), мадьяр. *tatárka,* рум. (Трансільванія) *tătarcă* (Şăineanu 577). Слово *татарка* широко відоме і в інших українських діалектах, але із значенням 'певний сорт пшениці, цибулі, дині' (Грінч. 4 : 249), також у російських (Даль 4 : 730); пор. також назви на означення рослин : *татарник, татаринє, татарак* та ін.[4]

За народним переказом, поява гречки на Закарпатті пов'язується з татарською навалою, а назва *татáрка* виводиться від *татарин, татари.*[5] На думку К. Ніча та Е. Мрозувної, сх. слов. *tatarka* та мадьяр. *tatárka* — полонізм.[6] І. Кнієжа мадьяр. *tatárka* вважає запозиченням з півночі, від словаків чи українців (Kniezsa 1 : 521).

Від *гре́чка* відмічено похідні : *греч'áнка, гречн'áнка* — 'поле після гречки', 'каша гречана', рідше 'солома з гречки'; *греч'овúн'а* — 'гречана солома' (це останнє відмічено як спорадично вживане слово у с. Кос. Поляна на Рахів.); *греч'áник, греччáник* — 'хліб, млинець з гречаної муки', 'каша гречана'; *гречáний (-ый), гречн'áний (-ый).* Від *татáрка: татарчáнка, татарчáниц'а* — 'поле після гречки', 'мука гречана'; *татáрчáник* — 'хліб, млинець, каша гречана'; *татарчáний (-ый).*

7. Zea Mays L. кукурудза (рослина і зерно) по говорах наз. *меᵘлáй, теᵘнґ'еᵘрúц'а, кеᵘндеᵘрúц'а.* Назва *мелáй* характерна для говорів Рахів., Тячів., Виногр., Хуст., за винятком зах. частини, Міжгір., за винятком півн. — захід. частини; *теᵘнґ'еᵘрúц'а* поширена на В. Березн., Перечин., Ужгор., Берег., півд. Іршав., захід. Хуст.; *кеᵘндеᵘрúц'а* — на Волов., Сваляв., Мукач. У ряді говірок Мукач., Перечин. та Іршав. *теᵘнґеᵘрúц'а* і *кеᵘндеᵘрúц'а* виступають факультативно.[7]

Назва *меᵘлáй* у досліджуваних говірках румунізм, пор. рум. діал. *mălai* — 'кукурудза', що відмічається у сусідніх північно-західних діалектах румунської мови[8] (у літ. румунській мові це слово означає 'кукурудзяна мука', 'просо', 'коржик із кукурудзяної муки'). Рум. *mălai* утворилося в результаті складання *mei* — 'просо' (лат. *milium)* і *laiu* 'сірий, темносірий'.[9] Ізоглоса цієї назви продовжується на Гуцульщині — *малáй* — 'кукурудзяний хліб' (Шух. 5 : 288), Поділлі — *малáй* — 'кукурудзяний хліб', 'круг

[3] Див. *М. Мельник,* Українська номенклатура вищих рослин. Львів 1922, 115.
[4] Там же, стор. 349.
[5] *А. Репаев,* Народное господарство в пользу и употребление земледельцев русских. Ужгород 1864, 30. Є думки, що і на Наддніпрянщину гречку занесли татари; див. *Г. Панфильев,* Очерк географии и истории главнейших культурных растений. Одесса 1923; пор. також чес. *pohánka* — 'гречка' і *pohan* — 'язичник'; 'татарин'.
[6] *K. Nitsch, E. Mrozówna,* Mazowieckie wyrazy przyrodnicze. Lud Słowiański, t. I, str. A 253.
[7] *Й. О. Дзендзелівський,* Лінгвістичний атлас, карта № 72.
[8] Див. Atlasul lingvistic romîn, serie nouă, 1956, 1 : карта № 92.
[9] Правда, деякі автори вважають помилковим пов'язувати рум. *mălai, mălaiu* з лат. *milium,* див., наприклад, *O. Filippide,* Originea Romîlor 1 : 717.

білої глини',[10] півд. Побужжі — *малáй* — 'ib'.,[11] ниж. Подністров'ї; див. також Грінч. 2 : 400. Назва *теᵘнг'еᵘрúц'а* — мадьяризм (правда, оформлений слов'янським суф. *-иця)*, мадьяр. *tengeri* — 'морський'. З *теᵘнгеᵘрúц'а* у результаті метатези та ін. фонетичних змін (уже на власному грунті) витворилося *кеᵘндеᵘрúц'а*. Ізоглоса *теᵘнгеᵘрúц'а, кеᵘндеᵘрúц'а* продовжується у галицьких лемків — *тендериця* — 'кукурудза' (Верхр., Лемки 473), у сх. слов. говорах *tengerica, kenderica* 'ib'. (Czambel 1 : 604, 532; Kálal 711, 236), у польск. діалектах *tęgierzyca* 'ib. (SJP. 7 : 56). Обидві назви *(мелай, тенгериця)* у місцевих пам'ятках широко фіксуються з самого початку XVIII ст., тобто буквально через кілька років після запровадження цієї культури на Закарпатті. На Закарпатті кукурудза з'явилася в кінці XVII ст. Згідно з переписом 1720 р., у південній Мараморощині кукурудза на цей час уже була однією з основних культур.[12] Так, у дарчому написі від 1701 р. на євангелії у церкві с. Золотарево : *тогды . . . вѣко пшеницѣ* 30 *сорокуцу і мелай 15 сорокуцу;*[13] у записі 1717 р. на тріоді у церкві с. Буковець : *морозъ... у Мукачовѣ вина поморозил и тенгерицю;*[14] у купчій ієромонаха Никифора, ігумена заріцького від 1749 р : *на той час была тенгериця вѣко по сѣмнацятъ чеховъ;*[15] у Гукливському літописі під 1785 р.: *Вѣвцѣ, корови, кони на мотилицю коло Тиси вугибли наипаче идучи морозовату тенкерицю;*[16] у дарчому написі 1794 р. з Хуста : *вѣко тенгерици за седемъ маріашѣвъ было*[17] та ін. Характерно, що дані пам'яток по вказаних та інших населених пунктах територіально співпадають з сучасним вживанням *мелай—тенгериця*. Дуже можливо, що територіальне поширення *мелай—тенгериця* вказує на те, звідки проникала ця культура на Закарпаття. У східну частину (Мараморощину, Угочанщину) вона, видно, проникла з півдня (з Румунії), а в західну — з Угорщини.

Відзначимо назви сортів кукурудзи по говірках. У с. Горяни (Ужгор.) : *кýнс'ка, йанýвка, бíла, кôл'áча;* у с. Коритняни (Ужгор.) : *чеᵘрвéна, бíла, кýнс'ка, пýканка, чінквáрс'ка;* у с. Кальник (Мукач.) : *кýнс'кий зуб, мад'áрс'ка, бíла, кôл'áча, турúᵉц'ка, пикáч'а;* у с. Зняцево (Мукач.) : *бíла, заламовáна* або *кýнс'ка, турúᵉц'ка, мад'áрс'ка;* у с. Буковець (Воловец.) : *кíнс'ка, румýнс'ка;* у с. Квасово (Берег.) : *луфôгô'вка, бíла, чімкáнпика, банáтіка, рôвжомалúй;* у с. Горбок (Іршав.) : *скôлô'здр'а, заломлúста,*

[10] *С. Мельничук,* Словник специфічної лексики села Писарівки. Лекс. бюл. К. 1952, 2 : 85.
[11] *Л. С. Терешко,* Украинские говоры южного Побужья (автореферат). Одесса 1954, 15.
[12] Див. *О. Мицюк,* Нариси з соціально-господарської історії Підкарпатської Русі. 2 : 219.
[13] *І. Панькевич,* Покрайні записи 1 : 155.
[14] *І. Панькевич,* Покрайні записи 3 : 17.
[15] *І. Панькевич,* Покрайні записи 3 : 38—39.
[16] *Я. Біленький,* Угроруські літописні записки. ЗНТШ. 104 : 77.
[17] *І. Панькевич,* Покрайні записи 2 : 19.

бі́ла, кру́гла; у с. Білки (Іршав.): *про́ста, а́лôмс'ка, дрӱбна́, челле́на, бі́ла, жô'вта, кру́гла, сорто́ва, гі́дрік;* у с. Доробратово (Іршав.): *кӱ̈нс'кий зуб, ч'інква́рдіка, бі́ла, си́на, кôл'у́ча;* у с. Олешник (Виногр.): *лô'вфôґôв, бі́лый, вôлô'с'кый, ч'інквантúн;* у с. Нанково (Хуст.): *дома́шн'ый, бана́тс'кый, ку́нс'кый зуб, жô'втый, бі́лый;* у с. Лип. Поляна (Хуст.) *скôлôздр'ôва́; зе^{и}-ленц'ова́, че^{и}лле́на;* у с. Драгово (Хуст.): *а́лôмс'кый, скôлôздр'о́вый* або *скôлô'здрий', жô'втый, ôрôн'о́вый, бана́ц'кый, бі́лый;* у с. Грушово (Тячів.): *скôлô'здр'авый, бі́лый, ло́пош* та ін. Наведені назви сортів у якійсь мірі підтверждують висловлену вище думку про те, звідки поширювалася кукурудза на Закарпаття; пор. з одного боку: *мад'а́рс'ка* та ін., а з другого — *руму́нс'ка, вôлô'с'кый, бана́ц'кый, бана́тіка* та ін.

8. На означення Helianthus annuus L. засвідчуються назви: *со́н'ачник, со́н'эч'ник, со́'н'ашник* (говірки півн.-захід. Міжгір, півн. та півд.-захід. Рахів., окремі села захід. Мукач.), *сôн'ачни́к,* (схід. Волов.), *сô'нічник* (схід. Ужгор., півд. Переч., ряд сіл захід. Мукач., півд. Рахів.), *соніч'ни́к* (центральна Рахів.), *пôсô'н'ачник, пôсô'н'ашник, пôсô'н'ажник* (Тячів., Хуст., Іршав., півд.-схід. Виногр., півд.-схід. Міжгір), *прôсô'н'ачник* (схід. Сваляв., схід.Мукач.), *прôцô'нцвіт, прôсô'нцвіт, прôсô'нсвіт, прôсô'цвіт* (півд. Сваляв., захід. Мукач.), *слô'ни^{і}чни^{і}к, сло^{у}ни́^{і}чни^{і}к, сло^{у}ни́^{і}шни^{і}к, солон'іч'ник* (захід. Ужгор., півд.-захід Переч.), *мі́с'ачник* (В. Березн., півн. Переч., захід. Сваляв., захід. Волов., окремі села Міжгір.), *фôрґу(в), фôрґӱ̈(в)* (Берег., захід. Виногр.), *напрôфôрґу́в, нôпрôфôрґу́в* (ряд сіл півд. Ужгород.).

Культура соняшника завезена в Європу (Іспанію) з Північної Америки на початку XVI ст. На перших порах в Європі вирощували як декоративну, нізніше — як ласощі і, нарешті, — для одержання олії. У Європі перший висів цієї культури зроблено в 1510 р. у Мадрідському ботанічному саду. Лобель у 1576 р. подав перший опис соняшника під назвою «квітка сонця», яка пізніше була скалькована у більшості європейських мов. Використання назви сонця при найменуванні цієї рослини (як на це вказують народні пояснення) зумовлюється подібністю її в час цвітіння до сонця. Більшість з наведених закарпатських діалектних назв також етимологічно пов'язується з сонцем, утворені вони від прикметникових основ *сонячн-* чи *соняшн-* та ін. за допомогою суфікса *-ик (сô'н'ачник, со́н'эчник, сô'н'ашник, сôн'ачни́к, сô'нічнік, со́нічник),* а в інших випадках, крім того, і префікса *по- (пôсô'н'ачник, пôсô'н'ашник, пôсôн'ажник* чи *про- (прôсô'н'ачник),* пор. також укр. літ. *сонячник,* укр. діал. *насо́нешняк, насо́нішник, подсо́нух, со́лнешник, со́яшник;*[18] рос. *подсолнух,* рос. діал. *солнечник, сонешник, солнух, солноверт, подсолнечник* (Даль 4 : 376); біл. *сланечнік* (вокалізм вказує, що це полонізм); пол. *słonecznik,* пол. діалект. *słoniecznik, słomiecznik* (SJP. 6 : 213), чес. *slunečnice, slunečník,* словац. *slnečnica, slnečnik;* серб. *сӱ̏нцоглēд, сӱ̏нцокрēт, сунча̀нӣк,*

[18] Див. *М. Мельник,* Українська номенклатура вищих рослин 133.

сунча̀ница; болг. *слънчогледъ;* лит. *saulėgrąza,* латиш. *saulpuķu* (дослівно — «сонячний цвіток»), *saulene* (дослівно — «сонячна тінь»); молд. *флояря соарелуй;* рум. *floarea-soarelui;* нім. *Sonnenblume,* франц. *tornesol,* англ. *sunflower,* алб. *lule dieli* і т. ін.

Закарпатські *слô'ни^{і}ч'ни^{і}к, сло^{у}ни́^{і}ч'ни^{і}к, сло^{у}ни́^{і}шн^{і}к,* як про це свідчить територія їх поширення і вокалізм, є словакізмами; пор. сх. слов. *sloňecňik* — 'соняшник' (Buffa, 213), *slunko* — 'сонце' (Kálal 617).

Назви *прôсô'нцвіт, прôсô'нсвіт, прôцô'нцвіт, прôсôцвіт* з походження композити, утворені шляхом поєднання *сонц-* і *цвіт* (цвіт, квітка сонця) і ускладнені префіксом *про-;* можливо, в результаті контамінації з назвою *прôсô'н'ачник* сусідніх говірок.

Назви *мі́с'ач'ни^{і}к, мі́с'аш'ни^{і}к, мі́с'ац'* (як це не раз нам пояснювали оповідачі при збиранні матеріалів) цій рослині дані у зв'язку з подібністю її до місяця - планети. Як паралель для цих назв можна ди було навести чес. діал. *měsíc,*[19] хоч генетично вони, очевидно, і не споріднені.

Напрôфôрґу́в, нôпрôфôрґу́в у досліджуваних говірках мадьяризм, пор. мадьяр. *napraforgó* — буквально 'той, що обертається за сонцем'; *фôрґу́(в), фôрґӱ(в)* — скорочена форма *нôпрôфôрґу́в.*

На Закарпаття (у південні райони, у гірських місцевостях ця культура не висівалася) сонячник потрапив, звичайно, з Угорщини, але цікаво те, що назви тут цієї рослини у переважній масі говірок такі ж, як і в Галичині та Наддніпрянщині. Безумовно, це одно з переконливих свідчень тісних культурних та ін. взаємозв'язків Закарпаття з іншими частинами України.

9. Vicia Faba L., як і в літературній мові, — *біб, буб, бӱб* (в залежності від рефлексації давнього *о* у новозакритих складах). Це давне праслов'янське слово, що споріднюється з лат. *faba,* стар. прус. *babo* та ін., див. Berneker, SEW. 1 : 65; як слов'янізм — у мадьяр — *bab* (Kniezsa 1 : 68), у румун і молдован — *bob* (Şăineanu 56).

Від *біб* відмічено похідні: *бобо́вишче, бôбл'а́нка, бобо́винец* — 'поле після бобу' (останній варіант зафіксовано у с. Ясіня); *бобо́ви́н'а, бобо́вин'ə* — 'бадилля бобу'; *боба́н'а* — 'дрібна картопля'; *бобо́вий (-ый).* Для сортів зафіксовано назви: *пô'л'с'кий, тата́рс'кий, про́стий, бі́лий.*

10. Відповідно літературному *горох* (Pisum sativum L.) у досліджуваних говірках: *оро́х* (говірки Волов., півн. Сваляв., півд.-сх. Міжгір. та півн. Хуст.), *го́рох* (Ужгор., Переч., В. Березн.), *горо́х* — на решті території. *Горох* — давне ще дослов'янське слово (слов'янські та ін. паралелі див. Младенов, EP. 109; Holub—Kopečný, ES. 131—132).

Від *горох* зафіксовано похідні: *горохо́ви́н'а* або *гороши́н'а, гôрôшу́вка, горошни́к* — 'бадилля гороху'; *гороша́нка, ороша́нка* — 'поле після гороху', 'мука горохова', 'дикий горох'; *гôрôху́вка* — 'земля після гороху'; *горо́-*

[19] Див. *V. Machek,* Česká a slovenská jména rostlin. Praha 1954, 243.

шани́к, горо́ш'эник, оро́шаник — 'хліб з домішкою горохової муки'; *горошкова́н'а* — 'земля, грунт з дрібними камінцями'; *горо́ши́на* — 'зернина гороху'; *горошкова́тий (-ый)* — 'той, що має в своєму складі дрібні камінці' (про землю) та ін.; *горо́ша́ний (-ый; горохо́вий (-ый)*. Для сортів гороху відмічено назви: *пі́ший (-ый)* — 'що не в'ється по тичках'; *тычный* або *ты́чаный (-ый); тычко́вый (-ий), соло́дкий (-ый)* або *цукро́вий (-ый), верхови́н'с'кий (-ый), зеле́ний (-ый), неме́ц'кий (-ый)*.

11. Lens — чечевиця у досліджуваних говірках — *ле́ᵘнч'а, ли́н'ч'а, ч'о́'ч'ка*. Культура ця вирощується головним чином в півд.- захід. частині досліджуваної території; на півночі ж та північному сході ні культури, ні назви часто зовсім не знають. Із відзначених назв домінуючою є *ле́ᵘнч'а* чи *ли́н'ч'а; ч'о́'ч'ка* зустрічається лише в окремих селах. У слов'ян чечевиця — одна з найдавніших і найпоширеніших у минулому бобових культур. Східні і південні слов'яни мають для неї спільну назву, пор. рос. *ляща* (Даль 2 : 746); бол. *леща;* серб. *лећа, леће;* хорв. *léća;* словін. *leča;* ст. слов. лѧшта, які споріднюються з нім. *Linse;* лит. *lenszis;* лат. *lens*. Фонетика закарпатського *ле́нча*, як і словац. *lenča, ľanča* (Kálal 297, 303) (збереження давнього носового), переконливо свідчить, що це мадьяризм, пор. мадьяр. *lencse*, що в свою чергу є давнім запозиченням або з староболгарської, або словінської чи ст. кайкавських говорів сербської мови, див. Kniezsa 1 : 312.[20]

12. Phaseolus L. по говірках називається: *фасо́'л'а, фасо́л'а, фасо́л'э, фасо́'л'і, фасу́л'а, фасу́л'і, пасо́'л'а, пасу́л'а, пасу́л'а, пасу́л'і*. Форма *фасо́'л'а (фосо́л'а, фасо́л'э)* поширена на В. Березн., Перех., Волов, зах. Сваляв., Тячів., Рахів.) *фасу́л'а* — Міжгір., півн. Хуст., півд. Тячів.; *фасо́'л'і, фасу́л'і* — у ряді говірок Рахів., Тячів.:, *пасо́'л'а* — Ужгор., схід. Перех., зах. Мукач.; *пасу́л'а* — Іршав., Виноград., Берег., Хуст., Сваляв., схід. Мукач.; *пасу́л'і* — окремі села схід. Хуст. та захід. Тячів.

Як вважають ботаніки, відомі види квасолі щодо походження підрозділяються на азіатські і європейські. Ті гатунки, що вирощуються в Європі, — американського походження.[21] В Європу (Іспанію) квасоля була доставлена в XVI ст.; на Україну (а також Білорусію, Росію) її завезли в XVII—XVIII ст. із заходу, зокрема через Польшу. Укр. діал. *фасо́ля* (як і біл. *фасоля*, рос. *фасоль*) < пол. *fasola*, що з сер.-верх.-нім. *fasōl, phasōl*, діал. нім. *Fasole*, яке в свою чергу з серед.- лат. *fassolius, fasellus* (лат. *phaseolus, phasēlus, fassiolus*), а це з грец. *φάσηλος*, див. Sławski 1 : 221). В українському діалектному *хвасоля хв* — результат заміщення (субституції) іншомовного *f*. Оскільки в українській мові іншомовне *f* не заміщується через *хв*, то літературну форму *квасоля* можно пояснити як таку, що постала з *хва-*

[20] Відмічене у Є. Желехівського без вказівки на джерело *линта* (стор. 404), очевидно, румунізм, пор. рум. *l nte* — 'чечевиця'.

[21] *П. М. Жуковский*, Культурные растения и их сородичи. М. 1950, 216—266.

соля в результаті дисиміляції (за способом творення) фрикативного *х* у проривний к.

Як можна судити по географічному розміщенню назв, на Закарпаття ця культура, очевидно, прийшла двома шляхами — з півночі і з півдня. Назва *фасо́ль'а* у досліджувані говори, очевидно, потрапила через посередництво галицьких говірок, а назва *пасу́ль'а* — через посередництво мадьяр (пор. мадьяр. *paszuly*, яке з сербо-хорв., а там з новогрецьк., див. Kniezsa 1: 399—400), або, може, від сербо-хорват. *(пасуља)*, бо *пасу́ля* поширене саме там, де мала місце сербо-хорватська колонізація; правда, вплив мадьярської мови у цьому районі також досить значний. Варіанти *фасу́ль'а* і *пасо́ль'а*, очевидно, виникли в результаті контамінації *фасо́ль'а* і *пасу́ль'а;* таке пояснення певним чином підтверджується і територіальним поширенням всіх відзначених варіантів. Від *фасо́ль'а, пасу́ль'а* і т. ін. відмічено похідні : *фасоли́н'а, фасолни́ч'а, фасолни́к, пасули́н'а, пасуль'о́вин'а* — 'листя, бадилля квасолі'; *пасо́ль'а́нка* — 'поле після квасолі'; *фасоль'а́нка, пасуль'а́нка* — 'квасолевий суп'; *пасу́ль'ник* — 'той, що особливо любить їсти квасолю'; *фасо́ль'аний (-ый), фасуль'а́ний (-ый), пасо́ль'а́ний (-ый), пасуль'а́ный.*

У досліджуваних говірках засвідчено цілий ряд назв для сортів квасолі. Крім *пі́ша* і *тычна́* чи *ты́чана*, що відмічені майже скрізь на Закарпатті, відзначено : у с. Ставне (В. Березн.) *пішча́н'с'ка;* у с. Буковець (Волов.) : *неме́ц'ка, кру́гла, ружо́ва, цукро́ва, жо́'вта бобан'а, р'аба́, ра́на, чо́рна;* у с. Гукливе (Волов.) : *цукро́ва, палисти́нс'ка, бомбова́н'а;* у с. Голятин. (Міжгір.) : *бі́ла, р'аба́, по́'л'с'ка, кру́гла;* у с. Келечин (Міжгір.) : *кругла́н'а, кобиль'а́чка, р'аба́, бі́ла;* у с. Дубринич (Перех.) : *р'а́бка, го́рохо́вка, йану́вка, бі́ла, бумба́рка;* у с. Тур'я Пасіка (Перех.) : *ра́на, масло́ва, сім тыжн'о́ва, факовáн'а, бумба́р'ка;* у с. Порошково (Перех.) : *жо́'вт'ка, бі́ла, бумба́р'ка;* у с. Кальник (Мукач.) *лу́чеⁱнка, бі́ла, жо́'вта, жо́'вта ранý́вка, мо́'внарка (тычна́* і *пі́ша), р'аба́, гороховáн'а, бомбовáн'а (бі́ла* і *чо́рна), ластувкáн'а,* або *білелúц'а;* у с. Макарево (Мукач.) : *кругль'а́н'а, боᵛ'мбовáн'а, мо́'втнар'ка;* у с. Зняцево (Мукач.) : *бобáн'а, бі́ла, жо́'вта, цукрáн'а, мо́'вкнар'ка, го́рохо́вка;* у с. Горбок (Іршав.) : *раковáн'а, дӱвйатáчка, мо́'вхнерка, семáчка, бі́ла, жо́'тв'ка, жілізн'áчка, неме́ц'ка, бумбáн'а;* у с. Доробратово (Іршав.) : *неме́ц'ка, масля́н'а, чеⁱлле́на, бі́ла, во́ро́бль'áчка, галʼіцíйáнка, бугáйка, раковáн'а, жо́'вт'ка, мо́'втнар'ка, бумбáн'а, мад'áрка, таль'íйáнка, пúсана;* у с. Кр. Мартинка (Іршав.) : *р'а́бка, бі́ль'ка, неме́ц'ка, ра́н'ка, жо́'вт'ка;* у с. Черна (Виногр.) : *д'олоґ'а́н'а, р'аба́, неме́ц'ка;* у с. Олешник (Виногр.) : *во́йошка, лібомáйка, бі́ла, дúка, бобовáн'а, д'о́лочка, чо́рна;* у с. Боронява (Хуст.) : *деⁱвйáтка, неме́ц'ка, р'аба́, бі́ла, д'ологá́н'а;* у с. Іза (Хуст.) : *бі́ла, жо́'вта, сéⁱрпс'ка, неме́ц'ка, д'о́лочка, деⁱвйáтка, сі́мка, куᵒрвочка, пáн'с'ка, ко́рдошка;* у с. Лип. Поляна (Хуст.) : *ко́рдошка, чо́рна, бі́ла, про́ста, жо́'вта, ра́на, лáс'ка, д'о́лочка;* у с. Драгово (Хуст.) : *р'аба́, бі́ла, жеⁱро́'áнка, неме́ц'ка, деⁱвйаткы;* у с. Березово (Хуст.) : *про́ста,*

німе^{и}ц'ка, шва́бы, семан'кы́ (що за 7 тижнів дає плід); у с. Дубове (Тячів.): *мукачувкы́, бі́л'і, чо́рн'і, р'абі́, жирд'анкы́;* у с. Калини (Тячів.): *мукачо́вкы́, син'авкы́, торганы́* або *же^{и}рд'анкы́;* у с. Лопухово (Тячів.): *мукачувки́, ґи́жилищ'і;* у с. Кос. Поляна (Рахів.): *ґараґу́л'і, бі́л'і, кавл'энки́* (кольору кави); *чо́рн'і, пи́сан'і, многостручн'энк'и́;* у с. Ясіня (Рахів.): *теран'ки́, бі́л'і, алач'э́нка* та ін. Наведені дані свідчать, що у низинних районах назв сортів цієї культури значно більше, ніж у верховинських, що пояснюється взагалі кліматом вказаних районів і поширеністю культури.

13. Бобова культура Glycine L. *соя*, до возз'єднання Закарпаття з Радянською Україною, вирощувалася лише зрідка, причому лише в південних районах Закарпаття. У радянський час цю культуру почали висівати значно ширше; називають її тепер *со́йа, со́йа*; перша з них — засвоєння з літературної мови, друга — мадьяризм, з мадьяр. *szója*. На Україні це також нова культура, в Росію вперше була завезена в 70-х роках XIX ст. Загального вжитку на Україні слово *соя* набуло уже в радянський час в кінці 20-х і в 30-ті роки, коли ця культура стала широко культивуватися. Укр. *соя* < рос. *соя*, що в свою чергу з япон. *sōo* — 'соя' (продукт).[22] З похідних відмічено лише прикметник *со́йови́й (со́йова мука́);* у с. Квасово (Берег.) *сою* називають інколи *со́йвобоб*, звідси і прикметник — *сойвобобо́тный*.

Назви городніх, баштанних та інших культур

14. Рослина картопля (Solanum tuberosum L.) в Європу була завезена в кінці XV ст. з Північної Америки. На Україну (а також Білорусію та Росію) ця культура взагалі поширювалася із Заходу, зокрема через Німеччину та Польщу; пор. укр. літ. *картопля*, укр. діал. *карто́па, карто́фля, карто́х, карто́ха, карто́хель, карто́хля, карто́хлє*;[23] рос. *картофель*, рос. діал. *картохля, гартохля, картоха* та ін. (Даль 2 : 233), пол. *kartofel*, пол. діал. *kartofla* (SJP. 2 : 282), що з нім. *Kartoffel*, а це в свою чергу з італ. *tartufo, tartufolo*.

В Угорщині ця культура поширилися в середині XVIII ст., у Семигородді — в 1767 р. У цей час (XVIII ст.) картопля потрапляє і на Закарпаття. Так, у Березькому комітаті вона вперше появилася 1770 р., з 1795 р. вирощування її почалося і по Березькій верховині, а з першої четвертини XIX ст. і в Мармароші.[24] На Закарпатті, як і в інших місцях, на перших порах до цієї нової культури відносилися з великим недовір'ям. М. Терезія в 1772 р. видала навіть спеціальний наказ про садження «земляних яблук» у Мукачівській домінії.[25]

[22] Див. *Й. О. Дзендзелівський*, З історії слів. Українська мова в школі № 2, 1958, стор. 68.
[23] Див. *М. Мельник*, Українська номенклатура вищих рослин 267.
[24] *О. Мицюк*, Нариси з соціально-господарської історії Підкарпатської Русі. 2 : 220.
[25] Там же.

Картопля (рослина і плоди, що йдуть на їжу) у говорах Закарпатської області називається : *бу́л'і*, од. *бу́л'а* (говірки захід. Міжгір., північ. та схід. Іршав.), *рі́па* (говірки на схід від р. Ріка), *кумпіте́ри*, од. *кумпіте́ра* (ряд сіл захід. Хуст.), *гарбузы́* чи *гарбудзы́*, од. *гарбу́з*, *гарбу́дз* (говірки півн. В. Березн.), *крб́мпл'і*, од. *крб́мпил'* чол. р. (говірки Волов., захід. Сваляв., півн. Перех. та Березн.), *кру́мпл'і*, одн. *кру́мпил'* чол. р. (говірки Ужгор., Мукач., Берег., півд. Перех., півд.-захід. Іршав.), *крб́мпл'і*, од. *крб́мпл'а* жін. р. (говірки півд.-захід. Ужгор., окремі села півн.-схід. Виноград.), *кру́мпл'і*, од. *кру́мпл'а* жін. р. (говірки Виноград., ряд сіл. півд.-захід. Іршав.)[26]

Паралелі для *бу́л'а* — 'картопля' відзначаються у бойківському діалекті,[27] на Тернопільщині ;[28] пор. також засв дчені з цим значенням у західних укр. говорах *больба, бульба, бульбак, бульбан, бульбега, бульбиця, бульва, бульван, бульман;*[29] білор. *бульба;* рос. діал. *бульба, буньба* (Даль 1 : 315) ; пол. діал. *bula, bulba, bulbega, bulewka, bulwa* (SJP. 2 : 282 під словом *kartofel)*. Слово *бу́льба* у говорах української мови відоме ще із значенням 'топінамбур' (Грінч. 1 : 109),[30] те ж саме і рос. *бульба, буньба* (Даль 1 : 315) та пол. *bulba, bulwa* (SJP 1 : 232, 233 ; 6 : 213—214).

Слово *рі́па* на означення картоплі, крім досліджуваних, відмічається ще і в ряді інших укр. діалектів, напр., на Бойківщині,[31] Гуцульщині (Шух. 1 : 111 ; 5 : 292) ; у районі м. Стрий (Грінч. 4 : 24), на Полтавщині[32] та ін.; те ж і у словацьких говорах — *repa* — 'картопля ;[33] пор. також литов. *roputė* (здрібн. від *rõpė* — 'ріпа') — 'картопля' (Brückner, SE. 475). Ріпа із значенням 'brassica rapa' відоме в усіх слов'янських і в ряді інших індоєвропейських мов. Важко лише сказати, з яких причин ця давня назва у вказаних українських та словацьких говорах перейшла на нову культуру картоплю. Можливо, що таке перенесення назви відбулося у зв'язку з тим, що поширення (популярність) картоплі, яка з другої чверті XIX ст. на Закарпатті (та й в інших місцях України) стає одним з основних продуктів сільськогоа сподарського виробництва, зумовило значне звуження висіву коренеплоді ріпи.

[26] Детальніше див. *Й. О. Дзендзелівський*, Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області УРСР. І. Ужгород, 1958, карта № 73.

[27] Див. Матеріальна культура села Жукотина Турчанського повіту. Літопис Бойківщини, ч. 8, Самбір 1936, 53 ; див. також *М. Парипа*, З географії бойківських слів. Літопис Бойківщини, ч. 10, Самбір 1938, 119.

[28] Див. *М. Зубрицький*, Народний календар. Мат. укр.-рус. етнл. 3 : 40, 56.

[29] Див. *М. Мельник*, Українська номенклатура вищих рослин 266—267 ; див. також *Грінч.* 1 : 109—110 ; *Кміт* 20 ; ЛБ. 10 : 119 та ін.

[30] Див. також *М. Мельник*, названа праця 133.

[31] Див. *М. Парипа:* Літопис Бойківщини 10 : 119.

[32] Див. *П. Бузук*, Діалектологічний нарис Полтавщини. Укр. діал. зб., К. 1929, 2 : 194.

[33] *V. Vážný*, Príspevky k slovenskému dialektickému slovníku. Sborník Matice Slovenskej pre jazykozpyt, národopis a literarárnu historiu 2 : 70.

Від *ріпа* відзначено похідні: *ріпи́ниц'*, *рипи́нник*, *ріпи́ц'а*, *рі́пл'аниц'а* — 'місце, де росла картопля'; *ріпи́н'а*, *ріпи́на*, *ріпови́н'а* — 'бадилля картоплі'; *рі́пл'ани́к* — 'хліб, млинець, мамалига з домішкою тертої картоплі'; 'горщик для варення картоплі' (це останнє значення засвідчене у с. Драгово—Хуст.); *рі́пйэнка* — 'мамалига з домішкою тертої картоплі' (Ясіня); *рі́пл'а́нка* — 'суп картопляний'; *рі́пл'ани́й (-ый), рі́пл'эни́й*.

Для *кумпітери* паралелі в інших українських говорах нам не відомі. Звуковий склад слова *кумпітеры*, особливо другої його частини, *приваблює співставити* його з франц. *pomme de terre* — 'картопля', проте допускати в даному разі можливість запозичення з французької мови, здається, досить важко. Можливо, це результат впливу румунської мови (для району поширення *кумпіте́ри* це взагалі цілком звичайна річ), але у румунських діалектах подібної назви нам не відомо.

Гарбу́з широко відоме і в інших українських діалектах та в літ. мові із значенням Cucurbita maxima Duch. (див. Грінч. 1 : 273; Желех. 137 та ін.); пор. також білор. *гарбуз* з тим же значенням; рос. *арбуз* — 'кавун', болг. *карпуз* — 'кавун', с.-хорв. *кàрпуза* — 'кавун', пол. *harbuz, arbuz, karbuz, garbuz, karbusz*, 'кавун',[34] рум: *harbuz* — 'кавун'. В українські діалекти *гарбу́з*, очевидно, потрапило від половців (куманів, кипчаків), пор. куман. *charbuz*, яке у свою чергу з перського *härbuz* — 'диня', що складається з *här* — 'осел' і *buz* — 'коза' (Lokotsch, EW. № 824). Важко сказати, з яких причин і при яких умовах у досліджуваних говірках ця назва перейшла на картоплю.

Від *гарбу́з, гарбу́дз* відмічено деривати: *гарбудз'а́нка* — 'поле після картоплі'; *гарбудзи́н'а* — 'бадилля картоплі'; *гарбудз'ани́к* — 'хліб з домішкою картоплі'; *гарбудз'а́ный* — 'картопляний'.

Назва *кру́мплі*, крім досліджуваних, відмічається у ряді бойківських говорів,[35] а також у багатьох фонетичних варіантах у говорах словацької мови: *krompli, kromple, krompele, krumple* та ін.;[36] пол. діал. *krompele, kraple, kompery, kumpery;* чес. діал. *krumple, krumpir;* серб.-хорв. *krompir, krumpir;* мадьяр. *krumpli;* рум. *crumpenă, crimpel, crumpir* та ін. Походить назва з нов.-верх.-нім. *grund birne*, діал. *gromnibir, krumbeer* та ін. (див. Berneker, SEW. 622). У досліджувані говірки ця назва, очевидно, потрапила через посередництво мадьярської, а, може, і словацької мови. Відзначається ця назва і у місцевих пам'ятках. Так, у календарі Югасевича 1806 р.: *Внизъ растучее и вкоренъ яко пастырнакъ, рѣпу, ретковъ, морковъ, кромплѣ и прочая сѣи и сади когда Луна по[д] землею* (л. 105 зв.); у Гукливському літопис

[34] На думку Ф. Славського полське *harbuz* і *karbuz, garbuz* два хронологічно різних запозичення: перше пізніше — українізм, інші — безпосередній тюркізм. Див. *Sławski*, SE. 1 : 403.

[35] *М. Парипа:* Літопис Бойківщини 10 : 119.

[36] Див. *Vážný* op. cit. 74—76.

під 1786 р. зустрічаємо похідне : *Тогождє року люде или сѣчку, жаливу, рѣпницю, кромпловиня и иная таковая.*[37]

Від *кро́мпл'і* відзначено похідні : *кро^{у}пл'а́нка, кру́мплищч'е, крумпл'ани́ц'а, крумпл'ани́ще* — 'поле, де росла картопля'; *кро^{у}мпл'ови́н'а, крумпли́н'а* — 'бадилля, гичка картоплі', *кро́мпл'ани́к* — 1) 'вид млинця з тертої картоплі', 2) 'вид бабки, їжі з тертої картоплі': 3) 'чоловік, що дуже любить їсти картоплю'; *кро^{у}мпл'о́вий (-ый), кро^{у}мпл'ани́й (-ый).*

Значна кількість назв засвідчується для окремих сортів картоплі. Наприклад, у с. Ставне (В. Березн.) : *гамири́ц'кі, пари́ц'кі, лужи́ц'кі,*[38] *бі́л'і, зе^{и}ле́н'і, жо́'вт'і,* у с. Волосянка (В. Березн.) : *гамирі́ц'кі, паріц'кі, гутн'а́ц'кі, мад'а́рс'кі, по́'л'с'кі, па́с'іц'кі;* у с. Люта (В. Березн.) : *ш'ерве́н'і, бі́л'і, гладкі́, гамері́ц'кі, со́рто́'ві, мад'а́рс'кі, ш'о́'рн'і;* у с. В. Розтока (Волов.) : *че^{и}рве́н'і, бі́л'і, чо́'рн'і, га́мо́рс'кі, гутн'а́нс'кі;* у с. Буковець (Волов.) : *га́мо́рс'кі, гутн'а́нс'кі, че^{и}рве́н'і, по́л'аки^{і}, бі́л'і, са́мбірс'кі, с'н'ігó'ві, бештел'о́ван'і;* у с. Воловець : *гутн'а́нс'кі, жо́'вт'і, бі́л'і, га́мириц'кі, чо́'рн'і, зарубна́ст'і, че^{и}рлє́н'і, ружо́'ві, дзе^{и}ндзе^{и}л'івкы́;* у с. Збин (Волов.): *гамори́ц'кі, че^{и}рви́н'і, шо́вко́'ві, с'нігó'ві, бі́л'і, чо́'рн'і, по́ло́со́ві, ружо́'ві;* у с. Скотарське (Волов.) : *гутн'а́нка, бі́ла, чо́рна а́ме^{и}риц'ка;* у с. Гукливе (Волов.) : *чорні га́ме^{и}риц'кі, гутн'анкы́, шафл'анкы́;* у с. Розтока (Міжгор.) : *а́мериц'кі, чо́'рн'і, а́ломс'кі, гу́ц'кі, пе^{и}те^{и}л'ка́ні, дурова́н'і, шапл'анкы́, пукавкы́;* у с. Н. Студений (Міжгір.) : *бі́л'і, гу́ц'кі, шапл'анкы́, гамірі́ц'кі, че^{и}ллє́^{и}н'і, зе^{и}ле́^{и}н'і, чо́'рн'і;* у с. Подобовець : *че^{и}ле́на, шапл'а́нка, гу́ц'ка, жо́'вта, а́ло^{у}мс'ка, чо́рна, мад'а́рс'ка, га́ме^{и}риц'ка, шо́вко́ва, по́л'с'ка, дзе^{и}ндел'і́вка;* у с. Пилипець (Міжгір.): *гу́ц'ка, жо́'вта, че^{и}ллє́на, шапл'а́нка, чо́рна, мад'а́рс'ка, по́'л'с'ка, га́ме^{и}риц'ка, шо́вко́ва;* у с. Голятин (Міжгір.) : *гу́ц'кі, а́ме^{и}риц'кі, шо́вко́ві, жо́'вті, бі́л'і, че^{и}рве́н'і, ра́паві, си́н'і, пукавкы́;* у с. Голятин (Міжгір.) : *че^{и}ллє́на, бі́ла, гу́ц'ка, сигі́ц'ка, сине^{и}ви́рс'ка, га́ме^{и}риц'ка, си́на;* у с. Вульшанки (Перех.) : *аме^{и}ри́ц'кі* або *ружо́'ві, зелє́нц'і, гладкі́, еллаки́, мотузарі́, кул'ба́ба;* у с. Тур'я Ремета (Перех.): *жо́'вт'і, че^{и}рви́н'і, пишт'а́нс'кі, чо́'рн'і, зе^{и}ле́н'і;* у с. Дубринич (Перех.) : *че^{и}рве́н'і, а́ме^{и}ріц'кі, зе^{и}ле́^{и}н'і, афрі́ц'кі, чо́'рн'і, че^{и}рве́н'і, мно́жі́тел'ні;* у с. Плоске (Сваляв.) : *черве́на, ружо́ва, бі́л'і, чо́рн'і, пушпе́ки, по́л'а́ни;* у с. Кальник (Мукач.) : *ружо́'ві, чо́'рн'і, бі́л'і, зе^{и}ле́^{и}н'і, жо́'вт'і, лі́ло́'ві, ки́долики* або *америка́нс'кі, че^{и}рве́^{и}н'і, еларо́'вжа, бул'бакы́, фу^{о}нто́'ві* ; у с. Крайня Мартинка (Іршав.) : *зе^{и}ле^{и}н'а́к, че^{и}лле^{и}н'а́к, бі́л'і, си́н'і, ро́вжа́к;* у с. Доробратово (Іршав.) : *ро́вжакы́, ело́ро́'вжо, че^{и}лпе^{и}н'акы́, бі́л'і, зе^{и}ле^{и}н'акы́, а́ло́мс'кі, чомплакы́, чо́'рн'і;* у с. Білки (Іршав.) : *а́ломс'кі, бі́л'і, е́лло, аме^{и}рі́ц'кі, че^{и}ллє́^{и}н'і, ч'ірі^{г}ова́н'і,*

[37] *Я. Біленький:* ЗНТШ. 104 : 77.

[38] Назва *лужиц'кі гарбудзи* має таке походження : десь у 20-х роках цього століття хтось завіз із Чехословаччини у сусіднє село Луг якийсь гатунок картоплі. Тут цей гатунок гарно вродив і пізніше з назвою *лужиц'кі гарбузи* він був заведений і в інших сусідніх із с. Луг селах.

чô'рн'і, ружáсті, дривáн'і, гоздáн'і, жô'вт'і, фіріґовáн'і; у с. Арданово (Іршав.): *рôвжакы́, бі́л'і, чеᵘрлеᵘн'акы́, зеᵘлеᵘн'акы́, чô'рн'і;* у с. Горбок (Іршав.): *питил'каші́, бі́л'і, жô'вт'і, чеᵘлéᵘн'і, рôвжакы́, зеᵘлеᵘн'акы́;* у с. Іршава: *біл'акы́, чеᵘлéᵘн'і, дô'вгі, жô'вт'і, чô'рн'і, рôвжô'ві;* у с. Черна (Виногр.): *шампйовкы́, ґі́лбобо, чôрн'і, рôвжáн'і, бі́л'і;* у с. В Копаня (Виногр.): *рôвжан'і, кӱ́л'бобо, скруцовáн'і, рáпаві, áлôмс'кі, кіфловáн'і;* у с. Н. Ремети (Берег.): *чеᵘлéᵘн'і, рôвжакы́, жôвт'і, чомплакы́, бі́л'і, питил'каші́;* у с. Драгово (Хуст.): *веᵘрховúнка, áміріц'ка, сигýц'ка, чеᵘлéна, áлôмс'ка, бі́ла áлôмс'ка, чóрна, жô'вта;* у с. Нанково (Хуст.): *бі́ла, чеᵘллéна, жô'вта, амеᵘрикáнс'ка, веᵘрховúнс'ка, рáн'н'а;* у с. Л. Поляна (Хуст.): *бі́л'і, чеᵘлéᵘн'і, кот'ачкы́, жô'вт'і, áмеᵘріц'кі, рôвжô'ві, сúні, зеᵘлéᵘнц'ôві, головáн'і, дôвгôвáн'і, сыпкі́;* у с. Липча (Хуст.): *амéриц'ка, бі́ла, жô'вта, чеᵘллéна, éла, рôвжôвáн'а,* у с. Іза (Хуст.): *áмеᵘріц'кі, рôвжôвáн'і, жôвт'і, бі́л'і, чеᵘллéᵘн'і, гýц'кі, сúн'і, кôт'ачкы́, шôвкô'ві, бóбы, жôвтéᵘн'кі;* у с. Лопухово (Тяч.): *німéᵘц'ка, катýнс'ка, дорогá;* у с. Калини (Тяч.): *амеᵘрíц'ка, катýнс'ка, клочáнка, сигýц'ка, чеᵘллéна, жô'вта, гôлубá, гýпр'а;* у с. Дубове (Тяч.): *фéшкерка* або *бі́ла, катýнс'ка, сигýтс'ка, клочáнка, чеᵘллéна, дівчýрка, гôлубéша;* у с. Ясіня (Рахів.): *голубéшка, кукурýз'энка, буковúнка, манч'э'нка, червóна;* у с. Кос. Поляна (Рахів.): *чóрна, бі́ла, глубáн'а, самосі́вка, пичовáн'а, амеᵘрикáнка, сл'іпá, йамковáта, лусковáта* та ін.

Як видно з поданого, значна частина назв сортів картоплі відбиває єовнішний вигляд (колір, форму бульб і т. ін.) того чи іншого сорту. Певна ж частина цих назви утворена від назв сіл міст, країн, звідки даний сорт було завезено. Ці останні назви — дуже важливі дані для вияснення звідки в ту чи іншу частину Закарпаття проникала ця нова, але така важлива для господарства культура. Назви сортів картоплі свідчать, що у східні райони Закарпаття ця культура (чи окремі її сорти) проникала з Півдня (пор. *сигýтс'кі* — від м. Сигіт), зі сходу (пор. *буковúнка* — від Буковина). У південні райони - з Угорщини (пор. *мад'áрс'ка, пешт'áнс'кі* та ін.), у півд. — західні — з Півночі (пор. *пô'л'с'кі, пôл'акú, сáмбірс'кі).* Значну роль у справі поширення цієї культури на Закарпатті, як видно, відіграла словацька колонізація (пор. дуже поширені назви *гутн'áнс'кі, гýц'кі, гутн'áнка, гутн'акú* — від Гута — назви цілого ряду сіл на Закарпатті, які у переважній більшості були заосновані словацькими ремісниками).

Нарешті відзначимо деякі назви дрібної картоплі (всіх сортів), що засвідчені у досліджуваних говорах: *тромпач'áта* (с. Завосина, Переч.), *бéнчикы* (Березово, Хуст.), *фут'кы́* (Іза, Хуст.), *ч'іріґован'і, бобал'кú (-ы)* та ін.

15. Топінамбур — Helianthus tuberosus L. *гарбічô'вка* (говірки західних і центральних районів), *гарпӱчӱ́вка* (Міжгір'я); *пічоᵛвáн'а, пеᵘчоᵛвáн'а* (Тячів., півд. Рахів.), *чічô'вка* (сс. Квасово на Берег., Затисівка на Виногр.); *туркúн'а* (Богдан, Луг на Рахів.), *пічô'вка* (Драгово на Хуст.), *цікô'вка*

(Довге Поле на Ужгор.), *гризу́чі крв́мпл'і* (Дубринич, Смерекова); *дúкі крв́мпл'і* (Гукливе); *сырí бу́л'і* (В. Студений).

Пічв́вка < мадьяр. діал. *picsóka*,[39] *чічв́вка* < мадьяр. *csicsóka*, походження якого невідоме, див. Bárczi 40.

16. Столовий червоний буряк по говірках: *бура́к*, іноді з означенням (переважно на Тячів., Хуст., Міжгір., Волов.) *черле́ный, челле́ный, черве́ний (-ый) бура́к* (говори східних та центральних районів), *цв'кла, цвíкл'а, цвéᵘйкла* (Ужгор., захід. Переч., півд.-захід. В. Березн.), *цúйкла, цéкла* (Берег., півд. Виногр.), *цвітл'о́вый бура́к* (Гукливе, Воловець).

У ряді говірок, зокрема східних районів, *бура́к* часто виступає як родова назва для всяких буряків, хоч найчастіше все ж вживається на означення столових буряків.

Коренеплід цей походить з Півдня, зокрема з узбережжя Середземного моря. На Україні (а також в Білорусії, Росії) поширився через Польщу в XVI—XVII ст.[40] На Закарпаття, як можна судити з назв і їх територіального розміщення, ця культура могла поширитися з Півдня, Заходу і Півночі.

Форма *бура́к* (з твердим *р*), крім закарпатських, широко відома і в інших українських говорах, зокрема у західних (Желех. 49; Грінч. 1 : 111; Кміт 20). Як і біл. *бурак*, рос. діал. *бурак*, походить вона з пол. *burak* (ст. пол. *borak*, а це з сер. лат. *borrago*, пор. італ. *borragine*). Деякі автори (Розтафінський та ін.) польське *burak* розглядають як контамінацію ст. пол. *borak* з *bury* — 'бурий' (коли вариться, бурак з червоного стає бурим), див. Sławski, SE. 1 : 50; див. також Brückner, SE. 49 та ін. Що стосується укр. літ. форми *буряк* (з м'яким *р*), то вона постала, очевидно, уже на українському грунті під впливом інших слів з м'яким *р*.

Територіальне поширення *цвíкла, цвíкл'а* дозволяє співставити його з словац. *cvikla*, словац. діал. *cvikľa, cvikeľ*; пор. також пол. *ćwikła*, рос. *свекла* та ін. Варіанти ж *цéᵘйкла, цéкла, цвéйкла* — безсумнівні мадьяризми, пор. мад. *cékla*. Взагалі ж ця назва (*свекла* і т. ін.) з грец. *σεῦκλον* (з цього ж останнього і лат. *sicla, cicla*, див. Machek, ES. 63—64).

Від *бура́к* відмічено похідні: *бурач'а́нка, бурач'э́нка* — 'вид їжі'; *бурачúн'а, бураковúн'а* — 'листя, гичка буряків'; *бураково́вий (-ый)*. Від *цвíкла* і т. ін. відмічено: *цвікл'а́нка* — 'від їжі'; 'відвар з столових буряків'; *цвіклúн'а* — 'листя'; *цвіклово́вый (-ый), цвейклово́вый, цийкл'а́ный*.

17. Кормовий буряк по говірках: *рíпа* (Мукач., захід. Іршав., Ужгород., ряд говірок Переч. та ін.), *мáргв́рíпа, мв́ргв́рíпа* (Хуст., Виногр., ряд говірок Берег. та ін.), *боᵛрґоᵛндíйа* (ряд сіл В. Березн.), *бура́к, бура́к жсв́втый* (Тячів., Міжгір. та ін.). Крім того, відмічено ще назви: *кв́рв́вл'ачый*

[39] Див. *Szinnyei J.*, Magyar tájszótár 2 : 139.

[40] Докладніше про поширення цієї культури на Україні див. *Й. О. Дзендзелівський*: Українська мова в школі, 1958, 2 : 67.

чи *маржи́нс'кий бура́к* (Кос. Поляна, Луг та ін. Рахів.; Грушово, Тячів; Гукливе, Скотарське та ін.; Волов.), *маржа́ча пі́па* (Вільшанки, Тур'я Ремета, Перех.), *марго́ва пі́па* (Тур'я Пасіка, Перех.), *маржа́чий бура́к* (Богдан, Рахів.); *стерн'анко́вый бура́к* (Тересва, Бедевля, Тячів.); *тô'лôвріпа* (Коритняни, Ужгор.). Назва *ма́ргôріпа, мô'ргôріпа* — композит.: *ма́рга* — 'худоба' (мадьяр. *marha)* і *пі́па;* назва *піпа,* — очевидно, під впливом мадьяр. *répa,* яке вживається і на означення кормового буряка. *Тôлôвріпа* — мадьяризм, з мадьяр. діал. *talló-répa — 'fehérrépa'* ['бруква'] (Szinnyei 2 : 666); *tarló* — 'стерня' (*r* асимілювався до наступного *l,* звідси *talló).* Назва *стерн'анко́вый бура́к* пішла від того, що кормові буряки часто висівають після збору зернових на зораній стерні *(стерн'а́нці,* наз. од. *стерн'а́нка,* власне, це переклад з згаданого вище мадьяр. діал. *talló-répa). Бо*^{у}*рґо*^{у}*ндійа* пор. словац. діал. *burgundia, burguňa, burgunka* (Kálal 47), словац. літ. *burguňa* — 'кормовий буряк', мадьяр. діал. *burgondia, burgonya* — 'картопля';[41] назва, очевидно, вказує на місце, звідки була завезена ця культура — Бургундію, див. Bárczi 28. Як свідчить семантика і місце поширення, закарпатське *бо*^{у}*рґо*^{у}*ндійа,* очевидно, — словакізм.

Цукровий буряк (на Закарпатті висівається в малій кількості, причому головним чином у південних районах): *цу́кроріпа, цу́корріпа, цукро́ва пі́па, цукро́вый бура́к.* Назва *цу́корріпа* < мадьяр. *cukorréра* — 'цукровий буряк'. З цього мадьяризму уже за українськими нормами творення подібних композитів (з сполучним голосним *о*) утворилося *цу́кроріпа.*

19. Daucus carotta L. у досліджуваних говорах майже скрізь *мô'ркôв, мо́рков,* лише у півд. Рахів. та півд.-сх. Тячів. паралельно з *мô'ркôв, мо́рков,* вживається *мо́рква.* Назва ця загальнослов'янська; пор. укр. *морква,* біл. *морква,* рос. *морквь,* рос. діал. *морква* (Даль 2 : 1907), бол. *морков,* серб. *мр̏ква,* словін. *mrkev,* чес. *mrkev,* словац. *mrkva;* пор. також. литов. *morkas, morkvá* (слов'янізм, див. Miklosich, EW. 192); рум. *morcov* (болгаризм, див. Şăineanu 358); мадьяр. *murok* (слов'янізм, див. Kniezsa 1/1 : 348). Деякі автори вважають, що слов'янська назва є запозиченням з німецької (Miklosich, EW. 192). Проте така етимологія не переконлива. Очевидно, слід погодитися з авторами, які з огляду на те, що рослина здавна розповсюджена в Європі, вважають, що назва її (і слов'янами, і германцями) взята від попередніх мешканців Європи; див. Machek, Čes. a sloven. jména rostlin 167; див. також Будилович 1 : 91, 314; Младенов, ЕР. 304 та ін. *Мôркôв* у досліджуваних говірках часто зберігає давнє відмінювання іменників *—ŭ-* основ.[42] Від *мô'ркôв (морква)* відмічено похідні: *морквúн'а, морко́вúн'а, мôркôвйа́нка* — 'листя моркви'; *мôрквл'а́нка* — 'грядка з морквою'; *морквл'ани́к* — 'грядка з

[41] Див. *Szinnyei J.,* Magyar tájszótár 1 : 199.

[42] Див. *І. Панькевич,* Українські говори Підкарпатської Русі та суміжних областей. Прага 1938, 229 і далі; а також *Е. Б[алецьки],* Одно морфологічне явище. Літературна неділя (Ужгород) 1943, 3 : 168.

морквою', 'вид супу'; *моркўни́к* — 'вид дикої моркви' (відмічено у с. В. Раковець на Іршав.); *морквиц'а* — 'вид трави'; *мо̂рко̂вл'а́ний (-ый)*.

20. Raphanus sativus L. — *ре́д'ка, ре́ᵘд'ка, ре́ᵘд'ко̂в* ж. р., *ре́ᵘд'ко̂в* ч. р. Форма *ре́д'ка, ре́ᵘд'ка* поширена у говорах східних районів, межі її в основному співпадають з межами старої Мараморощини; *ре́ᵘд'ко̂в* ж. р. — в усіх західних районах, крім крайнього півдня, де *ре́ᵘд'ко̂в* ч. р. (с. Затисівка та ін. — Виногр.). *Ре́ᵘд'ко̂в* — давня форма знах. од.; порів. і в інших укр. говорах: *редьков* (Желех. 799); пор. також словац. діал. *red'kev* (Kálal 568), пол. *rzodkiew*, чес. *ředkew* та ін. Назви з цим самим коренем відомі в усіх слов'янських мовах, але фонетичні відмінності між ними не дають можливості виводити їх від однієї праслов'янської форми. Вважають, що частина слов'янських форм — з германських (нім. *Rettig* < лат. *radix*), а частина — з романських, див. Machek, Česká a sloven. jména rostlin 60.

Форма *ре́ᵘд'ко̂в*, що вживається у говорах захід. районів, значною мірою зберігає старе відмінювання іменників *-ū-* основ. Напр. у сс. Волосянка, Ставне та ін. на В. Березн.: н. *ре́ᵘд'ко̂в*, р. *ре́ᵘд'кве* чи *ре́ᵘд'кве*ᵘ, д. *ре́ᵘд'кві*, з. *реᵘд'ко̂в*, ор. *ре́ᵘд'ко̂вл'ъ̂в*, м. на *ре́ᵘд'кви;* у с. Ростока на Волов.: н. *ре́ᵘд'ко̂в*, р. *ре́ᵘд'кви*, ор. *ре́ᵘд'ко̂вл'ъ̂в* та ін.[43]

Від *ре́д'ка (ре́ᵘд'ка, ре́ᵘд'ко̂в)* відмічено похідні: *реᵘд'ковйн'а* — 'листя редьки', *реᵘд'ковл'а́нка* — 'грядка', *реᵘд'кўвл'ани́к* — 'той, що їсть багато редьки' (це останнє відмічено у с. Кр. Мартинка на Іршав.), *реᵘд'ко́вий (-ый)*.

По говірках відмічено назви сортів: *мі́с'ашна, ві́сна, челле́на, бі́ла, намі́с'ашна, зиму́шн'а* (Драгово, Хуст.); *намі́с'ачна, зи́мна, чо́рна, бі́ла* (Калини, Тячів.) та ін.

21. Відповідно літературному *бруква* у досліджуваних говорах відмічено: *бруква* (північ. Рахів., північ.—сх. Тячів.), *бру́ко̂в* (В. Березн.), *квак* (Волов., Міжгір.), *квака* ж. р. (Синевир та ін., Міжгір.), *рі́па* (ряд говірок Сваляв., Хуст.), *рі́пак* (Велятин, Хуст.), *карпи́л'а* ж. р., *ка́рпил'* ч. р. (Ужгород.), *ка́пустрі́па* (півд. Рахів., Тячів.; схід. Хуст.), *капуста́шка* (Сімерки, Перех.).

Назва *бру́ква* (відоме у східно- і західнослов'янських мовах) етимологічно пов'язують з нім. *Brucke* і лит. *gruczkas*, див. Будилович 1 : 82. Форма *бру́ко̂в*, очевидно, витворилася під впливом *мо̂́ркво̂в, ре́д'ко̂в*. Для *квак* паралель пол. діал. *kwak* — 'бруква' (SJP. 2 : 655); для *ква́ка* ж. р. паралель пол. діал. *kwaka* (SJP. 2 : 655), словац. діал. *kvaka* (Kálal 288), чес. діал. (моравське) *kvaka*. Як вказує територія поширення і форма, закарпатські *квак, ква́ка* — полонізми, у говірки ж польскої мови *kwaka* запозичено від чехів (чи, може, і словаків). *Рі́па* — у вказаних говірках зберегло давніше значення цього праслов'янського слова; див. розділ про картоплю. Пара-

[43] Докладніше про відмінювання подібних іменників див. *І. Панькевич*, Українські говори Підкарпатської Русі 229 і далі.

лелі для *рінáк* відмічають і в інших укр. говорах.[44] *Кáрпеᵘл'*, як на це вказує і територія поширення у досліджуваних говорах, очевидно, словакізм чи полонізм; пор. сх.-слов. *karpeľ* 'kvaka' (Buffa 162), *karpeľe* — 'kvaka' (Czambel 1 : 530), пол. *karpiel* — 'бруква', 'вид капусти' (SJP. 2 : 278); пор. також чес. *karpel* — 'pladolist'.[45] На думку В. Махека, чес. *karpel* з пол. *karpiel*, що є видозміною *karfiol*.[46] Назви *карпель*, *карпеля* із значенням 'Brassica napus L.' відмічаються і в ряді інших півд.-зах. українських говірок,[47] але там це полонізми.

22. Як і в інших говорах та літературній мові, Brassica oleracea L. на Закарпатті скрізь *капýста* ~ *капýᵒста*. Слово це є в усіх слов'янських мовах, але в настільки різних варіантах, що спільне джерело встановити важко. На думку М. Фасмера, *капýста* є контамінацією лат. *compositum* і ст.-верх.-нім. *chapus*, що в свою чергу з лат. *caputium*, див. Kniezsa 1 : 251, також Machek, Čes. a sloven. jména rostlin 58—59; Будилович 1 : 89, 313; Miklosich, EW. 111; Brückner, SE. 218 та ін. Як слов'янізм мадьяр. *káposzta*, див. Kniezsa 1 : 251.

Від *капýста* в досліджуваних говірках відмічено похідні: *капустúн'а*, *капустовúн'а* — 'листя капусти'; *капуст'áниk*, *капус'ц'áниk* — 'камінь, що кладеться на квашену капусту', 'пиріг з капустою'; (це останнє значення зафіксовано у с. Ставне на В. Березн., відоме воно також у говірках Ужгород. та ін.), 'кукурудзяний хліб з домішкою капусти' (с. Драгово на Хуст.), 'діжка для квашення капусти' (Гукливе на Волов.), 'грядка капусти' (Іза на Хуст.); *капýсник* — 'грядка' (Ясіня на Рахів.); *капуст'áнка*, *капус-ц'áнка* — 'грядка, поле, поле після капусти'; 'їжа, подібна до борщу' (Лопухове на Тячів.); 'діжка для квашення капусти' (Золотарево, Іза та ін. на Хуст.); *капýст'áний (-ый)*.

23. Brassica oleracea var. gongyloides L. по говірках – *корола́ба* (Іршав., Виногр., Хуст., Тячів.), *корола́бы* (Осій, Ільниця та ін. на Іршав; Дубове на Тячів.), *корола́б* ч. р. (Іза, Нанково та ін. на Хуст.), *карала́ба* (Кос. Поляна, Луг, Богдан та ін. на Рахів.; Порошково на Перец.), *колора́ба* (Тересва, Бедевля на Тячів.); *карала́б* (Ужгород., Перец., В. Березн., Сваляв.); *карала́бы* (Кальник на Мукач.); *карара́б* (Волосянка на В. Березн., Воловець, Гукливе на Волов.); *карара́бы* (Люта, Смерекова на В. Березн.); *калларáбы* (В. Визниця на Мукач.).

Варіанти *корола́ба*, *корола́б*, *корола́ба*, *колора́ба*, *карала́б*, як свідчить їх огласовка, є мадьяризмами, пор. мадьяр. *kalarábé*, мадьяр. діал. *karalábé*,[48] що в свою чергу з нім. діал. *kalerab*, *karelab*,[49] а це з лат. *caulirapus* (*caulis* —

[44] Див. *М. Мельник* ор. с. 52.
[45] Див. Příruční slovník jazyka českého 2 : 70.
[46] *V. Machek*, Česká a slovenská jména rostlin. Praha 1954, 82.
[47] Див. *М. Мельник* ор. с. 52; *Верхр.*, Лемки 422.
[48] Див. *Szinnyei J.*, Magyar tájszótár 1 : 1022.
[49] Див. *V. Machek* ор с. 58; див. також *Bárczi* 147.

капуста', *гара* — 'бруква'). Варіанти *карарáб, карарáбы*, очевидно, виникли на власному грунті в результаті асиміляції *л* до *р*. Укр. літер. *кольрабі* (як і рос. *кольраби*, біл. *кальрабі* з нім. *Kohlrabi, Kohlrübe.*

Від *королáба* і т. ін. відмічено (в окремих говірках) похідні : *королáбник, королабл'анúк* — 'грядка з кольрабі'; *каралáбин'а, каралáбин'э* — 'листя, відходи кольрабі'; *каралáбовий (-ый), королáбный.*

24. Spinacia oleracea L. — *шпінáт, шпиᵉнáт, шпенáт, шпенóт, шпинáта* ж.р. Вирощується переважно навколо міст, у віддалених селах майже не вживають. Як розповідають старші мовляни, більшого поширення набув шпінат після возз'єднання Закарпаття з Радянською Україною. В окремих селах почали вживати буквально в останні роки. Різні варіанти назв, очевидно, свідчать про різні джерела. *Шпінáт, шпинáт*, очевидно, слід зближувати з укр. *шпінат*, рос. *шпинат; шпенóт* — з мадьяр. *spenót;* пор. також нім. діал. *Schpennat.* Назва відома майже в усіх європейських мовах ; походить з середн. лат. *spinachium,* а це з араб. *istinag, istānāg* < перс. äspänah (Lokotsch, EW. № 126). Батьківщиною цієї культури є Персія, араби (VIII—XIV ст.) занесли її в Іспанию, а звідти вона поширилася по всій Європі.

25. Lactuca savita L. у досліджуваних говірках — скрізь *шалáта* ж. р. Яке (як вказує початкове *ш*) з мадьяр. *saláta,* а це з італ. *salata* < лат. *(herba) (in) salata* — дослівно 'солона, насолена'. В українській літературній мові відповідно вживаються *салат* ч. р. і *салата* ж. р. Укр. *салат*, як і рос. *салат*, чес. *salát*, з нім. der *Salat*, а це з італійської. Укр. *салáта*, як і біл. *салáта*, з пол. *sałata* < італ. *salata*; болг. *салата*, серб. *салата* і словін. *solata* < італ. *salata*. Словац. *šalát* — мадьяризм, див. Brückner, SE. 480 ; Bárczi 265 ; Младенов, EP. 567 ; Holub—Kopečný, ES. 326. Від *шалáта* відмічено похідні : *шалат'áнка, шалатáнка* — 'їжа у вигляді супу', в ряді говірок — 'грядка з салатом'; *шалáтник, шалатн'анúк* — 'грядка з салатом'; *шалатúн'а, шалатúн'э, шалатóвин'а* — 'листя салату'; *шалáтний (-ый), шалáтовий (-ый).*

26. Solanum Lycopersicum L. на досліджуваній території скрізь *парадúч(')ка (парадиш'ка)* лише у с. Тросник (Виногр.) — *бородúчка.* Закарпатське (в інших українських говорах нам воно невідоме) *парадич'ка* (як і схід. словац. його паралель *paradička* — 'помідор', див. Buffa 194) походить з мадьяр. *paradicsom* — 'помідор', а це з лат. *paradisus* див. Bárczi 235. Укр. літ. *помідóр* ч. р., *помідора* (як і рос. *помидор*, біл. *памідор*, пол. *pomidor* та ін.) з італ. *pomidoro* буквально 'яблуко із золота' — *pomiď'oro;* назва дана за формою і кольором плода.

Від *парадúчка (бородúчка)* відмічено похідні : *парадичáнка, парадúчник, парадичанúк, бородичáнка* — 'грядка з помідорами чи після помідор'; *парадичкóвúн'а, парадичúн'а, бородичúн'а* — 'бадилля помідор'; *парадичкóвий (-ый).*

27. Solanum melongena L. — *баклажа́н* ч. р., а в окремих селах : *бакла́ж* ч. р., н. мн. *баклажы́* (Зняцево на Мукач.), *си́н'а паради́чка* (В. Ремети та ін. на Берег.). До возз'єднання Закарпаття з Радянською Україною цієї культури тут не вирощували. Культура (і назва) нова, поширена зрідка лише у південних районах, де дозволяє клімат. Батьківщина її — Східна Індія, назва *баклажан* < перс. *bādlijān* (Преображенский, ЭС. 50).

28. Перець овочевий (червоний і зелений) Capsicum L. У досліджуваних говорах скрізь *попри́ґа*. Паралелі для *попри́ґа* в інших зах.-укр. діалектах : *папри́ґа, па́прика,*[50] *попер, поперь* (Верхр., Лемки 453). Проте на підставі фонетичного оформлення закарпатське *попри́ґа* слід вважати мадьяризмом; пор. мадьяр. *paprika* < серб.-хорв. *paprika* (Kniezsa 1 : 386—387). *Paprika* взагалі давнє слов'янське слово, пор. ст. рус. *пьпьрь, пеперь, пъпьръ* — 'перець' (Срезневский, Материалы 2 : 1760—1761) ; ст. сл. *пьпьръ, пьпьрь, пъпъръ* (Miklosich, LP. 750) ; означало воно раніше *piper*. Пізніше назва була перенесена на нову в слов'ян і взагалі в Європі культуру Capsicum annuum L., що завезена з Америки. На Закарпаття перець овочевий потрапив з Угорщини (про що свідчить і назва *попри́ґа);* в Південно—Західну Україну та Молдавію — з Болгарії.[51]

Від *попри́ґа* відмічено похідні : *поприґува́ти, попри́жити, попри́джити, попри́джанити* — 'заправляти, посипати меленим червоним перцем'; *поприґа́шка* — 'сало, посипане меленим червоним перцем', 'вид горілки'; *попри́дж'энка, поприґа́ш* — 'вид супу, вид їжі у вигляді гуляша', *попри́ґовий (-ый).*

29. Як і в інших українських говорах та літературній мові, Allium cepa L. — *цибу́л'а;* пор. також біл. *цыбуля;* рос. діал. *цыбуля, цибуля, цубуля* (Даль 4 : 1264) ; пол. *cebula,* ст. пол. *cybula* (як і ім'я уже було в XIV ст.) ; чес. *cibule;* словац. *cibuľa;* н. луж. *cybula.* Походить з сер.-вер.-нім. *zibolle,* що в свою чергу з ст.-верх.-нім *cibolla,* а це з лат. *cepulla* (пор. італ. *cipolla,* фр. *ciboule),* що є деміну́тивом від лат. *cepa,* див. Brückner, SE. 56 ; Machek, ES. 58 ;[52] Holub—Kopečný, ES. 85. В українську мову, як і білоруську та російську, потрапило, через польське посередництво.

Від *цубу́ля* відмічено похідні : *цибули́на* — 'плід цибулі'; *цибули́н'а, цибул'о́вин'а* — 'листя цибулі'; *цибул'а'нка* — 'грядка після цибулі', 'вид супу', 'вид їжі із смаженої цибулі'; *цибул'ани́к* — 'вид хліба з домішкою посіченого листя цибулі', 'людина, що багато їсть цибулі'; *цибул'ани́й (-ый).*

По говірках відмічено ряд назв для окремих сортів цибулі ; *сі́йанка, корчова́н'а, дв'вга, кру́гла, саженйц'а* (що садять на висадки для одержання насіння), *ды́мка, буженйц'а.*

[50] Див. *М. Мельник* op. c. 62 ; *Желех.* 601.
[51] *П. М. Жуковский* op. c. 480.
[52] Див. також. *V. Machek,* Česká a slovenská jména rostlin 266.

30. Allium sativum L. По говірках — *часни́к, часны́к; часно́к, ч'есно́к, ш'есно́к, ч'исно́к*. Форма *часны́к, часни́к* поширена у говірках Міжгір.; *часно́к* — Тячів., півд.-зах. Рахів., Хуст., півд. Виногр.; *ч'исно́к* — Мукач., захід. Іршав., Сваляв ; *ч'есно́к* — Ужгород., Перeч., В. Березн., Волов.

Культура ця здавна була відома слов'янам і взагалі європейцям, на що вказують не лише лінгвистичні дані (назва спільнослов'янська, прасл. **česnъkъ)*, а й етнографічні, зокрема згадування її у слов'янськ й та германській міфологіях (Будилович 1 : 313). Назва **česnъkъ* етимологічно пов'язується (Міклошич, Бернекер, Преображенський, Брюкнер та ін.) з дієслівним коренем *čes-, česati*, яке в ряді слов'янських мов, крім 'чесати' (напр., волосся), має ще значення 'обривати , 'розчіплювати', 'розлуплювати', 'відокремлювати' (плоди, листя) ; пор. ст. рус. (у пам'ятці XII ст.) : *Не отъ тьрнига бо чешѫтъ смокъви* (Срезневский, Материалы 3 : 1503) ; словац. *česať* — 'чесати, чистити скреблом, обривати (хміль, чорнику)'; *česačka* — 'пристрій для чесання волокна, обривання хмелю' (Isačenko, Slov.—rus. slovník 1 : 70) ; чес. *rozčisl dřevo* ('розколов, розчахнув дерево') ; болг. *чесла* — 'обламувати зайві листя кукурудзи'; *чеснов лук* — 'часник' (буквально 'цибуля, яку розривають, розлуплюють') ; рос. *расчесать болячку* — 'разодрать, расцарапать' (Даль 3 : 1651).

Отже, *чесно́к* — те, що розщеплюють, розділяють, розлуплюють ; пор. аналогічно утворене нім. *Knoblauch* від (після метатези) *kloben ~ kliben* 'розчеплювати, розділяти'; див. Brückner, SE. 80 ; Младенов, EP. 683, 684 ; Будилович 92 ; Machek, ES. 72 ; Sławski, SE. 1 : 125.

Ізоглоса форми *ч'есно́к (ш'есно́к* — фіксується там, де *ч > ш)* продовжується у галицьких лемків (Верхр., Лемки 482) та інших українських говірках [53]; пор. також рос. *чеснок*, білор. *часнок* (тут *а* секундарне — як результат акання), чес. і словац. *česnek*, пол. *czosnek, czosłek;* ст. сл. *чеснъкъ* (Miklosich, LP. 1113) ; пор. також серб. *чесан, чесно;* болг. *чесън;* словін. *česen ;* пор. ст. рус. *чесновитъкъ, чеснокъ* (Срезн. 3 : 1503 ; ст. сл. *чесновитъкъ, чесновитьць* (Miklosich, LP. 1113). Варіант *ч'исно́к* в досліджуваних говірках може бути пояснений з *ч'есно́к (> ч'е^{и}сно́к > ч'исно́к);* пор. і в інших українських говорах *чисник, чісник*,[54] хоч в цьому останньому *і* може бути пояснене як рефлекс *е* у закритому складі. У формі *часно́к* коренева голосна на ступені *а* ; пор. аналогічне у словах цього ж кореня укр. *розчах, розчахнути, розчахнутися*. Появу *а* в *часно́к, розчахнути* пояснити фонетично важко. Взагалі ж у ряді слів цього кореня спостерігається нерегулярність у вокалізмі ; пор. укр. *чухрати, чихрати, чухати;* пол. *czuhrać;* чес. *rozčisnouti* та ін., що пояснюється, очевидно, експресивністю вказаних слів (див. Sławski, SE. 1 : 124).

[53] Див. *М. Мельник* ор. с. 23.
[54] Там же.

Форма *часни́к (часны́к)*, яка відома і в багатьох інших українських говорах та в літературній мові, є словотворчим варіантом *часно́к*. Від *ч'есно́к, часно́к, часни́к* відмічено похідні: *чесничи́н'а, чесничи́н'ə часнико́вин'а, часныко́ви́н'а* — 'стебла, бадилля часнику'; *почесноковáти, чесничи́ти, почесни́ти, почесночи́ти, почесничáнити, чисночи́ти, чисноковáти, часниковáти, почасничи́ти, почасничани́ти, почасниковáти* та ін. — 'натерти часником (хліб)', 'заправити (страву) часником'; *чесноко́вый, часничаны́й, чесничаны́й, чесноко́вый* та ін.

31. Як і в літ. мові та інших українських говорах, Petroselium sativum Hoffm. на Закарпатті скрізь *пе^{и}тру́шка*, яке взагалі з лат. *petroseli(n)um*, що в свою чергу э грец. *πετροσέλινον* (буквально 'горный сельдерей', див. Преображенский, ЭС. 773); у нас через польське, а в поляків через німецьке посередництво; пор. пол. *pietruszka*, нім. *Peteresilie;* пор. також рос. *петрушка* (що через українське посередництво з польської, див. Преображенский, ЭС. 733); біл. *пятрушка;* пол. *pietruszka*, ст. пол. *piotruszka*, пол. діал. *pjotruszka, pietruziele* (SJP. 4 : 174); словац. *petržlen*, словац. діал. *petružel, petružlen, petruška* (Kálal 463); чес. *petržel;* серб. *першун, першин, петрусин;* словін. *peteršilj;* болг. *петружсель* (Младенов, ЕР. 420).

З похідних відмічено: *пе^{и}трушко́вин'а, петрущчи́н'а* — 'листя петрушки' (зафіксовано, правда, лише в окремих селах), *пе^{и}трушко́вий (-ый), пе^{и}трущча́ный*.

32. Pastinaca sativa L., як і в літературній мові, — *пастирна́к;* в окремих говірках *пастырна́к* (Драгово та ін. Хуст.), *пастерна́ґ* (Іза та ін., Хуст.; Голятин та ін., Міжгір., Доробратово та ін., Іршав.). Назва ця (і культура) поширена головним чином у східних та південних районах досліджуваної території.

Українське *пастернак* (як і біл. *пастарнак* та рос. *пастернак)* з пол. *pasternak*, а це (як і чес. *pasternak, pastrnák* словац. *paštrnák)* з нім. діал. *Pasternak*, що в свою чергу з лат. *pastinaca*, див. Brückner, SE. 398; Machek, ES. 356; Будилович 1 : 76.

Від *пастернак* відмічено похідні *пастернако́вий (-ый), пастырна́джаный* — 'що відноситься до пастернака'; *пастырнаджа́нка* — 'грядка з пастернаком' (останнє відмічено у с. Голятин на Міжгір.).

33. Apium graveoleus L. у досліджуваних говірках (сама культура поширена головним чином у західних та центральних районах) — *зе́ллер*, в окремих селах — *дзе́ллер;* пор. словац. *zeler* (Kálal 862), мадьяр. *zeller*, чес. *celer*, а також укр. *селєра* (Желех. 859), *селера* (Дрогобиччина), *сельдерея;*[55] рос. *сельдерей* ч. р., *сельдерея* ж. р. (Даль 4 : 121); пол. *seler, selera, saler* (SJP. 6 : 62); фр. *céleri*, гр. *sèlīron*. Закарпатське *зе́ллер* — з нім. *Sellerie;* можливо, безпосередньо від німців-колоністів, а, можливо (як це позволяє судити територіальне поширення), через мадьярське чи й словацьке посе-

[55] Див. *М. Мельник* ор. с. 34.

редництво. Відзначене в інших українських говорах *селєра, селера* — полонізм. З похідних від описуваного слова відмічено лише прикметник *зе́ллерóвий (-ый)*.

34. Cucumis sativus L. — *о̂́гірок, о̂́гурок, о̂́гӱрок* (говірки в. Березн., Сваляв., Міжгір., Іршав., Виногр. Хуст., Тяч., Рахів.), *во̂́гурок* (говірки захід. Переч., Ужгор., захід. Мукач., окремі села Хуст, півд. Тячів.). В окремих говірках, крім того, відмічено : *о́йирок* (Воловець, Гукливе на Волов.), *о́герок* (Люта на В. Березн.) ; у с. Рокосово (Хуст.) поруч з *о̂́гӱрок* засвідчено *о́горок;* у с. Довге Поле (Ужгор.) — *о̂́гурка* ж. р. В інших українських діалектах це слово також має ряд варіантів : *огірóк, вогірóк, огурóк, огурéць, угірóк*, див. словники Б. Грінченка, Є. Желехівського.[56]

Назва ця спільнослов'янська ; слов'яни запозичили її від греків *(angurion, ankuri)*, а греки від персів (перс. *angūr);* батьківщиною цієї культури вважають Азію. Від слов'ян цю назву перейняли німці (див. Будилович 89, 313 ; Brückner, SE. 376 ; Miklosich, EW. 371 ; Machek, Es. 337 та ін.) та мадьяри *(uborka, ugorka*, див. Kniezsa 1 : 537—539).

Від *о̂́гірок* і т. ін. відмічено похідні : *о̂гурчи́н'а, о̂гӱрчи́н'а, о̂гӱрчáн'а, о̂гӱрчни́к, о̂гӱршни́к, о̂гӱрковúн'а, во̂гурчúн'а, о́йирчник* — 'листя, бадилля огірків', *о^{у}гірч'áнка* — 'грядка' (відмічено у с. Волосянка на В. Березн.) ; *во̂гурчáнка* — 'діжка для соління огірків' (зафіксовано у с. Драгово на Хуст.) ; *о̂гірко́вий (-ый), о̂гурко́вий ((ый), о̂гӱрковый, о̂гӱрчаны́й*.

35. Кавун — Citrullus vulgaris Schrad. по говірках — *грызáчка, грызýчка, грызýча ды́н'а, грызáча дын'а* (говірки і В. Березн., Переч., Мукач., Сваляв., захід. Іршав.), *сырýча ды́н'а* (півд.—сх. Виногр., Хуст., Тячів.), *ды́н'а* (Рахів. та ін.),*ґереґды́н'а* (Берег., півд. Іршав., півн.-захід. Виногр.). У зв'язку з кліматичними умовами культура ця вирощується лише у південних районах досліджуваної території. *Ґереґдын'а* < мадьяр. *görögdinnye* — 'кавун', дослівно «грецька диня». *Грызáчка* і *грызýчка* (від дієслівного кореня *гриз-*) із значенням 'ріпа' відомі в деяких нших зах. укр. говорах.[57] Назва *гризача диня* (очевидно, із значенням 'кавун') зустрічається у календарі Югасевича 1806 р.: *Оу Персій въ крайнѣ Ікоратолъ велики гризачи динѣ растут, что єдна м̃ или н̃ фунтовъ важит* (л. 126).

Назва *кавун* (< осман.-тур. *kavun* —'диня') на Закарпатті стала поширюватися лише у радянський час.

36. Cucumis melo L. — скрізь *дúн'а, ды́н'а, ды́^{о}н'а, дúн'ə;* у с. Доробратово (Іршав.) ще і *жо̂́вта ды́н'а*. Назва давня праслов'янська, але з неясною етимологією. Міклошич, а за ним Преображенський, Бернекер та ін. *диня* пов'язують з дієсловом *дути;* див. Miklosich, EW. 55 ; Berneker, SEW. 250. Кнутесон, а за ним Славський цю назву виводить з лат. **cydōnea (māla)*, див. Sławski, SE. 1 : 186—187. Як слов'янське запозичення мадьяр. *dinnye,*

[56] Див. також *М. Мельник* ор. с. 90.
[57] Див. *М. Мельник* ор. с. 53 ; див. також *Желех.* 159.

див. Kniezsa 1 : 155—156. Цікаво відзначити, що в закарпатських говорах *диня* вживається і на означення дині, і на означення кабака (всіх сортів), і в ряді говірок, зокрема гуцульських, на означення кавуна. Очевидно, тут позначився вплив мадьяр. *dinnye*, яке теж полісемантичне, див. Митрак, Мадьяр.-рус. словарь 177.

37. Cucurbita maxima Duch. По говірках : *пекýчка* (Кальник, Макарево та ін., Мукач.; Кр. Мартинка, Білки, В. Раковець та ін., Іршав.; Олешник та ін., Виноград. та ін.), *пекýча ды́н'а* (Боронява, Лип. Поляна та ін., Хуст. та ін.), *пекýчка* (Затисівка та ін., Виногр.; Іза та ін., Хуст.), *печýча ды́н'а* (Черна та ін., Виногр.; Драгово, Золотарево та ін., Хуст., Дубринич та ін., Перечин. та ін.), *пека́чка* (Довге Поле, Горяни та ін., Ужгород. та ін.) *пічачка* (Зняцево, Мукач.), *ды́н'а* (Кос. Поляна та ін., Рахів., Коритняни та ін., Ужгород., В. Ремети та ін., Берег.), *бици́вка* або *бúц'ка ды́н'а* (Заріччя, Іршав.), *бицúйка* (Горбок, Іршав). *бича́йка* (Доробратово, Іршав). Назви *пекýчка, печýчка, пека́чка, піча́чка* утворені від *пекти*, власне, дієприкметника *печений* (назва така дана у зв'язку з тим, що плід цієї рослини часто печуть).

Від *дин'а* і т. ін. видмічено похідні : *дин'а́нка* — 'їжа з гарбузів'; 'місце, грядка, де ростуть гарбузи' і т. ін.; *дыни́на, дынни́к, дынни́ч'а печачи́н'а* — 'бадилля, павороззя гарбузів, *динь' і т.* ін.; *дын'а́ный, дин'а́ный; пекачкóвий.*

Кормові гарбузи (які не вживають на їжу) звичайно наз. *маржа́ча ды́н'а, свин'а́ча ди́н'а, сви́н'с'ка ды́н'а, во^{v}лу́вка* чи *во^{v}лу́вка* (ці останні похідні від *віл—вул, вýл;* бо цими гарбузами кормили волів).

38. Як і в інших українських діалектах та літературній мові, Papaver somniferum L. на Закарпатті скрізь *мак*. Слово це спільнослов'янське, індоєвропейське, див. Miklosich, EW. 181 ; Будилович 1 : 77, 315—316 та ін.

Від *мак* відмічено ряд похідних : *маковни́ч'а, макови́н'а, мачули́н'э* — 'стебла, вимолочені головки маку'; *маки́вка* — 'головка маку'; *макувни́к, макýвни́к, макуни́к, макови́к, маковни́к, ма́кош, макýш, ма́чник* — 'пряник, хліб, калач чи інші види печива з маком';[58] *макýх, маки́тра, ма́кóвий (-ый).*

39. Armoracia rusticana G. M. Sch. — *хрін* (говірки Ужгор., захід. Мукач, захід. Перец.), *хрін'* — на решті території. Паралелі для форми *хрін'* знаходимо у галицьких говірках (див. Желех, 1046). Назва ця спільнослов'янська, але етимологія темна ; на думку Räsänen'a, слово це походить з чуваш. *xərɛn* (Machek, ES. 241). Від слов'ян запозичили німці, а від німців — романці ; див. Miklosich, EW. 90 ; Будилович 1 : 91, 314 ; Brückner, SE 185 ; Младенов, EP. 673 ; Machek, Čes. a sloven. jména rostlin 66 та ін. На відміну від літературної української мови у досліджуваних говірках у цьому слові кореневе *і* (< *ѣ*, прасл. *хрѣнъ*) не чергується з *о* : род. од. *хрíну*, ор. од. *хрíном* і т. ін. У літературній мові чергування *і* з *о* постало не

[58] У говірці с. Довге Поле на Ужгор. *макуни́к* — 'пряник', причому не лише з маком, а й з горіхами, сиром і т. ін.

фонетичним шляхом, очевидно, внаслідок аналогії (підрівнювання) *хрін* до слів, де < *о*.

Від *хірін, хрін'* у досліджуваних говірках відмічено похідні : *хрін'о́'вин'а, хріновúн'а* — 'листя хрону'; *хріннúк* — 'багато хрону' (Доробратовона Іршав.); *хрін'анúц'а* (Олешник на Виногр.); *похріновáти* 'додати, приправити хроном'; *хрін'о́вий (-ый), хрін'аны́й*.

40. Як і в інших говірках української мови, Sinapis L. *гірчúц'а, гірчúц'ə, гурчúц'а, гӱрчúц'а* (в залежності від рефлексії давнього *о* у новозакритих складах), *горчúц'а* (Кам'яниця на Ужгор.). Назва ця східнослов'янська, паралелі див. Будилович 1 : 91, 314.

Від *гірчúц'а* і т. ін. видмічено похідні : *гӱрч'о́вин'а, гӱрчӱвнúк* (Олешник на Виногр.), *гурчича́ный, гӱрчаны́й, гӱрчиц'а́ный*. Взагалі слід відмітити, що вирощують і використовують цю рослину на Закарпатті не скрізь, переважно в низинних районах.

41. Anethum graveoleus L., *кріп, круп, крӱп* (говірки східних і північно-східних районів Рахів., Тячів., Міжгір. та ін.), *оᵛкрӱ́п, оᵛкрӱ́п* (Берег., зах д. Виноград., Іршав., ряд говірок Хуст., окремі села Тячів.), *крô'пиⁱц'* (ряд говірок Переч., Мукач.), *ôкрô'пиⁱць, оᵛкрô'пиⁱц', укрô'пиⁱц', вкрô'пиⁱц'* (ряд говірок Ужгор., Мукач., Сваляв., Переч., Волов., В. Березн.). Крім того, по окремих селах відмічено : *крíпиⁱць* (Буковець на Волов.), *вкрíпиⁱц'* (Ставне на В. Березн.), *копúр'* (Коритняни на Ужгород.), *купéр* (Кам'яниця на Ужгор.). У ряді сіл відмічається факультативне вживання двох форм. Напр., *оᵛкрӱ́п* і *ôкрô'пиц'* (Липча, Лип. Поляна на Хуст.), *крô'пиц'* і *ôкрô'пиц'* (Зняцево на Мукач.) та ін. Паралелі для суфіксальної форми відмічаються в галицьких лемків — *кропец* (Верхр., Лемки 428) та в ряді інших західноукраїнських говірок — *кріпець, окропець*;[59] відмічені *копúр', купéр* пор. з гал. лемків. *копер* (Верхр., Лемки 426), словац. *kopor* (Kálal 257). *Кріп* — давня спільнослов'янська назва *(кропъ)*. На думку В. Махека, слово це має дієслівний корінь, як і в слові *окріп* — 'кип'яток'.[60]

Від *кріп* і т. ін. відмічено похідні : *кріповúн'а, оᵛкроᵛпôвúн'а* — 'стебла кропу'; *окропл'анúк* — 'грядка' (Крайня Мартинка на Іршав.); *кріпóвый, крупл'аны́й, ôкріпл'аны́й, ôкрôпл'аны́й, копир'о́вий*.

42. Carum Carvi L. по говірках – *кмин, кмíн', кмíнок, квíнок, кéмин'моґ*. Назва *кмíн'* поширена на Рахівщині, *квíнок* — Ужгородщині, *кéмин'моґ* — півд. Берег. та півд. Виногр.; на решті території — *кмин*. Батьківщиною цієї культури вважають Схід. Месопотамію, а назву з походження семітською ; пор. араб. *kettûn*, євр. *kammon* (Lokotsch, EW. № 1046). Разом з рослиною назва від семітів перейшла до греків (*κυμῖνον*), звідти до римлян (лат.*cumīnum, cytīnum*), звідси через німецьке посередництво (ст.-в.-нім. *kumîn*, сер.-в.-нім. *kümîn*) до слов'ян (ст. сл. *кюминъ, куминъ*, див. Miklosich,

[59] Див. *М. Мельник* op. c. 131.
[60] *V. Machek*, Česká a slovenská jména rostlin 157.

LP. 328), хоча південні та й східні слов'яни могли запозичити його безпосредньо із грецької та італійської; пор. укр. *кмин, кмін, тмин, тмін, кмен, кминок, цмин;*[61] рос. *тмин, кмин, тимон, кимин* (Даль 4 : 773); біл. *кмен;* пол. *kmin;* словац. і чес. *kmín;* серб. *комин;* болг. *кимион, кимен, кимьон, кимюн* (Младенов, EP. 237); словін. *kumina,* див. Brückner, SE. 239; Holub—Kopečný, ES. 173. На думку В. Махека, в українську та російську мови ця назва потрапила через посередництво польської.[62] Закарпатська форма *квíнок* виникла з демінутива *кми́нок, кмíнок* після дисиміляції *м* до *в*. Назва *ке́мин'моґ* — мадьяризм; пор. мадьяр. *köménymag, keménmag,*[63] *kömény* — 'кмин', що є або слов'янізмом, або германізмом; див. Kniezsa 1 : 677.).

Від *кмін* відмічено похідні: *кмин'а́нка, кмин'ани́ц'а, кмíнка, кмін'э́нка* — 'горілка з запахом кмину', а в ряді говірок ще й'суп з кмином', 'стебла кмину'; *кминкови́н'а* — 'стебла кмину'; *кминни́к* — 'стебла кмину', 'поле після кмину'; *кминко́вый, кми́но́вий, кминни́й, кмин'ани́й, квінко́вий.*

43. Humulus Lupulus L. — *хмилина́* (говірки північ. В. Берез., захід. Переч., захід. Волов), *хміл'* — на решті території. Назва спільнослов'янська, давнє запозичення з східних мов — угро-фінських (чуваш. *chumla,* вогуль. *gumlich)* чи тюркських (татар. *chomlak),* див. Brückner, SE. 180; Machek, ES. 158—159; Будилович 1 : 94, 316; Miklosich, EW. 87; Младенов, EP. 669—670.

Від *хміл'* відмічено похідні: *хмил'ови́на, хмилина́* — 'листя і т. ін. хмелю'; *хміл'о́вий (-ый).*

44. Льон Linum L. у досліджуваних говірках — *лен, л'он.* Форма *л'он* займає компактний район — басейн р. Боржава з усіма її притоками; на решті території — *лен (< льнъ).*[64] Це слово із закономірним *е < ь* широко відоме у ряді інших говорів південно-західного наріччя, див. Желех. 401; Верхр., Лемки 32, 431; Верхр. Батюки 11 255; Шух. 147 та ін. Взагалі важко при- пустити, щоб на такій порівняно невеликій території звук *е* у цьому слові фонетично дав *о* у той час, коли скрізь навколо маємо лише *е*. Скоріше у названих говорах *л'он* є результатом впливу -інших українсь ких діалектів. Можливо, це сліди тих переселенців, що прибували на Закарпаття з інших частин України, зокрема з Поділля та ін. (Чи не є це пам'яткою про тих, що прийшли на Закарпаття разом з Ф. Корятовичем?).

Від *лен, л'он* засвідчено похідні: *ил'н'а́нка* (Міжгір., Волов.), *лени́шче* (Рахів.) — 'поле після льону', *лени́ц'а* — 'вид лікарської рослини' (Росішка, Рахів.), *л'н'аны́й, л'л'аны́й, л'аны́й, ил'н'а́ны́й, лен'а́ны́й.*

45. Літературна назва *коноплі* (Cannabis sativa L.) поширена на Ужгород., Перечин, захід. Мукач., захід. Сваляв., В. Березн., за винятком півн.-

[61] Див. *М. Мельник* ор. с. 70.
[62] *V. Machek* ор. с. 157.
[63] Див. *Szinnyei J.,* Magyar tájszótár 1 : 1206—1207.
[64] Докладніше про поширення див. *Й. О. Дзендзелівський,* Лінгвістичний атлас, карта № 74.

схід. частини ; на решті території — *кôлб'н'і, колóпн'і.*[65] Форма з метатезою *колóпні* широко відома у сусідніх галицьких говірках, зокрема у бойківських,[66] гуцульських (Шух. 2 : 147), див. також Желех. 360 та ін. Від *кôнб'пл'і, кôлб'пн'і* фіксується ряд похідних слів. Так, на означення місця, де сіються чи були посіяні коноплі, по говірках фіксуються такі деривати цього слова : *кôнôпл'áнка* (Ужгор., Перeч., В. Березн., Мукач., Сваляв.), *кôлôпн'áнка* (Волов., захід. Міжгір.), *колóпнищче* (Іршав., схід. Міжгір. півн. Тячів., Рахів.), *колопéнник* (Хуст., схід. Виногр, більшість сіл півд. Тячів.) ; *кôлôпéнниц'а, колóпник* (пивд.—схід. Іршав., півн. Виноград.). Майже для всіх цих назв знаходимо паралелі і в інших говірках української мови, див. словники Б. Грінченка, Є. Желехівського та інш. Відносний прикметник має звичайну форму : *кôнб'пл'аний (-ый), кôлб'пн'аный (-ий);* пест.-зм. *колопен'кú (-ы), конопел'кú (-кы).* У сс. В. Бичків, Росішка, Луг та ін. (Рахів.) засвідчено *колопéнниц'а* — 'рослина Lamium purpureum L.'[67] Як пояснюють, рослина ця дістала таку назву тому, що особливо любить рости на полі, з якого зняли коноплі. У цих же говірках (південна Рахівщина) вживається ще *колопéнник* — як назва птаха Cintlus ; назва дана тому, що цей птах дуже любить насіння конопель.

46. Для Nicotiana L. тютюну (рослини і продукту) по говірках вживаються назви : *т'ут'ýн* (Рахів., за винятком півд.-зах. частини), *табáка* (півд. Рахів.), *зеленéц* (Рахів.), *пáч'ка* (Рахів.), *догáн* (півд.-схід. Ужгор., Мукач., Сваляв., Іршав., захід. Міжгір., Берег., Виногр., захід. Хуст.), *дôвгáн* (В. Березн., Перeч., півн.-зах. Ужгород., Волов., півд.-схід. Міжгір., Тячів., схід. Хуст.) ; *бакýн* (як назва окремого досить міцного тютюну фіксується переважно у говірках східних та північних районів). Як видно з сказаного, у говірках Рахівщини факультативно вживається дві, а нерідко і три назви для цієї рослини.

На досліджуваній території, як і в інших місцях України і взагалі в Європі, це порівняно недавня культура. В Європу завезли її португальці з Америки не раніше середини XVI ст.; на Закарпатті, як свідчать писані пам'ятки та історичні дані, тютюн появився десь у XVII ст.; у Мараморощині ж, можливо, ще у другій половині XVI ст., куди він міг потрапити з Семигороддя (туди його завезли турки в 1576 р.).[68]

[65] Див. *Й. О. Дзендзелівський,* Лінгвістичний атлас, карта № 75.

[66] Див. Є. *Грицак,* Лексика с. Сушиці Рикової у Старосамбірщині. Літопис Бойківщини 10 : 106.

[67] Назви флори, утворені від слова *коноплі ~ колопні,* широко відомі і в ряді інших місць України ; див. хоча б *М. Мельник,* Українська номенклатура вищих рослин 327.

[68] *О. Мицюк,* Нариси з соціально-господарської історії Підкарпатської Русі 2 : 219.

Назва *т'ут'у́н*, крім закарпатських, широко відома у багатьох інших говорах і є нормою літературної мови. Укр. *тютюн* < тур. *tütün*. Через українське посередництво біл. діал. *цюцюн* та рос. діал. *тютюн*. З тур. *tütün* також пол. *tytoń, tytuń'*, серб. *тутун*, болг. *тютюн*, рум. *tutun*, молд. *тутун*. Біл. *тытунь*, як свідчить його вокалізм, — полонізм; пор. пол. діал. *tytuń*. Не виключена можливість, що на Закарпатті (Рахівщині) поширенню *т'ут'у́н* у якійсь мірі міг сприяти і румунський вплив.

Для *табака* паралелі знаходимо у багатьох інших українських діалектах, причому у двох варіантах: *табака* ж. р. (ця форма поширена головним чином у західних областях України) і *табак* ч. р. (Желех. 943; Грінч. 4 : 241). Укр. *табак*, очевидно, через посередництво рос. *табак*, яке (як і чес. *tabak*, словац. *tabak*, словін. *tabak, tobak*, пол. *tabaka)* з нім. *Tabak* (< іспан. *tabaco*, італ. tabacco) чи (штучного, наукового) лат. *tabacum*, а ці в свою чергу від *Тобако* чи *Тобаго* — назви острова[69] в Караїбському морі, звідки завезли цю культуру в Європу.

Доган і *до̂вга́н* — два варіанти однієї назви, друга форма постала з першої, очевидно, в результаті народної етимології: через зближення з *довгий*. Обидва варіанти засвідчені у місцевих писаних пам'ятках. Так, в Углянському збірнику «ключ» (кінець XVII ст.) — *довганъ*,[70] в толкуванні на євангельські читання з с. Вільхівці (XVIII ст.) — *доганъ*,[71] у календарі Югасевича 1806 р.: *оу Москви року х҃ва ах҃лд доганъ оуживати заказано было* (л. 124 зв.); *доганятимъ димомъ наполненъ* (л. 131). Паралелі для *дога́н* відмічаються у галицьких лемків — *дуган* (Верхр., Лемки 412), пор. також словац. діал. *dohán*, серб. *духан, дуван;* хорв. *duhan*, чес. *duvan* (див. словник Й. Юнгмана). Назва *дога́н* походить з мадьяр. dohány — 'тютюн', що у свою чергу через південнослов'янське (пор. серб. *духан, дуван)* посередництво зв'язане з осман.-тур. *duhān* (Bárczi 52), а це з араб. duhan (Lokotsch, EW. 539).

Зелене́ц на відзначеній території (Рахівщина) нерідко вживається як назва для окремого (гіршого) гатунку тютюну. Назва утворена від прикметникового кореня *зелен+ец;* можливо, для розрізнення з купованим тютюном. У ряді говірок Закарпаття (напр., Хуст. та ін.) *зе^{и}ле^{и}не́^{и}ц'* відоме із значенням 'ще неспілі фрукти і т. ін.', 'щось неспіле взагалі'; з таким значенням *зеленець* відоме також і в інших українських діалектах, напр. на Поділлі та ін.; пор. відзначене у словнику Б. Д. Грінченка *зеленцем* (прислівник) — 'в незрелом виде' (Гринч. 2 : 149).

Пач'ка у відзначених населених пунктах виступає як назва рослини і продукту, проте у ряді сіл (Коб. Поляна, Білин, Розтоки, Богдан та ін.,

[69] Проте є і інше пояснення цієї назви, див. *А. Кернер фон-Марилаун*, Жизнь растений. Спб. 1906, 2 : 719.

[70] Див. *Ю. Яворский*, Новые рукописные находки в области старинной карпаторусской письменности XVI—XVIII веков. Прага 1931, 77.

[71] Там же 55.

Рахів.) це слово частіше вживається на означення купованого тютюну в пачці. Як видно, назва з продукту в упаковці перейшла і на рослину.

Бакун, як відмічалося, у досліджуваних говорах вживається на означення певного гатунку тютюну. З таким значенням це слово широко відоме і в інших українських говірках (Грінч. 1 : 22). У письмових українських пам'ятках *бакун* відмічається з початку XVIII ст. (Тимченко, Істор. сл. укр. яз. 1 : 117). Походження цього слова не зовсім ясне. Н. Горяев, з одного боку, *бакун* пов'язує з назвою міста Баку (Горяев, Срав. этимол. сл. рус. яз. 38), а з другого боку — з англ. *baccy* (*tobacco*). М. Фасмер зауважує, що обидва ці припущення не пояснюють словотвір укр. *бакун*. Через укр. посередництво пол. *bakun*, *bakuń* (SJP. 1 : 86), рум. *bacon* (Şăineanu 40).

Висновки

1. Сільськогосподарські культури, які були відомі у праслов'янський і староруський період, у говорах Закарпаття звичайно мають загальноукраїнські (вони майже всі є спільнослов'янські) назви : *жúто*, *йачмíн'*, *овéс*, *прóсо*, *пшенúц'а*, *гóрóх* чи *орóх*, *бíб*, *рíпа*, *брýква* чи *брýкôв*, *мô'ркôв* чи *мóрква*, *рéд'ка* чи *рéд'кôв*, *мак*, *óгірок*, *кріп*, *кмін*, *хрін* чи *хрін'*, *чеснóк* чи *часнóк*, *часнúк*, *лен* чи *л'он*, *кôнô'пл'і* чи *кôлô'пн'і*, *колóпн'і*, *гірчúц'а*, *хміл'*. Проте є випадки, коли давні староруські чи праслов'янські назви на певній частині досліджуваної території витиснені і замінені відповідними іншомовними. Серед них мадьяризмами: *лéнча*, *кýлешка*, *кéмин'моґ* (ці дві останні назви порівняно зовсім на незначній території в районі найтіснішого контакту з мадьярським населенням) ; полонізми (у тому числі і ті, що через польське посередництво) : *квак* чи *квака*, *цибул'а* (це останнє взагалі германізм) ; чехізм : *ч'ô'ч'ка*.

2. Ті культури, які на Закарпатті (як і взагалі на Україні, в Європі) появилися пізніше (які було завезено з країн Азії, Африки, Америки т. н.), у досліджуваних говорах мають у переважній більшості назви, відмінні від літературної мови. Походження (етимологічна приналежність) цих назв визначається, як правило, тим, звідки (через чиє посередництво) дана культура потрапила на Закарпаття. Зрозуміло, чому серед цих назв найбільше мадьяризмів (у тому числі і ті, що через мадьярське посередництво) : *крýмпл'і* чи *крô'мпл'і*, *тенґерúц'а* чи *кендерúц'а*, *дôгáн*, *нôпрôфôрґý(в)* чи *фôрґý(в)*, *парадúчка*, *цýкорріпа*, *тô'лôвріпа*, *шалáта*, *цúйкла* чи *цвéʷйкла*, *цéкла*, *ґéреґдин'а*, *колорáба* чи *колорáб*, *королáба*, *королáб*, *пічô'вка* чи *чічô'вка*, *сôвйа* та ін.[72] З інших відзначимо словакізми : *бурґундíйа*, *слунíчни'к* чи

[72] У плані вивчення слов'яно-мадьярських мовних і взагалі культурних взаємозв'язків цікаво відзначити, що у мадьярській мові серед сільськогосподарської термінології, зокрема назв культур, значне місце займають слов'янізми. Напр.: *dinnye* — 'диня', 'кавун', діал. 'гарбуз', 'кабак' (у письмових пам'ятках фіксується з XI ст., див. *Kniezsa*

слонічник; румунізми : *мелáй, кукурýдз;* полонізми (в тому числі і ті, що через польське посередництво) : *бýл'а, фасо́л'а, пасте^{и}рнáк* чи *пастырнáк, табáка;* тюркізми : *т'ут'ýн, гарбýз* чи *гарбýдз* (значення 'картопля', очевидно, пояснюється тим, що потрапило через посередництво якихось інших говорів), сербо-хорватизм : *пасýл'а,* хоч пор. і мадьяр. *paszuly.*

3. Серед назв нових сільськогосподарських культур засвідчується певна частина і загальноукраїнських (літературних) : *со́'н'ашник* чи *со́'н'ачник, грéчка, бурáк.*

4. Серед назв нових сільськогосподарських культур мають місце вузьколокальні (закарпатські назви) не іншомовні запозичення : *мíс'ачник, пекýчка* або *пекáчка, гризýчка* або *гризáчка, гризýча дúн'а* та ін.

5. У зв'язку з введенням нових сільськогосподарських культур в радянську епоху появилися неологізми : *сóйа, баклажáн* чи *баклажáна.*

6. Значна частина ізоглос діалектних назв (в тому числі і іншомовного походження) досліджуваної лексичної групи говорів Закарпаття продовжується у сусідніх галицьких, зокрема бойківських, гуцульських, лемківських та ін. говорах : *бýл'а, йáрец', малáй, тенгерúц'а, кáрпéл'а, шалáта, чеснóк, кмін', крóпец', копéр, лен, колóпн'і, догáн, хмилинá* та ін. Як видно з самого характеру цих назв, частина з них є такими, що з інших українських говорів були запозичені закарпатськими (напр. *бýл'а),* частина ж, навпаки, із закарпатських (чи через їх посередництво) були засвоєні галицькими (можливо, *тенгерúц'а, догáн, шалáта),* нарешті, частина таких, які і закарпатськими і галицькими були взяті з спільного третього джерела, наприклад, з словацьких чи польських говорів — *кáрпел'* чи *кáрпé^{и}л'а;* з польських — *квак* чи *квáка.* Все це (а також відзначене у п. 3), безперечно, є одним з досить

1 : 155—156 ; *Bárczi* 51), *lencse* — 'чечевиця' (у письмових пам'ятках фіксується з XII ст., див. *Kniezsa* 1 : 312 ; *Bárczi* 189), *rozs* — 'жито' (з XIII ст.) *bab* — 'біб' (з поч. XIII ст.), *répa* — 'ріпа' (з поч. XIV ст.), *káposzta* — 'капуста' (з XIV ст.), *len* — 'льон' (з XIV ст.), *retek* — 'редька' (з XIV ст.), *gabona* — 'хліб, зерновий хліб, жито' (з XV ст.), *kapor* — 'кріп' (з XV ст.), *uborka, ugorka* — 'огірок' (з XV ст.), *tök* — 'тиква', 'гарбуз' (з XV ст.), *paszkonca* — 'плоскінь' (з поч. XVI ст.), *repce* — 'суріпок, ріпачок'; пор. укр. діал. *рíпиця* (з XVI ст.), *paprika* — 'перець' (з XVIII ст.), діал. *prósza, porósza, poróca, próha* — 'вид коржа з кукурудзяної муки' (Szinnyei, Magyar tájszótár 2 : 217—218) (з XVIII ст.), *paszuly* — 'квасоля' (з поч. XIX ст.), *széna* — 'сіно' (з XI ст.), *szalma* — 'солома' (з XI ст.) та ін. Особливо важливо підкреслити, що серед цих назв майже всі давні, тобто назви таких культур, які були відомі слов'янам до IX ст. (тобто до приходу мадьяр на їх нову батьківщину). Ті ж культури, які в Угорщині (і взагалі в Європі) поширилися в пізніші часи, у мадьяр (за окремими винятками) неслов'янської етимології. Цей список слов'янізмів у мадьярській мові значною мірою поповнюється і іншими сільськогосподарськими термінами : *csoroszlya* — 'чересло' (з XIV ст.), *lemez* — 'леміш' (з XIV ст.), *csép* — 'ціп' (з XIV ст.), *kasza* — 'коса' (з XIV ст.), *borona* — 'борона' (з XVI ст.), *gereblye* — 'граблі' (з XIV ст.), *lapát* — 'лопата' (з XIV ст.), *kalapács* — 'молоток' (з XIV ст.), *asztag* — 'скирта, стіг' (з XIV ст.), *kazal* — 'стіг, скирта'; пор. словац. *kozel* — 'стіг' (Kálal 928) (з XV ст.), *kalangya* — 'копиця сіна', 'копа' (11—13, або 26 снопів) ; пор. укр. *клань* ж. р., *кланя, кланя, клáдн'я, клан'н'а, кладен'* (з XIV ст.), *parlag* — 'пар'; пор. укр. *переліг* (з XIII ст.), *barázda* — 'борозна' (з XI ст.), та ін. Подібна картина в галузі сільськогосподарської лексики і в румун та молдаван. Наведені дані переконливо свідчать, що мадьяри культуру землеробства у значній мірі перейняли від слов'ян.

переконливих свідчень про тісні виробничі, культурні та інші взаємозв'язки Закарпаття як з Наддністрянщиною, так і Наддніпрянщиною.

7. Певна частина давніх (спільнослов'янських) і пізніших назв описуваної лексичної групи на всій чи на певній частині досліджуваної території в силу певних обставин змінила своє значення : *пína*, *дúн'а*, *гарбýз* та ін.

Ужгород (СРСР)

Список скорочень

Bárczi	— *Bárczi G.*, Magyar szófejtő szótár. Budapest 1941.
Berneker, SEW.	— *E. Berneker*, Slavisches etymologisches Wörterbuch. B. I. Heidelberg 1924.
Brückner, SE.	— *A. Brückner*, Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków 1927.
Будилович	— *А. Будилович*, Превобытные славяне в их языке, быте и понятиях по даным лексикальным. Чч. I—II.
Buffa	— *F. Buffa*, Nárečie Dlhej Lúky v Bardejovskom okrese. Bratislava 1953.
Верхр. (Лемки)	— *І. Верхратський*, Про говір галицьких лемків, Львів 1902.
Holub—Kopečný, ES.	— *J. Holub—F. Kopečný*, Etymologický slovník jazyka českého. Praha 1952.
Грінч.	— *Б. Д. Грінченко*, Словарь української мови. Тт. I—IV. Київ 1907—1909.
Даль	— *В. Даль*, Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. IV. Тт. I—IV. СПб. 1912—1914.
Желех.	— *Є. Желехівський*, Малоруско-німецкий словар. Львів 1886.
Kálal	— *M. Kálal*, Slovenský slovník z literatúry aj nárečí. Banská Bystrica 1924.
Kniezsa	— *Kniezsa I.*, A magyar nyelv szláv jövevényszavai. I. Budapest 1955.
Lokotsch, EW.	— *K. Lokotsch*, Etymologisches Wörterbuch der europäischen (germanischen, romanischen und slavischen) Wörter orientalischen Ursprungs. Heidelberg 1927.
Machek, ES.	— *V. Machek*, Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha 1957.
Miklosich, LP.	— *F. Miklosich*, Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae 1862—1865.
Miklosich, EW.	— *F. Miklosich*, Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien 1886.
Младенов, ЕР.	— *С. Младенов*, Етимологически и правописенъ речникъ на българския книжовенъ езикъ. София 1941.
Преображенский, ЭС.	— *А. Г. Преображенский*, Этимологический словарь русского языка. М. 1958.
SJP.	— *J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki*, Słownik języka polskiego. Tt. I—VIII. Warszawa 1900—1927.
Sławski, SE.	— *Fr. Sławski*, Słownik etymologiczny języka polskiego. T. I. Kraków 1952—1956 ; t. II. zeszyt 1. Kraków 1958.
Срезн., Мат.	— *И. И. Срезневский*, Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Тт. I—III. СПб. 1890—1912.
Czambel	— *S. Czambel*, Slovenská reč a jej miesto v rodine slovanských jazykov. Od. I. Sv. M. 1906.
Şăineanu	— *C. Şăineanu*, Dictionnaire roumain—français. IV-e édition. Bucarest 1936.
Шух.	— *В. Шухевич*, Гуцульщина, Чч. I—V. Львів 1899—1908.

Jovan Pačićs „Liedersammlung"

I. Póth

In der Handschriftensammlung der Budapester Universitätsbibliothek befindet sich, unter der Signatur H 45, ein umfangreiches Manuskript des serbischen Dichters Jovan Pačić, das den serbischen Literaturhistorikern nicht bekannt zu sein scheint. Diese Handschrift von fast dreihundert beschriebenen Seiten enthält einige bisher unbekannte Originalstücke und Übersetzungen des Dichters sowie auch neue Angaben über sein Leben, und verdient jedenfalls der Vergessenheit entrissen zu werden.[1]

Jovan Pačić wurde 1771 in Baja (Batschka, Ungarn), in der kleinen Stadt an der Donau, dem Geburtsort von Joakim Vujić und Bogoboj Atanacković, geboren. Als Sohn armer Eltern trat er nach Beendigung des Gymnasiums in die Armee, in der er später Offizier wurde. Pačić nahm an den verschiedenen Feldzügen Österreichs Teil. So kämpfte er auch gegen Napoleon und wurde in der Schlacht bei Wagram (1809) schwer verwundet. In Rußland, wo er als Rittmeister den österreichischen Hilfstruppen Schwarzenbergs zugeteilt war, erlitt er (1812) üble Erfrierungen, so daß er bald nach seiner Heimkehr in den Ruhestand treten mußte.[2] Dann lebte er in Novi Sad (Neusatz), Dunaföldvár, Győr (Raab) und später — bis zu seinem im Jahre 1849 eingetretenen Tode — in Buda (Ofen).[3]

Pačić war ein gebildeter Mann, der etwa zehn Sprachen kannte und in mehreren Sprachen — serbisch, deutsch, ungarisch, französisch — Gedichte schrieb. Er war ein lebensfroher Mensch, der Lieder, Frauen, den Wein und selbstverständlich auch die Poesie liebte. Seine Gedichte erschienen in den

[1] Über Pačićs verschollene Manuskripte berichtet Jakov Ignjatović im Artikel *Tri srpska spisatelja*. Vgl. Odabrana dela Jakova Ignjatovića. Knjiga VII. Članci. Novi Sad (Matica srpska) 1951, 212—247.

[2] Nach Šafařik wurde Pačić 1815 pensioniert. Vgl.: Šafařik, Geschichte der serbischen Literatur. Prag 1865, 353.

[3] Vgl.: V. Nikolić, Jovan Pačić. Brankovo Kolo 1902. No. 15, 17, 19, 21, 23, 25/27. — Pačić ist am 4-ten Dezember 1849 gestorben. Die Angabe, daß sein Tod während den Kämpfen um Buda eingetreten wäre — der man bei Ignjatović, Nikolić und in Stanojević, Narodna enciklopedija srpsko-hrvatsko-slovenačka. III. (lat.) Zagreb 1928, 311 begegnet — ist unrichtig, denn die letzte ungarische Einheit, die sich den österreichischen und russischen Truppen ergab, war die Besatzung von Komárom Anfang Oktober 1849. Im Dezember konnte also von keinen Kämpfen mehr die Rede sein.

zwanziger, dreißiger und vierziger Jahren des vorigen Jahrhunderts in den verschiedenen serbischen Zeitschriften und Zeitungen, die im damaligen Ungarn, hauptsächlich in Pest, herausgegeben wurden, wie in Сербскій Лѣтописъ, Пештанско Будимскій Скоротеча, Сербскій Народный Листъ u. s. w. Im Jahre 1827 erschien ein umfangreiches Buch seiner Gedichte: Сочиненія пѣснословска Јоанна Пачича ц. к. 1-гь капетана коньичкогъ, садержающа Любицу, или Како покой ме бѣжи. 1-ва частица. Пѣсны любовне 2-ра частица. Смѣсице 3-а частица. *Gedichte von Pacsics.* У Будиму писмены Крал. Всеучилища Пештанскогъ. 1827. Außerdem verfaßte er in Zusammenarbeit mit Jan Kollár ein Werk unter dem Titel: „Именословъ или рѣчникъ личны имена разны народа славенски. Скупіо Јоаннъ Пачичъ а умножіо латінскомъ ортографіомъ изразіо и примѣчанія додао Јоаннъ Колларъ. Издао Іосифъ Миловукъ. *Namenlexicon der Slaven.* У Будиму словима Кр. Всеучил. Пештанскогъ. 1828.

Pačićs poetisches Schaffen kennzeichnen vor allem Liebesgedichte in leichtem, tändelndem Rokoko-Stil, Gelegenheitsgedichte, wie Oden, die er an verschiedene Persönlichkeiten richtete, und Epigramme. Viele seiner Gedichte haben einen echten dichterischen Wert. Mladen Leskovac nahm von Pačićs Gedichten sieben in seine Anthologie der älteren serbischen Dichtung auf (*Antologija starije srpske poezije.* Matica srpska (1953(?)). Leskovac schreibt im Vorwort dieses Buches — das übrigens sehr wertvolle Angaben und empfehlenswerte Feststellungen über die serbische Poesie dieser Periode, der Periode vor Branko Radičević enthält — unter anderem: ». . . auf seine [Pačićs] sieben Gedichte in dieser Anthologie würde sogar eine reichere Literatur, die auf einer höheren Stufe der Entwicklung steht, als unsere in den Jahren zwischen 1816 und 1825, als diese Gedichte vorzugsweise entstanden, schwerlich verzichten . . . Es scheint mir, auch heute wären wir noch ohne diese sieben [Gedichte] von Pačić ärmer.«[4]

Obwohl also Pačićs poetisches Schaffen nicht ohne künstlerischen Wert ist, geriet er und auch sein Werk bald in Vergessenheit. (Jovan Skerlić erwähnt ihn in seiner *Istorija nove srpske književnosti* überhaupt nicht.) Pačić konnte sich, wie die meisten serbischen Intellektuellen seiner Generation, von der künstlichen slaveno-serbischen Sprache nicht lossagen, und als die serbische Volkssprache das Bürgerrecht in der Literatur gewann, büßten alle Anhänger der veralteten Sprache ihr früheres Ansehen ein; sie wurden in den Hintergrund gedrängt und allmählich vergessen. 1847 war der erste Band von Branko Radičevićs Gedichten erschienen, und diese leicht fließenden Verse in der Sprache des einfachen Volkes ließen die Vorgänger — von denen auch Radičević so manches gelernt hatte[5] — vergessen. Doch, um das Schaffen Radičevićs

[4] M. Leskovac, Antologija starije srpske poezije. Matica srpska. Novi Sad (?) 1953 (?), S. XXIX.

[5] Vgl. M. V. Bogdanović, Naša građanska lirika u XVIII veku. Srpski književni glasnik. Nova serija, knj. XXIII, 506—516.

wirklich zu verstehen und um sein Werk in die historische Entwicklung der serbischen Poesie und Literatur richtig einreihen zu können, wäre es nötig die dichterischen Errungenschaften seiner Vorgänger näher zu beleuchten. Möge der vorliegende Artikel ein kleiner Beitrag dazu sein.

Pačićs Manuskript ist ein dickes Heft von etwa fünf- bis sechshundert Seiten, von denen 295 paginiert und 294 auch beschrieben sind. Die Einbanddecken aus Pappe sind bunt, der Buchrücken fehlt. Das nicht paginierte Titelblatt ist mit Wasserfarbe bemalt (Pačić war auch Maler!) und trägt in deutscher Sprache die Überschrift: »*Lieder Sammlung.*« Auf der Rückseite des Titelblattes steht: »*zum Andenken und stetter Erinnerung an Therese Szabady vom Joann Pacsics Año 1805.*« Die hier angegebene Jahreszahl bedeutet nur, den Anfang von Pačićs Eintragungen, die dann im Laufe von mehr als vier Jahrzehnten zu einer ansehnlichen Sammlung anwuchsen.

Die Handschrift enthält 160 Lieder und Gedichte in deutscher Sprache, von denen vierzehn Übersetzungen sind: sechs aus dem Serbo-kroatischen, fünf aus dem Ungarischen und je eine Übersetzung aus dem Russischen, Französischen und Italienischen; 32 Gedichte in slaveno-serbischer Sprache, davon dreizehn Übersetzungen: sieben aus dem Französischen, drei aus dem Deutschen, und je eine aus dem Lateinischen, Italienischen und Ungarischen; 16 Stücke in ungarischer Sprache, davon vier Übersetzungen: drei aus dem Deutschen und eine aus dem Serbischen; 7 in französischer, 3 in lateinischer und 1 Gedicht in italienischer Sprache. Zusammen 219 Lieder und Gedichte. Außerdem enthält unsere Sammlung noch 2 Grabschriften.

Im folgenden gebe ich einen kurzen Überblick über die fremdsprachigen Lieder und Gedichte und veröffentliche dann die in slaveno-serbischer Sprache abgefaßten Stücke, da Pačić vor allem der serbischen Literatur, der serbischen Poesie angehört.

Bei einigen Gedichten führt Pačić den Verfasser an, wie: »Dr. Lamny, Ludwig Bleibtreun, Jaksch«.[6] An anderen Stellen bemerkt er, von wem oder wo er das Gedicht oder Lied erhalten hat; z. B. »...Georg v. Jabrutzi... verehrte mir dieß Lied zu Uj-becs im Banat 1798« lesen wir nach dem Lied *An Elisas Grab* (S. 25); »Aus der Wochenschrift. Der Beobachter. 1. Band. 4. Heft.« schreibt er nach dem Gedicht *An die Freundschaft* (S. 46); »Dies, und das vorgehende Lied brachte ich aus Siebenbürgen von Hermannstadt mit« steht nach dem Liede *Der blöde Geliebte* (S. 60); »Aus dem Singspiel. Das Neusontagskind« nach dem Gedicht *Der Geist, eine Romanze* (S. 52).

Einigen Liedern fügt Pačić Noten hinzu, z. B. zum *Prager Bürger Marsch* (S. 54) und zum *Natur Wechsel* (S. 66). Bei anderen gibt er die Melodie an, z. B. »*Lied* auf die allgemein beliebte Arie *Freut euch des Lebens*« (S. 79) oder

[6] Über Bleibtreun und Jaksch vgl. Goedeke, Grundriß ... VI. Band, 7. Buch, 1. Abteilung, 572 und 764. Über dr. Lamny fand ich keine Angaben.

»*Mein Hañchen*. Auf die Arie *Mein Veter Michel liebet mich*« (S. 87). An anderen Stellen gibt er Anweisungen zum Singen, z. B. »...die beiden letzten Zeilen werden piano repetiert und der Chor repetiert es gleichfalls aber forte...« (S. 40).

Eine Anzahl von den deutschsprachigen Gedichten in dieser Handschrift sind allenfalls Pačićs eigene Arbeiten, so z. B. die Ode »*Dem Herrn Paul Joseph Schaffarik*«[7] (S. 165) — die mit der Bemerkung: »Geschickt... nach Prag an Freund Schaffarik« versehen ist — und das *Lied von mir* (S. 152—155). Zur Bestimmung der Entstehungszeit dieser Gedichte bietet die Handschrift sichere Anhaltspunkte. Sie wurden zwischen 1815 und 1834 aufgezeichnet. Auf S.145 schreibt nämlich Pačić, daß er die vorangehenden französischen Lieder am 23-sten September 1815 abgeschrieben hat; nach dem Gedicht *Einer Schönen zu Raab* auf S. 191 steht wieder »Im Jahre 1834«. Die beiden obigen Gedichte kamen also zwischen diesen beiden Zeitpunkten in die Sammlung. Die Entstehungszeit der Ode an Šafařik kann noch näher bestimmt werden. Da es bekannt ist, daß Šafařik aus Novi Sad nach Prag im Jahre 1833 übersiedelte, und Pačić ihm seine Ode dorthin übersandte, so kann dieses Gedicht nur im Jahre 1833 oder 1834 entstanden sein.

Um Pačićs dichterische Übung und Stilfertigkeit in der deutschen Poesie zu veranschaulichen, teile ich hier die beiden obengenannten Gedichte mit:

Dem Herrn Paul Joseph Schaffarik

Unsrer Freunden stets gedenken,
Ist empfinden ew'ge Lust
Uns in tiefen Schmerz versenken
Wird der[s] wahren Freunds Verlust.

Laßt daher uns ja nicht glauben,
Daß der Freundschaft süßes Band
Einst der Tod uns könnte rauben,
Das für jenseits auch uns band.

Wunsch der Herzen, aller Freude,
Schatz des unbeglückten du!
Selbst der Weise sucht im Leide
Nur in deinem Schose Ruh.

Zu verschönern unser Leben,
Zuzulächeln uns im Grab',
Hast vom Himmel dich begeben
Freundschaft! Du zu uns herab.

Geschichkt durch eine Mamseln von Prag nach Prag an Freund Schaffarik.

[7] 1832 erschien eine Ode von Pačić an Šafařik in slaveno-serbischer Sprache. S. Serbskij Lětopis 3 (1832) 45—47.

Lied von mir

Bin Ich vom Glücke
Zuweil velassen,
Sollt' es mit Tücke
So gar mich hassen ;
Ich flieh' die Trauer,
Genieß' das Leben :
Denn kurze Dauer
Ist mir gegeben.

Mit Ruhm bedeket
Ist Einer heute,
Den morgen streket
Der Tod als Beute :
Bin drum zufrieden,
Bin auch geduldig,
Man ist hienieden
Sogar es schuldig.

O! Wer beständig
Nur Glück verlanget,
Ist nicht verständig :
Unglück das banget
Mich nicht, und zehret :
Es kann nichts werden,
So ewig wehren
Allhier auf Erden.

Die Großen, Reichen,
Die Stolzen, Schönen,
Und mehr dergleichen,
So hoch sich währen,
Verzweifeln oft ja
Vom Glück verlassen
Ich weiß euch auch da
Sogleich zu fassen.

Ich neme die Pfeife,
Das Buch, die Flasche,
Zuweilen ergreife
Die Jäger-Tasche :
Besuch die Schönen
Vor Morgenröthe,
Und laß ertönen
Meine holde Flöte.

O! führen Schlemmer
Und Praßer Klage
Sie essen Lämmer
Nicht alle Tage,
Das karge Essen,
Das ich geniesse
Mit Lust gegessen
Schmeckt zuckersüße.

Und geh't zuweilen
Es über und drüber
Die Zeiten eilen
Und geh'n vorüber :
Ich denk, es kommen
Dann beß're Zeiten
Was können frommen
Mir Traurigkeiten?

Hab mich begeben
Wo's fröhlich gehet ;
So thu Ich leben
Wie sich's verstehet
So recht gefällig
Dem Wirt, und Gaste,
Und bin gesellig
Wenn Ich auch faste.

Wenn andre lügen
Und artig spotten,
Sogar betrügen
Mit Scherz, und Spotten :
So mein' vom Herzen
Ich gut mit Allen,
Mich kann s nur schmerzen
Thu' Ich mißfallen.

Ich lob die Schönen
Wenn sich nur schicket ;
Die auch mich höhnen,
Mich hat umstricket
Bisher nur Eine,
Die soll mich leiden,
Und lieben alleine :
Doch Andre meiden.

Unter den Gedichten in ungarischer Sprache befinden sich in unserem Manuskript zehn solche, die Pačić unter dem Einfluß des ungarischen Dichters

Dániel Berzsenyi[9] verfaßte, oder — wie er selbst sagt[10] — Berzsenyis Gedichten hinzufügte. Berzsenyi richtete unter anderem eine Epistel an den zweisprachigen ungarisch-serbischen Dichter Mihailo Vitković—Vitkovics Mihály (1778—1829) und zu diesem Gedicht fügte Pačić folgende Verse hinzu :

A — Vitkovics Mihály — hoz
Jó Berzsenyi! teveled tiszteltek
Vitkovicsunkat sok jó társai,
Több koszorús, és hires dallosok ;
De kit is méltábban tisztelhetnek,
A rokon lantod arany hurjai?!?
Két nyelvel szólt belőle Istenség,
Danúlt hazánk törvényes nyelvével
Szerb hangokkal nemes érzését!
Szerb ugyis volt Magyarok frigyesse.
'S van egy Istenünk, királyunk, hazánk.

Obwohl die Vielsprachigkeit von Pačićs *Liedersammlung* für die Beurteilung seines literarischen Gesichtskreises von Bedeutung sein kann und allerdings von einem vielseitigen Interesse für Poesie zeugt, so interessieren uns doch in erster Linie seine Gedichte in slaveno-serbischer Sprache, um so mehr, als wenigstens einige von ihnen das Urteil von M. Leskovac zu rechtfertigen scheinen und dem Dichter seinen entgültigen Platz in der serbischen Literaturgeschichte sichern.

Das erste serbische Gedicht Pačićs finden wir am Anfang der Handschrift auf S. 10 und sogleich danach auf S. 13 folgt das zweite. Dieser Umstand ist bedeutend, weil aus ihm ersichtlich ist, daß Pačić schon früher, als bisher angenommen wurde, serbische Gedichte schrieb.[11] Auf S. 21 wurde nämlich die fünfte Strophe des Gedichts *Lieben ist kein Verbrechen* später eingeklebt und mit folgender Bemerkung versehen : »Diese letzte Strophe hatte ich seit 1794 vergessen, und den 4 Juli 1806 erinnerte mich darauf der Mathias Czink.« Daraus ist ersichtlich, daß dies Gedicht nicht Pačićs Original ist und — was viel wichtiger ist — daß die ersten vier Strophen vor dem 4-ten Juli 1806 abgeschrieben wurden. So sind also die zwei vorhergehenden serbischen Gedichte auch vor diesem Zeitpunkt, im Jahre 1805 oder in der ersten Hälfte des Jahres 1806, entstanden. Das erste von ihnen heißt :

[9] Dániel Berzsenyi (1776—1836), ein ungarischer Schüler des Horaz, der bedeutendste Vertreter der sogenannten klassischen Schule, schrieb hervorragende Oden, Elegien, Episteln in klassischer Form, aber meistens schon mit romantischem Inhalt in einer kraftvollen, gedrungenen Sprache. Seine Gedanken und Gefühe brachte er in herrlichen poetischen Bildern, plastischen Tropen zum Ausdruck.

[10] „Midőn a Berzsenyi verseit olvastam ezeket hozzá adtam, ugy mint . . ." («Als ich Berzsenyis Gedichte gelesen habe, habe ich folgende hinzugefügt, so wie . . .») — lesen wir vor den zehn Gedichten in ungarischer Sprache auf S. 178 unserer Handschrift.

[11] M. Leskovac denkt, daß die meisten Gedichte von Pačić zwischen 1816 und 1825 entstanden sind, vgl. M. Leskovac a. a. O. 209. — V. Nikolić erwähnt, daß Pačic wahrscheinlich schon vor 1813 Gedichte geschrieben hat, vgl. Brankovo Kolo No. 17, 532—33.

Ф : *Θ*ерезій Сабади

Защω? Затω.

Защо моѕ Сердце вене
Ружо затобомъ?
каде твоѕ очи мене
мамѫ̆ засобомъ.
Защо твоя уста медна
мене текъ любе?
кадъсѫ̆ моя ѕдва вредна
дате полюбе.
Защо, мила Ружо! весма
тако руменишъ?
тихо кадъ ти, кано чесма
мени жуменишъ.
Зашъ пакъ стрепи Сердце твоѕ′
покрай Сердца могъ?
кадъсе склопе Руке моѕ′
око тѣла твогъ
Зашъ ти моѕ Іме везешъ
с твоимъ заедно?
кадъ свомъ Сердцѫ̆ моѕ′ вежешъ
творишъ пакъ ѕ′дно.
Защо моѕ′ сузе текѫ̆?
кадъте полюбимъ,
ѕ′рсе боимъ умомъ Вѣкѫ̆,
дате изгубимъ.

Све то Ружо ѥсте зато,
ѥрте милуемъ
веѣма него бело Злато,
ѥрте пощуемъ
Ізъ бисерногъ ѥрби блага
тебе изабраω
Самуб' тебе, мила Драга!
а не бисеръ браω.
Зато Ружо сузе моѕ′
само некъ текѫ̆
ѕ′рти другомъ Сердце твоѕ′
даде и Рукѫ̆.
Облюбила ѕ′ръ ти ѕ′си
другогъ Среѣнога,
ѕ′ръ ти любитъ могла ниси
мене тужнога.
Кои тебе тако вѣрно
любитъ премъ да ти
могласими лицемѣрно
муке задати.
Дакле, кадъме ти остави
немилосерднω
дате Среѣнѫ̆ Богъ постави
желимъ усерднω.

(10—12)[12]

Dieses Gedicht — das vielleicht überhaupt als Pačićs erstes serbisches Gedicht zu betrachten ist — erinnert an sein *Зачто*, gedruckt im Bande 1827 (S. 122) :

Зачто

Зачто мое сердце вене
Ружо! красна затобомъ?
Очи каде твое мене
Маму нѣжно засобомъ.
Зачто ѕсу твоя уста
Мени слад'я него медъ?
Еръ се бистри кровъ ми густа,
Скорби с' отъ ны крави ледъ.
Зачт' румени Дѣво милла
Равно ружи образъ твой?
Кадъ бы мени бесѣдила,
Обликъ зачто блѣди мой?

Зачто стрепи сердце твое
Покрай жельногъ сердца могъ?
Кадъ се руке склопу мое
Виткогъ окол' струка твогъ.
То све Ружо! ѥсте зато,
Любимъ ѥръ т', и милуемъ :
Скупоцѣно нетьу злато :
Саму теб' изискуемъ.
Еръ изъ свегъ бы мїрскогъ блага
Едну тебе изабрао,
И за жену милла Драга
Едину те заискао.

[12] Die Zahlen nach den Gedichten sind die Seitenzahlen der Handschrift.

Abgesehen von der engen inhaltlichen Verwandtschaft, stimmen in beiden Gedichten mehrere Zeilen derart überein, daß die in unserer Handschrift erhaltene Variante als eine frühere Fassung des in Druck erschienenen Liebesgedichtes gelten kann.

Das zweite von Pačićs serbischen Erstlingen ist:

Сузни Разстанакъ.

С'Богомъ с'Богомъ Драга!
осимъ свега Блага.
С'Богомъ ти Невѣсто!
і ти драго мѣсто!
гди на свѣтъ постадо
гди любитъ настадо.
Кано Смртъме проће
Указъ кадъ намъ доће
дасе преправимо
і Походъ управимо
Горе на Француза
потечеми Суза
ѕ′рсе раставити
тебе оставити
моратиħу яданъ
Сутрашни я вечъ данъ.
Кадъсе на путъ дигнемъ
і у таборъ стигнемъ
тебе поминяти
горкоħу сумняти,
і питати себе
ко садъ герли тебе?
С'кимсе ти шеташъ
і лако полеташъ
с'кимъ у вече седишъ
і тихо беседишъ
такоħу я тужитъ
Цара вѣрнѡ служитъ.
У мирѡ простимсе
пакъ куħи вратимсе,
а кадъ доħемъ куħи
*Униформъħу свуħи:
весело певати
а ти ѡтпевати
Весели славни Рай!
прекрасни Бачки Крај!

Бая деликатна
будинамъ приятна
Животъ провести
Драгу довести,
У теби я желимъ
Сердцемъ моимъ целимъ.
С'Богомъ Родителю!
Велій Приятелю!
С'Богомъ Браħо! і ви
да останете Сви.
Сестре! друзи мили!
коистеми били.
С'Богомъ Сви остайте!
менисе надайте
Даръ Богу носите,
ѡт нѣга просите:
дами баремъ каде
Васъ, и Драгу даде.
Аколъ пакъ ѡтреди
даѕ′ странъ наследи
тай некъ буде таки
у любови яки,
умилятъ, умѣранъ,
и ньой (?) самой вѣранъ
я као чтосамъ биѡ,
ню кадъсамъ любиѡ.
І каѡ щоħу бити,
ако и добити
я ню моħи неħу:
нека баремъ Среħу,
Бисеръ, Сребра, Злата,
(доста као Блага)
и покой получи
пакъ Себе научи
ш'ніьме мирнѡ живитъ
мене заборавитъ.

*Войничко одѣло ѕднакости ради тако нареченно. (Pačićs Anmerkung.).

Dieses Gedicht enthält einige Hinweise über das Leben des Dichters. Es ist offensichtlich damals entstanden, als Pačić aus seinem Geburtsort Baja in den Krieg gegen Napoleon ziehen mußte.

Nach diesen beiden serbischen Gedichten am Anfang des Manuskripts, finden wir das nächste *Пиянацъ и Жена. Двое-Пѣнїе по латинскомъ Пѣнїю* erst auf der 215-ten Seite. Diese Übersetzung ist, samt den darauf folgenden Gedichten und Übersetzungen, viel später als die beiden serbischen Erstlinge der *Liedersammlung* entstanden. Ihre Chronologie läßt sich wieder an Hand Pačićs Eintragungen feststellen. Auf S. 191, nach dem Gedicht *Einer Schönen zu Raab* befindet sich die Anmerkung: *Im Jahre* 1834 und auf S. 224—226 die Grabschrift von Joann Birkle (in lateinischer und deutscher Sprache), der am 8-ten August 1834 zu Győr (Raab) hingeschieden ist. So ist es also offensichtlich, daß die Gedichte, die sich zwischen den Seiten 191 und 224 befinden, 1834 in Győr aufgezeichnet und wahrscheinlich auch zu derselben Zeit daselbst verfaßt wurden.

Den genaueren Zeitpunkt der Entstehung der späteren serbischen Gedichte, die nach S. 226 in Pačićs *Liedersammlung* eingetragen wurden, kann man nicht feststellen. Jedenfalls wurden sie nach dem 8-ten August 1834 aufgezeichnet. Der größte Teil von ihnen (von S. 226 bis S. 289) wurde zwischen diesem Datum und 1844 geschrieben, denn *Лелекъ* (S. 287—289) ist in diesem Jahre entstanden. Die nachfolgenden *Тайна любовъ* und *Всуйналюбовъ* wurden zwischen 1844 und 1846 verfaßt, weil nach ihnen die serbische und deutschsprachige Grabschrift der Catherina v. Radics, die am 1-sten April 1846 gestorben ist, folgt. Diese Grabschrift ist übrigens die letzte serbische Eintragung in unserem Manuskript. Auf der letzten beschriebenen Seite (294) finden wir das ungarische Gedicht *Egy szemérmes Leányka*.

Daß eine größere Zeitspanne zwischen der Aufzeichnung der beiden ersten serbischen Gedichte und dieser späteren verflossen ist, zeigt auch der Unterschied in der Handschrift und Orthographie. Diese späteren Gedichte und Übersetzungen sind:

Піянацъ, и Жена
Двое — Пѣнїе
по латинскомъ Пѣнїю

Жена.

Престани веть Несретьначе!
Доста си се нагутао,

Мужъ.

Питко ми ε, лакω стиче,
Родъ ε добро вїно дао:

Ж. Цукши, смерть тье то ти быти,
М. Ідемъ їощ'се понапити.
Ж. Болестна самъ, небринешъ се,
узнат' ове край болести;
М. Сама с' крива, зачт, псуешъ се?
Горе тимъ тьешъ себ' навести;
Ж. Зликовче о! развращеный,
М. Радъ я спарамъ герло мени.
Ж. ω теби су чудны гласы,
Свакїй тебе оговара:
М. Ты м' ωтдавна познала си,
Невѣр', наме что с'потвара:
Ж. Пакленогъ те познамъ Халу,

М. Мучи торняй ты с' у Сталу!
Ж. Часъ у зао самъ видила те
Первый путъ я несретьница,
М. Непознату славила те
веть ѕ моя наздравица;
Ж. Дасамъ онда с' умертвила,
М. Суза б'моя т' ѡтпратила.
Ж. Садъ за тебе непошла бы,
Была бы я найсретьнїя;
М. Ал' и досадъ остала бы
Между Дѣвамъ найстарїя;
Ж. Болѣ было сто-бы-пута,
М. То т' ѕ пресна лажъ, и крута.
Ж. Сретьнїя бы дѣвовала,
Дасамъ была при памети;
М. Будъ си туштa кратъ ме звала,
Морао самъ те веть узети:
Ж. То све лаже найветье су,
М. Све познате истине су.
Ж. Дѣца вичу непрестанѡ,
ѕръ у кутьи нема хлѣба;
М. Носи вїна ранѡ-ранѡ;
Напити се свыма треба;
Ж. Ты садъ бунцашъ безъ памети.
М. Тому данъ ѕ прошао петый.
Ж. Повѣр'телы ишу своя,
Нико нетье т' новца дати:
М. Платит' брига садъ ѕ моя,
Дугъ и новъ ал' узаимляти
Ж. Так дѣца пропасти тье,
М. Судъ, и Ќаце т' остати тье.
Ж. Данъ торжества Святогъ да ѕ,
Сметнуо за́ръ с' ума ты си?
М. Жедь ми свакїй дань ветьа ѕ,
Помыслила заръ то ниси?
Ж. Ид' у Церкву, моли с' богу,
М. Дай ми бокалъ, пит' да могу!
Ж. Богу житъ ѕл' удесныи?
Ютромъ ни разтрезнити се:
М. Животъ живимъ я небесный,
Кадъ текъ могу опити се:
Ж. Къ врагу с' торняй Пїяницо,
М. Матора о кукавицо!
Ж. Да ѕ грѣхъ пїянства дѣло,
Ты бы морао увидити;
М. Іа́ искусихъ, превесело
Да ть'ѡтъ вїна Сердце быти:
Ж. Молимъ я те, поправи се,
М. Ходи къ мени, па напи се!
Ж. Немой више с' пиянити,
ѕръ с' удавит' тѣешъ напраснѡ.
М. Ал' тьешъ мени допустити,
Пит' у Здравлѣ твое красно:
Ж. Враже пакленъ, и найгорый,
М. Жедь опетъ ме нова мори.
Ж. Небоишъ се ты ни Бога,
Ни за здравлѣ брига ты ѕ:
М. Башъ ѡтъ пит'я вїна многа
Множи кровъ ми с'їощ' здравїе:
Ж. Опомѣни с' жизни конца,
М. Да́й ми пуногъ їощ' изъ лонца!
Ж. Что по Смерти т' быт'тье мени,
Чта с'а самномъ намѣрїо
М. Пїющ' мене с' опомѣни,
То самъ теби оставїо:
Ж. Чта траверняшъ враже якѡ?
М. На́йболѣ тьешъ чинит' такѡ!
Ж. О! спомѣни с' будушега,
Живи чистѡ, пакъ и трезнѡ:
М. Сѣтит' я тьу с' послѣ нѣга,
Данасъ їощ' тьу пит' опрезнѡ:
Ж. Дангубишъ текъ све залуду,
М. Ал' при вїна пуномъ суду.
Ж. Погреба тьешъ лишити се,
Кадъ тьешъ пїянъ умирати;
М. Не я, ты тьешъ бринути се,
Ко тье м' онда погребати:
Ж. Изванъ гробя, о! тогъ яда,
М. Текъ ал' близу Вїнограда.
Ж. Веть ѕданъпутъ уздержи се,
Опрощенье греховъ моли;
М. Надеждомъ тьу тѣшити се,
Берба да тье м' быт'по вольи:
Ж. Ал' куда тье душа т' итьи?
М. Она тье с' у подрумъ с'итьи.
Ж. Путуй дакле, умирати
Несретьнѡ тьешъ ты овакѡ,
М. Прости! морамъ наздравляти,
Петь, шесть пута теби якѡ:
Ж. Иди Хало! веть до бѣса,
М. Веть се журимъ у небеса.

(215—220)

Freund (?)

Dolce, come Arpa Eolea
Voce mu[i] chiama e dice,
Vien' del mondo immemore,
Resta quassu e felice!

Verdeutscht von mir

Wie von Eols Harfe süße
Stimme klang von Ferne mir,
Komm, vergess' die Welt, genüsse,
Und sey glücklich oben hier.

Свободнѡ посербѣно

Као ѕола Харфа изъ далека
Зуи комени сладчаишїй гласъ,
Свѣтъ заборав', Сретьа т'овде чека;
Пакъ у раю вѣчный пребуд' часъ.

(221)

Надгробное,
по нѣмецкомъ.

Као управѡ что на свѣть ѕ дошао,
Крозъ, и накрестъ тетураюш' прошао;
Предузимаѡ дѣла силамнога,
Окончен'я сва безъ желанога,
Чта му кадъ ѡт Сретье с' ѕсть обрекло:
Санъ као празанъ ѕсть и све с' разтекло:
То Младитьа крѣпость премъ низверже,
Волю ал' му добру неѡттерже,
Кадъ га Мечта опоила Сласт'ю,
Пѣвао, каквомъ любїо ѕ власт'ю,
Сломи с' Лїра, руже ѡтцвѣтле су,
Прелести текъ дружбе м' остале су.
Прошао многе државе, и краѕ,
Гди све зима, све и лѣто траѕ,
Вѣж'ства, Знан'я многа онъ получи,
Познати ал' себе ненаучи:
Небрине с' онъ, Суди что с' о нѣму,
И незлоби Шару, Людству Свему:
Разсуждавао малѡ, манѣ знао ѕ,
Нáй-а-манѣ чаяо, вѣровао ѕ.

(221—222)

Парче.

Као что небо превисоко
И докучит' неможе' око,
Пази текъ ал' издалека,
Что я терпимъ, что ме чека.

Гледай ярость онда мора,
Водена гди съ пеномъ гора
У облакъ се пружа саде,
Пакъ у язъ їош' дублю спаде.

Страсты мене такѡ дижу,
Да у язъ ме вергну нижу;
Гди м' суетногъ намѣрен'я
Урити морамъ нѡстожен'я.

Разборъ гди ме хладанъ буди,
Натерпѣнье молчно суди,
Силуе ме свегъ с' ѡтретьи:
Ал' ми неда покой стетьи.

Моѕ душевно разположенїе овако ѕ садъ. (Pačić's Bemerkung)

(223)

La pure verité, quand
un menteur la dit,
En passant par sa bouche
a perdu son credit.

Klahre Wahrheit wird zur Lüge,
Hat kein Glauben, kein Gewicht;
Wenn sie, Allen zur genüge
Ein bekannter, Lügner spricht.

Найбистрїя Истина се
Лажь у точну сва претвара,
Кадъ, кой Лажомъ правыймъ зна се,
Ню предъ свѣтомъ изговара.

(226)

Проста пѣсна Момкомъ Сеоскимъ

Знате л' Момци! чта у селу
Све дѣвойке за вамъ велу?
Кажу, да сте дангубице,
Дѣвояка варалице:
Подъ Суваїомъ у дивану
Кадите сѐ на дувану,
Дан'ю, нощью да ходите;
Съ блудницама с' и сводите.
Къ томе їоще то дометьу
На Срамоту, и несретьу,
Да аяте[1] подкопате,
Све пакъ изъ ньи похарате;[2]

Да кокоши, гуске, патке,
Сухчукъ, пекмезъ, гунѣ слатке,
И сланину съ бутовыма,
Что Сирома и све има :
Крадете, и лоповите,
По Меянамъ[3] се гостите.
Као Віловска да сте стрѣла,
Походите свака прела ;
Свым' дѣвойкам' да лажете
Ашиковат,[4] и можете,
Лацкат', мазат' окол' свію,
Преварит' да мож'те чію.
Ледъ на танакъ наведете
Безазлено, просто дѣте,
Да издате пакъ Телалу[5]
Съ оным' вел'ку, малу шалу,[6]
Башлук,[7] дивчинъ,[8] и котуре,
Что подъ себе женске туре ;

Агершакъ[9] да, и вретена,
Повесма пакъ обвіена,
Першлѣнъ,[10] тантузъ,[11] поузицу,
Изъ запетька букарицу ;
Словомъ : что годъ умотрите,
Себи крадомъ освоите.
Да угас'те жижакъ, светьу,
Да, кадъ коя викне, Нетьу!
Вы ню Силомъ притиснете,
Голицате, изсмѣете ;
То ѕ шала, ал' несграбна,
Забава и на Зло вабна!
Акѡ Секе кажу правѡ?
Срамъ васъ буди Момци здравѡ!
Зле ѡтъ тужбе перите се,
Те ѡтъ ляге чистите се :
Ако л' Дѣве клеветаю?
Нека ѕзыкъ зауздаю!

(227—229)

1. Комора, 2. крадете, 3. Гостилница, 4. Миловати, 5. Гласитель, 6 Sраß, 7. главакъ, 8. держакъ, 9. Окружакъ на краю вретена, 10. Перстенъ на краю поузице, 11. Дантесъ новчичъ ѡт Лима на поузици. С' овомъ се обвія повесмо куделѣ окол' главка.

(Die Anmerkungen stammen von Pačić her.)

Брачна
Милици.

Ты за Старца с' пошла цѣлѡ,
За богатство, и одѣло ;
Сиву ниси вид'ла косу,
Веть у даре чта носу :
Дѣвице!
Ты у кре[ве]тъ лежешъ брачный,
Мл[а]доженя гробъ у мрачный ;
Жаръ горущій твое ватре
Мразъ тье нѣговъ да ти сатре.
Милице!
Ты у мразны лежишъ руку
Себ' и нѣму текъ на муку ;
Ледъ се нѣговъ неразпали,
Твоя ватра неразгали
Дѣвице!
Продала си ты Свободу
Текъ за любовъ новцу, роду :
Жена с' даньомъ преизрядна,
Удова си н[о]щ'ю ядна
Милице!

(229—230)

Невѣрной
Лѣ : 1789.
На молбу едногъ Друга

Знашъ ли Секо! что ме колѣ
до гроба?
Твоя пакость, мерзке волѣ,
и злоба :
Невѣро! хей! милогъ лица
Знашъ да има їощ' дѣвица
и више!

Совѣсть моя ѕсть споко́йна,
и вѣра,
Любву ты ал' непостойна
раздера!
Другомъ твое Сердце даде,
Лукавѡ ты варашъ саде
и нѣга.

Люби, герли, когъ ти драгѡ,
О Хало!
Незлобимъ му то за благо
Нимало :

Премъте веть самъ изгубїо
Нисамъ опетъ я с' убїо
За тобомъ.

Любовъ некъ те развесели
Предивна,
Мое Сердце теб' нежели
Противна:
Ты получи съ другимъ Сретьу,
Акѡ можешъ, їоще ветьу
Нег' самномъ!

Сердце тражит' я тьу вѣрно
У Мѣсту,
Заръ тье мое найтьи смѣрно
Невѣсту?
Что прескромнѡ любит' умѣ,
Мудрѡ живит' и разумѣ
У Дружству.

Красне руже обликъ самый
Румене,
Око церно, жельно мами
їощ' мене,
Милуемъ те Любичице!
Дична еръ си Ружичице,
И нѣжна.

Жаръ ми Любве ты прожари,
О Лѣпа!
Желя за те врела м' квари,
и слепа,
Хайде! да се милуемо,
Любимо, и радуемо
На свѣту!

(230—232)

Безазленость
Дѣвице.

Хулу ꙉдногъ, что наружи
Ктьеръ іощ' младу брат' Іѡргатьа
Судцу мѣстномъ овъ обтужи;
Таксе напредъ и поплатьа:
Судїя се кнезъ разгнѣва,
Шубару на главу стуче;
Изъ очїю пламенъ сѣва,
Наглѡ Звонце и повуче.

Притерчаше тры Хайдука,
Указъ концу да приведу;
Кнезъ костершанъ беркъ засука,
Рече, Хулу да доведу:
Обтуженогъ Калфу Перу
Брат' Іѡргатьа ухватише,
Везаногъ, као бѣсну керу,
Прѐдъ и Судъ га представише.

За пѣненогъ Господара
На прегромку Пера с' тужбу
Правда, умно с' изговара:
Приводетьи давну службу:
Лютитъ Отацъ ал' повика,
Іоще таит' да с' усуди,
Немой терпит' ѡт кровника,
Кнеже! совѣсть ел' т' у груди?

Ктьери ступит' рече ближе,
Тужбу тѣломъ да сведочи;
Самъ їой главу горе диже,
Будъ обара стидна очи;
Кажи Тьерко! честь ел' твою
Нитковъ овай ѡтузео;
Да поднесе Казну свою,
Зато судъ га пред'узео.

Кнезъ, и ѡтацъ такѡ велу,
Казат' овде треба правѡ:
Крупанъ Зной ꙉ ньой на Челу,
Поплашила с' худа здравѡ.
Да, такѡ ꙉ, безазлена
вели, Кнеже! ал' ти прости,
ꙉл' онъ быо? уплашена
Нисамъ вид'ла у тамности.

(232—234)

Крутой

Крута Любо! непоступай самномъ такѡ,
Надеждомъ баръ мене питай, дóй:
Тебе рад' самъ Яданъ готовъ умрет' якѡ,
Животъ ако м' стигне край, и конацъ свой:

Остаемъ я вѣранъ увѣкъ Драга! теби,
Кадъ ненайдемъ лѣпшу, болю, млад'ю себи.

Кадъ ми Сердце млад'ю, лѣпшу омилуе :
Немой, бучит', викат', Свѣтъ на чудо зват'!
Любопитство ме том' вуче пресилуе,
Текъ да разликъ могу междъ вам' знат':
Кадъ а буде жарь тай Любве м' опетъ пройтьи,
Натрагъ опеть я тьу милой теби доитьи.

Немой мислит' Любо! Сердце мени драго,
Да Милостникъ нисамъ зато вѣранъ твой,
Ты си красна мен', и єдно цѣно благо ;
Кадъ я немамъ друге, Ты Кумиръ си мой!
Ты ми токмѡ эдна подъ, а на небесси,
Кадъ я више немамъ, Люба мила єси.

Сузам Лице прати, скорбити с' рад' тебе,
Исповѣдамъ, да м' є мила дужность, Стваръ :
Кровъ самъ пролит' готовъ ѡтчаянъ изъ себе,
Ако ми препише нашъ ученъ Лѣкаръ :
Отровъ онда самъ тьу тебе рад' узети,
Акѡ будемъ самѡ постат' ванъ памети.

Видишъ, да те любимъ озбыльомъ, и вѣрнѡ,
Рѣчъ тьу держат' ѡстрѡ, докъ самъ истомъ живъ :
Видишъ, я, да немамъ Сердце Лицемѣрно,
Да варан' я Лаже я, ти нетьу быти кривъ :
Текъ на тебе мыслимъ увѣкъ єдну мою,
Кадъ невидимъ другу младю, лѣпшу кою.

(234—236)

Подозренїе

Синощъ ходящъ по Сокаку
Сусрѣтохъ я лѣпу Стаку,
Ню момака чопоръ прати :
Назва м' она Сиромаку
Добро вече, пакъ у мраку
На разговоръ хтѣде стати.

Гди си быо? изъ румене
Устничице пита мене,
Итьи кудъ си намѣрїо?
Знашъ, да све су затворене
ѡтъ мужева злобныхъ жене :
Дакле си се преваріо!

Іа ньой рѣкохъ, Лѣпа Стако!
Варашъ у том' сама с' якѡ,
Пошао я самъ къ теби ;
Да те молимъ Свакоякѡ,
Да не такѡ наопакѡ
Представляшъ ме бѣдногъ себи.

Невиду заръ очы твое,
Да говору сяйне мое
Врело къ теби Любве Чувство ;
Да смо самы обадвое,
Питао бы те, ово что є
Скуплѣно ти мужско дружство.

Сердце ти се заръ ѡтвара
Сваком'? кои ти проговара ;
Заръ, что любимъ єдну тебе,
Милѡ ніе т', и повольнѡ?
Что те любящ' губимъ себе.

(237—238)

Причта

по француском' свободнѡ

Веть' умирущ' у себи мислимъ самъ :
Да засобомъ я смертне оставлямъ.

(242)

Причта

по нѣмецк : свобод :

Као что вода огня жаръ угаси,
Когъ пламенъ све може уничтит';
Такѡ людска крави! кадъ нѣжна си,
Разяреногъ можешъ утишит':
Дай ѡтвѣтъ му кротакъ, попусти му,
Пріятелѣмъ постат, тье ти врагъ.
Жаръ напрасну тьутеть опрости му,
Злобникъ тьети быт' укротѣнъ, благъ.

(242—243)

Друга

За неправду себи учинѣну,
Буд' ѡть кога веть' и претерпѣну
Настоява ко себ' осветит'?
Враждателю равнъ свом' тье быт.

Ко пакъ стиши освете све желѣ,
Превосходит' тай тье враждателѣ ;
Надъ подлѣ тье себе воздвигнут',
И почитанье обще постигнут'.

(243—244)

Гди ɛ Сретьа?
по франц : своб :

Знамъ Шпаньола страстнѡ ревньивога,
Несретьанъ свакъ ал' ревньивый :
Власть Англеза славолюбивога ;
Той ɛ гордъ, и честолюбивый :

Небомъ а подъ цѣлыймъ Італїе
Бѣсь, и Ярость съ Лажомъ владаю,
Кажите ми : молим! Сретьа гди ɛ :
Гдил' се Люды правѡ слагаю.

Невѣжество у Асїи влада,
И кровничство Люто, сировѡ ;
Межд' рубинамъ, златом ал' ѡтъ глада
Мученъ свакъ ɛ грознѡ, сурово :

Плодоносне рѣке далѣ теку
Крозъ безплодне, голе пустинѣ ;
Жарь гди Сонца пече Землю меку,
Знал' дивіякъ ту Сретье истине?

Свудъ по Свѣту женско с' обожава,
Несретьу ал' свудъ їой справляющ':
у Монастиръ многа с' заключава,
Поглаваръ ɛ съньом' ту владающ':

Харему у Свом' ыхъ Сердцемъ нуду,
Тергую съ ным' Ту[р]цы обычнѡ :
Питамъ я те Стриче! Тогъ за Луду
Щастье гдигодъ имал' ѡтлично?!?

Ово 2 мой додатакъ.

Ко тье жену лѣпше одѣнути,
Па каменѣмъ красит' прескупым'
Честь, и блага гди тье постигнути,
Воздвигнут' се прочым' и надъ свым:

Сретьномъ онде с' она держи, зове,
Нестара с' о мужа щастїю;
Мужъ бы Сретье радъ ѡтрѣтьи с' ове,
Сложит' да се мож' текъ съ честїю.
(244—246)

(Pačićs Anmerkung. Die beiden letzten Strophen sind also Pačićs Original.)

Любимость

по францу: ѡтъ Гарат-а

Залюблѣне, мног' ил' Залюблѣны
Гласомъ плачнымъ смутнѡ-жалостныймъ
Кадъ потужу с' явнѡ, горкѡ мени;
Да с' нелюби сердцемъ сталностныймъ,
Да посто́йна Любовъ гатка сва ꙗ:
ѡтговарамъ ал' я таквыма;
Да ко сталнѡ люблѣнъ хотѣ да ꙗ;
Мора быти Любыймъ Любима.

Любїо *Сретьно* лѣпу *Стану*.
Сердцемъ жаркіймъ, сталныймъ,
[искреныймъ
Хранїо б' їой вѣру постояну,
Любїо б' ю дѣломъ истиныймъ:
Загонеткомъ, гаткомъ празномъ небы.
Постояна Любовъ постала;
Стана да му, что некъ памти себи!
Любима ꙗ увѣкъ остала.

Зорко младьанъ *Цвѣту* любїо ꙗ,
Миловао ню жар'ю страстльивомъ;
Искао выше, нег' что добио ꙗ,
Цвѣту чувао Сумньомъ ревньивомъ:
Зорко, что ꙗ право, збогъ ꙗ тога
Несносимыймъ *Цвѣти* постао;
Нїе гатка, истина веть' строга
Любимыймъ эръ быт' ꙗ престао.

Послушайте м' дакле Залюблѣне,
Залюблѣны! что вам' с'вѣтуемъ;
Быт' возлюблѣнъ, сталнѡ возлюблѣна
Iá разумъ вам' препоручуемъ:
Что вамъ празне нису гатке наше,
Веть искуства давногъ истина;
Покрай Сретье, и Лѣпоте ваше
Буд'те вовѣкъ Любыймъ, Любыима!
Любыму ко може л' оставити,
А прегорет' коя Любыймогъ?!?
Любыимости мора с' покорити
Свако живо Сердца чувственогъ:
Любымость ꙗ владательца Свїю,
Непрестаннѡ надъ свым' владат' тье;
Мири, кроти нравъ на́йдивїю,
Свым' а Смертным' Законъ дават' тье.

Закону с' том' мудры, и разумны
Радѡвольнѡ свы тье подвергнут';
Свогъ живота конацъ а безсумный
Любыймост' ю взаймномъ постигнут';
У союзу брачном' и дружеству
Любезнѡ тье Свы се бавити,
Любыймость у Пиру, и торжеству
Достойнѣйше любит', славити.
(247—251)

Наздравица

по франц: своб:

Вїно добро, веселы пакъ люды
Да с' у дружству, една желя м' ꙗ:
У свободи напити с' по тьуди,
Разговорит' братски, воля м' ꙗ.

Желимъ, да се невесел' я гону
Разтераю сваке Жалосты;
У веселѣ госты да с' утону
Пуны Шале, Смѣя, радости.

Любовъ све ꙗ онде соучастна,
Гди с' умѣрнѡ Баху жертвуе
Главе, Сердца онде гину страстна,
Раскошанъ гди Нагонъ царствуе.

Збогъ Пѣван'я складногъ небринимо
Сѣници с' у лозно-віновой,

Єръ нескладне Пѣсне тад' чинимо,
Кадъ испія свакъ бокаличъ свой.

Узпорѣчит' гдикадъ започну се,
Кадъ се чаше на-и-пре-лію ;
Сердь, и распра съ правдомъ утопу се,
И на дну се чаше сакрыю :

Вїна свако доба єсть у чреди,
Порнуты се Люды рады су :
Кадъ разумъ се малѡ убезреди,
Разговоры опетъ дружны су.

Свы крај вольногъ, доброгъ угощенія
Праведнѡ се дѣле свободны,
Разностнога свегъ безъ ѡтношен'я
Съ тупыма су равны паметны.

Вїна доброгъ Любитель самъ вѣрный,
Као и Цара могъ, и државе ;
Царъ и Законъ мени су нескверны
Боже дай! да спаснѡ с' прославе.
(251—254)

Месѣцу
по фр : свободн.

О! Месѣче любкѡ-бледогъ Зрака,
Чарь болесты, жарке любовы
Зачт' изъ Туге, Скорби церногъ мрака
Касснѡ с' являшъ мен' у Оковы?

Мен' олакшат' можешъ Ты Мученье,
У коем' самъ тернувъ обуглао :
Мож' повратит' Сердца м' умиренье,
Коме с' надат' веть самъ ѡтчаяо.

Скрыт' у мом' се тражимъ узбунѣн'ю
Даньомъ та́йнѡ плакат', сузити :
Гди м' у горком', тежком' уморен'ю
Могао бы се виднѡ тѣшити.

Свѣтлости о! Сумна, непостойна
Плашльивом' си равна Сердцу ми ;
Люба да ми пребуде споко́йна,
Ню походит' боимъ с' Драгу ми.

Междъ том' опет' служит' нѣжнѡ,
Као что кажу : Любви с' готова :
Моя чему нада с' и прилѣжнѡ,
Радуе се безъ свегъ основа.

Онда, кажу : да сакрывашъ ты се,
Лѣпе кадъ се бранит' престаю ;
Честности као что и пристои се,
Тму с' у густу завит' мораю.

Милосерданъ докле ты м' озрачи!
Ал' у часу сретьне Любови ;
Учтивѡ, и смѣрнѡ се помрачи,
Стидъ ущедит' ми буд' готови!
(254—257)

Люби строгой
по фр : своб : Романца

Заповѣдашъ мени, писмо твое
ѡтлазен'ю по твом' спалити ;
Тѣши то мен' едно благо мое,
За тобомъ кадъ морамъ жалити :
Глед'! по жельи твоїой спалѣно се
Веть у димъ, и пепео створило ;
Забавлѣнье м' єдно весело се
Зримъ, у ничто гди се стиньило.

Виденїе то ми прежалостно
Скорбныймъ Сердцемъ и ты б' узрела,
Видла б' писмо т' мени прерадостно
Спалит'; за кїймъ скорбъ ме сатрела :
Бола мога вѣрне као тол'маче,
Толикѡ самъ сузахъ пролїо ;
Неугас' му да бы жарь иначе
Съ нымъ, и пламенъ лакше сгасїо.

Ма что, како л' буде судьено ми,
Све ѡть тебе чекат' морат' тьу ;
Ново писмо твое милостно ми
Надеждомъ я дознъ примат' тьу :
На́йстрогїимъ по указу твоме
Къ жаркомъ сердцу м' тьу га тиснути ;
На ком' оно теби жертвеноме
Самъ у пепео с' ѡтма ть' сгинути.
(257—259)

Іда скорбна.

Скорбыймъ чини многа всу́йна м' желя,
Невесео самъ збогъ тогъ ишао ;
Да посѣтимъ єдногъ прїятеля,
Ком' сам' нѣчто вручит' имао :
Ту жалость ми нѣкы множили су,
И смѣяли с' моїой несретьи ;
Сверху туге ми се шалили су,
Болъ повред'ли пакъ ми на́йветьи.

Том' избѣгшїй, кутьи вратившїй се,
Незнамъ, как', и кудъ самъ ходїо;
У суморне Мыслы топившїй се
Нисамъ окол' себе мотрїо:
Нѣкїймъ аки слутомъ узбунѣный
Іа́ м' очесса дигохъ влажльива,
ωтъ опитства скорби м' освѣстѣный
Наоколо слахъ ыхъ питльива.

їощь се нисамъ чистω разабрао,
Гледающїй многе ходити;
Поособне нисамъ разпознао
Когъ ωтъ кое незнао разнити:
Видихъ многогъ, многу непознату,
Кои мен' и непримѣтише;
Нищъ еръ несяемъ с' у злату,
Мимωходши на ме незрише.

Кадъ самъ ал' се малω разбистрїо,
Узбунѣна с' чувства смирила;
Ветьма тадъ самъ очы м' отворїо,
Кровъ еръ врела с' малω стишила:
Слутѣнье ме далѣ влачило ε,
Нудило ме напредъ спѣшити;
Нѣчто ра́йно сердце м' слутило ε,
Да ть' ωтмѣно чтогодъ видити.

Іду видихъ шетат' прекω моста
Замыслену скорбну, жалостну,
На умилной взоръ ми желянъ оста;
Волїо бы зрит' ю радостну!
Что ньой сердце тищи чувствително,
Зачто с' блага такω снуждила?
Огорченье на ньой ε зрително,
Збогъ се когъ ε такω смутила?!?

Съ ньом' да равнω, нѣжнωчувствующїй
Младичъ скорω б' ωтъ кудъ с' явїо,
За честность, и за доблесть врїющїй
Достойнѣйшу ню б' облюбїо;
Вредна была б' она такве сретье,
Достойна и благополуч'я;
Нико б' искао кромъ нѣ благо ветье
Найцѣнїегъ вредне ωтлич'я.

Сретьан желѣ нѣне б' испунїо,
Претворїо скорбъ у радосты;
їощ' сретньїи ньо́й бы с' повольїо,
Укинуо б' нѣне жалосты:
Наоблач'ло с' небо ню видивше,
Сожалити нь'ой се видило,
Сонце с' ясно за облаке скривше
Іду скорбну зрит' ε жалило.

Да бы судьба желю м' испунила,
Свым' что добрым' светье пламтити;
Намѣренье свое б' дохватила,
Сретьна честногъ сретьногъ любити:
Знат' ю сретьномъ я бы с' радовао,
Свым' ερъ желимъ сретьу добрыма;
Да имамъ что, све бы жертвовао
Предусрѣо бы желямъ нѣныма!

(259—264)

Неслога
Погыбелъ рода.

Чуйте Братьо! Чуда великога
Кралѣвичьа Марка ωтъ новога,
Изненада ко́й се нам' появи,
Све као Херкулъ мирне да подави;
Да изтреби знамените люде:
Да покерши одобрене труде.
Марко духомъ овыймъ опоеный,
Завист'ю, и злобомъ угоеный,
Церножучногъ напунѣнъ ε жара,
Упованогъ надувенъ ωтъ квара
Побѣди безсумной радують се,
Невиныхъ у крови купають се
Хукомъ, букомъ, праскомъ онъ корача
Шкилявыймъ да жижкомъ свѣтъ озрача,
Да угаси ученыхъ буктан'я,
И помрачи паметныхъ блистан'я:
Пакь да силомъ лажльивему ватре
Све почтене люде на махъ сатре,
Да се магломъ сумне величине
Одене предъ лицемъ све родбине:
У облаке да возвиси главу,
А по земльи вуче лѣпу, праву,
Да идутьи на [п]редь тѣломъ расти,
Ближнѣгъ, слабогъ мирногъ упропасти
Марко мысли, гердоба тѣлесна
Више вреди негъ памет' небесна,
Него л' ума, духа просвѣщенье,
Честолюб'ва душа, и почтенье:
Да ε гердит', лагат', клеветати,
Предъ и свѣтомъ честне обличати,
Кралѣвичьа дѣло чествуютье,
И порѣкла славногъ извирутье.
Свы се люды подигоше таки,
ωтъ свудъ хити поособнω свакїй,
Видит' мужа так' ωтборна,

Дивит' дѣла вел'ка, чудотворна;
Очы найпре свым' ε засѣнуо,
Свак' у нѣга с' ѡтма забленуо
Гледай! вичу: тог' ѡтъ племенога
Видит' тьемо сила разумнога:
Какѡ ал' се люды преварише,
Кад' противно дѣлом' увидише;
Въ мѣсто славногъ ѡтмѣногъ дѣян'я
Чуше гердню, хулбу, и тован'я,
Безобразно, лажно клеветанье,
И простачко подло нарицанье.
Онъ ѡтъ себе болѣ каля зато,
Да нележе самъ у гьубре, блато;
Кралѣвичь као морао бы знати,
Да почесть ε дужанъ честным' дати,
Као что самъ ѡтъ другыхъ изискива,
Ал' ѡтъ себи равныхъ текъ добыва;
Съ Маркомъ тій су малы, патушны
Завистльивы, злобны, малодушны:
Съ Кралѣвичьемъ оны надметьу се,
Гердъ на общїй съ ныйм' да изметну се
Другую се пукымъ съ невѣжама,
Съ лупоглавымъ, тиквам', батинама,
εзыка ѡтъ сербскогъ то текъ знаду,
ѡтъ простачкогъ блата что имаду.
Свом' по перю птица се познае,
Дѣломъ човѣкъ духъ, и нравъ издае;
Кралѣвичьа све витезко дѣло
Као изъ злобе что се произвело,
У злочинство паклено с' претвара,
У презренье свѣта себ' обара.
На високе Андесъ, и Хиндуку
Бебче залудь пружа слабу руку,
Съ Араратомъ їоще стою овы,
На́йгердїи пали с' витезовы;
Кралѣвичь ε Марко прошао старый,
Протьи тье као сѣнъ тай что се жари
Рава[нъ] ослу лавскомъ у одѣлу,
Да устраши рикомъ кра́йну цѣлу:
Свы ал' мудры, что га рикат' чую,
Нѣгъ ѡтъ лава таки разликую;
Ближе ступеть къ дугоуватоме,
Познаше г' по лицу нѣговоме.
Стани Марко! Залуд' мудры вичу,
За́о му дѣлу конацъ и проричу;
Ненарушай на родяке твое,
А родякъ ε свакій, Сербльинъ ко ε,
Неубїяй брата, и сродника;
Губишъ ближнегъ твогъ, и совѣрника!
Жалостнѡ ε, нашы насъ да гону,
Доста тугьи на то берзу, рону.
Нес'εдини Боже Гьаурине!
Молитва ε турска ѡтъ старине,
Немой Марко! да с' испуни ова,
Убоя се мани, злобе трова!
Нетруй люде трують ым' почтенье,
Неубержай рода уничтенье;
Силный Марко! слабог' веть обрани,
Падшегъ дигни, покри, па сохрани!
То витезу теби се пристои,
Кралѣвичьа славу себ' освои;
Да се теби народъ обрадуе,
И достойног' те у звѣзде куе.
Ображен'я εси л' на висини,
А ты сваком' ближнѣм, добро чини;
Свом' опрости сумном' вредителю,
Прїятель а буди Прїятелю:
Врати се ты натрагъ, и пока́й се,
Брат' убитства мыслима неда́й се!
Неслуша то Марко ал' помамный,
Ветье бѣсни цернъ, и жутотамный;
Риче, репомь бокъ, и ребра бїе,
У лютини нюшкомъ землю рїе;
Ничт', и никогъ окол' себе пази,
Све разяренъ валя, тре, и гази.
На невине ропта, хули, плюе,
Найгерднїе рѣчи на ньи блюе.
Трезноумны Марка ветье знаду,
Продателя кога сад' имаду,
Скверченогъ у сивогъ Осличичьа
Видит' свѣтъ тье Марка Кралѣвичьа;
Младьи тье га жаркы истьушати,
А старїи презрет', проклиняти.
Рода изметъ и невреди више,
Веть изъ числа честныхъ да с' исбрише;
Изметъ ал' ε свакъ прода́йникъ свога
Брата, сродногь ближнѣгъ и свакога
Зла у гньиздо птица гьубри свое,
Кровъ заметат', ближнѣ свадят, зло ε
Гди са своимъ братомъ братъ се туче,
Радуе се Третьи, користь вуче.
Све Продайство найде Любителя,
Свак' ал' мерзи своихъ Продателя.
Продатель у каквой чести стои,
Знамо, еръ се именоват' бои;
Праведанъ, и честанъ може явнѡ
Истину да каже, и приправнѡ(?).
Суду поднет' кривогъ обтуженье:
Нѣгово пакъ искат' осужденье.
Пустаиε изподмукла бїю,

А злочинцы себе, Іме крїю ;
Правдолюбывъ разсуждують здравѡ,
Може грѣшном' рѣтьи : немашъ право!
Безпорочанъ слабом' порочному
Право има ретьи то свакому ;
Странпутице зле ты остави се,
Обавести с' брате! поправи се.
Слабъ се на то б' ѡтма разкаяо,
Учителю своме дѣсну дао ;
«Благодаримъ я ти» рекао бы,
Слабости с' ѡтъ свое вратяо бы :
Дати животъ убїеном' ко тье,
А продайство ти донети что тье,
Обрадуй се брата своѓъ паден'ю,
Смѣй се крайнѣм' его уничтен'ю
При мучен'ю вредногъ торжествýйте,
Съ Кралѣвичьемъ веселѡ ликýйте
Свы ѡтъ рода цѣлогъ непочтены,
Честолюб'я свакогъ изувеный!
Пакао вашем' дѣлу радуе се,
Руга вам' се тугьинъ, и смѣе се,
Ненавистныхъ, злобныхъ подла чето!
Веть предъ свѣтомъ образъ цернъ ти ето!
Зáръ вы гадны сродногъ издайницы
Цѣлога сте Сербства заступницы,
Судъ, и мнѣн'я вы заръ управляте,
Поглаваре вы заръ представляте,
Заръ сте рода сербскогъ вы боляры,
Прочы самѡ безкутьны Бетьары!?!
Ко вамъ Право Изсланикахъ дао,
Кол' на Судъ ѕ васъ и кадгодъ звао!?!
(272—280)

Бѣсны Піянцы.

Das sicherste Zeichen einen ausgezeichneten Geist zuerkennen, ist daß alle Dummköpfe ein Bündniß gegen ihn machen.

Безобразанъ, пїянъ стида незна,
Гордости га глупе мучи бѣсъ ;
Свѣсть, паметь му никада ѕ трезна,
На свакогъ онъ насертающ' тре с';
Неможе му с' дерзкость зауздати
Див'я кáо звѣрь ѕ ѡтузданъ ;
Пїяногъ, и лудогъ задержати
Ни разуманъ мож', ни паметанъ.
Бѣснѡ, злобнѡ гердит, све почтене,
ѕдовыйтъ на добре насертат':
Ружит' свойствамъ, чиномъ свеѡтмѣне,
Подлост'ю се може то назват':
Честь оскверних' ближнѣгъ невинога,
Лакѡ може лишенъ чести лудъ ;
У подозренѣ баца праведнога,
Да разума свога скрые блудъ.
И то садъ се хвално дѣло
Пїянице ѕдногъ трештеногъ ;
У забвенье Іме му се дéло,
Напуйкава другогъ Піяногъ ;
Овай невѣжъ осветомъ ѕръ дише,
Раванъ оном' больихъ душманъ ѕстъ,
Герднѣ блютке онога подпише :
Тым' а свою мысли спáсти честь.
Горыхъ бѣсныхъ веть на свѣту нема,
Гди гнуснїегъ измета ѕ гадъ?!?
Гьубре рода све клеветомъ лема,
Презрено да небуде, као садъ :
Те у роду сербском' нáйподлїе
Требало бы нáйпре изшибат':
Вѣре, любве, чести лишенїе
Праведнѡ бы было повѣшат'.
(280—283)

Надгробное
ѕдногъ Сиромака.

Голъ на Свѣтъ самъ родїо се,
Голъ изъ нѣг' изсѣлїо се
Ничт' на нѣму недо[би]вшїй
Ничт' у нѣму изгубившїй.
(283)

Причта.

Сердце умѣ любву прибавити,
Духъ ю али може увѣчити.

—.—

Духъ, и Сердце много добра чину
Подверженъ ым' чрезъ умъ, и разумъ;
Ал' све руши, квари воистину!
Злата Увекъ, и глупыхъ Праскъ,
и Шумъ:
Садъ Иманѣ, богаство се тражи,
Не пакъ духа, ума, Сердца дáръ ;
Глупъ, и невѣжъ съ оным' више важи,
Овай топи Свѣта с' у немаръ.
(283—284)

Разны Начины
Люблѣн'я.

К (?) Андричу послано 1846.

Гдикои благомъ любу засѣнява,
Велебност'ю чина, стан'я своѓъ ;
Люблѣнъ быти гдикой настоява
Текъ збогъ себ', и сердца любльивогъ :
Свѣту нѣкы лаже голе трубу,
Разстиру предъ собомъ лукавъ гласъ ;
Богату тым' да превару любу,
Да так' дуга м' избѣгне опась.

Средъ свом' гдикои возлюблѣномъ клечи,
Сузам' очы кваси лукавым':
єца, стенѣ, уздише пакъ єчи
Сердцемъ иначъ церныймъ леденыймъ :
Оберлати просту Дѣву такѡ,
Буд лукавству страна ѡтнюдъ єстъ ;
Безазлену преварит' лакѡ
Бе[з]честном', и рушит' нѣну честь.

Редко може да получи сретьу
Взáймне любве честанъ, праведанъ :
Смѣрность, кротость чтогодъ има ветьу,
Тым' га ветьма куду данъ на данъ,
Ружу г' злобны, вражкы кудителы,
Пакъ издаю нáйманьу м' слабость :
Свы претворны су му прїятелы,
Лицемѣранъ частѣнъ му є гость.

Текъ лукавствомъ лажльивъ напредуе,
Све получи овде превáромъ ;
Правъ подъ низкїймъ кровомъ ядикуе,
Худости га сатрео є громъ :
Духъ, и средце нѣгово нецѣну,
Презире а скромногъ бѣсанъ, лудъ ;
Токмѡ с' онда вѣшогъ опомѣну,
Кадъ ым' треба послуге му трудъ.
(284—286)

Лелекъ

При Смерти Госпое Супруге Господара Мїхаила Іоанновича Изабраногъ к. с. Града Пеще Гражданика, и Присѣдателя Депутаціе Школскогъ фунда с. серб : и. п. гр : Ист. Народа. 1844.

Жена духомъ, сердцемъ благѡродна,
Кротостїю нрави свым' угодна
Ветье нїе, престала є жит';
Жалостны се заньом' исплачите
У одѣло церно с' одѣните,
Смѣрности ко примѣрьвом' тье быт?

Ню чистота душе красила є,
Сердца благость нѣжна дичила є ;
Милосерд'я бя свым' покровомъ :
Супругу є Друга искренїя,
Родитель'ца дѣцамъ нáйбрижнїя,
Благодат'я была Изворомъ.

Ближнѣ любящ' плѣнила свакога
Обхожден'я средствомъ прїятнога,
Честѣна збогъ сердца велебногъ :
Блажена та кол'ко вреди,
Цѣнила є живыхъ їощ' у среди?
Зна Искуство свакога сроднога!

Ко смертнога тѣла утружден'ю,
Тягопне ѡтъ жизни избавлен'ю
Къ источнику вѣчне вратила с':
Гди доблесть за свою награждена,
Молитвам' и общїйм' ѡтпратѣна
Рáй-блаженства веть участила с'.
(287—289)

Тáйна любовъ

1. Кою мотримъ, та мен' опазити
Дабы хтѣла, желимъ увѣкъ тáйнѡ,
Ту немогу жельу м' испунити,
Зато с' єдимъ, скорбимъ и безкрáйнѡ :
Да м' озрачи взоръ нѣнъ, изненада
Баци на ме вабителне очы,
Чему с' душа, сердце м' всуе нада ;
Та радость ал' нетье да м' обточи!

2. Но! да на ме кад' погледи, мени
Мигъ желаный онда б' просяяо ;
На радость бы нову м' оживлѣный
Удостоит' нѣга с' настояо :
Милосердье да їощ' мен' очесса
Кадгодъ яву, бистрѡм' изтолкую ;
ѡтвор'ла ми с' онда бы небесса,
Что све желѣ давнѡ м' очекую.

3. Та очесса любвозрачна, сяйна
Текъ сретьнїе тражу видит', зрити;
Нит' изявля чувства сердца та́йна,
Тражена ѡтъ коихъ желу быти:
Приближава таквыма се нѣжнѡ,
Взоръ преблагій къ тыма текъ окретье
Употреби дражный ча́рь прилѣжнѡ,
Тым' ударит' свое любве цвѣтье.

4. Радосты те далѣ мен' ѡтстою,
Вишше нег' и Звѣзде на́йкрайнїе;
Тамомъ крїю мен', и жельу мою,
Стране даю зрит' ми на́ймрачнїе:
Несретье ког' гониле, їощ' гону,
Тай на земльи ничта и невреди;
Вѣчности м' у празность желѣ тону,
Любка да га коя и погледи.
(289—290)

Всуйна любовъ

1. Любицу ми жаркѡ возлюблѣну,
Дражнымъ чарамъ богатѡ снабдѣну
Желїо бы вѣчнѡ моїомъ звати;
Между прочим' смѣрна, благосклона
Была да бы милосердна м' она,
Любяща ми сердце, руку дати:
Задовольство съ ньом' бы могао стетьи,
Заживота сретьныймъ пакъ се ретьи!

2. Ал' нелюби мен', и немилуе,
Болѣгъ жели, тражи, изискуѕ
Богатїегъ, младьегъ, и лѣпшега:
Рокъ ми земна блага нїе дао,
Скорбъ ми борамъ образъ попарао,
Створила ме пакъ и ружнїега:
Лице пре ми руйно саде бледи,
Крозъ а Сузе мутно м' око гледи.

3. ѕръ немари Любка, да ѕ мени,
Мом' и Сердцу Кумїръ обоженый,
Да на Свѣту м' ѕдна драгѡцѣна;
Обилази, бѣжи, презире ме,
У ничтоту хладна сатире ме,
Буд' сретьнїем' веть ѕ завѣрена:
Скїйм' тье брачнѡ сюзит' скорѡ,
Мен' у станье бацит' преопоро.

4. Не може ни любит' худогъ мене
Лишенога сретье посрѕдствене,
Сад' Іманя весма и нужднога;
Морамъ за ньомъ я тек' уздисати,
Несретьну ми любовъ оплакати,
Кра́й живота чекат' пресмутнога:
Веселыхъ а средъ хуке, буке
ѡтчаян'я терпит' горке муке.

5. Безрадостны м' часы васданъ страшу,
Невеселы нощь'ю сны ме плашу,
А безсаногъ мыслы безпокою;
Прошлости м' ѕръ видѣнїя мрачна
Као будуща зренїя беззрачна
Усамлѣногъ окол' мене стою:
Да падшегъ ме сасвымъ уничтожу,
Страданїя м' неизсказна множу!

6. Всуе с' мучимъ, трудимъ свакѡякѡ,
Чтогодъ зачнемъ, кончи с' наопакѡ,
Ка́о м' и свака дѣла предузета;
Свладало веть кра́йно м' ѡтчаянье,
У безумность гони м' обстоянье,
Све на свѣту пакъ мен' ядномъ смета:
Рокъ, и судьба доконали то ми,
Немилѡ что саде вратъ ми ломи.
(291—292)

Надгробное ово сочинихъ на
прошенїе Г: ѕвгенїя ѡт Суботичь.

Сердца благогъ, любящегъ и вѣрнѡ
Любыма свым' доба своъ у цвѣту
Пристанище паде веть у церно
ѕкаѳ'рина Мужу све на Свѣту,
Све да земно благо я изгубихъ съ ньоме,
То с' у плачу скорбномъ види томе.

—.—

ѕкаѳерина ѡт Радичь
рожд: 15⁰ Юнія Л: 1821ª
Престави се
На скорбь супруга свога
ѕвгенїя ѡт Субботичь
1ᵉ Авр: 1846ᵉª Л. (293)

Alle vorangehenden Originale und Übersetzungen kamen nach 1834, also nach dem 63-sten Lebensjahr des Dichters in unsere Handschrift. So ist es also nicht zu verwundern, daß sich der Dichter der leicht fließenden zier-

lichen Liebesgedichte, den wir aus seiner Sammlung 1827 kennen gelernt haben, etwas verändert hat. Die Frau, die Liebe spielt auch in diesen Gedichten eine ziemlich große Rolle, doch sie spiegeln auch schon die Erfahrungen und Enttäuschungen, die ganze Lebensweisheit eines Mannes, der viel erlebt hat. So z. B. die Zeilen

Редко може да получи сретьу
Взаймне любве честанъ, праведанъ. . .

im Gedicht *Разны Начины Люблѣн'я*, oder die Verse in *Всуйна любовъ:*

Болѣгъ жели, тражи, изискуѥ
Богатїегъ, младьегъ, и лѣпшега :
. . .
Безрадостны м' часы васданъ страшу,
Небеселы нощь'ю сны ме плашу,
А безсаногъ мыслы безпокою . . .

erwecken einen tieferen Eindruck, weil sie die ewige Tragödie des Altwerdens spiegeln, und mehr der Realität entsprechen als die tändelnden, leichten Zeilen über Liebesschmerz in seiner gedruckten Gedichtsammlung, wo alldies nur Manier zu sein scheint.

Ein besonderes Interesse mag das umfangreiche Gedicht *Неслога. Погыбелъ рода* erwecken, da es von Pačićs Antipathie gegen Vuk St. Karadžićs Sprachreform zeugt.

In der Handschrift befinden sich außer den oben angeführten noch zwei Gedichte in serbischer Sprache, die aber keine eigenen Arbeiten Jovan Pačićs sind. Das erste (S. 73—74) ist Dositej Obradovićs bekanntes Gedicht *Пѣсна на инсурекцію Сербиановъ*, das hier den deutschen Titel *An Serwiens Insurgenten* trägt. Das zweite (S. 146—147) ist *Пѣснь Алмашина с мадьіярскога на Славенно Сѣрбски ѥзикъ преведена Авраамомъ Мразовичѣмъ Сенаторомъ Сомборскимъ* 1814. Demnach beschäftigte sich der bekannte serbische Pädadoge auch mit Poesie und hat sogar ein Gedicht aus dem Ungarischen übersetzt.

Im vorliegenden Artikel ging ich auf eine eingehendere Analyse von Pačićs dichterischem Schaffen absichtlich nicht ein. Mein ausschließliches Ziel war, seine unbekannten Gedichte und einige neue Angaben über ihn den serbischen Literaturhistorikern zugänglich zu machen. In Kenntnis der *Liedersammlung* wird man wohl nicht nur die Stellung dieses Dichters in der serbischen Literatur genauer bestimmen können, sondern auch die ganze Periode vor Branko Radičević etwas günstiger beurteilen. Durch die systematische Erforschung eines jeden noch in unveröffentlichten Handschriften begrabenen poetischen Nachlasses werden wir allmählich den Weg von der »bürgerlichen Lyrik« des 18. Jahrhunderts zu Branko Radičević besser beleuchten, und neben die vorwiegend moralisierende, unpersönliche Poesie eines Lukijan Mušicki auch einige Perlen echter Lyrik hinstellen können.

К проблематике венгерского слова *hajdú* 'гайдук'*

И. ДАНКО

Б. Золнаи в своей статье, посвященной венгерским гайдукам, говорит следующее: «Причины и языковые взаимоотношения распространения нашего слова в Европе нуждаются в дальнейших, более подробных исследованиях.»[1] К его словам можно еще прибавить, что в более подробных исследованиях нуждаются не только причины и языковые взаимоотношения распространения, но и возникновение, происхождение и семантические варианты данного слова. Ведь, несмотря на то, что происхождением и значением слова *hajdú* занимался уже целый ряд исследователей, все-же не располагаем удовлетворительными результатами. А между тем данное слово представляет собой интерес не только с лингвистической точки зрения, но и с исторической. Изучение этого слова может оказаться полезным как для языкознания, так и для истории. Вскрытие языковых, а посредством этого и исторических обстоятельств происхождения слова *hajdú* в наши дни, когда в области исторических исследований все больше и больше возрастает интерес к освободительным народным движениям, приобретает особое значение. В освободительных народных движениях проявлялась двойная борьба: борьба за национальную независимость и борьба против эксплуатации. В этой двойной борьбе нашли осуществление многие прогрессивные соображения; эти народные движения представляют собой блестящие главы и в нашей истории. В своем развитии в конце концов они достили национального объединения.[2]

Гайдучество принадлежит также к освободительным народным движениям и, несмотря на то, что в общем история, этнография и этнические

* Мое внимание на некоторые данные, касающиеся гайдуков, обратили Ян Рейхман (Варшава), Ливиу Патаки (Клуж), Живко Видак (Нови Сад), Иштван Мольнар (Криштурул-Секуэск). Выражаю им глубокую благодарность.

[1] Zolnai B., Hajdúk. Magyar Nyelvőr [Страж венгерского языка] 75 (1951) 461—462.

[2] A Magyar Történészkongresszus Előadásaiból. [Из докладов Съезда венгерских историков.] 1953. június 6—13-ig. [С 6 по 13 июня 1953 г.] Az idegen hódítók elleni harcaink XI—XVII. századi történetéből. [Из истории нашей борьбы против иностранных захватчиков в XI—XVII вв.] Budapest 1954, passim. См. гл. обр. Sinkovics I., Végvári harcok. [Борьба пограничных крепостей.] 67.

вопросы гайдуков в значительной мере вскрыты, и по этим вопросам имеется обширная литература, все-же имеется ряд вопросов, которые вообще не изучены, или же изучены лишь поверхностно, без надлежащей глубины. Не изучено как следует, например, даже происхождение гайдуков, потому что при изучении данного вопроса исследователи почти без исключения ограничивались населением шести венгерских гайдуцких говодов Hajdúböszörmény, Hajdúnánás, Hajdúszoboszló, Hajdúhadház, Hajdúdorog, Hajdúvámospércs, т. е. гайдуцкого района (Districtus Haidonicalibus). Впоследствии поэтому взаимосвязи между гайдуками разных народов и венгерскими гайдуками остались невыясненными. Наши исследования в прошлом не касались *кефтов, ускоков, морлаков*, не было уделено надлежащее внимание более известным в общественном мнении *насадошам* (naszádos), *марталоцам* (martaló́c), *харамиям* (haramia), *гайдамакам* и *казакам*, хотя под последними часто понимали и гайдуков. Не были исследованы общественные тенденции гайдучества, дальнейшее развитие этих тенденций, их влияние и преобразование.

В области изучения этих вопросов серьезная работа началась только в наши дни. Однако даже в свете имеющихся ныне частичных результатов можно заметить общий характер того крупного юговосточноевропейского освободительного движения, с его большими размерами как в территориальном, так и во временном отношениях, к которому тесно примыкает и венгерское гайдучество.[3] В этом движении сошлись разные народы юговосточной Европы. В нем они искали свободу, национальную независимость. Вполне понятно, что это движение носило сильный антифеодальный характер.[4]

О возросшем интересе к этому вопросу говорит и то, что началось более глубокое изучение слова *hajdú* 'гайдук'. С венгерской стороны об этом свидетельствуют работы Э. Андьяла, З. Трочаньи, И. Книежи и уже упомянутая работа Б. Золнаи.[5]

[3] Кроме упомянутого выпуска см. работы *Б. Т. Кымпина, Греку* и *Э. Стефанеску* в Nouvelles Études D'Historie. — *Н. Тодоров*, Положението на българския народ под турско робство. София 1953. — *Д. Ангелов—М. Андреев*, История на българската държава и право. София 1955. — L. Patachi, Căpitani de cete militari şi haiduci romîni la inceptul veacului al XVIII-lea. Studii şi articole de istorie 2 (1957) 131—156. Makkai L., A kuruc nemzeti összefogás előzményei. [События, предшествовавшие объединению куруцев.] 1956. — *Д. Ј. Поповић*, О хајдуцима. I—II. Београд 1930—1931.

[4] Angelov D., A török hódítás és a balkáni népek harca a hódítók ellen. [Турецкое завоевание и борьба балканских народов портив захватчиков.] Tanulmányok a népi demokráciák történetéből. [Работы по изучению истории стран народной демократии.] Budapest 1956, 7—38. — *Н. Тодоров* указ соч.

[5] Angyal E., Szláv *hajduk* — magyar *hajdú*. [Слав. *гайдук* — венг. *hajdú*.] Magyar Nyelvőr 75 (1951) 460—461. — Trócsányi Z., Még egy magyar szó az orosz nyelvben. [Еще одно венгерское слово в русском языке.] Там же 217. — Kniezsa I., A magyar nyelv szláv jövevényszavai. [Славянские заимствовния в венгерском языке.] Budapest 1/2 : 834—836. — *Д. Й. Попович* указ. соч. 1 : 95—100. — G. Rosen, Die Balkan-Haiduken. Leipzig 1878, 7—8. — Rešetar, AfslPh 31 : 479. — J. Reychman, W sprawie zapożyczeń węgierskich w polszczyźnie. Język Polski 31 : 211—212.

Общеизвестным является то, что этимология слова *hajdú* 'гайдук' не является удовлетворительной. Ввиду того, что до открытия новых, с лингвистической точки зрения, решающих данных, нельзя надеяться на новые лингвистические результаты, считаем необходимым осветить более подробно, чем в иных случаях, исторические и этнографические обстоятельства происхождения, изменения значения и распространения данного слова. Этим освещением мы желаем помочь ускорению окончательного разрешения этого вопроса. Такой подход к изучению данного слова, являющегося важным как с исторической, так и с этнографической точки зрения, может оказаться полезным и при исследовании иных подобных вопросов.

На основании уже много раз высказанного венгерским историком Ш. Такачем взгляда в венгерском языкознании распространилось мнение, что венгерское слово *hajdú* является видоизменением формы причастия *hajtó* 'гонящий', образованного от глагола *hajt* 'гнать, гонять'.[6] Однако некоторые исследователи считали данное объяснение *hajdú* < *hajtó* неприемлемым из-за звукового изменения $d < t$, являющегося чуждым для венгерского языка ; аналогий на подобное звуковое изменение в венгером языке нет.[7] Несмотря на это, Й. Юхас объяснял данное слово от того же глагола *hajt*.[8] По его мнению слово *hajdú* представляет собой производное от глагола *hajt*, образованное при помощи итеративного суффикса *-ad*, благодаря которому непереходная основа глагола *haj-* получила переходное значение. Г. Донго Дьярфаш производил данное слово от формы *hajdó*, упуская из виду, что в данном случае проблематическим является не изменение $ó > u$, но $t > d$.[9] Мало кто разделял точку зрения Г. Шиййе, последнего капитана Гайдуцкого района, объяснявшего слово *hajdú* из *hajadon legény* 'неженатый парень'.[10] В пользу объяснения слова *hajdú* из глагола *hajt* говорят исторические и главным образом этнографические отношения того периода, в котором данное слово начало употребляться, и некоторые иные данные. Из историко-этнографических обстоятельств самым важным является распро-

[6] Подобным образом объясняли происхождение слова уже до Ш. Такача. Ср. Czuczor—Fogarasi, A Magyar Nyelv Szótára. [Словарь венгерского языка.] 2 : 1296. — Egyetemes Magyar Encyklopedia. [Всеобщая венгерская энциклопедия.] 9 : 110. — Dudás Gy., A szabad hajdúk története a XVI. és XVII. században. [История свободных гайдуков в XVI и XVII вв.] Szeged 1887. — *Ш. Такач* свое мнение изложил в целом ряде работ, более подробно в журналах Nyelvtudományi Közlemények [Лингвистические сообщения] 30 (1900) 348—350, Magyar Nyelvőr 32 (1904) 86—87 и в труде A magyar gyalogság megalakulása. [Формирование венгерской пехоты.] Budapest 1908.

[7] Ср. *Книежа* указ. соч. там же. — *Д. Й. Попович* указ. соч. 96.

[8] Juhász J., Hajdú. [Гайдук.] Magyar Nyelv [Венгерский язык] 53 (1957) 202.

[9] В дневнике П. Семере встречается слово *bujdó*, т. е. *bujdosó* 'скиталец, скрывающийся от властей'. В связи с этим *Г. Дьярфаш Донго* ставит вопрос : не возникло ли слово *hajdú* от предполагаемой формы *hajdó*. Adalékok Zemplén vármegye történetéhez [Материлы к истории Земплинского комитата] 6 (1900) 128.

[10] Sillye G., A Hajdúkerület története. [История Гайдуцкого района.] Hajdúmegye leírása. [Описание Гайдуцкого комитата.] Debrecen 1882. — Ср. Málnási Ö., Hajduszoboszló története. [История Гайдусобосло.] Debrecen 1928, 10.

странение пастушества, из иных же данных — закон 1514 г., в котором между прочим сказано : «Пастухам скота, называемым на простом языке гайдуками, не носить копья и иного оружия.»[11] Однако беда в том, что и в данном случае речь идет не о погонщиках, а о гайдуках. Едва ли называли когда-нибудь известных под разными наименованиями *(bubulci, pastores* и т. д.) пастухов погонщиками. Однако сословие или профессия погонщиков изолированно от сословия пастухов никогда не существовали. Скот, если его нужно было гонять даже очень далеко, всегда гоняли пастухи, ведь во время далекого пути скот нужно было пасти, нужно было за ним ухаживать. Об этом свидетельствует и 61 статья упомянутого закона 1514 г., которая гласит : «В пастухи коров следует принимать людей с хорошей репутацией.» Об этом свидетельствует и заметка Д. Сереми о том, что в 1527 г. возле Тарцала против войск Фердинанда воевали пешие пастухи рогатого скота *(pedites bubulci)*, т. е. гайдуки *(haydukones)* под предводительством Имре Цибака.[12] Д. Сереми о сражавшихся гайдуках говорит, что они не были опытными в военном деле.[13] Формирование гайдуков очень тесно связано с современными им пастухами, однако гайдуки не тождественны пастухам. В конце концов к такому выводу пришел и И. Сабо в своей статье о первых венгерских гайдуках.[14] И по его мнению колыбелью гайдуков было пастушество, однако в крестьянской войне 1514 г., возглавляемой Д. Дожей, они представляли собой не только воинский, но с военной точки зрения и самый сознательный элемент. И. Сабо, описывающий на основании архивных данных жизнь пастухов конца XV и начала XVI вв., никогда не говорит о погонщиках *(hajtók)*, как исследованные им архивные данные, так и он сам, говорят всегда о пастухах и гайдуках. Единственной причиной этого может быть то, что отдельное сословие погонщиков не сформировалось, а если сформировалось, то его членов не называли погонщиками *(hajtók)*. Как раз потому, ибо пастушеский образ жизни был очень распространенным, пастухи в истории Венгрии того периода играли очень важную роль, нельзя считать вероятным, чтобы о них, поскольку их в действительности называли погонщиками *(hajtók)*, не сохранились никакие данные. Правда, что Ш. Такач упоминает несколько данных *(heyto, heydo)*, однако эти данные взяты из немецкого официального документа, так что эти данные, с одной стороны из-за половинчатости письма, а с другой потому, ибо переход $t > d$ является характерным как раз для немецкого языка, не могут быть

[11] 2 § 60 статьи закона Владислава II, изданного в 1514 г.

[12] Szerémi György emlékirata Magyarország romlásáról. [Мемуары Д. Сереми об упадке Венгрии.] Kiadta [Издал] Wenczel G., Pest 1857. Mon. Hung. Hist. 2 : 176.

[13] „Ibi venerant Cibak cum numero haydukonibus non cum militionibus exerciis." См. *Д. Сереми* указ соч. 176.

[14] Szabó I., A hajdúk 1514-ben. [Гайдуки в 1514 г.] Századok [Столетия] 84 (1950) 178—199.

принятыми во внимание.[15] Впрочем и Ш. Такач здесь же примечает, что с конца XV в. употребляется исключительно лишь форма *hajdú*. По его мнению оригинальное венгерское слово *hajtó* было изменено южнославянскими пастухами в *hajdú*. В своих выводах, повидимому, он ошибается и тогда, когда говорит, что со второй половины XV до половины XVI в. венгерские пастухи, которые по его мнению в основном были южными славянами, для собственного названия применяли венгерское слово *hajtó* 'погонщик'. Более вероятно, что валашские пастухи, принадлежавшие к разным народностям и на протяжении столетий продвигавшиеся с Балкан на север к Валахии, Молдавии и Венгрии, имели для обозначения самих себя какое-то название, возможно, как раз слово *hajdú* или какую то более старую, до сих пор не обнаруженную форму этого же слова.

Если название *hajtó* 'погонщик' не было в обиходе, и если не сформировалось отдельное сословие погонщиков, в таком случае объяснение слова *hajdú* из глагола *hajt* 'гонять' является весьма спорным. В основном в таком же смысле высказался и М. Ретеи Приккел.[16] Однако его высказывание не получило надлежащих отголосков, оно осталось почти незамеченным. Его высказывание не вызвало дискуссии, ибо научное общественное мнение считало, что вопрос о происхождении слова *hajdú* после дискуссии Ш. Такача по вопросоуформирования венгерской пехоты и после издания относящихся сюда ег рсабот, является решенным, т. е. что оно происходит от глагола *hajt*.[17] Впо еледствииобъяснение Ш. Такача приняли все исследователи.[18] Я сам тож рпеклон ился перед упомянутым объяснением, рас-

[15] Takáts S., Rajzok a török világból. [Очерки из турецких времен.] Budapest 1915, 2 : 263.

[16] См. Réthei Prikkel M., A magyarság táncai. [Танцы венгров.] A Magyar Néprajzi Társaság Könyvtára. [Библиотека Венгерского Этнографического Общества]. Budapest 1924, 1 : 131—149. Вопросом славянского происхождения венгерского гайдуцкого танца *(hajdútánc)* занимались и раньше, например, Ernyei J., A hajdútánc szláv szempontból. [Танец гайдуков со славянской точки зрения.] Ethnographia 1906, 307—317. Танец гайдуков впрочем относится к важным данным, касающимся происхождения гайдуков. А. Веранчич в связи с казнью Д. Дожи пишет, что Я. Заполья приказал воинам Д. Дожи плясать танец вербовщиков и при каждом обходе откусить его тело. В сноске к опубликованному тексту отмечено : «Там же той же рукой : по иномому гайдуцкий танец (alias *hajdó-táncot)*." Verancsics A., Összes munkái. [Полное собрание сочинений.] III. Mon. Hung. Hist. II. Pest 1857, 11. А. Веранчич, как явствует, гайдуков считал воинами ; они плясали характерную солдатскую пляску вербовщиков *(toborzok tánc)*.

[17] На упомянутый труд Ш. Такача появилась за подписью *A. E.* рецензия в журнале Századok 1909, 425—435 Ш. Такач ответил на рецензию (598—613). На ответ Ш. Такача рецензент опять откликнулся (690—692). На этом дискуссия закончилась. В ходе дискуссии Ш. Такач несколько раз изложил свой взгляд на формирование венгерской пехоты. По его мнению венгерская пехота сформировалась из гайдуков. Слово *hajdú* по его мнению произошло от *hajtó* 'погонщик'. Погонщики в период формирования венгерских гайдуков по большей части были южными славянами.

[18] Например, в обзорной работе Szabó I., A hajdúság kialakulása. [Формирование гайдуков.] Alföld 9 (1956). — Györffy I., A hajdúk eredete. [Происхождение гайдуков.] Hajdunánás 1938. — Его же, Magyar nép, magyar föld. [Венгерский народ, венгерская земля.] Budapest 1942. 133—152 — Császár E., A hajdúság kialakulása és fejlődése. [Формирование и развитие гайдуков.] Debrecen 1942.

пространившимся в общественном мнении. В своих работах я без всяких оговорок объяснял слово *hajdú* из глагола *hajt* 'гонять'.[19]

М. Ретеи Приккел слово *hajdú*, встречающееся в разных вариантах во всех юговосточноевропейских языках, относил к т. н. «культурным» словам.[20] Б. Золнаи того же мнения и считает его «европейским мигрирующим» словом.[21] Общее мнение, по которому слово *гайдук*, встречающееся в разных языках, происходит из венгерского языка, является природным следствием высказываний, в смысле которых оно происходит от венгерского глагола *hajt* 'гонять'. Возможно, что в некоторые языки оно перешло из венгерского, однако то, что оно вообще происходит из венгерского языка, является более проблематичным. Если кроме исторических обстоятельств примем во внимание то, что во всех иных языках слово *hajdú* употребляется в форме соответствующей венгерской форме во множественном числе со значением в единственном числе, можно предположить, что оно распространилось вообще не из венгерского языка, а из языка или языков, в которых окончание *-к* не тождественно аффиксу множественного числа. В связи с этим интересно высказывание Б. Золнаи, который говорит: «В большинство европейских языков перешла венгерская форма во множественном числе; не следует считать вероятным, что отдельные языки заимствовали его отдельно, оно было заимствовано посредством Вены».[22] Его ссылка на то, что заимствование формы во множественном числе, но со значением в единственном числе, является довольно частым явлением, несмотря на приведенные им примеры, не вполне убедительна. Особенно не убедительна она в данном случае, где сомнения лингвистического и исторического характера этот вопрос делают существенным. Данное слово и в венгерский язык перешло в форме *hajduk* со значением в единственном числе, об этом свидетельствует его первая фиксация.[23] Однако форма *hajduk* со значением в единственном числе была непривычной, поэтому в венгерском языке она

[19] Ср. Dankó I., A Sajó—Hernádmelléki hajdútelepek. [Гайдуцкие поселения возле Шайо и Горнада.] Sárospatak 1955, 38—39. — *Его же*, A hajdunánási Testhalom mondája és a hajdúk. [Легенда про хайдунанашский холм «Тештхалом» и происхождение гайдуков.] Ethnographia 67 (1956) 519—535.

[20] *Ретеи Приккел* указ. соч. 139.

[21] *Золнаи* указ. соч. 462.

[22] Там же.

[23] Ср. „Quantum autem ad peditum haydukorum mittendorum in Zygeth attinet..." Чурго, 25 июля 1556 г. Письмо М. Зриньи и Ф. Тахи к Надашди о том, что с гайдуками, которых предполагали послать в сигетскую крепость, не могли договориться, несмотря на то, что обещали им повысить жалованье. Barabás S., Zrínyi Miklós, a szigetvári hős életére vonatkozó levelek és okiratok. [Письма и документы, относящиеся к жизни героя сигетварской крепости М. Зриньи.] Mon. Hung. Hist. XXIX. Budapest 1890, 390—391. — *Hajdók* в единственном числе. Mon. Hung. Hist. Irók. [Писатели.] 3 : 90. — *Д. Сеpеми* указ. соч. там же. — Следует упомянуть, что в южной части Задунайского края, где южнославянское влияние ощущалось и позже, гайдуков венгры называли не *hajdú*, а *hajduk*. См. Erdélyi Gy., A magyarok hadművészete. [Военное искусство венгров.] Budapest 1933, 246.

стала применяться как форма множественного числа и таким образом вследствие переразложения возникла форма единственного числа : *hajdú*.

Независимо от всего этого кажется вероятным, что в немецкий и румынский языки данное слово перешло из венгерского. Если дело обстоит так, то в западноевропейские языки (французский, английский, шведский, датский, финский, чешский и словацкий) оно перешло посредством немецкого, а в восточноевропейские (польский, украинский, русский) посредством румынского языка. По уже упомянутым причинам в высшей степени спорным является заимствование слова *hajduk* польским языком непосредственнос из венгерского. Однако очень возможно, что в русский язык оно перешло посредством польского.[24] Иначе обстоит дело в отношении итальянского *aiducco*. Оно ближе к южнославянским формам *aiduk*, *aidud*, чем к венгерской форме *hajdú*.[25]

При выяснении распространения данного слова самой критической областью является османско-турецкий язык. М. Ретеи Приккел слово *hajdú* как и целый ряд иных венгерских военных терминов XV—XVII вв., считал непосредственными заимствованием из османско-турецкого.[26] Однако его объяснение непосредственно из турецкого языка имеет ряд трудно преодолимых лингвистических препятствий. В последнее время этими препятствиями занимался И. Книежа.[27] Распространение слова *гайдук* на Балканах (в болгарском, албанском и сербохорватском языках) находится в тесной связи с вопросом о турецком происхождении слова. Если мы примем мнение М. Ретеи Приккела и будем считать, что слово *hajdú* в венгерском языке является заимствованием из турецкого, в таком случае очень легко объяснить его переход из турецкого в южнославянские языки. Если дело обстоит так, то распространителями данного слова были в первую очередь южные славяне, главным же образом сербы. Если же отбросим турецкое происхождение слова *гайдук*, то опять возникает новый трудный вопрос : откуда заимствовано оно южнославянскими языками? Если бы слово *гайдук* без всякого сомнения было по происхождению венгерским, то и в том случае трудно было бы объяснить удовлетворительно все его южнославянкие варианты из венгерского. По мнению Э. Бернекера значение слова *гайдук* 'für Sold angeworbene Fußtruppen zum Grenzdienst gegen die Tür-

[24] По «Словарю иностранных слов» под редакцией *И. В. Лехина* и *Ф. Н. Петрова* (Москва 1949, 136) слово *гайдук* в русский язык нерешло из венгерского языка посредством польского. Оно имеет три значения : 1) в Венгрии, в XVII в., —'крестьянин, бежавший от притеснений турецких властей и ведший с ними партизанскую войну' ; 2) у южных славян — 'борец за народную свободу против гнета турецкого султанского правительства' ; 3) в некоторых буржуазных странах — 'выездной лакей'.

[25] „. . . betyárok vagy ajdukok" [«разбойники или гайдуки»]: Horváth M., Magyarország függetlenségi harczának története 1848—49-ben. [История освободительной войны Венгрии в 1848—49 гг.] I. Женева 1865, 224.

[26] *Ретеи Приккел* указ. соч. 139.

[27] *Книежа* указ. соч. там же.

ken'.[28] При этом он говорит и то, что форма *hajdud* в значении 'разбойник' в турецкий язык перешла из венгерского, потому что т. н. «свободные гайдуки» вели разбойничью жизнь. Из турецкого же языка позже в том же значении оно перешло в южнославянские языки.[29] В отношении обстоятельств распространения слова Э. Бернекер не является уверенным, в его высказываниях имеется и противоречие. Его противоречие объясняет многое, между прочим и то, что в отношении значения слова имеется большая неуверенность, что в отношении распространения данного слова семантика слова имеет особое значение, что исторические и общественные обстоятельства происхождения и распространения слова не известны в надлежащей мере. Особенно чувствуется это, если примем во внимание, что в южнославянских, да и вообще в славянских языках, существительное *гайдук* имеет целый ряд образованных от него глаголов и имен прилагательных, между тем как в венгерском языке, считающемся его источником, таковых нет.[30]

По нашему мнению в случае слова *гайдук* имеется очень тесная и более существенная, чем в иных случаях, связь между распространением и значением слова. Неуверенность в отношении семантики слова можно уменьшить при помощи вскрытия исторических обстоятельств слова и посредством этого можно подойти ближе к разрешению спорных вопросов о происхождении и распространении слова.

Слово *hajdú (hajduk, hajdud, hajdut, haiduc, hejduk, hajduch, heiduck, heyduck, hejdukke, heitukka, aiducco, gajduk, heiduques* и т. д.) имеет следующие значения: 1) 'разбойник' (в сербском, хорватском, словенском, албанском, болгарском, турецком, польском, словацком, чешском, немецком и румынском языках);[31] 2) 'солдат', в первую очередь 'пехотинец', а

[28] E. Berneker, Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg 1913.

[29] Там же.

[30] Ср. данные в словарях: Bödey J., Bolgár—magyar szótár. Budapest 1956. — Hadrovics L., Szerbhorvát—magyar szótár. Budapest 1957. — Jancsovics I., Új magyar—szláv szótár. Szarvas 1848. 175. — Karłowicz—Kryński—Niedźwiecki, Słownik języka polskiego. Warszawa 1902, 2: 5. — N. Gerow, Wörterbuch der bulgarischen Sprache mit Erklärungen der Bedeutung der Wörter in bulgarischer und russischer Sprache. Plowdiw 1895—1904. — F. Iveković—I. Broz, Rječnik hrvatskoga jezika. I—II. Zagreb 1901.

[31] *hajduk: Хадрович* указ. соч. — *Ивекович—Броз* указ. соч. — G. Meyer, Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache. Strassburg 1891. — *Н. Геров* указ. соч. — *Младенов,* Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. София 1941. — *С. Б. Бернштейн,* Разыскания в области болгарской исторической диалектологии. Москва 1948. — حيدود *hajdud:* Tewfik Ahsan—E. A. Radspieler, Türkisch—Arabisch—Deutsches Wörterbuch. Wien 1911. — В польском языке *hajduk* имеет значение 'венгерский солдат', в новейшее время — 'лакей', а *hajdud* ~ *hajdut* 'разбойник'. Первая форма была замствована из венгерского, а вторая из каккого-то балканского или же из турецкого языка. Zarębo Język Polski 31 : 3. См. *Я. Рейхман* указ. соч. — *hajduch:* Pechány A., Tót és magyar szótár. [Словацкий и венгерский словарь.] Budapest 1906. — *hajduk—hejduk: Э. Бернекер* указ. соч. — *heiduck: Золнаи* указ. соч. и F. Kluge, Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin—Leipzig 1934. — Следует упомянуть, что в немецком языке данное слово имеет значение скорее 'пехотинец' или 'лакей, одетый в венгерский костюм', чем 'разбойник'. Ср. Ballagi M., Új teljes magyar és német szótár. [Новый полный венгерский и немецкий словарь.] Budapest

также 'кавалерист' и даже 'матрос' (в венгерском, немецком, сербском, хорватском, албанском, болгарском, турецком, румынском, польском, русском, украинском, словацком, чешском, итальянском, английском, шведском, датском, финском, французском языках);[32] 3) 'полицейский', 'полицейский в сельских местностях' (в венгерском, румынском, польском, украинском, чешском, словацком, хорватском, французском, английском, итальянском, шведском, датском и финском языках);[33] 4) 'надсмотрщик в поместье' (в венгерском, румынском, польском, русском, украинском, немецком, чешском, словацком, французском, английском, шведском, датском и фунском языках;[34] 5) 'лакей' (в венгерском, русском, польском, чешском, словацком, немецком, французском, английском, шведском, датском

1875, 309. — *haiduc:* Dictionarul limbii romîne. Bucureşti 1910, 2: 342. Новый большой словарь румынского языка указывает и на общественное содержание слова: „Muntenia Moldova. In tercut. Om care, răzvrătindu-se importiva aspuririi, işi, părăsea casa si trăia in păduri, sigur sau intovărăsiti de alţii, jefuind si prădînd pe bogaţi si ajutînd pe săcari". Dictionarul Limbii Romîne literare contemporane. Bucureşti 1957, 2: 435.

[32] *Der Haiduk, der Heiduck:* *Клуге* указ соч.; *hajduk:* *Бернекер* указ. соч.; *хайдук:* *Д. Ј. Поповић* указ. соч., *Ивековић — Броз* указ. соч.; *Г. Мейер* указ. соч., *Н. Геров* указ. соч., *Н. Тодоров*, Положението на българския народ. — Многие турецкие историки периода турецких завоеваний наглядно описывают, например, и страх перед гайдуками: «одна из их групп охотно воюет, она мстительна, опытна в обращении с оружием; эта группа известна под названием гайдуков (حيدق سر); рассказывали, что если их область опустошат, их крепости и села разрушат, имущество и скот разграбят, то остальных с помощью бога легче будет устрашить.« Karácson I., Török történetírók. [Турецкие историографы.] III. 1566—1659. Budapest 1916, 415. — *haiduc:* Dictionarul limbii romîne literare contemporane. там же; *Решетар* указ. соч.; *Я. Рейхман* указ. соч. и *Карлович—Крыньский—Недзвецкий* указ. соч.; *Лехин—Петров* указ. соч.; *Хадрович—Гальди*, Русско-венгерский словарь. Будапешт 1951, 141; относительно украинского варианта см. *Бернекер* указ. соч.; *hajduch:* *Пехань* указ. соч.; *hajduk ~ hejduk:* *Бернекер* указ. соч. и *Золнаи* указ. соч.; *aiducco:* Koltay—Szabó—Virányi, Magyar—olasz szótár. [Венгерско-итальянский словарь.] Budapest 1940; *heyduck:* по „The Oxford Dictionary of the English Languague" (London—Oxford 1938): 'enobled Hungarian soldier'; оно считается заимствованным из польского *hajduk* 'разбойник' по „The Winston Dictionary" (Philadelphia 1931); hajduk по мнению Золнаи в значении 'венгерский пехотинец' или 'польский слуга' посредством немецкого или английского языков перешло в шведский; *hejdukke:* по словарю Капера (1900) в датском языке имеет значение 'драбант', т. е. 'пехотинец'; *heitukka* в финском языке по словарю Годенхйелма (Saksalais-suomalainen sanakirja. 1906) имеет значение 'венгерский пехотинец'; *heiducques ~ haidoucques* в французском языке в значении 'венгерский пехотинец' по мнению Золнаи (указ. соч.) было известно уже в XVII в., однако в словари было включено только с 1762 г.

[33] *haiduc:* Dictionarul Limbii Romîne. Bucureşti 1934, 1: 342; *Tiktin*, Rumänisch—deutsches Wörterbuch. Bucureşti 1903; относительно его значения в польском языке см. *Карлович—Крыньский—Недзвецкий* указ. соч. 2: 5; в украинском языке известно и в значении 'сыщик', см. *Бернекер* указ. соч; *hajduch* в чешском и словацком языках имеет значение 'драбант', см. *И. Янчович* Új magyar—szláv szótár. Szarvas 1848- 175. *Пехань* указ. соч.; *hajdu* в хорватском языке имеет значение 'полицейский в сельских местностях', см. Spicer M., Magyar—horvát szótár. [Венгерско-хорватский словарь.] Budapest 1893; относительно французских, английских, итальянских, шведских, датских и финских данных см. выше.

[34] Во всех языках, где данное слово имеет значение 'полицейский', 'полицейский в сельских местностях', встречается и в значении 'помещичий надсмотрщик'. Здесь приводим данные лишь из двух венгерских диалектологических словарей. Слово *hajdú* в районе Сегеда имеет два значения: а) 'полицейский служитель до 1848 г.'; б) 'слуга при бургомистре или жупане (начальнике комитата), одетый в гусарскую форму'. См. Bálint S.,

и финском языках) ;[35] 6) 'одна из фигур новогоднего маскарадного шествия' (в венгерском диалекте чанго в Молдавии).[36]

В связи со значением 'солдат' следует указать на то, что во многих языках, но в первую очередь в языках тех народов, которые не были покорены турками и у которых не было гайдуков, слово *гайдук* в разных вариантах имеет значение исключительно 'венгерский солдат' или 'солдат в венгерской форме'.[37] Это явление можно объяснить тем географическим обстоятельством, что турки самой большой экспансии достигли в Венгрии. Соседящие с венграми свободные народы, а посредством их и весь мир из гайдуков узнал в первую очередь венгерских гайдуков и распространил не только их название, но и одежду.

Здесь следует заметить и то, что между разбойником и солдатом XV—XVII вв. разница состояла в первую очередь не в том, в чем она состояла позже, или же состоит в настоящее время. В период разлагающихся феодальных отношений и чрезмерного феодального раздробления только выдающимся личностям (например Яношу Хуньяди, Матьяшу Корвину) удавалось сорганизовать такое войско, которое содержало себя не за счет грабежей. В общем характерным было то, что солдаты содержали себя за счет грабежей, они воевали в надежде богатой добычи, сободного захвата и т. д.; об этом свидетельствует громадное количество данных.[38] В этом отношении

Szegedi szótár. [Сегедский словарь.] I. Budapest 1957. В Орманьшаге слово имеет значение 'надсмотрщик сельскохозяйственных рабочих' См. Kiss G., Ormánysági szótár. [Орманьшагский словарь.] Budapest 1952.

[35] В значении 'помещичий лакей' оно известно в языках, где встречается и в значении 'помещичий надсмотрщик'. В период феодализма, дворянской администрации нельзя точно отграничить функцию полицейского, надсмотрщика и, наконец лакея. В отношении этого типа гайдуков я венгерском языке имеется меткое название *fogdmeg* 'сбир', 'охранник', 'сыщик' (дословно : 'схвати' ; ср. словацкое *lapaj*). В нем выражена антипатия, которую народ питал по отношению к помещичьим гайдукам.

[36] Hegedüs L., Moldvai csángó népmesék és beszélgetések. [Народные сказки и рассказы молдавских чанго.] Budapest 1952, 320. Форма *hájduk* заимствована из румынского *haiduc*.

[37] В таком значении оно встречается главным образом в западных языках и по всей вероятности здесь получило распротранение благодаря немецкому языку. При объяснении слова *hajdú* часто подчеркивается, что речь идет о повстанцах. Данное значение указывает на общественную тенденцию гайдучества. Ср. *Хадрович—Гальди* указ. соч.

[38] См. данные, например, в следующих источниках : Az országokban való sok romlásoknak okairól. [О причинах упадка в государствах.] Budapest 1911, 247. — Reizner J., Szeged története. [История Сегеда.] IV. Szeged 1900, 173. — Архив Земплинского комитата в Шаторальяуйхейе. Т. 156, № 38. — Nagy Szeder J., Kiskun-Halas város Története Okmánytárral. [История города Кишкун-Халаш с архивными документами.] Kiskun-Halas 1926. 1 : 93. — Az egyházi szolgák tisztinek és tisztességes maguk kultsának regulái. Várad 1650. — Karácsonyi J., Békésvármegye története. [История Бекешского комитата.] IV. Gyula 1896, 18. — Hornyik J., Kecskemét város története. [История города Кечкемет.] Kecskemét 1862, 355. — Tholnai M., Szent had. [Священная война.] A Reformáció és Ellenreformáció Korának Evangéliumi Egyházi Irói. [Евангельские церковные писатели периода реформации и контрреформации.] VI. Budapest 1937, 32. Более подробно об этом см. Szabó M., A jobbágyok állapota a török uralom idejében. [Положение крепостных во время турецкого владычества.] A debreceni ev. ref. gymn. értesítője. 1903/04. [Годичный отчет Дебреценской ев. реф. гимназии за 1903/04 г.] 1—19.

дифференциация сословий не принесла никакого изменения; *харамии* (свободное войско, формировавшееся не из дворян) и *рыцари* (дворяне, служившие в армии или профессиональные военные люди) одинаково грабили, во многих случаях не только врага или вражескую территорию, но и своих, где кого настигли.[39]

Между разбойником и солдатом того периода главная разница состояла в том, что разбойник грабил в одиночку или с несколькими разбойниками, между тем как солдат делал то же, но организованно, обыкновенно в рамках какой-нибудь войсковой части, злоупотребляя своим положением. Первый из-за своей слабости в случае чего подвергался репрессалиям, между тем как последний, надеясь на свою силу, чувствовал себя в безопасности.[40] Разница между ними состояла еще в том, что разбойник обыкновенно был крепостным или принадлежал к самому бедному классу; он в большинстве случаев грабил по необходимости, между тем как солдат, из-за невыносимо плохого снабжения, грабил систематически, превращая грабительство почти что в профессию. Войско в сословном обществе с самого начало было привилегизированным слоем и как раз в связи с гайдуками можно заметить, что в период все сильнее разлагающегося сословного войска из схватившихся за оружие крестьян формируется войско нового типа. Члены этого войска нового типа в начальной стадии развития были разбойниками, т. е. гайдуками. В деятельности разбойников реализовался целый ряд общественных тенденций. Их деятельность представляла собой антифеодальное движение, нашедшее вскоре путь и к защите национальной независимости.[41]

Зарождение гайдуков было вызвано двумя историческими процессами: разложением феодализма и завоеваниями со стороны турок. Ненормальное положение, создавшееся вследствие анархии разлагающегося феодализма, для крестьян стало невыносимым. Сбросить непосильное бремя крестьяне как на Востоке, так и на Западе пытались при помощи бесчисленных восстаний. Кроме бремени разлагающегося феодализма крестьян в юговосточной Европе постиг еще один удар, а именно: турецкое покорение. Экспансию турок и их чрезмерную жестокость чувствовало прежде всего крестьянство. Члены господствующих классов убежали перед турками, а члены, принадлежащие к господствующим классам ряда всецело покоренных турками народов, нашли возможность приспособления к новым обстоятельствам и, таким образом, стали верными прислужниками турецких поработителей. В начальном периоде формирования гайдуков, когда им приходилось бороться лишь против невыносимых обстоятельств феодализма, слово *hajdú* 'гайдук' обозначало, повидимому, разбойника. Как же могли

[39] Ср., например, данные о грабежах солдат М. Зриньи в доминии Канижа. *Ш. Барабаш* указ. соч. 2: 350—354.
[40] *И. Мадьяри* указ. соч. 252—253.
[41] *Д. Ангелов* указ. соч. passim.

иначе называть господствующие классы людей, восставших против них? Когда в гайдучестве перебес получила борьба против турок, положение с некоторой дифференциацией осталось таким же. Дифференциацию обозначало то, что турки гайдуков, ведших против них партизанскую войну, считали также разбойниками. Перед турками спасались не только отдельные члены господствующих классов, но и многие из крестьян. Однако большое количество спасающихся не могло уйти так далеко, чтоб их турки не могли догнать, и чтоб им не нужно воевать против турок так же, как и на старом местожительстве.[42] Спасающиеся увеличивали и укрепляли антифеодальные, а позже и антитурецкие силы иных народов. Они постепенно стали организованным войском. Оставшиеся же на старом месте вели постоянную партизанскую войну против турок и их прислужников. Из этого вытекает, что способ борьбы был гайдуцким. Слово гайдук тогда также обозначало разбойника. Чем же иным могли быть гайдуки, борющиеся уже и за национальную независимость, в глазах турок и их прислужников, как не разбойниками?

Народное сопротивление против турок возникло не в Венгрии, а на Балканах и хронологически опередило непосредственную борьбу венгров против турок. Из этого обстоятельства вытекает, что балканские повстанцы XIII—XV вв. называли себя каким-то словом. Борьба балканских народов против турок способствовала широкому объединению усилий балканских и соседящих с ними народов. Об этой солидарности блестяще свидетельствует победоносная армия Яноша Хуньяди.[43]

[42] Спасавшиеся перед турками бежали главным образом на север. Ср. *А. Гавриловић*, Вальвазор о сербских беженцах. Коло 2 (1902) 36—298. Работа Вальвазора занимается описанием систематического бегства, начавшегося с 1460 г. Беженцы уходили прежде всего в Крайну и Хорватию. Ср. J. Radović, Prilozi za istoriju srba u Ungarskoj u XVI, XII i XVIII veku. Novi Sad 1909. Автор в этой работе занимается бегством на венгерскую территорию. Различаются три типа сербских беженцев: а) *ускоки*, т. е. беженцы; б) *морлаки* — ироническое название с тем же значением; в) *рацы* — старое венгерское народное название сербов, бежавших на венгерскую территорию. Болгары бежали главным образом в Валахию. Ср. Hajek, Bulgarien unter der Türkenherschaft. 1925. Относительно греческих *кефтов* мы располагаем слишком небольшим материалом. Однако и на основании этого можно установить, что кефты, после того как с оружием в руках восстали против турецких поработителей, ушли с первоначального местожительства. Ср. Mendelssohn — Bartholdy, Geschchte Griechenlands von der Eroberung Conotantinopest durch die Türken i. J. 1553 bis auf unsere Tage. Leipzig 1870, 1 : 49—53. и Kállay B., A szerbek története 1780—1815. [История сербов 1780—1815.] Budapest 1877, 244—246. Сюда принадлежат и *казаки*. Их название происходит от тюркского *qazaq* 'странствующий'. Ср. *Книежа* указ. соч. 1/1 : 286.

[43] Székely G., A török hódítók elleni védelem ügye a Dózsa-parasztháborútól Mohácsig. [Дело защиты против турецких завоевателей от крестьянской войны Дожи до Мохача.] Századok [Столетия] 1952, 118—149. — Elekes L., A délkelet-európai népek összefogása a török hódítók ellen Hunyadi háborúiban. [Объединение усилий юговосточноевропейских народов в борьбе против турецких завоевателей в войнах Хуньяди.] Там же 1952, 93—118; *Его же*, Hunyadi hadserege. [Армия Хуньяди.] Там же 1950, 85—121; St., Novaković, Serbi i turci u XIV i XV veku. 1893; Hadrovics L., L'église nationale serbe aux XVIe et XVIIe siècles. Revue d'histoire comparé 1943; *Д. Ј. Поповић*, О марталосима у турској војсци. Београд 1930.

В результате сопротивленческого движения разных народов на территории Венгрии в значительной мере удалось приостановить прущих на Запад турок. Более двухсот лет южная, а позже и средняя Венгрия была ареной военных действий. Бежавшие перед турками южные славяне на территорию тогдашней Венгрии, а также и венгры, которых постигла та же участь, на хорватско-словенском пограничье, в Сриеме, Бачке, Банате и на трансильванском пограничье сплотились в организованное войско.[44] Гайдуки в условиях жизни в венгерских пограничных крепостях, а позже в ходе венгерских гражданских войн стали организованными солдатами — гайдуками. В этот период гайдук уже не разбойник, а солдат.

В дальнейшем изменение значения слова связано с развитием истории гайдуков. Турецкие отношения, разделение Венгрии на три части в большой мере благоприятствовали феодальной раздробленности. Не только в интересах безопасности, но и в целях покорения и власти все время росло количество частных армий. Кроме магнатов и помещиков, живших в крепостях, в меньшей или большей армии нуждались и административные учреждения. Солдаты этих частных армий происходили почти без исключения из гайдуков, так что названия *urasági hajdú* 'помещичий гайдук', *vármegyei hajdú* 'комитатский гайдук' и *városi hajdú* 'городской гайдук' сохранились и в последующее время, когда первоначальная задача частных армий совсем изменилась и гайдуки выполняли совсем не ту задачу, какую выполняли раньше.[45] Задачей помещичьего, комитатского и городского гайдуков стало поддержание порядка в поместье, комитате и на территории города. В это время слово *гайдук* получает новое значение, а именно: 'полицейский', 'полицейский в сельских местностях' и даже 'угнетающий рабочих десятник', являющийся слепым средством тогдашнего общественного строя.[46] Не случайно, что в произведении М. Фазекаша «Лудаш Матьи», выступившего против помещика Матьи Лудаша схватили и выпороли гайдуки помещика Дэбреги.[47] После разгрома турецких сил и изгнания турок с территории Венгрии, в период колонизации Венгрии со стороны Габсбургов, частные армии стали не только лишними, но и опасными. Как раз поэтому

[44] Кроме работы Д. Й. Поповича см. Szentirmai I., Magyar hadiszervezet a tizenötéves török háború idején. 1593-1608. [Венгерская военная организация во время пятнадцатилетней турецкой войны. 1593—1608.] Esztergom 1908. — Maksay F., Parasztság és zsoldosszolgálat a XVI. századi Magyarországon. [Крестьянство и наемная военная служба в Венгрии XVI в.] Hadtörténelmi Közlemények [Военно-исторические Сообщения] 1956, 26—42. — *Д. Эрдейи* указ. соч. 245—249.

[45] Kiss J., A robotvilág és az 1848-as szabadságharc a somogyi nép emlékezetében. [Время барщины и освободительная война 1848 г. в воспоминаниях населения Шомодьского комитата.] Néprajzi Közlemények [Этнографические Сообщения] 2 (1957) 33—35.

[46] «Гайдук был приверженцем господ», различались *béröshajdú* 'гайдук, надзиравший над сельскохозяйственными рабочими' и *pajtahajdú* 'гайдук, надзиравший над работающими в сараях'. *Й. Киш* указ. соч. там же.

[47] Fazekas M., Versei. [Стихотворения.] Budapest 1900. Гайдуки выступают и в драматизированном произведении Balogh I., Ludas Matyi. Budapest 1848.

все частные армии были расформированы, членов этих армий пустили на ветер. Тут-там несколько человек из них оставили в качестве членов почетного караула или в качестве лакеев. Венгерских гайдуков не приняли даже в пограничные войсковые части. Солдатами пограничных частей были почти без исключения южные славяне. Их Габсбурги не боялись настолько, как венгров.[48] Вследствие этого та часть венгерских гайдуков, которая не была поселена на определенном месте с надлежащими воинскими привилегиями, или же та часть, которую как раз в это время лишили привилегий, а кроме того гайдуки расформированных частей и гайдуки, которые не были переведены в пограничные части, но были пущены на ветер, т. е. которых принудили стать крепостными, стали инициаторами нового сопротивления, стали заквасой разных движений, целью которых была борьба за независимость и борьба против феодалов.[49] В этих движениях опять заметно стремление к объединению разных народов.[50] Участников этих движений, несмотря на то, были ли они раньше гайдуками или нет, опять называют разбойниками. И позже, когда в силу стабилизации отношений бороться за национальную независимость — стало невозможным, а народное сопротивление сузилось до мести за личные обиды (ловля солдат, подать, повышение рабочей повинности и т. д.), их также называли *бетьярами* (betyár), т. е. разбойниками.

Частично иным путем пошло развитие у балканских народов, оставшихся под турецким игом более продолжительное время чем венгры. Слово *hajduk, hajdut* и в начале и на протяжении всего турецкого ига обозначало разбойника. Данное народное движение из-за обстоятельств не развилось в войско. В XIX в. в период воспламенения национальных движений, используя и общий упадок турецкой империи, разные балканские народы начали освободительную войну против турок. В этой борьбе слово *гайдук* получило новое значение, а именно : 'повстанец, борющийся против турок'.[51] Гайдуки бальанских народов в этот период достигли того, чего венгерские гайдуки вообще достигли в 1540—1600 гг., т. е. стали организованным войском. Ведущей силой балканских освободительных движений стали гай-

[48] Я. Рейзнер в указ. соч. приводит ряд списков уволенных пограничных частей при Тисе. Каждая гайдучья фамилия является южнославянской.

[49] Например, в. т. н. «малом куруцском» движении. Ср. Márki S., Sarkad története. [История Шаркада.] Budapest 1877, passim. До этого во время восстания Франца II Ракоци «они ждали осуществления своей мечты», т. е. восстановление их старых прав свободы. *Марки* указ. соч. 57. — Сюда относится между прочим еще Barcsa J., Hajdú-Nánás és hajdúság története. [Хайду-Нанаш и история гайдуков.] Hajdú-Nánás 1900, 57. — *Карачоньи* указ. соч. 38—39.

[50] Самыми лучшими примерами могут служить куруцско-гйдуцкие движения, во главе которых стояли Перо Сегединац и Грегор Пинтье. Ср. L. Patachi, Căpitani de cete militare şi haiduci romîni la începtul veacului al XVIII-lea. Studii şi articole di istorie 2 (1957) 131—156.

[51] *Розен* указ. соч. passim.

дуки. Среди них находим лучших патриотов балканских народов.[52] В жизни балканских народов эти движения возникли сравнительно недавно. О героических подвигах память еще жива. Героические события недалекого прошлого возобновили старые битвы, имена и подвиги старых героев. Фигура гайдука стала народным героем. О выдающихся гайдуках — народных героях очень часто говорится не только в богатом фольклоре, но и в письменной литературе балканских народов.[53] То, что образ гайдука в глазах балканских народов ярче, чем у венгров, следует объяснять тем, что значительная часть венгерских гайдуков «феодализировалась». Получив привилегии, они стали членами господствующих классов, а ставши помещичьими, комитатскими и городскими гайдуками, они одновременно стали прямо средством эксплуатации. Борьба балканских гайдуков на протяжении всего времени носила антифеодальный и освободительный характер ; для того, чтобы «феодализироваться» у них не было ни возможности, ни времени. В истории венгерского народа положение балканского гайдука припоминает положение венгерского бетьяра. Речь идет о бетьяре XIX в., который иногда хотя и по индивидуальным причинам, но все-же остался врагом феодализма и в лице самых выдающихся из них вырос в народного героя, борющегося за независимость. Образ венгерского бетьяра кроме фольклора в таком же виде встречается и в выдающихся творениях венгерской художественной литературы.[54]

В связи с формированием венгерского гайдучества следует указать еще на одно специальное обстоятельство. Венгерские гайдуки боролись только против турок до тех пор, пока во время господствования императора Рудольфа не стало ясным, что немцы — династия Габсбургов — для венгров являются столь же опасными или даже более опасными, чем в свое время турки. Велеречиво говорит об этом одна из тогдашних записей : «Венгерские христиане от души ненавидели турок, охотно воевали против них и никакого союза с ними не заключали до тех пор, пока его величество император Рудольф не возмутил их ; обо всем этом довольно ясно говорят простые венгерские песни, которые воспевали тогдашнее геройство.»[55] Поэтому

[52] Например, Христо Ботева, Панайота Хитова или Георгия Савву Раковского. Ср. Hristo Botev válogatott írásai. Избранные произведения Христо Ботева.] Fordította [Перевел] Képes G. Budapest [без указания года издания].

[53] *К. Д. Миладинов,* Български народни песни. София 1851. — Szablyák és citerák. [Сабли и цитры.] Budapest 1953, 65—115. — Strausz A., Bolgár népköltési gyűjtemény. [Сборник болгарской народной поэзии.] I—II. Budapest 1892. — G. D. Teodorescu, Poesii Populare Române. Bucureşti 1885. — S. Domokos, Künstlerische Elemente der rumänischen Haidukenballaden. Annales Universitatis Scientiarum Budapestiensis de R. Eötvös nominatae. Sectio Philologica. Budapest 1957, 1 : 121—136. — B. Petranović, Srpske narodne pjesme iz Bosne i Hercegovine. Beograd 1870. — Délszláv népballadák. [Южнославянские народные баллады.] Budapest 1946.

[54] Сравни с романами Eötvös J., A falu jegyzője [Сельский нотарь] и Móricz Zs., Rózsa Sándor.

[55] Хроника Лацко Матэ Шепши 1521—1624. Mikó I., Erdélyi Történelmi Adatok. [Трансильванские исторические данные.] III. Kolozsvár [Клуж] 1858, 9.

венгерские гайдуки, боровшиеся раньше против турок, стали воинами освободительных войн трансильванских князей, поддерживаемых и со стороны турок. Колонизационные стремления Габсбургов разъединили гайдуков Венгрии, представлявших собой раньше единство. Южные славяне, очутившиеся по неволе на территории тогдашней Венгрии, с горечью замечали, что и сама Венгрия очутилась в упадке, что венгры не могут им помочь, хорошо если они сумеют защитить самих себя, что от венгров не могут ждать освобождения своей родины.[56] Часть южнославянских гайдуков, очутившихся на территории Венгрии, сдалась туркам, смирилась с кажущимся неизменным положением, пошла на службу турок. Их называли *марталоцами* (martalóc) 'разбойник'; они составляли важную часть турецкой армии, в занятых турками венгерских крепостях они несли сторожевую службу.[56] Их название поныне сохранилось в венгерском слове *martalék* 'добыча', 'жертва' и в фразеологическом сочетании *martalékul esik* 'становиться жертвой чего или кого-нибудь'.[57] На занятых турками венгерских областях в погоне за добычей они заходили очень далеко, часто и на не занятые турками области.[58] Их другая часть перешла на сторону Габсбургов и стала в ходе колонизации Венгрии со стороны Габсбургов свирепым врагом венгров.[59] Вражеское отношение южных славян, живших на территории Венгрии, сохранилось еще долго после изгнания турок и, к сожалению, препятствовало антифеодальным и национальным стремлениям венгров.[60] Разъединением гайдуков Венгрии на грани XVI—XVII вв. можно объяснить и то, что гайдуки, поселенные князем Иштваном Бочкаи и его наследниками, в этническом отношении были венграми.[61]

После вышеизложенного мы попытаемся реконструировать происхождение венгерского слова *hajdú*. Ввиду того, что народная борьба против турок, пронизанная антифеодальными тенденциями, развернулась впервые на Балканах, мы считаем, что зарождение слова следует искать там. Можно его искать и в самом турецком языке, в особенности, если примем во внимание замечание Армина Вамбери относительно турецких слов *hajdud* и *hajdut*.[62] По его мнению они не тождественны друг другу, значение перього — 'разбойник', а второго — 'солдат-доброволец'. Однако данное отграничение

[56] Juga V., A magyarországi szerbek. [Сербы, живущие в Венгрии.] Budapest 1913. 16.

[57] *Книежа* указ. соч. 1/2 : 689—690. — *Д. Ј. Поповић*, О марталосима... (см. выше).

[58] Слово *martalék* имело между прочим и значение 'венгерский солдат, беспокоящий турок'. Ср. Takáts S., A török—magyar lesvetés módja. [Турецко-венгерский способ применения засады.] Századok 1912, 745—746.

[59] Ср. книгу протоколов г. Кашша [Кошице] от 29 мая 1615 г.

[60] Ср. *И. Данко*, Легенда о хайдунанашском холме Тештхалом.

[61] Ср. Hornyik J., A rácok ellenforradalma 1703—1711. [Контрреволюция рацов (сербов) 1703—1711.] Századok 1868. — Thim J., A magyarországi 1848—49-i szerb fölkelés története. [История сербского восстания 1848—49 гг. в Венгрии.] I—III. Budapest 1930—1940.

[62] См. упомянутые работы *И. Дьерфи, И. Сабо, Р. Часар* и *И. Данко*.

никогда не могло быть четким, особенно, если примем во внимание сказанное нами о различии между солдатами и разбойниками XV—XVI вв. Этим можно объяснить то, что различие между двумя словами стерлось. Однако замечание Армина Вамбери не приводит нас ближе к самому возникновению слова. На наш взгляд слово *hajdú* происходит по всей вероятности от турецкого слова *hajde* 'вперед', являющегося на Балканах общеизвестным.[63] Солдаты, равно как и разбойники одинаково угоняли скот, да не только скот, но угоняли и людей в рабство. Во время перегона часто выкрикивали *hajde!*, настолько, что и их стали называть этим словом. Это предположение подтверждается кроме ряда возникших подобным образом названий и распространением слова *hajde*. Оно известно только на территории, занятой в свое время турками, т. е. на территории, где действовали и гайдуки. Как диалектизм оно известно главным образом в южной части Венгрии.[64] Турецкое существительное *hajdajan* 'погонщик' происходит также от *hajde*, или от одного из его вариантов, а именно от *hajda*.[65] Слово *hajda* в качестве топонимического названия встречается в Ходмезэвашархейе (Hódmezővásárhely). Ходмезэвашархейская *Гайда-чарда* (Hajda-csárda — 'корчма, постоялый двор') была построена в начале XVIII в. Ее название связано с тем, что в свое время погонщики, гонявшие рогатый скот из Темешкэза, Торонтала, Бекеша и Арада по направлению к Сегед—Сентешу, Вене и Пешту, вгоняли скот на двор *чарды* (постоялого двора) для отдыха с громким выкрикиванием *hajde! hajde!*[66] В названии постоялого двора *Hajda-csárda* и в формировании слова в период его возникновения мы видим аналогию. При свидетельстве исторических отношений и в лингвистическом отношении только таким образом можно искать формирование слова и среди пастухов и связывать его с глаголом *hajt* 'гонить'. Слова *hajde, hajda* находятся в тесной связи с турецким существительным *hajdajan* 'погонщик' или с его глагольной формой. Кроме звукового родства между ними имеется и семантическое родство. Междометие *hajde, hajda* 'ну', 'вперед', 'давай' употребляется для побуждения к движению, оно и само по себе обозначает движение. Турецкое слово было заимствовано южными славянами и благодаря им оно стало на

[63] См. *Цуцор—Фогараши* указ. соч. Интересно, что в польском языке различают формы *hajduk* и *hajdud*. Первая считается заимствованием из венгерского, а вторая из турецкого или болгарского языков. Ср. *Я. Рейхман* указ. соч.

[64] هايدە, *hajde! hey!* 'вперед': Tewfik Ahsan указ. соч. 177. Вместе с вариантами приводит и юговосточноевропейские варианты *Кнежа* указ. соч. 1/1 : 208. С точки зрения формирования слова *hajdú* очень важно его наблюдение, по которому в Задунайский край и на территорию между Дунаем и Тисой оно было занесено сербами, а в Трансильванию румынами. В связи с пастушеской жизнью приводится имя вола *Hajdár*. Kalmány L. Szeged népe 2 : 241. Ср. Ш. *Балинт* указ. соч. Т. 1.

[65] По венгерскому диалектологическому словарю [Magyar Tájszótár. I—II. Budapest 1893—1901.] имеются варианты: *hejde!, hajda!, hejdi!*

[66] Pastinszki J., Gyakorlati magyar—török szótár. [Практический венгерско-турецкий словарь.] [Без указания места и года издания.] — Magyar Nyelvőr 21 (1892) 91, 283, 328, 330.

Балканах общеупотребительным. По всей вероятности в южнославянских языках произошло и звуковое изменение, в результате которого возникла в балканских языках, а в тесной связи с ними и в турецком языке, двоякая форма : *hajduk* и *hajdut*. Форма *hajduk* возникла и в сербском языке, она является основой возникших и распространившихся позже вариантов. Румыны считают, что румынская форма *haiduc* заимствована из сербского языка, а в немецкий язык данное слово перешло при помощи хорватско-словенского посредничества.[67] Весьма вероятно, что в польский язык данное слово перешло не из венгерского, а из румынского языка. Согласный *-к* в конце слова исчез только в венгерском языке, а это свидетельствует о том, что при морфологическом оформлении оно встретилось с затруднениями.

В пользу нашего предположения говорит и определенный пласт словарного состава венгерского языка XV—XVII вв., к которому относятся например : *portyázó (katona)*[68] 'наездник', *martalóc (katona)*[69] 'разбойник'', *deli (katona)*[70] 'статный (солдат)', *palánk*[71] 'ограда, частокол', *köpönyeg*[72] 'плащ', *haramia*[73] 'бандит' *csárda*[74] 'трактир, постоялый двор', *pribék*[75] 'дезертир', *fringia*[76] 'сабля', *beslia*[77] 'турецкий гусар-доброволец', *pajkos*,

[67] Ср. Szeremley S., Hód-Mező-Vásárhely története. [История Ход-Мезэ-Ваш ар хейя.] Hódmezővásárjhely 1907, 471.

[68] Ср. Dictionarul limbii române. Bucureşti 1934. — *Д. Ј. Поповић* указ. соч. — Этому мнению не противоречит то, что *Hajdú* в качестве личного имени встречается уже в 1238 г. (См. *Цуцор—Фогараши* указ. соч.), ибо, если даже не примем во внимание возможность описки, слово могло уже тогда возникнуть независимо от формы, развившейся позже.

[68] Bárczi G., Magyar szófejtő szótár. [Этимологический словарь венгерского языка.] Budapest 1941, 247.

[70] *Барци* указ. соч. 198. — *Книежа* указ. соч. 1/2 : 689—690. — *Д. Й. Попович* указ. соч.

[71] *Барци* указ. соч. 50. По его же мнению (A magyar szókincs eredete. [Происхождение словарного сосава венгерского языка.] Budapest 1951, 44, 53) 'свободный воин, который воюет, чтобы приобрести добычу'. — *Книежа* указ. соч. 1/1 : 146—147 основой слова счиает *dalia*. У южных славян оно стало и личным именем. Славным рацским (сербским) воеводой был Марко Дели. (Szamosközi I. történeti maradványai 1566—1603. [Историческое наследство И. Самошкэзи 1566—1603.] Mon. Hung. Hist. Irók. [Писатели.] XXVIII. Budapest 1876, 2 : 148.) В произведении Zrínyiász [Зриньиада] также воспевается Марк Дели. Савву Дели упоминает Самошкэзи (указ. соч. 4 : 194). Слово было общеупотребительным и у турок. Например, Габора Батори называли *deli kiral*. (См. *Карачон* указ. соч. 3 : 190.) В данном случае значение слова изменилось, оно имеет значение 'шальной'. На Венгерской Низменности (Alföld) оно встречается и в качестве фамилии.

[72] *Барци* указ. соч. 233. — *Книежа* указ. соч. 1/2 : 900—901. (Ср. *Ш. Такач*, Очерки из турецких времен 2 : 1—133.)

[73] *Барци* указ. соч. 176. — *Книежа* указ. соч. 1/2 : 872—873.

[74] *Барци* указ. соч. 113. — *Книежа* указ. соч. 1/1 : 212. — Lehr A., Haramia. Magyar Nyelv 1906. — Takáts S., Hajdú, martalóc, haramia. Akadémiai Értesítő [Академический Вестник.] 1908, 333.

[75] *Ш. Такач*, Очерки из турецких времен. — *Барци* указ. соч. 36.

[76] *Книежа* указ. соч. 1/1 : 446. — *Ш. Такач*, Турецко-венгерский способ организации засады.

[77] *Книежа* указ. соч. 1/1 : 173.

pajzán[78] 'плутовской', *bekcsiás*[79] 'слуга', *harácsoló*[80] 'рвач', *harámbasa*[81] 'атаман разбойников-рвачей', *pandur*[82] 'турецкий пехотинец', *kozák*[83] 'казак', *hajdemák*[84] 'гайдамак', *duttyán*[85] 'таверна'. Большинство слов, принадлежащих к этому пласту является по происхождению турецким. Они перешли в венгерский язык при посредничестве балканских языков. Ло нашему мнению трудно себе предоставить, чтобы только в отношении слова *hajdú*, тесно примыкающему к этому пласту, дело обстояло иначе.

Наше предположение подтверждает и венгерская военная история. В формировании венгерского войска на протяжении продолжительного времени замечается колебание между тяжелой западной (рыцарской) и легкой (восточной) организацией военных сил, обмундированием и способом боевых действий. Параллельно с развитием феодального государства

[78] *Книежа* указ. соч. 1/1 : 90. — *Besli* 'штурмующий отряд, состоящий из избранных всадников'. Их местом пребывания была гусарская крепость — *besli*. Ср. Illésházi I. feljegyzései 1592—1603. [Записки Иллешхази 1592—1603] Mon. Hung. Hist. Pest 1863, 8 : 6. У южных славян, подобно как и слово *deli* стало употребляться в качестве имени. Ср., например, у *И. Самошкэзи* указ. соч. 4 : 352.

[79] *Книежа* указ. соч. 1/2 : 899—900. Ср. Barta B., Rövid Chronika. [Краткая хроника.] Debreczen 1666, 8. Сюда относится и слово *pajtás* 'товарищ'. См. *Барци* указ. соч. 232.

[80] *Книежа* указ. соч. 1/1 : 86.

[81] *Барци*, Происхождение словарного состава венгерского языка 44. — *Книежа* указ. соч. 1/1 : 212.

[82] *Харамбашей* [*harámbasa*] называли главным образом предводителей *харамий* [*haramia*]. Данное слово и сегодня применяется по отношению к гордым и аггрессивным людям. Ср. *Книежа* указ. соч. 1/1 : 212.

[83] *Книежа* указ. соч. 1/1 : 383—384. Оно встречается и в качестве топонимического названия. До конца XVIII в. в рабоне г. Байя существовало село *Пандур* [*Pandur*]. Сегодня так называется остров на Дунае, где когда-то находилось упомянутое село.

[84] По своему происхождению, быту и приобретенным правам казаки больше всего похожи на венгерских гайдуков. Ср. *Книежа* указ. соч. 1/1 : 286. И. Самошкэзи о них пишет следующее : „Sunt pedites, qui hostem furtive et inopinate adoriri solent. Italice corsari, germanice Freibiteri dicuntur, qui in mari latrocinantur. Sed Rutnois huiusmodi Kozacy dicuntur qui vias hostium circumsident et furtive et inopinateque interdum decem Kozacy ad centum Moschos ex insidiis irrunt inopinatusque trucidant." (Указ. соч. 4 : 367.) Характерным типом для казачества является казак Плахта. В народной песне 1652 г. народом ему приписываются все характерные для казачества черты, благодаря которым казаки стали народными героями. (Ср. *І. Франко*, Козак Плахта. Записки Наукового Товариства Ім. Шевченка 9 [1902], № 47.

[85] Относительно формы *гайдамак* см. Magyar Nyelvőr 19 (1890) 409. В Русско-венгерском словаре (см. выше) *гайдамак* имеет два значения : а) 'украинский повстанец' ; б) 'украинский контрреволюционер', а *гайдамачина* — 'антипольское украинское народное движение XVII—XVIII вв.' Данное слово родственно венгерскому *hajdú*. Его первоначальное значение—повстанец и, несмотря на то, что в отношении его происхождения имеется ряд спорных вопросов, несомненно, что по происхождению оно является турецким. Оно могло возникнуть из предполагаемого турецкого глагола *hajdalamaq* или *hajdamaq* 'гонять', которое однако Книежа в источниках не находит. (Указ. соч. 1/2 : 834—836.) Уже и по семантическим причинам более вероятным кажется, что его происхождение следует искать в турецком *hademe* 'повстанец' или прямо 'гайдук'. (Ср. *Паштински* указ. соч.) Движение гайдамаков кульминационной точки достигло в середине XVIII в. Польская история восстание гайдамаков в Умани в 1768 г. называет прямо *резней, колиевшиной*. Гайдамаки в своей борьбе опирались на широкие общественные слои. В ней проявились сильные антифеодальные тенденции. Относительно связей гайдамаков см. Записки Наукового Товариства Ім. Шевченка 13 (1904), № 59.

венгры переняли западные военные формы, так что в битве при Мохи легкая конница монголов разбила венгерское войско, имевшее тогда уже тяжелое рыцарское вооружение. Так обстояло дело и позже в битве при Мохаче. Тяжелую феодальную конницу XIV в. в связи с приближением турок постепенно сменила легкая кавалерия, состоящая из гусар.[86] Защищаться против легкой конной турецкой армии невозможно было при помощи рыцарского вооружения, мешавшего передвижению. Впрочем исследование семантики и распространения слова *huszár* 'гусар' и с точки зрения изучения слова *hajdú* не является второстепенным. Слово *huszár*, заимствованные венграми от южных славян, первоначально имело значение 'разбойник' и только позже получило оно в венгерском языке новое значение 'кавалерист', по всей вероятности таким образом, что носители этого названия — бывшие разбойники — стали солдатами в славных частях Яноша Хуньяди и его сына Матьяша. Слово *hajdú* в значении 'солдат' не обозначало исключительно пехотинца, ведь большинство их было кавалеристами.[87] Речь идет только о том, что XVI в. представляет собой такой период, когда наряду с кавалерией все больше и больше значения приобретает пехота. Гайдуки же, несмотря на их бедность, которая между прочим проявлялась и в том, что у них не было лошадей, представляли собой самый усовершенствованный род оружия.[88] Прежняя пехота, сформировавшаяся в средних веках, и состоявшая из т. н. «драбантов», подобно как и каваллерия, имела тяжелое вооружение.[89] Соответственно феодальной организации войск, за исключением немногочисленного королевского войска, находились на службе вельмож, высшего духовенства, комитатов и городов. Кавалерия и пехота, сформировавшиеся в средних веках, по причине устаревшего вооружения, все время возрастающей анархии и турецкой экспансии, быстро деморализировались. Непосредственной причиной их деморализации было то, что они не получали регулярно жалованья, не заботились об их содержании. Часть членов разлагающихся феодальных воинских частей увеличивала число свободных или крестьянских солдат, представлявших народное сопротивление.[90] Такими крестьянскими солдатадми были, например, т. н. *харамии*.[91] Они действовали на территории Славонии, Хорватии и югозапад-

[86] Ср. Horger A., Népünk és nyelvünk [Наш народ и наш язык] 7 : 224. — *Книежа* указ. соч. 166.

[87] Относительно военно-исторической точки зрения см. *Д. Эрдейи* указ. соч. там же.

[88] Например, поселенные позже в Хайдусобосло. Ср. *Э. Малнаши* указ. соч.

[89] *Д. Эрдейи* указ. соч. — *Л. Элекеш*, Армия Хуньяди 85—121. — *Ш. Такач*, Формирование венгерской пехоты passim. — Из писателей многие упоминали об их отваге и успехах на поле битвы. Ср., например, *И. Карачон* указ. соч. 5 : 113—114 ; *Иллешхази* указ. соч. 54.

[90] *Книежа* указ. соч. 1/2 : 622.

[91] О переходной стадии между феодальной конницей и формирующимися народным войском свидетельствуют и языковые данные. В 1553 г. Б. Салаи говорит о странствующих драбантах *(bujdosó drabant)*. См. Takáts S., A magyar vár. [Венгерская крепость.] Századok 1907, 830. Термин *szegény legény* 'бедняк' (дословно : 'бедный парень')

ных областях Задунайского края. Они состояли главным образом из сербских беженцев. В основном из сербов состояли и т. н. *марталоцы*. Часть этих находилась на службе у турок, однако довольно многие из них служили императору.[92] Т. н. *ускоки*, спасаясь перед турками, ушли со средней части Балкан на побережье Адриатического моря, в район крепости Клисса, где и поселились и оказывали сильное сопротивление по отношению к туркам.[93] На побережье Адриатического моря поселились и т. н. *морлаки*, тоже южные славяне, ведшие такой же военный образ жизни.[94]

Тесное родство гайдуков с упомянутыми военными группами подтверждается и тождественной организацией.[95] Первоначально предводителей гайдуков в Венгрии тоже называли *вайдами* (воеводами), а военная организация находившихся в их подчинении солдат соответствовала южнославянской пехотной десятичной системе. У отдельных групп крестьянских войск, боровшихся против турок, имеется много сходства во всех отношениях. Этим объясняется то, что их названия часто смешивали или отождествляли, а потом постепенно, примерно к 1650 г., общим наименованием народных сил, боровшихся пртоив турок, стало *гайдук* (венг. *hajdú*).[96] После этого не следует удивляться тому, что венгерских гайдуков, поселенных в районе Дебрецена, сохранившаяся часть которых сегодня считается одной из характерных этнических групп венгерского народа, считали по происхождению южными славянами.[97]

Наконец, в интересе дальнейшего подтверждения нашего предположения, укажем на то, что слово *hajde!*, *hajda!* в словарном составе венгерского языка представляет собой южновенгерский диалектизм.[98] В основном

в основном применялся по отношению к обедневшим солдатам пограничных крепостей. Г. Шиййе, когда связывал слово *hajdú* с *hajadon legény* 'неженатый парень', был прав в том, что солдат пограничных крепостей, ставших гайдуками, называли бедняками *(szegény legény)*, дословно: 'бедными парными'. Кроме разных деморализировавшихся военных элементов с точки зрения гайдуков очень важными являются *sátorozó ráják* 'раи, живущие в шатрах', т. е. венгерские, сербские, румынские и в меньшей мере болгарские крестьяне, которые бежали со своих местожительств на территорию Венгрии и стали странствующими. Ср. KARÁCSON I., Sátorozó ráják. [Раи, живущие в шатрах.] Századok 1908, 919—923.

[92] Определить разные типы народных войск попытался Ш. Такач в ряде работ. Однако ему не удалось окончательно разрешить этот вопрос. Нам кажется, что при определении типов народных войск следует исходить из географической точки зрения. *Харамии* действовали главным образом на пограничной территории Славонии.

[93] *Д. Эрдейи* указ. соч.

[94] Ср. работу *Й. Томича* (Глас Српске Краљевске Академије 55 [1899—1900].)

[95] Краткое описание *морлаков* см. в Osztrák-Magyar Monarchia írásban és képben. [Австро-Венгерская Монархия в письме и на картинах.] Budapest 1897, 7 : 497—498.

[96] *Ш. Такач,* Формирование венгерской пехоты. — *Д. Эрдейи* указ. соч.

[97] По Ибрагиму Печеви Габора Батори убили гайдуцкие *воеводы*. *(И. Карачон* указ соч. 3 : 191.) Турки *ускоков* называли гайдуками. *(И. Карачон* указ. соч. 2 : 399.) Имеется такой случай (1549 г.), когда *харамий и гайдуков* отождествляют. (Századok 1909, 429.)

[98] Например, в сборнике Magyarok és délszlávok. [Венгры и южные славяне.] Budapest 1940, 20.

данное междометие употребляется на той территории, где когда-то формировалось венгерское гайдучество. Что мы имеем дело со словом южнославянского происхождения, об этом свидетельствует и то, что определенный род невода *(kaparó-háló)* хорватские рыбаки (т. н. шокацы) в районе Мохача называют *неводом hajde*.[99] Это название не могло возникнуть случайно и, несмотря на то, является ли оно более старым или более новым, во всяком случае происходит от южных славян и имеет значение 'скребка', 'приведение воды в движение'. Кроме упомянутого диалектизма к нашим аргументам напрашивается целый ряд сложных топонимических названий в южной Венгрии, у которых одним из компонентов является слово *hajdú*.[100] Эти названия по происхождению являются старыми и указывают на период гайдучества. От гайдуков сохранились в Венгрии и фамилии, о которых тоже можно упомянуть. Например, после изгнания турок среди населения города Байя были и южные славяне, являвшиеся носителями фамилии *Hajduk*.[101] Их потомки и поныне живут в этом районе, однако их фамилия теперь уже имеет венгерскую форму *Hajdú*. Там же, т. е. в городе Байя, встречается и фамилия *Hajdukovics*. Она по сегодня сохранила свою оригинальную форму, свидетельствуя о том, что имя, являющееся наяву иностранным, в венгерском языке не изменяется, однако в случае формы *Hajduk* дело обстояло не так, потому что венгерским языком она была воспринята как форма множественного числа. Имеется и такой случай, когда из венгерского существительного *hadnagy* (раньше 'воевода', теперь 'лейтенант') возникла фамилия *Hadnagyev*.[102] Предводителями гайдуков первоначально были т. н. *вайды* (венг. *vajda* < слав. *vojevoda)*, а позже, когда они стали солдатами, их предводители стали называться *хаднадьями* (см. выше). Одним из доказательств юговосточноевропейских связей гайдуков является и данная фамилия *Hadnagyev*, встречающаяся у сербов.

Подводя итоги вышесказанному, можно установить, что вопросы о происхождении, семантике и распространении слова *hajdú* 'гайдук' надлежащим образом еще не выяснены. Изложенное нами предположение, несмотря на то, что оно опирается на исторические и этнографические факты, останется предположением до тех пор, пока многогранную проблематику

[99] Венгерский диалектологический словарь.

[100] В собрании этнографического материала Музея им. И. Тюрра [Türr István-Múzeum] в г. Байя.

[101] *Hajdútemetés* ('Гайдуцкое кладбище') в селе Вайсло комитата Баранья, *Hajdúhegy* ('Гайдуцкая гора') в селе Мейкут Бачванского комитата, *Hajdú szigetje* ('Остров гайдука') в Сегеде, *Hajdova* возле Сегеда, *Hajdúvölgy* ('Гайдучья долина') в селе Магоч комитата Бекеш, *Hajdúláz* в селе Палконья комитата Баранья, *Hajduház* ('Гайдучье жилище') в селе Шарсентлэринц комитата Толна, *Hajdúles* ('Гайдучья засада') в Дунафельдваре того же комитата. Здесь можно еще упомянуть, что имеются и топонимические названия, образованные от фамилий *Hajdú*, *Hajdúkovics*.

[102] Фамилии в Урбариальных списках г. Байя 1698, 1725, 1743, гг. в Государственном Архиве в г. Печ.

данного слова не подтвердит языкознание соответствующими лингвистическими данными.*

[103] Szerb gyakorlati nyelvtanító szótárral. [Практический учебник сербского языка со словарем.] Hadnagyev Arszén közreműködésével összeállította Pisztora József. [Составил Й. Пистора при содействии А. Хаднадьева.] Budapest 1919.

* В опубликованной выше статье И. Данко обращает внимание на несколько любопытных моментов в связи с происхождением венгерского слова *hajdú*. Особенно важно, что автор статьи собрал воедино исторический материал, относящийся к гайдукам и подобным нерегулярным войскам и рассматривает формирование войск такого типа как явление общественно-исторического порядка. Однако этимология слова, предлагаемая автором, едва ли может считаться удачной, так как в ней не учитываются факты, связанные с историей и семантикой слова. В дальнейшем мне хотелось бы коротко указать именно на последние.

Данко приходит к выводу, что венгерское *hajdú* в конечном итоге является словом балканского происхождения. Но это очень маловероятно. Изучая историю слов, близких по значению, напр., *huszár*, *martalóc*, *pribék*, балканское происхождение которых не вызывает сомнения, мы находим, что эти слова засвидетельствованы в сербо-хорватском в общем на одно-два столетия раньше, чем в венгерском. Так слово *husar* встречается в XIII в. (у Доментияна), в венгерском начиная с 1432 г., *martalóc* с 1400 г., в венгерском с 1494 г., *prebeo* тоже с XIII в. (также у Доментияна), в венгерском с 1484 г. Подобным образом можно было бы проследить и историю других слов этого типа. С словом *hajdú* дело обстоит совсем наоборот. Оно неоднократно засвидетельствовано на венгерской территории, правда, в латинизованной форме, уже в конце XV, в начале XVI вв., а в сербохорватском впервые появляется лишь в 1598 г. Факты, связанные с историей слова, нисколько не подтверждают предположения о его балканском происхождении. Но не следует упускать из виду и семантику. В латинских источниках слово, первоначально засвидетельствованное в виде *hajdó*, истолковывается сначала недвусмысленно как *'bubulcus'* или *'pastor'*, то есть 'погонщик скота' или 'пастух' (значение 'воин' появляется лишь позднее), а это было бы очень трудным отрывать от формы причастия *hajtó* венгерского глагола *hajt* 'гонять', тем более, что в связи с пастьбой мы имеем старые свидетельства о словах *hajtóember* 'погонщик' и *hajtópénz* 'платеж за перегон скота'. Первоначальное значение слова, таким образом, говорит скорее в пользу венгерского происхождения. Какое имеет объяснение в венгерском языке изменение *-jt-* > *jd-* это, разумеется, вопрос другого порядка. Из-за этого затруднения, однако, указанных слов все же нельзя произвольно отрывать друг от друга. Наконец, в связи с возникновением южнославянской формы *hajduk*, в отличие от общепринятого мнения, согласно которому она представляет собой заимствование венгерской формы множественного числа, я хотел бы предложить другое объяснение. Согласный *-k* прибавился к слову просто для устранения непривычного в хорватском окончания на *-u*. Посредством *-k* слово нашло свое место в морфологической системе заимствующего языка, совершенно так же, как венгерское *fattyú* в хорватском получило вид *faćuk*. Этот же элемент *-k* обнаруживается в чакавском диалекте и в конце подлинных славянских имен существительных мужского рода с корнем на *-en-*, которые первоначально оканчивались на *-y-*, а позднее, после совпадения *y* и *i*, на *-i-* : *kamy* > *kami*, чак. *kamik* 'камень'. Таковы далее формы *jačmik* 'ячмень', *plamik* 'пламя', *remik* 'ремень'. Здесь мы имеем дело опять-таки с устранением непривычного окончания имени с целью облегчения вставки слова в морфологическую систему языка.

Л. Хадрович

Genetické vzťahy praslovanského slovesa *sъlati*

Praslovanské sloveso *sъlję, sъlati* nie je doteraz v etymologických slovníkoch geneticky dostatočne uspokojivo vyložené. Niektorí autori sa vyslovujú veľmi skepticky o možnosti etymologického výkladu tohto slovesa. Svedčí o tom Preobraženského poznámka „Zatrudniteľno",[1] ako aj konštatovanie Holuba—Kopečného „Nedosti jasné".[2]

Na základe sémantického derivačného vzťahu, ktorý možno zistiť medzi reálnymi pohybovými a faktitívnymi pohybovými slovesami, pokúsime sa čo najširšie geneticky začleniť toto praslovanské sloveso do rámca indoeurópskej slovnej zásoby. Pridržiavame sa metodickej zásady, že pri odkrývaní predhistorickej derivačnej motivácie slov je najpravdepodobnejší ten etymologický výklad, ktorý sa opiera o čím väčšie množstvo sémantických paralel z tej istej významovej kategórie. Hláskové kritérium, t. j. formálna fonologická usúvzťažnitelnosť medzi morfémami, ktoré pokladáme za geneticky totožné, je v našom ponímaní požiadavka samozrejmá.

Sloveso *posielať, poslať*, praslovanské *sъlati* patrí, ako ukazuje jeho význam a syntaktické fungovanie, do kategórie slovies pohybových. Jeho významovú funkciu možno analyticky vyjadriť takto: S u b j e k t A p ô s o b í (svojou vôľou alebo aj konaním) n a o b j e k t B, a b y t e n v y k o n a l u r č i t ý p o h y b (šiel, utekal ap.). Napr. veta »Učiteľ poslal žiaka kúpiť noviny« je bez porušenia základného zmyslu zameniteľná štylisticky súvetím »Učiteľ požiadal žiaka, aby mu š i e l kúpiť noviny«. Obdobné syntaktické fungovanie, ale značne konkrétnejší a nástojčivejší význam má aj sloveso *hnať*, praslovanské *gъnati*.

O tom, že slovanské sloveso *sъlati* funguje vo vete ako slovesá pohybové, svedčia tie slovanské jazyky, ktoré používajú alebo používali po pohybových slovesách supínum. Napr. v staroslovienčine je supínum nielen po slovesách *idǫ, grędǫ* ap., ale aj po slovese *sъlati*. V Supraslienskom kódexe (210, 15—16) je veta: *Posъlana bysta mǫčitъ rekomyję raby božiję*.[3]

Slovesá *sъlati, gъnati* však neoznačujú pohyb reálny, v momente prehovoru realizovaný. Významový prvok pohybu je v nich obsiahnutý len potenciálne. Zlučujú v sebe význam vôľovej modálnosti a prvok pohybu ako cieľa.[4] Sú to pohybové slovesá faktitívne (kauzatívne).

[1] A. G. Preobrazhensky, Etimological Dictionary of the Russian Language New York 1951, 2 : 320.

[2] Holub—Kopečný, Etymologický slovník jazyka českého. Praha 1952, 287.

[3] Porov. W. Vondrák, Altkirchenslavische Grammatik (1912) 592.

[4] Porov. Ľ. D'urovič, Modálnosť. Bratislava 1956, 101; J. Ružička, Sémantický rozbor a syntaktické využitie slovies pohybu. Studie ze slovanské jazykovědy. Praha 1958, 275.

A

Faktitívne pohybové slovesá sú historicky a často aj synchronicky svojou formou čiastočne alebo aj úplne totožné s reálnymi pohybovými slovesami. Svedčí o tom napr. slovenské *hnať*, ktoré funguje nielen ako faktitívum (*„Škvaňa", vybuchne Zuza a vyženie Marku dojiť* — F. Hečko), ale aj ako reálne pohybové sloveso: *Ženú na fiakri, ako sa patrí* — M. Rázus; *Kto to na tom divom koni jak víchrica ku nám ženie?* — J. Botto.[5]

O genetickej totožnosti faktitívnych pohybových slovies s významom 'posielať, hnať, tlačiť' a skutočných pohybových slovies s významom 'ísť, kráčať, bežať' svedčí pomerne mnoho slovies indoeurópskej slovnej zásoby. V niektorých prípadoch má formálne rovnaké sloveso v tom istom jazyku aj význam skutočného pohybového slovesa, aj význam faktitíva, v iných prípadoch geneticky tá istá korenná, resp. kmeňová morféma je v jednom indoeurópskom jazyku využitá ako faktitívum, v inom ako reálne pohybové sloveso.

1. Grécke *στέλλω* s pomerne bohatou sémantickou rozvetvenosťou sa používalo aj vo význame 'posielať' (tento význam pri slovese *στέλλω* sa stal v novej gréčtine základným, ba jediným[6]), ale aj ako neprechodné 'ísť, odchádzať'.[7]

2. Starohornonemecké homonymné sloveso *sinnan* popri význame 'snažiť sa' značilo aj 'ísť, putovať'. Vo funkcii faktitívnej mu zodpovedá starohornonemecké *senten*, staroislandské *senda*, gótske *sandjan* 'posielať'. S týmito germánskymi faktitívami sa etymologicky spája aj litovské *siunčiu* < *suntiu* a lotyšské *sutu* 'posiela'.[8]

3. Arménskemu *elanem* 'idem, vychádzam', írskemu *elaim* 'utekám' geneticky zodpovedá grécke faktitívum *ἐλάω, ἐλαύνω* 'ženiem, tlačím, posielam' a staroindické *iy-ar-ti* 'dáva do pohybu'.[9] Uvedené slovesá sú odvodené od indoeurópskeho pohybového slovesného koreňa *Hel-*[10] > *el-*, resp. od kmeňa *Hel-H*$_2$*-/Hl-eH*$_2$*-* > *ela-* (gréčtina, arménčina), *la-* (ostatné jazyky).

Koreň *Hel-* bol pôvodne fakultatívnym variantom koreňa *Her-*[10a] s tým istým významom. Odvodený príponou *-n-* : *Her-n-/Hr-en-* > *ren-/ron-* existuje tento základ v gótskom slovese *rinna, renna* 'bežať', staroislandskom *rinna renna* 'utekať, tiecť', starohornonemeckom *rinnan* 'utekať, tiecť'. Ako fakti-

[5] A. Jánošík—E. Jóna, Slovník spisovného jazyka slovenského. Turčiansky Svätý Martin 1946—1949, 726.

[6] É. Boisacq, Dictionnaire étymologique de la langue grècque. Heidelberg—Paris 1923, 907.

[7] C. D. Buck, A Dictionary of selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. Chicago—Illinois 1949, 710.

[8] S. Feist, Etymologisches Wörterbuch der gotischen Sprache. Halle-Saale 1923, 309, 319. — R. Trautmann, Baltisch-slavisches Wörterbuch. Göttingen 1923, 292. — Walde—Pokorny, Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. II. Berlin—Leipzig 1927—1932, 155—156.

[9] É. Boisacq ibid. 239.

[10] Znakom *H* označujeme laryngálu (spoluhláskové šva). K laryngálnej teórii porov. J. Kuryłowicz, ə indoeuropéen et ḫ hittite. Symbolae grammaticae in honorem J. Rozwadowski. Cracoviae 1927, 95—104. É. Benveniste, Origines de la formation des noms en indoeuropéen. Paris 1935. Ruský preklad: Indojevropejskoje imennoje slovoobrazovanije. Moskva 1955, 179.

[10a] Pôvodnú fonologickú identitu likvíd *r/l* v starších fázach vývinu indoeurópskeho prajazyka dokazujeme v štúdii *Striedanie likvíd r/l v indoeurópskych jazykoch*. Jazykovedný časopis SAV, roč. X, č. 2, Bratislava 1959.

tívum funguje základ *Hren-* > *ren-/ron-* v gótskom *ur-ranjan* 'nechať vyjsť', staroislandskom *renna* 'spôsobovať pohyb, laufen machen' a slovanskom *roniti* 'spôsobovať pohyb, tečenie'.[11]

Odvodený príponou *-d-* zastúpený je základ *Her-d-* > *erd-/ord-* v staroindickom *árdati* 'tečie, uteká' popri faktitíve *ardayati* 'spôsobuje utekanie, tečenie'.[12] Odvodený príponou *-i-* zastúpený je základ *Her-i̯-/Hr-ei̯-* > *eri-/rei̯-* v arménskom *ari* 'vstávam', latinskom *orior* 'vychádzam', slovanskom *ri-nǫ-ti* 'tiecť, utekať', staroslovienskom *ristati* 'bežať'. Ako faktítivum funguje tento základ v gréckom *ὀρίνω* 'pudím, dávam do pohybu', gótskom *ur-raisjan* 'aufstehen machen', starohornonemeckom *rerjan* < *reis-* 'herablaufen machen'.[13]

4. Indoeurópsky pohybový slovesný koreň *u̯er-*, zastúpený v lotyšskom slovese *veru, vert* 'bežať', funguje ako faktitívum v litovskom *varau, varyti* 'hnať, pudiť'.[14] Odvodený príponou *-g-* : *u̯er-g-/u̯r-eg-* funguje tento základ v anglosaštine v podobe *wrecan* jednak vo význame 'bežať', jednak ako kauzatívum 'hnať, tlačiť'. Ten istý základ je v latinskom *urgeo, urgere* 'hnať, tlačiť'. Staroindické *vrájati* 'kráča' má kauzatívum vo forme *pravrajayati* 'lässt wandern'.[15]

5. Slovesný koreň *kel-*, zastúpený v latinskom *celer* 'utekajúci > rýchly', gréckom *κέλης, -ητος* 'bežec(ký kôň)', germánskom *hlaupan* 'bežať', litovskom *keliu, kelti* 'dvíhať sa', je ako faktitívum využitý v gréčtine *κέλλω, κέλομαι, κελευω* 'ženiem', v indičtine *kalayati* 'ženie'.[16]

6. Oproti reálnym pohybovým slovesám lotyš. *pilu, pilet*, gréc. *πάλλω* 'rýchlo sa hýbem', indickému *pravate* 'ponáhľa sa, skáče' stoja faktitíva latinské *pello, pellere* 'hnať', grécke *πελεμίζω* 'dávam do pohybu', slovenské (nárečové) *pelať* 'hnať, odhánať'.[17]

7. Indoeurópsky koreň *kei̯-*, zastúpený napr. v gréckom slovese *κίω* 'pohybujem sa, idem', má kauzatívny pendant v latinskom *cio, cire, cito, citare* 'hnať, pudiť, dávať do pohybu'.[18]

8. Praslovanské *pǫditi* (české *puditi*, poľské *pędzić*, slovinské *poditi* atď.) má genetický proťajšok v starohornonemeckom *funden* 'ponáhľať sa, utekať' z indoeur. koreňa *pen-/pon-* s významom 'ísť, prichádzať', zastúpenom v mnohých jazykoch pri pomenavaní cesty (< chodu): sanskr. *panthaḥ*, praslovanské *pǫtь*, staropruské *pintis* a i.[19]

B

Na základe uvedeného pomerne veľkého a presvedčivého množstva genetických rovníc medzi slovesami s významom 'ísť, utekať' a faktitívami 'posielať, hnať' kladieme si pre genetický výklad praslovanského faktitíva *sъlati* túto

[11] S. Feist ibid. 300, 400. Walde—Pokorny ibid. 1 : 138, 139. V. Machek, Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha 1957, 421.

[12] Walde—Pokorny ibid. 1 : 139.

[13] É. Boisacq ibid. 712. — S. Feist ibid. 400. — Walde—Pokorny ibid. 1 : 139.

[14] Trautmann ibid. 353. — C. D. Buck ibid. 712.

[15] Walde—Pokorny ibid. 1 : 271, 319. — Ernout—Meillet, Dictionnaire étymologique de la langue latine. Paris 1932, 1094.

[16] Boisacq ibid. 431, 432. — Walde—Pokorny ibid. 1 : 442, 446. — Trautmann ibid. 125.

[17] Boisacq ibid. 744, 762. — Ernout—Meillet ibid. 713, 714. — Walde—Pokorny 2 : 57.

[18] Boisacq ibid. 462, 457. — Ernout—Meillet ibid. 178, 180.

[19] Boisacq ibid. 803. — A. Walde, Lateinisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg 1910, 598 (heslo *pons*).

pracovnú zásadu: Koreň praslovanského *sъlati* je pri hláskovej usúvzťažniteľnosti geneticky totožný nielen s indoeurópskymi pomenovaniami významu 'posielať, hnať', ale aj s pomenovaniami významu 'pohybovať sa, ísť, utekať'.

Hlásková podoba koreňa *sъl-* je praslovanským, resp. už baltoslovanským reflexom *sul-* za indoeurópsky nulový stupeň *sl̥-*, ako dokazuje J. Kuryłowicz.[20] Tak, ako napr. litovské sloveso *kuliu, kulti* 'tĺcť, mlátiť obilie' < *kl̥-* stojí oproti plnému stupňu *kel-/kol-*, zastúpenému v temnom timbri v litovskom slovese *kálti* 'tĺcť, biť' a praslovanskom *kolti* 'bodať, pichať, zabíjať', aj praslovanské *sъl-* < *sul-* < *sl̥-* je nulovým ablautovým variantom koreňa *sel-/sol-*. Na základe genetickej sémantickej rovnice 'posielať, hnať' : 'pohybovať sa, utekať' treba v koreni *sel-/sol-* identifikovať jeho využitie vo význame reálneho pohybového slovesa v rámci indoeurópskej slovnej zásoby.

Slovesný koreň *sel-/sol-* vo význame 'pohybovať sa, utekať' je v slovnej zásobe indoeurópskych jazykov pozitívne zastúpený. V jasnom timbri *sel-* ho reprezentuje litovské sloveso *selu, seleti* s významom '(furtim a tergo) accedere vel (citissime) accurere'.[21] V temnom timbri *sol-* ho má zastúpený litovčina slovesom *salti* 'tiecť'.[22] Tieto litovské slovesá sú geneticky príbuzné s latinským *salio* 'skáčem, striekam' a gréckym *ἅλλομαι* (ten istý význam).[23]

Medzi praslovanským *sъlati* a litovskými slovesami *seleti, salti* je teda ten istý sémanticko-derivačný pomer ako medzi latinským *pello* 'ženiem' a lotyšským *pilu* 'tečiem', gréckym *κελεύω* 'ženiem, posielam' a germánskym *hlaupan* 'bežať', anglosaským *wrecan* 'hnať' a litovským *veru, vert* 'bežať', staroislandským *senda* 'posielať' a starohornonemeckým *sinnan* 'ísť' atď.

Indoeurópsky koreň *sel-/sol-* s významom 'pohybovať sa, bežať, tiecť' nie je využitý ako faktitívum iba v slovančine. V tej istej funkcii ho má aj gréčtina v slovese *ἰάλλω* < *si-salio*.[24] Obdobný význam má aj staroindické *(pra-)sulami* 'strkám dopredu, ženiem'.[25] Odvodený príponou *-g-* má koreň *sel-g-* využitý vo význame 'vysielať, posielať' aj iránčina (avesta): *harəzaiti*.[26]

Uvedený koreň *sel-* je fakultatívnym variantom koreňa *ser-* 'utekať, tiecť'. Obdobne ako variant *sel-*, je aj koreň *ser-* zastúpený v indoeurópskej slovnej zásobe jednak ako reálne pohybové sloveso, jednak ako faktitívum. Staroindickému *sarati* 'uteká, tečie' zodpovedá grécky derivát *ὀρμάω* < *sor-m-*

[20] J. Kuryłowicz, L'apophonie en indo-européen, Wroclaw 1956, 227 n. predpokladá a dokazuje, že takzvané svarabhaktické „samohlásočky", redukované *e, o* v susedstve sonór v nulovom (redukovanom) stupni zanikli ešte v období prajazykovej indoeurópskej jednoty, ešte pred zánikom tzv. laryngál, čiže pred diferenciáciou indoeurópčiny. Baltoslovanské samohlásky *i, u* v susedstve sonór v redukovanom (nulovom) stupni: *ir, il, ur, ul* ... nie sú pokračovaním redukovaných „samohlásočok" *e, o* pôvodných útvaroch *er, el or, ol*, ako predpokladá napr. Trautmann (ibid. 127) alebo Machek (ibid. 198, heslo *kel)*. Podľa Kuryłowicza spojenia *ir, il, ur, ul*, resp. slovanské *ъr, ъl, ъr, ъl* sú baltoslovanskou inováciou, samostatným reflexom za čisté indoeurópske sonanty *r̥, l̥* atď. Spojenia *ur, ul* vznikli najprv iba v postavení po velárach, ako tvrdil už Vaillant (Grammaire comparée des langues slaves. 1950, 171), spojenia *ir, il* po ostatných konsonantoch. Neskorším vývinom sa tento prvotný baltoslovanský stav skomplikoval.

[21] Trautmann ibid. 255.

[22] F. Specht, Der Ursprung der indogermanischen Deklination. Göttingen 1944, 319. — Walde—Pokorny ibid. 2 : 505.

[23] H. Hirt, Der indogermanische Ablaut, vornehmlich in seinem Verhältnis zur Betonung. Strassburg 1900, 111, & 468.

[24] Machek ibid. 451, 452. — Walde, Lateinisches ... 389.

[25] I. Wackernagel, Altindische Grammatik. I. Göttingen 1896, 218.

[26] Walde—Pokorny ibid. 2 : 508.

'ženiem, pudím', *ὄρμή* 'pudenie, tlak'. Odvodený príponou *-u̯-* : *ser-u̯-/sr-eu̯-* zastúpený je v staroindickom *srávati* 'tečie', litovskom *sraveti* 'tečie'. Ako kauzatívun je základ *sreu̯-* využitý v indickom *sravayati* 'spôsobuje tečenie' (macht fliessen') a starolitovskom *sravinu* 'spôsobujem tečenie, krvácanie'.

O tom, že korene *ser-/sel-*, resp. kmene *seru̯-/sreu̯-//selu̯-/sleu̯-* sú geneticky totožné, svedčí jasne ich sémanticko-derivačný paralelizmus:

1. Obidva varianty označujú nielen pohyb ľudí a zvierat (bežať, ponáhlať sa ap.), ale aj pohyb vody (tiecť). Stind. *sárati* znamená 'beží, uteká', ale aj tečie'. Podobne aj *sravati*. Staroindické *salilas* znamená 'tečúci', ale litovské *seleti* znamená 'prísť, pribehnúť'. Oproti tomu litov. *salti* znamená 'tiecť'.

2. Obidva varianty sú využité pre pomenovanie rieky, toku, prúdu. Staroindické *sarit, (giri-)srava*, litovské *srava*, grécke *ῥόος, ῥους*, staroperské *Haraiva* (vlastné meno rieky) ai. Od variantu *sel-* sú odvodené napr. staropruské *salus*, slovanské *Slava* (vlastné meno rieky), grécke *ἕλος* 'močiar, rybník'.

3. Obidva varianty sú využité pre pomenovanie ostrova. Slovanské *ostrovъ* < *(ob-)srou̯-*, naproti tomu litovské *salava, slava* a latinské *insula* < *n̥-sl̥-a*.

4. Obidva varianty sú využité vo význame deja 'plaziť sa' a substantíva 'plaz'. Staroindické *sarpari*, grécke *ἕρπω*, latinské *serpo*, všetky od kmeňa **ser-p-*. Naproti tomu je arménske *solim* 'plazím sa', albánske *šlige* 'plaz'.

5. Aj od variantu *ser-*, aj od variantu *sel-* je odvodené pomenovanie sluhu, služby. Latinské *servus* a grécke *εἴρερον* < *ser-u̯er-* (služba), litovské *sarga, sargas*. Oproti tomu slovanské *sluga* < *sl-ou-g-a* a litovské *paslauga* (služba, pomoc).[27]

*

Z nášho doterajšieho rozboru vyplýva pre genetický príbuzenský výklad praslovanského slovesa *sъlati* tento uzáver: *Sъlati* je faktitívum k indoeurópskemu koreňu *sel-/sol-* s významom 'pohybovať sa, tiecť, utekať'. Významove a funkčne sú slovanskému *sъlati* najbližšie grécke *ἰάλλω* < *si-sl̥-io*, staroindické *pra-sulami* a avestské *harəzaiti* < *sel-g-* (posiela). Sú to všetko faktitíva ku koreňu *sel-*, ktorý označoval reálny pohyb: litovské *seleti* 'prichádzať, pribehnúť', litovské *salti* 'tiecť'. Koreň *sel-* bol pôvodne variantom koreňa *ser-*, ktorý je v indoeurópskej slovnej zásobe bohato využitý. Staroindické *sarati* 'uteká, tečie' môže byť aj pokračovaním variantu *sel-*, ale aj variantu *ser-*, pretože v starej indičtine sa likvidy promiscue zamieňali.

Gótske *saljan*, ktoré sa skoro všade pri slovanskom *sъlati* uvádza ako najbližšia paralela,[28] je pre značne odlišný význam (obetovať) problematické. Pokladáme ho taktiež za faktitívum, ale nie k indoeurópskemu koreňu *sel-* 'pohybovať sa, utekať', ale k homonymnému koreňu *sel-* 'brať', zastúpenému napr. v gréckom slovese *ἕλεῖν* (brať).[29]

Nakoniec ešte poznámka k sémantickým vzťahom praslovanského substantíva *sъlъ* (posol). Medzi slovanským *sъlъ* a litovským *seleti* 'prísť, pribehnúť'

[27] O derivácii indoeurópskych pomenovaní sluhu od slovesných pohybových koreňov porov. našu štúdiu „Slovanské etymológie". Sborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského. Philologica, ročník X, 1958, str. 79—92.

[28] Porov. napr. Trautmann ibid. 292; Preobraženskij ibid. 2 : 320; Holub—Kopečný ibid. 289; Kuryłowicz, L'apophonie . . . 231.

[29] Boisacq ibid. 240; Feist ibid. 308.

Koreň: (základ)	Verba movendi: *pohybovať sa, utekať, tiecť*	Factitiva (causativa): *posielať, hnať, tlačiť*
gen-	slovenské *ženiem(sa)*	slovenské *ženiem*
stel-	gréc. *στέλλω*	gréc. *στέλλω*
sen-	sthnem. *sinnan*	sthnem. *senten* stisland. *senda* litov. *siunčiu*
Hel-	arm. *elanem* irs. *elaim*	gréc. *ἐλάω, ἐλαύνω* stind. *iy-arti*
Her- *Hern-/Hren:*	got. *rinna, renna* stisl. *rinna, renna* sthnem. *rinnan*	got. *ur-rańjan* stisl. *renna* slov. *roniti*
Herd-/Hred-	stind. *árdati*	stind. *ardayati*
Heri-/Hrei-	arm. *ari* latin. *orior* slov. *rinǫti*	gréc. *ὀρίνω* got. *ur-raisjan* sthnem. *rerjan* < *reis-*
uer- *uerg-/ureg-*	lotyš. *veru, vert* anglos. *wrecan* stind. *vrájati*	litov. *varau, varyti* anglos. *wrecan* latin. *urgere* stind. *pravrajayati*
kel- *kelu-/kleu-*	litov. *keliu, kelti* gréc. *κέλης* germ. *hlaupan*	gréc. *κελεύω* stind. *kalayati*
pel-	lotyš. *pilu, pilet* gréc. *παλλω* ind. *pravate*	latin. *pellere* gréc. *πελεμίζω* slovenské *peľať*
kei-	gréc. *κίω*	latin. *cire, citare*
pon-(d)t-	sthnem. *funden*	praslov. *pǫditi*
ser-(u)-	stind. *sarati, sravati*	stind. *sravayati*
sel-	litov. *seleti, salti* stind. *salati* latin. *salire* gréc. *ἅλλομαι*	praslov. *sъlati* stind. *pra-sulami* gréc. *ἰάλλω* < *si-salio* avest. *harəzaiti* < *sel-ə'-*

je taký istý sémanticko-derivačný pomer ako medzi gréckym subst. *τρόχις* (bežec, posol) a gréckym slovesom *τρέχω* (bežím), medzi litovským subst. *vergas* (sluha, posol) a lotyšským slovesom *veru, vert* (bežať) a anglosaským *wrecan* < *vreg-* (ísť, kráčať). Medzi subst. *sъlъ* a faktitívami slov. *sъlati*, gréc. *ἰάλλω*, ind. *prasulami* a avest. *harəzaiti* je ten istý pomer ako medzi spomínaným litovským *vergas* (sluha, posol) a faktitívami latin. *urgeo* (ženiem, tlačím) a anglosaským *wrecan* < *ureg-* (tlačit, hnať).

Na základe uvedeného sémantického a derivačného rozboru môžeme s istotou tvrdiť, že skepticizmus pri genetickom výklade praslovanského slovesa *sъlati* nie je opodstatnený. Doterajšie ťažkosti vyplývali z toho, že sa pri etymologickom výklade málo prihliadalo na sémantické vývinové zákonitosti. Genetická totožnosť faktitívnych pohybových slovies „hnať, posielať" a reálnych pohybových slovies 'pohybovať sa, utekať' umožňuje slovanské *sъlati* pomerne široko začleniť v rámci indoeurópskej slovnej zásoby. Kvôli názornosti a prehľadnosti pripojujeme tabuľku (str. 194), znázorňujúcu deriváciu faktitívnych pohybových slovies od reálnych pohybových slovies.[30]

Š. Ondruš

Budapešťský zlomek latinské legendy o sv. Václavu

1. Zlomek jsem nalezl v budapešťské Universitní knihovně na vazbě knihy tištěné v XVI. stol. (signatura knihy: Ae 4440); nyní je zlomek umístěn v rukopisném oddělení knihovny (signatura: H. 176).

Kniha, k jejíž vazbě bylo zlomku použito, byla vytištěna r. 1529 (viz kolofon: „Pelfne aput Johanne[m] Peck Calcographum. M°D°XXIX°"), a je to „Promptuarium seu Manuale Sacerdotum et Curatorum" psaná latinsky, česky a německy. Kniha se dostala později na Slovensko, do Trnavy, jakž o tom svědčí zápis na první stránce: „Collegij Tyrnaviensis" a „Catalogo inſcript[us] Anno 1606 3 Julij".

2. Látka zlomku je jemnější pergamen; není linkovaný. Barva inkoustu je tmavohnědá. Zlomek se skládá z jednoho listu a text zlomku — soudě podle duktu — pochází z doby okolo r. 1400.

3. Cílem tohoto článku není spracování památky, nýbrž jenom její edice. Nemám jednak k disposici potřebný srovnávací materiál (texty, literaturu atd.), ale kromě toho není to ani můj obor, není to pole mého bádání.

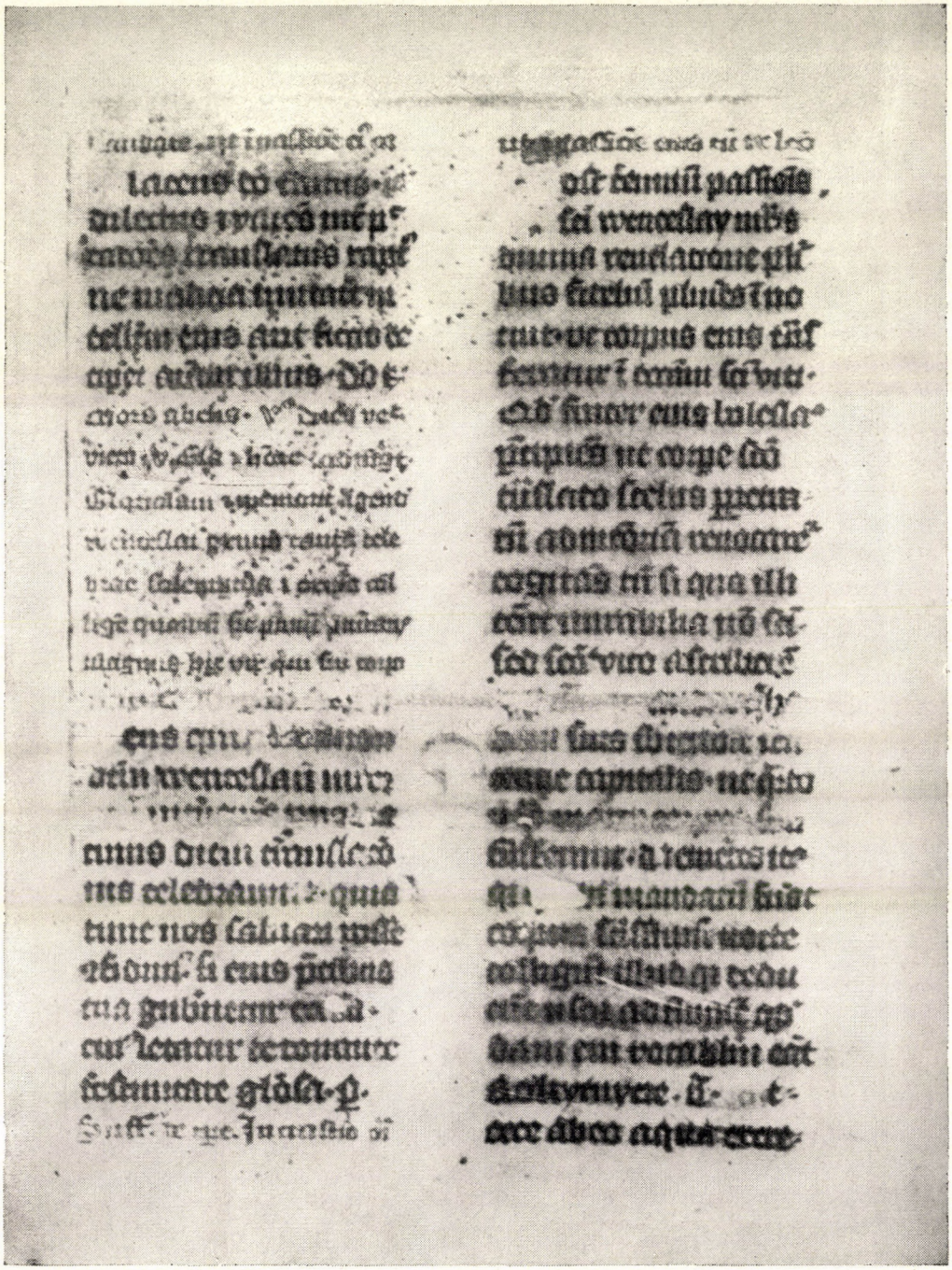
Zjistil jsem toto: zlomek nám dochoval text s historií o přenesení sv. Václava *(de translacione eius)* a o zázracích, jež se při tom udály.

Filiace textu není mne jasná, ale zdá se mi, že text nesouvisí s Kristiánovou legendou, nýbrž s legendou „Oriente iam sole". Náš text je však o něco kratší a stručnější než text legendy „Oriente iam sole" (srov. Josef Pekař, Die Wenzels- und Ludmila-Legenden. Prag 1906, str. 418—20).

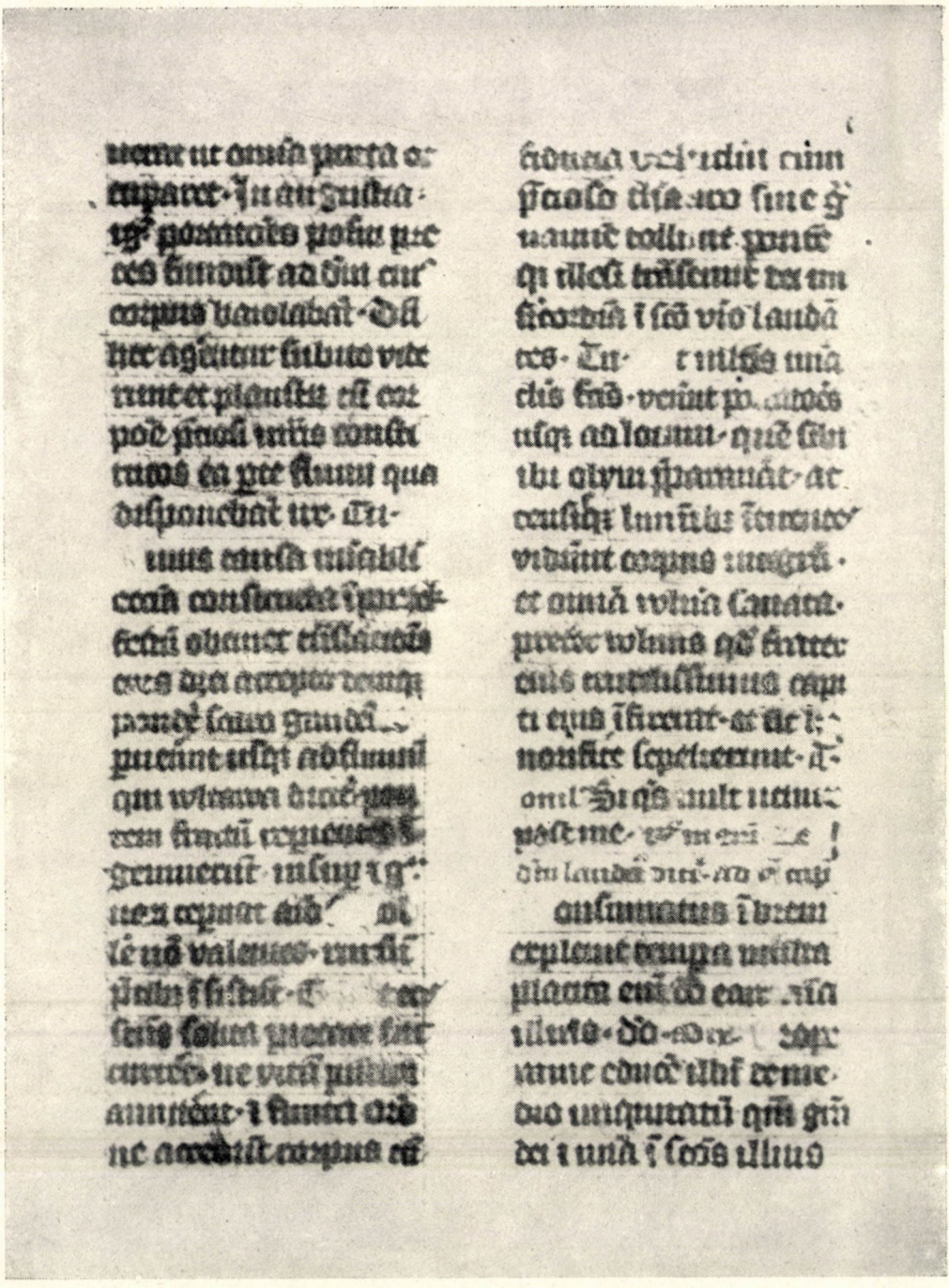
4. Podle našeho čtení zní text takto.*

[30] O sémantickej derivácii faktitív od reálnych pohybových slovies svedčí veľmi priezračne mad'arčina, ktorá ich tvorí morfémou *-t-*: *jár'* chodiť' — *járat* 'posielať', *jut* 'prísť', 'dostať' sa' — *juttat* 'poslať', *fut* 'bežať' — *futtat* 'dať' bežať', *száll* 'letieť', stúpať' — *szállít* 'dopravit', dodať' atd'. Z indoeurópskych jazykov pozná takéto systémove priezračné tvorenie kauzatív len stará indičtina *(ardati — ardayati, vrájati — pravrajayati, sravati — sravayati* atd'.) a hetičtina. V hetičtine je k slovesu *paimi* 'idem' kauzatívum *piyami (peyami)* 'posielam', k slovesu *wam(m)i* 'prichádzam' kauzatívum *wiyami (weyami)*' posielam, ženiem'. Porov. H. Kronasser, Vergleichende Laut- und Formenlehre des Hethitischen. Heidelberg 1956, 181—182.

* Při čtení některých částí mi pomáhal kandidát Mezey László.



Budapešťský zlomek lat. legendy o sv. Václavu: *recto*



Budapešťský zlomek lat. legendy o sv. Václavu: *verso*

Recto

1. sloupec

Laudate. *ut i[n] paſſio[n]e ei[us] cap[i]t[ulum]*
⟨P⟩lacens d[e]o factus.
dilectus [et] viue[n]s int[er] p[e]c-
cato[r]es translatus, rapt[us],
ne malicia mutar[e]t in-
tell[ec]t[u]m eius aut fictio de-
cip[er]et a[n]i[m]am illius. D[e]o
⟨*gratias*⟩ *R*[*esponsorium*].
— — — — — *Y*[*mnus*]: dies ve[ni]t
victo[rie] v[ersiculus] Gl[ori]a [et]
ho[n]ore. *ad m[a]g[nifica]t.*
Gloriosam [et] memorie agent[es]
wenceslai exuuii tanta cele-
bra[r]e solempnia i[n] cripho [!] col-
lige[re], quantu[m] sit panu[m]
p[ar]uitatis
siliginis. hic vir, qui suo corpo-
— — — — — — — — — — — — — —
⟨D⟩eus qui — — — — — — — (be-)
at[u]m wenceslau[m] m[arti]re[m]
— — — — — — — — — — — — — —
cuius diem transla[t]o-
nis celebranti[bus], quia
tunc nos saluari posse,
c[on]fidim[us]. si eius p[re]cibus
tua gub[er]netur ecc[le]sia.
cui[us] letatur te donante
festiuitate glo[rio]sa. p[er]
Suff[*ragium*]. *de t[em]p[or]e. In*
crasti[n]o o[mn]i[a]

2. sloupec

ut i[n] paſſio[n]e eius
cu[m] IX lec[tionibus].
⟨P⟩ost t[ri]enniu[m] passio[n]is
s[anc]ti wenceslay m[arti]ris
diuina reuelacione pl[ur]i-
bus fideliu[m] plu[r]ies i[n]no-
tuit, vt corpus eius t[ra]ns-
feratur i[n] ecc[lesi]am
s[anc]ti viti.
Q[uo]d frater eius bolesla[us]
p[re]cipiè[n]s, ut corp[or]e
s[anc]to

t[ra]nslato scelus p[er]petra-
tu[m] ad me[m]oria[m] reuocare[tur]
cogita[n]s t[ame]n si qua illi
oc[curre]nt mirabilia no[n] f[rat]ri,
sed s[anc]to vito ascribere[n]-

⟨tur⟩. — — — — — — — — — — — —
— — — suis s[u]b terrore sen-
tencie capitalis. ne q[ua]rto
— — — — — — — — — — — — — —
t[ra]nsferunt. Tu [...] [et] euntes ita-

q[ue], q⟨ui⟩b[us] mandatu[m]
fu[er]at,
corpus s[anc]tissimu[m] nocte
colligu[n]t illud, q[ue] dedu-
cu[n]t usq[ue] ad flume[n] q[uo]d-
dam, cui vocab[u]l[u]m e[r]at

Rokytnycze. Tu [autem]. [et]
ecce abeo aqua excre-

Verso

1. sloupec

uerat, ut om[n]ia prata oc-
cuparet. In anguſtia
ig[itur] portato[r]es poſiti pre-
ces fundu[n]t ad d[ominu]m, cui[us]

corpus baiolaba[n]t. Du[m]
hec age[re]ntur, subito vide-
runt et plaustru[m] cu[m] cor-
po[r]e p[re]cioſi m[arti]ris conſti-
tutos ea p[ar]te fluuii, qua

difponeba[n]t ire. Tu [autem...].
⟨h⟩uius cauſa mi[r]a[c]uli
ecc[les]ia conſtructa i[n] porzek
feſtu[m] obtinet t[ra]nſlacio[n]is
eius dici. accepto deniq[ue]

2. sloupec

1. fiducia, vehic[u]l[u]m cum
p[re]cioſo th[es]auro ſine g[ra]-
uami[n]e tollunt, ponte[m]-
q[ue] illeſi tra[n]ſeunt[es], dei mi-

s[er]icordia[m] i[n] s[anc]to
vi[r]o lauda[n]-
tes. Tu [autem...]. [E]t m[u]ltis
mi[r]a-
c[u]lis s[ac]tis. ven[iu]nt porta-
to[r]es
usq[ue] ad locum, que[m] sibi

ibi olym p[re]parau[er]at. ac-
censi[s]q[ue] lumi[ni]b[us] i[n]tu-
entes,
vid[er]unt corpus i[n]tegru[m].
et om[n]ia wln[er]a sanata,
preter wlnus, q[uo]d frater
eius crudeliſſimus capi-

ponde[re] ſacro gaude[n]⟨tes⟩
p[er]uen[iu]nt uſq[ue] ad flum[e]n,
qui wltawa dicit[ur], pon-
tem fractu[m] rep[er]ientes i[n]-
gemueru[n]t, inſup[er] [et] g[ra]-

uari cep[er]unt ac o[mnino] ⟨ſuſt⟩ol-
le[re] no[n] valentes, rurſu[s]
p[re]cib[us] i[n]ſiſtu[n]t. Tu [autem].
eci[am]
ſ[anc]tus ſolita pietate ſuc-
curre[re]t, ne vita[m] p[reſe]ntem

amitte[re]nt. [Et] finita or[aci]o-
ne accedu[n]t corpus cu[m]

ti eius i[n]fixerat. Et ſic ho-
norifice ſepelierunt. T[u autem . . .]
om[*e*]*l*[*ia*]. Si q[ui]s uult uenire
poſt me. *R*[*equire*] *in* [*com*]*m*[*uni*]. *Te*
d[*eu*]*m laudam*[*us*] *dici*[*tur*]. *Ad VI*
cap[*itulum*].
⟨c⟩onſumatus i[n] breui
expleuit temp[or]a multa
placita eni[m] d[e]o erat a[n]i[m]a
illius. D[e]o [gratias]. *Ad IX* [. . .].
⟨P⟩rope-
rauit educe[re] illu[m] de me-
dio iniquitatu[m], q[uonia]m gra[tiam]
dei [et] m[isericord]ia i[n]
ſ[anc]tos illius

P. Király

О некоторых специфических разрядах народно-разговорных фразеологизмов чешского языка

Когда говорят о специфике того или иного языка, о трудностях, связанных с переводами с одного языка на другой, то при этом обычно имеют ввиду (кроме всего прочего) и его фразеологический фонд. Нигде так ярко не проявляется своеобразие и самобытность языка, особенности образного мышления его носителей, как во фразеологии. А образное мышление составляет сущность, так сказать, «душу» фразеологизма, его внутренний смысл.

Под спецификой фразеологии обычно принято понимать особенности построения устойчивых оборотов и невозможность их дословного перевода на другой язык.

Когда мы, например, переводим русский фразеологизм *сломя голову* на другой язык (в том числе и на близко-родственный), то оказывается, что перевод обоих компонентов, составляющих этот оборот — *сломя* и *голову* — (даже при условии полного сохранения в другом языке их грамматической формы),не передает смысла русского фразеологизма, не говоря уже об утрате в этом случае эмоционально-стилистической характеристики оборота.

Но такое понимание специфики фразеологии обычно проявляется при определении особенностей о т д е л ь н ы х (конкретных) фразеологизмов, и в этом отношении такое понимание специфики напоминает установление специфики отдельных лексем.

Другое дело, когда мы определяем ф р а з е о л о г и ч е с к и е т и п ы, присущие тому или иному языку. Последнее позволяет уже дать определенную общую структурно-семантическую характеристику фразеологии данного языка, выявить его особые, только ему присущие, разряды и типы устойчивых оборотов, и, таким образом, сделать шаг по направлению изучения фразеологии ка части общеязыковой системы.

Если мы, например, возьмем немецкий оборот *Da ist der Hund begraben* или английский оборот *New brooms sweep clean*, то оказывается, что такие обороты возможны и в других языках (в том числе и в русском, где они, кстати, действительно имеются как фразеологические кальки или как вполне самостоятельно возникшие фразеологизмы). Такие обороты возможны потому, что речь в таком случае идет не о специфически немецком или английском по способу построения и характеру идиоматичности обороте. Несомненно, что там, где возможна фразеологическая калька или прямое заимствование, есть основание говорить о фразеологической специфике, точнее говоря — в узком смысле этого слова. При этом не следует забывать и о возможности самостоятельного, вполне независимого развития одинаковых или, по крайней мере, близких по содержанию, по строению и идиоматичности фразеологизмов, возникших вследствие определенной общности культурной жизни, быта или одинаковых результатов человеческой практики, человеческого опыта в конкретных областях человеческой жизни. Ср. русск.: *пятое через десятое;* чешск: *páté přes deváté.* Или: *ловить рыбу в мутной воде*, ср. англ.: *To fish in troubled waters.* Последняя черта особенно характерна для устойчивых сравнений, базирующихся на одинаковых наблюдениях, обобщениях, вытекающих из практической деятельности данного человеческого коллектива. Ср. русск.: *надулся как индюк*, чешск.: *durdí se jako krocan;* русск.: *красный как индюк;* чешск.: *červený jako krocan.*

Итак, наряду со спецификой конкретных фразеологических образований, следует говорить и о специфике целых групп (разрядов) фразеологизмов, т. е. о специфических типах фразеологизмов, возникающих в данном языке в процессе его исторического развития. Именно последнее особенно важно для понимания динамики развития фразеологии как определенной языковой системы.

Настоящая статья посвящена некоторым специфическим разрядам чешских народно-разговорных фразеологизмов, стержневыми словами которых являются существительные-географические названия.[1] Анализируемые фразеологизмы составляют в семантическом отношении цельную группу: объединяющим является для данных оборотов то, что они служат средством отрицательной характеристики того или иного лица.

фразеологизмы, стержневым словом которых является существительное-географическое название

В чешском народно-разговорном языке имеется значительная группа устойчивых фразеологических оборотов, построенных по структурно-семантической модели: *býti z* + существительное-географическое название. Например: *býti z Chval* 'быть хвастуном'.

[1] Фактический материал данной статьи почерпнут из следующих источников: Příruční slovník jazyka českého. I—V. Praha 1937—49; *J. Zaorálek*, Lidová rčení. Praha 1947; *Fr. Trávníček*, Slovník jazyka českého. Praha 1952; *J. Dobrovský, A. Pišely*, Českých přísloví sbírka. Praha 1804; *M. Martinková*, Rusko-český slovník frazeologický. Praha 1952; *J. Mašin*, Slovník českých vazeb a rčení. II. vyd. Praha 1924; *E. Rippl*, Zum Wortschatz des tschechischen Rotwelsch. Liberec 1926; *его же*, Tschechisch in Alltag. Brno 1937; *V. Flajšhans*, Česká přísloví. Č. 1—2. Praha 1911—13; *E. Čech*, Humor československých přísloví. Praha 1925; *K. Hostaš*, Ukázky lidového vtipu a vzláštnosti mluvy na Klatovsku. „Český lid", r. XI, Praha 1903; *E. Kutílek*, Lid český tepe posměšně pijany. „Český lid", r. XXV. Praha 1925.

Необходимо отметить, что все опорные слова — географические названия — вымышленные, в действительности их нет.

Исходной, так сказать инфинитивной, формой каждого такого фразеологизма является та, которая включает в себе инфинитив (глагол *býti*). Практически же чаще всего здесь выступает глагол настоящего времени от *býti* в форме, главным образом, второго или третьего лица единственного числа. Если предложение построено как утвердительное, то форма первого лица обычно не употребляется. Но при восклицательном (а в некоторых случаях и вопросительном) плане предложения возможна и форма первого лица (единственного или множественного числа). Ср.: *Co my sme z Blbákova?*

Очень редко встречается здесь глагол *býti* в форме прошедшего времени несовершенного вида, форма же будущего времени может спорадически употребляться лишь в отдельных случаях типа *ten bude asi z Chval* 'тот, видимо (порядочный) хвастун'. Глагол *býti* в таких случаях утрачивает свое основное значение будущего времени, но приобретает при этом особый специфический модельный оттенок, придающий всему обороту семантику ироничности и пренебрежительности.

Таким образом, возможности словоизменения для глагола *býti* в составе указанных фразеологизмов весьма ограничены. Вместо личных местоимений в таких конструкциях часто выступают указательные местоимения *ten, ta, to* или собственные имена людей.

Одной из основных особенностей данных фразеологизмов является то, что они допускают лишь незначительное лексическое расширение состава компонентов устойчивого оборота: словесное наполнение фразеологизма ограничено определенным замкнутым кругом слов.

Второй особенностью данных фразеологизмов является то, что их опорное слово — существительное (географическое название) — вымышлено; в действительности эти топонимы отсутствуют, хотя теоретически они вполне возможны, ибо подобные (по структуре и семантике) названия чешскому языку известны.

Самое существительное эквивалентно сочетанию — «существительное им. пад. ед. числа + сущесвительное (или прилагательное) род. пад. мн. иисла, — в котором первое существительное постоянное *(město, ves* и др.) — а второе (однокоренное с существительным фразеологизма) — переменное, т. е. для каждого фразеологизма другое. Оно-то и содержит отрицательную характеристику того лица, о котором идет речь.

Например: *Být z Blbákova = být z města blbáků*, т. е. 'быть из города (или села) дураков' *(blbák* 'дурак').

Но, будучи искусственно созданные, данные стержневые существительные по своему составу, лексическому содержанию, словообразовательной модели очень напоминают действительно существующие в Чехии географические наименования.[2]

Опорными, стержневыми такие существительные являются потому, что в них заключена метафора — основная идея идиоматичности. В одних

[2] Отметим обратное явление, когда реально существовавшее название частично или полностью деэтимологизируется и превращается из собственного имени в нарицательное. Ср.: *být u Lajpcika* 'находиться в затруднительном положении', где *Lajpcik* — из собственного имени — 'Лейпциг' (имеется ввиду поражение Наполеона в битве у Лейпцига. Ср.: русское: *погиб как швед под Полтавой*, где географическое название полностью сохранилось).

фразеологизмах эта идиоматичность может выступать отчетливо, явно, в других — она проявляется косвенно, через целый ряд семантических звеньев. Так, если мы говорим *být z Nebojan* (т. е. 'быть смелым, не бояться'), то здесь идиоматичность как бы лежит на поверхности: *Nebojan* из *ne báti se* ('не бояться').

Другого характера идиоматичность во фразеологизмах типа *být z Prachatic*. Здесь в основу фразеологического оборота положен другой фразеологизм — *míti prachy (prachy* — нелитературное 'деньги'), отсюда — 'иметь деньги, быть богатым', а *býti z Prachatic* 'быть богачем, богатым человеком'.[3] Тут как бы двойная фразеологизация: один фразеологизм возникает на основе другого фразеологизма.

С точки зрения генезиса стержневого слова все фразеологизмы данной группы можно разделить на следующие структурные типы:

а) *Существительное — географическое название — отглагольного происхождения.*

Приведем примеры:

Být z Neustupova — 'быть неуступчивым, упрямым'; из *(ne)ustoupiti* — 'не уступать'. **Neustupov* — 'город (или село) упрямых людей'.

Být z Fňukálova — 'быть хныкой, плаксой'; *fňukati* — 'хныкать'. **Fňukálov* — 'город (или село) хныкой'; *Být z Prosíkova* — 'быть нищим, попрошайкой'; *prositi* — 'просить'; **Prosíkov* — 'город (или село) попрошаек'; *Býti ze Stojíc* — 'быть сплетницей'; *státi* — 'стоять'; **Stojíc(e)* — 'город (или село), где любят постоять и поговорить' (имеются ввиду главным образом женщины).

Býti z Hulvátova — 'быть глупым, вульгарным, грубияном'; *hulvati* — 'грубить'. **Hulvatov* — 'город (или село) грубиянов'.

Býti z Berouna — 'любить брать (но не давать!)'; *bráti* — 'брать. **Beroun* — 'город (или село), где любят только брать'.

Заметим, между прочим, что в Чехии действительно существует город *Beroun*, что еще больше способствует расширению и укреплению идиоматических ассоциаций данного слова. Интересно по своему образованию фразеологическое выражение *ženich od Drážďán, a ne od Berouna* ('жених, который только дразнит невесту, но не желает на ней жениться'), — очень искусно построенное на игре слов *dráždit* — 'дразнить' и *bráti* — 'брать'. Существует вариант этого фразеологизма: *Více je ženichů z Drážďán, než z Berouna* — 'больше женихов дразнящих (обещающих жениться), чем берущих (женящихся)'. И здесь игра слов в значительной степени обусловлена тем фактом, что оба города действительно существуют *(Drážďány* — Дрезден в Германии, и *Beroun* — Бероун в Чехии).

Все рассмотренные фразеологизмы построены в положительной модальности — в них утверждается отрицательный признак, характеризующий упомянутое лицо. Нам встретился один пример, в котором глагол употребляется с отрицанием *ne*. Правда, в этом случае самое стержневое слово

[3] Ср. еще один фразеологизм, в котором идиоматичность сильно завуалирована: *Ona je na Prýči (býti na Prýči)*, т. е. 'она не живет с мужем' (ср.: *ona je pryč* 'она ушла, ее нет').

заключает в себе положительный признак. Ср.: *Nebýt z Dárkova* — 'не быть из города, где любят делать подарки, не быть щедрим'.

Итак, при помощи различных конструкций и грамматических средств создаются семантико-фразеологические модели: в первом случае отрицательное значение заключено в самой семантике существительного (косвенно), в втором — это значение достигается посредством отрицательной формы глагола *(nebýt)* — отрицается положительное значение существительного, т. е. опять-таки создается о б щ е е отрицательное значение фразеологизма для негативной характеристики лица.

б) *Имена — географические названия — субстантивного происхождения.*

Здесь почти все стержневые слова (существительные) с явным идиоматическим значением, отчего фразеологизм в целом — с точки зрения его семантики — довольно прозрачный. Примеры: *Býti z Cham(r)ova* — 'быть хамом, грубияном'; *cham* 'хам'; **Cham(r)ov* — 'город (или село) хамов'. *Býti z Blbákova* — 'быть дураком. *Blbák* — 'дурак'; **Blbákov* — 'город (или деревня) дураков, глупцов'.

Býti ze Lžina — 'быть вруном, лгуном'; *Lež* — 'ложь'; *Lžín* — 'город (или село) лжецов'.

Býti z Drahotuš — 'быть тем, кто дорого продает'; *drahota* — 'дороговизна'; **Drahotuš(e)* — 'город (или село), где продают по дорогой цене'.

Býti z Habrova (варианты: *z Habrů, z Habroviny, z Habří)* — 'быть бесчувственным'; *Habr* — 'дерево'; **Habrov* — 'город (или село) бесчувственных (как дерево!) людей'.

Býti z Houbova — 'быть несовершеннолетним, неопытным, недорослем'. Данный фразеологизм в свою очередь базируется на другом фразеологизме — *chodit na houby* (ср.: *tenkrat jsi ještě chodil na houby* или *po houbích,* т. е. 'не быть еще на свете, не родиться'). **Houbov* — 'город (или село) несовершеннолетних'.

Býti z Balikova — 'быть глупым'. Последний пример стоит несколько особняком. *Balík* — мифический город — символ отсталости, захолустья.

Býti z Lhoty — 'быть ленивым'. *Lhota* — очень распространенное название многочисленных населенных пунктов Чехии (главным образом деревень и сел, реже городов и местечек). Оно, повидимому, возникло после освобождения крестьян от крепостничества. Отсюда и название *lhota* ('льгота') — 'отсрочка в оплате за выкуп', затем — 'освобождение за платы' и, наконец, 'свобода'. Значение 'ленивый' возникло после того, как *Lhota* стала нарицательным именем деревни вообще: отсюда выходцы из *Lhoty* — ленивые люди.[4]

Нельзя не заметить ярко выраженного классового характера данного фразеологизма, отражающего идеологию зажиточных слоев общества. То же мы замечаем и в обороте *být z Chamova*. „Хамами" обычно грубо обзывали помещики крестьян.

[4] Иногда существительное *Lhota* в составе фразеологизма определяется при помощи прилагательных, образуя сложные географические названия. Ср.: *Hovězí Lhota* или *býti ze Zlamané Lhoty*. Прилагательное *hovězí* в переносном смысле означает 'глупый'. Таким же переносным значением обладает прилагательное *Zlamaná*.

в) *Имена — географические названия — адъективного происхождения*

Здесь опорное слово по происхождению из прилагательного. Примеры: *Být z Chudinkova* — 'быть бедняком'; *chudý* — 'бедный'; **Chudinkov* — 'город (или село) бедняков'.

Býti z Hloupětina — 'быть групцом'; *hloupý* — 'глупый'; **Hloupětin* — 'город (или село) глупцов'.

Být ze Slepotic — 'быть подслеповатым'; *slepý* — 'слепой'; **Slepotice* — 'город (или село) подслеповатых'.

Být z Rych lova — 'быть быстрым'; *rychlý* — 'быстрый'; **Rychlov* — 'город (или село) быстрых людей'.

Být z Podmoklí — 'быть пьяницей'; *podmoklý* — 'подмокший', в переносном значении — 'подвыпивший'.

Být z Kratonoh — 'быть хромым'; *kratonohý* — 'коротконогий, хромой'.

Вместо *býti* иногда выступает глагол *pocházeti* 'происходить'. Ср.: *Pochází z Prostějova* — 'простак'; *prostý* — 'простой, грубый'.

Нам встретился один пример, в котором опорное существительное фразеологизма по происхождению — наречие; Ср.: *býti z Pozděchova* — 'быть ленивым'; *pozdě* — 'поздно'; **Pozděchov* — 'город (или село), где поздно выходят (или не спешат) на работу'.

Наряду с фразеологизмами, построенными по формуле *býti z* + *существительное*, в чешском народно-разговорном языке встречаются устойчивые обороты, образованные по модели *býti* (или *bydlet*) *na* или *v(ve)* + *существительное*. Ср.: *bydlet na Vyhnalove* — 'жить на опустошенном месте'; *vyhnati* — 'выгнать' (ср.: русск. *выгон*).

Или : *bydlet v Tramtarii* — 'жить на краю света, у черта на куличках'; *Tramtari* — искусственное, выдуманное слово, обозначающее 'заброшенный далекий уголок' (ср. русск.: *провалиться в тартарары*). Ср. еще: *Být ve Spánkovicích* — 'уже спать'.

Значительную группу составляют фразеологизмы с глаголами движения *dáti se* 'отправиться, уйти, удрать', *jíti, odejíti* 'идти, уйти', *poslati* 'послать', *utéci* 'удрать', *táhnouti* 'отправиться, уйти'.

Все эти глаголы частично синонимичны и выражают идею пространственного движения.

Данные фразеологизмы строятся по следующей модели: глагол *dáti se (или другой глагол)* + *предлог do (реже na, v, ve)*.

И здесь опорные слова — существительные — могут быть по своему происхождению из глаголов, прилагательных и существительных.

а) *Из глаголов*

Например: *dáti se do Prosenic* — 'начать просить, стать попрошайкой'. Или: *jíti do Prosíkova* — 'стать попрошайкой'. В данных и им подобных фразеологизмах использован скрытый смысл другого фразеологизма (который мы бы назвали синтаксическим фразеологизмом) — *dáti se do . . . smíchu, pláče* и т. д., т. е. 'начать смеяться (засмеяться), начать плакать (заплакать)' и т. д.

Итак, *dáti se do Prosenic*, с одной стороны, означает 'отправиться в город *Prosenice*' (прямое значение), а с другой — 'начать просить' (переносное значение, которое в данном случае является основным, главным, ибо города *Prosenice* в действительности нет, он выдуман и является символом места, где любят просить, попрошайничать). Примерно тоже мы наблюдаем и в других фразеологизмах: *dáti se do Pršíc* — 'удрать'; *prchati* —

'удирать'. Или: *jíti ke Spálovu* — 'идти спать' (варианты: *jíti na Spálov* или *do Spalova). Poslat do Hořic* (арго) — 'поджечь'; *hořeti* — 'гореть'. *Jíti do Halenkova* — 'идти спать'; *halati* (разговорное) — 'спать'. *Nechávat něco na Vzíchově* — 'оставить что-нибудь там, где никто его взять не может'; *vzíti* — 'взять'.

б) *Из существительных*

Примеры: *táhnout do Nuzovic* (или *do Nouzova)* — 'попасть по собственной вине в нужду'; *nouze* — 'нужда'.

Данный фразеологизм очень старый, его знает уже Смил Флашка из Пардубиц (XV ст.): *dostat se do Núzic*. Факт этот тем примечателен, что он свидетельствует о наличии определенной тенденции к образованию указанных фразеологических типов уже в древнечешском языке.

Другие примеры: *táhnout do Chudobic* — 'попасть по собственной вине в нужду'; *chudoba* — 'бедность'.

Pohnat někoho do Paskova — 'побить кого-нибудь поясом' (ср.: русск.: *накормить кого-нибудь березовой кашей*, т. е. 'побить'; *pás* — 'пояс'.

Jíti do Laskomin — (главным образом в выражении — *půjdeš do Laskomin)* — т. е. 'нечего не получишь'; *laskomina* — 'оскомина'.

Dostati se do Sucha — 'очутиться в безопасности'; *sucho* — 'сухое место, почва'.

Dostati se do Vomizina — 'очутиться в нужде'; *(V)omizina* — 'разорение, нужда'.

в) *Из прилагательных*

Примеры: *odejít do Hlinska* — 'умереть'; *hlina* — 'глина'.

(Může) jít (žebrát) na Vyhořelé — 'оборванец'. *Jít do Paďous* — 'уйти проч'.

Кроме населенных пунктов (города, села, деревни и т. д.), во фразеологизмах опорные слова иногда означают улицы, площади или место действия в более узком смысле (учреждения, заведения и т. д.).

Ср.: *Koláče ji jdou Spálenou ulicí* — дословно: 'калачи у нее идут по сожженной улице', т. е. 'она плохая кухарка (или хозяйка), у нее все сгорает или подгорает'; *spalená* — 'сожженная'.

Другой пример: *Spát v hospodě u Zeleného stolu* — дословно: 'спать в трактире «У зеленого стола»'. Здесь «зеленый стол» — 'луг, трава'. Следовательно, значение фразеологизма: 'спать под открытым небом на траве (или на лужайке)'.

Иногда фразеологизм может состоять из целой серии (цепи) опорных слов. В этом отношении очень интересен следующий пример: *Vésti ženu na pouť do Kyjova a z Kyjova do Buchlova a z Buchlova do Modric*, т. е. 'сильно побить жену: сначала ее быть палкой *(kyj* — отсюда *Kyjov)*, затем опять ее побить *(bouchati* — 'сильно ударять', отсюда — *Buchlov)*, после этого бить ее до синяков *(modro* — 'сине', отсюда — 'синяк')'. Примечательно, что и здесь одно из опорных слов — *Kyjov* — действительное название города в Моравии, а остальные названия, хотя и вымышлены, но очень похожи на реально существующие названия чешских городов.

*

За последнее время у нас, а также за границей получила большое распространение классификация фразеологических единиц, предложенная академиком В. В. Виноградовым. Хотя данная классификация, основанная на

структурно-семантическом принципе, и рассчитана главным образом на устойчивые выражения русского языка, более чем десятилетний опыт научно-исследовательской практики показал, что она в целом вполне приложима и к фразеологическим материалам других языков. И все же приходится констатировать, что во многих случаях данная классификация оказывается неполной, недостаточной, так как она не учитывает (и это вполне естественно, ибо классификация возникла на базе русского языка) особенностей фразеологии других языков. В ней по сути дела трудно найти место для целого ряда устойчивых образований некоторых языков. В этом нас, в частности, убеждает вышеизложенный анализ некоторых специфических народно-разговорных фразеологизмов чешского языка, которые с трудом (иногда с явной натяжкой) могут быть отнесены к одному из типов классификации академика В. В. Виноградова.

Из трех традиционных классификационных типов (сращения, единства и сочетания) следует сразу же исключить фразеологические сочетания, так как последние, как известно, являются несвободными, незамкнутыми рядами сочетаний слов, тогда как анализируемые нами фразеологизмы представляют собой синтаксически законченные, вполне оформленные целые предложения.

Что же касается фразеологических сращений и единств, то, хотя они и имеют очень много общих черт с анализируемыми фразеологизмами (наличие или отсутствие мотивированности, идиоматический образ и т. д.), последние в структурном отношении все же стоят особняком. И здесь опять-таки на первое место выступает их основная характеристическая черта синтаксического плана: если сращения и единства, как правило, имеют в языке эквивалент в виде отдельного слова (ср. *У черта на куличках* 'далеко'; *Не выносить сор из избы — 'молчать'*),[5] то здесь эквивалентом является целое предложение. И, действительно, *být z Blbákova* эквивалентно не слову *дурак*, а целому предложению — *быть дураком.*

Отметим, что хотя рассматриваемые нами фраземные структуры и являются внешне единицами предикативного порядка, внутренне они содержат скрытый атрибутивный смысл, ибо, как уже говорилось выше, они всегда служат средством негативной характеристики определенного лица.

Итак, все рассмотренные разряды чешских фразеологизмов, не являясь эквивалентами слова и обладая известной фразовой законченностью, могут быть рассмотрены с точки зрения синтаксиса как более или менее законченные сообщения-предложения, у которых основной состав — постоянный, неизменный, и лишь некоторые компоненты допускают известную подвижность, заменяемость. Общий для всей этой группы является то, что все они представляют собой снитаксо-фразеологические костяки, которые отличаются друг от друга лишь стержневым словом — существительным, содержащим основную идиоматическую идею негативной характеристики лица.

Несомненно, что перед нами особый тип фразеологизмов, который занимает промежуточное положение между фразеологическими сращениями и фразеологическими единствами. Конструкция данного типа могут быть

[5] *Сращения* и *единства* могут быть эквивалентным и предложениям, но данная черта не является для них обязательной определяющей.

условно названы связанными метафорическими предложениями.

Нет сомнения, что дальнейшее изучение фразеологии чешского языка, а также фразеологического богатства других языков позволит создать законченную научную теорию фразеологии.

СССР, Самарканд

Л. И. Ройзензон

Versus maxime Proverbiales

Die Zentralbibliothek des evangelisch-reformierten Kirchendistrikts der Theißgegend (zu Sárospatak) besitzt ein handschriftliches Büchlein in Oktavform, 175 Seiten stark, mit dem Titel »Versus maxime Proverbiales« und mit der Nummer 2542 bezeichnet. Der Verfasser des Manuskripts ist unbekannt, doch ist auf Grund des Inhalts wohl anzunehmen, daß das bis auf unsere Tage vollkommen unversehrt erhaltene Buch das Werk eines Theologen (Seminaristen) oder etwa das eines Lehrers sein dürfte. Leider ist der Zeitpunkt der Entstehung nirgends angegeben; somit kann dieser allein auf Grund des Duktus und der Sprachform und nur annähernd bestimmt werden; er ist wahrscheinlich auf die zweite Hälfte des 18. Jahrhunderts, oder etwa auf die Wende des 18—19. Jahrhunderts anzusetzen.

Das Manuskript verdient von zwei Gesichtspunkten aus Beachtung: 1. auf den Seiten 59—63. wird unter dem Titel »Colloquium« ein lustiges Gespräch zweier Schüler gebracht, aus welchem auf das Schülerargot zu Zeiten des Verfassers gefolgert werden, auch andeutungsweise ein Bild von der neuartigen, oft recht frappanten Anwendung der einzelnen Ausdrücke in einer neuen Bedeutung gewonnen werden kann; 2. auf den Seiten 159—175. findet sich ein alphabetisch geordnetes Wörterverzeichnis von *A* bis *K*.

In den übrigen Teilen des Manuskripts findet man die tschechischen Entsprechungen der lateinischen Sprichwörter und Ausdrücke, sowie 152 vierzeilige Lehrverschen moralischen und pädagogischen Inhalts.

Sprachlich ist das Werk vorwiegend tschechisch, mit einigen Slowakismen (besonders in den zwei letztgenannten Teilen); der Dialog der Schüler dagegen weist schon viel mehr slowakische Züge auf, desgleichen auch das Wörterverzeichnis.

Letzteres (Vocabula maxime vulgaria,Stylo ligato, ac ordine Alphabetico deducta) besteht aus 341 Wörterpaaren, und ist besonders bemerkenswert, da der Verfasser die Wörter paarweise, auf Grund der Wortendungen gruppiert, somit aber eigentlich ein Reimwörterbuch geschaffen hat, das ja bei einem literarisch veranlagten Autor mit einer Neigung zur Reimform gewiß verständlich ist. Daß es sich in disem Fall tatsächlich um ein Reimwörterbuch handelt, geht am klarsten daraus hervor, daß die Wörterpaare (bei denen in jedem Fall auch die lateinischen Entsprechungen angegeben werden) sich meist nicht nur in der ausgesprochenen Endung gleichen, sondern recht oft auch in der vorletzten Silbe oder etwa in ihrer ganzen Wortform. Z. B. *Otrowa — Potkowa, Konopa — Potopa, Hlina — Slina, Zawdawek — Zahlawek, Zbognjk — Chodnjk* usf., usf. Daß im »Vocabula maxime vulgaria«

tatsächlich ein Reimwörterbuch vorliegt, wird auch dadurch erhärtet, daß, obwohl der unbekannte Verfasser sein Wörterbuch nach dem letzten Buchstaben der Wörter in alphabetischer Reihenfolge geordnet hat, er dennoch z. B. das auf *-p* ausgehende Wort *Srp* bei dem Buchstaben *B* bringt, undzwar als ein Wortpaar zu *Swrb,* — offensichtlich deshalb, weil sein literarisch geschultes Ohr in der Nebeneinanderstellung von *Swrb—Srp* ein harmonisch klingendes Reimpaar entdeckt hatte.

Im folgenden lassen wir hier den Dialog der beiden Schüler, sowie einen Teil der 321 Wortpaare in unveränderter Form abdrucken:

Colloqvium

Andreas & Cristophorus

A. Bona dies Domine Generose,
Et Comissarie curiose.
Ch. Salvete Domine Tulák,
Odkud' gste, a čj ste Junák?
A. Gá negsem ani Tulák, ani Junák, ani plundrák, ani Kundrák: ale sem Scholasticus.
Sum ex mundo, venio ex mundo, eo in mundum, et vocor hodie ita sicut heri.
Ch. Odkud gsy, a mássli Pas?
Vkáž mi ho tu hned zaras.
A. Gá bez Passu nechodjwám,
Ale ho s sebau nosýwám.
Ale ket Pás wyhledáwáš,
Ten ti vkážem — tot ho máš.

*

Ch. Tedy gsy ty vš pol-Kompana,
Mnohá ty ge vš známá,
Gak tě w Passe wypisuge,
A twůg rozum describuge.
Znášli giž Filozofyu?
Negakau wswětě Žofyu?
Tu mam starau Grammatiku,
A randawau Poëtyku,
O dwoch nohách Rhetoryku,
Gakausy kriwau Logyku.
Vere te statim probábo
Et quae scis interrogabo:

10 Ex Grammatica

Quid significat?

Nomen	R). A. Pán.
Pronomen	Vradnýk.
Verbum	Fundament domu
Participium.....	Ohniwo w Retázy.
Adverbium	Prjlepok na pecy
Praepositio	Škwarka na nose
Conjunctio	Kassa s mlékom
Interjectio	Šafran w poljwce.
Gerundium	Pincetok
Laetitia	Dobré wjno
Trultitia	Pálenka
Tristitia	Prázný Pohár
Compendium	Wetrecýn
Celeritas	Hagdúk kapusta
Patientia	Stará žena
Tentatio	Pěkná Panna
Lux	Halussky s Twarohom
Tenebrae	Halussky s makom
Benedictio	Čtwrtnjk Brinze
Superbia	Bjlá woš (seu: Pudrowany Vher).
Excellentia	Wysoká Panna
Heluo	Kowal (Kowáč)
Dubium	Krčmárská Panna
Providentia	Dobrá 'Gazdina.
Fur	Ženatý Slúha
Vagabundus	Mlynár
Cupiditas	Tanečnica
Melancholia.....	Lačný žaludek
Raritas	Dobrá žena
Felicitas.....	Dobré manželstwo
Adflictio	Nemec (neb Žid) wtancy.
Silentium	Pustý Mlyn.

2do Ex Syntaxi

Melum necessarium	Manželka.
Multiloqium	Krčma
Sine oculis	Nemastná Polewka.
Navis oneraria ...	Plná Ližjca
Usque ad oculum.	Rybárské (neb Misskárské) buoty.

3io Ex Poesi

Trochaeus	Kulhawý na gednau nohu.
Spondaeus	Zdrawý na bě nohy.

Tribrachis ..... Doch o trechoch wrch
Scausio ..... Rebřjk.
Hiatus Poeticus.. Zagakliwý.

4to Ex Rhetoricis

Tropus ..... Obracaný dolomán
Figura ..... Panna pod wencom.
Metaphora..... Požičaný Klobauk.
Metonymia ..... Otec se Synom.
Syneodoche ..... Geden zawsseckých
Ironia ..... Cyğánstwo.

5to Ex Medicis

Dubie amarum .. Pekná mrcha žena.
Laxativa ..... Wody wyraženj
Hydrophisis .... Mokrá piwnica
Dissenteria ..... Náhlý posel.
Vertigo capitis ... Opilec
Chiragra ..... Leniwý člowěk.

6to Ex Iuridicis

Quecerela ..... Stará žena.
Certificatio ..... Brjcha bolenj
Allegatio ..... Ostrá Šablě
Condescensio..... Z Rebřjka spadnutj
Revocatio ..... Cyğanstwo.
Deliberatio ..... Šereğbontó
Feras donum .... Saudce
Donatio ..... Služnodworský
Veni mecum ..... Prjsažný.

7mo Ex Logicis

Homonymia ..... Telo bez dusse
Synonymia ..... Dwa gedno tělo
Paranomia ..... Holbowý brat.
Genus..... Pole
Species ..... Záhoň
Differentia ..... Medza
Individuum ..... Gedná zemička
Praetorium .... Dedictwj
Proprium..... Pes na swogom smetysku
Occidens ..... Záplata na koleně.
Substantia ..... Syrengá w Zware
Quantitas ..... Sedlácka Ližica
Qualitas ..... Mjzaná Panna
Relatio..... Syn bez Otca
Accio ..... Nerezaný Kůn
Passio..... Holý w trnj
Quando ..... Zpozdilý Posel
Ubi ..... Stracená wěc
Situs ..... Leniwý člowěk
Habitus ..... Bohatý člowěk
Opposita ..... Kohauty
Relativa ..... Krawa s těľatom
Contraria ..... Wlk s Baranom
Privativa ..... Hrach pri ceste
Contradictoria ... Služka odwrhlawá
Enuntiatio..... Tlumáč
Subjectum ..... Podosswa
Praedicatum .... Prehlawok
Inductio..... Ženěnj
Copula ..... Dratwa
Objectum ..... Pekná Panna
Oppositio..... Dwa wozy w záwoze
Conversio..... Na opak kossela
Aequipolentia ... Panská krčma
Consecutio..... Slauha za Pánom
Syllogizmus ..... Práwo
Maior propositio.. Panstwo
Minor propositio.. Sedlactwo
Maior terminus... Rychtár
Minor terminus... Boženjk
Medius terminus.. Notaryuš
Conclusio ..... Ortel
Figura ..... Tripartit
Modus ..... Prokurator
Reductio ..... Žebráka wodič
Expositio..... Nemecky Galger
Exemplum ..... Opilý člowek
Argumentum ... Swada
Scientia ..... Hwezdár
Demnosratio .... Zrkadlo v Panny
Suppositio ..... Sedlowá Kobyla
Canones ..... Mocný Rusnácy
Principia ..... Predné Zuby
Methodus..... Lopatkowý Tanec
Ordo..... Diwé Husy (Džurawy)
Subalterna..... Geden na druhom
Dictum de omni . Sedláčina, Pansstina.
Dictum de nullo.. Nikoho nget doma
Entimea ..... Wůz bez oga
Sorites ..... Dlauhy Rebrjk
Apodietica..... Čistý ručnjk
Dialectica ..... Dwoch Pánoch Slauha
Sophistica ..... Cyğanská wečera
Comparatio ..... Slaná Kapusta
Ante praedicamentum Fertusska
Post praedicamentum Hawgarky Osslodor
Oratio Logica ... Wystruhaná Warecha
Finis Logicae .... Ostatná Krawa

*

Kuriplachus Gastrab
Vis inertiae Školská Sekera.
Ch. Ty mnohé wecy rozumgeš
Pekne disskurowat vmgeš,
Ty gsy odemna maudregssý,
Na wssecky wěcy schopnegssý.
Buď mi tedy tuna kontrom
Pocestný Investicantrom.
A. Y giné wěcy gesste wgem
A dosti dobre rozumgem
Kterým sem se w Škole včil
Bars sem se y hladom mučil.

Bars nás Pány weceg lagau
Gako Ferkule dáwagau,
Preto wjc y hladom žigem
A mjsto trunku smad pigem:
Wssak ga predcy Školské wecy
Pilně se včjm, pri pecy,
Atak Vice-Comissarom
Budem ti gá, y pisárom
Visy budem podpisowat,
Ludj na wagcá ssacowat.
Než co mi chceš za to dati?
Že ti budem kontrowati?
Ch. Gak na chwowe nepristaneš
Tretgé wagco brati budeš.
A. Žákom pláca sýc malá gest
Ale má swůg resspekt a čest,
Hlad, žjžen, časy baurliwě
Budem snasset trpeliwě,
Bych len mohl něco skausyt,
Ktwogeg wůly chtem tu giž
byt.

* *
*

Vocabula maxime vulgaria,
Stilo ligato, ac ordine Alphabetico deducta

A.

1. Avia Baba = Rana Žaba.
2. Dedecus Hauba = Nuptiae Swadba.
3. Piscis Ryba = Salix Wrba.
4. Spongia Huba = Tubus Trauba.
5. Paranymphus Družba = Servitus Služba.
6. Aqua Woda = Damnum Škoda.
7. Lis Swada = Vitium Wada.
8. Barba Brada = Fustuarium Klada.
9. Senatus Radda = Hortus Zahrada.
10. Sambucus Habzda = Stria Brazda.
11. Stella Hwezda = Frenum Vzda.
12. Creta Krjda = Ilex Swjda.
13. Dux Wýwoda = Fragum Gahoda.
14. Casa Buda = Metallum Růda.
15. Pulex Blecha = Tectum Strecha.
16. Superbia Pýcha = Aluta Gircha.
17. Orgia Sáha = Libra Wáha.
18. Pes Noha = Calcar Ostroha.
19. Liber Kniha = Nebula Mlha.
20. Iris Důha = Servus Sluha.
21. Mater Matka = Macellum Gatka.
22. Praelium Walka = Otium Zahalka.
23. Vannus Opalka = Viola Fialka.
24. Dogma Nawka = Ponticulus Lawka.
25. Strages Porážka = Questio Otázka.
26. Arbutus Planka = Solinum Slanka.
27. Cucumis Okurka = Pannicum Tatarka.
28. Pica Straka = Uncus Kwaka.
29. Serum Srwatka = Vergiliae Kuratká.
30. Graculus Sogka = Cymba Loďka.
31. Aenigma Hádka = Ruga Wraska.
32. Pessulus Zaworka = Ardea Wolawka.
33. Galea Lepka = Gallina Slepka.
34. Nuga Pletka = Ornithon Kletka.
35. Amita Tetka = Sura Leytká.
36. Asser Deska = Corylus Lgeska.
37. Uxor Manželka = Coturnix Prepelka
38. Lacerta Gessterka = Sciurus Wewerka.
39. Ancilla Dewka = Iusculum Polewka.
40. Cranium Lepka = Fascia Plenka.
41. Semita Stezka = Meretrix Newestka.
42. Cissta Truhlička = Turtur Hrdlička.
43. Bulla Bublinka = Coematum Pálenka.
44. Vulpes Lisska = Cunabula Koljska.
45. Menda Mýlka = Cicada Kobylka.
46. Ligo Motyka =
47. Alea Kostka = Telis Kotka (aerulus).
48. Pirus Hrusska = Pyxis Pusska.
49. Apium Petrusska = Cervical Podvsská.
50. Neptis Wnučka = Cuculus Kukučka.
51. Manus Ruka = Pratum Lauka.
52. Rupes Skala = Laus Chwála.
53. Sceptrum Berla = Margarita Perla. (Unio)
54. Acus Gehla = Tegula Tehla.
55. Apis Wčela = Vitulus Tělá.
56. Serra Pjla = VEna Žila.
57. Pix Smola = Schola Škola.
58. Idolum Modla = Horreum Stodola.
59. Bestia Šelma = Cassis Helma.
60. Stramen Slama = Fovea Gama.
61. Alerces Mzda, Tenebrae Tma.
62. Hyems Zyma, Canalis Rynna (sic).
63. Pavs Strana, Carnix Wrana.
64. Porta Brana, Vulnus Rana.
65. Virgo Panna, Lebes Paňwa.
66. Velum Opona, Umbraculum Zaclona.
67. Bellum Wogna, Regina Kralowná.
68. Faemina Žena, Spuma Pěna.
69. Paries Stena, Murena Mrena.
70. Hora Hodina, Familia Rodina.
71. Argilla Hlina, Saliva Slina.
72. Vallis Dolina, Mica Odrobina.
73. Laridum Slanina, Regio Kragina.
74. Splen Slezyna, Ren Ledwina.
75. Crena Strepina, Fistula Trstina.
76. Herba Bylina, Planta Zrostlina.
77. Heros Hrdina, Cadaver Mrssina.
78. Causa Prčina = Squama Lupina.
79. Martes Kuna,H lhroda Struna.
80. Corona Koruna, Macula Posskwrna.
81. Rapa Repa, Tilia Lipa.
82. Canabis Konopa, Diluvium Potopa.
83. Vespa Wosa, Ros Rosa.
84. Patina Misa, Tibiscus Tissa.
85. Securis Sekera, Incredulitas Newera.
86. Filia Dcera, Foramen Dgera.
87. Mons Hora, Perna Šoldra.
88. Cortex Kůra, Zona Šnura (az u fölött tintapecsét).

89. Iter Cesta, Nurus Newesta.
90. Calcaneum Pata, Tigillum Lata.
91. Pala Lopata, Praemium Odplata.
92. Bonitas Dobrota, Castitas čistota.
93. Ocrea Bota, Pila Lopta.
94. Os (bucca) Vstá, Olus Kapusta.
95. Caput Hlawa, Gloria Sláwa.
96. Gramen Tráwa, Vacca Krawa.
97. Color Barwa, Pascuum Pastwa.
98. Bolus Skywa, Prunus Slywa.
99. Festuca Mrwa, Iuba Hriwa.
100. Venepum Otrowa, Solea Potkowa.
101. Bubo Sowa, Vidna Wdowa.
102. Foedus Smluwa, Praeloquium Predmluwa.
103. Betula Breza, Scutum Paweza.
104. Succus Mjza, Apostema Hljza.
105. Balena Welryba, Cabala Kobyla.

B.

106. Canalis Žlab, Sulfur Šwáb.
107. Satelles Dráb, Iaurinum Ráb.
108. Grus Gerab, Milvus Gestrab.
109. Panis Chléb, Clavus Hreb.
110. Faba Bób, Sepulchrum Hrob.
111. Dens Zub, Quercus Dub.
112. Artus Klaub, Columba Holub.
113. Gibbus Swrb, Falx Srp.

F. Gregor

Polnisch-ungarische lexikographische Arbeiten und das erste polnisch-ungarische Handwörterbuch

Słownik polsko-węgierski. Lengyel—magyar szótár. [Polnisch-ungarisches Wörterbuch.] Budapest 1958. Akademie-Verlag. XXIII + 976 S.

I. Die Vorgeschichte der lexikalen Vergleichung des polnischen und ungarischen Wort- und Ausdrucksschatzes reicht bis in die Zeit des Erwachens des Interesses für die nationalen Sprachen, d. i. bis in die erste Hälfte des 16. Jahrhunderts hinauf.

1. Jene lateinischen Grammatiken, Sprachübungen und Wörterverzeichnisse, die die Bedeutung der Wörter in mehreren Sprachen brachten, und in Krakau, vorwiegend in der Druckerei Vietors erschienen waren, sind Erzeugnisse des an den Universitäten Ost- und Mitteleuropas keimenden Humanismus'. Unter diesen sind für uns von besonderem Interesse jene für Schulgebrauch bestimmten Büchlein, die neben dem lateinischen Text dreisprachige, nämlich deutsche, polnische und ungarische Übersetzungen enthalten. Die lateinische Grammatik Chr. Hegendorf's »Rudimenta grammatices Donati...« und die lateinische Gesprächsammlung von Heyden Sebald »Puerilium colloquiorum formulae...« — beide durch Johann Sylvester (1504*—1553*), der zu jener Zeit an der Universität von Krakau studiert hatte, mit ungarischen Verdolmetschungen versehen — stellen mit ihrem frühen Erscheinungsjahr: 1527 die ersten erhalten gebliebenen gedruckten Texte in ungarischer Sprache, zugleich aber auch Lehrbücher dar, die es ermöglichten, daß neben dem Latein auch die einzelnen nationalen Sprachen erlernbar, — den Polen etwa die ungarische und den Ungarn die polnische Sprache — zugänglich wurden.

Der Bibliographie Karl Estreichers zufolge (Bd. XXIV. S. 52) soll in Krakau, im Jahre 1531 bei Vietor auch ein viersprachiges Wörterverzeichnis erschienen sein, nämlich das »Diccionarius latine, germanice, polonice et ungarice« betitelte Werk, dessen ungarischer Teil, wie es aus den Empfehlungszeilen des Büchleins hervorgeht, ebenfalls von Sylvester stammt. Dieser mit dem von Murmellius bei Vietor zu Wien, im Jahre 1513 veröffentlichten »Diccionarius trium linguarum, latine, teutonice, Boemice...« aller Wahrscheinlichkeit nach zusammenhängende Krakauer »Diccionarius« ist wohl als das erste Denkmal der polnisch-ungarischen Wörterbuchliteratur zu betrachten, obwohl in unseren Büchereien bislang kein einziges Exemplar von ihm zum Vorschein gekommen ist.

Ebenfalls in Krakau, in der Werkstatt Vietors wurde auch das dreisprachige, d. i. lateinisch-deutsch-ungarische »Lexicon« des Murmellius im Jahre 1533 hergestellt. Von J. Melich wurde es nachgewiesen, daß dem unbenannten ungarischen Verdolmetscher der Wörtersammlung ein etwas früher, 1526 oder 1527, ebenfalls bei Vietor herausgebrachter lateinisch-deutsch-polnischer Murmellius als Vorlage gedient haben mochte, dain der auch die ungarischen Entsprechungen enthaltenden Ausgabe einige polnische Wörter geblieben sind. Es läßt sich auch feststellen, daß der ungarische Mitarbeiter des Wörterverzeichnisses bei der Übersetzung nicht den polnischen, sondern den lateinischen Text vor Augen hielt.

In der Geschichte der polnischen, bzw. ungarischen Wörterbuchliteratur ist das Jahr 1585 von besonderer Bedeutung: damals erschienen zum ersten Male in dem zu

Lyon herausgegebenen Wörterbuch des Calepinus, das zu jener Zeit bereits zehnsprachig war, die polnischen und ungarischen Entsprechungen.

Auch in der von Peter Loderecker verfertigten und im Jahr 1605 zu Prag gedruckten siebensprachigen Umarbeitung des Wörterbuches von Verancsics, sowie in dem 1616 zu Augsburg veröffentlichten und unbeendet gebliebenen, »Teütsche Sprach und Weissheit...« betitelten Wörterbuch von Georg Henisch stehen die polnischen und ungarischen Entsprechungen nebeneinander.

Nach den genannten Wörterverzeichnissen und Wörterbüchern aus dem 16—17. Jahrhundert, die den Polen und Ungarn als praktische Hilfe wechselseitig dazu verhalfen, die Sprache des andern kennenzulernen und sich anzueignen, ist eine lange Weile, bis zur jüngsten Zeit überhaupt kein derartiges lexikales Werk entstanden, das von unserem Gesichtspunkt aus Beachtung verdiente.

2. Abgesehen von den als Supplement einiger kurzer Sprachlehrbücher, wie etwa von den in der Reihe »Rozsnyai Gyors Nyelvmestere (Schneller Sprachkurs von Rozsnyai)«, Nr. 20., o. J. erschienenen anspruchslosen polnisch-ungarischen Wörtersammlungen, wäre als erstes ungarisch-polnisches, bzw. polnisch-ungarisches Wörterbuch die Arbeit Emanuel Korompay's zu nennen: »Pierwszy słownik węgiersko-polski« und »Pierwszy słownik polsko-węgierski« (Warszawa 1936). Dieses kleine Wörterbuch im Format 32° enthält in seinem vollständigeren, nämlich im ungarisch-polnischen Teil etwa 2800 Titelwörter (als Folge der mangelhaften lexikalen Technik werden oft auch Ausdrücke aus mehreren Wörtern zum Titelwort), die vom Verfasser aus der im Lingua-Verlag, 1930. erschienenen zweiten Ausgabe des ungarisch-deutschen Taschenwörterbuches von R. Altai mit mehr oder weniger fragwürdigem Erfolg für die das ungarische Land bereisenden polnischen Touristen zusammengewählt wurden. So fehlen aus dem Wörterbuch z. B. folgende Titelwörter: *bél* (Darm), *étterem* (Speisesaal), *fagylalt* (Gefrorenes, Eis), *hét* (Woche), *hétfő* (Montag), *hordár* (Gepäckträger), *idő* (Zeit), *kár* (Schaden), *Lengyelország* (Polen), *Magyarország* (Ungarn), *merre* (wohin, in welche Richtung), *mozi* (Kino), *pap* (Geistlicher), *pénztár* (Kasse), *ruhatár* (Garderobe), *színdarab* (Theaterstück), *személyvonat* (Personenzug), *váll* (Schulter), *vámvizsgálat* (Zollkontrolle), *villamos* (Straßenbahn); dagegen — augenscheinlich ganz überflüssig — sind folgende vorhanden: *máglya* (Scheiterhaufen), *szédelgő* (Schwindler), *színrehozni* [ein Schauspiel] aufführen), *tanúbizonyság* (Zeugnis), *tékozlás* (Verschwendung), *trónörökös* (Kronprinz), *várkastély* (Burgkastell) usw. Meist steht neben den Titelwörtern nur je eine einzige fremdsprachige Entsprechung, so z. B.: » **nap** *dzień*« ; »**dzień** *nap*«. Der polnisch-ungarische Teil ist demnach mit belanglosen Änderungen eine Rückübersetzung des ungarisch-polnischen Teils. Die im ungarisch-polnischen Teil außerachtgelassenen wichtigen Wörter fehlen auch aus dem anderen Teil, so: *czas, lody, numerowy, szatnia, tydzień* usf. Doch könnten auch noch weitere schwerwiegende Mängel festgestellt werden, wie etwa das Fehlen von *chleb, lód, papieros, Polak, polski, słońce, węgierski* usf.

3. Die von Hiador Strypski redigierte Veröffentlichung: »A legszükségesebb magyar szavak szótára lengyelek részére, kiejtéssel. Słowniczek najniezbędniejszych słów węgierskich dla Polaków, z wymową (Wörterbuch der notwendigsten ungarischen Wörter für Polen, samt Aussprache)«, erschienen zu Budapest, 1939. suchte den nach dem Meuchelangriff der deutschen Faschisten gegen Polen im Jahre 1939 nach Ungarn geflüchteteten Polen sprachliche Hilfe zu leisten. Dieses kleine Wörterverzeichnis enthält etwa 1500 Wörter, bzw. Ausdrücke, und wurde nach ähnlichen Prinzipien zusammengestellt, wie das von Korompay; allerdings sucht es auch die mit polnischen Lettern geschriebene richtige Aussprache der ungarischen Wörter zu bezeichnen. Die Umschrift

ist jedoch weder genau, noch folgerichtig zu nennen. Die Länge der Laute wird durch Verdoppelung der Buchstaben bezeichnet, doch durchaus nicht in jedem Fall; so wird z. B. ung. *mellény* folgendermaßen angeführt: »**kamizelka** mellény (mełleeń)«, dagegen *toll* so: »**pióro** toll (toł)«; vgl. auch: »**perfuma** illatszer (ilat-ser)«; »**jeszcze** még (meeg)«, dagegen: »**wymiana** váltás (wałtasz)«. Was die Schreibart solcher ungarischer Laute betrifft, die im Polnischen fehlen, geht Strypski ebenfalls nicht folgerichtig, sondern ungenau und unsicher vor. Die polnischen Zeichen für ungarisches kurzes *ö* ~ *ü* sind im allgemeinen *oe* ~ *ü*, doch wechselt letzteres bei Strypski mit *i*, so in »**fotel** zsölylye (żoele)«, »**kara** büntetés (bünteteesz)«, »**palacz** fűtő (fite^{u})«. Auch das ungarische lange *ő* wird bei Strypski im Polnischen nicht einheitlich wiedergegeben, sondern bald mit *oe*^{v}, *oe*^{v}, bald mit *e*^{v}, *e*^{v}, oder *oe*, z. B.: »**jesień** ősz (oe^{w}s)«, »**kamień** kő (koe^{v})«, »**dach** tető (tete^{u})« usf. Das ungarische lange *ó* wird bei Strypski mit *o*^{u} bezeichnet: »**dobry** jó (jo^{u})«. Für ungarisches *a* steht auch bei ihm meist *a*, doch benützt er für die Umschrift eines *a*-Lautes in der Nachbarschaft einer *á* enthaltenden Silbe: *o*, wie z. B. in »**garderoba** ruhatár (ruho-taar)«, »**żonaty** házas (haazosz)«. Freilich nicht folgerichtig durchgeführt; es finden sich bei ihm auch andere Schreibungsarten, wie etwa in »**żniwo** aratás (arataasz)«,» **służący** inas (inosz)«. Die Beschränkung auf je ein einziges Wort bei der Angabe der Bedeutung entspricht oft nicht der Zielsetzung des Wörterbuchs: in der ungarischen Amtssprache (etwa auf Blanketten) entspricht dem polnischen *żonaty* gewiß nicht »házas«, wie es im Wörterbuch behauptet wird, sondern »nős«.

4. Als erstes Wörterbuch, das die Ansprüche, die man im allgemeinen einem Taschenwörterbuch gegenüber erhebt, bereits in vieler Hinsicht erfüllt, ist wohl die Arbeit W. Szabliński's, des früheren polnischen Lektors der Universität Debrecen, zu nennen; diese erreichte unter dem Titel: »Słownik węgiersko-polski. Magyar—lengyel szótár« (Debrecen 1940) in drei Jahren drei Auflagen, und bearbeitet in etwa 10 000, den Wortfamilien nach gruppierten Wortartikeln etwa 17 500—18 000 ungarische Wörter, bzw. cca 2000—2200 Ausdrücke. Die Rektion der ungarischen, sowie der polnischen Wörter wird beachtet, z. B. »**függ** wisieć; zależeć *(-től = od 2)*«; auch die perfektiven, bzw. imperfektiven Formen der Zeitwörter werden berücksichtigt, und diese mit Hilfe eines drucktechnischen Griffes hervorgehoben, bzw. mit einander verknüpft, z. B.: »**dűl** upadać, upaść«, »**ad** da*wać*«; sprzeda*wać*«; »**ébreszt** *o*budzić«. Die grammatischen Formen und die Aussprache der ungarischen Wörter werden nicht berührt, die verschiedenen Bedeutungen, bzw. Bedeutungsnuancen dagegen beachtet; auf die einzelnen Begriffskreise wird mit kursiv gedruckten Wörtern in Klammern hingewiesen: »**megszáll** zatrzymywać się; opanowywać; *(területet* [ein Gebiet]:) okupować, zająć; *(ördög* [der Teufel]:) opętać«. Die angegebenen Entsprechungen sind im Wörterbuch meist richtig und zeitgemäß, aber es ist zu bedauern, daß eine stilistische Qualifizierung der einzelnen Wörter durchaus fehlt. Eine gewisse Bereicherung des ungarischen Ausdrucksmaterials hätte Wert und Brauchbarkeit des Wörterbuchs ohne Zweifel gesteigert. Das im Wörterbuch bearbeitete ungarische Wortmaterial wurde vom Verfasser aus den ungarisch—fremdsprachigen Taschenwörterbüchern im Umlauf entnommen, doch wurde es auch noch aus dem großen Material des ungarisch-französischen, im Jahre 1937 erschienenen Wörterbuch von A. Sauvageot, bzw. — in kleinerem Maße — auf Grund eigener Sammlungen ergänzt. Letztere galten dem Verfasser ab und zu mehr, als die übrigen Quellen: die früheren gemeinsprachlichen Bedeutungen des Verbums *kitol* — obwohl bereits früher lexikal verbucht — wurden z. B. wegen der Berücksichtigung des im Argot (in der gewöhnlichen Umgangssprache) gebrauchten *kitol vkivel* 'jemandem übel mitspielen' vernachlässigt. Das Wörterbuch W. Szabliński's konnte allerdings nicht nur von den Sprachschülern, sondern gewiß auch von den Verfassern der späteren Wörterbücher mit Nutzen gebraucht werden.

5. Der polnisch-ungarische Teil des Taschenwörterbuchs von W. Szabliński konnte nicht fertiggestellt werden. Gleichsam als eine Ergänzung des vorhin besprochenen erschien demnach im Jahre 1942 zu Budapest[1] das Taschenwörterbuch von Gy. Boér und J. Marcal: »Lengyel—magyar szótár. Polsko-węgierski słownik.« Dieses bearbeitet etwa 14 500 Titelwörter, doch bringt nur etwa bei 200—250 Ausdrücken die ungarischen Entsprechungen. Öfters steht auch, so wie bei Korompay, anstelle eines Titelwortes, ein Ausdruck; so z. B.: *polubowny sędzia, Czarne morze.* Die ungarischen Entsprechungen der Zeitwörter finden sich auch hier — ebenso wie bei Korompay und abweichend von der modernen lexikalen Praxis — im Infinitiv angegeben, und nicht in der den Stamm des Verbums widerspiegelnden dritten Person der Einzahl. Die Einordnung des Ausdrucksmaterials in die einzelnen Wortartikel erfolgte öfters nicht mit der gehörigen Sorgfalt: so finden sich etwa im Wortartikel **południe** die Ausdrücke *biegun południowy,* bzw. *wiatr południowy,* obwohl weiter unten auch das Titelwort **południowy** zu finden ist. Über die grammatischen Formen der Titelwörter erteilt das Wörterbuch überhaupt keinen Aufschluß. Auch die Wortgattung wird nur bei den Hauptwörtern angegeben; daselbst wird auch das grammatikalische Geschlecht bezeichnet. Neben dem Perfektiv der Zeitwörter findet sich im Titelwort meist auch die imperfektive Form angegeben, doch nicht in jedem Falle; neben *ośnieżyć* sucht man z. B. vergebens die Form *ośnieżać.* Im ganzen Wörterbuch vermißt man leider jede Art von stilistischer Wertung. Die ungarischen Entsprechungen der polnischen Wörter sind durchwegs mangelhaft angegeben: bei Wörtern, die mehrere Bedeutungen haben, wird meist nur für eine einzige die ungarische Entsprechung angeführt, — etwa noch zur letzteren ein Synonym hinzugefügt. Z. B.: »**czeluść** *n* állkapocs (Kinnlade)«; »**czynny** tevékeny, dolgos (geschäftig, arbeitsam)«; »**grono** *s* szőlőfürt (eine Weintraube)«; »**grzbiet** *h* hát (Rücken)«. Der größte Mangel des Wörterbuches liegt gewiß in der unrichtigen Äquivalenz der polnischen und ungarischen Wörter, und das in einem solchem Maße, daß es die Brauchbarkeit des Werkes schwer beeinträchtigt. Ungenaue, ja völlig falsche Bedeutungsangaben kommen in ihm in großer Anzahl wahrscheinlich infolge der Mißdeutung der Positionen eines als Quelle dienenden polnisch-deutschen Wörterbuches vor.[2]

Aus der irrtümlichen Nebeneinanderstellung der polnischen, bzw. ungarischen Entsprechungen darf wohl auf die recht mangelhaften polnischen Sprachkenntnisse der Verfasser gefolgert werden.[3] Es ist anzunehmen, daß das Wörterbuch wohl auf ein altes, noch vor dem ersten Weltkrieg erschienenes polnisch-deutsches Taschenwörter-

[1] Der Einleitung des Polnisch-ungarischen Handwörterbuches zufolge (S. V) soll das Buch, allerdings irrtümlicherweise, als in Békéscsaba erschienen kennzeichnet sein.

[2] Einige Beispiele für diese Behauptung: *czajka* bedeutet dem Wörterbuch zufolge «teáskanna; kibic (Teekanne; Kiebitz [beim Kartenspiel])»; eigentlich sollte wohl «sajka (kleiner Kahn, Nachen); bíbic (Kiebitz [Vogel])» stehen: der Doppelfehler entstand teils wohl durch die Verwechslung mit poln. *czajnik,* und teils infolge der irrtümlichen Auffassung des deutschen Wortes mit mehrfacher Bedeutung *Kiebitz.* Andere Fälle: *czasza* «héj; csésze (Schale [von Obst]; Schale [Gefäß])» statt der richtigen Bedeutung «kupa, kehely (Humpen, Kelch)»; *czesalnia* «csepű (Werg)» anstatt richtig «kártoló műhely (Kremplerwerkstatt)»; *groza* «őszülés; borzadás (das Ergrauen der Haare; Schaudern)»: das polnische Wort hat überhaupt nicht die Bedeutung «Ergrauen der Haare»; *gruchać* «felhangzani (erschallen)» statt «turbékolni (girren)»; *guz* «kelés, tályog (Furunkel, Abszeß)» statt «dudor, púp, daganat (Anschwellung, Höcker, Geschwulst)»: die Bedeutung der Geschwulst schließt hier die Möglichkeit eines Abszesses völlig aus; *gwar* «szóbeszéd (Geschwätz)» statt «zsivaj, zajongás, lárma (Lärmen, lautes Stimmengewirr)»; *okiennica* «ablakkeret (Fensterrahmen)» statt richtigem «ablaktábla, zsalugáter, spaletta (Fensterladen; Jalousie)»; *okładka* «kötés, tapasz (Verband)» statt «védőborítók, borítás, (könyv)tábla, kötés (Schutzeinband, Überzug, [Buch]Deckel, Einband)» — der Ausdruck «tapasz (Wundverband)» ist offenbar Folge einer falschen Ideenverknüpfung wegen der unrichtigen Auffassung der Bedeutung von ung. «kötés»; *olstro* «kötőfék (Halfter)» statt «pisztolytok (Pistolentasche)»; *opar* «égés (Brennen)» statt «pára, ködfelhő (Dunst, Nebelschwade)»; *orędzie* «üzenet, hír; megbízás (Botschaft, Nachricht; Auftrag)» statt «szózat, kiáltvány (feierliche Verkündigung, Proklamation)»; *oścień* «tövis, tüske (Dorn, Stachel)» statt «ösztöke (Pflugreute)»; *ośrodek* «kenyérbél (Krume)» anstatt «belső rész, bél; központ; állomás (Inneres, der innere Teil; Mittelpunkt; Station)» usf.

[3] Vom völligen Abgehen aller polnischen Sprachkenntnisse Gy. Boér's zeugt auch sein im Jahre 1939 im eigenen Verlag zu Budapest erschienenes Sprachlehrbuch «Tanuljunk szórakozva lengyelül» (Laßt uns spielend polnisch lernen), das nur dem Äusseren nach als Sprachlehrbuch oder als Sprachlehre gelten darf, inhaltlich jedoch völlig sinnlos, wertlos und unbrauchbar ist, ein Wust von Buchstaben und Wörtern, der dem Verfasser ermöglicht, seine albernen rassenschützlerisch-turanistischen (faschistischen) Ansichten vor der Öffentlichkeit auszubreiten. Alles, was in seinem vorhin besprochenen Wörterbuch annehmbar ist, wird offensichtlich einzig und allein den mangelhaften polnischen Sprachkenntnissen des Mitverfassers zuzuschreiben sein.

buch zurückzuführen ist, dessen deutsche Definitionen — ziemlich oberflächlich — ins Ungarische übertragen wurden. Auf das frühe Erscheinungsjahr dieser Quelle dürfte wohl aus der veralteten Schreibungsart der polnischen Wörter (etwa wie *gryźć, ostrzydz* usf.), sowie aus der großen Anzahl der veralteten Wörter und Wortbedeutungen (wie *czasopis, czasowanie, czerwotocz, czwórka* 'Vierergespann', *gwoli, okrom, opona* 'Vorhang', *ośm, ośmnascie, ośmset* usf.), doch auch daraus gefolgert werden, daß der Ländername *Czarnogóra* 'Montenegro' und die aus diesem gebildeten Ableitungen *Czarnogórczyk, czarnogórski* im Wörterbuch vorhanden sind, dagegen *Czechosłowacja* und das Eigenschaftswort *czechosłowacki* fehlen. Das Wörterbuch wimmelt nur so von teils nachträglich in einem Verzeichnis verbesserten, teils unverbesserten Druckfehlern. — Dieses Wörterbuch von Boér und Marcal bedeutet somit jenem von Szabliński gegenüber einen schweren Rückfall.

6. Um eine Ergänzung des Szabliński-schen Wörterbuches mit einem polnisch-ungarischen Teil bemühten sich auch die polnischen Flüchtlinge selbst. Ihrer Arbeit verdanken zwei Wörterbücher ihr Entstehen. Das erste, das Werk des Schriftstellers Julian Kurdybowicz, wurde Ende 1942 im Gefangenenlager zu Pilisvörösvár vervielfältigt. Es stellt eine ohne besonderen wissenschaftlichen Ansprüche verfertigte Wörtersammlung dar, die von ihrem Verfasser zur Erleichterung des täglichen Verkehrs zwischen den Internierten, bzw. Flüchtlingen und der ungarischen Bewohnerschaft zusammengestellt wurde. Von diesem Wörterbuch befindet sich leider kein einziges Exemplar in unseren öffentlichen Sammlungen, sodaß wir darüber nur aus der Einleitung des Wörterbuches von W. Klafaczyński (S. 5) etwas wissen.

7. Das andere polnisch-ungarische Wörterbuch, ebenfalls das Werk eines polnischen Flüchtlings, ist das vorhin erwähnte, nämlich die Arbeit Walerian Klafaczyński's, des früheren Adjunkten der Universität von Poznań.[4] Obwohl es im Buchformat nicht erscheinen konnte und nur einige Korrekturexemplare von ihm erhalten geblieben sind, so gebührt dennoch seinem Verfasser ein würdiger Platz in der Geschichte der polnischen und ungarischen Lexikographie. Es ist aus der Datierung der Einleitung des Wörterbuches zu entnehmen, daß die Arbeit bereits im Mai des Jahres 1943 im Manuskript fertig vorlag. Im Laufe der bald darauf in Gang gesetzten Druckarbeit wurde — mit Ausnahme des etwa 80 Seiten der Handschrift umfassenden Endteils *(wykręcać—żyzny)* — der Korrekturabzug des ganzen Werkes fertiggestellt, ja, das Material der ersten 119 Seiten bis zum Titelwort *liczba* wurde bereits umgebrochen. Das Manuskript mochte etwa 760 Seiten umfaßt haben, wie dies aus den an den einzelnen Aushängebögen angebrachten Zeichen hervorgeht. Im Laufe der um die Befreiung Budapests gefochtenen Kämpfe wurde ein Teil des gedruckten Materials *(minor — morda, niemądry — niesumiennie* und noch einige kleinere Teile) völlig vernichtet, das übrige beschädigt. Im Jahre 1947 wurde ernstlich erwogen, daß das Wörterbuch gedruckt werden müsse, doch man mußte den Gedanken fallen lassen, teils wegen technischer Schwierigkeiten, teils weil sowohl der polnische, als auch der ungarische Teil des Wörterbuches mit dem modernen Wort- und Ausdrucksmaterial des im Aufbau begriffenen Sozialismus und der modernen Wissenschaft und Technik hätte ergänzt werden müssen; dagegen hätte man das bereits überflüssig gewordene, unzeitgemäße Wortmaterial fortlassen müssen. Das im Druck etwa 550 Oktavseiten umfassende, in zwei Spalten

[4] Diese Arbeit wurde unter recht schweren Verhältnissen in einem Lager für Internierten begonnen, später jedoch in einem Budapester wissenschaftlichen Institut fortgesetzt. Den Verfasser ereilte der Tod in Veszprém, am 15. November 1944. Seinem Andenken ist die Nr. 3—4 des Jahres 1944 der Zeitschrift «Revue d'Histoire Comparée» gewidmet (a. a. O. S. 248).

gedruckte Wörterbuch hätte ursprünglich etwa 18 000 Titelwörter und unter den einzelnen Titelwörtern, in den angereihten Derivaten und Zusammensetzungen noch etwa weitere 18 000—20 000 Wörter, somit also im Ganzen cca 36—38 000 Wörter, bzw. 12 500 Ausdrücke enthalten. In der ersten Phase der lexikographischen Arbeit konnte der Verfasser zu keinen wissenschaftlichen Hilfsmitteln gelangen, so wie er dies in der Einleitung seines Wörterbuchs erwähnt (S. 5); das erklärt, weshalb das Wortmaterial der ersten Hälfte des Werkes (von *A* bis *N*) dürftiger ausgefallen ist, als dasjenige der zweiten Hälfte *(O—Ż)*. Er begann seine Arbeit auf Grund irgendeines, ihm eben zur Verfügung stehenden, polnisch—fremdsprachigen Taschenwörterbuches, ergänzte aber später das skizzenhaft zusammengestellte Material mit jenem des Warschauer Wörterbuches, bzw. dem des Linde-schen — beide Werke waren ihm in der Bibliothek des Polnischen Kulturinstituts zugänglich. Die archaischen und die mundartlichen Wörter und Ausdrücke ließ er außer Acht; auch die Fachterminologie wurde zwischen ziemlich enge Schranken gezwungen: nur die allerwichtigsten Pflanzen- und Tierbezeichnungen, sowie physikalischen, chemischen usf. Ausdrücke wurden berücksichtigt, dagegen die Rechtswissenschaft, die Literatur- und die Geschichtswissenschaften in höherem Maße beachtet. Auch das politische Wortmaterial wurde mit großer Zurückhaltung behandelt.

Die Bezeichnung der Wortgattung der Titelwörter findet sich nur bei den Hauptwörtern, wo auch die Genera angegeben werden. Sonst werden keine Beugungsformen geboten, allein die Pluralia tantum, sowie die Rektionen werden bezeichnet. Die Art des Vorgehens bei der Bezeichnung letzterer ist im großen und ganzen mit dem bei Szabliński beobachteten Verfahren identisch; z. B.: »*dbać (o 4 = -t)* gondoz (jmden pflegen)«, »*dopełnienie (n.) (2 = -hoz)* kiegészítés; pótlék, pótlás (Ergänzung; Zulage, Zusatz)«; der erforderte grammatische Kasus wird zur Erklärung einer Rektion öfters an Pronominalformen dargestellt, z. B.: »*góra ... brać górę (nad kimś = vkinek)* fölébe kerekedik (jmden unterkriegen)«, »*gwarantować* szavatol; *(za co)* jótáll, kezeskedik valamiért (garantieren; für etw. bürgen)«. Die perfektive, bzw. imperfektive Aktion der Zeitwörter wird nicht im besonderen angegeben, doch finden sich bei den meisten Doppelverben Hinweise auf die Form, bei der mehrere Bedeutungen oder ein umfangreicheres Ausdrucksmaterial angeführt wurde. Die einzelnen Bedeutungen der Wörter werden mit Strichpunkt, die einzelnen Bedeutungsnuancen und Synonyme mit Komma von einander getrennt. Die Definitionen der Wortbedeutungen sind in ihrer Mehrheit, ja überwiegend richtig angegeben, obwohl freilich infolge der bahnbrechenden Art des Werkes, bzw. der Umstände, unter welchen es entstanden ist, auch Fehler und Ungenauigkeiten in nicht geringer Zahl vorkommen. Im Bereich der Nebeneinanderstellung der Entsprechungen finden sich meist Mängel, nicht Irrtümer; etwa, daß bei Wörtern mit mehreren Bedeutungen nur eine einzige, oder nur wenige Bedeutungen erklärt und übertragen werden, z. B.: »*bok (m.)* oldal (Seite)«, »*brat (m.)* fivér, testvér (Bruder)«, »*klucz (m.)* kulcs (Schlüssel)«, »*płynąć* foly-ik; ömlik (fließen; strömen)«, *pływać* úszik; úszkál (schwimmen; herumschwimmen)« usf., obwohl bei dergleichen Wörtern selbst die besseren Taschenwörterbücher mehrere Bedeutungen bringen. Dieser Mangel wird in gewissem Maße dadurch verringert, daß bei den meisten Wörtern auch die Übertragung einiger ständiger Wortverbindungen geboten wird. So z. B. bei dem Wort *brat : starszy ~, młodszy ~, mleczny ~, cioteczny ~;* bei *klucz: zamknąć na ~, pod -em.* Im Falle des Wortes *brać* finden sich zweierlei Mängel: nur wenig Bedeutungen sind angegeben, und dabei ist auch die Verdolmetschung ungenau: »vesz, fog; *(4 za 4)* összetéveszt (nehmen, halten; verwechseln)«; letztere Bedeutung kann jedoch höchstens eine Nuance der Bedeutung 'jmden für etwas halten' bilden: *bierze mnie za twego brata* 'er hält mich für deinen Bruder' oder 'verwechselt mich mit deinem Bruder'; vgl. *za kogo mnie bierzesz?* 'wofür siehst du mich an?' (P. Kalina, Słownik polsko-niemiecki. 1953. 38; SłJP. I, 636). Die gewissenhafte Arbeit Klafaczyński's zeigt sich auch in der Zusammenstellung der

ungarischen Synonyme, z. B.: »*brud (m.)* piszok, mocsok, kosz, maszat, szutyok (Schmutz, Dreck, Grind, Schmieriges, Sudel)«; »*popychać* taszigál, tuszkol; előrelök, előre taszít; tol, hajt; *(kogo do 2)* ösztökél, sarkall, hajt (hin- und herstoßen, schieben; vorwärtsstoßen, jemandem einen Schubs geben; stoßen, treiben; aneifern, anspornen, treiben); ~ *się* tolakod-ik; lökdösőd-ik; szorong, tolong (zudringlich sein, sich drängen; zusammengedrängt sein, sich drängeln)« usf. Stilistische Wertungen gibt es in diesem Wörterbuch nicht; darin besteht vielleicht sein größter Mangel. Auch die Aussprache und der Akzent werden in den Ausnahmefällen nicht angegeben (z. B.: *mar-znąć, muzyka)*. Anscheinend benützte Klafaczyński vor allem die deutsche Sprache als Hilfsmittel, obwohl er auch französisch gut konnte. *Czyrak* bedeutet ihm zufolge »vérkelés«, — eine Übersetzung des deutschen Ausdruckes *Blutschwär* (vgl.: Langenscheidts Taschenwörterbuch, Polnisch-deutsch.). *Comber* »lędźwiowa, krzyżowa część mięsa zwierząt łownych lub bydła domowego; pieczeń z tej części« (SłJP. I, 1038) heißt bei Klafaczyński ungarisch »címer« — offenbar eine einfache Übernahme des deutschen *Ziemer*-s (vgl. Langenscheidts Twb. a. a. O.). Nach dem unlängst erschienenen, von Bödey und Szily herausgegebenen Wörterbuch »Magyar—német szemléltető szótár« (Ungarisch-deutsches Bildwörterbuch) heißt dieser Körperteil des Tieres auch »remek« (S. 86). *Comber sarni* — bei Klafaczyński »szarvascímer« übersetzt — sollte ungarisch richtig »őzremek« oder »őzcímer« heißen. Die ungarischen Entsprechungen des polnischen Wortes *cokół* lauten bei Klafaczyński: »alzat, talpazat, kőláb, oszlopláb«. Die deutsche Entsprechung des polnischen Wortes ist *Sockel*, dessen ungarische Entsprechungen dem gewiß als Hilfswerk gebrauchten Ungarisch-deutschen Wörterbuch von B. Kelemen (1914) zufolge eben »talpazat, kőláb, alzat, faltő« lauten.

Die bahnbrechende, große Arbeit Klafaczyński's kann erst richtig gewertet werden, wenn bedacht wird, daß er sein Wörterbuch völlig allein geschrieben hatte, und nur die polnischen Textteile des bereits fertigen Manuskripts Mgr. Stanisław Teuchman zur Durchsicht übergab, bzw. die ungarischen dem auch polnisch vorzüglich sprechenden Imre Boba. Auch in der Korrektur des Werkes war ihm letzterer behilflich (Einleitung, S. 5). Die Arbeit Klafaczyński's ließ die polnische und ungarische Lexikographie mit ihren bedeutenden Werten, doch auch mit ihren Unebenheiten und Mängeln dennoch jene Entwicklungsstufe erringen, auf der nunmehr das Schaffen eines zeitgemäßen polnisch-ungarischen Handwörterbuchs von wissenschaftlichem Anspruch möglich war.

II. Infolge der immer lebhafteren wirtschaftlichen und kulturellen Zusammenarbeit zwischen Ungarn und Polen wurde das Herstellen solcher zweisprachiger Wörterbücher, die die Ansprüche der vielseitigen und immer reger werdenden Beziehungen befriedigen können, eine dringliche, wichtige Aufgabe. In den Kulturabkommen der beiden Länder wurde von Jahr zu Jahr die Forderung erhoben, die unumgänglich notwendigen Arbeiten auf diesem Gebiet so schnell, als möglich, zu den erwünschten Ende zu bringen.

1. Der ungarische Akademie-Verlag nahm binnen kurzem nach seiner Entstehung das Fertigstellen eines polnisch-ungarischen Handwörterbuchs in sein Arbeitsprogramm auf. Nach den im Dezember 1950 begonnenen Besprechungen und Vorbereitungen wurde die Arbeit unter der Leitung von Tibor Csorba im Januar 1951 in Angriff genommen.[5]

[5] Die oberste Leitung der Arbeiten an dem Wörterbuch wurde später unter der Oberaufsicht der Wörterbuch-Kommission der Ungarischen Akademie der Wissenschaften von der neben dem Akademie-Verlag organisierten Wörterbuch-Redaktion übernommen.

Das Sammeln des Materials und die Einrichtung der Wortkartei wurde von einer Gruppe von zwölf Mitarbeitern begonnen.[6] Zahl und Personen der Gruppe wechselten im Laufe der Zeit mehrfach. Gewiß wäre es für das Wörterbuch von Nutzen gewsen, wenn der Redakteur von Anfang an Sprachwissenschaftler, bzw. solche Fachleute, die eine sprachwissenschaftliche Grundschulung durchmachten, hätte heranziehen können. Die in großem Tempo vorgenommene Arbeit des Sammelns, Ordens und der Vorbereitung zum Redigieren erreichte bereits während zwei Jahren, daß die sich im »rohen« Zustand befindlichen Kartons — nach der mit großer Fachkenntnis und Sorgfalt vorgenommenen Übersicht der ungarischen Texte durch M. Kovalovszky und Gy. Kovács — nach Warschau versandt werden konnten, damit sie auch durch die polnischen lexikographischen Fachleute durchgesehen werden mögen. Die Überprüfung in Warschau beschränkte sich nicht auf die Kritik des Erreichten, sondern die polnischen Lexikographen nahmen auch aktiv an der Zusammenstellung des Titelworts- und Ausdrucksmaterials des Wörterbuches, an der Durchführung der Bezeichnung der grammatikalischen Formen der Titelwörter (an Ergänzung und Kontrolle) und an der Feststellung der stilistischen Wertungen teil. Im Laufe dieser Überprüfung der Titelwörter und der Phraseologie wurde das Manuskript vom Ballast etwa 10 000 veralteter oder kaum benützter Wörter und Ausdrücke befreit, dagegen mit etwa 3000 zeitgemäßen Wörtern und Ausdrücken bereichert. Bei der Angabe der grammatikalischen Formen wurden bereits die diesbezüglichen theoretischen und praktischen Errungenschaften des schon in Arbeit genommenen neuen polnischen erklärenden Wörterbuches (S. JP.) berücksichtigt: daher die weitgehenden Übereinstimmungen der grammatikalischen Erklärungen der beiden genannten Wörterbücher. An dem auf Kartons geschriebenen Manuskript des Wörterbuchs wurde nach dem Zurücksenden aus Warschau abgesehen von den in Warschau im Laufe der Überprüfung erwünschten Änderungen nur noch wenig geändert: geringfügigere Verbesserungen, Abänderungen und eine gewisse Vereinheitlichung wurden vorgenommen, und dann das ganze Material der Reihe nach mit Maschinenschrift abgeschrieben. Die letzte Überprüfung erfolgte wieder in Warschau, wo das nunmehr einheitliche Manuskript einer vielseitigen, überaus sorgfältigen, inhaltlich endgültige Entscheidungen treffenden Revision unterzogen wurde. Diese letzte Überprüfung wurde von dem durch die Polnische Wissenschaftliche Akademie ins Leben gerufenen und unter dem Vorsitz des Akademikers Witold Doroszewski tätigen Wissenschaftlichen Rat geleitet und von einer kleineren, unter der unmittelbaren Leitung des Professors Jan Reychman stehenden Arbeitsgemeinschaft durchgeführt. Während der Zeit der Überprüfung mußte T. Csorba unter bedauernswerten Umständen aus der Redaktion des Wörterbuchs ausscheiden. Der Druck wurde von der Akademie-Druckerei zu Budapest übernommen, nachdem die endgültige Handschrift von S. Skripecz, dem früheren Mitarbeiter, mit nicht geringer Arbeit für den Druck fertiggestellt wurde.

2. Der Umfang dieses Wörterbuches überschreitet in bedeutendem Maße den aller früherer polnisch-ungarischer Wörterbücher: es ist wohl viereinhalbmal so groß wie dasjenige von Klafaczyński. Der Einleitung zufolge behandelt es ungefähr 80 000 Titelwörter (S. V). Auf Grund einer kontrollmäßig vorgenommenen Zählung des Materials von fünfzig Seiten meinen wir die Zahl der bearbeiteten Titelwörter nur etwa auf 65—68 000 schätzen zu dürfen; doch auch in diesem Fall umfaßt das Wörterbuch beinahe das Doppelte der bei Klafaczyński behandelten Wörteranzahl. Das zu dem Wachsen

[6] Diese waren: Marian Chomrański, Frau T. Csorba, Árpád Eperjessy, János Hidy, früher ungarischer Lektor an der Universität Poznań, Onufry Jákói, Frau J. Kalmár, István Mészáros, der bekannte Übersetzer, Irena Nechrebecka, Sándor Pogány, Frau Gy. Schmidt, Sándor Skripecz, der später das Wörterbuch redigierte und Olivér Szirmai. Eine Zeitlang nahm an der Arbeit auch Zygmunt Kaczorowski, Frau Z. Komáromi, Károly Deák, desgleichen der spätere Verfasser von Sprach- und Wörterbüchern: István Varsányi teil.

der Anzahl der Titelwörter verhältnismäßig gesteigerte Anwachsen des Umfangs — um 250 % — läßt sich auf die eingehendere Ausarbeitung der Wortbedeutungen und Bedeutungsnuancen, und noch mehr auf die bedeutende Bereicherung der sich an die Titelwörter knüpfenden Phraseologie zurückzuführen.

3. Die Grundlage, auf der das Sammeln des lexikographischen Materials begann, und die Hauptquelle des Wörterbuchs war die uns zur Verfügung stehende, vollständigste Wörtersammlung, nämlich das Warschauer Wörterbuch: die Mitarbeiter unseres Wörterbuchs stützten sich sowohl bei der Bestimmung der Titelwörter und der Phraseologie, als auch bei der Feststellung der einzelnen Bedeutungen und Bedeutungsnuancen — infolge des Mangels an verhältnismäßig fortgeschritteneren ungarländischen lexikographischen Vorbereitungen — vor allem auf dieses große Werk. Gewiß wird man dieses Vorgehen — daß nämlich diese das polnische Sprachmaterial in geordneter Form und in großem Reichtum enthaltende Quelle für Grundlage genommen wurde — prinzipiell billigen müssen, da auf diese Weise die langwierige und leicht lückenhaft werdende Arbeit des Materialsammelns auf eine sichere Basis gelegt und bedeutend beschleunigt werden konnte. Dennoch führte dieser Beginn im Laufe der weiteren Arbeit zu mancherlei Schwierigkeiten, da die Mitarbeiter in Ungarn die Auswahl des Grundbestandes des Wörterbuchs nicht mit genügender Kritik durchführten: diesem Mangel wurde durch die erste Warschauer Überprüfung abgeholfen. Die Ergänzung und Modernisierung des auf dem Warschauer Wörterbuch fußenden Grundmaterials erfolgte teils aus anderen Wörterbüchern und Fachwörtersammlungen, teils auf Grund eines unmittelbar vorgenommenen Sammelns aus polnischen literarischen Werken, belletristichen, politischen und wissenschaftlichen Zeitschriften, Veröffentlichungen und der Tagespresse, die ungefähr zur gleichen Zeit mit der Materialsammlung erschienen sind. Unter den Wörterbüchern ist als die wichtigste Ergänzungsquelle das Werk von St. Szober: Słownik poprawnej polszczyzny (1948) zu nennen. Außer manchen anderen dienten auch die Wörterbücher von M. Arct als Quelle: Słownik ilustrowany języka polskiego (1916), Słownik frazeologiczny (1928), Słownik 31 000 wyrazów obcych (1928) und Słownik ortograficzny i zasady pisowni polskiej (1950), sowie A. Brückners Słownik etymologiczny języka polskiego (1927) und Linde. Auch die zweisprachigen Wörterbücher wurden zur Ergänzung des polnischen lexikalen Materials, sowie als Quelle der ungarischen Verdolmetschungen herangezogen, so vor allem das von Grekov—Rozwadowska verfaßte, in Moskau erschienene polnisch-russische Wörterbuch (1949), die Ausgabe des polnisch-französischen Wörterbuches von P. Kalina aus dem Jahre 1949, die zweite Ausgabe des französisch-ungarischen Wörterbuches von A. Sauvageot (1942) und das große deutsch-ungarische Wörterbuch von Kelemen—Thienemann (1941). Hinsichtlich der Angabe der ungarischen Entsprechungen ist auch ein gewisser Einfluß des Werkes Klafaczyński's zu beobachten. In bezug auf die moderne Fachterminologie müssen die zu der Zeit erschienenen zweisprachigen Fachwörterbücher und ein mehrere tausend Wörter enthaltendes polnisches technisches Wörterverzeichnis als Quelle bezeichnet werden. Zur Zeit der Warschauer Überprüfung des Wörterbuchs stand den polnischen Lexikographen schon jene große lexikale Belegsammlung zur Verfügung, die für das neue Słownik Języka Polskiego gesammelt wurde. Hätte diese Belegsammlung bereits zur Zeit des Beginns der Arbeit an dem polnisch-ungarischen Wörterbuch fertig gestanden, um wieviel weniger Mühe, Unsicherheit und Irrtum hätten die ungarischen Mitarbeiter des Wörterbuchs geplagt! — Auch aus den Zeitschriften Nowa Kultura, Nowe Drogi, Polonista, Bibliotekarz, Lud, Polska Sztuka Ludowa, Obrona Zabytków usf. sowie aus den Nummern des Tagesblattes Trybuna Ludu, einigen technischen, chemischen usf. Fachzeitschriften und mehreren zu der Zeit ins Ungarische übertragenen polnischen Novellen und Romanen wurden Wörterbelege unmittelbar gesammelt.

Vergleicht man probeweise etwa die 217 Titelwörter des Wörterbuchs vom Verbum *mierzyć* an bis zum Verbum *miłować* mit dem im entsprechenden Teil 961 Titelwörter umfassenden Material der Hauptquelle, nämlich des Warschauer Wörterbuchs, so kann man feststellen, daß 29 Titelwörter des polnisch-ungarischen Wörterbuchs in dem Warschauer Wörterbuch fehlen, somit also 13,3% des Titelwortmaterials im Verhältnis zu dem des Warschauer Wörterbuchs neu ist. (Im entsprechenden Teil des Wörterbuchs von Klafaczyński fehlen 101 Titelwörter des besprochenen polnisch ungarischen Wörterbuchs und nur 5 Titelwörter stellen ein Plus dar.)

4. Es lässt sich hinsichtlich der verschiedenen Schichten des vorliegenden Titelwortmaterials auch wohl behaupten, daß trotz der zweifelsohne in vieler Hinsicht veralteten Hauptquelle, nämlich des Warschauer Wörterbuchs, infolge der mannigfachen, moderne Quellen berücksichtigenden Ergänzungen, Überprüfungen und Sichtungen endlich dennoch ein zeitgemäßes Wörterbuch zustande kam. Gewiß kommen veraltete Wörter mit der Bezeichnung »*régi*« (alt) in ziemlich hoher Zahl im Wörterbuch vor — ebenso auch Wortbedeutungen mit derselben Bezeichnung —, doch überschreitet ihre Menge dennoch nicht das in einem Handwörterbuch gewohnte Maß. Das Zeitgemäße, Moderne des Wörterbestandes eines Wörterbuches wird übrigens nicht so sehr durch die geringe Zahl der veralteten Wörter, vielmehr durch das Vorhandensein jener neuen Wörter und Ausdrücke gesichert, die die neuesten Begriffe und Gegenstände, die jüngsten Errungenschaften der Wissenschaften und der Technik, sowie die Erscheinungen unseres gegenwärtigen wirtschaftlichen, kulturellen und gesellschaftlichen Lebens bezeichnen. In dieser Hinsicht dürfte das Wörterbuch die Ansprüche seiner Leser befriedigen (bei dieser Feststellung muß freilich auch der Umfang des Werkes berücksichtigt werden). Die Sammlung des Wortmaterials ist zwar vorwiegend in der ersten Hälfte des vergangenen Jahrzehntes erfolgt und demnach werden die damaligen neuen Wörter als modernste Wörter registriert, doch wurden im Laufe der vor 3—4 Jahren vorgenommenen letzten Überprüfung die unzeitgemäßen Ausdrücke zum größten Teil ausgemerzt, dagegen eine ganze Reihe neuer Wörter und Ausdrücke eingestellt. So finden wir im Wörterbuch die Titelwörter *antybiotyk, autożyro, ekskawator, kozmonautyka, odrzutowy, streptomicyna, telewizja, telewizor, turbosprężarka* usw., doch suchen vergebens folgende: *autostopowicz, nuklearny, płetwonurek, telewidz* usf. In reicher Folge finden sich im Wörterbuch Namen und Benennungen der neuen Organisationen, Institutionen, Anstalten usf.: *klub racjonalizatorów, stacja opieki nad matką i dzieckiem, Światowa Rada Pokoju, Wołżańsko-Doński Kanał żeglowny im. W. I. Lenina, Pałac Kultury i Nauki, PAN, PGR, PZPR, ORZZ, ZSCH* usf., sowie auch derartige Ausdrücke wie: *szybkościowy wytop stali, rozbicie atomu, stos atomowy, energia jądrowa, bomba wodorowa,* bzw. *wodorówka, wojna narodowo-wyzwoleńcza, spokojowe współistnienie* usf., dagegen fehlt z. B. *strefa bezatomowa.* Besonders ergiebig wird der spezifische Wort- und Ausdrucksschatz des sozialistischen Aufbaus, unserer neuen politischen und wirtschaftlichen Ordnung, unseres gegenwärtigen Staatswesens, der marxistischen Ideologie, sowie der poltischen Wirtschaftslehre behandelt; z. B.: *siła wytwórcza ; wartość dodatkowa, ~ nabywcza, ~ nominalna, ~ użytkowa, ~ wymienna ; kapitał obrotowy, ~ przemysłowy, ~ zakładowy, akumulacja kapitału* usf., usf. Diesem Reichtum gegenüber werden die Wörter, die die frühere bürgerliche Welt, deren Einrichtungen und Ideen widerspiegeln, im Wörterbuch mit einer gewissen Zurückhaltung angeführt und dokumentiert; obwohl angegeben — öfters mit der Bezeichnung »*történelmi* (historisch)« —, werden diese phraseologisch nicht eingehend behandelt, bzw. wird in solchen Fällen überhaupt keine Phraseologie geboten.

Da auf den verschiedenen wissenschaftlichen Fachgebieten, über die Sprache der verschiedenen Gewerbe und technischen Gebiete bislang keine besonderen polnisch-ungarischen Fachwörterbücher entstanden sind, wurde als eine Aufgabe des Hand-

wörterbuchs angesehen, zur Ergänzung dieses Mangels die Fachterminologie verhältnismäßig mehr und eingehender zu berücksichtigen. Das hat nun aber — mehr oder minder gesetzmäßig — eine Vermehrung der registrierten Fremdwörter zur Folge: der Teil, der die Wörter mit dem Anfangsbuchstaben *A* enthält, und besonders viel Fremdwörter, darunter eine ganz beträchtliche Menge Fachausdrücke bringt, ist im Verhältnis zu dem Umfang des ganzen Wörterbuches um vieles reicher (2,3%), als der entsprechende Teil des Wörterbuches von Klafaczyński (1,6%), oder des schon erwähnten Langenscheidt-schen Wörterbuches (1,1%), oder des oben angeführten Wörterbuches von Kalina, in der Ausgabe von 1953 (1%). Selbst im Verhältnis zum SłJP. finden sich hier unter den Titelwörtern — die Ortsnamen freilich nicht mitgerechnet — solche, die im SłJP. fehlen. Gewiß ist bei dem Registrieren der verschiedenen Fachterminologien in einem allgemeinen Wörterbuch eine Grenze zu beobachten: das Handwörterbuch ging in dieser Hinsicht so weit, als es eben noch zu verantworten war.

Laut der Einleitung des Wörterbuchs »stand die Redaktion im Prinzip auf der Grundlage der gegenwärtigen polnischen Literatursprache, ohne die mundartlichen und archaistischen Ausdrücke, doch berücksichtigte naturgemäß jene älteren, bzw. Dialektwörter, die in literarischen Werken öfters gebraucht werden« (S. III, V). Es wäre auf Grund dieser Behauptung anzunehmen, daß in der Beachtung der archaistischen, bzw. der mundartlichen Wörter und Ausdrücke eine gewisse Proportion herrsche; man kann aber mit einiger Überraschung feststellen, daß neben der verhältnismäßig hoher Zahl der berücksichtigten Archaismen im Wortschatz und hinsichtlich der Bedeutung eigentlich kaum solche Wörter, Ausdrücke und Bedeutungen im Wörterbuch zu finden sind, die als mundartlich bezeichnet werden.

Auch die polnischen (noch mehr die Warschauer) Argot-Wörter, bzw. Ausdrücke wurden im Wörterbuch, wenn auch mit einer gewissen Zurückhaltung, beachtet; unserer Meinung nach wäre die Zurückhaltung in noch höherem Maße bezüglich des Registrierens des ungarischen Argots — der für diesen charakteristischen Wörter, Ausdrücke und Redewendungen — geboten gewesen; zum mindesten hätte man letztere stets mit der Bezeichnung ihrer stilistischen Rolle und Funktion anführen müssen. Diese ist nämlich überaus oft nicht angegeben (wenn ja, mit *közb*, oder in Anführungszeichen zitiert). Oft bietet das Wörterbuch überflüssigerweise Entsprechungen aus dem Argot, und das ab und zu mit einer gewissen besonderen Lust; z. B.: »**płakać** ... ~ *jak bóbr közm* (úgy) sír, mintha fizetnék ezért; sír, mint mosott kutya *v* a zálogos tehén *v* a fürdős kurva *(tkp :* mint a hód)« (wortwörtlich: er weint, als ob er dafür Geld bekäme; er weint, wie ein gebadeter Hund, *oder :* wie eine verpachtete Kuh, *oder :* wie eine Bäderdirne *(eigentlich :* wie ein Biber). Der Hauptfehler liegt hier vor allem darin, daß die zweite ungarische Entsprechung, bzw. die Varianten nicht in dieselbe stilare Schicht wie der polnische Ausdruck, gehören, und der Unterschied doch nicht bezeichnet wird. Unter dem Titelwort *bóbr* steht als ungarische Entsprechung zu dem oben erwähnten Redevergleich (und nicht, wie angegeben wird: »Sprichwort«) ganz einfach, aber völlig genügend: »keservesen sír (bitterlich weinen)«.

Die Eigennamen des Wörterbuchs umfassen sowohl Personen-, als auch geographische Namen. Neben der großen Anzahl der angeführten Taufnamen fällt umsomehr auf, daß die Verkleinerungsformen durchwegs fortgefallen sind, nur ausnahmsweise einzwei registriert wurden *(Basia, Bartek)*, vor allem solche, die in irgendeiner gebräuchlichen Redewendung vorkommen (z. B.: *Kostusia, Kuba)*. Nicht völlig einleuchtend sind die Gesichtspunkte, die die Auswahl der registrierten Familiennamen bestimmt hatten: gewiß mußten einzelne ihrer eigenartigen Deklination oder Form wegen behandelt werden, doch hätten neben diesen sprachlichen Gesichtspunkten der Auswahl auch andere außersprachliche, politische, kulturgeschichtliche usf. Beachtung verdient. Wir finden z. B. im Wörterbuch: *Batory, Chopin ~ Szopen, Dante, Kopernik, Kościuszko,*

Marks, Lenin, Luter, Michał Aniol, Mickiewicz, Słowacki, Waszyngton, suchen aber vergebens folgende: *Bem, Celsjusz, Engels, Goethe, Kalwin, Kochanowski, Matejko, Shakespeare ~ Szekspir, Sienkiewicz, Tolstoj, Toricelli, Wieniawski.* Ähnlich steht es um das Registrieren der geographischen Namen; im diesbezüglichen reichhaltigen Material finden wir z. B. *Temeszwar,* ung. Temesvár, doch Kolozsvár fehlt; *Debreczyn,* ung. Debrecen wird registriert, auch *Segedyn,* ung. Szeged, doch *Ostrzyhom,* ung. Esztergom und *Wyszehrad,* ung. Visegrád nicht, obwohl in diesen polnischen Formen interessanterweise dem ungarischen *g* polnisches *h* entspricht. Von den polnischen Ortsnamen suchen wir im Wörterbuch folgende vergebens: *Bydgoszcz, Gdynia, Geniezno, Gliwice, Grunwald, Katowice, Raciborz,* während unter anderen *Kielce, Olsztyn, Radom, Tarnów, Toruń* zu finden sind. *Białogród,* ung. Belgrád fehlt, *Zagrzeb,* ung. Zágráb wird angegeben. Desgleichen fehlen noch z. B. *Drezno,* ung. Drezda (deutsch: Dresden); *Lipsk,* ung. Lipcse (deutsch: Leipzig); auch *Bazyleja* Basel, *Marsylia* Marseille (die *marsylianka, marsylski* sind dagegen registriert!), sowie *Mediolan,* ung. Milánó, *Monachium* München, — obwohl *Kolonia* Köln, *Bruksela,* ung. Brüsszel, *Wenecja,* ung. Velence ins Wörterbuch aufgenommen wurden. Auch bringt das Wörterbuch die Eigenschaftswörter *dnieprzański, dniestrzański,* doch fehlen die bezüglichen Flußnamen *Dniepr, Dniestr.* — Die Orthographie der ungarischen Entsprechungen für die polnischen Namen weist manches Unfolgerichtige auf, etwa wie: *Poznań* ung. »Poznań«, *Gdańsk* ung. »Gdańsk« und *Gdańszczanin* ung. »gdański *f*«, dagegen: *Toruń* ung. »Toruny« und *Torunianin* ung. »torunyi *f*«; *Łowicz* ung. »Lowicz«, doch *łowicki* ung. »lovici« und *Łowiczanin* ung. »łoviczi *f*«. Es ist einigermaßen zu bedauern, daß das Wörterbuch die Entsprechungen der polnischen Namen ohne die Bezeichnung der sprachlichen Zugehörigkeit angibt, etwa so: *Wilno* »Vilna, Vilnius, Vilno, Wilno«; *Cieszyn* »Cieszyn, Teschen, Těšin«. Doch auch das nicht konsekvent, da z. B. bei dem Namen *Oświęcim* angegeben wird: »*(németül* [deutsch]:) Auschwitz«. Die infolge der geschichtlichen Entwicklung eingetretenen geographischen Wandlungen brachten auch Änderungen der Ortsbezeichnungen mit sich; in solchen Fällen wird im Wörterbuch auf die frühere Bezeichnung oft mit dem Ausdruck »*régi*« (alt) hingewiesen, z. B. **Szczecin:** »[fehlerhaft gedruckt:] Szczeczin, *régi* [alt] Stettin«; dagegen bei dem Stadtnamen **Królewiec:** »Kalinigrád [richtig geschrieben: Kalinyingrád]; *tört* (historisch) Königsberg«. Unter den Städtenamen *Gdańsk* und *Lwów* werden höchst anerkennungswert auch die bereits ausgestorbenen, nur aus der Geschichte bekannten ungarischen Entsprechungen *Dancka* und *Ilyvó* angeführt.

Akronyme und Verkürzungen werden im Wörterbuch der genauen alphabethischen Reihenfolge nach eingereiht, im Grunde genommen nicht störend, doch von den meisten anderen Wörterbüchern in dieser Hinsicht abweichend, da diese dergleichen Wörter und Abkürzungen meist in einem besonderen Anhang aufzählen.

5. Die einzelnen Titelwörter sind im Wörterbuch von zweierlei Gesichtspunkten aus qualifiziert: grammatikalisch (d. h. die Wortgattung wird angegeben — bei Hauptwörtern auch das grammatische Geschlecht, bei Zeitwörtern die Bezeichnung des Aspekts — und die betreffende Beugung mit Angabe der bezüglichen Tafel am Anfang des Wörterbuchs), dann auch lexikologisch und stilistisch (Bezeichnung der Zugehörigkeit zu einem fachsprachlichen Gebiet, etwa wie: Zoologie, Mineralogie usf.; ferner Einreihung in eine stilistische Schicht, wie z. B.: *régi* [alt: in der älteren Sprache], *elavult* [veraltet], *történelmi* [historisch], *tréfás* [humoristisch] usw.); auch die Homonyme werden unterschieden.

Die zur Bezeichnung der Aspekte der Zeitwörter angewendeten ungarischen Fachausdrücke sind Übersetzungen der im polnischen grammatikalischen Gebrauch üblichen Ausdrücke: *dokonany* und *niedokonany,* nämlich: *befejezett* (abgeschlossen, perfektiv) und *nem befejezett* (nicht abgeschlossen, imperfektiv); zu bemerken wäre, daß

letzterer Ausdruck in der ungarischen grammatikalischen Literatur bisher als terminus technicus unbekannt war, und auch die ungarländischen russisch-ungarischen Wörterbücher nicht diesen gebrauchen; zwecks einheitlichen Vorgehens wäre vielleicht ratsamer gewesen — und auch dem Darstellen der sprachlichen Wirklichkeit nicht zum Schaden —, den grammatikalischen Fachausdruck *folyamatos* (fließend, sich im Gange befindend) zu benützen.

Die Einleitung des Wörterbuches handelt hauptsächlich von der grammatikalischen Adjustierung der Titelwörter. Leider kann dieser Abschnitt nicht als besonders gelungen gelten. Nicht nur der ungarische Text ist stellenweise nachlässig ausgefallen (etwa wie: »a zárójeles alakokat változatlanul hozzuk« [S. IX] = die in Klammern befindlichen Formen werden unverändert gebracht; »a címszó tőváltozós alakjai« [ebda.] = die stammwechselnden Formen des Titelworts; »a szótár mindkét alakot hozza, ... a használatosabbikat ... zárójel nélkül« [ebda.] = das Wörterbuch bringt beiderlei Formen, ... die gebräuchlichere ... ohne Klammern), auch der strukturelle Aufbau dieses Abschnitts dürfte einfacher und zweckdienlicher geformt sein;[7] ferner hätte darauf geachtet werden müssen, daß in den Text nicht so viele, allzuviele, oft selbst den Sinn des Satzes verfälschende Druckfehler geraten,[8] endlich hätte auch dafür gesorgt werden müssen, daß die entsprechenden Teile in der Einleitung, bzw. im Wörterbuch miteinander in Einklang stehen.[9] Das vor der Tafel der Konjugationen gebrachte Paradigmenverzeichnis (S. XVI) kann den Benützern des Wörterbuches gewiß nur wenig Auskunft bieten, da die Gesichtspunkte der Gruppierung nicht dargelegt werden, und nicht erklärt wird, weshalb innerhalb der einzelnen Gruppen die Unterabteilungen eben durch diese Zeitwörter vertreten werden usf.; auch ist das Verzeichnis keineswegs vollständig, denn der Vertreter für Typ 5a fehlt und neben den Titelwörtern der Paradigmen öfters weniger konjugierte Formen aufgezählt werden, als unter den entsprechenden Titelwörtern im Wörterbuch. Das Zusammenstellen der Paradigmen der einzelnen Konjugationen bereitet, wie bekannt, jedem Wörterbuchredakteur eine besondere Mühe, da die als Titelwort vorkommenden Zeitwörter den Infinitivstamm wiedergeben, während die verschiedenen Konjugationen sich nach dem Praesensstamm richten. — Was die grammatikalischen Terminologien bezüglich der Deklinationen betrifft, versuchte S. Skripecz, Redakteur des Bandes diese mit der Terminologie des Polnischen Sprachbuches von Szabó—Kerényi—Varsányi (Lengyel nyelvkönyv. Budapest, 1958.) in Einklang zu bringen. Dennoch gibt es auch Unterschiede: die Formen wie etwa *czytał* werden Partizipia Perfekti Aktivi genant (S. XIII, XVIII), in dieser Hinsicht dem SłJP. (s. Bd. I. S. LXIV ff.) folgend. Obwohl diese Auffassung der erwähnten Formen historisch rich-

[7] Es wäre z. B. zweckmäßig gewesen, einige, eher in eine Sprachlehre gehörige Einzelheiten fortzulassen; in den Arten der Konjugation dürfte sich kaum irgendein Benützer des Wörterbuchs zurechtfinden auf Grund des Abschnittes über die stammwechselnden Typen, die in der Reihe der einzelnen Beugungsgruppen dargestellt werden (S. XIV—XV); um wieviel leichter ist jener einleitende Abschnitt des SłJP. zu überblicken, der die Zeitwörter behandelt (Bd. I. S. LXIII—LXXIV); die Tafel über die Beugung der Substantiva (S. XVIII—XX) hätte tunlicher unmittelbar nach dem Abschnitt über die Hauptwörter gesetzt werden können (S. IX—X).

[8] Auf Seite X., in den Punkten 11. *a)* 2. und *d)* wechselt *ą* mit *ę*, und nicht *a* mit *e*, bzw. *é* wechselt mit *ą*, und nicht *e* mit *a*; auf Seite XI. finden wir im Punkt 15. *b)* irrtümlich «Nominativ der Einzahl» gedruckt, anstatt: «Nominativ der Mehrzahl»; auf Seite XII. ist in dem Ausdruck: «dwóch uczniów szło ulicę» richtig «ulicą» zu lesen; auf Seite XX. findet sich in der Tabelle ein schwerwiegender Fehler: die Endung des Genitivs lautet bei neutralen Hauptwörtern nicht *-u, -ęciu, -eniu*, sondern *-a, -ęcia, -enia*. Druckfehler finden sich übrigens nicht nur in dieser Tabelle, sondern auch an anderen Stellen und in großer Zahl.

[9] Auf der Seite XII. wird z. B. das Paradigma des Fürwortes *on, ona, ono* nicht vollständig gebracht und ist auch sonst von den im Wörterbuch unter den entsprechenden Titelwörtern gebotenen Beugungsreihen verschieden (übrigens sind die Paradigmen auch da nicht vollständig mitgeteilt, doch fehlen hier wieder andere Formen). — Auf Seite XI. im Punkt 17. wird erklärt, im Wörterbuch fände sich nach der Titelwortform der Eigenschaftswörter «die prädikativergänzende Form des maskulinen Nominativs der Einzahl», wie etwa «wesoły *v* wesół». Im Wörterbuch selbst ist z. B. bei dem Eigenschaftswort *gotowy* tatsächlich dies der Fall, doch eben bei *wesoły* finden wir ganz und gar keinen Hinweis auf die Form *wesół;* diese folgt zwar unmittelbar in alphabethischer Folge nach der ersteren, doch ist ein selbständiges, selbst auf die andere Form hinweisendes Titelwort. Bei dem Eigenschaftswort *zdrowy* wird die Form *zdrów* ebenfalls nicht im Paradigma gebracht, sondern nach diesem, als Hinweis auf das selbständige Titelwort *zdrów*. Eine ähnliche Lösung liegt im Fall *pewny ~ pewien* vor, doch findet sich bei *pewien* überhaupt kein Hinweis auf *pewny*, bei *pewny* aber steht nach der Bedeutung Nr. 1 der Hinweis auf *pewien* Fürwort und Eigenschaftswort.

tig ist, dürfte es dennoch einfacher — und besonders für ungarische Sprachschüler um vieles einfacher — sein, die genannten Formen als Beugungsformen von Zeitwörtern in der Vergangenheit zu betrachten, sowie das auch mehrere hervorragende polnische Verfasser von polnischen Sprachlehren mit Berufung auf das gegenwärtige polnische Sprachbewußtsein getan hatten. — In bezug auf die grammatikalische Terminologie wäre noch zu bemerken, daß im Wörterbuch unter den Titelwörtern *odmienny*, *część* und *mowa* immer noch der bereits veraltete Terminus »beszédrész (Redeteil)« benutzt, die gegenwärtig übliche Bezeichnung aber, nämlich »szófaj (Wortklasse)« an diesen Stellen nicht einmal erwähnt wird.

Die lexikologische und stilistische Einreihung der Titelwörter geschieht im Wörterbuch auf die übliche Weise. Bei Wörtern, die im Polnischen ausschließlich in einer Fachsprache leben, fällt jedoch ziemlich oft die Bezeichnung des betreffenden Fachgebiets weg. Besitzt in solchen Fällen das einzig angeführte, entsprechende ungarische Wort etwa mehrere Bedeutungen, so ist ein Mißverständnis überaus möglich. Eine andere wichtige Art der lexikologischen Qualifizierung ist die Differenzierung der Homonyme. Diesbezüglich ist zu bemerken, daß im Wörterbuch zweierlei »Homonyme« auf die gleiche Weise, mit römischen Zahlen vor den Titelwörtern bezeichnet werden. Am häufigsten kommen solche »Homonyme« vor, die eigentlich keine Homonyme sind, sondern bloß verschiedene, z. B. adjektivische und lexikologisch bereits stabilisierte substantivische Gebrauchsformen desselben Wortes darstellen: *I domowy* Eigenschaftswort, *II domowy* maskulines Hauptwort. Ferner: *I kilkoro* Umstandswort und *II kilkoro* Zahlwort; *I tomot* maskulines Hauptwort und *II tomot* Empfindungswort usf. In solchen Fällen ergibt wohl die Verschiedenheit der Wortklasse von sich selbst »Homonyme«. Die andere Art der Homonyme unterscheidet sich auch etymologisch; nur diese sind als eigentliche Homonyme zu betrachten, wie etwa: *I brać* weibliches Hauptwort und *II brać* imperfektives Verbum; *I hala* weibliches Hauptwort 'Alm, Gebirgsweide' und *II hala* weibliches Hauptwort 'Halle, die Hall'; *I opierać* imperfektives Verbum 'stützen' und *II opierać* perfektives Verbum 'waschen' usf. Werden die vorhin Genannten durch römische Ziffern vor den Titelwörtern unterschieden, so wäre gewiß richtig, letztere mit kleinen arabischen, gehobenen Zahlen nach den Titelwörtern zu bezeichnen, bzw. zu unterscheiden. Dieses Vorgehen wird in der ungarländischen lexikographischen Praxis allmählich immer bekannter. Im Wörterbuch finden sich übrigens auch solche Wörter als Homonyme bezeichnet, die eigentlich unter dasselbe Titelwort gehörten. So z. B. *I co* und *II co*, ein deklinierbares, bzw. undeklinierbares Fürwort. In diesem Fall ist die Grundlage des Homonyms — des gleichen Wortlauts — nicht einmal die Verschiedenheit der Wortklasse, sondern einzig und allein die verschiedene Anwendung gewisser Formen; im SłJP. werden die erwähnten »beiden« Fürwörter *co* bereits unter einem Titelwort behandelt. Ebenso gehören unter ein und dasselbe Titelwort *baryton I* und *II*, sowie auch *raptularz I* und *II*. Dagegen hätten mit Recht die im Wörterbuch unter einem Titelwort, nämlich *rakieta* angeführten zwei Bedeutungen unter als homonym bezeichneten Titelwörtern gebracht werden können: *I rakieta* 'Rakete' und *II rakieta* 'Tennisschläger' (bzw. *rakieta*[1] und *rakieta*[2]); ebenso wäre es richtig gewesen, aus den zwei Bedeutungen des Wortes *cera* die zwei Homonyme *I cera* 'Gesichtsfarbe' und *II cera* 'Stopfnaht' zu formen, wie das auch im SłJP. geschehen ist. Wohl sind die Grenzen zwischen Polysemie und Homonymie manchmal fließend, doch ist in klaren Fällen keineswegs erlaubt, die irreführende Lösung zu wählen.

Die Aussprache der Titelwörter wird meist nicht angegeben, doch die Fälle werden bezeichnet, in welchen die Buchstabenverbindung *-rz-* als *r* + *z* zu lesen ist; die technische Lösung der Bezeichnung ist jedoch keineswegs einheitlich. Leider vergaßen die Mitarbeiter des Wörterbuchs auch den von den üblichen abweichenden Akzent anzugeben (etwa in Fällen, wie *muzyka, w ogóle* usw.).

6. Das polnisch-ungarische Handwörterbuch steht bezüglich der Differenzierung der Wortbedeutungen und Bedeutungsnuancen auf einer viel höheren Stufe, als alle seine Vorgänger. Die verschiedenen Bedeutungen der mehrere Bedeutungen besitzenden Wörter sind von einander durch arabische Ziffern getrennt. Die Analyse und Trennung der Wortbedeutungen erfolgte auf Grund des Warschauer Wörterbuchs und der bereits angeführten anderen Quellen im allgemeinen mit der nötigen Sorgfalt, dennoch finden sich immer noch und in großer Zahl solche Titelwörter, bei denen ein Unterscheiden der Bedeutungen richtig gewesen wäre. Das Titelwort *owoc* wird mit zwei ungarischen Synonymen verdolmetscht: »gyümölcs, termés (Obst, Frucht)«. Offensichtlich ist die eigentliche, unmittelbarste Entsprechung: »gyümölcs«, — diese Bedeutung wird auch durchwegs durch die angeführte Phraseologie dokumentiert. Nun nehmen aber selbst kleinere Wörterbücher, wie etwa das von Kalina, auch noch eine besondere figurative Bedeutungsgruppe (in übertragenen Sinne) an, und fügen hinzu, das Wort werde in diesem Sinne meist in der Mehrzahl gebraucht. In unserem Wörterbuch wird nur bei der letzten angeführten Wortverbindung auf die figurative Bedeutung hingewiesen. Das Titelwort *dozorca* bedeutet »felügyelő, gondnok, őr, őrző (Aufseher, Inspektor, Wächter, Hüter)«, obwohl die zwei ersteren Bedeutungen (= nadzorca) von den zwei letzteren (= strażnik) leicht hätten getrennt werden können. Im Falle des Titelworts *drganie* (bzw. des Zeitworts *drgnąć)* wäre die Bedeutung »rezgés, reszketés, remegés (Gezittert, Zittern, Beben)« von jener »rángás, rángatózás, vonaglás (Zucken, Zappeln, Zuckung)« ebenfalls zu trennen gewesen, ja, für die besondere, fachsprachliche (physikalische) Bedeutung dieses Wortes (Schwingung) wäre die Anwendung von noch einer Nummer angebracht gewesen. Wir könnten die Reihe von solchen Beispiele noch fortsetzen.

Bei solchen Titelwörtern, bei denen die Bedeutungen durch Nummern nicht differenziert wurden, finden wir meist als Entsprechung eine ganze Reihe der ungarischen Synonyme angeführt. In dieser Beziehung, im Erforschen von womöglich zahlreichen Synonymen erwiesen die Verfasser des Wörterbuchs eine ganz seltene Findigkeit. Während z. B. bei Klafaczyński die Bedeutung des Wortes *dożywotni* »holtig, örökös (lebenslang, ewig)« ist, gibt unser Wörterbuch folgende Synonyme an: »életfogytiglani, élethossziglani, élethosszig tartó (lebenslang), holtig tartó, holtiglani (bis zum Tode während), örök, örökös, örökre, örök időkre szóló (ewig, ewig während, bis auf ewige Zeiten)«. Ein ähnlicher Fall findet sich bei folgendem Ausdruck: *dbały o kogo, o co* »vmivel törődő, vmin *v* vmi felett gonddal őrködő, vmire ügyelő (sich um etwas kümmernd, auf etwas sorgsam achtend, auf etw. achtgebend)«. Übrigens wurde ein Teil der polnisch-ungarischen Entsprechungen von Klafaczyński in unseres Wörterbuch übernommen, wurde aber hier meist durch weitere Synonyme oder Bedeutungen erweitert. Wir führen als Beispiel für die Identität der bei Klafaczyński, bzw. unserem Wörterbuch angegebenen Entsprechungen einige an: *brzuchaty* »hasas, potrohos, pocakos (wanstig, [jm] mit einem Schmerbauch, dickbeleibt)«; *błoto* »sár, latyak, lucsok, iszap (Dreck, Matsch, Schmutzbrei, Schlamm)«; *bojaźliwy* »félénk, félős, ijedős, bátortalan (scheu, furchtsam, schreckhaft, mutlos)«; *brudny* »piszkos, mocskos, szurtos, szutykos, szennyes, koszos (schmutzig, dreckig, schmierig; beschmutzt, wie ein Schmierfink)« — an beiden Orten dieselben Wörter in derselben Reihenfolge. Bei dem Titelwort *brud* wurde in unserem Wörterbuch nach den vier übernommenen Synonymen das fünfte: *maszat* (Schmutzbrei [vorwiegend kindersprachlich]) fortgelassen. Für das Zeitwort *brzęczeć* werden bei Klafaczyński, folgende Bedeutungen angegeben: »cseng (klingen); dong, döngicsél, zümmög, zsibong, zsong (summen, leise summen, sumsen, ein Stimmengewirr entsteht, rauschen); búg (girren, summen, brausen)«, demnach wird die Bedeutung »cseng (klingen)« von den übrigen mit Strichpunkt richtig unterschieden, da diese sich nicht auf die von Käfern und Kerfen hervorgebrachten Töne beziehen kann (leider wurde dabei auch unrichtiger-

weise *búg* abgesondert). In unserem Wörterbuch steht für das angeführten Zeitwort folgende Entsprechungsreihe (leider mit einem Druckfehler behaftet): »cseng-, bong, döng, döngicsél, zümmög, zsibong, zsong, búg; dudorászik« (der erste Ausdruck lautet richtig: *cseng-bong* [läuten, klingen]; der letzte bedeutet 'dudeln, summen'), somit ist also die sich auf das Klingen, Schellen von Erzen (Münzen, Klappern, Klingeln usw.) beziehende selbstständige Bedeutung weggelassen worden; auch hätte man etwa auf den Gebrauch des Wortes im übertragenen Sinne denken können, wie in dem Satze: »Brzęczały mi w głowie jakieś rytmy ...« (SłJP. I, 692). Die konkrete Bedeutung des Wortes *bombardować* ist im Handwörterbuch folgendermaßen angegeben: »bombáz *(repülőgépről)* (bombardiert [von einem Flugzeug])«, dagegen bei Klafaczyński in vollständigerer Form: »~ *(z samolotu)* bombáz (repülőgépről); ~ *(z armat)* ágyúz (bombardiert mit Kanonen)«. Es ist zu bedauern, daß die moderne, in der Physik gebräuchliche Bedeutung dieses Wortes im Handwörterbuch nicht angegeben wird: »~ coś przez potok elektronów«.

Die durch Nummern von einander getrennten Bedeutungen folgen nacheinander je nach der Häufigkeit ihres Vorkommens, ihrer Anwendung; dabei stehen die »nominativen« Bedeutungen an erster Stelle; dann folgen die in übertragenem Sinne. Die fachsprachlichen Bedeutungen werden später aufgezählt, als die gemeinsprachlichen; jene Ausdrücke und Redewendungen, die in die Gruppen von anderen Bedeutungen nicht eingereiht werden konnten, werden meist unter einer besonderen Nummer genannt. Die rückbezüglichen Verbformen finden wir samt ihren Bedeutungen am Ende der Wortartikel von Zeitwörtern. Die Frage, wie diese Richtlinien in den einzelnen Wortartikeln befolgt und verwirklicht wurden, werden wir an dieser Stelle um der Kürze willen nicht behandeln; es sei aber doch bemerkt, daß die längeren Wortartikel über die Präpositionen keineswegs mit der gleichen Sorgfalt abgefaßt wurden. Während z. B. an den Wortartikeln der Präpositionen *do*, *po* oder *w (we)* die gewissenhafte Arbeit einer ordnenden Hand klar zu erkennen ist, muß der Wortartikel über die Präposition *na* für ungeordnet und unübersichtlich erklärt werden. Freilich ist es am schwersten, eben in diesen Wortartikeln eine bestimmte Ordnung, noch dazu eine von einheitlichen Gesichtspunkten aus verwirklichte Ordnung konsequent durchzuführen.

In der Reihenfolge der Belege wäre übrigens an manchen Stellen einiges zu berichtigen: nicht immer ist die Folge der grammatikalischen Instruktionen einheitlich (vgl.: *gorszy—lepszy)* ; zwischen die perfektiven Verbformen sind ab und zu auch imperfektive Formen geraten (vgl. *dokuczyć)*, obwohl diese nach der Einrichtung des Wörterbuchs unter dem imperfektiven Titelwort des Zeitworts hätten gebracht werden müssen; auch sind einzelne phraseologische Einheiten unter einer anderen Bedeutung angeführt (vgl. **gospodarstwo:** ~ *kolektywne)*, oder die entsprechende Bedeutung ist gar nicht angegeben und deshalb wurde die phraseologische Einheit an einer anderen Stelle, unter einer anderen Bedeutung eingereiht (vgl. *dokąd :* unter der Bedeutung des fragenden Fürworts wird auch die des bezüglichen Fürworts angegeben).

Was nun die Technik des Übersetzens anbelangt, waren die Verfasser des Wörterbuchs bemüht, sich von den inhaltlichen Gebundenheiten der polnischen Ausdrücke frei zu halten und die richtigste ungarische Entsprechung ohne Voreingenommenheit, frei zu suchen; z. B. **jabłko:** *»to złote ~ áé* aranybánya, jó üzlet (eine Goldgrube, ein gutes Geschäft)«; *»amator kwaśnych -lek 1* szereti a kellemetlen dolgokat *v* a kellemetlenségeket (liebt die unangenehmen Dinge, *bzw.* die Unannehmlichkeiten); *2* szoknyavadász (Schürzenjäger)«; in solchen Fällen bringt das Wörterbuch auch die wörtliche Übersetzung und zwar in Klammern: *»tkp :* a savanyú alma kedvelője *(eigentlich :* Liebhaber der sauren Äpfel)«; **strzelić:** *»gniew -lił mu z oczu* szeme haragos villámokat szórt *v* lövellt, harag *v* düh lövellt *v* áradt *v* tüzelt szeméből (aus seinen Augen blitzte Zorn, seine Augen schossen wütende Blicke; Zorn oder Wut blitzte oder funkelte, flammte aus, in seinen

Augen)«; **czyn:** »~ *lipcowy* felszabadulási felajánlás (Übernahme einer Verpflichtung zu Ehren der Befreiung)«. Öfters kann festgestellt werden, daß das Wörterbuch es gar nicht versucht, eine genauere, treffendere Übersetzung zu finden, obwohl eine solche möglich wäre, z. B.: **dokazać:** »~ *cudów odwagi* elszántan, vakmerően tesz *v* cseleszik [a bátorság csodáját mutatja] (handelt kühn, verwegen [zeigt ein Wunder der Tapferkeit])«; **dech:** »*nie mogę złapać tchu* elfullad a lélegzetem [nem kapok levegőt, nem tudok lélegzetet venni] (ich komme außer Atem [ich bekomme keine Luft, kann nicht atmen])«. In einzelnen Fällen entwickelt sich die ungarische Entsprechung fast zu einer inhaltlichen Erläuterung: **I co:** »*dopytał się, czego chciał* megérdeklődte, amit akar, a szükséges adatokat beszerezte (er erkundigte sich nach dem Nötigen, er holte die nötigen Belege ein)«. Auch finden sich ab und zu überflüssige (Beispiele und) Verdolmetschungen: **długi:** »*-ga rozmowa* hosszú beszélgetés (ein langes Gespräch); *-e opowiadanie* hosszú elbeszélés (eine lange Erzählung)«.

Es kommt auch vor daß der Stil der ungarischen Entsprechungen hie und da schwerfällig ist, kein schönes, richtiges Ungarisch bietet, obwohl das Manuskript in dieser Hinsicht überprüft und korrigiert wurde: **strzelanie:** »~ *do celu* a cél lövése« statt richtigem: »célba lövés (Schießen nach der Scheibe)«; **II piec:** »*rana -ecze* a seb éget (die Wunde brennt); *odciski mię pieką* éget *v* süt a tyúkszemem (mein Hühnerauge brennt)«; im Ungarischen wäre richtiger: »sajog *v* fáj (schmerzt)«; **I na:** *ma się* ~ *deszcz* »készül az eső, eső lesz (Regen kommt, es wird regnen)«; ungarisch müßte der erste Ausdruck richtig so lauten: »esőre áll az idő, esni készül«; **pogląd:** »*wyrobić sobie (swój)* ~ ... megalkotja magának a véleményt ... (er bildet sich seine Meinung)«; richtig wäre es ungarisch so: »véleményt alkot, véleményt alakít ki magának«.

Fehlt etwa im Ungarischen der dem Titelwort entsprechende Begriff, so wird die Bedeutung umschrieben, und die Erklärung kursiv gedruckt und in Klammern gesetzt: **cucha** *(gurál ködmönfajta* [eine Art Wams, Obergewand]); vgl. ebenso die zweite Bedeutung von *krakowiak*, dann *krakuska, kulig, pigment* usf. Es kommt vor, daß das Unterscheidungsmerkmal: die Klammern fehlen: **barszcz:** »~ *czerwony* vöröscékla levéből készült leves (Suppe aus dem Saft der roten Rüben)«; *hołubiec* »táncfigura neve (Bezeichnung einer Tanzfigur)«; *stryjostwo* »nagybácsi és felesége együtt (Onkel und Tante zusammen)«. Mehrfach finden sich statt der genauen sprachlichen Entsprechungen Umschreibungen und Erläuterungen, die eher in ein einsprachiges, erklärendes Wörterbuch paßten, oder es entstehen so — überflüssigerweise — selbständige Bedeutungen: **alarm** ... »**2** riadó (tartama *v* ideje) (Dauer *oder* Zeitpunkt des Alarms)«: diese Bedeutung Nr. 2 hätte getrost unter die 1. Bedeutung gefaßt werden können, auch im Ungarischen gebraucht man den Ausdruck so; **III ale** »hiány, hiba, kifogás, csorbulás, folt, ellenvetés (Mangel, Fehler, Ausrede, Abbruch, Flecken, Einwand)«; das ganze Material des Wortartikels gehört eigentlich unter das Titelwort **II ale** (so finden wir es auch im SłJP. I, 79); es hätte genügt, das Wort nur nach den einzelnen phraseologischen Einheiten zu analysieren und zu erklären; **dawny** ... »**4** sokáig, régóta tartó (lange Zeit, seit langer Zeit während)«: diese Bedeutung dürfte ebenfalls unter die Bedeutung Nr. 1 zu reihen sein, da z. B. der Ausdruck *-na znajomość* auch ungarisch so lautet: »régi ismeretség (alte Bekanntschaft)«.

Wie bekannt, wird in der Lexikographie allgemein befolgt, daß die zu übersetzenden, bzw. zu verdolmetschenden Wörter womöglich mit Entsprechungen der gleichen Wortklasse zu deuten seien. Gegen diese Regel finden sich in unserem Wörterbuch des öftern Verstöße: **alujza:** »~ *do kogo* ... célzást tesz vkire... (auf jemanden eine Anspielung machen)«; **dojście:** »**2** elér (vmit) (erreicht etw.)«; **dudek:** »*wystrychnąć kogo na -dka* beugrás [!] (Reinfallen)«; **I rząd:** »*sprawować -y* a lelkek feletti hatalom (Macht über die Seelen)«; **wymówienie:** »~ *komu czego* szemrehányást tesz vkinek vmiért, szemrehány vkinek vmit (jemandem etwas vorwerfen, jemandem für etwas Vorwürfe

machen)«; **zabawność:** »... mulattató, szórakoztató, mókás (belustigend, unterhaltend, ulkig)«.

Auch ist danach zu trachten, daß die Wörter der einzelnen Wortartikel im Wörterbuch auch als Titelwörter zu finden seien. Doch fehlt als Titelwort unter anderen z. B. *hidrograficzny* (s. unter dem Titelwort *państwowy)*, *cykliczność* (s. unter *wydobycie)* und *szybkotnący* (s. unter *stal)*. Besonders unangenehm ist, wenn eben jenes Wort nicht zu finden ist, worauf hingewiesen wurde: z. B. **strunowy** s. **strunny ;** *strunny* ist jedoch nicht zu finden.

Trotz den ab und zu vorkommenden Fehlern sind die ungarischen Deutungen des Wörterbuchs im allgemeinen richtig, die mit Umsicht und Sorgfalt durchgeführte lexikographische Arbeit ist an ihnen klar ersichtlich. Gewiß wären hinsichtlich der Nebeneinanderstellung der polnischen und ungarischen Äquivalente noch manche Ergänzungen, Verfeinerungen, Richtigstellungen möglich. Einige Hinweise mögen folgen:

asortyment: neuestens pflegen wir als ungarische Entsprechung meist das Wort »összetétel (Sortiment)« zu gebrauchen, vgl.: *gyártmányösszetétel* (Erzeugnissortiment), *áruösszetétel* (Warensortiment).

beczeć: die an zweiter Stelle angeführte Bedeutung ist als dritte anzuführen.

codzienny: das Synonym »megszokott (gewohnt)« wäre fortzulassen.

CSPPLA: in Ungarn ist die entsprechende Organisation: »Háziipari és Népi Iparművészeti Szövetkezetek Országos Szövetsége (Landesverband der Hausindustrie und völkische Kunstgewerbearbeit betreibenden Genossenschaften)«.

II dojrzeć: der Ausdruck »felserdül (heranwachsen)« wäre als eine besondere Bedeutung zu beachten.

klucz: ~ *wiolinowy* bedeutet richtigerweise »violinkulcs (Violinschlüssel)«.

na: *upaść* ~ *duchu* — die Bedeutung dieses Ausdrucks wäre noch folgendermaßen zu ergänzen: »letörik, lelkileg összeomlik, elcsügged (herunterkommen, außer Form kommen, seelisch zusammenbrechen, mutlos werden, ein gebrochener Mensch werden)«.

nurt: bedeutet in übertragenem Sinne »áramlat, irányzat (Strömung, Tendenz)«.

nurtować: das Wort hat auch eine konkrete Bedeutung: »örvénylik (ein Strudel, Wirbel entsteht, es wirbelt)«.

odworotnie: kann auch ergänzt werden: *»napisać* ~ postafordultával ír (schreiben mit Postwende umgehend)«.

stręczycielka: dies Wort hat auch die Bedeutung »kerítőnő (Kupplerin)«.

szpargal: die angegebene Bedeutung wäre noch zu ergänzen mit »salabakter (Scharteke)«.

trącić: die an zweiter Stelle angegebene Bedeutung »bűzlik (es stinkt)« ist wohl zu stark, es hätte genügt »szaglik, szaga van (es riecht, hat einen Geruch)«.

wycisnać: ~ *łzy* »könnyekre fakad (in Tränen ausbrechen)« wäre richtiger so gedeutet: »könnyekre fakaszt *v* könnyeket facsar ki (vki szeméből) (jemanden zum Weinen bringen, ihm Tränen entlocken)«.

wykup: auch die Bedeutung »megváltás (Ablösung)« ist bekannt.

wymarzony: die angegebene Bedeutung wäre noch mit folgenden Bedeutungen zu eränzen: »megálmodott, elképzelt (erträumt, vorgestellt)«.

wypowiedź: heißt auch »felszólalás (Rede, Ansprache)«.

wytapiacz: »olvasztár (Schmelzer)«; das Titelwort fehlt.

zapoczątkować: die angegebene Bedeutung wäre noch mit folgender zu ergänzen: »kezdeményez (anregen)«.

Dem Vorwort zufolge (S. V) wurde das Wörterbuch für Studenten der Universität, Gelehrten, Übersetzer usw. hergestellt, um ihnen bei dem Lesen der polnischen

belletristischen und wissenschaftlichen Literatur, sowie beim Übersetzen der Texte aus dem Polnischen ins Ungarische eine Hilfe zu leisten. Diese Zielsetzung stellt ganz besonders hohe Forderungen bezüglich der Verdolmetschung der Fachausdrücke und Termini technici der verschiedenen Gewerbezweige, Wissenschaften usf. Eine eingehende Kontrolle und eine ins Einzelne gehende Überprüfung der im Wörterbuch angegebenen ungarischen Entsprechungen der polnischen fachsprachlichen Wörter und Ausdrücke würde naturgemäß die uns zur Verfügung stehenden Rahmen sprengen; dennoch möchten wir in bezug auf einzelne fachsprachliche Wörter einiges bemerken:

comber *(vad)* : »comb, sonka (Oberschale, Schinken)«; anstatt der angegebenen Bedeutung wäre gewiß richtiger: »címer, remek (Ziemer, Rücken des Wildes)«.

straż *(erd)* : statt dem angegebenen »pogány, erdőjárás (der Heide; Waldrevier)« ist offenbar »p a g o n y, erdőjárás (das Revier, das Waldrevier)« zu lesen.

samogłoska *(nyelvt)* : ~ *przednia* »mély magánhangzó (tiefer Vokal)«, ~ *tylna* »magas magánhangzó (hoher Vokal)« — die angegebenen Deutungen sind eben umgekehrt richtig; ~ *ruchoma* ist keineswegs ein Bindelaut (im Wörterbuch: »kötőhangzó«).

strunobeton *(ép)* : »acélhúros beton (auf Stahlsaiten erzeugtes Beton)« — ist offenbar nichts anderes als das sogenannte »vorgespannte Beton«.

strzelać *(sp)* : die in der Sportsprache gebräuchliche Bedeutung und Phraseologie fehlen.

zagrywka *(sp)* : das Titelwort ist nicht angegeben.

okseft *(borászat)* : »kb. 300 literes hordó (ein etwa 300 Liters umfassendes Faß)« müßte richtig so definiert werden: 'ein Faß von 225 Litern' (H. M. Fukier, Wspomnienia staromiejskie. 1959, 91).

tokajka *(borászat)*: '180—360 literes hordó (ein Faß von 180 bis 360 Litern)'; das auf ungarische Beziehungen hinweisende Titelwort fehlt.

myszka *áé : trącić -ką* »egérszagú (borról) (mit einem Mäusegeruch behaftet, mausig [von Wein])«; der Ausdruck ist im Polnischen keineswegs peiorativ; der Ausdruck heißt eigentlich: '(der Wein) hat das Bukett, die Blume eines alten Weines' (vgl. a. a. O. S. 92).

Die Anwendung der fachsprachlichen Ausdrücke des Wörterbuches erfordert die nötige Vorsicht.

7. Die Wortartikel des Wörterbuches sind im allgemeinen reich mit phraseologischem Material versehen. Die einzelnen phraseologischen Einheiten, sowie die ständigen und gelegentlich gebrauchten Wortverbindungen sind gleichermaßen unter den einzelnen Wortbedeutungen gruppiert, und somit leicht zu finden. Die aus mehreren Gliedern bestehenden Ausdrücke sind meist nur bei einem, die vorherrschende Idee tragenden Gliede registriert, doch öfters auch noch bei einem weiteren, bedeutenden Gliede des Ausdruckes gebucht. Einen großen Teil der phraseologischen Einheiten im Wörterbuch machen die Redewendungen und Sprichwörter aus; das Wörterbuch wollte damit vor allem die Ansprüche der Übersetzter befriedigen.

Eben das Gebiet der Redewendungen und Sprichwörter ist dasjenige, wo die Verfasser des Wörterbuches in polnisch-ungarischer Hinsicht am wenigsten eine Stütze fanden, und die größte Selbständigkeit, Findigkeit, ein starkes Judizium, reiche und vielfache Sprachkenntnisse, sowie ein besonders verfeinertes Sprachgefühl hinsichtlich der beiden behandelten Sprachen benötigten. Das Heranziehen gewisser anderer Sprachen (der russischen, deutschen, französischen usf.) konnte in diesem Falle gar wenig nützen, da eine Identität im Inhalt, eine genaue Identität der Stimmung und des Gebrauchs der Redewendungen und Sprichwörter in den verschiedenen Sprachen selten vorkommt, und das Zurhilfenehmen einer vermittelnden Sprache nur neue Irrtümer zeitigen kann

Die Verfasser des Wörterbuches mußten in diesem Fall, auf einem schwer zu durchforschenden, bislang kaum bekannten Boden die Arbeit der Pioniere, der Entdecker auf sich nehmen; mochten sie doch in den Wörterbüchern von Szabliński und Klafaczyński kaum dergleichen, richtig gelöste lexikographische Übereinstimmungen gefunden haben.

Ist für irgendein polnisches Sprichwort oder eine polnische Redewendung eine wörtlich oder beinahe wörtlich identische ungarische Entsprechung vorhanden, so muß nur die Gleichheit des Gebrauchs, die gleiche Darstellung der Wirklichkeit beachtet werden; dann stößt auch die lexikographische Identifizierung auf kein Hindernis. Z. B.: *dziś mnie, jutro tobie* »ma nekem, holnap neked (heute mir, morgen dir)«; *beczka bez dna* »feneketlen hordó (ein bodenloses Faß)«; *kto pod kim dołki kopie, sam w nie wpada* »aki másnak vermet ás, maga esik bele (wer andern eine Grube gräbt, fällt selber hinein)«; u. dgl. Meistens stimmen aber die sprachlichen Formen entweder inhaltlich, dem affektiven Gehalt oder dem Gebrauch nach nicht überein, bzw. erfolgt die Darstellung der Wirklichkeit im Ungarischen in den gegebenen Fällen nicht mit einer Redewendung oder einem Sprichwort. In solchen Fällen — wenn der übertragene Sinn des Ausdruckes aus der übrigens ebenfalls angegebenen wörtlichen Übersetzung nicht klar ersichtlich ist — wäre gewiß von Nutzen, diesen in Klammern mit einer Umschreibung zu erläutern, etwa auch kurz die wichtigsten Anwendungsarten anzuführen (wann, unter welchen Umständen er gebraucht werde). Z. B. die darstellende Kraft der Wendung (Redensart) *baj, baju, będziesz w raju!* dürfte für einen ungarischen Benützer des Wörterbuchs auf Grund der als Deutung des Satzes angegebenen Verdolmetschung »beszélj, beszélj pálinka! mese, mese, mátka (aranyos madárka)!« (in wörtlicher Übersetzung: Sprich, sprich nur, Branntwein! Märchen, Märchen, Braut [goldiges Vöglein]!) kaum zu fassen sein, doch forscht er der Sache nach, so wird ihm durch die im SłJP. vorliegende Deutung: »opowiadaj bajki, bujaj, ... ale ja i tak nie wierzę« (I, 298) bald verständlich: die ungarische Entsprechung der Redensart müsse »mesebeszéd! dajkamese! (Gefasel, Ammengeschwätz)« sein. Es ist nämlich stets damit zu rechnen, daß der Benützer des Wörterbuchs auch die ungarische Redewendung oder das Sprichwort nicht kennt, bzw. nicht genau oder anders versteht.

Die Sprichwörter werden im Wörterbuch meist mit der Abkürzung *közm* (Sprichw.) bezeichnet, doch ist uns nicht ganz klar, nach welchem Prinzip irgendeine phraseologische Einheit unter die Sprichwörter eingereiht wurde, da unter den so Bezeichneten nicht nur solche Sätze zu finden sind, die irgendeine allgemein gültige Lebensweisheit enthalten, einen allgemein verbreiteten Sinnspruch darstellen, sondern auch Redewendungen (Redevergleiche, Redensarten) und andere phraseologische Wortgruppen (wie etwa unter *buda, deszcz, masło)*. Gelegentlich sind einzelne, zweifelsohne als Sprichwörter geltende Sprüche ohne die im Wörterbuch diesbezüglich gebrauchte Bezeichnung, einfach in den phraseologischen Teil eingereiht worden (wie z. B. unter *Bóg, prawda)*.

Die Sprichwörter und Redensarten sind zum Teil mit ungarischen Sprichwörtern und Redensarten übersetzt (z. B.: **chleb:** *głodnemu ~ na myśli* »éhes disznó makkal álmodik« [wörtlich: 'ein hungriges Schwein träumt von Eicheln']; **głowa:** *włos ci z -wy nie spadnie!* »a hajad szála se görbül meg! [dir wird kein Härchen gekrümmt!]«; **deszcz:** *z -czu pod rynnę* »csöbörből vödörbe [vom Regen in die Traufe]«), zum Teil aber mit erläuterungsartigen Sätzen und Ausdrücken, die eben zu diesem Zweck geformt wurden (z. B.: **chata:** *czym ~ bogata, tym rada* »szívesen megosztjuk a vendéggel azt, amink van [wir teilen gerne mit dem Gast, was wir haben]«; **dym:** *ani -u, ani* [mit einem Druckfehler:] *popiełu* »még füst vagy hamu sem maradt belőle [nicht einmal Rauch oder Asche ist davon geblieben]«; **ręka:** *dziecię za -ke, matkę za serce* »a gyermeken keresztül szeretteted meg magad az anyával [durch das Kind hindurch gewinnst du dir die Liebe der Mutter]«): es wäre wohl zweckmäßig gewesen, die ständigen, bzw. die gelegentlichen Entsprechungen irgendwie von einander zu unterscheiden.

Die Sammlung und Auffindung der ungarischen Entsprechungen der polnischen Sprichwörter, Redensarten u. dgl. muß wohl als ziemlich gelungen bezeichnet werden, obwohl in dieser Hinsicht freilich noch manches zu berichtigen oder zu ergänzen wäre. Mit einer größeren Sorgfalt hätte z. B. die Form der ungarischen Sprichwörter beachtet werden müssen: **beczka:** *pusta ~ głośno dudni* »üres hordó nagyot kong« (wörtlich: 'ein leeres Faß gibt einen lauten Ton') lautet bei E. Margalits: »Üres hordó jobban kong, éhes dongó jobban dong (ein leeres Faß gibt einen lauteren Ton, eine hungrige Hummel brummt lauter)« und »Minél üresebb a hordó, annál jobban kong (je leerer ein Faß ist, desto lauter tönt es)« (Magyar közmondások... 1896. [1897.]). Statt einzelnen, von den Mitarbeitern gelegentlich gebrauchten Wendungen hätten etwa auch ständige auffindig gemacht werden können, wie z. B. **śnieg:** *tyle mnie obchodzi, co zeszłoroczny ~* »annyira érdekel, mint a tavalyi hó (das interessiert mich so wenig, wie der Schnee vom vorigen Jahr)« — die bei Margalits: »Törődik vele, mint a tavalyi hóval (er kümmert sich darum soviel, wie um den Schnee vom Vorjahr)«. Die Anführung von solchen Sprichwörtern, selbst von bereits veralteten, die ihrer Form nach der polnischen ganz ähnlich sind, wäre gewiß zweckmäßig gewesen; so etwa: **pieczeń:** *przy jednym ogniu dwie -enie upiec* »két legyet egy csapásra (zwei Fliegen auf einen Schlag)«, — bei Margalits auch »Egy sütésben két lepény (in einem Schuß zwei Fladen)«. Auf die Einheitlichkeit der angegebenen Übertragungen hätte ebenfalls mehr geachtet werden können; das Sprichwort: *co ma wisieć, nie utonie* wird im Wörterbuch an drei verschiedenen Stellen auf dreierlei Weisen übersetzt. Auch kann an einzelnen Stellen bezweifelt werden, ob die Entsprechung richtig gewählt wurde, — so z. B. unter **wisieć** die erste Entsprechung des vorhin erwähnten Sprichworts: »ami késik, nem múlik (verschoben ist nicht aufgehoben)«.

Außer den Sprichwörtern und Redewendungen werden in den einzelnen Wortartikeln in großer Zahl auch andere ständige und freie Wortverbindungen bearbeitet. Ihre Zahl hätte offensichtlich noch um vieles vermehrt werden können, doch waren dem Wörterbuch auch in dieser Hinsicht von vorne herein gewisse Grenzen festgesetzt. Dennoch möchten wir auf Grund der im vorigen Jahrzehnt erschienenen Zeitungen eine kurze Probe von jenen Wortverbindungen bringen, die in die Artikel der Teilwörter mit *w* nicht aufgenommen wurden, bzw. nicht aufgenommen werden konnten: *walka klasowa, ~ strajkowa; warunki bytu, ~ mieszkaniowe; skierowanie wczasowe* oder *na wczasy, transport wewnątrzfabryczny, wieczór dyskusyjny, popularyzacja wiedzy, spółdzielnia wielobranżowa, wyścig wieloetapowy, wielotorowość usiłowań (poety), władza państwowa, własność publiczna, woda kwiatowa, wojna nuklearna, wpadać w łatwizny, orbita wpływów, wrak samochodowy; współzawodnictwo długofalowe, ~ w ilości, ~ w jakości, ~ zmianowe; odlew wytryskowy, wybory uzupełniające, wychowawca kolonijny; wychowanie fizyczne, ~ zawodowe; sport wyczynowy, zawodnik ~; wydawnictwo masowe, temperatura wynosi (10 stopni)* usf.

Es ist auch zu bemerken, daß die neuestens aufgekommenen, meist mit einem Bindezeichen geschriebenen Zusammensetzungen im Wörterbuch kaum vertreten sind. Neben dem Ausdruck *wewnątrzpartyjny* ist auch *wewnętrzno-partyjny* bekannt; dergleichen Fälle sind *wychowawczo-uświadamiający, popularno-oświatowy, popularno-naukowy, potokowo-taśmowy* usf.

8. Mit Bedauern muß auch noch erwähnt werden, daß im ganzen Werk überaus viel Druckfehler zu finden sind, ja an einzelnen Stellen auch orthographische Fehler. Letztere sind nicht nur störend, sondern in manchen Fällen auch irreführend. Das Wort *kapłonek* 'kleiner Kapaun' stammt dem Wörterbuch zufolge, als Deminutivum, aus *kapłan* 'Geistlicher'. *Baran* bedeutet so neben »birka, bárány (Schaf, Schäfchen)« auch

»bürü (Steg)« anstatt »ürü (Hammel)«; *strawić się* »megenyésztődik« statt »megemésztődik (verdaut, verzehrt werden)« usf.

9. Das Erscheinen des Polnisch-ungarischen Handwörterbuchs ist in der Geschichte der polnisch-ungarischen Lexikographie ohne Zweifel ein wichtiges Ereignis. Das Wörterbuch bedeutet trotz der besprochenen Mängel, Fehler und Unebenheiten, infolge der großen Zahl und der Neuzeitlichkeit seiner Titelwörter, des bedeutenden Reichtums der gebotenen Phraseologie, der ungewohnt breitangelegten Berücksichtigung von Sprichwörtern und Redewendungen, sowie der Fülle und Differenziertheit der angegebenen Deutungen gewiß einen Meilenstein im Gang der Entwicklung, zugleich einen bedeutenden Beitrag zur Vertiefung der polnisch-ungarischen kulturellen Beziehungen. Nach der Erscheinung dieses Wörterbuchs kann die im Verhältnis zu den anderen Kultursprachen auf dem Gebiete der polnisch-ungarischen Lexikographie bisher auffallende Rückständigkeit als zum großen Teil überwunden betrachtet werden. Mit der notwendigen, in der wissenschaftlichen Arbeit auch sonst streng gebotenen Kritik angewendet, kann das Wörterbuch bei der Zusammenstellung der Entsprechungen des in Warschau in Arbeit genommenen ungarisch-polnischen Teils mit großem Nutzen gebraucht werden. Es wäre in dieser Beziehung noch zu betonen, daß das erschienene Polnisch-ungarische Wörterbuch — so wie dies auch aus der Einleitung hervorgeht (S. V) — infolge seiner ganzen Struktur vor allem den ungarischen Benützern beim Lesen und Übersetzen polnischer Texte gute Dienste leistet.[10] Damit aber das Wörterbuch auch den Polen bei der Übersetzung polnischer Texte in die ungarische Sprache nützlich sei, wären die Entsprechungen unbedingt mit polnischen, auf die einzelnen Begriffskreise und Anwendungsgebiete hinweisenden Stützwörtern (Erklärungen) zu versehen, bzw. zu versehen gewesen sein: ohne solche ist es dem polnischen Benützer des Wörterbuchs so gut wie unmöglich, sich unter den als Übertragung der Titelwörter und Ausdrücke angegebenen, entsprechenden ungarischen Synonymen und Wortbedeutungen zurechtzufinden; auch wäre die mittelbare Bezeichnung der betreffenden stilistischen Schicht der ungarischen Entsprechungen notwendig gewesen. Diese Bemerkung scheint eben jetzt von Wichtigkeit zu sein — nämlich bei dem Beginn der Arbeit am ungarisch-polnischen Teil —, da es überaus zu bedauern wäre, wenn der zweite Teil des Wörterbuchs für die ungarische Öffentlichkeit, so wie der erste für die polnische, nicht vollwertig ausfiele.

D. Szabó

В. Б. Бродская, С. О. Цаленчук, История русского литературного языка. Часть первая. X—XVIII вв. Издательство Львовского университета. 1957. 170 S.

Die Verfasser stellten sich die durchaus nicht leichte und in gewisser Hinsicht auch undankbare Aufgabe, in einem für Studenten bestimmten Handbuch die Entwicklung der russischen Schriftsprache von den Anfängen bis zum 18. Jahrhundert

[10] Eben, als das Manuskript des Polnisch-ungarischen Handwörterbuchs in Druck gegeben wurde, erschien zu Budapest, im Verlag Terra das mit großer Sorgfalt und Fachkundigkeit bearbeitete, etwa 24 000 Titelwörter und 12 000 Wortverbindungen enthaltende Polnisch-ungarische Wörterbuch von István Varsányi und Judit Hary (1958). Dieses Taschenwörterbuch ist — obwohl der Verfasser eine Zeitlang auch am Handwörterbuch mitwirkte — von diesem hinsichtlich des bearbeiteten Materials völlig unabhängig; auch die Bearbeitungsweise ist eine völlig andere. Das Taschenwörterbuch von Varsányi ist auch für Ungarn gut brauchbar, viel mehr aber für Polen, die sich in der ungarischen Sprache ausdrücken wollen. Die beinahe zur gleichen Zeit herausgebrachten Wörterbücher — das Handwörterbuch und das Taschenwörterbuch — ergänzen sich gegenseitig, keines wird durch das andere überflüssig gemacht. Nach der Veröffentlichung des polnisch-ungarischen Teils des Taschenwörterbuchs erschien bald auch der andere, mit der gleichen Methode bearbeitete, etwa 32 000 Titelwörter und 8000 Wortverbindungen enthaltende ungarisch-polnische Teil (1959). Die eingehende Besprechung dieses ebenfalls gelungenen Werkes läßt sich jedoch im Rahmen unserer Arbeit gegenwärtig keineswegs durchführen.

einschließlich zu überblicken. Nicht leicht war die Unternehmung, da die Einzelforschungen auf diesem Gebiete in mancher Beziehung für ein Kompendium noch nicht hinreichen; undankbar ist sie dabei auch noch, weil die Gefahr besteht, daß eventuelle Lücken oder Undeutlichkeiten der Auslegung — ohne Rücksicht auf den Gesamtzustand der Forschung — gänzlich dem Verfasser des Kompendiums zugeschrieben werden. Um diese Ungerechtigkeit womöglich zu vermeiden, schicke ich gleich voraus, daß die hier folgenden Bemerkungen sich nicht nur auf die vorliegende Arbeit beziehen, sondern teilweise auch auf die Problematik des genannten Forschungsgebietes hinweisen möchten.

Die erste und unentbehrliche Bedingung der klaren Darlegung wäre das Vorhandensein einer stabilen Definition des Gegenstandes. Aber eine solche Definition hat man für die russische Schriftsprache noch nicht gegeben. Einige Forscher zweifeln sogar daran, daß sie überhaupt möglich sei, da ja der Begriff »russische Schriftsprache«[1] in Bezug auf die verschiedenen Zeitabschnitte ziemlich verschiedene Inhalte bezeichnet. Stellt man die Schriftsprache als normierte Hochsprache den einzelnen Mundarten gegenüber, so soll ihre Geschichte mit strengster Berücksichtigung der historischen Dialektologie ausgearbeitet werden. Dabei muß man auch beachten, daß in der altrussischen Periode nicht nur Schriftsprache und Mundarten, sondern auch verschiedene Typen der Schriftsprache einander gegenüberstehen. Im besprochenen Buch ist diese Gegenüberstellung nicht folgerecht genug durchgeführt worden, was sich jedoch nur zum Teil aus dem gegenwärtigen Zustand der russischen historischen Dialektologie erklärt. Einerseits stellten nämlich die Verfasser den mundartlichen Erscheinungen stellenweise allgemein ostslawische (oder sogar gemeinslawische) Vorgänge gegenüber (z. B. den Schwund der Nasalvokale und der reduzierten *ъ, ь)*, andererseits ließen sie einige für die Schriftsprache kennzeichnende Vorgänge unbeachtet (z. B. den eigenartigen Verflauf des Wandels *e* > *o*, das Ausbleiben der Dehnung von *o* und *e* in den neu geschlossenen Silben, das Ausbleiben der sog. zweiten Pleophonie usw.).

Als Schriftsprache kann auch eine gewisse Gesamtheit der zur gegebenen Zeit funktionierenden Sprachstile gelten; in diesem Sinne nähert sich ihre historische Erforschung dem Gegenstand der historischen Stilistik. Es geht aus manchen interessanten historisch-stilistischen Beobachtungen hervor, daß den Verfassern des vorliegenden Buches gerade diese Auffassung der Schriftsprache am nächsten lag.

Die Einteilung des Buches beruht auf folgender Periodisierung: Schriftsprache der altrussischen Völkerschaft (vom 10. Jahrhundert bis zum Anfang des 14. Jahrhunderts); Schriftsprache der großrussischen Völkerschaft (vom 14. Jahrh. bis zur Mitte des 17. Jahrh.); Schriftsprache des Zeitraums der Gestaltung der russischen Nation (von der Mitte des 17. Jahrh. bis zum Ende des 18. Jahrh.). Die zweite Hälfte des 18. Jahrhunderts wird in einem Sonderkapitel unter dem Titel »Gesellschaftliche Beziehungen und weitere Entwicklung der Schriftsprache« (Общественные отношения и дальнейшее развитие литературного языка) behandelt. Als Knotenpunkte dieser Periodisierung dienen also die Auflösung der altrussischen und die Entstehung der großrussischen Völkerschaft (народность), die Ausgestaltung der russischen Nation. Die unmittelbare Auswirkung dieser Faktoren auf die Entwicklung der russischen Schriftsprache ist eine unleugbare und bedeutende Tatsache. Einige Forscher zweifeln aber daran, ob es zweckmäßig wäre den ganzen Entwicklungsprozeß der Schriftsprache auf Grund der historisch-gesellschaftlichen Entwicklungsetappen zu periodisieren.[2] Es ist nämlich klar, daß z. B die Entwicklung der russischen nationalen Schriftsprache gar nicht als eine ein-

[1] Mit dem Terminus »Schriftsprache» übersetze ich den russischen Ausdruck литературный язык, ohne damit ein Gleichheitszeichen zwischen Schriftsprache und schriftliche Sprache zu setzen. Demnach sei auch der Ausdruck «mündliche Schriftsprache» nicht als eine contradictio in adjecto betrachtet.

[2] *В. В. Виноградов*, Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского, литературного языка. Москва 1958.

heitliche Periode aufgefaßt werden kann. Die Verfasser konnten sich hier nicht besser helfen, als daß sie die zweite Hälfte des 18. Jahrhunderts als Periode »der weiteren Entwicklung« bezeichneten. Dieselbe Schwierigkeit ergab sich bei ihrem Versuch, die Periodisierung des 19. Jahrhunderts zu entwerfen (S. 11—12). Auch hier konnten sie den ziemlich willkürlich gewählten Zeitabschnitt (»zweite Hälfte des 19. Jahrhunderts«) durch nichts eigenartigeres bezeichnen, als daß sich während seines Verlaufes die russische Schriftsprache »noch mehr vervollkommnet und bereichert«.

Die Frage nach der Herkunft der russischen Schriftsprache erweist sich stets als ein Stein des Anstoßes für ihre Forscher. Von der Stellungnahme zum Problem der Herkunft hängt fast gänzlich die Konzeption ihrer weiteren Entwicklung ab;[3] denn die bedeutendste Eigentümlichkeit dieser Entwicklung, namentlich die russisch-kirchenslawische literarische Zweisprachigkeit, wurzelt eben im Problem der Gestaltung der russischen Schriftsprache. Wie V. D. Levin vermerkte, ist für die Verfasser in dieser Hinsicht eine gewisse »Angst« vor der kirchenslawischen Sprache bezeichnend.[4] Zutreffend ist auch jene Bemerkung Levins, daß die literarische Zweisprachigkeit der altrussiechen Epoche keineswegs dem hohen Grade der materiellen und geistigen Kultur in der Kievskaja Rus' widerspricht. Im Gegenteil: die literarische Zweisprachigkeit beweist nur, daß die Ostslawen nicht nur in ökonomisch-politischer, sondern auch in kultureller Hinsicht in den Blutkreislauf des mittelalterlichen Europa eingeschaltet waren, daß auch ihre Schriftsprache — wie die italienische, französische und deutsche — die Nahrungssäfte der mittelgriechischen Literatursprache in sich saugte. Auch der Eigenart (самобытность) der russischen Schriftsprache widerspricht die Tatsache der Zweisprachigkeit nicht im geringsten: die parallele Entwicklung der ostslawischen und kirchenslawischen Elemente, die historische Dynamik ihrer gegenseitigen Wirkung, die verschiedensten stilistischen und Wortbildungsmöglichkeiten, die sich daraus ergaben — das alles trägt in vollem Maße zur Eigenart, ja sogar zur Einzigartigkeit der russischen Schriftsprache bei. Das besprochene Buch gewährt aber dem Problem der Zweisprachigkeit nicht dementsprechend Raum und Aufmerksamkeit. Der kirchenslawische Typ der altrussischen Schriftsprache wird bloß auf drei Seiten behandelt. Etwas einseitig und summarisch ist auch die Behandlung der sog. »zweiten südslawischen Wirkung« (S. 57—59). Vernachlässigt ist die Rolle der kirchenslawischen Elemente als Wortbildungsmodellen für die Schriftsprache.

Es scheint das Kapitel über die Ausgestaltung der russischen nationalen Schriftsprache viel besser gelungen zu sein. Konkret und verhältnismäßig umfassend ist die Darstellung der schriftsprachlichen Errungenschaften und Tendenzen der Epoche von Peter I. Gedankenerregend sind die Hinweise auf den Verlauf der Gestaltung der »drei Stile«. Nicht ohne Erfolg bleibt der Versuch, dem Gebrauch der kirchenslawischen Elemente als einem stilistischen Mittel der Parodisierung historisch nachzufolgen; es werden damit Anfangspunkte jener Linie angegeben, die durch Ščedrin bis Čechov und Gorkij führte. In den satirischen Erzählungen des 17. Jahrhunderts (besonders in der Erzählung über Frol Skobejev) ersehen die Verfasser auch einige keimende Elemente des späteren »galanten« Stils, dessen Verspottung wir später bei Fonvizin und dann bei Gogol und Ostrovskij wiedertreffen.

Als Verdienst des Buches soll erwähnt werden, daß es ein gutes Verständnis der Rolle Puškins in der Geschichte der russischen Schriftsprache sozusagen vorbereitet. Manchmal wird es nämlich nicht stark genug betont, daß Puškin nicht nur Anfang;

[3] *В. В. Виноградов*, Вопросы образования русского национального литературного языка. Вопросы языкознания 1956, 1: 10.

[4] *В. Д. Левин*, Новые книги по истории русского и украинского литературных языков. Вопросы языкознания 1959; № 3.

sondern auch Höhenpunkt war, nicht nur Quelle und Muster für das Kommende, sondern auch Synthese des Gewesenen. V. B. Brodskaja und S. O. Calenčuk deuten einzelne »Strahlen« an, die sich in Puškins sprachlichem Oeuvre wie im Brennpunkte versammelten, um dann aus demselben die Literatursprache des 19. Jahrhunderts in ihrer ganzen imposanten Ausdehnung zu beleuchten. Diese »Strahlen« sind die folgenden: 1. Die Auflösung der Normen der »drei Stile« (s. teilweise selbst bei Lomonosov, besonders aber bei Deržavin und Novikov). 2. Das allmähliche Eindringen umgangssprachlicher und volkstümlicher Elemente in die Literatursprache (Avvakum, satirische Literatur des 17. Jahrh., die komische Oper des 18. Jahrh., Krylov). 3. Die Anwendung kirchenslawischer Elemente als stilistischer Mittel für den Ausdruck des aufklärisch-fortschrittlichen, revolutionären Pathos in der Publizistik und in der politischen Dichtung (Radiščev). Zieht man auch noch die stilistischen Leistungen von Karamzin heran, so hat man bereits das Wesentliche beisammen, das durch Puškins Genie in eine biegsame und harmonische Einheit geschmiedet das Grundwerk der modernen russischen Schriftsprache bildete. Die Schilderung dieser Prozesse gehört aber schon zum zweiten Teil des Buches, den wir mit Interesse erwarten.

M. Péter

Slawistische literaturgeschichtliche Vorträge im Studienjahr 1958/59.[1]

Unsere Zeitschrift, die Studia Slavica will in der Zukunft sämtliche Vorträge und Diskussionen, die in der ungarischen Wissenschaft Probleme der slawischen Literaturgeschichte behandeln, regelmäßig beachten und referieren.

In den Frühjahrsmonaten 1958. wurden vom Slawistischen Institut der Loránd Eötvös-Universität mehrere Diskussionsabende über slawistische literaturgeschichtliche Probleme veranstaltet. Im Rahmen dieser Abende wurden von Frau T. Székely einige Fragen, die gegenwärtig auch in der sowjetischen Literaturwissenschaft diskutiert werden, kurz behandelt. Vor allem wurden dabei Begriff und Terminologie des Realismus erörtert, dann über die Entstehungszeit, die grundlegenden Phasen der Entwicklung der realistischen Richtung, und über die charakteristischen Merkmale der in der Gegenwart als realistisch bezeichneten literarischen Werke verhandelt. Auch jene Diskussion über die Weltanschauung von Radiščev kam im Laufe des Vortrages zur Sprache, die sich in der Sowjetunion nach der Analyse des Werkes »Reise von Petersburg nach Moskau« entfaltet hatte.

Im Vortrag von E. Kovács: »Die polnische Frage in Ungarn zur Zeit der Reformperiode« wurden die ungarischen Beziehungen, die Wirkung, die politischen und literarischen Anklänge des polnischen November-Aufstandes vom 1830 in Ungarn behandelt. In einem breit angelegten Zeitbild wurde der europäische Widerhall des polnischen Aufstandes, die durch die Österreichische Monarchie dem polnischen Freiheitskrieg gegenüber verfolgte Politik, sowie die ungarländischen Zustände geschildert. Auch die polenfreundlichen Aktionen der ungarischen Gesellschaft kamen zu Worte, sowie die Bestrebungen der Komitate, den polnischen Aufständischen Hilfe zu leisten. Kovács verfolgte die Entwicklung der sogenannten »polnischen Frage« in Ungarn auch in den Jahre 1830 bis 40, sowie auch die Polenfreundschaft der aus dem fortschrittlich gesinnten ungarischen Mitteladel stammenden Schriftsteller und Politiker. Es sei auch hier darauf hingewiesen, daß alldies noch eingehender im gleichbetiteltem Werke von Kovács (Bp., 1959. Akademie-Verlag, 429 p., mit einem deutschen Auszug: S. 409—416.) behandelt wird; wir wollen zur Besprechung dieses Werkes später noch zurückkehren.

Teréz Nagypál sprach über »Die Entwicklung der bulgarischen Kritik bis zum zweiten Weltkrieg«. Der Vortrag war eigentlich eine Antwort auf den im Revue des Études Slaves (Bd. 33., 1956. S. 54—68.) unter dem Titel »Was versteht man unter literarischer Kritik in Bulgarien?« veröffentlichten Artikel von Petar Hristoforov. Dem Gedankengang dieser Abhandlung folgend suchte T. Nagypál vor allem die Mängel zu ergänzen, die die Arbeit Hristoforov's kennzeichnen. Hristoforov schwieg sich nämlich über die Anfänge und Entwicklung der bulgarischen marxistischen Kritik im 19. Jahrhundert völlig aus; die Entfaltung dieser Kritik wurde durch ihn nur in der ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts bis zur Befreiung Bulgariens, und nur flüchtig beachtet. Der Vortrag von T. Nagypál setzte sich nicht die gründliche Analyse der bulgarischen literarischen Kritik zum Ziel, sie bot nur die marxistische Ergänzung zu der mit idealistischer Arbeitsmethode verfertigten Abhandlung von Hristoforov.

Es wurde in einer gemeinsamen Veranstaltung des Slawistischen Institutes der Loránd Eötvös-Universität und der Weltliterarischen Sektion des Literaturgeschichtlichen Institutes der Ungarischen Akademie der Wissenschaften, nach dem sprachwissenschaftlichen Referat des Akademikers L. Hadrovics von L. Sziklay über die literarhistorischen Vorträge des im September des Jahres 1958. zu Moskau abgehaltenen Slawistischen Kongresses referiert. Eine verkürzte Form dieser Übersicht wurde in der ersten Nummer der Zeitschrift Világirodalmi Figyelő 1959 veröffentlicht.

[1] Vom 1. Januar 1958. bis zum 1. September 1959.

Auch in der Weltliterarischen Sektion des Literaturgeschichtlichen Institutes der Ungarischen Akademie der Wissenschaften wurden mehrere Referate über slawistische Literarische Fragen gehalten.

Im Vortrag von K. Bor: »Joakim Vujić und die Schauspielkunst in Ofen-Pest« wurde erwähnt, daß die ungarischen Beziehungen des Begründers der serbischen Schauspielkunst bereits mehrere Male besprochen wurden; so z. B. von J. Waldapfel, der das Stück des einstigen ungarischen Schauspielers, J. Balog': »Gyuró Czerni« (im Original: »Czerni Gyuró«) im Ungarischen Staatsarchiv entdeckt hatte. Beide Stücke — sowohl dasjenige von Balog, als auch das Schauspiel von Vujić über ein ähnliches Thema — wurden von Bor einer gründlichen textkritischen Prüfung unterworfen, und dabei festgestellt, daß der Text des ungarischen Stückes mit ungarischen und serbischen Liedeinlagen überaus getreu, beinahe Wort für Wort von Vujić ins Serbische übertragen wurde. Von zwei anderen seiner Stücke behauptete Vujić, er habe sie »aus dem Ungarischen« übersetzt. Das eine Stück ist das Werk des österreichischen Dramaschriftstellers, Schikaneder, das andere stammt ebenfalls von einem Österreicher, Philipp Hafner; beide Werke wurden von Vujić aus einer ungarischen Übersetzung, bzw. Umarbeitung ins Serbische übertragen. Eine kürzere, bearbeitete Form von Bor's Abhandlung erschien auch in der zu Ehren des Moskauer Slawisten-Kongresses veröffentlichten 2. Nummer der Zeitschrift Filológiai Közlöny im Jahre 1958 (S. 352—357).

Stojan D. Vujičić machte in seinem Vortrag über »Die serbisch-kroatische Volkspoesie bei Balassi und Tinódi« wichtige historische Angaben über die ungarisch—südslawischen Beziehungen im 16. Jahrhundert bekannt. Seiner Feststellung nach stammt die Form des Balassi-Liedes »Aenigma« aus einem volksliedmäßigen Kunstlied der kroatischen Meeresküste aus dem 16. Jahrhundert, während das andere Balassi-Gedicht, »Bécsi Zsuzsannáról s Anna-Máriáról szerzette...« (»Über die Wiener Susanna und Anna-Marie verfertigt...«) auf den sogenannten »Zehner-Rhythmus« (4 + 6 Takte) zurückgeht. Es wurde auch versucht, das Motiv des Gedichtes »Aenigma« auf ein kroatisches Muster zurückzuführen. Auch die Gestalt des serbischen Sängers, oder wie ihn Tinódi in der »Siebenbürgischen Geschichte« (»Erdéli história«) bezeichnete; des raizischen Geigenspielers, Demeter Kármán wurde von Vujičić ins Auge gefaßt. Seines Erachtens bedeutet der Ausdruck Tinódis »rác mód« (»raizische Weise«) dasselbe, wie »srpski način«, und die von jenem vorgetragenen Gesänge mochten sogenannte »bugarština« gewesen sein, d. h. langzeilige Gesänge, deren mehrere im 16. Jahrhundert aufgezeichnet, doch später völlig vergessen wurde.

In dem behandelten Zeitabschnitt wurden in der Weltliterarischen Sektion von L. Sziklay drei Referate gehalten. Das erste, eine Abhandlung über »Das slowakische literarische Leben in den 60er und 70er Jahren des vorigen Jahrhunderts«, erschien in vollem Umfang in der bereits erwähnten Kongreß-Nummer der Zeitschrift Filológiai Közlöny (1958. Nr. 2. S. 250—272), und deshalb wollen wir an dieser Stelle von einer weiteren Besprechung absehen. Zu erwähnen wäre allerdings, daß die Arbeit zugleich den ersten Abschnitt einer in Angriff genommenen Hviezdoslav-Monographie des Verfassers darstellt.

Das nächste Referat Sziklay's brachte den zweiten Abschnitt der gleichen Arbeit, mit der Schilderung der Herkunft und der sozialen Verhältnisse der Familie des Dichters in der Mitte des vergangenen Jahrhunderts. Nach der Analyse der Kindheit wurden die Studien Paul Országh's besprochen, und zwar besonders eingehend die Erlebnisse, die dieser in den zwei Gymnasien mit ungarischer Lehrsprache, nämlich in Miskolc, bzw. in Kežmarok gewonnen hatte. Nach der inhaltlichen und formellen Analyse der in ungarischer, bzw. slowakischer Sprache abgefaßten Frühgedichte des Dichters wurden von Sziklay die bewegenden Kräfte geschildert, die von der ungarischen Dichtung ausgehend auf die weitere Entwicklung des slowakischen Dichters einen Einfluß ausübten. Zum Schluß wurden noch die juridischen Studien Országh's an der Juridischen Akademie zu Prešov, sowie der mit diesem Orte verknüpfte Napred-Prozeß eingehender betrachtet.

Im Entwurf der zwei ersten Abschnitte des begonnenen slowakischen literaturgeschichtlichen Handbuches faßte Sziklay die ältere slowakische Literatur zusammen, und zwar von den ältesten Zeiten bis zur Zeit der Aufklärung. Sowohl die Methode der Bearbeitung und die historische Periodisierung, als auch die gebotene Zeitschilderung und die einzelnen Dichterbildnisse wurden von den Anwesenden in eingehender Diskussion besprochen und geprüft.

Ein bedeutendes Ereignis in der Geschichte der ungarisch—polnischen literarischen und wissenschaftlichen Beziehungen stellte die im Mai des Jahres 1959. vom Institut für kulturelle Beziehungen mit dem Ausland zu Ehren Juliusz Słowacki's veranstaltete Hundertjahrfeier dar, an welcher der Akademiker J. Sőtér die Festrede hielt. Indem er

Leben und Werke Słowacki's eingehend besprach, zeichnete er das geistige Bildnis des Dichters und versuchte zugleich dessen Stelle in der polnischen, ja auch in der gesamten europäischen Literatur des 19. Jahrhunderts zu bestimmen. Die gleiche Rolle und Funktion von Literatur und Dichterpersönlichkeit wurde im ostmitteleuropäischen Raum nachgewiesen und dargelegt, wie die Wechselwirkung der ungarischen und polnischen Dichter eine noch bedeutendere gewesen wäre, wenn die sprachlichen Schwierigkeiten der wechselseitigen Erkenntnis nicht im Wege gestanden hätten.

Im Anfang Juni des Jahres 1959. wurde zu Miskolc vom Stadtrat die Gedenktafel Paul Országh Hviezdoslav's, des größten slowakischen Dichters, an dem Hause, wo dieser als Schüler der I—III. Klasse des dortigen Untergymnasiums, im Alter von 12—15 Jahre gewohnt hatte, feierlich enthüllt. Im Rahmen dieser Gedenkfeier wurden Leben und Dichtung Hviezdoslav's von L. Sziklay bewürdigt, und derselbe war es, der die festliche Anrede an dem bei derselben Gelegenheit von der in Budapest tätigen »Československá Kultúra« zu Miskolc veranstalteten Kulturabend hielt.

L. Sziklay

A kiadásért felel az Akadémiai Kiadó igazgatója Műszaki szerkesztő: Farkas Sándor
A kézirat nyomdába érkezett: 1960. IV. 23. — Terjedelem: 21,50 (A/5) ív, 29 ábra

60.51170 — Akadémiai Nyomda, Budapest — Felelős vezető: Bernát György

STUDIA SLAVICA

ACADEMIAE SCIENTIARUM HUNGARICAE

ADIUVANTIBUS
E. BALECZKY, L. HADROVICS, J. HARMATTA,
P. KIRÁLY, B. SULÁN

REDIGIT
St. KNIEZSA

TOMUS VI FASCICULI 3—4

AKADÉMIAI KIADÓ BUDAPEST

1960

STUD. SLAV. HUNG.

Венгерское *kert* в закарпатских украинских говорах

Из наблюдений над морфологическим оформлением венгерских имен существительных в закарпатских украинских говорах)

Э. Балецкий

Изучению славянских заимствований в венгерском языке был посвящен целый ряд работ. Самым новым и обстоятельным трудом в этой области является труд Степана Книежи «Славянские заимствования в венгерском языке».[1] В нем критически использованы почти что все работы, посвященные этому вопросу. Что касается венгерских заимствований в славянских языках, то в этом отношении пока что нет труда, который мог бы сравниться с упомянутым.[2] Это следует объяснять прежде всего тем, что венгерские заимствования в славянских языках не играли такой важной роли, как славянские заимствования в венгерском языке. Сотни славянских слов проникли

[1] Kniezsa I., A magyar nyelv szláv jövevényszavai. 1/1—2. Budapest 1955.

[2] Назовем некоторые из работ, посвященных венгерским заимствованиям в славянских языках: Melich J., Adatok a szlávság magyar elemeihez. [Материалы к венгерским элементам славянства.] NyK. 25 (1895) 288—303; — Halász I., Magyar elemek az északi szláv nyelvekben. [Венгерские элементы в северных славянских языках.] Nyr. 17 (1888) 250—255, 300—307, 444—449, 495—500, 532—536; 18 1889 212—216; — Mariánovics L. [Simonyi Zs.], A magyar—szláv nyelvviszonyhoz. [К венгеро-славянскому языковому отношению.] Nyr. 46 (1917) 267—273; — Szegedy R., Adalékok a kaj-nyelvjárás hungarizmusainak történetéhez. [Материалы к истории мадьяризмов в кайкавском диалекте.] NyK. 44 (1915—1917) 35—36; — A. Brückner, Ungarn und Polen. UJb. 4 (1924) 78—98; — Melich J., Régi magyar hatás a tót nyelvre. [Древнее венгерское влияние на словацкий язык.] MNy. 22 (1926) 110—117; — I. Kniezsa, Pochodzenie hungaryzmów karpackiej terminologji pasterskiej. II Międzynarodowy Zjazd Slawistów. Księga referatów. Warszawa 1934, I : 49—53; — Magyar hatás a kaj-horvát keresztény terminológiában. [Венгерское влияние в кайкавской хорватской христианской терминологии.] NyK. 50 (1936) 191—199; — Sipos I., A magyar nyelv hatása Alsómihályi tót nyelvére. [Влияние венгерского языка на словацкий язык Михалян.] Kassa [Košice] 1939; — J. Szabó, Maďarské elementy v slovenských nárečiach v Gemeri. Linguistica Slovaca 1—2 (1939—1940) 183—188; — Hadrovics L., A horvátban levő magyar elemek szóföldrajzi és időrendi problémái. [Лингвогеографические и хронологические проблемы венгерских элементов, имеющихся в хорватском языке.] Melich Emlékkönyv. [Сборник в честь Мелиха.] Budapest 1942, 104—116; — A. Zaręba, Węgerskie zapożyczenia w polszczyznie. Język Polski 31 (1951) 113—125; — P. Király, Chronologie des éléments hongrois dans la langue d'un village slovaque oriental. Études Slaves et Roumaines 1 (1948) 201—214; — Erdődi J., Magyar szavak az orosz nyelvben. [Венгерские слова в русском языке.] Nyr. 77 (1952) 224—228; — B. Sulán, Sur quelques éléments hongrois du vocabulaire tchèque. StSl. 3 (1957) 279—298; — Zoe Hauptová, Vyznamové skupiny maďarských slov přejatých do slovenčiny. Slavia 28 (1959) 519—532. — Gy. Décsy, Die ungarischen Lehnwörter der bulgarischen Sprache. Wiesbaden 1959.

Работы о венгерских заимствованиях в украинских говорах приводятся ниже.

глубоко в основной словарный фонд венгерского национального языка, между тем как в славянские языки, в их основной словарный фонд, вошло значительно меньше венгерских слов. В силу исторических условий больше всего венгерских слов проникло в словацкий и сербохорватский литературные языки. Однако если примем во внимание соседящие с венгерской этнической территорией славянские диалекты, то несомненно, что по количеству венгерских заимствований одно из первых мест, если не вообще первое, займут украинские (закарпатские) говоры.[3] Как раз поэтому, с точки зрения изучения венгерских заимствований, их морфологического оформления в славянских языках и их диалектах, словарный состав закарпатских украинских говоров с его венгерскими заимствованиями, встречающимися здесь часто в разных вариантах, может оказаться весьма интересным.

Венгерский язык на украинские (закарпатские) говоры оказывал влияние как в области государственно-административной лексики (в связи с распространением венгерского феодального, а позже капиталистического строя на украинские земли), так и бытовой (вследствие сожительства украинского населения с венгерским). В свое время на словарный состав венгерского языка оказал определенное влияние древнерусский, а позже и украинский язык. (В последнем случае мы имеем в виду прежде всего северовосточный венгерский диалект.)[4]

Венгерским заимствованиям в украинских (закарпатских) говорах в прошлом было посвящено несколько статей,[5] а кроме того в списках диалектизмов к закарпатским диалектологическим и этнографическим материалам

[3] Под закарпатскими говорами в данном случае мы понимаем украинские говоры по южным склонам Карпат независимо от того, являются ли они говорами старого или нового сложения.

[4] Вопрос влияния древнерусского языка на словарный состав венгерского языка еще не изучен основательно. (Ср. в связи с этим *Й. Перени*, Взаимоотношения между венграми и восточнославянскими племенами. StSl. 2 [1956] 1—30.) Древнерусскими заимствованиями в венгерском языке можно считать, например, следующие: *belendes, görög, halom, hort, igric, ikra, iszap, jász, jerke, kereccet, lengyel, lepény, naszád, szegye, szin, taliga, tanya, tár, vajda, varsa, veréb, zsír*. Большинство приведенных слов С. Книежа считает древнерусскими заимствованиями или же считает возможным, что они были заимствованы из древнерусского языка. (См. указ. соч.)

Что касается украинских заимствований в венгерском языке, то мы можем сослаться на следующие: *abora, apacsin, batykó, bobájka, bráha, brekk, bricska, buzsnya, cerkó, csahol, cseret, cserkháló, csorpák, csupka, dekec, drugár, durnyi, gulesztra, harisnya, héda, hiba, kalamajka, kibitka, kocserha, korsó, kozák, kromka, kulyak, kurucska, laska, mázsa, nohajka, oszkotár, pászmo, paszulya, pályosz, puscsina, pesztonka, ráró, runo, silipityka, tatárka, társ, verpec, véter, zamiska, zelenec, zsongár*.

Приведенные славянские заимствования С. Книежа в большинстве случаев считает украинскими или же допускает их украинское происхождение. (См. указ. соч.)

В упомянутый труд С. Книежи не включены следующие украинские заимствования, имеющиеся в венгерском языке, точнее, в северовосточных говорах венгерского языка: *ánu, bánika, bida, bockó ~ bocog, csulka, drácska, drubjázs, gyug, haluska, irmesz, kadarnica, kondák, mirovál, nyibe, paklanya, parasztaz, pravagy, prévik, riza, sutka, táki, utrenye*.

[5] На этот вопрос впервые обратил внимание И. Фогараший (1786—1834). См.: Въобще о различии славянскихъ нарѣчій, собственно же о мало-, карпато- или угрорусскомъ. *И. Свенцицкий*, Материалы по истории возрождения Карпатской Руси. Львов

также приводятся некоторые венгерские заимствования.[6] Тут-там обращается внимание на венгерские заимствования в списках мало понятных слов и заметках, сопровождающих издания некоторых закарпатских памятников.[7] Приведенные здесь данные с точки зрения изучения венгерских заимствований в основном могут быть использованы как фактический материал, да и то не всегда, не говоря уже о некоторых, приводимых здесь выводах.[8] Морфологическому оформлению венгерских заимствований в этих работах было уделено мало внимания.

I

В данной статье мы займемся венгерским существительным *kert*, встречающимся в закарпатских говорах по свидетельству диалектологических материалов и фольклора в следующих вариантах: *kert (kyrt)*, *k|erta (k|yrta)*, *kyrt (kert)*, обыкновенно в значении 'фруктовый сад' или 'огород', реже в значении 'цветник'.[9] Первый вариант является существительным мужского, а вторых два — женского рода. Сначала каждым из них займемся в отдельности.

1906, 1:48—51. Позже этому вопросу были посвящены следующие работы: Csopey L., Magyar szók a rutén nyelvben. [Венгерские слова в украинском языке.] NyK. 16 (1881) 270—294. [Следует заметить, что приведенные в данной статье венгерские заимствования, вошли и в его Русько-мадярский словарь. (Будапешт 1883.) Слова, которые автор считает венгерскими заимствованиями, набраны курсивом.] — Mazuch E., Magyar szók a hazai rutén nyelvben. [Венгерские слова в отечественном украинском языке.] Nyr. 25 (1896) 298—299. — A. Bonkáló, Die ungarländischen Ruthenen. UJb. 1 (1921) 215—232, 313—341. (Венгерскими заимствованиями автор занимается во второй части работы.) — *Его же*, Magyar elemek a rutén irodalomban. (Венгерские элементы в украинской [закарпатской] литературе.) Balassa Emlékkönyv. [Сборник в честь Балашши.] Budapest 1934, 42—45.

В новейшее время изучению венгерских лексических элементов в закарпатских украинских говорах посвящены следующие статьи: *Э. Балецкий*, Венгерские заимствования в лемковском говоре села Комлошка в Венгрии. StSl. 4 (1958) 23—46; — *Л. Дэже*, К вопросу о венгерских заимствованиях в закарпатских памятниках XVI—XVIII вв. Там же, 71—96; — *Й. О. Дзендзелівський*, До питання про мадьяризми у говорах Закарпатської області. (На матеріалах Лінгвістичного атласа. Ч. І.) Доповіді та повідомлення УжДУ. Серія філологічна. 4 (1959) 61—64.

[6] Мы имеем в виду словари: ВхЗн 1:201—275, 2:225—278; ГЕМ 2:234—251, 4:239—245.

[7] См., например: *А. Петров*, Первый печатный памятник угрорусского наречия. Словарик; *Петров*, Материалы 5:38—45. См. его же заметки к сочинениям Михаила Оросвиговского. *Петров*, Материалы 9. — *Ю. А. Яворский*, Ветхозаветные библейские сказания в карпаторусской церковно-учительной обработке конца XVII-го века. Словарик к текстам. НЗТП 5 (1927) 194—204.

[8] Едва ли являются венгерскими заимствованиями в закарпатских говорах, например, следующие слова, приводимые Л. Чопеем: *бабрати, бендюхъ, бирь, боднарь, вакувати, вѣко, гандра, ковырдати, лашка, поставъ, цупкати, чаповка, чеканъ* и т. д. (См. *Чопей*, Словарь.) Сомнительными считаем, например, выводы А. Бонкало (см. указ соч.)

[9] В венгерском языке *kert* в основном имеет три значения: 1) 'огороженное место, где находится сад, фруктовый сад, огород, цветник, парк'); 2) 'огороженное место, где находится пасека, заповедник и т. д.'; 3) 'огорожа, ограда'. Более подробно см. Czuczor G—Fogarasi J, A magyar nyelv szótára. [Словарь венгерского языка.] Pest 1865, 3: 595—596.

MAGYAR TUDOMÁNYOS AKADÉMIA KÖNYVTÁRA

kert

Существительное *kert* в доступных нам закарпатских диалектологических материалах и фольклоре мы обнаружили в следующих случаях: *керт* 'Garten' (Словарь — ВхЗн 1:224);[10] *твéрдо крáсный (фáйный) керт* 'sehr schöner Garten' (без обозначения места записи, ВхЗн 1:96); *кирт* 'город' (Словарь — ГЕМ 2:241); *кęрт* 'город' (Словарь — ГЕМ 4:241); *У тумъ керту тулы́ панъ; У тумъ керту шалата* (В. Бычков, УРНС 295); *керт* 'фруктовый сад' (в закарпатских говорах в Румынии);[11] *Такой у ня ай лęгíникъ, Якъ ружа у кертѣ* (Теребля, УРНС 181); *Люблю я тя, бѣла дѣвко, Якъ косицю въ кęртѣ* (Боронява, УРНС 122); *Herš piš|oų̯ ų̯ Kert [kert], a Hryc' do ch|yži* (Репинный, ПУГ 452); *Ньáньу! усíпте сéрек кúрта ў йидéн вóрох вісá* (Кушница, ГЕМ 2:126); *міны́ сьа сни́ло, шчо ў нашім кúртьі ви́росли дві деревá* (Кушница, ГЕМ 2:125); *Бу́ла свáдьба та молоды́ хóдьать у кúртьі; Та хóдит у кúртьі із донькóў* (Кушница, ГЕМ 2:133); *Тодú пöшлú с паньйоў ў кирт на шпáцір; Онú ў кúртьі тöм сьíли собí пуд йинно́ дéрево обóйи* (Строино, ГЕМ 1:97); *обú тот гáнок мóйім кúртом до тóго пáна досьагáў* (Дусино, ГЕМ 2:28); *Тогдú кішáсоньки почалú з ним спацирувáти по кúртьі і тьíшити сьа* (Солочин, ГЕМ 2:37); *Püš|ôų̯ r|anîc'ko ų̯ kert ta nazbyr|aų̯ slyų̯; Nakr|aų̯ r|añyh hruš|ok ys porüų̯s'k|oho k|ertu; U n|ašüm k|yrťî s|amî b|ыstryc'î, aį̯b|ô suť u n'üm y dvî durôv|an'î* (Чинадиево, собственная запись); *А як прийшлá зимá а тотá мыш ішлá у селó на кéртьі ўвидьíла мацурá* (Пузняковцы, ВхЗн 1:137); *керт* 'город (Кальник, Ивановцы, Кайдановo);[12] *керт* 'сад, город' (Ужгородский район);[13] *керт* 'город', *у кúртьі* (Баранинцы);[14] *a tot ď|îd kup|yų̯ į̯|eden kert* (Комаровцы, ПУГ 477); *Ų̯ į̯ich k|êrťi narod|yly s'a į̯ak|îs' p|erly* (Комаровцы, ПУГ 478).

Что касается варианта *kyrt*, то он, повидимому, является результатом неточной записи В. Гнатюка. Он, по всей вероятности, писал *kyrt* (вместо *kert)* и в именительном-винительном и даже родительном падеже под влиянием формы местного падежа *(u k|yrťi)* или форм множественного числа *(kyrt|ы, kyrt|ий̯, kyrt|am, u kyrt|ax, ys kyrt|amy)*, тем более, что он и в иных случаях записывал *е* как *у*. На территории, где В. Гнатюк записал вариант *kyrt*, *е* > *ê (у)* происходит в безударном положении (за исключением, если

[10] В словарях к диалектологическим текстам место записи диалектизмов не обозначается.

[11] *Н. Павлюк,* Украинские говоры Мараморощины (области Бая—Маре Румынской Народной Республики). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Харьков 1958, 13.

[12] *І. Д. Пагіря,* Система голосних у говірках північно-західної Мукачівщини. НЗ УжДУ 16 (1957) 91.

[13] *І. Г. Чередниченко,* Деякі особливості говірок Ужгородської округи, Закарпатської області. Діалектологічний Бюлетень 2 (1950):48.

[14] *П. П. Чучка,* Система голосних у говірці села Баранинці, Ужгородського району. НЗ УжДУ 14 (1955) 156.

е находится в абсолютном конце слова), а также в положении перед мягким согласным или перед слогом с мягким согласным.

В качестве топонима вариант *kert* встречается в целом ряде закарпатских сел: *Керт* (Стебловка—Салдобош, КМН 23); У *киртї* (Стебловка, КМН 24); *Pod kertom* (Заречье, КМН 37); *Керты, Pod kertom, Za kertom* (Веряца, КМН 36); *Za kertom* (Лавки, КМН 46); *За керт* (Быстрица—Ряпедь, КМН 50); *За кертом* (Чинадиево, КМН 46); *Pan's'kyi K|ert* (Чинадиево, собственная запись); *Kerti* (Череевцы, КМН 39); *Kerti, Obüč za kertom* (Лохово, КМН 47); *Niže kertu* (Кальник, КМН 44); *Kut pod kertami* (Кальник, КМН 44); *Za kertom, M[aľi] kerti, Treti kerti* (Зняцево, КМН 56); *Долгѣ керты* (Глубокое КМН 58).

В качестве топонима записаны еще следующие варинты: *Дюричин керет* (Драгово, КМН 7); *Pod kereti* (Новоселица, КМН 33); *Konec kerti* (Влахово, КМН 36); *Kerto* (Страбичево, КМН 52). Что касается варианта *k|eret*, то он также возник из венгерского *kert*, а не из более нового *keret* 'рама', 'кадр',[15] и представляет собой украинский вариант. Следует предположить, что в южномараморошских говорах существовал вариант **k|erᵊt*, из которого впоследствии возникло *k|erêt* (~ *k|eryt)*. Данный вариант засвидетельствован одним из южномараморошских памятников XVII в., а именно, Сокирницким Сборником: *керитъ* (173).[16] В случае топонима *Konec kerti* в качестве исходной формы следует иметь в виду **konec-k|ert* или **konec-k|erta* (родит. пад. ед. ч.), а не *k|erta* (имен. пад. ед. ч.).[17] Вариант *Kerto* является результатом неточной фонетической записи формы *kyrt|ы*.

На основании места записей можно установить, что вариант *kert* встречается в основном в говорах на восток от Ужа вплоть до Тересвы, а в некоторых случаях и дальше.

Закарпатскими письменными памятниками вариант *kert* фиксируется с XVII в.: *У кер'тѣ своюᵐ имала мѣсто, ґде сѧ мывала; І таᵏ ѡбае едну раду имавши, увоѿли у еи кертъ* (Углянский Ключ, л. 88, 88 об.).[18] Встречаем его и в памятниках XVIII в.: *Кмѣ'цке мѣ'сто и́зъ дворо́мъ, Тай и́зъ ке́ртами му́ситъ быти таке́ вели́ке, ꙗкъ ѣ́дна ни́ва* (Урбар I, § 1).[19] Находим его и в пока-

[15] Данное слово в венгерском языке является новообразованим 1859 г. См. Bárczi G., Magyar szófejtő szótár. [Этимологический словарь венгерского языка.] Budapest 1941, 161.

[16] *Ю. А. Яворский*, Новые рукописные находки в области старинной карпаторусской письменности XVI—XVIII веков. Прага 1931, 70.

[17] В этом же селе (Новоселица б. Угочского комитата) в качестве топонима встречается *Kertyk* (см. ниже), а не *Kertočka*.

[18] *Ю. А. Яворский*, Ветхозаветные библейские сказания в карпаторусской церковно-учительной обработке конца XVII-го века. НЗТП 5 (1927) 185, 186.

[19] Первый печатный памятник угрорусского наречия. *Петров*, Материалы 5:46. Не исключено, что в данном случае исходной формой является *ке́рта*, ибо Урбар, как правильно замечает Г. Геровский, написан «на смеси различных местных говоров». См. *Георгий Геровский*, Историческое прошлое Пряшевщины. Пряшевщина. Историко-литературный сборник. Прага 1948, 79.

заниях крестьян, данных на опросные пункты Урбара в 1774 г. в б. Бережском комитате: *Dlya szvogoho szuszsigu chmily po malo majeme u kertoch kolo chisi* (В. Студеный—Урбариальные записи); *Szadi ta hmilniki å kerti kapuszni iz von szela nemaje* (М. Мельничный ~ Строино — Урбариальные записи); *Szadi taj chmilniczi ta kerti kapusztyani iz von szela nijaki ne szutty* (Плосконовица — Урбариальные записи).[20] Несомненно, что в данных случаях исходной формой является *kert* в значении 'огород'.

Данный вариант встречается и в иных работах, касающихся венгерских заимствований в закарпатских говорах: *kert* (Чопей, Венг. слова); *кертъ* (Чопей, Словарь).[21]

От *kert* в закарпатских говорах, примерно на той же территории, встречается и уменьшительное *k|ertyk*. Находим его и в одном из стихотворений В. Довговича (1783—1849): *кертик собѣ сѣю И сам поливаю; Пчол ми брынят рои, Понад кертик летя*,[22] а кроме того и в качестве топонима: *кертик* (Новоселица, КМН 34).

Другим уменьшительным производным на той же территории является *kert|оč|ok : Pryšl|u vam, rûdna mamko, iz mor'i̯a pîsoč'ku, Aby² vy² syi̯ posîi̯aly po svotu k'ertoč'ku* (Рускова в Румынии, ПУГ 425); *Зажену вамъ, люба мамко, Изъ моря пѣсочку, Босьте собѣ посипали У своимъ керточку* (Ольховцы, УРНС 146).

Кроме того здесь встречается и прилагательное: *киртовий* 'городовий' (Словарь — ГЕМ 2:241); *кэртóва* (Баранинцы) 'городня, з городу'.[23]

Наряду с *k|ertyk* в упомянутых говорах встречается и другое, примыкающее сюда сложное существительное: *kišk|ert* < венг. *kiskert (kis* 'малый'): *кіш керт* 'малый город, городець' (В. Шард, ВхЗн 1:225); *У кіш-кéртьі бурянéць, за дві дýдкы леґінéць* (В. Шард, ВхЗн 1:197); *У кіш-кéртьі шалáта, крáсна дьівка богáта* (Влахово, ВхЗн 1:197); *U kišk|yrťi šal|ata, šal|ata, kr|asna ď|üi̯ka — boh|ata, boh|ata* (Чинадиево, собственная запись); *Мáла я фраíра ги в кішкертьі мáку* (В. Лучки, ВхЗн 1:172); *Хмарнося было, та другѣ царе ходили по кишкертѣ* (без обозначения места записи, ГЕМ 2:203). Данное заимствование приводит и Л. Чопей: *kiškert* (Венг. слова); *кишкертъ* (Словарь).

По мнению А. Бонкало в закарпатских говорах для обозначения цветника всегда употребляется *kiškert*, а для обозначения иных небольших садов наряду с *kert* употребляются также: *horodec, horodčyk, zahoroda* (см. А. Бонкало: UJb. 1 [1921] 330).

[20] Копию Урбариальных записей, хранящихся в Государственном архиве в Будапеште, любезно предоставил нам Ласло Дэже.

[21] Вариант *kert* приводит и Э. *Мазух:* Nyr. 25 (1896) 299.

[22] Лучкай-зѣлярь и пчоларь—безжонный. František Tichý, Vývoj současného spisovného jazyka na Podkarpatské Rusi. V Praze 1938, 162.

[23] *Ф. Т. Жилко,* Нариси з діалектології української мови. Київ 1955, 263, 303.

На той же территории встречается еще венгерское существительное *k/ertys* ~ *kyrt/ys* (< венг. *kertész*) 'садовник': *İ̯oh/o ď/ido bыu̯ za kyrtys/a u gr/ou̯fa* (Чинадиево, собственная запись); *кертисъ* (Чопей, Словарь); *кертис* (Словарь — ГЕМ 4: 241). Находим его и в одной из хрестоматий, изданных в конце XIX в. для украинских школ Закарпатья: *На другый или третьый день, коли панъ прохоживавъ ся по свому саду, увидѣвъ во спудзѣ огня, кертисомъ накладенного, чорнѣ кулькы.*[24]

Среди украинского населения данное существительное иногда встречается и в качестве фамилии: *Кертесъ* (Иза, 1715 г.);[25] *Kyrt/ys* (Чинадиево, собственная запись).

k|erta

В закарпатских диалектологических материалах и фольклоре вариант *k/erta* мы нашли в следующих случаях: *кирта* 'город' (Словарь — ГЕМ 2:241); *і так по́за сво́ю ки́рту іс хло́пцями, пі́шо, утекли́* (Убля, ГЕМ 1:85); *Тогди́ стари́к даў у ки́ртьі постройі́ти про Тиофі́ста окремі́шну хи́жу* (Убля, ГЕМ 1:87); *Тогди ізрадоваў сьа мотузарь і купи́ў ў ва́роши йиде́н фу́ндуш і ки́рту вели́ку* (Убля, ГЕМ 1:107); *ў недьі́льку ра́но пі́шоў до ке́рти кві́тки збира́ти* (Чертеж, ГЕМ 3:15); *І̇деме, ідеме, де же ми станеме? Біля керти на двор, под зеленый явор* (Радвань);[26] *А у кертьі черешенька, Под облачком два* (Пстрина ВхЗн: 2:210); *З керти, з керти, з подрадза Юж Яничка провадза* (Цыгелка).[27] *T/ota bab/uša m/ala i̯/ednu k/ertu, a bakač/uryk še tam x/odyl do k/erty na sl/yu̯ky* (Комлошка в Венгрии, собственная запись).

Данный вариант встречается и в качестве топонима: *Панска керта* (Раково, КМН 63); *По конець керти* (М. Березный, КМН 57) *Vadašk/erta* (Комлошка). Возможно, что сюда относится и топоним *Долгѣ керты* (см. выше).

Что касается варианта *кирта (k/yrta)* с *у* на месте венгерского *е*, то здесь, по всей вероятности, опять имеем дело с неточной записью В. Гнатюка, ибо вариант *k/erta* обыкновенно встречается с открытым *е*.

На основании места записей можно установить, что вариант *k/erta* встречается на север от Ужгорода в долине Турьи и Ужа, но главным образом на запад от Ужа. Данный вариант записан и И. Югасевичем (1741—

[24] *Яношъ Гашпаръ*, Руська читанка дѣля другои класы народныхъ школъ. Приспособлено идъ говору берегскому, угочанскому и мараморешскому. У Будапештѣ 1889, 157.

[25] *Еденъ Сокырницькый Сирохманъ* [*А. Годинка* ~ *Ходинка*], Утцюзнина, газдуство и прошлость южно-карпатськихъ русинувъ [без обозначения места и года издания) 96.

[26] *Філарет Колеса*, Народні пісні з Підкарпатської Руси. (Мелодії й тексти.) НЗТП 13—14 (1937—1938) 107.

[27] *Его же*, Народні пісні з південного Підкарпаття. Тексти і мельодії із вступною розвідкою. НЗТП 2 (1923) 5.

1814): *Нѣтъ той на свѣтѣ керти, абы мож отъ смерти сперти.*[28] И. Югасевич, как установил Ю. И. Яворский, был уроженцем бывшего Шаришского комитата, а в период с 1795 по 1814 г. был дьякоучителем в селе Невицком Ужгородского района.[29] Вариант *ке́рта* он мог знать с детства или же записал его в Невицком. И. А. Панькевич также считает, что в данном случае исходной формой является *ке́рта*.[30]

На запад от Ужа в качестве уменьшительного от *k/erta* встречается *kert/očka : колимь шила до керточкы*.[31] В этих же говорах венгерское *kiskert* встречается в форме *kišk/erta : Покрейдочка три верхи, Вчера вечаръ зъ кишъ-керты [кишкерты], изъ кишъ-керты [кишкерты], зъ Боргазу [боргазу], Теперь фигла докажу.*[32]

kyrť

Вариант *kyrť* мы нашли в следующих случаях: *кирть* 'город' (Словарь — ГЕМ 2:241); *керть 'Garten', керть шумна́* 'ein schöner Garten' (Словарь — ВхЗн 1:224); *Ві́дьіло сьа попо́ви ў ве́чур, коли́ прийшо́ў на гости́ну, жи то шу́мна кирть* (Збой, ГЕМ 2:150); *увідьіў ў йидно́го пекарьй і кирть шу́мну: ўсилийа́кі гру́шки і пла́нки* (Збой, ГЕМ 1:71); *Тот лыс йшоў по́при ва́рошу з бо́ку аж ід гра́цькуй од його́ ки́рти* (Збой, ГЕМ 1:43); *з вон ва́роша ў ки́рты буў його́ дум* (Збой, ГЕМ 1:11); *Пу́йде до кирты і ви́дить два хре́сти на гро́бах* (Убля, ГЕМ 2—13); *прийшлі́ по тоту́ кирть, де бува́ли закльа́ты чоти́ри дьіўку́; Пу́сьтьме вўўцьі по туй ки́рты; ко́ло то́йі ки́рти, ко́ло йийі́ до́му* (Збой, ГЕМ 2:19); *па́ньі бу́ла ў ки́рты ко́ло ри́бника* (Збой, ГЕМ 2:39); *Прийшли́ у ночи́ се́рет ки́рти; Обнови́ў са ў на́шуй ки́рты йиде́н дум; шчо за ни́приятиль на сириди́ньі на́шойі ки́рти* (Збой, ГЕМ 2:54); *Ходи́ли му до ки́рти льу́ди і пано́ви позира́ти гру́шку* (Збой, ГЕМ 2:63); *Хто за́йди ко́ло ца́рськойі ки́рти, ка́ждий хвали́ть, же то шу́мньі кві́тки — і сам царь; По тих дра́шках, шчо бу́ли по ки́рты так ко́ньі скака́ли, шчо са позад них ку́рило* (Збой, ГЕМ 2:108); *Пушо́ў до ки́рти до ца́рськойі, ви́ньаў з ве́рби золоты́ канта́ри і дьаблу́ўську са́блью* (Збой, ГЕМ 2:110); *Тумча́сом вун ско́чиў че́рес плут до бірўўськойі ки́рти* (Збой, 1:183).[33]

[28] *Іван Панькевич*, Покрайні записи на закарпатсько-українських церковних книгах з додатком 4 манастирських грамот. — Збірка закарпатсько-українських народних приповідок Івана Югасевича з р. 1809. Прага 1947, 63.

[29] *Ю. А. Яворский*, Материалы для истории старинной песенной литературы в Подкарпатской Руси. С приложением экскурса «Карпаторусский художник-писец Иоанн Югасевич» и 22 снимков с его рукописей. Прага 1934, 334.

[30] *Панькевич* указ. соч. 69.

[31] *Я. Ф. Головацкий*, Народные песни Галицкой и Угорской Руси. Москва 1878, 3/1:407. На основании записи Я. Ф. Головацкого приводит данный вариант и *Л. Чопей*, Венг. слова.

[32] Там же 3/1:426.

[33] Возможно, что *kyrť* является исходной формой и в следующих случаях: *А тота́ ворона́ тоти́ дука́ти ўзьала́ та до то́го гро́ўфа ки́рти поне́сла* (Ворочево, ГЕМ 1:103); *А вун сво́йу робо́ту ро́бить ў ки́рты* (Ворочево, ГЕМ 1:103).

В одном случае данный вариант встречается и в качестве топонима: *Керть* (Русский Грабовец, КМН 73).

Что касается записи данного варианта с *и(у)*, то она является правильной, ибо в данном случае имеем закрытое *е*, совпавшее в большинстве случаев с *у*.[34]

На основании приведенных данных можно установить, что вариант *kyrť* встречается в основном на сравнительно небольшой территории восточноземплинского говора,[35] а также в некоторых селах Ужанщины.

Примерно на той же территории венгерское *kertész* 'садовник' встречается с мягким *ť*: *ки́ртыс* 'огородник', *ки́ртыска* 'огородничка' (Словарь — ГЕМ 2:241); *Наш ки́ртыс ізрі́заў гру́шку, а у ньуй гро́шi сьа найшли́* (Ворочево, ГЕМ 1:103); *A tam buu̯ st|arыi̯ k|erťîz, z|ahorodnyk ; Tai̯ tot|o i̯im|yu̯ k'|erťiz* (Комаровцы, ПУГ 476); *Пушо́ў до ки́ртыса служи́ти* (Збой, ГЕМ 2:108); *Лем у ца́рьйа ки́ртыс шу́мний і його́ жона́ ; У ти́ждень уме́р ки́ртыс ; коли́ кріпту утварьйи́ли, ки́ртыса с ки́ртыскоў това́ли* (Збой, ГЕМ 2:9); *йа ўхаби́ў ци́рську дыўку, а ти ца́рського ки́ртыса ; Йа киртысова жона́ ; Ду́жи зайо́йкала ки́ртысова жони́* (Збой, ГЕМ 2:10). Здесь же встречается образованный от данного существительного глагол: *ки́ртыс(з)ити* (Словарь — ГЕМ 2:241); *Та пома́лу сьа наўчиў ки́ртысити* (Ворочево, ГЕМ 1:103).

На основании приведенных данных можно установить, что венгерское заимствование *k|yrťis* ~ *k|êrťiz* и образованные от него производные: *k|yrťiska*, *k|yrťisyty* ~ *k|yrťizyty* (с мягким *ť*) возникли под влиянием украинского варианта *kyrť*. Следует отметить, что, например, в Комаровцах, где бытует вариант *kert*, записан вариант *k|erťiz*, а не *k|ertys* ~ *kyrt|ys*. Это следует объяснять влиянием восточной группы восточно-земплинских говоров, в которых бытует вариант *kyrť* или же влиянием восточнословацкого варианта *kertis* (Калал 236).

Итак, венгерское существительное *kert* в закарпатских говорах имеет три основных варианта: 1) *kert* (мужского рода) на восток от Ужа до Тересвы, а в некоторых случаях и дальше; 2) *k|erta* (женского рода) в долине Ужа и Турьи и на запад от Ужа вплоть до Топли; 3) *kyrť* (женского рода) на сравнительно небольшой территории на северозапад от Ужгорода, а возможно, что и в некоторых селах на северовосток от Ужгорода. Данный вариант является переходным между *kert* и *k|erta*.

[34] Относительно *е* > *у* см. выше.

[35] О характерных чертах этой группы говоров см. *Георгий Геровский*, Народная речь Пряшевщины. Пряшевщина. Историко-литературный сборник. Прага 1948, 100—103.

II

Венгерское существительное *kert* (> украинское *kert, k|erta, kyrt'*) является довольно старым и распространенным заимствованием в закарпатских говорах примерно от Тересвы до Топли; оно встречается в целом ряде случаев и в качестве топонима; оно вошло в украинские народные песни и пословицы; от него имеются и некоторые производные. Однако, несмотря на это, оно не сумело вытеснить в закарпатских говорах старые славянские названия, служащие для обозначения фруктового сада, огорода, цветника: *sad, h|orod, z|ahoroda*, от которых часто встречаются и уменьшительные: *sad|ok, sadoč|ok ; horod|ok, hor|od|êc', horodoč|ok, hor|odčyk ; z|ahorodčyna, z|ahorodka.*

Существительное *sad* по ныне бытует во всех закарпатских говорах. Приведем несколько примеров: *А на другуй сторононьцѣ, нѣ батька, нѣ неньки, Тулько въ саду винограду кують зозуленьки* (В. Бычков, НППР 101); *А павоньки у садоньку яли щебетати* (Нересница, НППР 53); *Та на мого милейкого в'саду роса впала* (Драгово УРНС 261); *Най не ходить у садъ спати, бо тамъ ходятъ хлопцѣ* (Ольховцы УРНС 137); *Тай у саду садовина, А влѣску лѣсчина, Выгадала в садѣ спати Молода дѣвчина* (Ольховцы УРНС 136); *Я на воду не ходила, Бо у саду керница* (Боронява, УРНС 98); *Тай я пуйду у садочокъ, Та нарву яблочокъ* (Боронява, УРНС 9); *Прійшовъ стрѣлецъ у садъ* (К. Быстрое, УРНС 284); *Гуляла Маруся въ зеленімъ саду* (Щербовцы, НППР 64); *Ай ходити было попуд сад саде*женый* (Гребля ВхЗн 1:196); *По пуд садок зелененький упаў сньіжок молоденький* (Дунковица, ВхЗн 1:180); *Тота гу́ска гаголи́ця попӧд сад ходи́ла* (Дунковица, ВхЗн 1:179); *X|odyt' I|ula poput sat* (Чинадиево, собственная запись); *Ой по са́дку походжа́у, усе́ собі розду́мау* (В. Лучки, ВхЗн 1:167); *Таки́й при́каз мау вӧд па́на, абы́ гнаў вӧвцьі (ю́гы) за е́дну го́ру в е́ден кра́сный сад ; А вӧвцьі пӧшли́ в тот садо́к па́сти ; В тӧм садку́ трава́ бы́ла золота́ і вода́ золота́ ; А бы́ли в садьі три де́рева* (Страбичево, ВхЗн 1:128); *Ходила я по садочку по зеленум берѣночку* (Симерки, НППР 69); *До саду, дывчата, до саду, Будеме сьіяти розсаду* (Вапеник, ВхЗн 2:199); *По садочьку ходила, фіялочки садила* (Лаборец, 2:221; *По садоньку ходила* (Куров, ВхЗн 2:183); *Йа ва́рташ, што вартійу тот сад ; Але тот ґазда, што піньа́зьі ньус, сьаў со́бі до са́ду до йабўоньі ; він г не́бі оринді́йę са́ди* (Шамброн, ГЕМ 3:38) и т. д.

Существительное *sad (sad|ok)* встречается в целом ряде украинских сел по южным склонам Карпат в качестве топонима: *Sadi* (Березово, КМН 2); *Садок* (Липша, КМН 15; Рокосово, КМН 34; Веряца, КМН 36; Чинадиево, КМН 39; Пацканевцы, КМН 49); *Maďar sadok* (Зняцево, КМН 56); *Пѣд Садок* (В. Чабины, КМН 71); *Nad sadoma* (Г. Брестов, КМН 70); *За сад* (Березовец, КМН 69); *Nad sadom* (Дяпаловцы, КМН 71); *Pid sadom* (Ломное, КМН 77); *Печкив сад, Над сад* (Суков КМН 85); *Za sadkami* (Казимир, КМН 75);

Sadki (К. Олька, КМН 95); *Nad sad, Pod sadoma* (Н. Словинки, КМН 95). В качестве топонима встречается еще *Sadišše* (Колоница, КМН 76).

В приведенных случаях *сад* не всегда обозначает 'фруктовый сад', 'огород' или 'цветник'. Как и вообще в восточнославянских языках *сад* может обозначать еще 'участок земли, засаженный любыми деревьями', 'небольшой саженый лес', 'деревья'; 'садок рыбный' (ср. Срезневский 3:241—2; Даль 4:128 Гринченко 4:95;).

Существительное *h|orod (hor|odyk, horod|ok, horod|êc')* бытует и сегодня в значительной части закарпатских говоров: *Е у мене втава на горѧдѣ* (В. Бычков, НППР 66); *А я тѣкавъ через плоти, Та через городи* (В. Бычков, УРНС 307); *Василю, Василю, Въ городцѣ тя сѣю* (В. Бычков, УРНС 300); *Суть у мене у городцѣ Двѣ косици бѣлы* (В. Бычков, УРНС 310); *Отамъ отамъ загороды [за городы] Пасе тêля тêрня* (Терново, УРНС 286); *Та ты идешь изъ города, А я 'зъ оборога* (Ольховцы, ЬРНС 144); *Та вунъ выйшовъ молодêнький, Ставъ коло городца* (Ольховцы, УРНС 146); *Та дай собѣ посадити Въ городчику сливку* (Ольховцы, УРНС 132); *Та у мене въ городчеку татара, татара* (Ольховцы, УРНС 133); *Та я стою на городѣ До колѣна въ водѣ* (Боронява, УРНС 10); *Така гинтамъ загороды [за городы] Изъ свинями пасла* (Боронява, УРНС 33); *Я укопавъ кырниченьку На чужумъ городѣ* (Боронява, УРНС 60); *Городомъ ти буду ити, До хыжъ ти нє зайду* (Боронява, УРНС 65); *Та кой собѣ заспѣваю На чужумъ городѣ* (Боронява, УРНС 66); *Удоспала за городомъ Веретено дѣвка; Бо я уже за городы Спаточки не ляжу* (Боронява, УРНС 97); *Прийди до ня городикомъ, Травиця, ги парна* (Боронява, УРНС 10); *Та е у ня у городцѣ Двѣ косицѣ бѣлы* (Боронява, УРНС 101); *Тай у мене въ городчику Зацвила тополя* (Боронява, УРНС 126); *Ой у моемъ городочку зацвила чêрêшня* (Боронява, УРНС 80); *Е у мене у городцѣ Коропнава дичка* (Монастырец, УРНС 309); *Тече вода 'зъ за города* (Речка, УРНС 207); *Не йди, любку, улицами Змагай у городы* (Речка, УРНС 225); *Яка ружа невелика, Вишша відъ городця* (Речка, УРНС 220); *Ужъ у моимъ городочку Зацвѣла отава; Ай у моимъ городочку Зацвѣла королька* (Речка, УРНС 226); *Та дала ми двѣ павоньки въ городъ сокотити* (Нересница НППР 53); *Жени кури на городъ* (Климовцы НППР 50); *У горо́дцьі кві́ткы́ вю́ть ся* (Страбичево, ВхЗн 1:162); *А на́ша молода́ Утыкала з го́рода* (В. Лучки, ВхЗн 1:164); *U pi|atnyc'u rus|aĺnu s'a rve tučn|oie z'iĺa u hor|otcy; D|ale ho m|ožna n|esty naz|ad u hôr|ôdêc'* (Н. Быстрый, ПУГ 445).

Существительное *h|orod (horod|ok)* встречается в украинских селах по южным склонам Карпат и в качестве топонима: *Город Дрогобичув* (В. Бычков, КМН 4); *За городами* (Корочуново в Румынии, КМН 13); *За городом* (Данилово, КМН 8); *Город, Городы* (Н. Быстрый, КМН 5); *Городы* (Камянское — Кивяжд, КМН 44); *Пуд винногород* (Шелестово, КМН 53); *Городок* (Голубиное, КМН 41; Сусково, КМН 53; Быстрое, КМН 58).

В закарпатских южномараморошских и бережских говорах *h/orod* имеет значение 'огород', 'фруктовый сад', (в *городе* очень часто имеются и фруктовые деревья и овощи и цветы), а *horod/ok, hor/od/êc'* и т. д. 'огород, цветник'; *h/orod, horod/ok* в качестве топонима может обозначать и 'древнее земляное укрепление', 'крепость', 'замок', как и вообще в восточнославянских языках, а в первую очередь в древнерусском. (Ср. Срезневский 1:155—6, Даль 1:380, Гринченко 1:315.)

В значительной части закарпатских говоров в значении 'фруктовый сад', 'огород' встречается и сущесвительное *z/ahoroda (z/ahorodka, zahorodč/yna): B/ыla u̯ n'/oho u z/ahorodî odn/a hr/uša* (Буштино, ПУГ 440); *I̯ak ots'/a zahorodč/yna, to d/au̯ dês'ať tыs'ač kor/un* (Колочава—Горб, ПУГ 446); *На попо́вö(й) загоро́дьі, на дьако́вö сте́рни* (Иршава, ВхЗн 1:187); *І тогды́ дöйшли́ до є́ннойі кра́снойі за́городкы* (В. Лучки, ВхЗн 1:133); *похвали́ў сьа, шчо його́ хло́пцьі ўчатьсьа у загородьі у хи́жи; Говорьйать тоти двайи́: По́дьме там, до за́городи* (Убля, ГЕМ 1:108); *Пішоў тот кінь до загороды, до капусты* (Збойное, ВхЗн 2:170); *В загородьі явір зелененькый* (Куров, ВхЗн 2:183); *і знов хпала єдна галузка з тойі ліпы єдні гдові — бабі до загородкы* (В. Свидник, ВхЗн 2:139); *Іде да́лей, ви́дит йе̨́дну кра́сну загоро́ду; І се́рет той загоро́ди би́ла йе̨́дна це́ркоў* (Чертеж, ГЕМ 3:5); *В загородці цьвіткы вют ся* (Бехеров, ВхЗн 2:192); *(v/oda) popodтыv/ala z/ahorodы* (Колоница, ПУГ 510); *Moi̯/oho š/ou̯gry /apo vyď/ily i̯/ednu ž/enu u č/istyxh b/ilyx šm/atox u i̯/edni zahor /oďi; A t/ota zahor/oda nedal/eko b/ula ot frai̯irk/ynyx x/yžy ; Moi̯/oho š/ou̯gry /apo m/aly bars š/umnu r/ipu u̯ zahor/oďi* (Комлошка в Венгрии, собственная запись); *загородка* (Кленова, Пчелиный, Суков, Беловежа).[36]

Существительное *z/ahor/oda* в украинских селах по южным склонам Карпат очень часто встречается и в качестве топонима: *Zahoroda* (Рокосово, КМН 34); *Загорода* (Воловец, КМН 55; Жуково, КМН 56; Кайданово, КМН 43; Подгород, КМН 50; Русское, КМН 51; Страбичево, КМН 52; Арданово, КМН 37; В. Чабины, КМН 71); *Добонишкова загорода, Добонѣйова загорода, Пекарьова загорода, Панькова загорода, Семакова загорода, Юричкова загорода, Микулчукова загорода* (В. Комяты, КМН 33); *Jurova zahoroda* (Черленево, КМН 39); *Русинова загорода* (Пасека, КМН 61); *Коцканичова загорода* (В. Турица, КМН 65); *Ст[ара] загорода* (Колодное, КМН 65); *V [elika] zahoroda* (Грибовцы, КМН 42); *В [елика] загорода* (Ужок, КМН 65); *Зад[ня] загорода* (Убля, КМН 87); *Тимова загорода* (Нехв. Поляна, КМН 80); *Ковачова загорода* (Р. Поруба, КМН 81); *Il'kat zahoroda* (Воловое, КМН 89); *Pud zahorodom* [?] (Королево, КМН 32); *Na zahorodi* (Колоница, КМН 76); *U zahorodi* (Старина, КМН 85); *Загороды* (В. Комяты, КМН 47; Брестов,

[36] См. *В. П. Латта,* Полногласие в украинских говорах Восточной Словакии. Sborník Filozofickej Fakulty Univerzity Komenského. Philologica 10 (1958) 113.

КМН 38; В. Лучки, КМН 47; Вышка, КМН 67; Колоница, КМН 76; Пыхни, КМН 80; Смольник, КМН 84; Тополя, КМН 86; Литманова, КМН 95); *Zahorodi* (Зняцево, КМН 56; Н. Яблонька, КМН 74); *За загороды* (Рокитовцы КМН 83); *Загородкы* (Синевир, КМН 24; Бенедиковцы, КМН 38).

Наряду с полногласным вариантом, главным образом на запад от Ужа, встречается и *zahr|ada : Я была на свадьбѣ въ зеленой заградѣ* (Волосянка, НППР 17); *Посыяла я до заградкы лельію* (Збойное, ВхЗн 2:223); *Як я стады піду, Заграджу заградку; Чкода, боже, того, Што заградка його* (Вапеник, ВхЗн 2:199); *Пи́шоў мий малейкий [милейкий?] — са́ма не знам ка́ди, Ці ко́ло капліці, ці ко́ло загра́ди* (Орябина, ГЕМ 3:69); *A potûm buly po zahradî taky bapki* (Завадка, ПУГ 543).

Данный вариант в основном на той же территории встречается и в качестве топонима: *Zahradi* (Мичак, КМН 78; Казимир, КМН 75; Кравяны, КМН 77; Оструженица, КМН 79); *V[išny] zahradi* (В. Словинки, КМН 95); *Na zahradi* (Койшев, КМН 94); *Paňska zahrada* (Г. Брестов, КМН 70); *Za zahradi* (Кошаровцы, КМН 77); *Zahradki* (С. Олька, КМН 79). Кое-где в б. Спишском комитате встречается еще вариант *загрітка ~ загротка.*[37]

Существительное *z|ahor|oda* (и его варианты) в настоящее время по большей части в закарпатских говорах имеет значение 'фруктовый сад', 'огород', однако не может быть сомнения в том, что в целом ряде случаев в качестве топонима оно имело значение 'огорожа' ('огороженное место'); 'огороженное место, куда загоняют скот', как и вообще в украинском языке (см. Гринченко 2:29).

Итак, существительное *сад* распространено на всей территории закарпатских говоров, *город* — главным образом на восток от Латорицы, а *загорода* в значении 'фруктовый сад', 'огород' — прежде всего на запад от Ужа, в т. н. лемковских говорах (ср. Гринченко 2:29), а кроме того в некоторых ужских и бережских говорах. Данное значение в лемковских говорах существительное *загорода* получило по всей вероятности под влиянием словацкого *záhrada* 'огород', 'фруктовый сад'. Следует еще заметить, что *загорода* 'огороженное место' в качестве топонима встречается прежде всего на территории б. Бережского, а частично и Угочского комитатов.[38]

[37] Там же.

[38] В качестве топонима по южным склонам Карпат встречаются еще в значении огороженного места: *городьба, загородь, городина.* (См. *Я. Н. Стрипский,* Где документы старшей истории Подкарпатской Руси? Межевые названия. Ужгород 1924, 45.) Распространение данных топонимов на этой территории по всей вероятности связано не только с садоводством, но и скотоводством. Относительно скотоводства в Закарпатье см. *Сокирницький Сирохман* указ. соч.

III

Венгерскими памятниками *kert* фиксируется с XI и XIV вв. и по всей вероятности принадлежит к финноугорскому пласту словарного состава венгерского языка.[39] В украинские говоры по южным склонам Карпат оно перешло по всей вероятности в связи с распространением венгерского феодального строя на украинские земли. В период феодализма украинские крепостные по южным склонам Карпат принадлежали к разным помещичьим доминиям. В доминиях обыкновенно было несколько управителей. В центре доминии, а также в некоторых населенных пунктах доминии, где жили управители, создавались фруктовые сады, виноградники, огороды и цветники.[40] Подобные сады в отличие от садов, принадлежавших к крестьянским *те́лекам (о́рекам, гру́нтам)*, по всей вероятности называли *кертами*. Свои сады, огороды и виноградники украинское крепостное крестьянство и надальше называло старыми славянскими терминами: *sad, (sad|ok); h|orod, (horod|ok, hor|od|êc' horod|očok, hor|odčyk, hor|odyk); z|ahor|oda (z|ahor|odka); vyn̄yčk|y, v|yn̄yc'a, v|yn̄yčna hor|a, vyn̄|ohorod*[41] и т. д. В своих фруктовых садах украинские крестьяне садили следующие

[39] Относительно происхождения венгерского *kert* имеются два предположения. По первому оно является словом финноугорским, а по второму — аланским, возможно. кавказским. По мнению Г. Барци первое предположение является более вероятным. (См. *Барци* указ. соч. 162.) Относительно осетинского *kœrt* см. *В. И. Абаев*, Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1. А—К. Москва—Ленинград 1958, 586—587. *О. Н. Трубачев* в своем докладе, прочитанном 22 октября 1957 г. в Венгерском лингвистическом обществе в Будапеште, ссылаясь на убедительные данные, попытался доказать, что венг. *kert* является старым заимствованием из тохарского. Ср. тохарское *kerciye*.

[40] Относительно развития садоводства, в частности виноградарства и огородничества, на территории Закарпатья см. *Олександер Мицюк*, Нариси з соціяльно-господарської історії б. Угорської нині Підкарпатської Руси. Т. I — Ужгород 1936, 151—158; т. II — Прага 1938, 213, 225—226. — *І. Г. Шульга*, Втягнення феодальних господарств Закарпаття в товарно-грошові відносини в другій половині XVIII ст. (По архівах Мукачево—Чинадіївської литифундії Шенборна.) НЗ УжДУ 30 (1957) 10—11.

[41] Термины *v|yn̄yc'a; v|yn̄yčna hor|a* часто встречаются в Урбариальных записях б. Бережского комитата: *U szvojem hatari vinniczi majut, na kotrich dobre vino sze rodity* (Лохово); *Jak na szuszidczkich tak na Munkacsuvszkich horach u vinniczi kotri Lyude robiti chotyáty u Robutnich csaszoch pinyacy zarobiti mchut* (Русское); *Vinniczny hurku majut u sz[v]oim chotari* (Кузьмино); *Vinniczni Hori na* 4. *milyi zemlyi nachegyat sza* (М. Мельничка—Строино); *Viniczni hori na jednu Milu zemlu nahaczajut sza* (Плосконовица).

Для обозначения виноградника в прошлом в среднезакарпатских говорах, повидимому, применяли и термин *vyn(n)|ohorod*, который сохранился в качестве топонима: *пуд винногород* (Шелестово, КМН 53), хотя *П. Я. Черных* (Очерк русской исторической лексикологии. Москва 1956, 60) говорит следующее: «...приходится думать, что в русском языке *виноград* — слово заимствованное из старославянского языка. Ожидаемого *виногород* не сохранилось не только в литературном, но и в говорах, не находим его и в памятниках письменности.»

Кроме общих названий *horod; zahoroda* в зависимости от того, что выращивали на данном (часто не огороженном) участке земли, в прошлом в среднезакарпатских говорах различали еще следующие термины: *xmi nyc'a, xmi'nyk* (см. приведенные Урбариальные записи выше), *kapusnyc'a: Szadi i kapuszniczi lem okolo chizs na Telekach majut.* (Дунковица).

фруктовые деревья: *i̯|ablinka (i̯|ablünka ~ i̯|ablunka), čyr|yšn'a (čêr|êšn'a), hr|uška, or|ix, sl|yva, v|ышn'a* и по всей вероятности некоторые иные. Из фруктов изготовляли, например, следующие продукты: *kysyl|yc'a, sušyn|ic'i, slyu̯ł|anka ~ slyvov|yc'a* и т. д. Самым распространенным фруктовым деревом среди украинского населения было сливовое, о чем между прочим свидетельствуют и местные названия разных сортов слив, например: *b|ыstryc'i, čyrv|yn'i sl|yvы, durov|an'i, kobыl|ic'i, tyrn'ank|y* и т. д. По всей вероятности лишь позже начали выращивать такие фруктовые деревья, как *birž|alma* 'айва', *i̯yp|erka* 'тутовое дерево', *našp|oi̯a* 'мушмула' и т. д.

Итак, термин *kert (k|erta, kyrť)* украинское население первоначально применяло в отношении помещичьего сада, огорода, цветника, а позже и для крестьянского. Как раз поэтому впоследствии для обозначения помещичьего сада, огорода или цветника начали применять термин *pan's'k|yi̯ kert, pan's'k|a k|erta* (ср. топонимы: *Паньскѣ нивы*, КМН 53; *Panski lis*, КМН 49).[42] Следует еще упомянуть, что в восточнословацких говорах *kerta* встречается наряду с *záhrada: Bula tam jedna krasna kerta a u tej kerce krasni stromi; co mi s'e ukazau̯ u kerce; Pošou do kerti na špacirku* (Цамбель 472); *N'etarhaj mi kvitki s kerti ; A u kerci bila ruža — maďoran* (Михаляны, запись С. Шипоша). По наблюдениям С. Цамбеля „kertou volajú panskú záhradu, park; záhradou záhradu na ovocie a zeleniny (там же). Подобно и *kertis* в восточнословацких говорах имеет значение 'záhradnik panskej záhrady' (Цамбель 472); 'panský záhradnik (Калал 266); *To jim grofou̯ kertis poslal* (Михаляны, запись С. Шипоша). Ср. также значение данного существительного в приведенных нами примерах. В Углянском Ключе XVII в. *керт* употребляется не в значении крестьянского, но господского сада или огорода, ибо здесь речь идет о *керте* богатой Сусанны, но в Урбаре XVIII в. *керт* употребляется уже в значении крестьянского сада или огорода. Несомненно, что в показаниях крестьян, имеющихся в Урбариальных записях, *kert* имеет значение 'огород', а *sad* 'фруктовый сад' (см. приведенные Урбариальные записи). У И. Югасевича (1741—1814) *кéрта* имеет значение 'сад' или 'огород вообще', а у В. Довговича (1783—1849) уже имеется и уменьшительное *кéртик* 'огород' или 'цветник'. Из этого следует, что *kert (k|erta, kyrť)* в словарном составе закарпатских говоров принадлежит к пласту венгерских заимствований, связанных с феодальным хозяйством, как, например: *halašt|iu̯ (-ü̯u̯, -u̯u̯), kašt|iľ, kos|ai̯liu̯ (-ü̯u̯, -u̯u̯), m|ai̯orn'a (m|ai̯urn'a), |orek, t|elek* и т. д. Часть заимствований, принадлежащих сюда, в связи с падением феодального строя совсем вышла из обихода, однако *kert (k|erta, kyrť)* в качестве дублета сохранилось в значительной части закарпатских говоров.

[42] Для обозначения садов, огородов и виноградников, принадлежавших православным монастырям, местное население, повидимому, в большинстве случаев применяло старые славянские термины, что вполне понятно, ибо в закарпатских православных монастырях жили украинские монахи. (В свое время хозяйства при монастырях играли важную роль в распространении некоторых культур.)

Что касается морфологического оформления данного венгерского заимствования, то вариант *kert* не нуждается в объяснении. Подавляющее большинство венгерских существительных с конечным твердым согласным и в украинских говорах сохранило твердый согласный и примкнуло к существительным мужского рода с конечным твердым согласным, например: *bányász* > *ban'|as*, *bicsak* > *byč|ak*, *bocskor* > *bočk|ir*, *falat* > *f|alat*, *gaz* > *gaz*, *halász* > *hal|as*, *juhász* > *ĵuh|as*, *kalap* > *kal|ap*, и т. д. Однако в силу каких причин возник вариант *kerta?* В некоторых случаях венгерские существительные с конечным согласным в украинских и иных славянских говорах получили окончание *-a*, что иногда объясняется влиянием венгерской притяжательной формы, например: *ángya* > *|anďa*, *kontya* > *k|oňťa*, *száma* > *s|ama*, *szára* > *s|ara*, *szerszáma* > *syrs|ama* и т. д., однако в данном случае венгерской притяжательной формой является *kertje*, из которой ни в коем случае не могла возникнуть форма *k|erta*. По нашему мнению в данном случае украинская форма *k|erta* возникла под влиянием существительного *zahor|oda*, распространенного в значении 'фруктовый сад', 'огород' прежде всего в западных закарпатских говорах. Как мы видели, вариант *k|erta* встречается в ужских, земплинских и шаришских говорах. В некоторых селах, жители которых говорят на упомянутых говорах, *zahor|oda* и *k|erta* встречаются параллельно (Раково, Убля, Чертеж, Комлошка). Для иллюстрации приведем следующий отрывок: *Тогдú ізрадоваў сьа мотузáрь і купúў ў вáроши йидéн фýндуш і кúрту велúку і збудувáў на штóки дум і по пáньски собí жиў. Про дьíти у зáгородьі даў збудувáти шкóлу і найáў учúтельа ід дьíтьом* (Убля, ГЕМ 1:107). Подобно и в восточнословацких говорах форма *kerta* (Калал 236) возникла под влиянием словацкого существительного *záhrada*.

Там, где встретились варианты *kert* и *kerta* возник переходный вариант *kyrť*. (Возможно, что развитию данного варианта способствовало и существительное *zahorod'*; ср. топоним *Zahorod'* В. Поляна, КМН 80.)

Итак, в данном случае имеем дело не с морфологическим варьированием слова в том же говоре, обусловленным семантической или стилистической дифференциацией, но с разными вариантами слова по говорам, возникшими под влиянием морфологического обличья своих старых слов, служащих для обозначения того же предмета, что и заимствованное слово.

Если примем во внимание, что морфологическое обличье в заимствующе языке (диалекте, говоре) может оказывать влияние на морфологическое оформление заимствованного слова, служащего для обозначения того же предмета, тогда в целом ряде случаев венгерских существительных, заимствованных славянскими языками (диалектами, говорами), можно объяснить, почему данное венгерское существительное получило то, а не иное морфологическое обличье, почему данное венгерское существительное в

разных говорах (диалектах) одного и того же славянского языка получило разное морфологическое оформление.

В украинских закарпатских говорах под влиянием морфологического обличья старых украинских слов получили свое морфологическое оформление, например, следующие венгерские существительные: *beteg* > *bet|ega (xvorota), bimbó* > *bimb|oų̯ka (bombuľka), bojt* > *b|oį̯tyc'a (kytyc'a), boszorkány* > *bosork|an'a (viďma), fedél* > *fyd|elka (pokryų̯ka), gomb* > *g|ombyc'a (puhovyc'a), hab* > *hab|a (pina), kapocs* > *k|apča (zaponka), konty* > *k|oňťa (kosa), láp* > *l|apa (vapa), mókus* > *m|óų̯kuška (vyvirka), nád* > *nať (trosť) tengeri* > *tyngyr|yc'a (kukuruza), törek* > *ter|eka (polova)* и т. д.

На морфологическое оформление прилагательных и причастий могло оказывать влияние морфологическое обличье существительного, иногда и подразумеваемого, к которому они относились: *folyó(fű)* > *foį̯|oų̯ka (trava), gombos(tű)* > *g|omboška (yhla), gyors(vonat)* > *ď|orška (želiznyc'a, mašyna), mester(gerenda)* > *myšt|ernyc'a (hr'ada), oldalház* > *dolh|aska (xyža).*

Под влиянием морфологического обличья разных украинских диалектизмов одно и то же венгерское существительное в разных говорах получило разное морфологическое оформление, при чем влияние могло оказывать не только морфологическое обличье украинского слова, но и морфологическое оформление данного венгерского существительного в соседящих с украинскими говорами словацких или румынских говорах. В таких случаях мы имеем дело не обязательно с заимствованием из словацкого или румынского языка. (Имеются, конечно, случаи, когда венгерское слово в украинские говоры перешло посредством словацкого или румынского языков.) Мы сошлемся на следующие примеры: *boszorkány* > *bosork|an'a, bos|orka* (ср. слов. *bosorka) ; cimbora* > *c|imbor|a, cimb|oraš* (ср. венг. диал. *cimborás*, слов. *cimboroš*, рум. *ţimbăraş) ; darab* > *dar|ab, dar|aba* (ср. рум. *darabă) ; dohány* > *doh|an* (ср. рум. *dohan) ; hant* > *h|anta, h|ančik* (ср. слов. *hant, hančik) ; haszon* > *xos|en, x|asna* (ср. рум. *haznă) ; katona* > *katun|a* (ср. рум. *cotună), kat|onak* (ср. слов. *katonak) ; köles* > *k|uľiš, kul|eša* (ср. рум. *coleaşă) ; obsit* > */opšyť, /opšit* (ср. слов. *opšit) ; sódar* > *š|oų̯dar', š|oudra* (ср. слов. *šodra) ; zseb* > *žeb, ž|ebn'a* (ср. слов. *kešeňa).*

В силу таких или подобных причин могли возникнуть в закарпатских говорах, например, такие варианты венгерских существительных: *bádog* > *b|adog, bad|oga ; bagó* > *b|agoų̯, b|aga ; beteg* > *b|yťuh (b|yťüh, b|yťih), bet|ega ; ezer* > */yzyr', /yzr'a ; gomb* > *g|omba, g|ombyc'a ; hab* > *hab|a, xab ; pipaszár* > *pipas|ar, popis|ara ; reszelő* > *rysyl|uų̯ (rysyľ|üų̯), resel|uka ; rud* > *rud, r|udo ; serpenyő* > *šyrpyn'|uų̯, šyrpyn'|üų̯, šyrp|inka ; szerszám* > *syrs|am, syrs|ama ; tó* > *tių̯, t|ova.*

Первоначально, повидимому, во всех украинских говорах по южным склонам Карпат в значении сада, фруктового сада употреблялось *sad*, реже *h|orod*, а в значении огорода обыкновенно *h|orod*. Существительное *z|aho-*

r|oda применялось и здесь, как и вообще в украинском языке, в значении 'огороженное место'. Позже под влиянием словацкого *záhrada* 'фруктовый сад' или 'огород' в лемковских говорах существительное *zahor|oda* начало применяться в значении 'фруктовый сад' и 'огород'. Из западных закарпатских (лемковских) говоров новое значение постепенно распространилось на восток, вплоть до Латорицы,[43] а в некоторых случаях и дальше. Распространению данного значениях могло способствовать и передвижение украинского населения с запада на восток, а в некоторой степени и деловой язык, в котором часто встречаемся с лемкизмами.

Венгерское существительное *kert* 'фруктовый сад', 'огород', 'цветник' в вариантах *kert, k|erta, kyrt'* распространилось в закарпатских говорах на протяжении XVII в. в связи с созданием помещичьих фруктовых садов, огородов и цветников на украинских землях и в связи с более интенсивным соприкосновением украинского населения с венгерским. Данное существительное укоренилось прежде всего в тех говорах, носители которых жили в близости центров доминий и больше всего соприкасались с венгерским населением. Оно постепенно проникло и в более отдаленные говоры. В качестве топонима оно чаще всего встречается на территории б. Бережского, затем Угочского и Ужского, реже Мараморошского комитатов. Однако во всех говорах в той или иной форме сохранились старые славянские существительные, так что *kert, k|erta, kyrt* применяется в качестве дублета к украинским *sad, h|orod, z|ahor|oda*. В некоторых случаях употребление заимствованного венгерского и украинского термина связано с семантической дифференциацией, о чем свидетельствует, например, топоним: *Загорода за кертами* (КМН 43), однако этот вопрос еще не исследован подробно.

Вариант *kert* укоренился в тех говорах, где первоначально бытовали термины *sad, h|orod*, а вариант *k|erta* в тех, где впервые в значении фруктового сада и огорода начали применять существительное *zahor|oda*. Под влиянием вариантов *kert* и *k|erta* вследствие лексико-морфологической контаминации возник вариант *kyrt*.

Из этого следует, что венгерские существительные одного и того же типа (в данном случае существительные с конечным твердым согласным) в славянских языках (диалектах, говорах) могут получить разное морфологическое обличье, что в некоторых случаях может быть обусловлено морфологическим обличьем своего вытесненного или не вытесненного существительного, а даже морфологическим оформлением данного венгерского существительного в диалектах (говорах) соседнего языка.

Как раз поэтому при изучении морфологического оформления венгерских существительных в славянских языках (диалектах, говорах) между прочим следует иметь в виду:

[43] Существительное *загорода* в народных песнях, записанных М. Врабелем в б. Мараморошском комитате, не встречается.

а) морфологическое обличье славянского существительного, вместо которого или наряду с которым стало употребляться заимствованное венгерское существительное;

б) морфологическое оформление данного существительного в соседних языках (диалектах, говорах).

Сильным фактором может оказаться морфологическое обличье особенно в тех случаях, когда наряду с заимствованным словом живет и свое слово, служащее для обозначения того же предмета, что в венгерско-славянских отношениях является довольно частым явлением.

Список сокращений

ВхЗи	— *Іван Верхратский*, Знадоби для пізнаня угорско-руских говорів. І. ч. Говори з наголосом движимим. У Львові, 1899; ІІ. ч. Говори з наголосом сталим. У Львові, 1901.
ГЕМ	— *Володимир Гнатюк*, Етнографічні матеріяли з Угорської Руси. У Львові, т. І — 1897, т. ІІ — 1898, т. ІІІ — 1900, т. IV — 1900.
Гринченко	— *Б. Д. Гринченко*, Словарь украинского языка. Киев, т. І — 1907, т. ІІ — 1908, т. ІІІ — 1909, т. IV — 1909.
Даль	— *Владимир Даль*, Толковый словарь живого великорусского языка. С.-Петербург—Москва, т. І — 1880, т. ІІ — 1881, т. ІІІ — 1882, т. IV — 1882.
Калал	— *Mir. Kálal*, Slovenský slovník z literatury aj náreči. Banská Bystrica 1924.
КМН	— *А. Л. Петров*, Карпаторусские межевые названия. Прага 1929.
MNy.	— Magyar Nyelv [Венгерский Язык].
НЗТП	— Науковий Збірник Товариства «Просвіта» в Ужгороді.
НЗ УжДУ	— Наукові Записки. Ужгородський державний університет.
НПЛР	— *Д. Задоръ—Ю. Костьо—П. Милославский*, Народнѣ пѣснѣ подкарпатскихъ русиновъ. Унгваръ [Ужгород] 1944.
NyK.	— Nyelvtudományi Közlemények [Лингвистические Сообщения].
Nyr.	— Magyar Nyelvőr [Страж Венгерского Языка].
Петров, Материалы	— *А. Петров*, Материалы для истории Угорской Руси. С.-Петербург, IV — 1906, V — 1908; IX — Прага 1932.
ПУГ	— *Іван Панькевич*, Українські говори Підкарпатскої Руси і сумежних областей. Прага 1938.
Срезневский	— Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. Санктпетербург, т. І — 1893, т. ІІ. — 1895, т. ІІІ. — 1903, Дополнения — 1912.
S. Sl.	— Studia Slavica.
UJb.	— Ungarische Jahrbücher.
УРНС	— *Михаилъ Врабель*, Угро-русски народны спѣванки. Т. І. (Спѣванки мараморошски). Будапешт 1901.
Шамбель	— *Samo Czambel*, Slovenská reč a jej miesto v rodine slovanských jazykov. Turčianský Sv. Martin 1906.
Чопей, Венг. слова	— Magyar szók a rutén nyelvben [Венгерские слова в украинском языке]. NyK. 16 (1881) 270—294.
Чопей, Словарь	— *Ласловъ Чопей*, Руcько-мадярский словарь. У Буданештѣ 1883.

Заметки по русской исторической лексикологии

Л. Киш

а р м е у т

Существительное *армеут* употреблено А. И. Куприным в повести «Прапорщик армейский», опубликованной впервые в 1897 г.: «Ты, конечно, помнишь, ... как папа восставал против наших офицеров? Как он называл их насмешливо «*армеутами*»? (Куприн 2:142).

Слово *армеут* возникло из *армéец* 'служащий в армии, не гвардеец' путем намеренного преобразования в иронических целях. Его строение, по-видимому, отражает влияние *арнаýт* 'албанец; изверг, зверский человек, басурман' (ср. Преобр. 1:8; Vasmer 1:25). — Купринское *армеут* является окказиональным словом. В словарях русского языка оно не отмечено.

б а л а г ý л а

В повести «Прапорщик армейский» А. И. Куприна читается: «Что бы и кто бы ни встретился по дороге: хохол в широких белых шароварах, ... придорожная корчма, еврейская «*балагула*», ... — все вызывает его пытливые вопросы и замечания...» (Куприн 2:111).

Слово *балагýла* заимствовано из украинского диалектного *балагýла* '(крытая дорожная) повозка' (Гринч. 1:23; Укр.-русск. слов. 1:30). Украинское *балагýла* имеет соответствие и в польском языке: *bałaguła* 'почтовая карета, дилижанс; извозчик' (SWO 90). Украинское и польское слова восходят к идишскому *balagula, balagole* 'извозчик' (см. SWO 90; Vasmer 1:44). В смоленском диалекте русское слово записано в форме *балагóл* (Vasmer указ. место).

б а р óн

Раннее показание о титуле *барóн* содержится в статейном списке Г. И. Микулина, информирующем о происшествиях в Лондоне в 1601 г.: «Апреля в 25 день приехали к Григорью Цесарские области из Муравские земли

князи, три брата: Рудольф, Жигимонт, Фредерик, а отечеством словут *бароны*» (Пут. русск. посл. 184).

Титул *барон* в статейном списке Г. И. Микулина заимствован из нем. *Baron* (ср. Преобр. 1:17; Vasmer 1:57; Ссрля 1:284).

Бузын град; Будынь; Буда; Будин

Выражение *Бузын град* встречается в Малой челобитной И. Пересветова, сочиненной около 1549 г.: «Служил есми, государь, у угорского короля, Вьянуша [Яноша Запольи], на *Бузыне граде* службу дворянскую на шесть коней...» (Пересветов 197). Я. С. Лурье, комментатор произведений Пересветова, установил, что название *Бузын* весьма близко к турецкому наименованно Буды (западной части современного Будапешта, расположенной на правом берегу Дуная) — *Budin* (Пересветов 301). Однако между турецким *Budin* и русским *Бузын* нет полного фонетического соответствия.

Непосредственным источником русск. *Бузын* является польск. *Budzyn* (Linde 1:193). Графический вариант *Гусын град*, читающийся в некоторых списках сочинений Пересветова, возник из первоначального *Бузын град* вследствие искажения текста в ходе переписывания (см. Пересветов 164). В челобитной Пересветова сообщается о том, что Пересветов состоял долго на службе у польского короля Сигизмунда I, а Яношу Заполье служил в Буде в числе 300 польских дворян. О его знакомстве с польским языком свидетельствуют полонизмы, как например: *заможный* 'зажиточный' (Пересветов 156), *збруя* 'доспехи' (Пересветов 141; см. Черных, Очерк 203; Vasmer 2:585), *гетман* (Пересветов 164; ср. Vasmer 1:266; Sławski 1:419), *гусарский* (Пересветов 163, 164) и др.

Венгерское топонимическое название *Buda* восходит к личному собственному имени неизвестного происхождения (EtSz. 1:548—550). В славянских языках наименование города снабжено притяжательным суффиксом *-in*: чешск., словацк. *Budín*, польск. *Budzyn*, сербско-хорв. *Bȕdim* < *Bȕdin* и др. Славянская форма проникла в турецкий язык: *Budin* (EtSz. 1:550).

В некоторых русских дипломатических документах конца XVI и начала XVII вв. название города читается в формах *Будынь* ж. р. (ПДСДР 2:35, 367, 885) и *Буда* (ПДСДР 2:366). Форма *Будынь* является вариантом *Бузын* (см. выше) и связана с польским *Budzyn*. Форма *Буда* заимствована из венгерского языка. Выражения *Будин, Будинский замок* употреблены в рукописных курантах конца XVII в., повествующих об освобождении крепости Буды от турецких оккупантов в 1686 г. (Хаустова 62, 70, 72, 73, 75, 84, 89). Эти выражения отражают славянское наименование города, возможно, через турецкое посредство.

ВИЦЬКЫЙ

Слово *вицькый* употреблено в Ипатьевском списке русской летописи: «Въ тѣ лѣто [в 1250 г.] присла король Оугорскыи *вицькаго* река: поими дщерь ми за сна своего Лва» (Hodinka 430). В словаре И. И. Срезневского *вицькый* приведено с вопросительным знаком, без объяснения (Срезн. 1:266). В этимологических словарях русского языка (Преобр., Vasmer) слово *вицькый* не отмечено.

А. Ходинка перевел соответствующее место летописи на венгерский язык следующим образом: „Az esztendőben a magyar király elküldte hozzá a *vice*-jét, mondván: vedd el leányomat Leo fiad részére" (Hodinka 431). Перевод А. Ходинкой русского hapax legomenon представляется правильным. Адвербиализированное латинское *vice* 'вместо, замещая' употреблялось в средневековой латыни, использованной в Венгрии в качестве языка администрации и дипломатии, преимущественно в сложениях, ср. *vice-rex* 'заместитель короля' (Bartal 696). Однако вполне возможно, что в грамоте или устном докладе посла, прибывшего в Киев по поручению венгерского короля Белы IV, фигурировал какой-то оборот вроде *vice regis* 'в представительстве короля'. Русское *вицькый* возникло вероятно на основе подобного оборота. Прибавление суффикса прилагательного обусловлено тем, что слово *vice*, воспринятое названием должностного лица, не могло приспособляться к системе русского именного склонения. По способу образования ср. *игре́ц(кий)*, *гребе́ц(кий)*, *кузне́ц(кий)*, *купе́ц(кий)*, *лове́ц(кий)*, *мертве́ц(кий)*, *молоде́ц(кий)*, *стреле́ц(кий)* и т. д.

Итак, древнерусское *вицькый* находится в родственных отношениях к приставке *вице-*, бытующей в русском языке со времени Петра Великого: *вице-адмира́л*, *вице-ка́нцлер*, *вице-ко́нсул*, *вице-президе́нт* и др. (см. Серля 2:403—404; Vasmer 1:208).

ВОДЫ ВЗВОДНЫЕ

Словосочетание *воды взводные* 'фонтаны' зафиксировано в статейном списке П. И. Потемкина, посетившего в 1668 г. сен-жерменский и парижский парки Людовика XIV: «А в том королевском саду строенья, виноград и иные многие деревья плодовитые улицами устроены, и *воды взводные* розными образцы» (Пут. русск. посл. 295); «...у того ж королевского двора сады строят великие, *воды* в тех садех *взводные* розными образцы» (указ. соч. 314).

Имеются сведения о том, что в конце XVII в. небольшие фонтаны были и в Москве, на южном скате Кремлевского холма; они назывались тоже *воды взводные* (Спышнов 12). Описательное наименование *воды взводные* (*взводный* от глагола *взводить* 'направить вверх') объясняется тем, что до

XVIII в. слово *фонта́н* не было достоянием живого русского языка. Итальянизм *фантана* употреблялся уже в статейном списке П. А. Толстого под датой 15 августа 1698 г. (Обн.-Барх. 2/1:80, 81, 82). Однако в конце XVII в. *фантана* вряд ли могло считаться общепонятным русским словом; оно было скорее окказиональное заимствование, обусловленное пребыванием П. А. Толстого в Италии. В применении к русскому быту слово *фонта́н*, изменив граммматический род, может быть, под влиянием слов *колодец*, *источник* и др., употреблялось впервые в начале XVIII в. в связи с устройством Летнего сада в Санкт-Петербурге и царской летней резиденции в Петергофе. В это время были освоены и следующие западноевропейские слова: *грот* 'искусственная пещера' (Ссрля 3:423; Vasmer 1:311), *каска́д* 'небольшой водопад, низвергающийся уступами' (Ссрля 5:852; Vasmer 1:537), *люстгауз* 'помещение для забав' (Петродворец 29), *оранжере́я* 'теплица' (Ссрля 8:995; Vasmer 2:274), *руи́ны* 'искусственные развалины, сооруженные в декоративных целях' (Петродворец 34), *ста́туя* 'скульптурное изображение человеческой фигуры' (Спышнов 17) и др. В одном из документов петровского времени говорится: «26 мая 1710 года царское величество изволил рассматривать место сада и назначить дело плотины, грота и *фонтанов* Петергофскому строению» (Парки Петр. 8). *Фонтан* восходит к итальянскому *fontana* (Vasmer 3:215; Brückner 125; Sławski 1:234). Слово *фонта́н* широко употребляется в современном русском языке.

В течение XVIII—XIX вв. были сделаны неоднократные попытки заменить иностранное *фонта́н* соответствующим русским выражением. Эти попытки не увенчались успехом. В первом словаре иностранных слов предложен эквивалент *водоважда* (Обн.-Барх. 2/2:63). Сложение *водомёт*, появившееся в XVIII в., удержалось довольно долго в поэтической речи (Ушаков 1:327; Ссрля 2:512). Отмеченные В. И. Далем *водобо́й*, *во́докидь* могли иметь очень ограниченную сферу употребления (Даль 1:220).

г р о т

Раннюю документацию см. под словосочетанием *воды взводные*.

г у л я́ ш

Объяснение см. под словом *ма́сляш*.

г у с а́ р ; г у с а́ р с к и й

Согласно исследованиям М. Фогараши (Studia Slavica 4 [1958] 64) существительное *гусар* засвидетельствовано в русских памятниках с 1594 г.: «...съ ними *гусаровъ* конныхъ и Нѣмецъ шесть сотъ человѣкъ...»; «...ты-

сяча *гусаровъ* конныхъ...» (перевод с немецкого; ПДСДР 2:11; ср. Черных, Очерк 221). О прилагательном *гусáрский* имеются данные с 1621 г.: «Шубу *гусарскую* на МосквѢ...купилъ» (ПДСДР 2:1380; M. Fogarasi, указ. место).

Однако словосочетание *щиты гусар(ь)ския* (Пересветов 163, 164) в Малой челобитной, написанной И. Пересветовым около 1549 г., говорит о том, что прилагательное *гусарьский* и, должно быть, само существительное *гусаръ* включены в словарный состав русского языка ещё во время Ивана Грозного.

В Малой челобитной сообщается о том, что с венгерскими щитами И. Пересветов ознакомился в венгерской столице, Буде, во время службы королю Яношу Заполье в 1529—1532 гг. Поэтому не исключена возможность, что русское выражение *щитъ гусарьский* передает венгерское *huszár pajzs*. Но это все же маловероятно. И. Пересветов прибыл в Венгрию вместе с 300 польскими дворянами из двора польского короля Сигизмунда I. Кроме пребывания его в Венгрии ничем не может мотивироваться предположение, что Пересветов владел венгерским языком хоть в какой-то мере. Венгерские заимствования не обнаружены в его сочинениях, зато число полонизмов заметно. Даже название венгерской столицы, Буды, употреблено им в польской, а не венгерской форме (см. выше *Бузын град)*. Можно считать правдоподобным, что источником русск. *щитъ гусарьский* было польск. *paiż husarski*, а не венг. *huszár pajzs*.

Польск. *husarz* заимствовано из венг. *huszár* 'военный из частей легкой кавалерии; (в XV в.) разбойник, вор' (Brückner 174; Sławski 1:439—440). Венг. *huszár* восходит к древнесербско-хорватскому *chusar* 'разбойник, вор'; ср. древнерусское *хусарь* 'морской разбойник'. Исторические обстоятельства, при которых слово *huszár* из названия разбойников превратилось в венгерском языке в термин особого рода кавалерии, ещё не выяснены. В качестве военного термина слово *huszár* перешло из венгерского в большинство европейских языков: нем. *Husar*, франц. *hussard*, англ. *hussar*, итальянск. *ussaro*, сербско-хорв. *husar* и т. д.

Древнесербско-хорватское *chusar*, древнерусское *хусарь* и др. являются производными от древнеславянского **chǫsa* 'воровство, разбойничество'; ср. др.-сербско-хорв. *chusa*, др.-русск. *хуса* 'набег, засада'. Славянское **chǫsa* заимствовано из готского *hansa* 'дружина' (ср. L. Gáldi: Magyar Nyelv 35 [1939] 160—166; Kniezsa, Sz'Jsz. 1:219—220; Vasmer 1:323, 3:279; Преобр. 1:170—171; Brückner 177).

д и д а

В сообщении рукописных курантов о краковском коронационном празднике 1669 г. употреблено слово *дида* 'род копья, пика': «...рота Казац'кая конная s *дидами*...»; «...да рота пансырная в пан'цырях и иным

строем s *дидоми* ж...»; «...да рота казаков пѣшая с *дидами* ж...» (Обн.-Барх. 2/1:25). В словарях русского языка слово *дида* не отмечено.

Русск. *дида* заимствовано из польск. *dzida* 'пика' (Sławski 1:192). Начальное *ди-* русского слова является гиперизмом. Оно отражает стремление избежать на письме польского «дзеканья». В тех же самых курантах встречается и дугой гиперизм подобного характера: фамилия *Родивил*, ср. польск. *Radziwiłł* (Обн.-Барх. 2/1:25; ср. Карский 1:345).

Польское *dzida* восходит к турецкому *džida* 'род копья, пика'. Турецкое слово проникло и в иные языки: белорусск. *дзі́да*, укр. *дзи́да*, сербскохорв. *džȉda*, венг. *dzsida* (Berneker 1 : 242; EtSz. 1 : 1462; SzófSz. 56; Sławski 1 : 192).

д о р о д о́ р

В рассказе «Старые годы», написанном П. И. Мельниковым в 1856 г., употреблено существительное *дородо́р* 'сорт ценной ткани', а также производное от него прилагательное *дородо́ровый*: «...купец богатеющий, каждый год привозил на ярмонку панского и суровского товару на многие тысячи: парчи, *дородоры*, гарнитуры, глазеты, атласы, левантины...» (Мельников 2:116); «Церкви старинные, каменные, большие, иконостасы золоченой резьбы,... риз парчевых, глазетовых, бархатных, *дородоровых* множество» (Мельников 2:148).

Этимологию слова *дородо́р* считает М. Фасмер неясной (Vasmer 1:364).

Русское *дородо́р* заимствовано из французского *drap d'or* 'étoffe dont le tissu est d'or' (Littré 2:1239). Звуковая форма русского слова видоизменилась под влиянием многочисленных имён с полногласием. В первую очередь надо иметь в виду прилагательное *дорого́й*, так как название драгоценной ткани часто могло сочетаться с этим прилагательным: *дорого́й *дрядо́р* ~ *дорого́й дородо́р*.

Среди русских названий различных тканей французские заимствования составляют обширную группу: *дрядедя́м*, *гарнитýра*, *глазе́т*, *левантúна* и др. (Vasmer 1:260, 272, 366; 2:23).

Франц. *drap d'or* проникло через посредство немецкого и в венгерский язык: *trádor* (J. Implom: Népünk és Nyelvünk 6 [1934] 148—151).

к о н т а р и

Существительное *контари* зафиксировано в одном из документов петровского времени: «Куплено для государыни царевны Екатерины Ивановны два цука шоръ, наборъ мѣдной съ *контари* и съ щубы и съ леицы» (Смирнов 355). Происхождение слова Н. Смирновым не определено (указ. место).

В приведенном отрывке имеется несколько полонизмов: *цук* ~ *цуг* 'запряжка лошадей в три или две пары гуськом' < польск. *cug* (Vasmer 3:293; Brückner 67); *шоры* 'конская упряжь без дуги и хомута, со шлеей' < польск. *szory* (Vasmer 3:422; Brückner 552); *лецы* 'поводья, вожжи' < польск. *lejce* (Brückner 293). Полонизмом является и *контари;* оно заимствовано из польск. *kantar* 'недоуздок, уздечка; род удил'.

Польское *kantar* восходит к венг. *kantár* 'узда' (Brückner 216; Sławski 2:46—7). Венгерское слово перешло и в другие языки: укр., белорусск. *кáнтар*, чешск., словацк. *kantár*, сербско-хорв. *kantar*, нем. *Kandare* (Berneker 1:482; Machek 191; Kluge[17] 344).

Венг. *kantár* заимствовано из какого-либо тюркского языка, ср. чагатайск. *qantar*, турецк. *qantarma* 'недоуздок' (SzófSz. 149).

л е и ц ы

Объяснение см. под словом *контари.*

к у м á ч

Раннее свидетельство о слове *кумáч* 'бумажная ткань яркокрасного цвета' имеется в статейном списке Ф. Елчина, посла царя Михаила Федоровича в Грузии в 1639—1640 гг.: «...изо вьюка вынели сукна лазоревава десять аршин, да два зеркола большие немецкие с потальею, да двенацать ножей да *кумач*...» (Пут. русск. посл. 207).

Русск. *кумáч* заимствовано из арабского через посредство тюркских языков (Преобр. 1:411—2; Vasmer 1:692; Дмитриев 27; Ссрля 5:1833).

м á с л я ш

В повести «Прапорщик армейский» А. И. Куприна описывается кратковременное пребывание группы русских офицеров в одном из местечек Галиции конца XIX в. В описании употребляется слово *мáсляш:* «Наконец мы добрались до ресторана и заказали себе *гýляш* и *мáсляш*. Первое — какое-то национальное мясное кушанье пополам с красным перцем, а второе — приторное венгерское вино... Все они ели с нами *гýляш*, пили *мáсляш* и поминутно говорили дамам: «служу пани» и «падам до ног панских»...» (Куприн 2:132; ср. Ссрля 3:484).

Русск. *мáсляш* восходит к венг. *máslás, mászlás* 'сорт сладкого виноградного вина' (см. Z. Gombocz: Magyar Nyelv 2 [1906] 196—7; SzófSz. 199). Контекст делает вероятным, что заимствование произошло через польское посредство. В польском языке слово засвидетельствовано в форме *maślacz* (Brückner 325; E. Słuszkiewicz: Język Polski 31 [1951] 197). Возможно, что

в Галиции бытовала польская диалектная форма **maślasz*. — Венг. *máslás* проникло и в словацкий язык: *mášláš* (Z. Hauptová: Magyar Nyelv 56 [1960] 174).

Слово *гу́ляш*, встречающееся в рассказе А. И. Куприна, восходит к венгерскому *gulyás* 'кушанье из кусков тушеной говядины с картофелем под соусом из лука и красного перца' (см. SzófSz. 100) по-видимому также через польское посредничество, ср. польск. *gulasz* (E. Słuszkiewicz, указ. место; Sławski 1:376—7). В современном русском литературном языке это слово употребляется с ударением на втором слоге: *гуля́ш* (Ссрля 3:484). — Венг. *gulyás* в качестве кулинарного термина стало международным: укр., белорусск. *гуля́ш*, чешск. *guláš*, словацк. *gul'áš*, сербско-хорв. *гу̀лаш*, болг. *гула́ш;* румынск. *gulaș*, франц. *goulache ;* нем. *Gulasch*, англ. *goulash* и др.

мокаченъ

Прилагательное *мокаченъ* отмечено в словаре И. И. Срезневского на основе одного из многочисленных списков Хождения игумена Даниила, древнейшего памятника русской паломнической литературы. В словаре *мокаченъ* приведено без объяснения, с сылкой на словарную статью *вьсямокачьный*. С точки зрения происхождения русск. *мокаченъ* сопоставляется с венгерским прилагательным *makacs*, имеющим якобы значение 'potens, важный' (Срезн. 2:163—4). — Некоторые исследователи придают прилагательному *мокаченъ* значение 'хороший' и производят его от имени древнеславянской богини *Мокошь* (Буслаев, Ист. хр. 682; Черных, Очерк 93).

Изучение слова *вьсямокачьный* по материалам словаря И. И. Срезневского дает следующие результаты. Слово это имеет орфографический вариант *вьсямоокачьный* (Срезн. 1:475—6). Значение слова — 'весь окатом, покатый со всех сторон, округлый' (ср. Гудзий 80). В некоторых списках Хождения игумена Даниила слово фигурирует в раздельном написании: «Печерка... *всямо окачна*» (Срезн. 2:640).

Историю данной группы орфографических вариантов можно себе представить в таком виде. Первоначальной является форма *вьсямоокачьный*. Это сложное слово состоит из наречия *вьсямо* 'всюду' и прилагательного *окачьный* 'округлый'. По способу образования наречия *вьсямо* (Срезн. 1:475; Vasmer 1:237) ср. др.-русск. *камо* 'куда', *овамо* 'в ту сторону', *сѣмо* 'сюда', *тамо* 'на том месте'. Прилагательное *окачьный* образовано от существительного *окатъ* 'облость, обловатость, круглина, округлость' (Даль 2:587) при помощи суффикса *-ьн-*. Закономерным образованием оказалось бы прилагательное **окатьный;* в самом деле, слово *окатный* 'окатанный, облый, куглый, округлый' отмечено в словаре Даля. Смягченный согласный *ч* в форме *окачьный* отражает влияние *окаченый*, страдательного причастия прошедшего времени от глагола *окатити* 'закруглить'. В древнерусском языке

прилагательные с суффиксом *-ьн-* и страдательные причастия с суффиксом *-ен-* стояли близко друг к другу (ср. Буслаев 114; Черных, Ист. грамм. 248).

Форма *вьсямокачьный* возникла из первичной формы *вьсямоокачьный* путем стяжения; ср. *дикобраз* < *дикообраз*, *вображать* (в просторечии) < *воображать*, *воружить* (в просторечии) < *вооружить* и др. Вследствие стяжения строение слова *вьсямокачьный* перестало быть прозрачным. Списывателям рукописей не было известно и точное значение устарелого слова. Так могло случаться, что при переписывании рукописей подходящий контекст внушил новую апперцепцию первой части деэтимологизированного слова, и оно разложилось на письме на два слова: *церковь* (или *печерька*) *вься мокачьна*. — Кроме разложения одного слова на два в истории русского языка имеются и случаи стяжения двух смежных слов в одно целое: *спасибо* < **спаси богъ* (Vasmer 2:705), *алконост* 'сказочная птица с человеческим лицом' < **алкионъ есть (птица)* (Vasmer 1:13) и др.

Как уже говорилось, слово *мокаченъ* появилось в древнерусских рукописях через разложение прилагательного *вьсямокачьный* < *вьсямоокачьный*. Оно, вероятно, никогда не употреблялось в живой речи. Сопоставление его с венгерским прилагательчым *makacs* 'упрямый; норовистый' (SzófSz. 195) или с именем древнеславянской богини *Мокошь* лишено всякого основания.

п а л а́ ш

Старейшее упоминание слова *пала́ш* 'холодное оружие с длинным прямым обоюдоострым клинком' в словарях русского языка относится к 1704 г. (Поликарпов, Лексикон . . .; ср. Ссрля 9:49—50). Сказание Авраамия Палицына свидетельствует о том, что слово *палаш* было употребительным в русском языке уже в начале XVII в. В Сказании, дающем описание осады Троице-Сергиева монастыря в 1608—1610 гг., читается: «Да тут же взяли восмь пищалей полуторных и полковых и всякого оружиа литовского, затинных и изрядных самопалов и рушниц, копей же и кордов, *палашей* и сабель, пороху же бочки и ядер, и всяких запасов множество во град внесошя» (Сказ. Авр. Пал. 155—6).

Сово *пала́ш* является международным военным термином, распространенным во множестве языков: венг. *pallos* (с 1575 г.), нем. *Pallasch* (с 1616 г.), польск. *pałasz* (с середины XVIII в.), болг. *па́леш*, турецк. *paljoš*, итал. *palascio*, *paloscio* и др. (см. Kniezsa, SzlJsz. 1:703—705). Первоисточником считается венг. *pallos* (Преобр. 2:7; Vasmer 2:305; Дмитриев 42; Brückner 392; Machek 349; Kluge[17] 528; ср. Младенов 408). Венг. *pallos* образовано вероятно от тур. *pala* 'кинжал'. Этот вопрос требует дальнейшего исследования (ср. Kniezsa, указ. место).

Русск. *пала́ш* зафиксировано впервые во время польской интервенции 1604—1613 гг. Это указывает на то, что *пала́ш* заимствовано русским язы-

ком из польск. *pałasz* или, быть может, непосредственно из венг. *pallos*. Со времени короля Стефана Батория (1576—1586), родом венгерца, в польской армии постоянно служили венгерские наемники, особенно пехотинцы. Имеются данные и о том, что в польской интервенции начала XVII в. участвовали венгерские соединения: «Троицкое же воинство паки справяся убили дву полковников ...Юрья Мозовецкого да *Стефана Угорскаго*...» (Сказ. Авр. Пал. 153); «...однихъ *Венгорей* побиша[ж] семьсотъ человѣкъ...» (Полн. собр. русск. лет. 14:125).

с е в р ю́ к

Донское диалектное слово *севрю́к*, известное в курском и воронежском диалектах в форме *севру́к*, имеет значение: 'угрюмый, суровый человек, воркун, брюзгач, неприступный' (Даль 4:169; Vasmer 2:600). М. Фасмер считает слово *севрю́к* производным от существительного *север* (см. указ. место). Вопрос хронологии и семантической стороны слова М. Фасмером не затрагивается.

Авраамий Палицын перечисляет в своем Сказании отряды первого земского ополчения 1611 г. В перечислении читается: «От Тулы Иван Заруцкой, а с ним дворяне и дети боярские многих городов и многие атаманы, и казаки, и *севрюки*, и всякие служивые люди» (Сказ. Авр. Пал. 215). Контекст наводит нас на мысль, что в начале XVII в. словом *севрюки* обозначали какую-то этническую или общественную группу, жившую к югу от Москвы. Так как в Сказании часто встречаются выражения *Севера; Сивера; Северские городы; грады северскиа; заводчики, северских градов жителие; Северскиа земли жителие* (Сказ. Авр. Пал. 107, 110, 115, 116, 120, 207, 211, 233), связь этих выражений со словом *севрюк* представляется очевидной.

Топонимические наименования *Севера, Северские городы* и т. д. относились в XVI в. и в первой половине XVII в. к городам, расположенным на южных границах Русского государства: Брянск, Чернигов, Трубчевск, Новгород-Северский, Почеп, Стародуб, Путивль, Рылск, Севск и др. В Северских городах жило много беглых крестьян и казаков. Им было поручено прикрывать южные границы России от нападений Литвы, Польши и Крымского ханства (ср. Сказ. Авр. Пал. 293, БСЭ[2] 14:342).

Севера, Северские городы и др. находятся в генетической связи с древнерусскими именем *Сѣверъ* 'область, населенная племенем северян'. Наименования *Сѣверъ, Сѣверяне* объясняются тем, что до продвижения восточных славян через Белоруссию к Новгороду северяне были их самое северное племя (Vasmer 2:600).

Слово *севрю́к* (из прежнего **sěverjukъ)* образовано от топонимического наименования *Севера* при помощи суффикса *-юк;* первоначальное его значение 'житель Северских городов'. Суффикс *-юк* содержится в неболь-

шом числе диалектных слов, образованных обычно от именных основ и обозначающих лиц с эмоциональной окраской презрения, осуждения: *детю́к* 'детина, парень', *казю́к* 'оружейник, прикрепленный к казенному оружейному заводу', *мастю́к* 'мастер', *михрю́к* 'неловкий, неуклюжий человек', *опе́хтюк* 'толстый, откормленный ребенок', *парню́к* 'парень, детина', *смердю́к* 'вонючий человек', *столпенюк* 'болван, дурень', *фатю́к*, *фетю́к* 'разиня, простофиля', *халдю́к* 'халда' и др. (Vondrák² 1:617; ср. с формантом *-ука*, *-юка*, Акад. грамм. 1:230).

Первоначальное значение слова *севрю́к* 'житель Северских городов' с течением времени устарело и заменилось новым: 'угрюмый, суровый человек, воркун'. У имен, обозначающих этническую или территориальную принадлежность, явление «ухудшения» значения не является редкостью; ср. *арнау́т* 'албанец; изверг, зверский человек'; др.-русск. *Дулѣбы* 'восточнославянское племя в Волыни', *дуле́б* 'невежа, остолоп'; *керже́ак* 'житель бассейна реки Керженец; раскольник; скупец, скряга'; *латы́ш* 'уроженец Латвии; картавый, нечисто говоряший ребенок' и др.

с и п о ш (а)

Объяснение см. под словом *сипошник*.

с и п о ш н и к

В статейном списке П. И. Потемкина под датой 13 сентября 1668 г. читается: «А рейтары и пехота в то время стояли по королевскому двору и перед двором на стойке для посланников; и как увидели, что идет мимо их королевино величество [Людовик XIV], все с великим опасеньем стояли в то время, шляпы сняв, и по барабанам били, и знаменщики знамены укрывались, и трубачи трубили, и *сипошники* играли, покамест королевино величество и от двора далече отошла» (Пут. русск. посл. 296).

Слово *сипошник* 'музыкант, играющий на сипоше' (ср. Пут. русск. посл. 448) образовано от *сипош(а)* 'деревянный духовой музыкальный инструмент вроде гобоя' (ср. Даль 4:188) при помощи суффикса *-ник*. По способу образования ср. *волы́ночник* 'играющий на волынке', *ду́дочник* 'играющий на дудке', *свире́льник* 'играющий на свирели', др.-русск. *трубникъ* 'трубач', др.-русск. *цѣвникъ* 'гусляр, лирник' и др.

В словаре В. И. Даля старинное *сипоша* отмечено в качестве варианта к диалектному *сипо́вка* 'тростниковая, бузинная, ивовая (из снятой коры) дуда, дудка, свирелка, сопелка' (Даль 4:188). По-видимому, автор словаря считал оба слова производными от глагола *сипе́ть* 'храпеть; издавать звук сс'. Однако этимологическая связь между *сиповка* и *сипоша* маловероятна. *Сиповка* образовано действительно от глагола *сипеть* (Преобр. 2:288); ср.

сопе́ть 'звучно дышать через нос' и *сопе́лка* 'дудка, свирелка' (Преобр. 2:357; Vasmer 2:695—6). Наоборот, словообразовательное строение *сипоша* отрицает возможность выделить в нем русский корень *сип-*. Формант *-оша* служит в русском языке для образования названий лиц. Большинство таких образований относится к общему роду, меньшая часть — к мужскому: *наседо́ша* 'сидень', *него́ша* < ласковая кличка >, *обиро́ша* 'плут, обманщик', *проведо́ша* 'пророк', *провидо́ша* 'догадливый человек', *свято́ша* 'ханжа, лицемер', *сило́ша* 'сильный телом', *стоноша* 'плакса, рева', др.-русск. *уноша*, *юноша* и др. (ср. Miklosich 2:341; Vondrák² 1:637). Посредством форманта *-оша* названия предметов не образуются в русском языке. — Не могут быть тождественны и значения диалектного *сипо́вка* и старинного *сипоша*. *Сипо́вка* обозначает простую народную дудку, сделанную домашними средствами, а *сипоша* — специальный духовой музыкальный инструмент, употребленный военными. О военном характере *сипоша* свидетельствует и иллюстративная цитата, приведенная в словаре В. И. Даля без указания на источник: «Стрѣльцы шли... и въ *сипоши* не играли, и въ барабаны не били» (Даль 4:188).

Русское *сипоша* сопоставляется с следующими славянскими словами: укр. *ши́пош* 'род музыкального рога или трубы' (Гринч. 4:495), польск. *szyposz*, *siposz* 'свирельник, дудочник; род духового музыкального инструмента' (часто в XVII в.; Linde 5:272; Brückner 562); кай-хорватск. *šipuš* 'свирельник, дудочник' (с 1670 г.; L. Hadrovics: Melich-Eml. 109). Источником этих славянских слов является венг. *sípos* 'свирельник, дудочник; музыкант, играющий на деревянном духовом инструменте вроде гобоя' (как личное собственное имя с 1222—1277 гг., как нарицательное имя с начала XV в.; SzófSz. 271; Kniezsa, SzlJsz. 1:952). Венг. *sípos* образовано от венг. *síp* 'свирель, дудка; род деревянного музыкального инструмента вроде гобоя' при помощи суффикса *-s* (о суффиксе *-s* см. D. Bartha 107—8). В XVI—XVIII вв. венг. *síp* употреблялось часто в словосочетаниях *tárogató síp*, *török síp*. Эти выражения обозначали духовой инструмент вроде гобоя, распространенный в Венгрии, особенно в венгерской армии, под влиянием турок (ср. Zenei Lex. 2:504, 595—6).

Венг. *sípos* проникло в польский язык в течение XVI—XVII. вв. наряду с другими военными терминами: *czata* 'дозор; засада; стража'; *dobosz* 'барабанщик'; *giermek* 'оруженосец'; *hejnał* 'утренняя заря'; *husarz* 'гусар'; *karwasz* 'наплечник' и др. (ср. A. Zaręba: Język Polski 31 [1951] 114). Заимствование этих слов польским языком связано с тем, что король Стефан Баторий реорганизовал польскую армию по венгерскому образцу. — Путем диссимиляции из первоначальной формы *szyposz* возник в польском вариант *siposz;* ср. польск. *sajtałasz* 'низкий сорт венгерского вина' < венг. *sajtolás* 'прессование; сорт вина' (E. Słuszkiewicz: Język Polski 31 [1951] 197). Вторичное значение 'род духового музыкального инстру-

мента' появилось тоже на польской почве; по семантическому развитию ср. венг. *dobos* 'барабанщик' > сербско-хорв. *dôboš* 'барабан'. Польское слово в новом своем значении перешло в украинский и русский языки: польск. *szyposz* > укр. *ши́пош;* польск. *siposz* > русск. *сипош(а)*. В русском языке слово имело сначала форму *сипош*. Форма женского рода *сипоша* возникла по аналогии многочисленных названий духовых музыкальных инструментов типа *волы́нка, дуда́, зурна́, свире́лка, сипо́вка, сопе́лка, труба́, це́вка* и др. — Иллюстративная цитата, приведенная в словаре В. И. Даля, содержит слово в форме вин. п. мн. ч.: «...въ *сипоши* не играли». Она но позволяет установить исходную форму слова; *сипош* или *сипоша* одинакове возможны.

словяк; слова́к

В Повести о Псково—Печерском монастыре (по рукописи конца XVI в.) говорится об осаде Пскова: «Бысть в лето 7089-е [1581 г.], августа, прииде с великою гордостию польский краль Степан Обатур [Баторий], угрянин сый, веры же латынския, со множеством вои Литовския земли на Псковскую землю. Способники же имея от многих стран воя: туркове и огаряне [магометане], и волохи, и мутьяне [из Мунтении], и сербичи, и угрове, и *словяки*, и немцы» (Пов. о прих. Степ. Бат. 109).

Этническое наименование *словяк* 'словак' восходит к восточнословацкому *Sloviák* (Káral 617), диалектному варианту словацкого литературного *Slovák* 'словак'. О словацком *Slovák* имеются данные с 1548 г. (Stanislav 1:104). Раньше употреблялся этноним *Slověnin;* ср. современные *Slovenka* 'словачка', *slovenský* 'словацкий' (Kniezsa, SzlJsz. 1:506). О восточнословацком *Sloviák* не известны ранние показания в словацкой письменности. Русское *словяк* XVI в. является едва ли не первым его отражением на письме.

Современные русские литературные формы *слова́к, слова́чка, слова́цкий* соотносятся с польскими *Słowak, Słowaczka, słowacki* (ср. Vasmer 2:662). Русское географическое наименование *Слова́кия* (ср. словацк. *Slovensko*, польск. *Słowacja)* образовалось по модели названий стран *Алба́ния, Ве́нгрия, Герма́ния, Ита́лия, Португа́лия, Румы́ния, Фра́нция, Че́хия* и др. посредством отвлеченного от них форманта *-ия*. Формант *-ия* восходит к латинскому *-ia*.

студе́нт

О наличии слова *студе́нт* в русской лексике допетровского времени свидетельствует статейный список П. И. Потемкина. В нем сообщаются некоторые сведения о Париже 1668 г.: «...город Парис великой и многолюдной и богатой, и школ в нем безмерно много, *студентов* в Парисе бывает тысечь по тритцети и больши» (Пут. русск. посл. 314).

Слово *студе́нт* восходит, возможно, через посредство польск. *student*, к лат. *studens, studentis* 'старающийся; учащийся' (Преобр. 2:406; Vasmer 3:34; Brückner 523).

Ф о́ р о

Русск. *фо́ра* как возглас одобрения публики в театре, означающий требование от исполнителя повторения, имело в первой половине XIX в. вариант *фо́ро*. Данные известны с 1825 г.: «Нельзя не отметить странного обыкновения, у нас существующего: желание, чтобы актёры повторили понравившееся место, у нас объявляется восклицанием *форо*, когда это слово совсем не означает повторения... Слово *форо*, или *фора*, происходит от латинского *foras*...» (В. Ф. Одоевский в «Московском телеграфе», 1825, № 4, февраль; см. Бродский 358). По наблюдению Н. Л. Бродского вариант *форо* употреблялся и А. Ф. Вельтманом в 1835 г., а также В. Г. Белинским в 1839 г. (Бродский 359).

Русск. *фо́ра* заимствовано из итальянского (венецианского) *fora* 'вперед, наружу' (N. Fogarasi: Studia Slavica 3 [1957] 408—413). Вариант *фо́ро* является гиперизмом, возникшим на русской почве. В русской лексике имеется большое количество слов с неударяемым конечным *-о: во́йско, де́ло, ле́то, ма́сло, мо́жно, на́до, пра́во, сло́во* и т. д. Конечное *о* этих слов произносится одинаково с конечным *-а* слова *фо́ра*. Под воздействием написания слов типа *во́йско, де́ло* и др. *фо́ра* стало писаться в форме *фо́ро*. Стало быть, форма *фо́ро* была лишь орфографическим, а не произносительным вариантом.

ц ы н г а́

Ранняя фиксация слова *цынга́* 'скорбут' в «Сказании Авраамия Палицына»: «Ноября же от 17 дни [1608 г.] явлся мор в людех и протяжеся до пришествия Давида Жеребцова. Образ же тоя болезни в нужных осадах ведом юже нерекошя врачеве *цынга*» (Сказ. Авр. Пал. 167).

Русск. *цынга́*, укр. *цинга́*, белорусск. *цынга́* восходят вероятно к польск. *dzięgna* 'воспаление слизистой оболочки рта» (Berneker 1:190; Brückner 112; Преобр. 3:50; Vasmer 3:295).

ш а р а́ п, ш е р а́ п

Русское вульгарное *шара́п* 'условный грабеж' употребляется главным образом в выражениях типа *взять на шара́п* 'взять грубой силой, нагло' (Даль 4:622; Ушаков 4:1319). *Шара́п!* или *на шара́п!* встречается и в качестве призыва к совместному расхищению (Куприн: 2:420, 427).

М. Фасмер считает этимологию *шарáп* неясной (Vasmer 3:375). Ссылаясь на словарь В. И. Даля, он относит *шарáп* к новгородским диалектизмам; но это основывается на недоразумении. Помета (стар. *нвг.)* в словарной статье *шарáп* относится к глаголу *поточить*, употребляющемуся в толковании, а не к заголовочному слову *шарáп* (Даль 4:622). — Н. К. Дмитриевым поставлен вопрос о заимствовании русского *шарáп* 'условный грабеж' из турецкого *şarap* 'вино' (Дмитриев 47). Тюркизм *шарап, шерап* 'вино' засвидетельствован в памятниках русского языка XVI в. (см. Пут. русск. посл. 99).

Сопоставление русск. *шарап, шерап* 'условный грабеж' с тюркизмом *шарап, шерап* 'вино' сопряжено с едва ли преодолимыми семантическими затруднениями. Более вероятно, что *шарап* 'условный грабеж' является лишь омонимом тюркизма *шарап* 'вино' и находится в родственных отношениях к глаголу *шáрпать* 'грабить, мародерствовать; шарить, обдирать; шаркать, царапать, драть'. Глагол *шáрпать* заимствован из польского *szarpać* 'рвать, драть; дергать, теребить, тормошить' во время польской интервенции начала XVII в. (Черных, Очерк 203—4; ср. Преобр. 3:90; Vasmer 3:378; Brückner 541). В начале XVII в. было известно и отглагольное существительное *шарпанье* 'грабеж, мародерство' (Черных, указ. место). Можно полагать, что когда-то существовало и бессуффиксальное образование **шарп* 'грабеж, мародерство', послужившее исходной формой для современного *шарап*. В таком случае гласный *а* во втором слоге *шарáп* надо признать неэтимологическим; на его возникновение могли повлиять слова типа *царáп* 'царапнул', *цап-царáп* 'взял, схватил', *нахр п* 'грабеж, дерзость с насилием' и др. Орфографический вариант *шерáп* является вторичным. Этот вариант отражает старую московскую произносительную норму, согласно которой после шипящих на месте *а* в первом предударном слоге звучал гласный средний между [э] и [ы].

Список сокращений

Акад. грамм.	— Грамматика русского языка. Т. I—II. Москва 1953—1954.
Бродский	— *Н. Л. Бродский*, Евгений Онегин. Роман А. С. Пушкина.[4] Москва 1957.
БСЭ[2]	— Большая Советская Энциклопедия.[2] Т. 1—51. Москва 1949—1957.
Буслаев	— *Ф. И. Буслаев*, Историческая грамматика русского языка. Москва 1959.
Буслаев, Ист. хр.	— *Ф. И. Буслаев*, Историческая христоматия церковно-славянского и древне-русского языков. Москва 1861.
Даль	— *В. И. Даль*, Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I—IV. Москва 1955.
Дмитриев	— *Н. К. Дмитриев*, О тюркских элементах русского словаря. — Лексикографический сборник. Выпуск III. Москва 1958.
Гринч.	— *Б. Д. Гринченко*, Словарь украинского языка. Том I—IV. Киев 1907—1909.
Гудзий	— *Н. Гудзий*, Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII вв.[4] Москва 1947.

Карский — *Е. Ф. Карский*, Белорусы. Язык белорусского народа. Выпуск 1. Москва 1955.
Куприн — *А. И. Куприн*, Собрание сочинений в шести томах. Том II. Москва 1957.
Мельников — *П. И. Мельников (А. Печерский)*, Полное собрание сочинений. Т. I—X. СПб.—М. 1897.
Младенов — *С. Младенов*, Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. София 1941.
Обн.-Барх. II. 1,2 — *С. П. Обнорский—С. Г. Бархударов*, Хрестоматия по истории русского языка. Часть II. Выпуск. 1. Москва 1949. Выпуск 2. Москва 1948.
Парки Петр. — *А. Г. Раскин, Н. Н. Федорова, О. А. Чеканова*, Парки Петродворца.[2] Ленинград 1957.
ПДСДР — Памятники дипломатических сношений древней России с Державами иностранными. Ч. I. Сношения с Государствами Европейскими. I—X. СПб. 1851—1871.
Пересветов — Сочинения И. Пересветова. Москва—Ленинград 1956.
Петродворец — *Н. Архипов, А. Раскин*, Петродворец. Ленинград—Москва 1959.
Пов. о прих. Стеф. Бат. — Повесть о прихожении Стефана Батория на град Псков. Москва—Ленинград 1952.
Преобр. — *А. Преображенский*, Этимологический словарь русского языка. Москва. Том I, II. 1910—1914. Том III. 1949.
Пут. русск. посл. — Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки. Москва—Ленинград 1954.
Сказ. Авр. Пал. — Сказание Авраамия Палицына. Москва—Ленинград 1955.
Смирнов — *Н. Смирнов*, Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. — Сборник отделения русского языка. Т. 88, вып. 2. СПб. 1910.
Спышнов — *П. А. Спышнов*, Фонтаны. Москва 1950.
Срезн. — *И. И. Срезневский*, Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I—III. СПб. 1893—1912.
Ссрля — Словарь современного русского литературного языка. Том I —. Москва—Ленинград 1950—.
Укр.-русск. слов. — Украинско-русский словарь. Главный редактор *И. Н. Кириченко*. Том I. Киев 1953.
Ушаков — Толковый словарь русского языка под ред. *Д. Н. Ушакова*. Т. I—IV. Москва 1935—1940.
Хаустова — *И. С. Хаустова*, Из истории лексики рукописных «Ведомостей» конца XVII века. — Ученые записки Ленинградского университета. № 198. Серия филологических наук. Выпуск 24. 1956. 51—95.
Черных, Ист. грамм. — *П. Я. Черных*, Историческая грамматика русского языка. Москва 1952.
Черных, Очерк — *П. Я. Черных*, Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. Москва 1956.

Bartal — Antonius Bartal, Glossarium mediae et infimae latinitatis regni Hungariae. Budapest 1901
Berneker — E. Berneker, Slavisches etymologisches Wörterbuch. *A — Mor-*. Heidelberg 1908—1913.
Brückner — A. Brückner, Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków 1927.
D. Bartha — D. Bartha Katalin, A magyar szóképzés története. Budapest 1958.
EtSz. — Gombocz Z.—Melich J., Magyar etymológiai szótár. I—II. Budapest 1914—1944.

Hodinka — Hodinka A., Az orosz évkönyvek magyar vonatkozásai. Budapest 1916.
Kálal — M. Kálal, Slovenský slovník z literatury aj náreči. Banská Bystrica 1924.
Kluge[17] — Fr. Kluge, Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache.[17] Berlin 1957.
Kniezsa, SzlJsz. I — Kniezsa I., A magyar nyelv szláv jövevényszavai. I. Budapest 1955.
Linde — M. S. B. Linde, Słownik języka polskiego.[2] I—VI. Lwów 1854—1860.
Littré — É. Littré, Dictionnaire de la langue française. T. I—IV. Paris 1863—1873.
Machek — V. Machek, Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha 1957.

Melich-Eml. — Emlékkönyv Melich János hetvenedik születésnapjára. Budapest 1942.
Miklosich — Fr. Miklosich, Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. II. Band. Stammbildungslehre. Heidelberg 1926.
Sławski — F. Sławski, Słownik etymologiczny języka polskiego. I—. Kraków 1952—.
Stanislav — J. Stanislav, Dejiny slovenského jazyka I. Úvod i hláskoslovie. Bratislava 1956.
SWO — Słownik wyrazów obcych³. Warszawa 1958.
SzófSz. — Bárczi G., Magyar szófejtő szótár. Budapest 1941.
Vasmer — Max Vasmer, Russisches etymologisches Wörterbuch. I—III. Heidelberg 1953—1958.
Vondrák² — W. Vondrák, Vergleichende slavische Grammatik.² I—II. Göttingen 1924—1928.
Zenei Lex. — Zenei Lexikon. Szerkesztették Szabolcsi B. és Tóth A. I—II. Budapest 1931.

Etymologische Beiträge

Emilia Úrhegyi

1. Garázda

Mit dem ungarischen Wort *garázda* beschäftigte sich zuletzt István Kniezsa in der Festschrift für Dezső Pais (332—5). Wäre dies Wort in seinem Werk »A magyar nyelv szláv jövevényszavai« behandelt, so gehörte es in die Gruppe der Wörter von zweifelhaftem Ursprung, obwohl seine slawische Abstammung in den bisherigen Erklärungen nicht bezweifelt wurde.

Am meisten bekannt und verbreitet ist die Erklärung, die das ungarische Wort *garázda* von dem slawischen Adjektiv *gorazd, -a, -o* 'peritus, pulcher, artifex' abzuleiten versucht. Es ist verständlich, daß diese Erklärung seit Miklosich bis zum SzfSz. und EtSz. Anhänger fand, da das slawische und das ungarische Wort ihrer Lautgestalt nach sehr ähnlich sind. — Und doch ist es allgemein bekannt, daß die ähnliche Lautform keinen unzweifelhaften Beweis für die Identität, ja nicht einmal für die Verwandtschaft von Wörtern zwei verschiedener Sprachen liefert. Das mag sehr wohl auch mit ung. *garázda* und slaw. *gorazd* der Fall sein.

Übrigens beschäftigte sich Kniezsa mit den Schwächen nur dieser Erklärung, die anderen Erklärungen, die auch im EtSz. angeführt werden, erwähnt er überhaupt nicht, da er diese offenbar für unbedeutend oder für völlig verkehrt hielt. Und doch scheint in dieser Frage schon Leschka den richtigen Weg gesucht zu haben — um über die treffenden Bemerkungen, die Budenz im Zusammenhang mit *garázda* machte, indem er auf slawisch *groziti* 'minari', *groza* 'Drohung', russisch *groznyj* 'roh, schrecklich' hinweis, ja auch die Variante *garázna* hervorhob, gar nicht zu sprechen. Ich erwähne Leschka und Budenz, die meiner Ansicht nach der richtigen Lösung sehr nahe gekommen sind, aber ich muß doch betonen, daß ich meine hier zu entwickelnde Erklärung, die ihrer Meinung sehr nahesteht, dennoch von ihnen unabhängig gefunden hatte. Ja ich lernte ihre Meinungen überhaupt erst nachträglich kennen, als ich mich auf Grund des Artikels von Kniezsa in der Pais-Festschrift und auf Grund des Wortartikels *garázda* im EtSz. zu diesem Beitrag vorbereitete.

Kniezsa nennt drei Schwierigkeiten der Erklärung slawisch *gorazdъ* < ungarisch *garázda* : 1. eine phonetische, da das ungarische Wort auch Varianten mit anlautendem *gr-* hat; 2. eine semantische, da die Bedeutungen allzusehr verschieden sind (das slawische Wort heißt 'geschickt, tüchtig', das ungarische: 'zänkisch'); 3. eine morphologische (das slawische Wort ist ein Adjektiv, das ungarische seiner Meinung nach ursprünglich ein Hauptwort). Seine Argumente — mindestens was die beiden ersten Punkte betrifft — widerlegen überzeugend die Möglichkeit einer etymologischen Ableitung *gorazdъ* < *garázda*, doch versucht er keine andere, neuere Lösung. Eine solche soll im folgenden versucht werden.

1. Ich bin der Ansicht, daß man bei der etymologischen Erklärung des Wortes *garázda* von der Variante *garázna* ausgehen kann. Diese läßt sich leicht aus dem Adjektiv *grozьnъ* 'horribilis; schrecklich' zu dem slawischen *groza* 'horror; Graus, Schauder' erklären. (Eine verbale Ableitung aus dem Hauptwort *groza* ist *groziti* 'minari, drohen'.) Die Entsprechungen des Adjektivs *grozьnъ* in den einzelnen slawischen Sprachen sind: altkirchenslaw. *grozьnъ* '*φρικτός, φρικώδης*; horribilis' (Mikl. Lex.) | bulg. *grozen, -zna, -zno* 3. Bed. 'Mnogo goljam, strašen, užasen' (Wörterbuch der Bulg. Akademie 1955.) | serbo-kroat. *grozan* 'ot čega je groza, ot čega se tko grozi, što čini grozu' (RHJ.) | slowenisch *grozen -zna* 1. 'schauderhaft, entsetzlich' (Pleteršnik) | tschechisch *hrozný, -á, -é* 'z čeho gde hrůza, strašný, strašlivý; ukrutný; grausam, furchtbar, schrecklich; horribilis, crudelis, terribilis, horrendus' (Jungmann) | slowakisch hrozný 1. «unheimlich, schrecklich, schauderlich, schauderhaft, entsetzlich, greulich, grausig' (Hvozdzík) | polnisch *grożny* 'drohend, schreckhaft; straszny, niebezpieczny, srogi, surowy' (Karlowicz) | niedersorbisch *grozny, a, e* 1. 'schrecklich, gräßlich, entsetzlich, greulich, grausam' (Muka) | obersorbisch *hrozny, a, e*, '(Graus-) garstig, häßlich' (Pfuhl) | russisch *groznyj, -zen, -zna, -zno* 1. 'grausam, streng, 2. drohend, 3. schrecklich, furchteinflößend' (nb. »Ivan Groznyj« = Iwan der Schreckliche ! — Bielfeldt).

Die Bedeutungen des Adjektivs *groznъ -zna, -zno* in den slawischen Einzelsprachen stehen der Bedeutung des Wortes *garázda* sehr nahe, ja man könnte sogar behaupten, daß unser Wort *garázda* die meisten Bedeutungsschattierungen des slawischen Wortes enthält. Ins Ungarische wird die weibliche Form *grozna* oder die sächliche *grozno* entlehnt worden sein, wie es auch bei den übrigen, aus dem Slawischen entlehnten Adjektiven der Fall war, wie z. B. bei *drága, goromba, iromba, parázna, tiszta* usw. Es ließe sich schwerlich genauer bestimmen, aus welcher slawischen Sprache die Entlehnung erfolgte. Es kämen so gut wie alle slawischen Sprachen in Betracht, die Wörter ans Ungarische abgaben, sogar das Slowakische, aber natürlich nur vor der Lautveränderung $g > h$. Die weitere Entwicklung von *grozna* ließe sich etwa folgendermaßen rekonstruieren: *grozna* > *grazna*, und dann unter dem Einfluß des vor

gewissen Formanten langen *-á* der zweiten Silbe: *grázna*. Als Fälle ähnlicher Entwicklungen ließen sich anführen: slawisch *mogyla* > ungarisch *máglya*, etwa: *mogla* > **magla* : **maglát*, *magláz (maglyát)* > **mágláz* **mágláz (máglyát, máglyáz)*, und dann mit Rückbildung: *máglya* (SzlJsz. 322—3) | slawisch *skoba* > ungarisch *eszkába*, etwa folgendermaßen: *szkoba* > *szkaba* > **iszkaba* > **eszkaba*, daraus das Zeitwort **iszkabáz*, **iszkabál*, und in dieser Form wird das *-a-* der zweiten Silbe unter dem Einfluß der dritten Silbe zu *-á-* gedehnt worden sein (a. a. O. 168—9). Aus dem Wort *grázna* ist mit der Auflösung der anlautenden Konsonantenhäufung *garázna* geworden. Aber es wäre auch möglich, daß die Auflösung der Konsonantenhäufung der Dehnung vorausgegangen sei, daß also zuerst *garazna* aus *grazna* und erst später daraus *garázna* auf die geschilderte Weise geworden sei. Diese ursprünglichere Variante *garázna* hat sich in Siebenbürgen und im Szeklerland erhalten, wo sie auch heute noch lebendig ist. Belege: Torockó 18. Jh.: »A jateknak nezöi gjakorta szidalamra *garaznalkadasra*, harczolasra kelnek« (Nyr. 37 : 320) | *garázna* 'emberbe belekötő' Händelmacher, garázda': Szeklerwort (Tsz.) | Kom. Alsó-Fehér: »Többet ér a becsület a szalonnás káposztánál, mondá egykor a miriszlói egyházfi a *garázna* ifjú diáknak« (Nyr. 9 : 425; vgl. MTsz.).

Häufiger als die Variante *garázna* ist die andere, *garázda*, die außerhalb von Siebenbürgen und den Szeklerland auf den übrigen Gegenden des ungarischen Sprachgebietes gebräuchlich ist (vgl. die Angaben im MTsz., SzamSz., SzegSz., OrmSz.). Ich glaube, die Form *garázda* wird eine analogische Entwicklung aus *garázna* nach *barázda* < slawisch *brazda* sein. Diese beiden Wörter konnten infolge ihrer sehr ähnlichen Lautgestalt miteinander assoziativ irgendwie verbunden sein, denn auch ihre Formvarianten sind ja auffallend ähnlich: *brázda, grázda : bërázda, gërázda*. Einen umgekehrten Fall der Entwicklung *garázna* > *garázda* könnten die beiden Varianten *brázna* und *bërázna* zu dem Wort *barázda* darstellen. Dies wäre umso denkbarer, da sowohl *garázda* als auch *barázda* weitverbreitete auch heute gebräuchliche Sprachelemente des Ungarischen sind. Aber während von den beiden Varianten *garázna* > *garázda* die letztere die Oberhand behielt und die von mir für ursprünglicher vermutete Form sich nur in Siebenbürgen erhielt, blieben im Falle von *barázda* die Formen *brázna, bërázna* nur auf einem kleineren Dialektgebiete bewahrt.

Im Zusammenhang mit den Varianten *garázda* ~ *garázna* und *barázda, brázna, bërázna* vermutet Kniezsa im Ungarischen eine Lautveränderung *zd* > *zn* (a. a. O. 334—5). Angenommen, daß meine Erklärung für *garázda* zutrifft, so handelt es sich hier gerade umgekehrt um eine Lautveränderung *zn* > *zd*, während im Falle von *barázda, brázna, bërázna* die andere Lautentwicklung *zd* > *zn* bestehen bliebe. Es lassen sich übrigens für die Entwicklung *zd* > *zn* auch in den slawischen Sprachen gewisse Tendenzen beobachten. Als Beispiele dafür könnten solche Varianten des gerade dem Slawischen entlehnten unga-

rischen Wortes *gerezd* 'racemus, Traube' gelten, wie *grozdъ groznъ greznъ*, ferner die Variante *drozen* in einem tschechischen Dialekt zu dem Wort *drozd* 'Amsel' (vgl. Machek, Etym. slovník jaz. českého a slovenského, unter dem Stichwort *hrozen)*.

Mit der Ableitung des ungarischen Wortes *garázda* aus dem slawischen Adjektiv *grozna* verschwindet auch die Schwierigkeit, die der Erklärung aus *gorazdъ* im Wege stand: nämlich der Anlaut *gr- (grázda* und *grázd)*. Außerdem wird auch die Annahme von Melich, *garázda* und *garázna* stellten zwei verschiedene Entlehnungen dar, überflüßig. Kniezsa hielt das übrigens deswegen für unmöglich, da das gemeinsprachliche *garázda* und das Szekler-Wort *garázna* genau dasselbe bedeuten. Es ist völlig unwahrscheinlich, daß man bei beider Entlehnungen mit derselben komplizierten Bedeutungsentwicklung zu tun hätte. Und schließlich hat man, was vielleicht das wichtigste ist, bei einer Erklärung aus *grozna* auch mit den Bedeutungen keine Schwierigkeiten mehr. Denn der Bedeutungsinhalt des Wortes *garázda*, sowie auch derjenige seiner Ableitungen ist den verschiedenen Bedeutungsschattierungen des slawischen Adjektivs sehr ähnlich. Das Adjektiv *garázna* bezeichnete im Ungarischen einen Menschen, der mit seinem drohenden, gewalttätigen Verhalten andere in Schrecken hielt. Die Ansicht von Kniezsa, daß das ungarische Wort *garázda* ursprünglich ein Hauptwort gewesen sei, läßt sich nicht belegen, denn die substantivischen und adjektivischen Belege für dieses Wort sind so gut wie gleichaltrig; man findet nur im NySz. mehr Belege für den substantivischen Gebrauch. Nach Kniezsa sollte auch das Adjektiv *garázdás* für ein ursprüngliches Hauptwort *garázda* sprechen; aber ein solches Adjektiv kennen wir erst vom 16. Jh. an, während die Personennamen *Garázda* (erster Beleg aus 1375: »Petro Stephano dictis Garazda«, OklSz.) doch für ein ursprüngliches Adjektiv zeugen. Der Personenname *Garázda* — meistens mit »dictus« davor — weist auf die gewalttätige, furchterregende Natur des mit diesem Namen Bezeichneten hin.

2. Hier muß noch die Variante *garáz* erwähnt werden. Als Gattungsname 1645 in dem Brief von György Rákóczi an Zsuzsánna Lorántffy belegt: »mostani dolgok csak *garáz* keresés« (Török—Magyarkori Tört. Eml. = Historische Denkmäler aus der ungarländischen Türkenzeit. 5 : 347). Als Ortsname: 1324: »terra *Garaz*« (AppOkl. 1 : 62); vgl. den Einödhof *Garázda* in Kom. Nyitra.

Garaz kommt auch im Serbokroatischen vor: 'svada, smutńa domaća', also in einer Bedeutung wie das ungarische *garázda*. Nach dem RHJ. ist dieses Wort mit türkischem *garaz, garez*, arabisch *ghard* 'mrzńa' (= Haß) identisch und kommt vom 18. Jh. an vor: »Što se pak čuje po butiga, po kuća, i po putih? Smutńa, *garazi*, proklinańa, i druga zla govoreńa.« | »Muž je sa ženom u *garazu* brat s bratom itd.« Eine verbale Ableitung davon ist: *garaziti se, garazim se* (impf.) »prepriječivati se u kući« (RHJ.). Die Bedeutungen von

serbokroatischem *garaz* und ungarischem *garázda* sind einander auffallend ähnlich, ja miteinander beinahe übereinstimmend. Aber es wäre dennoch nicht leicht zu entscheiden, ob das Wort *garáz*, das György Rákóczi gebrauchte, türkischen Ursprungs, also mit dem serbokroatischen *garaz* identisch, oder nur eine kürzere Form von *garázda* war. Letzten Endes bestünden beide Möglichkeiten mit ebensoviel Recht. Für die erstere Möglichkeit spräche, daß das Wort in der Türkenzeit, gerade im Zusammenhang mit den Plänkereien gegen die Türken gebraucht wird. Die andere Möglichkeit könnte dagegen mit der Analogie *parázna* ~ *paláz* unterstütz werden, wenn man auf den komplizierten Entwicklungsgang verzichtete, wie das Wort *paláz* aus dem Maskulinum des slawischen *prazen* entstanden wäre (vgl. Kniezsa, SzlJsz. 391). Denn jene Lautveränderung *r* >*l*, die Kniezsa als ungewöhnlich bezeichnete, ist ja gar nicht unmöglich; Kniezsa selber erinnerte doch an die Variante *gelezna* zum Wort *gerezna* (SzlJsz. 194). Jovan Vuković teilt in seinem Beitrag »Das serbokroatische Toponym *Goražde* und Verwandtes« (Südostforschungen XVII. Band. 1958. 1. Halbband 221—2) eine Angabe für die serbokroatische Formvariante *garazda* mit; das Wort soll in der Gemeinde Plužine am Fluß Piva gebräuchlich sein: »Snašla ga je velika *garazda*«. Dieses *garazda* soll nach Vuković 'Mißgeschick, Unglück' bedeuten. Er fügt noch hinzu, daß es vorzüglich von den älteren Leuten in Plužine gebraucht werde, und dann setzt er fort: »Die Zugehörigkeit zum Adjektiv russ. *gorázdyj* usw. steht außer Zweifel, und die Vocalassimilation **gorazda* > *garazda* läßt sich durch die Isolierung, in die das Wort geraten ist, erklären. Der negative Bedeutungsinhalt schließt sich eng an den griechischen Beleg an.«[1] — Meiner Meinung nach wird das von Vuković erwähnte serbokroatische Wort *garazda* wohl kaum etwas mit dem Adjektiv *gorázdyj* oder mit dem Personennamen *Gorazd* zu tun haben, eben wegen dem großen Unterschied in der Bedeutung. Obwohl die angegebene Bedeutung 'Mißgeschick, Unglück' nicht dieselbe ist, die ich für das serbokroatische Wort *garaz* ('svada, smutńa domaća') angeführt hatte, steht sie dieser dennoch näher, und vielleicht ist es nicht unmöglich, daß serbokroatisches *garaz* und *garazda* irgendwie zusammenhängen. Ich hielte es z. B. für denkbar, daß serbokroatisches *garazda* eine Entlehnung des ungarischen *garázda* wäre, schließlich wurde ja das ungarische Wort auch in das Slowakische übernommen, und es lebt dort auch heute noch, genau so wie im Ungarischen. Es gibt auch in dem Polnischen ein Zeitwort, *garażdzić*, das aus dem Slowakischen übernomen wurde (vgl. Karlowicz, Słownik wyr. obc. w jęz. polskim). Es wäre natürlich schwer, etwas Bestimmtes darüber behaupten zu wollen, da man beim serbokroatischen Wort nur mit einem isolierten Beleg zu tun hat. Kämen in der Zukunft auch weitere Belege noch zum

[1] Vuković weist hier eigentlich auf Stender—Petersen hin, nach dessen Erklärung das Adjektiv *Γαραδοειδής* bei Konstantinos Porphyrogennetos in negativem Sinne gedeutet werden dürfte (Slavia 5 ; 667).

Vorschein, so ließe sich vielleicht auch der etwaige Zusammenhang mit serbokroatischem *garaz, garazda* genauer klären.

3. Was den Ortsnamen *Garázda* in Kom. Nyitra (Neutra) betrifft, könnte man daran denken, daß dieser weder aus dem Gattungsnamen *garázda* noch vielleicht aus dem Personennamen *Garázda* stamme, sondern daß dahinter eventuell der andere Personenname *Gorazd* steckt. *Gorazd* hieß ein mährischer Schüler von Methodius, und so wäre es verständlich, daß sein Name in einer mährischen Gegend vorkommt. Für die Möglichkeit einer solchen Tradition in dieser Gegend könnte man aus dieser Umgebung vielleicht auch den Namen *Mocsonok* < slowakisch *mučeník* 'Märtyrer' anführen; auch dieser letztere Name kann das Andenken irgendeiner kirchlichen Person bewahrt haben. Es gibt übrigens aus dem Personennamen *Gorazd* abgeleitete Ortsnamen sowohl in Böhmen als auch in Polen und Jugoslawien (vgl. EtSz. und Kniezsa: Pais-Festschrift 332). Aber was unseren Ortsnamen *Garázda* betrifft, haben wir zur genauen Bestimmung nicht genug Belege. Unsere beiden ältesten Belege sind: 1252: »uilla *Graz*« (HazOkm. 6 : 68) und 1324: «terra *Garaz*« (AppOkl. 1 : 62). Der Name scheint also fehlerhaft überliefert zu sein. Da der Ort heute *Garázda* heißt, scheint darauf hinzuweisen, daß der Name im Volksmund irgendwie ähnlich lauten mußte. Selbst wenn er ursprünglich auch nicht *Garázda*, sondern etwa *Gorazd* oder *Garazd* hieß, so konnte man ihn später doch leicht dem bekannten Wort *garázda* gleichsetzen. Es wäre einstweilen schwer, die wirkliche Sachlage genauer klären zu wollen.

4. Man führt im Zusammenhang mit dem ungarischen Wort *garázda* öfters das tschechische Verbum *horazditi* 'na někoho hubovati, toben, schelten, lärmen' an (so Simonyi: NyK. 25 : 54; zitiert im EtSz.; Kniezsa: Pais-Festschrift 333; und neuerdings Machek, Etym. slov. jaz. česk. a slov., unter *garazda* 1°). Als erste Quelle für tschechisches *horazditi* nennt man — offenbar nach Gebauer (Slovník staročeský, unter *Horaždějovici)* — die Arbeit von Šembera »Základové dialektologie československé« aus dem Jahre 1864 (so auch Kniezsa). Dasselbe Wort ist auch schon etwa 30 Jahre vorher in Jungmanns Wörterbuch vorhanden, aber natürlich ändert dieses Vorkommen kaum etwas daran, daß das Wort aus älteren Quellen nicht belegt ist. Jungmann zitiert es — ebenso wie Šembera — aus dem Dialekt von Krkonoše, und er vergleicht es mit altkirchensl. *gorazdъ* < got. *garazds* und ungarisch *garázda*. Machek (a. a. O.) erklärt es aus dem slowakischen Verbum *garazdiť*, das aus dem ungarischen *garázda* entstand; seiner Meinung nach wären für die Verbreitung dieses Wortes im Dialekt von Krkonoše Rastelbinder oder Soldaten verantwortlich. Soviel ist allerdings sicher, daß das ungarische *garázda* im Slowakischen vorhanden ist; schon Jungmann führt es nach dem Wörterbuch von Palkovič an (merkwürdigerweise fehlt es im Wörterbuch von Bernolák); es gibt im Slowakischen auch ein Verbum daraus: *garazdiť, garazdovať*. Die Bedeutungen der slowakischen Wörter *garazda, garazdiť, garazdovať* entsprechen

genau den ungarischen *garázda, garázdálkodik ;* auch das Wörterbuch von Hvozdzík erklärt sie aus den ungarischen *garázda* und *garázdálkodik*. Außer den lexikalischen Belegen findet man auch literarische Beispiele im unvollendeten Wörterbuch von Jánošík—Jóna »Slovník spisovného jazyka slovenského«, sowie im I. Band des »Slovník slovenského jazyka«, Bratislava 1959. — Worauf gründen sich die Erklärungen von Jungmann und Machek? Die Erklärung von Jungmann setzt voraus, daß das Wort *gorazd* im Tschechischen als Gattungsname schon in der Zeit vor der Lautveränderung $g > h$ vorhanden war; daraus hätte sich dann das Verbum *gorazditi* gebildet. Aber man kennt aus dem Alttschechischen nur Ortsnamen aus dem Personennamen *Gorazd*. Aber selbst wenn es im Alttschechischen ein Wort *gorazd* > *horazd* gegeben hätte, auch so wäre es noch semasiologisch schwer, das Verbum *horazditi* daraus abzuleiten; ebenso schwer, wie auch das ungarische *garázda* sich mit *gorazd* nicht gleichsetzen läßt. — Dagegen setzt Macheks Erklärung voraus, daß es im Tschechischen auch in der letzten Zeit noch eine Lautveränderung $g > h$ gab. Dafür könnte ich kaum Beispiele namhaft machen; denn die Lehnwörter, die nach der Lautveränderung $g > h$ ins Tschechische übernommen wurden, behielten ihr ursprüngliches *g*. Demnach sind beide Erklärungen sehr unwahrscheinlich. Ich glaube, daß das Verbum *horazditi* nichts mit slawischem *gorazdъ* und auch nichts mit dem ungarischen *garázda* zu tun hat. Sein Ursprung könnte eher unter anderen tschechischen Wortfamilien gesucht werden.

2. Pakocsa

1. Das Hauptwort *pakocsa* 'jocus, Scherz', das Adjektiv *pakocsás* 'joco' sus, scherzhaft' und das Zeitwort *pakocsál* 'rideo, ludo, jocor, scherzen, spaßen- gehören heute schon zu den ausgestorbenen Wörtern im Ungarischen. Kaum jemand würde sie noch verstehen, sie werden nur noch von Kennern der alten ungarischen Literatur oder hie und da von Linguisten gebraucht. Und doch wurden diese Ausdrücke zur Zeit der Kodex-Literatur ziemlich häufig gebraucht, und sie kommen in alten ungarischen Glossaren häufig vor. Ihr Ableben mag schon ziemlich früh im Gange gewesen sein, da wir aus dem 17—18. Jahrhundert nicht einmal lexikalische Belege für sie haben. Wohl ist es D. Baróti Szabó zu verdanken, daß sie am Ende des 18. Jahrhunderts wieder erscheinen und dann eine Zeitlang in den Wörterbüchern noch gebucht werden.

2. Für *pakocsa* und *pakocsál* gibt es (abgesehen von Kassai) zwei Erklärungen. Beide Erklärungen gehen aus dem slawischen Ursprung aus. Nach Bernát Munkácsi käme das Zeitwort *pakocsál* aus dem serbokroatischen Verbum *pogotati* 'raten, erraten, treffen' (Nyr. 13 : 313). Die andere Erklärung

stammt von Károly Tagányi und zwar im Zusammenhang mit dem rätselhaften Wort 'pmeliuȝ: pogotha' im BesztSzj. Das zweite Wort wurde vom Herausgeber als *pagocsa* gelesen und mit *pakocsa* verglichen. Nach Tagányi wäre *pagocsa* dasselbe wie *pakocsa*, ja auch die ungarischen Wörter *pákosz* und *paczkázni* gehörten nach ihm in dieselbe Gruppe. Alle diese Worte kämen aus dem slawischen *opakŭ* (MEW. 224), das die 'Kehrseite' von etwas, im allgemeinen das' Widerstreben' bezeichnete; der Sinn wäre davon auf Necken, Reizen übertragen, wie auch aus dem Wort *vissza* (= zurück) der ungarische Ausdruck *viszálkodás* (= Zwistigkeit) käme. (Századok 27 : 318). I. Kniezsa (SzlJsz. 1 : 900) verwarf beide Erklärungen als völlig wertlose und erklärte *pakocsa* als ein Wort unbekannten Ursprungs: »obwohl Lautgestalt und Bedeutung den slawischen Ursprung nahelegen könnten, gibt es kein slawisches Wort, aus dem man das ungarische erklären könnte«. Wir glauben trotz dieses Zweifels, daß es dennoch ein solches Wort gibt, aber wir wollen zunächst die Belege für *pakocsa* und *pakocsál* überblicken.

3. Belege aus Glossaren, Glossen und Wörterbüchern: BesztSzj. 191: »pmeliuȝ: pogotha« | SchSzj. 678: »jocus: *pakcha*« | ebd. 2070: »iocus: *pakocha*« | ebd. 679: »iocosus: *pakchas*« | ebd. 2019: »icolator: kurvas *pakochas*« | ebd. 2071: »iocosus: *pacochas*« | SermDom. 2 : 288: »Primum est mendacium locutionis, et hoc est triplex: unum est jocosum *(pakachas)* quod est in hominibus solatium facientibus, si fit malo proposito, grave peccatum est...« | 1493: »Gregorium *Pakochas*« (OkSz.) | GyöngySzt.: 2186: »Cauilla: irrisio quedam iocosa: i. *pakocha* szerént valo megh meuetes« | ebd. 344: »Adagium: dictum est prouerbium quo facetis hominibus adscribitur: *Pakocha :* chuf beszed«. — Beispiele aus Texten: PéldK. 45: »Ez ev tarsa latvan ez sornak eggyvgyvseget *pakochaban* monda neky. Ez az velagy azzony allat«. | CornK. 282: »Ne lelesseek tybennetek auagy ty kevztetevk parazna hahotalas. ne zemeremtelen rut *pakocha*.« | HorvK. 247: »Es mynden gonoz auagy ektelen igeek, vagy beszedevk. iol lehet hog legenek vigadok vagy *pakchalok*. zerzetesnek zayabol vagy zayatol el zaggattasseek evrek atok zerent.« | ÉrsK. 508b: »Czazar azert hallyad tanaczomat en meg allom bozzwsagodat, way megh ewwel *pakoczaltal* es wele kent nem wallattal.« | Heltai: Fabeln: »Felele a nemes ember: Hallom de nem szűue szerent mondgya: hanem chak *pokochabol :* ... Felele az Hispan: bizony nem *pokochabol* mondgya, hanem szűue szerent aianla tegedet nekem.« (RMK. 4. N. 242.) | Frau von Tamás Nádasdi 1541: »hol Kd az török nyelrül ír én nekem, hogy csak *pakocsált* volna én velem Kd bizony én nem vettem volt *pakocsra*...« (Nád. Brief 70; im NySz. ist der Text sehr lückenhaft und fehlerhaft.) | um die Mitte des 16. Jahrhunderts: »fogdosnak meg bennek ugy mint tizenkettőt. Az tizenkét ember nem veszik *pagicsára*, hanem izennek a föld népének illyen szóval:« (SzékOkl. 1 : 297; vgl. NySz.) | 1566: »Gritty ... látván, hogy az dolga veszedelenbe vóna, és hogy az erdéliek nem *pakocsálnának*, hanem ugyan halálra őtet keresnínek.« (MonIrók. 3 : 37.) | Pázm:

LuthV 158: »Sz. Pálrúl azt irja, hogy ôtet Luter csufságban és *pakocsálan* nevezte eretneknek« (NySz.).

Es geht aus den angeführten Belegen hervor, daß die Worte *pakocsa*, *pakocsál* in der älteren ungarischen Sprache ziemlich verbreitet waren. Ihr Ableben ist jedoch schon von dem 17. Jahrhundert an bemerkbar. Man begegnet ihnen nämlich weder bei Albert Molnár noch in den Wörterbüchern von Pápai Páriz bzw. Pápai Páriz—Bod (1767). Sie werden von Dávid Baróti Szabó neubelebt. SzD.[1] 68: »*pakotsálni* ki-nevetni, tsúfolni, gúnyolni *(pakotsás; pakotsáson* ki-nevetni a' bünhödtet. vásott *pakotsálását*, patzkok [ferulák] nélkül nem kell hagyni.)« | SzD.[2]: »*Pakotsás :* guggoló, gúnyoló, pajkos, tsúfoló. *Pakotsásonn* ki-nevetni a' bünhödtet (= bűnöst). Vásott *pakotsálását* patzkok, patzkák, lapotzkák, ferulák nélkül nem kell hagyni.« PPB. 1801: »*Pakotsálni*, Tsúfolni: Derideo. Verlachen, verspotten.« | SI.: »*Pakotsálni*. Ridere, Deridere, Irridere. *Pakotsás*. Illusor, Irrisor, Cavillator.« | Simai 2 : 27: »*Pakotsálok :* Derideo.« | Kr.: »*Pakocsa*. *Pakocsál*. Ridet, deridet, irridet. Pázmán a' szent irásról Bécsben (= P. über die Heilige Schrift in Wien) 1826 p. 41. »Ironice tréfál, *pakocsál*, csufolkodva beszél. *Pakocsás*. Illusor, irrisor, cavillator. Sz. D. S. I.« | Kassai führt das Zeitwort *pakotsál* unter Berufung auf SzD. und SI. an mit der Bemerkung, es wäre »nicht mehr in Mode«. Er versucht auch eine naive Erklärung dazu. | Tzs.: »*Pakocsál* verspotten, verhöhnen. *Pakocsás* spottisch.« | Jancsovics 1863: »*pakocsál* vismjevať — po_mjevať-sa« | Ballagi 1881. beruft sich auf die Belege im Tzs. | CzF.: »*pakocsa*, törzsök, melyből *pakocsál*, *pakocsás* származékok erednek. Jelent gúnynevetést. Nem igen ismert szó.« (= »*p.* Wurzel mit den Ableitungen *pakocsál*, *pakocsás*. Es heißt Hohnlachen; ein wenig bekanntes Wort«.) In der Erklärung dieser Worte beruft sich CzF. auf Dávid Szabó und auf Pázmány. Bei Balassa werden *pakocsa* und *pakocsál* als ausgestorbene Worte angeführt. — In der Volkssprache gibt es nur bei den Tschangos Belege dafür. Moldauisch-Tschango: *pogocsa* 'tréfa' (= Spaß) und *pogocsál* 'tréfál' (= scherzen) (Munkácsi: Nyr. 10 : 202; MTsz.) | CsángóSz.: »*pogoš̆ā̆l (-t, -tåm, -ni)* NySz. Ball. *pakocsál*, scherzen, Spaß treiben. *pogoš̆ā̆g̃ (-g̃g̃åk)* spaßhaft; komisch, *pogoš̆o (-āt, -āk, -āiă)* NySz. *pakocsa*, Scherz, Spaß.«

Außer diesen Gattungsnamen gehört zweifellos auch der Ortsname *Pagocsa* in Kom. Torda hierher: 1345: »poss. *Pakachatelke*« ; 1365: *Pakachateluk* und *Pagachteluk ;* 1397: »Poss. *Pakachatheleke*, *Pakachiatelke*, *Pagachatelke*, *Pakachatelky*« ; 1402: »Poss. *Pakochateleke*« ; 1436: Poss. *Pachacha*« ; 1439: »Villa *Pakocha*« ; 1442: »Poss. *Pakacza*« ; 1444: »Iobagiones in *Packocha*« ; 1444, 1453: *Pakocha ;* 1449, um 1467 herum, 1473, 1507: »Poss. *Pakacha*« ; zwischen 1477 und 1512: »Poss. *Pakocha*« ; 1482: »Poss. *Pagocha*« (Csánki 5 : 724) | Lipszky: »*Pagácsa*, aliis *Pogócsa* vel *Pogácsa* h.« | heute: Mező-*Pagocsa* nordwestlich von Marosvásárhely. Von den zahlreichen Varianten behielt der Ortsname *Pagocsa* die Form mit *-g* bis zum heutigen Tage, ebenso wie auch

der Gattungsname im Tschango-Dialekt. Es handelt sich im Falle von *Pagocsa*, was die Art der Ortsnamengebung betrifft, offenbar um einen mit Personennamen bezeichneten Ort, und zwar um einen solchen Personennamen, der auf die Beschäftigung der betreffenden Person hinweist. Es ist auch wahrscheinlich, daß der Personenname *Pakocsa* seiner Bedeutung nach eine der vielen ungarischen Bezeichnungen für Spaßmacher war. Der Joculator bekam in diesem Fall seinen Namen nach dem Gegenstand seiner Beschäftigung, dem S c h e r z. Angenommen, daß unsere Vermutung zutrifft — das heißt also, daß der Ortsname *Pakocsa* (heute: *Pagocsa)* seinem Ursprung nach ein Personenname ist —, so wäre dies der bisher bekannte einzige Fall für die Verwendung des Gattungswortes *pakocsa* als Personenname; als Personenname wurde nämlich eher das Adjektiv *pakocsás* benutzt. Zu gleicher Zeit dürften die angeführten Ortsnamen-Belege als die ältesten Denkmäler auch des Gattungswortes selbst gelten.

4. Nun wollen wir jetzt den Ursprung der ungarischen Worte *pakocsa*, *pakocsál* suchen.

Das slawische Zeitwort *kušǫ*, *kusiti* 'edere, tentare; kosten, prüfen, versuchen' hat sehr viele Ableitungen. Auch die Bedeutungen der mit verschiedenen Verbalpräfixen gebildeten Ableitungen sind sehr abwechselungsreich. So haben auch die Weiterbildungen mit dem Verbalpräfix *po-* mehrere Bedeutungen. Ich will nicht die hierbezüglichen Beispiele aus allen slawischen Sprachen anführen — dies wäre auch nicht nötig —, ich beschränke mich nur auf die tschechischen und slowakischen Belege; auch diese genügen, meiner Ansicht nach, zu der Erklärung des ungarischen Zeitwortes *pakocsál*. Tschechisch: »*pokusiti, pokoušeti, pokušovati*... 'zpytovati, zkoušeti, versuchen, probieren, auf die Probe stellen, erproben, prüfen; š k á d l i t i, necken, aufziehen, vexieren' (Kott,.; vgl. noch Jungmann). Von dem Verbum *pokoušeti* kommt auch das subst. verbale *pokoušení;* dies letzteres heißt: 'š k á d l e n í, die Versuchung, Neckerei', ferner das nomen agentis *pokušitel* 'Versucher, š k á d l i t e l, Necker'. (Vgl. Jungmann und Kott.) Dem tschechischen Zeitwort *pokoušeti* entspricht im Slowakischen *pokúšať*, worüber in Bernolák's Wörterbuch heißt: »*pokúšať* 'tentare, sollicitare: versuchen, zum Bösen reizen: késérteni, rosszra gerjeszteni. 2. vexare, ludere aliquem, illudere cuipiam: vexieren, necken, seinen Spaß haben: v a l a k i v e l t r é f á l ó d n i, b o l o n d o z n i, őtet kínozni (= mit jemandem Spaß treiben, Possen treiben, ihn quälen). Syn. Blázniť(žartovať) sa z ňekím, sužovať ňekoho.«

Wie man sieht, fällt die Bedeutung des ungarischen Zeitwortes *pakocsál* vollkommen mit der bei Bernolák mitgeteilten zweiten Bedeutung des slowakischen Verbums *pokúšať* zusammen. Die beiden Worte lassen sich also gleich setzen. Daraus folgt auch, daß man bei *pakocsa*, *pakocsál* mit einer verbalen Entlehnung zu tun hat, und so ist das Hauptwort *pakocsa* eine ebensolche Rückbildung aus *pakocsál*, wie *kapa* aus slawisch *kopati* > ungarisch *kapál*.

Übrigens ist die Gleichsetzung *pokúšať* > *pakocsál* auch phonetisch stichhaltig. Die entlehnte ungarische Form des slowakischen *pokúšať* mag **pokusál* gewesen sein; daraus entwickelte sich *(u > o) pokosál, pakosál*, wenn die Lautveränderung *s > cs* dieser Entwicklung nicht vorausging. Bei slowakischem *š* > ungarischem *cs* (*cs* = *tš*) hat man es mit einer solchen Lautveränderung zu tun, wie altung. *paradisum* > heute *paradicsom*, türkisch *bošat* > ungarisch *bocsát*, türkisch *gyimis* > ung. *gyümölcs* usw. (Vgl. Pais: *Bocsát, bocsánik, búcsú:* MNy. 43 : 200). Im TschangoDialekt erhielt sich vielleicht das ursprüngliche slowakische *š (pogošāl, pogošo:* CsángóSz.). In einigen Varianten trat auch die Stimmhaftigkeit des ursprünglichen *k* ein: *pogocsa, pagicsa*, wärend in anderen die ungarische Tendenz zur Zweisilbigkeit zur Geltung kam: *pakcsa, pakcsáló, pakcsál*. Es gibt auch eine Variante *pakocs*, die vielleicht so entstand, daß man das *a* am Wortende als Possesivsuffix empfand und darum wegließ. Mit der Variante *pakocs* identisch ist der Familienname *Pakots*, wie darauf bereits Beke hingewiesen hatte (Nyr. 58 : 156 und 61 : 118).

Zum Schluß sei noch erwähnt, daß nach der ersten Veröffentlichung meiner Etymologie (MNy. 54 : 197—200) sich auch Pál Péter Domokos mit dem Wort *pogocsál* in dem heutigen nördlichen Tschango-Dialekt beschäftigt hatte (MNy. 55 : 244—249). Er veröffentlichte ein Gedicht von dem Tschango-Dichter Demeter Lakatos, in dem das Verbum *pogocsál* auch viermal vorkommt. Ein Beweis dafür, daß das Wort dort noch heute lebendig ist.

3. Genny

Man glaubt im allgemeinen, daß das ungarische Wort *genny* eine Rückbildung von Verseghy aus dem Verbum *gennyed* sei. Die etymologische Ableitung des Zeitwortes selbst aus dem Slawischen ist nicht neu. Schon in dem Wörterbuch des Faustus Verancsics (1595) wird seine alte Entsprechung *genyetség* zusammen mit *ganéj* unter den Worten erwähnt, die die Ungarn von den Slawen entlehnt hätten: »Gnoy — *Genyedség* Gnoy — Ganay« (Ponori Thewrewk, Dictionarium pentaglottum. Posonii 1834, 119). — Auch Gyarmathi war derselben Ansicht, indem er eine solche Form mitgeteilt hatte, die weder vor noch nach ihm vorkam: *genyitni*. Es heißt nämlich in seinem Vocabularium: »*Genetség*, L. pus, R. D. gnoi; *Genetségesedni, genyitni*, L. putrescere, purulentum fieri. D. *gnyiti*.« Nach Gyarmathi erklärt es Leschka in seinem Elenchus schon mit Bestimmtheit aus dem Slawischen: »*Genyettség*, Eiter, ex radice szlav. *gnusz, gnyusz, hnis, gnoj*, pus.« — Nach Kassai wäre die Wurzel des Wortes *genetség* oder *genyetség* das Zeitwort *ken* 'ungit': »mertt a Genetség öszsze keni-feni az ember öltözetét és elpiszkolja« (= da der Eiter die Kleidung beschmutzt, besudelt, d. h. *salbt* — 2 : 272). CzF. bemerkt nach der Erklärung des Wortes *geny :* »Feltaláltatik a szláv nyelvekben is *gnoi, gnyit, hnyit* alakokban. Vastaghangú rokona *ganaj*« (= Es gibt dasselbe Wort

auch in den slawischen Sprachen in den Formen *gnoi, gnyit, hnyit.* Verwandt damit ist das tiefvokalige *ganaj* — 2 : 1054). — Budenz wollte es aus dem Finnisch-Ugrischen erklären: *genyed, gened (genyedni* 'eitern': *genyedtség* 'sanies, pus') ~f. *kina* 'zäher, schleim, geifer', *hämähäkin kina* 'pókfonadék' (= Spinnengewebe; MUSz.). — Simonyi kehrte wieder zu der etymologischen Ableitung aus dem Slawischen zurück, wie er schrieb: man dürfte auch daran denken, daß das ungarische Wort *genyedtség* aus dem slowenischen Verbum *gniti* 'verfaulen' käme; die ungarische Form könnte eine Analogiebildung nach *evedtség* sein, das etwas ähnliches heißt. Vgl. dazu den schon erwähnten slowenischen Ausdruck: *konju strela gnije*, a lónak nyilja rothad (Nyr. 35 : 400). — Bárczi erklärt in seinem SzófSz. das Adjektiv *gennyedt (genyett)* — woraus das Verbum *gennyed* eine analogische und *genny* wohl eine weitere Rückbildung ist — als ein Wort unbekannten Ursprungs; die etymologischen Ableitungen aus dem Finnisch-Ugrischen oder aus dem Slawischen hält er für unannehmbar. Diese Stellungnahme ist wohl verständlich, nachdem doch beide Erklärungen ohne echte wortgeschichtliche Untersuchungen eigentlich nur aufs Geratewohl vorgeschlagen wurden. Auch die Erklärung aus dem Slawischen war nur ein Einfall, der sich wegen der ähnlichen Lautgestalt der slawischen Wortfamilie des Verbums *gniti* und des ungarischen Wortes empfahl. Wohl war dieser Gedanke im Grunde richtig, aber ohne eine regelrechte Beweisführung durfte er doch nicht als überzeugend gelten. Eben darum halten wir es für notwendig, die wichtigsten Belege, die uns über die Geschichte des Wortes *genny* zur Verfügung stehen, genauer zu prüfen. Die ersten Belege stammen aus den SermDom.: »hominem foedissimum *geneth*« (1 : 240); »licet homo esset vilis meraȝ auag[et] *geneth*« (1 : 301); »paratus ad omnia foeda *(ghenethſeghre) [genethſegre]* (2 : 542); »omni spurcitia [dohal *gennetſeggel]*« (2 : 660). Die ersten Belege gelten also für das Adjektiv *genyet* und das Hauptwort *genyetség*. In den Kodizes und später in den ersten Drucken kommen beide häufig in ähnlichem Sinne vor (vgl. NySz.). Im GyöngySzt. wird das Adjektiv *genyet* erklärt: »Abiectus. procul iactus. El uetteteth. Hituan. Ala ualo. *Geneth*« ; 2241: »Atinus: ig nobilis: sine honore: Nemtelen: tysztessegh nekw̋l walo szydalom: *genyet* Ember« | In den KolGl.: »*genietsegh :* pus, est putrido U_2, sanies Y_2; *genyetsegh :* atrophus C_1« In demselben Sinne kommt es auch bei Bornemissza, Préd. 218 vor: »Turos lababol czőppegnec az *genetsegec*« (NySz.). Im Calepinus (lateinisch—ungarisches Wörterbuch aus 1585) ist die eine ungarische Erklärung für »colluuio, colluuies, sanies« *gőnyetség ;* die Synonyme heißen: »otsmánság, moslék, gaz, szőmét, eu«. Ebenso im Calepinus kommt zum ersten Male das Adjektiv *gönyetséges* »saniosus« vor, fehlerhaft geschrieben: »*gőn yerseges*«. (Andere Beispiele für dasselbe im NySz.) Bei SzikszF. heißt die Definition für *genetség :* »Pus, succus sanguineus ex vlcere promanans et ex maturitate crassa iam effecta et albida — *Genetség.*« In den Bedeutungen 'Pus, sanies, tabum, Eiter' kommt das Wort *genyetség* in den folgenden Quellen vor:

MA., Com: Vest.; Com: Jan.; PP.; PPB.; Bél: Cel.; Wagner, Phras.; Gradus ad Parn.; Márton; SI.; Gyarm.; Leschka; Kr.; und in mehreren Angaben bei Kassai und im NySz. (Es ist zu bemerken, daß in einigen von den eben aufgezählten Quellen unser Wort nicht nur in der Bedeutung 'pus, Eiter', sondern auch in den Bedeutungen 'colluvies, moslék, gaz; Unflat, špína, nečistota' vorkommt.) Bei PP: PaxC. 269 kommt zum ersten Male die Verbalform *genyettségësëdik* 'in saniem abeo; eitern' vor (NySz.). Nach dem MTSz. heißt *genyedtség (geneccség* Kom. Háromszék): »állat ondója (sperma)«. Hierher gehört offenbar auch noch das Adjektiv: *genye* ~ *gönye ;* Ballagi 1873: »*genye* 'beteges, göthös, görhes, gyönge, lusta' : *genye* ember« | MTSz.: »*gönye* 1. görbehátú, púpos, nyomorék (= buckelig, krüppelig, krüppelhaft) (Kis-Kun-Halas, Kecskemét, Orosháza); 2. gyenge, erőtlen (= schwach, kraftlos) (Szeged und Umgebung)«.

Die angeführten und die übrigen, hier nur aus Raummangel fortgelassenen Belege zeigen eindeutig, daß es im Ungarischen ursprünglich nur ein Adjektiv *genyet[t]* und ein daraus abgeleitetes Hauptwort *genyet[t]ség* gab. Diese treten schon in den SermDom. zusammen auf. Eine Weiterbildung aus dem Hauptwort *genyetség* ist das Adjektiv *genyetséges*, das nach dem NySz. im J. 1616 zum ersten Male belegt ist. Die nächste Weiterbildung war das Zeitwort *genyetségesedik*, zuerst im Jahre 1690, und dann bei Gvadányi und Gyarmathi. Ein Verbum *gennyed* kommt im alten Schrifttum nicht vor, selbst am Anfang des 19. Jahrhunderts scheint es noch unbekannt zu sein; es kommt weder bei Simai, I. Sándor, J. Márton, Gyarmathi, noch bei Kresznerics und Kassai vor. Im deutsch—ungarischen Wörterbuch d. J. 1827 wird das deutsche Zeitwort *eitern* nicht mit ungarisch *gennyed* sondern *meggyűlni* übersetzt; *es eitert* heißt: »jön v. foly belőle az ev v. genyetség«; »Eiterung: meggyűlése a sebnek, evesedés, megevesedés.« Der erste lexikalische Beleg für *gennyed* ist im Tzs.: »eitern, *genyed*« (Tzs. 2 : 1835.); Tzs. 1 : 1838: »*genyed*, eitern«.

Aber wie konnte sich dann die Ansicht verbreiten: das Hauptwort *genny* wäre eine Rückbildung von Verseghy aus dem Zeitwort *gennyed?* (Vgl.: NyUSz.; Király: Nyr. 25 : 215; Tolnai: NyK. 47 : 23, 245; A nyelvújítás = Die Spracherneuerung 88, 211; Bárczi, SzófSz.) Das Hauptwort *genny* kommt wirklich zum ersten Male bei Verseghy vor, das ist also allerdings seine Rückbildung aus dem Zeitwort *gennyed ;* aber auch das Zeitwort *gennyed* findet man zum ersten Male gerade bei ihm; auch dies letzteres wird man also ihm zuschreiben müssen (vgl. Tiszta magyarság = Reine ungarische Sprache 133 und 145). Auch das Hauptwort *genyetség* begegnet bei ihm, aber nicht in dieser seit altersher üblichen Form, sondern als *genyedség*. Dies letzteres kommt unter solchen Hauptwörtern, wie *érettség, feslettség, gyűlölség, jelenség* usw. vor. Wohl sind zwar die eben aufgezählten Hauptwörter alle verbale Ableitungen, aber sie sind nicht alle nach derselben Art gebildet. Denn *gyűlölség, jelenség* sind deverbale Ableitungen aus je einem verbum finitum: *gyűlöl* und *jelen*.

während *érettség*, *feslettség* denominale Bildungen aus den part. pass. *érett*, *feslett* von den Verbalformen *érik* und *feslik* sind. Nachdem nun das alte Adjektiv *genyet[t]* seiner Form nach dem ungarischen Part. Perf. Pass. ähnlich war, glaubte wohl Verseghy auch dies für ein solches halten zu dürfen; da es aber ein solches Verbum vor ihm nicht gab, wird er wohl nach Analogie von *korhadt*, *apadt*, *rothadt*, *repedt*, *meredt* — lauter Part. Perf. Pass. zu den einzelnen Verba finita: *korhad*, *apad*, *rothad*, *reped*, *mered* — ein neues Verbum: *gennyed* gebildet haben. Wird das alte Hauptwort *genyetség* bei ihm *gennyedség* geschrieben, so ist wohl auch dies ein Zeichen dafür, daß er in dieser letzteren Form dieselbe Bildung empfand, wie in *fáradság* aus dem Verbum *fárad*. Die bisherige Auffassung hatte also insofern allerdings recht, daß das Hauptwort *genny* eine Rückbildung von Verseghy aus dem Verbum *gennyed* ist; es blieb aber bisher unbemerkt, daß auch das Verbum *gennyed* in dem alten Schrifttum nicht vorkam, auch dies muß also eine Schöpfung Verseghy's sein. Es ist übrigens interessant, daß dieses Verbum sich auch nach Verseghy nicht leicht einwurzelte, denn von den Wörterbüchern wurde es zum ersten Male in das Tzs. aufgenommen; auch das Hauptwort *genny* wurde am Anfang des vorigen Jahrhunderts nur von Kresznerics gebucht, aber nicht das Verbum *gennyed*. Es gibt ein lebendiges Hauptwort *genny* eigentlich erst seit dem »Orvosi szókönyv« (= Medizinisches Wörterbuch) von Bugát—Schedel, und ein lebendiges Zeitwort *gennyed* seit dem Tzs. Seit dieser Zeit kommen beide Wörter sowohl bei Fogarasi, Királyföldi, als auch Ballagi, CzF. usw. vor. Seit Bugát—Schedel wird das Wort *genny* — als medizinischer Fachausdruck — auch in neueren Ableitungen und Zusammensetzungen gebraucht.

Es ist im Lichte dieses historischen Überblickes und der angeführten Belege klar, daß die Erklärung des Wortes *genny* von der Form *genyet[t]* auszugehen hat. Und dies ist nichts anderes als das part. perf. pass. des in allen slawischen Sprachen bekannten Verbums *gniti* 'putrescere, faulen' in der Bedeutung 'putridus, verfault': *gnit*.[1] Das entlehnte Wort mag im Ungarischen nach Auflösung der Konsonantenhäufung am Wortanfang ursprünglich *ginyit* geheißen haben (vgl. slaw. *brat* > ung. *barát*, slaw. *gręda* > ung. *gerenda* usw.), nach dem regelrechten Lautwandel *i* > *ë* *gënyët* (vgl. altung. *szim* > *szëm*, *higy* > *hëgy*, *timnic* > *tëmnëc* *temlec* usw.: Bárczi, Hangtört. = His-

[1] In den slawischen Sprachen wird gewöhnlich das Part. perf. pass. der einsilbigen *-i-* Verbalwurzeln (z. B. *biti*, *piti*, *kryti*, *gniti*, *viti* usw.) mit dem Suffix *-to* (nom. sing. masc. *-tъ*) gebildet. (Leskien, Gram. d. abg. Spr.[2] 209; Vondrák, Vergl. Gram. 2 ; 170; usw.) Es ist jedoch zu bemerken, daß heute in den slawischen Sprachen bei den intransitiven Verben nicht die Part. perf. pass. mit dem Suffix *-to*, sondern Adjektive aus den Part. perf. act. mit dem Suffix *-lo (-l, -la, -lo)* gebraucht werden (so auch bei dem Verbum *gniti)*. Besonders häufig sind diese Verbalformen in den Zusammensetzungen mit Präpositionen; z. B. tschech. *shnilý: »shnilé dřevo«* (Gebauer, Hist. mluv. 3/2 94). Aber in den älteren Belegen kommt auch noch das Part. perf. pass. mit dem Suffix *-to* vor, z. B. »kobzole *zhnite*, *ohnitý pen*« (Gebauer, a. W. 215). Auch diese Beispiele sprechen dafür, daß zur Zeit der Entlehnung des ungarischen Wortes *genyet* bei den intransitiven Verben das Part. perf. pass. mit dem Suffix *-to* noch gebräuchlich war.

torische Lautlehre 28—30), und dann noch später: *genyet*.[2] Dieser Gang der Entwicklung wird auch durch die Formvarianten *gönyet* (s. oben unter den Beispielen) nahegelegt. Das übernommene Wort stimmte in Form wie auch in Lautung mit dem ungarischen Part. perf. pass. überein; darum konnte es auch als ein Attribut benutzt werden. Auch in den Beispielen des NySz. ist es immer ein Attribut. Und was die Bedeutung des Wortes *genyet* betrifft, stimmt diese vollständig mit der des slawischen Zeitwortes *gniti* bzw. mit denen seiner Ableitungen überein. Nachdem die übernommene Form ein Part. perf. pass. war, bedeute es 'verfault'. Aber wie entwickelte sich nun aus dem Adjektiv *genyet* 'verfault, rothadt' das alte Hauptwort *genyetség* 'Pus, sanies: Eiter' und das heutige *genny* 'Eiter'?

Das Hauptwort zur *o*-Stufe des slawischen Zeitwortes *gniti*, also *gnoj* (vgl. ung. *ganaj* ~ *ganéj* ~ *gané* ; die Bedeutungen bei Kniezsa, SzlJsz. 1 : 181) hat in den slawischen Sprachen außer der Bedeutung 'fimus, stercus, excrementum; Dünger; trágya' auch die andere: 'pus; Eiter; genny'. So schon im Altkirchenslaw. *гной* 'putrefactio, pus, stercus, ἕλκος ulcus' (Miklosich, Lex.) | bulg. *гной* 'Eiter, Dünger, Schweiß' (Mladenov, Bъlg. tъlk. rečnik) | serbokroat. *gnôj* 'fimus, stercus, pus' (RHJ.) | slowen. *gnôj* 'Mist, Dünger, Eiter' (Pleteršnik,) | alttschech. *hnój* 'putrefactio, pus, stercus' (Gebauer, Slov. stč. 1 : 440), heute *hnůj* 'stercus';[3] in der Bedeutung 'pus' wird eher *hnis* (früher *hňus)* gebraucht | slowak. *hnoj* 'trágya, ganaj, genny' (Hvozdzík) | poln. *gnój* 'stercus, pus', »Hung.: ganéj, ganeij, gáné, gánézás, ganay, ganaij, genyetség, genyedsegh« (Linde) | niedersorb. *gnoj* 1. 'Mist, Dünger, 2. übertr. Eiter' (Muka) | obersorb. *hnój* 'Mist, Dünger; Koth, Excremente; Eiter' (Pfuhl) | ukr. *гнíй hnij* 1. 'navoz, pomet', 2. 'gnoj, materia' (Hrinčenko) | russ. *гной* 'saines, stercus, ulcus' (Srezn. 1 : 524—5).

Das Wort *gnoj* wurde ins Ungarische in der Bedeutung 'Dünger, trágya' entlehnt. Aus welcher slawischen Sprache es jedoch übernommen wurde, läßt sich auch nach Kniezsa nicht entscheiden. Kniezsa ist übrigens — im Gegen-

[2] Das Wort *genyitni* bei Gyarmathi kann eine mit der Infinitivendung *-ni* versehene Form des von ihm rekonstruierten *genyet* < *ginyit* sein.

[3] Das heutige tschechische und slowakische Wort *hnis* »Eiter«; früher *hňus* 'pus, Eiter' ist seinem Ursprung nach identisch mit dem Hauptwort *hnus* 'fastidium, abominatio' und ist eine mit sekundärer Palatalisation entstandene Variante von diesem (Vasmer, REWb. 281). Nach Geb. (Sl. stč. 1 : 441) gesellt sich — infolge einer Differenzierung der altkirchenslawischen Worte *gnusъ* (masc.) und *gnesь* (fem.) 'sordes', *gnusь* (fem.) 'fastidium, abominatio' — zu dem Wort *hnus* die Bedeutung 'abominari', während zu dem Wort *hnis* die Bedeutung 'putrescere. (Vgl. noch Kniezsa, SzlJsz. 1 : 199 unter *gonosz.)* Man ersieht auch aus diesem Fall, wie nahe verwandt die Bedeutungen von *gnoj* und *gnus* — beide aus dem Zeitwort *gniti* — sind. Ich kann mich hier mit dem ungarischen Wort *gonosz* (aus dem slawischen *gnus)* sowie mit seiner Bedeutungsentwicklung im Ungarischen nicht beschäftigen; ich bemerke nur, daß dieses Wort in einigen Beispielen des NySz. — in denen *gonosz* zusammen mit *genyet, genyetség* benutzt wird — noch nicht die heutige Bedeutung, sondern eine ältere zu haben scheint, nämlich; 'Ekel; undor, undokság'. Diesen Entwicklungsgang der Bedeutung, den auch Kniezsa erwähnt, könnte natürlich nur eine eingehendere Prüfung klarstellen, da ja in den slawischen Sprachen *gnus* sowie seine Ableitungen auch mehrere Bedeutungen haben.

satz zum EtSz. — der Ansicht, daß es keineswegs aus dem Altkirchenslawischen kam. Das ist auch sehr wahrscheinlich, da slaw. *gnoj* > ung. *ganaj* in einer solchen Bedeutung ins Ungarische entlehnt wurde, die zweifellos auf Ackerbau und Viehzucht hinweist. Die Entlehnung erfolgte also wohl durch alltägliche Berührungen zwischen einem Ackerbau und Viehzucht treibenden slawischen Volk und dem Ungartum, das zu dieser Zeit schon eine ähnliche Stufe der materiellen Kultur erreicht haben mochte. — Es ließe sich ebenso schwer feststellen, aus welcher slawischen Sprache das mit *ganéj* verwandte Adjektiv *genyet[t]* kam. Es wäre aber nicht ausgeschlossen, daß die Entlehnung der Wörter *genyet* und *ganaj* räumlich und zeitlich zusammenfällt; dafür spräche allerdings die ähnliche Lautentwicklung beider Worte im Ungarischen: die Auflösung der Konsonantenhäufung im Anlaut und die Senkung der Vokale. Auch die enge Verbindung beider Worte miteinander würde die Vermutung ihrer gleichzeitigen Entlehnung nahelegen. Denkt man an eine solche Entlehnung, so dürfte man vermuten, daß eventuell auch das Wort *genyet* ursprünglich in irgendeiner konkreten Bedeutung, aus dem Bereich des Ackerbaues entlehnt wurde, etwa als gleichwertiger Ausdruck für *rothadt* ('verfault' Obst, Korn), *korhadt* ('morsch'; Holz) oder *poshadt* ('schal'; Wasser). Wir haben zwar zur Zeit gar keine Zeugnisse für eine solche ursprüngliche Bedeutung des übernommenen Wortes, aber das kann auch damit zusammenhängen, daß unsere Belege verhältnismäßig späten einsetzen. Später wurde das Wort in übertragenem Sinne gebraucht, wie es aus den Belegen aus dem 15—16. Jh. hervorgeht. In diesen Belegen bezeichnet das Wort *genyet* schon einen schlechten Charakterzug. In demselben Sinne wird auch das Hauptwort *genyetség* in unseren ältesten Belegen benutzt. In konkretem Sinne 'pus, sanies, tabum' wird das Wort *genyetség* erst in Quellen vom Ende des 16. Jahrhunderts benutzt (C.; Born: Préd.; usw.). Von dieser Zeit ab wird es nach den Angaben des NySz. immer öfters in konkreter Bedeutung benutzt, um von den Belegen in den späteren Wörterbüchern gar nicht zu sprechen. Zur Zeit der Spracherneuerung haben das Adjektiv *genyet* 'purulentus, saniosus, eiterig', wie auch das Hauptwort *genyetség* 'pus, sanies; Eiter' eine konkrete Bedeutung. Aus beiden war die Bildung des Zeitwortes *gennyed* und die Rückbildung des Hauptwortes *genny* gleichermaßen möglich, was weitere Ableitungen und Zusammensetzungen ermöglichte.

Die Bedeutungsentwicklung, die aus dem Wort *genyet* ausging, ließe sich also etwa folgendermaßen rekonstruieren: *genyet* 1. 'verfault' (z. B. Obst, Holz) → 2. 'niederträchtig, verworfen (Mensch)'; *genyetség* 3. 'Fäulnis im menschlichen (tierischen) Körper, d. h. *genny* (pus)' → 4. 'Fäulnis in der Seele, Niederträchtigkeit, Verworfenheit'.

In diesem Zusammenhang fällt die dritte Bedeutung mit der zweiten Bedeutung des slawischen Wortes *gnoj* 'pus, sanies; Eiter' zusammen. Letzten Endes ist also die slawische Wurzel in ihren beiden Bedeutungen 'fimus,

stercus, Dünger' und 'pus, sanies, Eiter' in der ungarischen Sprache vorhanden, nur in verschiedenen Ableitungen. Die erste Bedeutung wurde mit dem Wort *gnoj, ganaj*, die zweite mit dem Wort *gniti* übernommen; die Bedeutung des letzteren Wortes scheint im Ungarischen sich selbständig entwickelt zu haben.

Es gibt außer den bisher behandelten noch einige Wörter, die in dieselbe Familie gehören. Von diesen möchte ich diesmal nur den Pflanzennamen *genyéte, genyőte* (in Kom. Bihar auch ein Ortsname: *Genyéte)* kurz behandeln. Die übrigen Pflanzen- und Ortsnamen lasse ich diesmal außer acht, da ich außer den lexikographischen gar keine Belege fand, und darum ihre Identifizierung nicht möglich war. Die Belege sind: Tzs.: *génye* 'eine Pflanze' | Királyföldi: *gény, génye* 'eine Pflanzenart' | CzF.: *Génye :* Einödhof in Kom. Bars | Ballagi 1873: *génye* 'eine kleine stachelige Pflanze auf Feldern und Äckern' | MTsz.: *gënyó* 'Frucht und Saft der Kronen-Akazie'. — Die Belege für *genyéte* und *genyőte :* 1425: *Genethe*, 1489: »Zenthmarton aliter *Genyete*« Kom. Bihar (Csánki 1 : 608) | Lex. 1773: »*Genyéte*, pagus c. Bihariensis« SI.: *genőtse* (hier wird es zwar als 'pus, sanies, genetség, év' erklärt, aber diese Auslegung ist — als isolierte Angabe — unwahrscheinlich) | Lipszky, Rep.: »*Genyéte*, pagus c. Bihariensis« | Kr.: »*Genyéte* Dorf in Kom. Bihar; *Genyőte*. Gras mit langem Stengel und vielen Samen enthaltenden Beeren. Es gibt viel solches Gras im Wald von Nyárád. Seinen Namen hörte ich am 7. Juli 1817.« | Kassai: *Genyőte* (Gattungsname, Eisenburger Komitat. Er zitiert es nach Kr. und bringt es mit dem Verbum *ken* (ungit) wie auch mit *genetség* in Zusammenhang).| Tzs.: *genyőte* 'eine Pflanze' | Tsz.: *genyőte* 'unnützes Gras mit zwiebelähnlichen Blättern'; *genyéte* 'Waldpflanze mit Stengeln ohne Knollen', ein Wort von der Plattensee-Gegend. | Királyföldi: *genyéte, genyőte* 'der Flughaber'| CzF.: *genyéte* 'Gras mit zwiebelähnlichen Blättern und langen Stengeln ohne Knollen'. *Genyéte* Dorf in Kom. Bihar | Ballagi 1868: *genyéte, genyőte* 'Waldgras mit zwiebelähnlichen langen Blättern.' | MTSz.: *genyőte, genyéte* 'Plattensee-Gegend, unnütze Pflanze mit zwiebelähnlichen Blättern und langen Stengeln ohne Knollen und mit vielen Samen enthaltenden Beeren'. — *Genyőte* ist die ungarische Bezeichnung für »Asphodelus albus.« Nach Soó—Jávorka (A magyar növényvilág kézikönyve = Handbuch der ungarischen Pflanzenwelt 844.) kommt diese Pflanze in Mittel- und Westtransdanubien vor. Nach Rapaics sei der Pflanzenname *genyőte* ein Dialektwort aus Transdanubien (auch Kassai, das Tsz. belegen es aus dem Eisenburger Komitat und von der Plattensee-Gegend; Rapaics kennt den Beleg bei Kr. nicht). Rapaics behauptet, daß diese Pflanze nur im Vorlande der Alpen und in Westtransdanubien vorkäme. Den Namen bringt er mit dem Wort *genny* in Verbindung, und schreibt, daß der Pflanze dieser Name wohl nicht wegen ihren grünlich weißen Blüten, sondern eher wegen ihren fleischigen Knollen zugelegt worden sei, da man aus diesen Knollen in Südeuropa Kleister verfertigte (MNy.

39 : 144). Endre Gombocz teilte dazu noch die folgende Angabe mit: »Elleborum nigrum: fekethe hwnyor *ghenyetze*« (MNy. 10 : 23). Soó—Jávorka unterscheidet außer »Helleborus niger« noch drei andere Arten: »H. dumetorum«, »H. odorus« und »H. purpurascens«. Alle drei Arten sind giftig. »Ihr Wurzelstock mit Nebenwurzeln ist das Hellebori rhizoma, in der Volkssprache: *táragy-gyökér*... Ihr Extrakt wird in der Volksmedizin gegen Wasserscheu, Masern, Nervenentzündung, die Nebenwurzeln bei Tieren gegen Geschwülste benutzt« (a. a. O. 211). Wenn sich auch der Laie in der Pflanzenwelt in den Pflanzennamen schwer zurechtzufinden vermag, möchte ich dennoch versuchen, die Etymologie des Pflanzennamens *genyéte* ~ *genyőte* aus dem Wort *genny* mit anderen slawischen Benennungen zu beleuchten. Dabei erstrebe ich natürlich gar keine Vollständigkeit weder in der Aufzählung der Angaben noch in ihrer Erklärung. In dem Wörterbuch von Bellosztenecz ist ein kroatischer Name für »Helleporus niger melampodium«: *talovo*. Nach Jungmann ist der tschechische Name der »Eranthis«: *talowjn ;* eine Art derselben heißt »Eranthis hyemalis« oder auch »Helleborus hyemalis«. In dem »Słownik nazwisk zoologicznych i botanicznych polskich« von Majewski heißt die »Eranthis Sal. Ranunc.« tschechisch *talowin*, kroatisch *talovnik* (2 : 310). Der eine serbische Name der »Eranthis hiemalis« oder »Helleborus hiemalis« ist *talovin*, *talovnik* (ebd.). Die kroatischen und die slowenischen Benennungen von »Helleborus niger« sind unter anderen: *talog*, *talov*, *talovna trava*, *talovo*, *talun*, *teloh*, *tolač*, *telovnek* (a. W. 2 : 381—2). Tschechisches *talovín* und serbokroatisches *talov*, *talovo*, *talog* usw. hängen ohne Zweifel mit tschechischem *talov* 'genny;Eiter', bzw. südslawischem *talog* 'Niederschlag, sedimentum' zusammen (vgl. Jungmann: *talow* et *tálow* 'hnůg, materie, hnis z rány tekaucj, pus, sanies, tabum, Eiter, Materie'; Iveković—Broz: *tálog* 'Niederschlag, Bodensatz, sedimentum' (vgl. noch Miklosich, EtWb. unter dem Stichwort *talogŭ*, ferner Kniezsa, SzlJsz. 1 : 957 s. v. *tályog)*. Aus den ungarischen, tschechischen, sowie den serbokroatischen Beispielen geht es hervor, daß auch zwei verschiedene Pflanzen mit demselben Namen bezeichnet werden. In der ungarischen Terminologie heißt der »Asphodelus albus« *genyéte*, *genyőte*, aber einmal wird auch der »Helleborus niger« (= fekete hunyor) *genyetze* genannt. In den tschechischen Angaben heißt diese Pflanze und außerdem die eine Art der »Eranthis« (Helleborus hiemalis) *talovín*. In den serbokroatischen Belegen heißen »Eranthis«, »Helleborus hiemalis« und »Helleborus niger«: *talovnik*, *talovo*, *talov*, *talog* usw. Denkt man an die medizinische Wirkung der Helleborus-Arten, die wir oben nach Soó—Jávorka erwähnten, so wird man unter den Bezeichnungen ung. *genyőte*, tschech. *talovín*, serbokroat. *talovo*, *talovnik*, *talog* einen Zusammenhang vermuten. Man schrieb nämlich diesen Pflanzen in der Volksmedizin wohl dieselbe Wirkung gegen Geschwülste zu. Darum hängen die aufgezählten Pflanzennamen wohl mit den Worten *genyet* und *talov* ('pus, Eiter') zusammen. Wohl hat zwar Kniezsa (SzlJsz. 1 : 957—9) die bisherigen Erklärungen und

Wortvergleichungen im Zusammenhang mit den Angaben über *tályog* und *táragy* abgelehnt, aber mit Berufung auf die obigen Pflanzennamen halte ich einen Zusammenhang unter diesen Ausdrücken doch für möglich.

Die Bedeutung der Wörter *genyetze, genyéte, genyőte* kann folgendes sein: 'eiterbildend; Mittel, das die Ausscheidung des Eiters fördert'. Vom Gesichtspunkt der Bildung kann *genyéte, genyőte* eine mit *-e* gebildete Ableitung des Adjektivs *genyet* sein, und konnte auf Analogie der Hauptwörter *köszméte, pemete* enstanden sein. Was den Ortsnamen *Genyéte* im Komitat Bihar anbelangt, so kann er von dem Pflanzennamen *genyéte* stammen, das auch ein Hinweis dafür wäre, daß die Pflanze in jener Gegend einheimisch ist.

4. Henyél

1. Das ungarische Zeitwort *henyél* wurde zuletzt im SzófSz. und in dem Werk von I. Kniezsa »A magyar nyelv szláv jövevényszavai« behandelt. Es heißt im SzófSz.: *henyél* ist eine Ableitung aus *henye*, letzteres Wort ist unbekannten Ursprungs. Bei Kniezsa wird *henyél* unter den Worten nicht slawischen Ursprungs behandelt. Bárczi wie auch Kniezsa halten es für ein Wort unbekannten Ursprungs. Hier werden nur nebenbei frühere Erklärungsversuche genannt, wie z. B., daß Munkácsi unser Wort aus dem serbokroatischen *henjati* ableiten wollte, und daß Miklosich (EtWb. 212) und Pleteršnik das Zeitwort *henjati* mit *nehati* in Zusammenhang brachten, während das RHJ. gerade umgekehrt: das Zeitwort *henjati* auf das ungarische *henyél* zurückführen wollte. Kniezsa verwirft sowohl die Erklärung von *henyél* aus *henjati*, wie auch diejenige von *henjati* aus *henyél*, und weist diesbezüglich noch auf J. Balassa (Nyr. 16 : 19, 108) und O. Asbóth (Nyr. 25 : 114) hin.

Bevor wir die Lösung selber versuchen, wollen wir die frühere Literatur über *henyél*, (vgl. Kniezsa a. a. O.) mit einigen Angaben ergänzen.

Nicht Munkácsi, sondern Gyarmathi und Leschka versuchten zum ersten Male die Etymologie des Verbums *henyél* aus dem Slawischen. Gyarmathi: »*Henyélek*, L. quiesco, otior, I. *henyam. Henyélő, henye*, L. otiosus, Ge. faul, S. *huyili* (sic ! anstatt: *hnyili)* putridus«. Leschka (Elenchus): »*henye, henyélő*, deses torpidus, descendit a slav. *hnilý*, quod duplicem habet significatum uti germ. faul, 1. putidus, putridus; 2. piger, segnis cet. — Hinc hominem desidem et segnem, Faulenzer, Slavi nominant *hnilý, hnilák, hnilec*, sed etiam leniwy, leniwec.« Einen Zusammenhang zwischen ungarischen *henyél* und slawischem *gniti* vermuteten auch die Verfasser des CzF.; hier wird nämlich im Zusammenhang mit *heny*, dem vermuteten Wurzelwort von *henyél*, bemerkt: »es kommt auch in den slawischen Sprachen vor: *henyje, hnyje, gnyje.*«

Die späteren Erklärungen erwähnen weder Gyarmati noch Leschka. Nach einer dieser Erklärungen, zuerst bei Munkácsi vertreten, käme das unga-

rische *henyél* aus dem »slawischen« (so Munkácsi, Nyr. 10 :482; 13 : 365) Verbum *heńati* »desisto, sich ausrasten«. Das Verbum *heńati* selbst wird durch Miklosich (EtWb. 212) auf *nehati* > *enjati* 'aufhören' zurückgeführt. So wird das Wort auch bei Pleteršnik erklärt: »*hénjati* 'aufhören popačeno iz: nehati'«. — Dagegen wäre es nach dem RHJ. möglich, daß das serbokroatisch *henjati* aus dem ungarischen *henye* stammt: »Može biti, da je od mag. *henye*, besposlen, lijen, ako je tako, isto je postańe i kod eńati i ańati.« Ähnlich beurteilt auch Berneker das serbokroatische *hènjati, ènjati, ànjati* 'aufhören, nachlassen' und das slowenische *hénjati, jénjati, énjati* 'aufhören'; er schreibt nämlich (386) nach Aufzählung der Belege und unter Hinweis auf RHJ.: »Wahrscheinlich aus magy. *henye* 'müßig, faul'; *henyélni* 'nichts tun, müßig sein, faulenzen'... An Entstehung aus *nehati* (MEW. 212) s. *chajǫ, chajati* ist schwer zu glauben.« Nach dem Erscheinen des EtWb. von Miklosich Stellung äußerte sich Balassa über den Ursprung des Wortes *henyél* und hielt es — Miklosich entgegen — für ein Wort unbekannten Ursprungs (Nyr. 16 : 19). Mehrere Jahre später verwarf Asbóth (Nyr. 25 : 114) entschieden die Möglichkeit einer slawischen Etymologie: »das Wort *henyél* kann alles andere eher nur nicht slawisch sein.« Nach Berneker (EtWb.) nimmt noch Milan Mariánovics (Zs. Simonyi: Nyr. 46 : 269) Stellung. Budenz (NyK. 6 : 399) verglich die Wörter *henye* : *henyél* mit finnischem *kähmiä* 'faul, saumselig' und *kähmi* oder *kähni* 'faulenzen'. CzF. (unter *heny)* versuchte außer dem Slawischen auch noch einen solchen Vergleich: »In der chinesischen Sprache heißt *hién* quiescere, otiosus, und im Finnischen *huinaan* ich faulenze.« — Der Versuch von Budenz hat keinen Anklang gefunden, ebenso auch die Erklärungen von Gyarmathi und Leschka. Seit Munkácsi versuchte man immer wieder nur den Zusammenhang zwischen serbokroatischem *heńati* und ungarischem *henyél* klären, indem man bald von dem einen und bald von dem anderen ausging.

2. Das Zeitwort *henyél* hat in dem heutigen Ungarischen eine ziemlich weitverzweigte Familie, aber die älteren Belege zeugen noch von wenig Ableitungen. Die ältesten und häufigsten Ableitungen neben *henyél (elhenyél)* sind: *henyélő, henyélés, henye ;* etwas später erscheinen: *henyén, henyés, henyésség (henyeség), henyélkedik, henyélkedés.* Es gibt auch ein kausatives Zeitwort aus demselben Stamm: *henyéltet.* Aus der Volkssprache sind *henyerél* und *henyerész* bekannt. Man dürfte auch den Zusammenhang einiger Ortsnamen mit dieser Wortgruppe vermuten; solche Ortsnamen sind: *Henye* und eventuell *Henyész.* Mit diesen letzteren will ich mich jedoch diesmal nicht beschäftigen.

Mit Rücksicht auf die große Zahl der Belege erstrebe ich in der folgenden Aufzählung keine Vollständigkeit.

Sporadische Belege: 1461: »Vsque ad quasdam terras arabiles *Henyelewparlag* vocatas« (OklSz.); 1597: »Henye Thámás« (OklSz.).

In Glossen und alten Wörterbüchern: KolGl.: »henieles, cziendesseg, wresseg, tagassagh; otium R_1 | had el az *henielest:* segnes moras rumpe Z_1 | *henielő:* segnis Z_1« Nyr. 36 : 228). | Cal. 184: »cessator: Héuolkodo, *henyélő*«; ebd. 311: »desideo: Vészteg [!] heuerek, *henyélők* | deses: *Henyélő*, rest, tunya | desidia: Restség, tunyaság, *henyélés* | desidiosus: Rest, veszteg heuerő, *henyélő*, tunya«; ebd. 413: »ferio & ferior: Innenplek [!] *henyélők* (auagy igazban) Isteni doloeokban [!] nyugoszom«; ebd. 697, 693: »negligo: El hagyom, meg vtalom, el *henyelőm*, hiuolkodom | negligentia: Hiuolkodas, *henyeles*«; ebd. 724 [722]: »ocium: *Henyeles*, vezteg heutês [!] ẅesseg« [! anstatt: ẅresseg] | ociosus: *Henyelő*, veszteg heuerő, munkanelkẅl valo | ociose: *Henyen* | otior: *Henyelek*, veteg [!] heuerek«; ebd. 960: secors: Tunia, rest *henielő* | secordia: *Herieles* [! anstatt: *Henieles*] restseg tunniasag«; ebd. 1034: »supinus: Hanyatta fekuő« | ~supinus: *Henielő*, tunia, rest«. | MA 1604., 1611., 1621.: *Henye:* Torpidus, Deses. *Heny[é]el[e]és:* Negligentia, Socordia, Desidia, Otium. | *Henyelő:* Deses, Reses, Negligens, Otiosus, Cessator. | *Henyelőc:* Otior, Desideo, Torpeo, Torpesco. | *Heny[e]én:* Ociose Negligenter. | *Henyés:* Torpidus. *Henyesség:* Torpor.« | PP. 1708. PPB. 1767.: »*Henye:* Torpidus, Deses. | *Henyélés:* Negligentia, Socordia, Desidia, Otium. | *Henyélő:* Deses, Reses, Negligens, Otiosus, Cessator. | *Henyélök:* Otior, Desideo, Torpeo, Torpesco | *Henyén:* Otiose, Negligenter. | *Henyés:* Torpidus. | *Henyésség:* Com: Orb. (1685.): »Nem aluszik mindenkoron avagy ůnnepel, *(henyél)* mint a tunya (rest). Sie schläffet nicht immer (oder feyret) (faulentzet) wie der Faule (Träge) Non dormit semper aut ferias agit, ut ignavus.« Bél—Cell.: »Circumforaneus, der Můssiggånger, Markschreyer. *Henyélő*, kurittyoló, kiáltó orvos. zahálčiwý, na ryńku wolagjcý lékař. | Ignauio: der Faulenzer, *Henyélő*. Lenoch. | Negligens: unfleißig, ungeachtsam, rest, *henyélő*. nedbaly, nepilny. | Reses: růckståndig, faul, tråg. rest, *henyélő*. zahalčiwý, nedbanliwý. Svpinus: hinterwårts gebogen. tråg. stolz. hanyatta-fekvő, *henyélő*, tunya. znak ležjcý, *hnilý* zahálčiwy. | Negligentia: der Unfleiß, die Unachtsamkeit; Hivalkodás, *henyélés*, Nedbalost, nepilnost. | Otium: der Mißiggang [!], die Ruhe, der Friede. *Henyélés*, nyugodalom. Zahalka, odpočinntj (sic! anstatt: odpočinutj). | Socordia: die Trågheit, der Unfleiß. *Henyélés*, restség. Leniwost, nedbanliwost. | Desideo: ich bin müßig. veszteg heverek, *henyélek*. zaháljm. | Negligo: ich verachte, versåume, elhagyom, megvetem, megútálom, *elhenyélem*, elmulatom, zanedbáwám, zanecháwám.« || Wagner, Phras. 1750: »Cessator: Tunya, rőst, veszteglő, *henyélő*, lomha, lusta, lajha, hivalkodó | Deses: *Henyélő*, rest, tunya, lusta, lomha, lajhár, dologkerůlő | Iners: Rest, tunya, lusta, lajha, lomha, aluszékony, gondatlan, szunyáta, dolog kerůlő, *henyélő* | Negligens: Rest, tunya *henyélő* lajha... | Otiosus: *Henyélő*, hivalkodó, *henye*, rest heverő magátnyugtató, veszteglő | Piger: Rest, tunya, lusta, lajha, *henye*... | Segnis: Rest, tunya, lajha, lassú, lusta, *henyélő*. | Socors: Rest, tunya, lajha, lusta, *henyélő* enyelgő, lomha. | Negligentia: Hivalkodás, *henyélés*, restség, tunyaság. |

Otium: Hivság, mulatság, *henyélés*, vesztegheverés, veszteglés:... | Socordia: Restség, tunyaság, *henyélés*, lajhaság, maga el hagyás, el puhúlás. | Desideo: *Henyélek*, veszteg heverek: | Negligo: El-hagyom, megvetem, megutálom, *el henyélem*, hivalkodom... | Otior: Hivalkodom, *henyélek*, veszteglők. | Otiose: Hivalkodva, lassan, mulólag, *henyélve*«. || Gradus ad Parn.[5]: »Desideo: *Henyélek* | Desidia: Henyélés | Desidiosus: *henye* | Piger: *henye*, Pigritia: *henyeség* | Otior: Hivalkodom, *henyélek*, veszteglek | Otiosus: *Henye*, *henyélő*, hivalkodó, heverő rest, lassú | Otium: Hivság... *henyélés*, hivalkodás... | Reses: Rest, *henye*, tunya | Segnis: Rest, tunya, lassú, *henye* | Segniter:... tunyán, ... *henyén*... | Segnities: Restség, tunyaság, *henyeség* | Socordia: Restség, tunyaság, *henyeség*... | Socors: Rest, tunya, *henye*...« || SzD.[2]: »henye ember: here ember«. | SI.: »*henyélkedés* Socordia, Desidia | *henyélkedni* Torpere Otiari«. | Simai: »*Henyélek*: Ferias ago, otior | *Henyeség*: Torpor | *Henyésség*: dass. Kreszn. zitiert die Angaben von MA. und SI. Kassai 94: »Vastaghangonn (= tiefstimmig): Hanyag, Lagymatag, Langyos; Vékony hangonn (= hochstimmig): *Henye*, Heveny, Hevenyébenn«. | Tzs.: »*henye*hivatal, die Sinecur Stelle«. | Királyföldi: »*Henye*fenyő, die Alpenkiefer«. | Fogarasi: »Faul, rothadt... rest; sich auf die faule Seite legen: *henyeségre* adni magát«. Weitere Belege noch für dieselbe Wortfamilie in den Wörterbüchern von Ballagi und CzF.

Im Tzs. kommen weder *henyél* noch seine Ableitungen vor, auch das SzamSz. bringt keine Belege. Das MTsz. bucht die Zeitwörter »*henyerél*: *henyél*, *henyélget* (Kapnikbánya und Umgebung, Háromszék) und *henyerész* (Háromszék)«. CsángSz.: »*hɛniẹ̄l (-ni)* (H):*ɛl-h.* elhenyél *az üd̈ǭt el-h. -ni* die Zeit verfaulenzen«. OrmSz.: »*henyél* ~ *henyel (-ök)*, *henyész* oder *henyēsz* »dologtalanul ül, vagy fekszik« (ohne Arbeit sitzt oder liegt) *Nem dógozik, henyel a fa alatt.*« Aus Dugonics zitiert Sándor Bálint den Ausdruck »*henye*-ette emberek« (SzegSz.).

Faßt man nun die hier angeführten und auch die übrigen Belege zusammen, so sieht man, daß es in dieser Wortfamilie auffallend viele Zeitwörter gibt: *henyél*, *henyélkedik*, *henyerél*, *henyerész*, *henyélget*, *henyéltet*. Am häufigsten kommt das Grundwort *henyél* und das daraus gebildete Partizip *henyélő* vor. Ziemlich früh begegnet man auch dem aus dem Zeitwort gebildeten Hauptwort: *henyélés*. In Cal. ist das Adjektiv *henye* nicht vorhanden, aber wohl das daraus gebildete Adverb: *henyén*. Das Wort *henye* ist eigentlich mit *henyélő* gleichwertig, und es kann, ebenso wie dasjenige, sowohl als Hauptwort als auch als Adjektiv benutzt werden.

3. Unserer Meinung nach kann *henye* eine Rückbildung aus *henyél* sein, wie *kapa* aus dem slawischen Lehnwort (Verbum) *kapál* < *kopati*. Die etymologische Erklärung kann also von dem Zeitwort *henyél* ausgehen. Dieses stammt aus dem Zeitwort *gniti* 'faulen', das in allen slawischen Sprachen vorhanden ist. Auf dieselbe slawische Wurzel gehen auch die ungarischen Worte *ganéj*, *gonosz*,

genny zurück. In einigen slawischen Sprachen hat das Verbum, infolge der Lautveränderung *g* > *h*, ein *h* im Anlaut (vgl. tschech. *hnít*, slowak. *hniť*, ukr. *hnyty*, obersorb. *hnić)*. Das Ungarische hat dies Wort wohl aus dem Slowakischen übernommen. Aus einem slowakischen *hniť* (altslowakisch *hniti)* entstand im Ungarischen wohl eine Form *henyel*. Man beachte als ähnliche Entsprechungen: slaw. *pьreti* (ča-kroatisch *priti)* > ung. *perel* (Kniezsa, SzlJsz. 415); slaw. *krьstiti* > ung. *keresztel* (ebd. 264); slaw. *svętiti* > ung. *szentel* (ebd. 499). Man hat für *henyel* zahlreiche Belege in den oben angeführten Quellen. So heißt es konsequent in MA., und so schreibt es Csúzy; ja diese Variante lebt auch heute noch in der Landschaft Ormánság. Durch Dehnung in der zweiten Silbe konnte in einzelnen Mundarten aus *henyel* > *henyél* entstehen, wie es auch heute noch in der Gemeinsprache heißt. (Das Wort *henye* ist nur ein Rückbildung aus *henyél.)*

4. Natürlich auch die tadelloseste phonetische Entsprechung wäre nicht überzeugend, wenn sich das ungarische Zeitwort *henyél* nicht in den Bedeutungskreis der slawischen Ableitungen des Verbums *gniti* einfügte. Man begegnet jedoch auf diesem Gebiete gar keiner Schwierigkeit. Dies wollen wir im folgenden näher beleuchten.

Das Zeitwort *gniti* hat nämlich in den slawischen Sprachen nicht nur die Bedeutung 'faulen, verfaulen, rothad', sondern auch 'faulenzen, sich auf die faule Haut legen, henyél, lustálkodik'. Für diese letztere Bedeutung zitiere ich einige Beispiele. — Bulg. гниѫ, ... 2. Сѣдѫ кыснѫ та ся мѫчѫ нѣйдѣ илн на нѣкюѫ тяжкѫ работѫ, гние въ тьмницѫ. (Gerov) — Serbokroat.: »*gnîti (gnĕti)* 'putrescere, putrefieri, tabescere, 2. značeńe (a u pravom smislu. b) iperbolički o čeladetu koje stoji svagda na istom mjestu, koje živi u lenosti, koje je mučeno od bolesti tjelesne ili duhovne. c) u prenesenom smislu o duši ludskoj koja ne može da se izbavi od grijeha, od zla itd. te kao da u onome svagda leži.« (RHJ.) — Tschechisch: »*hníti* 'faulen, sparen, sporen D. putresco. 2. Moral. — lenošiti, faulenzen. Wšechen lenostj *hnige*. Diw *neshnige*. Ros. Gežto rády dlauho *hnigj*, a po másech kafe pigj. MM. 321.« (Jungmann.) | ... »těm že se polem pěkně pojízdí, oh, v sedle, s šavli v ruce, ale tady na sláme *hnít*, *hnít*, tatárbohov —« (Jirásek: Bratrstvo 3 : 208. 1952. Ausg.). — Polnisch: »*gnić* 1. 'Bótwiec, faulen, in Fäulniß übergehen. 2. Moral. *gnusniec*, faulenzen, faul und träge da liegen.« (Linde 2 : 74.) — Russisch: *гнить* 3. Bed. in übertragenem Sinne: »Разлагаться духовно, нравственно, приходить в упадок« (Ušakov, Tolk. slovaŕ).

In der Bedeutung 'piger; Faulenzer; henyélő, henye' gebraucht man auch das Adjektiv, das mit dem Suffix *-lo* aus dem Partizipium perfectum activi des Zeitwortes *gniti* gebildet wurde, sowie auch noch zahlreiche andere Haupt- und Zeitwörter, die man ebenfalls aus dem Verbum *gniti* abgeleitet hatte. Die hierbezüglichen Beispiele zitiere ich nicht nach Wortgattungen,

sondern nur nach Sprachen. Ich erstrebe in der Aufzählung keine Vollständigkeit. — Serbokroatisch: »*gnjila*, 1. die Töpfererde, terra figlina 2. u presenom smislu: Žensko čeljade, bila djevojka, bila žena, ako je *lijena* na poslu, a pri tom još debela, zove narod *gnijlom*« (Iveković—Broz); »*gńìo (gńîl)*, *gńila*, adj. »putidus, putridus«... c) u presenom smislu cc) »*lijen, nevalao*«. ccc) o životu, lenosti. (Koji lube *gńili* zivot« und noch zahlreiche andere Beispiele (RHJ.). — Slowenisch: »gniláč = lenuh 1. der Faulenzer, 2. der Polsterapfel | *gnîlež*, 1. die Fäulnis 2 = lenuh | *gnilína*, die Fäule, das Faulicht, — fauler Mensch. | *gnilóba*, die Fäulnis, die Fäule. pren.: = lenoba« (Pleteršnik). — Tschechisch: *hniláčeti* hliwěti, *hnjti*, zaháleti, faulenzen | *hnilák* = lenoch, der Faulenzer | *hnilec hnilý*, ljný člowěk, ein Fauler | *hnilko* = hnogek, lenoch, der Faulenzer, *hniloch* ljny clowek, ein Faulenzer | *hnogko, hnogek*, lenoch, Faulenzer | *hnilý* adj. putris, faul, b) Tr. = leniwý, faul, piger« (Jungmann). — Slowakisch: »...zlost túto... *hnilobe* predkuw nassích poďekuwať musíme...« (Bajza, René Mládenca Prih. a Skus. 1783. Vorwort) »*Hňilko :* piger, deses, otiosus, cessator: ein Faulenzer, fauler (nachlässiger) Mensch: lomhátska, lomha (rest, tunya) ember. Syn. *Hňilák*... | *Hňilosť :* putredo, putror, putor, die Fäule, Fäulniß: rothadás, rothadttság, avasság, poshadság, roshadság, senyvedés, senyvedség. 2. desidia, ignavia, pigritia, segnitia, cessatio, segnities, die Faulheit, Faulenzerey: restség, tunyaság, lomhaság. | *Hňilí* adj. puter, putridus, putidus, corruptus, faul, morsch: rothadtt, megrothadott. Syn. *zhňilí*. 2. piger, ignavus, segnis, deses, socors, faul, träg, nachlässig, unfleißig: rest, lomha, tunya, *henyélő*.« (Bernolák, Slowár)[1] »*hnilač* 'lenoši' | *hniláč* 1. 'shnilý strom' 2. hniliak, hnilko, hniloch v. hnojko 'lenoch' (Kálal). — Polnisch: »*gnojek, gnojko* »człowiek opieszały, leniuch, spioch« (Karlowicz)[2]. — Kaschub: »*gńijus*, 'leniuch, człowiek

[1] Übrigens erläutert Bernolák noch die folgenden slowakischen Worte mit dem Zeitwort *henyél* bzw. mit seinen Ableitungen; »Zahálat'; *henyélni / postawať: henyélkedni* | zahálčiwosť'; *henyélés* | postawanie; *henyélés, henyélkedés* | ňedbalec; rest *(henyélő)* ember | nedbalí; *henyélő* | postawač; *henyélő* | zahalač; *henyélő*, | zahálčiwí; *henyélő* | zahálčiwe; *henyélve.*« Es sei noch als Kuriosum erwähnt, daß im Wörterbuch von Jancsovics (Ausgabe 1863, ungarisch—slowakischer Teil) das Zeitwort *henyél* und Ableitungen meistens mit den Ableitungen des Verbums *hniť* erklärt werden; »*henye* adj.; *hňili*, leňiwí, záhalčiwí | *henye* Hauptwort; *hniljak*, leňoch, zahálač, lajhár, bolvan | *henyén : hňile*, zahálčive | *henyél:* Zahálat, *hňiljeť* / *henyélés:* hňilosť, záhalčivosť | *henyélkedik* s. *henyél* / *henyeség: hnilosť*'.

[2] Hier bemerken wir, daß im Polnischen die Ausdrücke für »Faulheit, Trägheit« aus dem Wort *gnus* gebildet sind, das seinerseits mit dem Verbum *gniti* zusammenhängt. (Anders über *gnusъ* Vasmer, REW. — Slaw. *gnusъ* > ung. *gonosz;* vgl. über *gonosz* die Bemerkung in der Pais-Festschrift 396.) Solche Ausdrücke sind; »gnuśnieć, stawać s. gnuśnym, zniewiesciałym, tracić energię; trwać, zostawać w gnuśności, próżnować; trawić czas w bezczynności, lenistwie, nieużytecznie; ... marnieć, marnować s., być w zastoju, *gnić*. | *gnuśnik*, człowiek gnuśny, leniuch, ospalec, piecuch, rozkosznik, niewieściuch | *gnuśny*, zgnuśnialy, leniwy, próżniaczy, leniuchowaty, zniewieściały, ospały, apatyczny, ociężały ciezki + *gnustwo*, + *gnuśstwo*, + *gnujstwo*, + *gnójstwo*, gnuśność, ospałość, lenistwo" (Karlowicz).

lubiący wylegac się w łożku' | *gńiusowati*, przym. 'leniuchowaty' | *gńijusowatość*, 'leniuchowatośc, zniewiescialość' (Ramult, Słownik jęz. pomorskiego czyli kaszubskiego). — Niedersorbisch: «*gnily*, 1.' faul, faulig гнилой, тухлый; 2. übertr. преносно: 'faul träge, лѣнивый, вялый | *gnilej*, 1. 'der Faulenzer, Müßiggänger, Tagedieb' | *gnileńe* 'das Faulenzen, die Faulenzerei, der Müßiggang'« | *gnilica* 'die faule Magd, das faule Mädchen' | *gnilik* 'der Faulenzer, Tagedieb' | *gnilisko* 'der überaus faule Mensch' | *gniłość*, 2. 'die Faulheit, Trägheit'« | +*gniłostwo* bzw. *gniłojstwo*, 'die Faulheit, Faulenzerei' | *gnilstwo* 'der Zustand des Faulseins, Faulheit, гнилость, лбность, | *gniliś se* 2. 'faulenzen, müßig gehen' (Muka). — Obersorbisch: »*Hnijak*, ein Faulender (Pfuhl). — Slowinzisch: »*gńĩjočka* 'faules, träges Weib'; *gńilãvĭ* adj. 'faul, träge' | *gńili* 1. 'faul, verfault'; 2. 'faul, träge' | *gńĩlɔ* adv. 1. 'faul, faulig'; 2. 'faul, träge | *gńilosc* 1. 'Fäulnis'; 2. 'Faulheit, Trägheit' | *gńĩlãų* 1. 'Fäulnis'; 2. 'Faulheit, Trägheit' (Lorentz, Slovinzisches Wörbuch). — Ukrainisch: *гнилий* 1. 'faul, verfault', 2. 'faul, träge' (Želechowski, Ruth.—deutsches Wb.). — Russisch: *гниляк*, *гнилуша*, вялый и хилый челв. (Dalj, Tolk. slovaŕ).

5. Die Tatsache, daß das Verbum *gniti* beinahe in allen slawischen Sprachen außer der Bedeutung 'faulen, verfaulen' auch die andere: 'faulenzen, träg sein' hat, und ferner, daß das Wort in dieser zweiten Bedeutung die Bildung von zahlreichen neueren Ausdrücken (Hauptwörtern, Adjektiven und Zeitwörtern) ermöglicht hatte, legt den Gedanken nahe, daß diese zweite Bedeutung sehr alt, vielleicht noch altslawisch ist. Wohl stammen die angeführten Belege nicht aus einer so alten Zeiten, aber man begegnet manchmal schon im 11. Jahrhundert Beispielen, die unsere Vermutung zu unterstützen scheinen. Solche Belege sind z. B. die Zitate, die Sreznevskij (Materialy 1 : 524) unter den beiden Titelwörtern *гнильство* und *гнилость* anführt; »«*гнильство—σαπρία*, putredo, Гниль: Молитисѧ Бꙋ да очистить ны отъ гнильства нашего» (11. Jahr.) || «*гнилость—σαπσία*, гниль: Хотѧщиимъ своꙗ гнилость отъложити» (11. Jahrh.).

Weitere ähnliche Beispiele sind auch noch die folgenden: von Gebauer (Slovník staročeský 1 : 440) unter dem Stichwort *hníti :* »Jenž *hnyem* tak těžcě v hřiešiech« (14. Jahrhundert), »Co *hnijess*, hřiešna duse !« (14. Jahrhundert); || unter dem Stichwort *hnilost :* »Neb *hnilost* smilstwie znamená« (Hus. 1414) Ferner: Post. Rokycany:« < Ah, mužské pohlaví neradi se hnú, než *ležie*[1] tam ! Strach, > že za to vaše *leženi*[1] < dluhé > a < to povolovánie a kochánie toho těla biedného > přijde na vás [ono postláni], jakož dí prorok: »Pod tebu < bude > prostřín mol a odín budeš červy, jenž nikdy nezemrú.« In der zum Zitat gehörenden Anmerkung (Text einer Variante) »<Ah... Strach> *Leží*,[1] *hniji*![1] A, bojim se.« (Fr. Šimek, Post. Rokycany. Sbírka pram. česk. hnutí náb. ve stol. XIV. a XV. č. XVII. II. Buch 871.)

Die Verfasser haben zwar die Stichwörter dieser Zitate nur mit den konkreten Bedeutungen *'σαπρία, putredo, Fäulnis'* bzw. mit dem Verbum 'faulen' erläutert, und man lernt aus der obigen Mitteilung auch den vollständigen Textzusammenhang nicht kennen, der zu dem besseren Verständnis unerläßlich wäre, aber wir sind dennoch der Meinung, daß die Hauptwörter *гнильство, гнилость* und *hnilost* bzw. das Verbum *hníti* sowohl in den russischen als auch in den tschechischen Zitaten, nicht mehr in konkretem, sondern schon in übertragenem Sinne gebraucht werden. In dem ersten Zitat ist die wahrscheinlichste Bedeutung des Wortes *гнильство*: 'Fäulnis bzw. Verdorbenheit' der Seele; im zweiten Zitat heißt *гнилость* 'Faulheit, Trägheit Müßiggang', und so ist dieses Zitat so gut wie gleichbedeutend mit dem schon bekannten Satz der KolGl.: »had el az *henielest*«. Die deutsche Übersetzung des russischen Zitates hieße: »denjenigen, die ihre Faulheit (Trägheit) verlassen wollen«. Der tschechische Satz »Jenž *hnyem* tak těžcě v hřiešiech« ließe sich folgendermaßen wiedergeben: »der ich so schwer in der Sünde liege«. Und der Sinn des Satzes: »Co *hnijess*, hřiešná duše?« wäre: »Was säumst du, sündige Seele?« Der Satz aus der Postille von Hus läßt gar keinen Zweifel darüber zu, daß das Wort *hnilost* dem Begriff *henyélés* (Faulheit) genau entspricht. Der Sinn des Satzes kann nur heißen: »Denn die Faulheit ist Unzucht.« Und der Grundtext in der Postille von Rokyčana: »neradí se hnú, než *ležie* tam!« (»sie bewegen sich nicht gern, sondern sie liegen da«), während die Ausdrücke *leží, hniji* der Variente sich eigentlich gegenseitig erklären; das Wort *hniji* läßt sich hier als ein Synonym zu *leží* auffassen, das den Inhalt des anderen gewissermaßen noch steigert: »er liegt d. h. er faulenzt«.

Die hier versuchte Interpretation der angeführten Zitate macht sich natürlich nicht anheischig, die Problematik der behandelten Ausdrücke vollständig zu lösen. Es wäre wohl sehr lehrreich und interessant, wenn man diese und derartige Ausdrücke auf Grund mehrerer Quellen — und womöglich unter Heranziehung auch einiger lateinischer Quellen — auch stilistisch eingehender untersuchte.

Die untersuchten, sowie auch die übrigen hier nicht angeführten Beispiele legen die Vermutung nahe, daß das Zeitwort *gniti* von seiner konkreten Bedeutung 'faulen; putrescere' an bis zu seinem anderen Sinn: 'faulenzen; desideo' mehrere Bedeutungsschattierungen besaß. 1. Man verwendete denselben Ausdruck, mit dem man jenen Prozeß bezeichnete, der die Auflösung der Dinge herbeiführt, auch zur symbolischen Bezeichnung der Fäulnis, der Verderbnis der Seele, d. h. der Sünde. 2. Man brachte ebenso mit dem Zeitwort *gniti* auch den Zustand zum Ausdruck, wenn man z. B. gezwungen war, sich irgendwo aufzuhalten, was qualvoll war (z. B. im Kerker oder in schwerer Arbeit). (In diesen Fällen wären die ungarischen Ausdrücke *senyved, sínylődik* die Parallelen zu dem Zeitwort *gniti.)* 3. Der Zustand, in dem man seine natürlichen Lebensfunktionen nicht ausüben, d. h. nicht arbeiten kann, führt

zur Verweichlichung, Verderbnis; es ist wohl dieser Betrachtungsart zu verdanken, daß das Zeitwort *gniti*, das ursprünglich 'faulen, putresco' hieß, auch den Sinn 'faulenzen, desideo' erhielt.[3]

6. Zum Schluß wollen wir noch einmal das serbokroatische Zeitwort *heńati* ins Auge fassen. Wir sind der Meinung, daß das RHJ. und Berneker Recht hatten, als sie dies auf ung. *henyél, henye* zurückführen wollten. Wohl ist die Ableitung aus dem Zeitwort *henyél* selbst — wie darauf Kniezsa hingewiesen hatte — nicht möglich, aber umso mehr aus dem Hauptwort *henye*. Eine Schwierigkeit dieser Erklärung besteht nur darin, daß das Wort *henye* selbst — neben dem Verbum *heńati* — aus dem Serbokroatischen noch nicht belegt ist. Aber künftige Forschungen könnten etwaige Analogien auch diesbezüglich noch näher beleuchten. Für die Etymologie aus dem Ungarischen spricht auch die Tatsache, daß unsere Quellen das Verbum *heńati* gerade vom kroatischen und slowenischen Gebiete zitieren, wo der ungarische Einfluß am stärksten war. Das Wörterbuch von Vuk (Ausgabe 1852) bemerkt über das Wort *jèњати, jêњам* 'nachlassen, remitto', daß es bei den Kroaten, und *Èњати* in Syrmien gebräuchlich sei, als Bedeutung wird сустати 'ermüden, defatigor' angegeben.

Das ungarische Zeitwort *henyél* ist also slawischen Ursprungs, aber es kommt nicht vom serbokroatischen *heńati*, sondern vom slowakischen *hniť*.

Abkürzungen

Ballagi	=	Ballagi M., A magyar nyelv teljes szótára. [Vollständiges Wb. d ung. Sprache.] I—II. Pest, 1863—1873.
Balassa	=	Balassa J., A magyar nyelv szótára. [Wb. d. ung. Sprache.]
Bernolák	=	Anton Bernolák, Slowár slowenskí, česko—latinsko—ňemecko—uherskí; seu Lexicon slavicum bohemico—latino—germanico—ungaricum. Budae 1825—27. I—VI.
Bellosztenecz	=	Joanni Bëllosztënëcz Gazophylacium, seu latino illyricorum onomatorum aerarium . . . Zagrabiae 1740.
BEW.	=	Erich Berneker, Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, I. 1908; II. 1913.
BSE.	=	Alexander Brückner, Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków 1927.
BesztSzj.	=	Besztercei Szójegyzék. [Bistritzer Glossar.] Lateinisch—ungarisches Glossar vom Ende des 14. Jahrh. Herausgegeben von H. Finály. Budapest 1892.
Com;Jan.	=	J. Amos Comenius, Janua linguae latinae reserata aurea, in hungaricam linguam translata per Stephanum Beniamin Szilágyi. 1643.
Com:Orb.	=	J. Amos Comenius, Orbis sensualium pictus trilinguis. Leutschoviae, 1685.
CzF.	=	Czuczor Gergely és Fogarasi János, A magyar nyelv szótára. [Wörterbuch der ung. Sprache.] I—VI. Pest, 1862—74.

[3] Es sei im Zusammenhang mit der Verweichlichung erwähnt, daß die Namen für die überreife Birne und überhaupt für das teigige Obst in den slawischen Sprachen im allgemeinen ebenso aus dem Verbum *gniti* gebildet sind. So z. B. bulg. *Гнилина* serbokroatisch; *gnilica;* tschechisch; *hnilice,* slowakisch; *hnilka, hnilička;* polnisch; *gnilka;* niedersorbisch; *gnilica, gnilička* usw.

CsángóSz. = Yrjö Wichmann, Wörterbuch des ungarischen Moldauer Nordcsángó- und des Hétfaluer Csángódialektes. Helsinki 1936.

EtSz. = Gombocz Z.—Melich J., Magyar etymológiai szótár. Lexicon critico-etymologicum linguae hungaricae. Budapest 1914—1944.

Geb.Hist.mluv. = Jan Gebauer, Historická mluvnice jazyka českého. Praha, I. 1894. III/1. 1890, III/2. 1909.

Geb. Slov. stč. = Jan Gebauer, Slovník staročeský. Praha I. 1903, II. 1916.

Gerov = Najden Gerov, Rečnik na blъgarskyj jazyk. I—V. Plovdiv 1895—1904.

GyarmVoc. = Samuel Gyarmathi, Vocabularium in quo plurima hungaricis vocibus consona variarum linguarum collegit S. Gy. Vindobonae 1816.

GyöngySz. = Gyöngyösi latin—magyar szótártöredék. [Das lateinisch—ungarische Glossarfragment aus Gyöngyös.] Herausg. von J. Melich. Budapest 1898.

HazOkm. = Hazai Okmánytár. Codex diplomaticus patrius. I—VIII. Győr—Budapest, 1865—1891.

Hrinčenko = Boris Hrinčenko, Slovar ukrainskoj movy. Slovaŕ ukrainskago jazyka. I—IV. Kijev 1909.

Hvozdzík = Ján Hvozdzík, Zobrubný slovník slovensko—mad'arský. Praha—Prešov 1937.

Iveković—Broz = F. Iveković—Ivan Broz, Rječnik hrvatskoga jezika. I—II. Zagreb 1901.

Jancsovics = Jancsovics I., Új kimerítő szláv—magyar és magyar—szláv szótár. — Noví obširni mád'arsko—slovenski a slovensko—maďarski slovňik. I—II. Pozsony [Bratislava] 1863.

Jungmann = Josef Jungmann, Slovník česko—německý. I—V. Praha 1835—9.

Kálal = Mir. Kálal, Slovenský slovník z literatury aj nárečí. Banská Bystrica 1924.

Karlowicz = Słownik języka polskiego ... pod redakcją, Jana Karlowicza, Adama Krynskiego i Władysława Niedzwieckiego. („Słownik warszawsky".) I—VIII. Warszawa 1898—1927.

Kassai = Kassai J., Magyar—diák szókönyv. [Ung.—lat. Wörterbuch.] I—V. Pest 1833—6.

Kniezsa Szljsz. = Kniezsa I., A magyar nyelv szláv jövevényszavai. [Die slawischen Lehnwörter der ung. Sprache.] I/1. I/2. Budapest 1955.

KolGl. = Kolozsvári Glosszák. [Klausenburger Glossen.] Herausg. in der Zeitschrift Magyar Nyelvőr und in den Nyelvészeti Füzetek XLV.

Kott = F. Š. Kott, Česko—německý slovník. I—VII. Praha 1878—1893.

Kr. = Kresznerics F., Magyar szótár gyökér renddel és deákozattal. [Ung.—lat. Wb.] I—II. Buda 1831—2.

Leschka = Stephanus Leschka, Elenchus vocabulorum Europeaorum cum primis slavicorum Magyarici usus. Budae 1825.

Linde = Samuel Linde, Słownik języka polskiego. I—VI. (Phototypischer Neudruck der 2. Ausgabe.)

MA. = Albertus Molnár Szenciensis, Dictionarium ungarico—latinum. Heidelgergae 1621.

Majewski = Erazm Maiewski, Słownik zazwisk zoologicznych i botanicznych polskich. I. Warszawa 1889.

MEW. = Franz Miklosich, Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien 1886.

Mikl. Lex. = F. Miklosich, Lexicon palaeoslovenico—graeco—latinum. Wien 1862—5.

MNy. = Magyar Nyelv. [Ung. Sprache.] Zeitschrift von 1905—.

MTsz. = Magyar Tájszótár. [Ung. Mundartwb.] Red. von J. Szinnyei. Budapest I. 1893, II. 1897—1901.

Muka = Ernst Muka, Słownik dolnoserbskeje rěcy i jeje narěcow. Wörterbuch der niederwendischen Sprache und ihrer Dialekte. I—III. St. Petersburg, 1911—5, Praha 1926—1928.

MUSz. = Budenz J., Magyar—ugor szótár [Ung.—ugrisches Wb.] Budapest 1873—1881.

Nyr. = Magyar Nyelvőr. [Ung. Sprachwart.] Zeitschrift von 1872—.

NyK. = Nyelvtudományi Közlemények. [Sprachwissenschaftliche Mitteilungen.] Zeitschrift von 1862—.

NySz. = Szarvas G.—Simonyi Zs., Magyar Nyelvtörténeti Szótár — Lexicon linguae hungaricae aevi antiquioris. I—III. Budapest 1890—1893.
NyUSz. = Szily K., A magyar nyelvújítás szótára. [Wörterbuch der ungarischen Spracherneuerung.] Budapest 1902, 1908.
OklSz. = Szamota I.—Zolnai Gy., Magyar oklevélszótár. Lexicon vocabulorum hungaricorum in diplomatibus aliisque scriptis quae reperiri possunt vetustorum. Budapest 1902—6.
OrmSz. = Ormánysági szótár. [Wb. der Landschaft Ormánység.] Budapest 1952.
Pfuhl = Pfuhl, Lausitzisch Wendisches Wörterbuch. — Lužiski serbski słownik. Budissin 1866.
Pleteršnik = Slovensko—nemški slovar. I—II. Ljubljana 1894—95.
PP. = Franciscus Pariz Pápai, Dictionarium hungarico—latinum. Leutschoviae 1708.
PPB. = Franciscus Páriz Pápai, Dictionarium hungarico—latinum. Opera Petri Bod. Cibinii 1767.
RHJ. = Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Na svijet izdaje Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti. Zapreb 1880 —
RMKT. = Régi Magyar Költők Tára. I—VII. Budapest 1877—1896.
SchlSzj. = Schlägli Szójegyzék. A schlägli magyar szójegyzék. [Das Schlägler Glossar.] Herausg. von I. Szamota. Budapest 1894.
SermDom. = Sermones Dominicales. [Zwei lateinische Kodizes mit ungarischen Glossen aus dem 15. Jahrh.] Herausg. von Á. Szilády, 1910.
SI. = Sándor I., Toldalék a magyar—deák szókönyvhöz. [Ergänzung zum ung.—lat. Wb.] Bétsben [in Wien] 1908.
Simai = Simai K., Vég tagokra szedetett szó-tár. [Ung. rückläufiges Wb.] I—II. Buda 1809—10.
Srezn. = I. Sreznevskij, Materijaly dlja slovarja drevne-russkago jazyka po pis'mennym pamjatnikam. I—III. Sanktpeterburg 1893, 1902, 1912.
SzamSz. = Csűry B., Szamosháti szótár. [Wb. der Landschaft Szamosht.] I—II. 1935—36.
SzD. = Baróti Szabó D., Kisded szótár. [Kleines ung. Wb.] Kassa 1784; 2. Ausg.; Kassa 1792.
SzegSz. = Bálint S., Szegedi szótár. [Segediner Wb.] Budapest 1957.
Szfsz. = Bárczi Géza, Magyar szófejtő szótár. Budapest, 1941.
SzikszF. = Basilius Fabricius Szikszauianus, Nomenclatura seu dictionarium Latino—ungaricum. Debrecini 1590. Herausg. von J. Melich, 1906.
Tsz. = Magyar Tájszótár. [Ung. Mundartwb.] Buda 1838.
Tzs. = Magyar és német zsebszótár. [Ungarisch—deutsches Taschenwörterbuch.] Buda 1838.
VREM = Max Vasmer, Russisches etymologisches Wörterbuch. I. Band. Heidelberg 1953.
Wagner, Phras. = Franciscus Wagner, Universae phraseologiae latinae corpus. Tyrnaviae 1750.

Les variétés de l'accent dans le vers russe*

L. GÁLDI

1. Le problème que je me propose d'esquisser dépasse de loin le système de la versification russe; comme nous allons voir, le même problème se pose à propos de tous les systèmes de versification accentuelle. Il s'agit, bien entendu, du jeu — souvent très complexe — de l'alternance des t e m p s f o r t s et des t e m p s f a i b l e s ; reste à voir s'il suffit d'opérer avec deux espèces d'unité dynamique en opposant, comme on fait d'habitude, les syllabes t o n i q u e s aux syllabes a t o n e s, ou bien s'il est préférable de recourir à une échelle plus nuancée et de distinguer, selon la force dynamique, plusieurs variétés de l'accent.

Pour illustrer la conception traditionnelle, fondée sur la dualité des temps forts et des temps faibles, il n'est point nécessaire d'accumuler trop d'exemples; citons donc en premier lieu la manière dont L. Timofejev interprète le rythme de la 6e strophe d'un célèbre poème de Lermontov (1831-го июня 11 дня). Cette analyse, malgré son caractère sommaire, mérite toute notre attention; elle témoigne, comme nous l'avons déjà souligné ailleurs,[1] d'une distinction rigoureuse du m è t r e, ce schéma idéal et invariable (dans ce cas: ∪ — ∪ — ∪ — ∪ — ∪ —), et du r y t h m e, c'est-à-dire des réalisations rythmiques, souples et variables, qui se rattachent au mètre en question:

∪ / ∪ / ∪ ∪ ∪ / ∪ /
К погибшим люди справедливы; сын
∪ ∪ ∪ / ∪ ∪ ∪ / ∪ /
Боготворит, что проклинал отец.
∪ / ∪ ∪ ∪ / ∪ ∪ ∪ /
Чтоб в этом убедиться, до седи́н

* Conférence faite, le 17 janvier 1960, à la Société Hongroise de Linguistique (Section des Langues Slaves). Elle doit beaucoup aux entretiens de l'auteur, en automne 1959, avec MM. V. Žirmunskij et M. Štokmar à Léningrad et à Moscou, ainsi qu'à ses recherches à la bibliothèque de l'Institut de Linguistique de l'Académie de l'U. R. S. S. L'auteur tient à exprimer sa plus vive gratitude à tous ceux qui, par leurs généreux conseils, l'ont encouragé à formuler au moins certaines suggestions.

[1] Essai d'une interprétation fonctionnelle du vers. Acta Ling. Hung. III, 391.

υ / υ / υ / υ υ / υ /
Дожить не нужно. Есть всему конец;
υ /υ / υ / υ υ υ /
Немного долголетней человек
υ / υ / υ / υ υ υ /
Цветка; в сравненье с вечностью их век
υ / υ / υ υ υ / υ /
Равно ничтожен. Пережить одна
υ / υ υ υ / υ/ υ /
Душа лишь колыбель свою должна[2].

La plupart des traités de versification russe ne vont guère plus loin que cette analyse des vers de Lermontov; pour nous en convaincre il suffit de rappeler ce que B. O. Unbegaun écrit sur 4 vers d'*Onéguine* où, évidemment, «la réalisation rythmique s'écarte du schéma métrique»:

Татьяна то вздохнет, то охнет; — ´ | — (´) | — ´ | — ´ | —
Письмо дрожит в ее руке; — ´ | — ´ | — ´ | — ´ |
Облатка розовая сохнет — ´ | — ´ | — (´) | — ´ | —
На воспаленном языке. — (´) | — ´ | — (´) | — ´ |

A ce quatrain le savant auteur ajoute le commentaire suivant: «Si l'on s'en tient rigoureusement au schéma métrique, avec, dans chaque vers, les quatre accents aux syllabes paires, on obtient une prononciation scandée qui ne correspond pas à la tradition russe de réciter les vers. D'après cette tradition, les accents mis entre parenthèses ne sont pas réalisés. Ainsi, des quatre accents prévus par le mètre: le premier vers omet le deuxième accent (то); le deuxième n'en omet aucun, bien que le troisième puisse être considérablement affaibli (её); le troisième vers omet le troisième accent (ро́зовая); le quatrième vers omet le premier et le troisième accent (воспаленном et языке).»[3]

Par rapport au problème qui nous préoccupe, c'est surtout l'«affaiblissement» de l'accent du pronom qui mérite de retenir notre attention; le syntagme в её руке n'est donc plus un simple «diiambe», mais — ˏ — ´ ou — — — ´.

Peut-être encore plus instructif est l'examen, également par Unbegaun, d'un quatrain de Blok (1908) où les accents omis ne sont plus marqués:

О до́блестях, о по́двигах, о сла́ве
Я забыва́л на го́рестной земле́,
Когда́ твое лицо́ в просто́й опра́ве
Передо мно́й сия́ло на столе́.

[2] Cf. L. Timofejev, Стих и проза. Moscou 1938, 137.
[3] B. O. Unbegaun, La versification russe. Paris, s. d. [1958], 34—5.

Malgré le caractère aérien du rythme de ces vers, la transcription d'Unbegaun reproduit encore les «mesures» ou les «pieds» du schéma métrique ce qui, au moins pour l'oeil, constitue un obstacle; cette manière de la transcription nous empêche de concevoir chaque vers comme une espèce d'«arioso» ou de «cantabile»:

A propos du vers 3 il n'est pas inutile de retenir la remarque suivante du métricien: «on peut ... très bien admettre, écrit-il, une lecture avec un accent sur твоё; dans ce cas, когда deviendrait atone et les deux premiers pieds du troisième vers se présenteraient comme: — — | — ´ »[4]

Ceci dit, reste à voir, si l'on ne trouve dans les traités de versification russe au moins les germes d'une autre tradition reposant sur une distinction plus ou moins précise des accents principaux et secondaires.

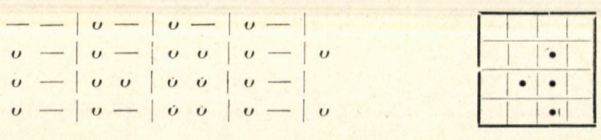
2. Un des premiers auteurs qui aient essayé d'établir une sorte d'hiérarchie des accents dans le vers russe fut D. G. Ginzburg; on lui doit un intéressant ouvrage sur la métrique de Lermontov (О русском стихосложении. Опыт исследования ритмического строя стихотворений Левмонтова. Moscou 1915). L'idée d'élaborer les principes d'une analyse plus pénétrante du vers avait été suggérée à Ginzburg par les réflexions d'Andrej Belyj (Символизм. Moscou 1910);[5] en ce qui concerne la nature des accents, Ginzburg a pour-

[4] Op. cit. 36.

[5] Chez Belyj on trouve réellement la notion de полуударение («demi-accent»); cette variété de l'accent serait à chercher dans les syllabes où un iambe est remplacé par une pyrrique (Символизм 260). A propos d'une strophe de Fet Belyj à recouru même à une espèce de représentation graphique des syllabes affaiblies (op. cit. 220). La strophe en question est la suivante:

Да, я не Пиндар: мне страшней
Всего — торжественная ода,
Березовец и юбилей,
Рожденья конского завода.

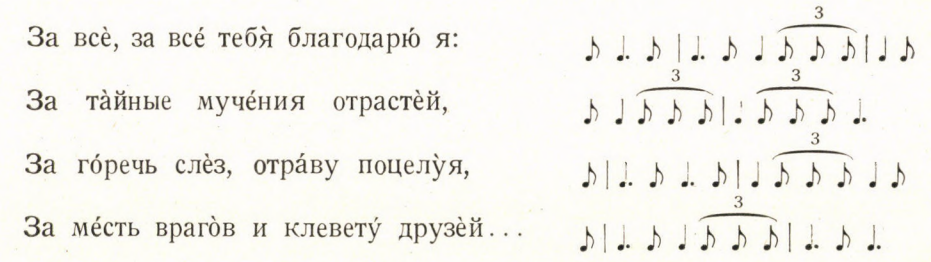
Voici aussi les schémas rythmiques qui s'y rapportent:



La seconde figure a l'avantage de faire mieux ressortir les points «opaques» où la cadence du vers s'estompe dans une certaine mesure.

tant commes l'erreur de confondre le rythme purement musical avec le rythme poétique et de choisir pour point de départ non la réalité acoustique de la déclamation ou, plus modestement, de la lecture expressive à haute voix (en russe: выразительное чтение), mais certains schéma rythmiques suggérés par les mesures d'une musique imaginée. Imposant au texte [!] du poème Русалка un rythme dactylique avec anacruse, compté comme 4/4, Ginzburg a abouti à l'analyse suivante (op. cit. 132—3):

C'est également le rythme 4/4 qui fut imposé au poème Благодарность de Lermontov, bien que, dans ce cas, Ginzburg ait prêté plus d'attention à la répartition naturelle des syllabes fortes dans la phrase:



La négligence des faits purement linguistiques et une sorte de surestimation des schémas d'inspiration musicale faisaient souvent admettre à Ginzburg une alternance absolument rigoureuse des accents principaux et secondaires; il serait donc difficile d'approuver sans réserve l'analyse suivante de la première strophe du Кинжал (op. cit. 155):

Люблю́ тебя̀, була́тный мой кинжа̀л,
Това́рищ свѐтлый и холо́дный.
Заду́мчивый грузѝн на ме́сть тебы ковà̀л,
На грозный бо́й точѝл черке́с свобо̀дный.

3. Après ces tentatives trop abstraites, c'est un illustre phonéticien, L. V. Ščerba qui est intervenu; son article Опыты лингвистического толкования стихотворений a paru en 1923, au t. Ier de la revue Русская речь (13—56). Dans cet article Ščerba nous offre une analyse quasi sans précédent du poème Воспоминание de Puškin; étant donné qu'il s'agit d'une analyse un peu oubliée par les synthèses plus récentes, il nous paraît utile de reproduire «in extenso» les vers examinés par Ščerba (op. cit. 19):

υ ⏓ υ ´ υ υ υ ´ υ — υ —″
1. Когда для смертного | умолкнет | шумный день ||

υ υ υ —υ — υ (′) υ
2. И на немые стогны града

υ ⏓ υ ´ υ υ υ — υ ´ υ —
3. Полупрозрачная | наляжет ночи тень —

υ ´ υ — υ ´ υ — υ
4. И сон | дневных трудов награда

υ — υ υ υ ´ υ — υ υ υ (′)
5. В то время для меня | влачатся в тишине

υ — υ ´ υ υ υ — υ
6. Часы томительного вденья ||

υ — υ υ υ (′) υ —″ υ — υ —
7. В бездействии ночном | живей горят во мне

υ— υ ´ υ υ υ — υ
8. Змеи сердечной угрызенья |||

υ — υ (′) υ — υ ´ υ υ υ (′)
9. Мечты кипят ||| в уме подавленном тоской |

υ ´ υ — υ —″ υ — υ
10. Теснится | тяжких дум избыток ||

υ υ υ ´ υ υ υ ´ υ υ υ —
11. Воспоминание — безмолвно | предо мной

υ ´ υ υ υ —υ — υ
12. Свой длинный развивает свиток |

υ υ υ ´ υ υ υ —υ ´ υ—
13. И с отвращением | читая жизнь мою |

υ υ υ — υ υ υ (′) υ
14. Я трепещу и проклинаю ||

υ — υ — υ υ υ — υ (′) υ —
15. И горько жалуюсь || и горько слезы лью ||

υ ´ υ — υ υ υ ´ υ
16. Но строк печальных — не смываю. ||

Les schémas de Ščerba sont d'une rare souplesse; ils attirent l'attention non seulement sur les diverses variétés de l'accent, mais aussi sur la longueur des pauses (en fin de vers) et des césures (au milieu du vers), ainsi que sur ces rythmes secondaires que l'inspiration du poète avait quasi inconsciemment brodés sur la pulsation uniforme du mètre impersonnel. Au premier vers, au lieu des 6 ictus métriques, on en retrouve 4 ou 5; néanmoins ces syllabes fortes représentent quatre types différents de l'accent (⏓, —, ´, —″) ce qui, somme toute, les éloigne de la simple alternance binaire des iambes; devant la césure principale le mot produit une clausule dactylique (´ υ υ)

et non iambique. A la fin du premier vers le syntagme attributif шумный день doit être prononcé, selon Ščerba, conformément au schéma — ∪ ⏑́ ce qui assure à la clausule finale — contrairement à la clausule médiane — un accent très énergique. Néammoins ce serait une erreur — et Ščerba en avertit expressément le lecteur — de placer un accent principal même sur le second membre de la couple de rimes день/тень (cf. Русская речь I, 39); dans le syntagme ночи тень c'est le mot ночи qui doit porter l'accent principal (⏑́ ∪ —). Est-ce une conséquence de l'inversion de la construction possessive? On pourrait bien y penser (cf. au vers 4: и сон | дневных трудов награда: ∪ ⏑́ ∪ — ∪); toutefois il est plus probable qu'il s'agit de la même intervention de l'accent logique qu'on observe aussi aux vers suivants (cf. vers 6—8, etc.). Signalons encore une série d'enjambements; le plus intéressant est incontestablement celui qui unit le vers 7 au vers 8. Dans ce cas l'accent particulièrement fort (⏑́) de живей est assez énergique pour dominer deux vers entiers. Au vers 9 c'est l'inégalité des deux hémistiches qui nous surprend; bien que la césure «secondaire» soit relativement très longue, l'accent de кипят n'est pas très fort; on a affaire plutôt à un de ces vers qui nous impressionnent par leur tonalité sombre et étouffée (cf. aussi le vers 15 où le parallélisme créé par la répétition de горько n'est point souligné par des accents particuliers).

Ščerba lui-même était parfaitement conscient de l'importance de son analyse; dans les remarques qu'il a ajoutées à sa transcription il a souligné à maintes reprises aussi bien la portée générale de sa tentative[6] que ce qu'il appelait «фразирование ямба». Sans pouvoir préciser pourquoi la pièce avait été conçue précisément dans cette forme, il déclarait ne pouvoir l'imaginer par exemple en trochées.[7] Quant aux rimes, il ne leur attribuait qu'une importance «structurelle»; il tenait à signaler aussi le fait que dans aucun cas il ne peut être question de la mise en relief de tous les deux membres d'une couple de rimes. Sans s'attarder aux problèmes — pour lui, quasi insaisissables — de l'«instrumentation verbale» et de la «mélodie intérieure»,[8] il étudiait aussi les connexions qu'il y a entre le nombre des accents conservés, d'une part, et le relantissement ou l'accélération du rythme, d'autre part. En opposant les syllabes atones de голова́ à celles de го́лову, il insistait sur le fait que dans le premier cas l'allongement occasionnel des syllabes atones est possible, mais qu'il est exclu dans le second. Enfin, avec une modestie que nous n'hésitons pas à qualifier de touchante, il a fait sur l'analyse rythmique du vers 10 («Теснится тяжких дум избыток») cette remarque: »Dans ce cas je n'oserais pas répondre de la leçon que je viens de proposer.

[6] «Всякий текст требует, для своего понимания, еще перевода на произносимый» (Русская речь I, 25).

[7] «Я не могу представить себе пьесу Пушкина например в хореях» (op. cit. I, 39)

[8] A propos de la dernière Ščerba se contentait de renvoyer à l'ouvrage (paru peu de temps auparavant) de B. Eichenbaum; Мелодика стиха. Петроград 1922 (op. cit. I, 40).

[9] «Я не стою в данном случае за свое чтение» (op. cit. I, 47).

4. Après ces réflexions, plutôt empiriques que théoriques, c'est en 1925 que V. Žirmunskij a publié son Введение в метрику (Leningrad) pour y développer, entre autres choses, sa conception relative à l'accent du vers russe. L'exposé de Žirmunskij est d'autant plus précieux qu'on y trouve des renvois précis aux travaux antérieurs. Le précurseur de toutes les tentatives ayant pour but une notation plus nuancée de l'accent est le phonéticien anglais A. Y. Ellis qui, dès 1875,[10] avait distingué 9 degrés de l'accent dans le vers anglais. Comme il ressort d'un exemple cité par Žirmunskij (162—3), la notation d'Ellis reflétait assez bien le dynamisme réel du vers anglais:

2 2 6 8 8 2 2 6 6 8
In the black sky glimmers the pale cold moon

5 5 2 5 2 2 8 7 2 2 6
Sad ghost of night, and the stars twinkle around

Un autre point d'appui — certainement connu des premiers défenseurs russes du полуударение» et de ses variétés — est fourni à Žirmunskij par Fr. Saran: dans la Deutsche Verslehre (1907) de celui-ci un chapitre entier (Die Stufen der reinen Silbenschwere, 49 et suiv.) traite des 9 degrés de l'intensité d'accent (überschwer $\overset{''}{\sim}$; vollschwer $\overset{'}{\sim}$, mittelschwer $\overset{\backsim}{\sim}$, halbschwer $\overset{\smile}{\sim}$ etc.). Marquant par des chiffres (de 4 à 1) ces variétés, et par x les syllabes atones (qui, à leur tour, se répartissent entre les catégories «halbleicht», «vollleicht», «überleicht»),[11] on obtient le schéma suivant:

Hàb nun ách die Phìlosophéy,	2 x 3 x 2 x x 3
Mèdizín und Jurìsterév,	2 x 3 x x 2 x 3
Und léider àuch die Théologie	x 3 x 2 x 3 x x x
Durchä́us studíert mit héisser Müh;	x 4 x 3 x 3 x 3
Da stéh ich nùn, ich ärmer Tór,	x 3 x 2 x 1 x 3
Und bìn so klúg als wìe zuvór.	x 2 x 3 x 2 x 3

Le troisième pilier de la conception de Žirmunskij est fourni par M. Grammont qui, dans son Petit traité de versification (Paris 1908, 98 et suiv.), distingue 5 degrés d'intensité et même des demi-degrés; grâce à ces distinctions, il aboutit à une représentation aussi nuancée de la réalité acoustique que les schémas antérieurs d'Ellis et Saran:

[10] Cf. ses Remarks parus aux «Transactions of the Philological Society», 1875—76, 442—6.

[11] En réalité, le système de Saran est encore plus nuancé; on y trouve deux espèces de «überschwer» et aussi des syllabes dites «indifférentes», par exemple au commencement du mot.

2 1 3 1 1 2 2½ 4 1 2 1 4
Deux liards couvriraient || fort bien | toutes mes terres

1½ 1 1 2 1½ 5 1 1 1 1½ 2 4
Mais tout le grand ciel bleu || n'emplirait pas | mon coeur

Quant à Žirmunskij, sa critique personnelle se compose de plusieurs éléments. L'essentiel, c'est qu'il s'oppose à la dualité traditionnelle des syllabes toniques et atones, c'est-à-dire des syllabes fortes et faibles; comme Belyj, il admet l'existence d'un accent affaibli (полуударение) et même celle d'une syllabe atone un peu plus »forte« («более сильный неударный,» op. cit. 127). Ces nouvelles catégories lui permettent de soumettre à une révision très logique toute la théorie des substitutions: contrairement à Brjusov qui qualifiait toujours de spondaïque la rencontre de deux syllabes toniques dans un pied, Žirmunskij propose d'y distinguer toute une gamme de variétés dynamiques. Cette gamme, il la croit représentée, par exemple au début du vers, par les 4 exemples suivants: 1. «Швед, русский...»; 2. «День целый...»; 3. «Ей надо...»; 4. «Мой друг...» où les proportions de l'intensité seraient tour à tour 1 — 1, ¾ — 1, ½ — 1 et ¼ — 1. Il s'ensuit que seul le premier groupe de mots donne un spondée réel (– –); dans tous les autres cas le rythme iambique perce même à travers ces cas de substitution (op. cit. 129). Des degrés de transition seraient également imaginables: marquant par ½ — 1 la proportion des intensités d'accent dans le groupe de mots «Там встретил...», il suffirait de marquer par ³/₈ — 1 la relation représentée par «Ей надо...». Une échelle analogue existe aussi pour les variétés du rythme «descendant»; si l'on indique par 1 — 0 la relation des deux premières syllabes dans «Бой барабанный...», les divergences moins marquées présenteront la série suivante: «Ей отвечали» (½ — 0), «Я отвечал» (¼ — 0), «И отвечал» (¹/₈ — 0). D'une manière générale, Žirmunskij admet l'existence d'une tendance quasi instinctive qui consiste à réaliser, dans la mesure du possible, le dessin précis d'un rythme ou, pour mieux dire, d'un schéma métrique; c'est pourquoi il opère, de même que Šengeli,[12] avec la notion d'«интенсы», entendant par là les syllabes atones qui ne doivent une intensité très légère qu'à la pulsation du rythme régulier, c'est-à-dire à la tendance à réaliser ce rythme aussi exactement que possible. Cet «accent de position» mettrait un peu en relief la conjonction и dans le contexte suivant: «Такой прекрасной и безгрешной»; la relation de cette syllabe et de la précédente pourrait être marquée par 0 — ¼ (op. cit. 129—130).

Il est fort dommage que Žirmunskij n'ait illustré sa théorie par un nombre plus considérable d'analyses concrètes: du seul texte que nous ayons rencontré dans son traité (op. cit. 166) il ressort qu'il désirait opérer avec

[12] Comp. avec son Трактат о русском стихе, 2e éd. 1923, 31—3.

une transcription assez complexe qui, à bien des égards, rappelle celle de Saran. Voici quelques vers d'*Onéguine*, transcrits selon le système de Žirmunskij qui ne marque que les syllabes fortes et leurs degrés d'intensité:

Минýты двé | онѝ | молчáли	2 — 3, 1 — 3
Но к нѐй | Онѐгин | подошéл	1 — 2 — 3
И мóлвил: | «Вы̀ ко мнѐ писáли	3, 1 — 1 — 3
Не опирáйтеись: | я̀ прочéл	3, 2 — 3
Душѝ | довéрчивой | признáнья	2 — 3 — 3
Любвѝ | невúнной | излия́нья	2 — 3 — 3
Мнѐ̋ вà̀ша ѝскренность милá...»	[1/2] — 1 — 2 — 3

5. Evidemment, dans ces analyses de l'intensité dynamique du vers il y a toujours quelque chose de fuyant qui ne semble pas étranger à la nature de la poésie même; on pourrait reprendre, à ce propos aussi, la formule de Verlaine: «L'Indécis au Précis se joint». Il n'est pas douteux qu'on est au seuil de cet état de «rêverie musicalisante» où maints chercheurs, comme par exemple le professeur genevois Henri Morier, croient découvrir «la condition *sine qua non*» de toute poésie sincèrement ressentie.[13] Ces faits, d'une évidence incontestable, ne permettront jamais aux métriciens de renoncer entièrement à une analyse plus fine et plus nuancée du vers, même si, temporairement, les traités de versification préfèrent écarter tous ces problèmes. Comme nous l'avons pu constater au cours d'un voyage d'études en U. R. S. S., les tentatives de Ščerba et de Žirmunskij ne sont guère tombées dans l'oubli; bien au contraire, il y a des métriciens qui admettent non seulement ces possibilités de diction et d'interprétation, mais aussi d'autres qui, en fin de compte, paraissent remonter au moins à la seconde moitié du XIXe siècle. Pour illustrer les tendances actuelles qui mériteraient d'être examinées à fond aussi bien par des artistes que par des théoriciens, nous nous sommes adressé à M. Štokmar, collaborateur de l'Institut Gorkij à Moscou; ce théoricien avantageusement connu même à l'étranger de l'histoire du vers russe,[14] a bien voulu nous accorder le droit de publier pour la première fois l'analyse rythmique qu'il a consacrée en notre présence, le 23 septembre 1959, à deux poèmes de Lermontov. En procédant à cette analyse, M. Štokmar s'excusait de ne pouvoir nous offrir qu'une interprétation impressionniste reflétant, bien entendu,

[13] Cf. La psychologie des styles. Genève, s. d. [1959], 41. — Voir aussi les réflexions et les exemples concrets de M. Arnaudov, Психология на литературното творчество Sofija 1931, 382 et suiv. (au chap. Музикално настроение).

[14] Outre son ouvrage principal (Исследование в области русского народного стихосложения. Moscou 1952), on lui doit, entre autres, une étude sur le système du vers chez Majakovskij (О стиховой системе Маяковского, dans le volume Творчество Маяковского Moscou, 258—312; voir là-dessus L. Gáldi; Acta Ling. Hung. III, 452—5) ainsi qu'un livre sur la rime de Majakovskij (Рифма Маяковского. Moscou 1958), v. là-dessus mon compte-rendu dans ce même fascicule: p. 453—5).

son «настроение» momentané; nous avons pourtant aussitôt reconnu qu'on y retrouvait incontestablementl'application de certains principes d'interprétation qui, comme nous venons de dire, semblent remonter par l'intermédiaire de Brjusov, maître de Štokmar lui-même, au moins à la seconde moitié du XIXe siècle. Pourrait-on y reconnaître aussi des traditions qui nous mèneraient plus loin dans le passé, peut-être jusqu'à l'époque de Lermontov? Voilà une question que nous préférons ne pas trancher; en tout cas, il est fort probable que dans la diction, si profondément sentie, de Štokmar se cachent des traditions a n t é r i e u r e s à l'interprétation, parfois peut-être trop logique, de Ščerba qui, à son tour, semble être entièrement approuvée par la majorité des Russes cultivés d'aujourd'hui. Voici donc les deux textes où, répétons-le, tous les signes «diacritiques» (c'est-à-dire ceux se rapportant aux flottements successifs de l'intensité dynamique) sont dus à Štokmar lui-même:

НЕТ, Я НЕ БАЙРОН...

Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник.
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.
Я раньше начал, кончу ране,
Мой ум немного совершит,
В душе моей, как в океане
Надежд разбитых груз лежит.
Кто может, океан угрюмый,
Твои изведать тайны? Кто
Толпе мои расскажет думы?
Я — или бог — или никто! —

ПАРУС

υ —υ — υ υ υ ´´ — υ
Белеет парус одинокий
υ ´— υ ´— υ υ υ ´´´ —
В тумане моря голубом. —
´´ — υ ´— υ— υ ´´ — υ
Что ищет он в стране далекой,
´´´ — υ — ´ υ— υ ´´ —
Что кинул он в краю родном?

υ —υ — υ — υ — υ
Играют волны, ветер свищет,
υ — υ — υ υ ´´ —
И мачта гнется и скрипит,
υ ´— υ — υυ υ ´´ — υ
Увы! — он счастия не ищет
υ υ υ ´— υυ υ ´´ —
И не от счастия бежит! —

υ ´— υ— υ — υ ´´ — υ
Под ним струя светлей лазури,
υ ´— υ — υ υ υ ´´ —
Над ним луч солнца золотой: —
υ ´´ — υ ´´ — υ ´´ — υ ´´ — υ
А он, мятежный,, просит бури,
υ — υ ´— υ ´— υ ´´ —
Как будто в бурях есть покой!

Les analyses de Štokmar jettent un jour vif sur une série de faits très intéressants. En ce qui concerne le premier poème, déjà le début nous réserve des surprises. Ce que nous constatons dans ce cas, ce n'est pas la substitution d'un spondée ou d'une pyrrique à un iambe, mais bel et bien le remplacement, au moins partiel, du rythme a s c e n d a n t par un rythme d e s c e n d a n t et la transformation de la première mesure (ou, si l'on veut, du premier «pied») en trochée ! Il n'est pas douteux que les vers iambiques commençant par une syllabe accentuée étaient bien rares dans la poésie russe de la première moitié du XIXe siêcle.[15] Non moins surprenant est la césure du premier vers après la 5e syllabe; est-ce encore un écho de la césure de l'ambrosien qu'on retrouve

[15] Il n'en reste pas moins que les vers commençant par un нет accentué n'avaient pas été inconnus à Puškin non plus; dans son Послание к кн. А. М. Горчакову (1816) on lit ces vers: «Нет, праведно богов определенье»; «Нет! и в слезах сокрыто наслажденье». — A propos du remplacement des iambes par des trochées cf. aussi les exemples signalés par I. R. Galperin, Очерки по стилистике английского языка. Moscou 1958, 294, 299, 302, etc.; Fr. Lockemann, Rhythmus des deutschen Verses. München 1960, 182 et suiv.

d'ailleurs bien souvent aussi dans l'octosyllabe de Puškin (cf. les vers comme «Когда не в шутки | занемог»; «Легко мазурку | танцовал» etc.)? Les rimes reçoivent dans la diction de Štokmar presque toujours un accent énergiquement marqué; est-ce une conséquence de sa théorie concernant l'importance de la clausule dans la structure du vers russe? En tout cas, c'est sur ce point que la différence d'interprétation est la plus manifeste entre Ščerba et Štokmar; tandis que Ščerba n'attribuait point aux rimes de Puškin un accent quasi obligatoire, l'interprétation de Štokmar souligne la rime même dans des constructions comme «Но только с русскою душой». Signalons aussi la rythmique — très particulière pour l'époque ! — du dernier vers: dans ce cas on peut constater non seulement la réduction et le déplacement des accents, mais aussi un puissant «crescendo», représenté par trois espèces d'accent: $\underline{\upsilon}$ ... $\underline{''}$ ... $\underline{'''}$. Ce vers, à lui seul, révèle bien l'incroyable tension intérieure dont fait preuve presque chaque poème sincèrement vécu de Lermontov.

Quant à l'analyse du Парус, elle témoigne, *grosso modo*, de l'application des mêmes principes d'interprétation. Une fois de plus, les rimes sont fortement mises en relief; une d'elles, à savoir голубой, cette épithète postposée et séparée du mot qualifié par un génitif, porte le même accent particulièrement énergique («überschwer», aurait dit Saran) que le mot бури, à la fin de l'avant-dernier vers. Les vers 3—4, avec les questions parallèles qu'ils contiennent, grossissent le nombre des exemples attestant l'importance des trochées secondaires au début du schéma métrique. Au v. 5 Štokmar, sans admettre la diction très courante ($\upsilon \underline{\upsilon} \upsilon \underline{\upsilon} \upsilon \underline{\upsilon} \upsilon \underline{\upsilon} \upsilon$) qui semble reposer sur la nature traditionnelle des diiambes,[16] préférait estomper un peu les temps forts et renoncer à toute espèce de distinction; grâce à cet effort, ce vers est devenu — au moins en apparence — particulièrement sobre et régulier. Aux deux derniers vers il y a de nouveau une sorte de «crescendo» et même d e u x «crescendos» parallèles; leur noyau semble être formé par le mot бури, placé à la fin de l'avant-dernier vers. Il est évident qu'à l'époque de Lermontov, selon l'esthétique romantique du vers, une poésie se terminait encore très souvent par une p o i n t e savamment calculée; la devise de Verlaine («Tuez la Pointe !...») ne remonte qu'à une date beaucoup plus récente.

6. Pour terminer ces réflexions bien sommaires, je voudrais répondre à deux questions susceptibles de faire naître certaines objections.

a) D'une part, il convient de préciser si les distinctions jusqu'ici décrites ne sont pas des particularités trop fuyantes et trop labiles pour former la base d'une analyse plus pénétrante et plus rigoureuse du tissu du vers.

[16] Cette espèce de scansion, admise par un très grand nombre de Russes, paraît attestée aussi par le témoignage de B. O. Unbegaun (v. sa lettre adressée, en août 1959, à l'auteur de ces lignes); néanmoins il n'a pas manqué d'ajouter: «mais, encore une fois, c'est souvent question de goût personnel». La scansion uniforme de Štokmar est d'ailleurs confirmée par celle d'une de mes collaboratrices, Mme Emma Svešnikova (Léningrad).

b) D'autre part, il ne serait pas sans intérêt d'établir quel système de notation paraît le plus recommandable, celui qui opère avec des signes diacritiques, c'est-à-dire avec plusieurs espèces d'accent ou celui qui recourt à des chiffres.

A propos du premier problème il convient de faire état de deux opinions. Selon certains auteurs, comme Žirmunskij[17] et B. Eichenbaum,[18] le lecteur d'un poème se subordonne involontairement à la musique intérieure et à l'intonation qui anime un texte poétique; par conséquent, il ne serait pas téméraire de vouloir reconstruire, au moins en partie, les intentions réelles du poète. D'autres, en revanche, comme par exemple S. I. Bernštejn, sont d'avis qu'un poème ne porte guère en soi les lois de la diction.[19] L'auteur de ces lignes, tout en voyant les risques inhérents aux tentatives de ce genre, préférerait opter pour la première hypothèse; de fait, qui ne reconnaîtrait dans le style même de Blok, sans avoir jamais lu de la manière monotone dont le poète interprétait ses vers,[20] qu'on a affaire, dans la plupart des cas, à des «canzoni a bocca chiusa»? De même, tout en connaissant le rythme vigoureux et saccadé des grands poèmes de Majakovskij, qui voudrait réciter de la même manière ces deux petits vers d'une simplicité presque classique:

На переулочках
— луна.
Идет одна,
она юна.

Débarrassons-nous donc de la déclamation où seul l'artiste fait entendre s a v o i x (de «Selbstleser», aurait ajouté Sievers) et essayons de nous orienter vers ces zones de la lecture expressive qui s'adaptent beaucoup mieux aux données objectives du texte, à savoir à la s t r u c t u r e d e s p h r a s e s qui, à n'en point douter, portent en soi les conditions élémentaires d'une certaine diction. Ces données objectives, Eichenbaum les a souvent mises en relief, en comparant le texte poétique à une pièce de musique qui, elle aussi, impose les règles essentielles de son interprétation. Ou écoutons ce qu'Eichenbaum dit de la rythmique de Lermontov: »Lermontov, écrit-il, avait à résoudre un problème très compliqué: écarter le „canon" de Puškin [c'est-à-dire les principes préconisés par Puškin dans l'estétique du vers]... Il donna donc à

[17] Вопросы теории литературы. Статьи 1916—1926. Léningrad 1928, 105.
[18] Мелодика русского лирического стиха. Péterbourg 1922.
[19] Стих и декламация. Русская речь I, 7—41. Voir aussi (du même auteur): Эстетические предпосылки теории декламации, dans Поэтика, t. 3, Léningrad, 1926. — Cf. aussi l'avis de R. Jakobson: «The verse shape of a poem remains completely, independent of its variable delivery» (dans le recueil d'études Style in Language. New York—London, 1960, 367).
[20] Cf. là-dessus S. Vyšeslavceva, О моторных импульсах стиха. Русская речь I, 57.

la langue et au vers russes une sorte de tension intérieure, un aspect tout nouveau, il les fit „aigus" et passionnés; en outre, il introduisit des rimes et des images toutes nouvelles ...»[21] Il ne serait pas difficile de reconnaître dans la diction de Štokmar précisément les reflets de cette tension et de ces tendances novatrices.

Evidemment, il est possible de remonter même plus haut que le romantisme pour déchiffrer les intentions des poètes de jadis quant à la diction juste de leurs vers. En parlant des odes de Lomonosov et de leur style particulier Ju. Tynjanov a fait la remarque suivante: «On ne devrait jamais perdre de vue la fonction concrète, au point de vue de la déclamation, de chaque élément de son style. Ses vers sont à rattacher aux phénomènes de l'art déclamatoire. En essayant de les commenter, nous devons toujours les imaginer dans la réalité vivante de la prononciation».[22] En effet, qui ne découvrirait cet art éminemment déclamatoire par exemple dans le remaniement, dû à Lomonosov, d'une ode de Jean-Baptiste Rousseau qui reflète encore le monde bouillonnant de passions du théâtre baroque:

Quoi? Rome et l'Italie en cendre	Почтить ли токи те кровавы
Me feront honorer Sylla?	Что в Риме Сулла проливал?
J'admirerai en Alexandre	Достойно ль в Александре славы,
Ce que j'abhorre en Attila?	Что в Аттиле всяк злом признал?
J'appellerai: Vertu guerrière	За добродетель и геройство
Une vaillance meurtrière	Хвалить ли зверско неспокойство
Qui dans mon sang trempe ses mains?	И власть окровавленных рук?
Et je pourrai forcer ma bouche	И принужденными устами
A louer un héros farouche	Могу ли возносить хвалами
Né pour le malheur des humains?	Начальника толиких мук?

Notre dernier exemple prouve à l'évidence que les iambes russes, dès l'époque de leur formation, portaient en soi l'élan d'une haute tension dramatique.

Ceci dit, voici notre réponse à la seconde question que nous venons de poser. Etant donné que les chiffres, malgré tout avertissement concernant leur valeur approximative, suggèrent toujours l'idée de certains rapports quasi mathématiques entre les différents degrés d'intensité, nous sommes d'avis que seules les données concrètes de la phonétique expérimentale pourraient justifier leur emploi; dans ce cas le numérotage des degrés d'intensité correspondrait, d'une manière symbolique, aux résultats obtenus au moyen d'un grand nombre d'expériences. Pour le moment, à défaut de telles expériences, il suffirait de recourir à des signes diacritiques qui pourraient être par exemple

[21] Op. cit. 90—1.
[22] Cf. Ода как ораторский жанр. Поэтика. 1927, 110.

ceux de Ščerba et Štokmar. En tout cas, la notation des divers degrés de l'accent devrait toujours aller de pair avec la transcription des différences de quantité; bien qu'en russe on ne puisse parler d'une quantité phonologique des voyelles, il est de toute évidence que les voyelles des syllabes accentuées sont presque toujours un peu plus longues que les voyelles atones.[23] La quantité des voyelles toniques est donc un phénomène concomitant qui contribue à donner un certain relief à la syllabe placée sous le coup de l'accent.

Inutile de dire que toutes ces réflexions, suggérées par quelques phénomènes du vers russe, sont appliquables aussi à d'autres langues et d'autres littératures; à propos du vers hongrois qu'il nous soit permis de renvoyer aux récentes observations de L. Deme sur la déclamation du poème «Szózat» (Appel) de M. Vörösmarty;[24] quant au vers roumain, des idées comparables aux nôtres ont été esquissées dès 1943 par L. Russu.[25] Nous proposons donc la gamme suivante des variétés d'intensité:

$\breve{}$, $\acute{}$, $\underline{\breve{}}$, —, $\bar{\acute{}}$, $\bar{\bar{\acute{}}}$ et $\bar{\bar{\bar{\acute{}}}}$.

[23] Malheureusement nous n'avons encore à notre disposition aucune recherche consacrée à ces différences de quantité des voyelles russes; pour le vers français cf. les mensurations de G. Lote, L'alexandrin français d'après la phonétique expérimentale. Paris, 1910. — On trouve maintes données analogues dans le récent ouvrage de I. Fónagy, A költői nyelv hangtanából (avec un résumé allemand: Aus der Lautlehre der dichterischen Sprache). Budapest 1959. — Sur l'allongement provoqué par l'accent: *И. И. Жинкин,* Восприятие ударения в словах русского языка. Изв. Акад. Наук РСФСР. Вып. 54 (1954) 79—80.

[24] Hangsúlyozási problémák a Szózat szavalásában. [Problèmes d'accentuation relatifs à la déclamation de l'«Appel»]. Magyar Nyelvőr 1958 ; 187 et suiv.

[25] Estetica poeziei lirice. Bucarest 1943, 203. — Retenons aussi l' opinion de Fritz Lockmann: „Wir bezeichnen ... die Überschweren mit ˊ, die Vollschweren mit ˊ, die Halbschweren mit ˋ, die Kaumschweren mit · ˝ (Der Rhytmus des deutschen Verses. München 1960. 178—9. vö. 180—2).

Из наблюдений над лексико-фразеологическим составом языка публицистики В. В. Воровского

Нина Самуэли

В предисловии к своей новой книге «О языке художественной литературы» академик В. В. Виноградов пишет: «В истории развития филологической науки проблема поэтического языка и проблема стилистики художественной литературы изучались и развивались то в границах языкознания, то выходили из пределов лингвистики и, не получив права на постоянное жительство ни в одной области словесных наук, временно обосновывались на почве риторики, поэтики, эстетики слова и даже теории литературы.»[1] Такая неопределенность границ языка писателя вызывается трудностью отделения литературоведческого анализа от лингвистического при изучении художественного произведения. Если для литературоведа на первый план выдвигается идейно-смысловая сторона произведения и при этом язык в его понимании только иллюстрирует отдельные поступки героев или авторские замечания, то для лингвиста в центре внимания — язык произведения в узком смысле слова, т. е. его лексические и грамматические особенности вне связи с содержанием произведения и характерами действующих лиц. В лучшем случае особенности языка того или иного писателя рассматриваются в связи с определенным периодом в истории литературного языка. В еще бóльшей мере такая неясность и неопределенность методов изучения относится к языку публицистики. В этом случае важность, злободневность, политическая направленность статей часто заслоняет перед исследователем языковые особенности публицистического произведения и особенно своеобразие его стиля. Изучение языка публицистики имеет важное значение как для истории литературного языка вообще, так и для истории языка публицистики — того стиля русского литературного языка, который получил особенное развитие, начиная с середины XIX века.

В настоящей статье мы попытаемся на основе разбора и анализа лексико-фразеологических особенностей языка одного из виднейших боль-

[1] *В. В. Виноградов,* О языке художественной литературы. М. 1959, стр. 3.

шевистских публицистов начала XX века В. В. Воровского показать особенности его стиля, а также указать на место его в развитии языка русской революционной публицистики в предреволюционный период.

Вацлав Вацлавович Воровский родился в 1871 г. в Москве и был убит в 1923 г. белогвардейцем Конради в Лозанне, куда Воровский прибыл для участия в работе международной конференции. С юных лет, еще будучи студентом, Воровский начал принимать участие в революционном движении. В период борьбы русских социал-демократов против экономизма и ревизионизма Воровский твердо стал на сторону левого крыла социал-демократии. После II съезда РСДРП в 1903 г. Воровский примкнул к большевикам, возглавляемым Лениным. Тогда же началась его публицистическая и литературно-критическая деятельность, которую он продолжал до конца жизни, сочетая ее с активной политической борьбой в предреволюционный период и с работой в советском и партийном аппарате в годы после Октябрьской революции. Воровский сотрудничал в большевистской газете «Искра», затем в большевистских газетах «Вперед» и «Пролетарий» (сменивший «Вперед» после III съезда в 1905 г.). Воровский помещал свои статьи также и в легальной марксистской прессе: в журнале «Правда», в первой легальной большевистской газете «Новая жизнь» и в ряде других газет и журналов социал-демократического или близкого к нему направления. Кроме публицистических статей политического характера, посвященных стратегии и тактике большевиков в годы первой русской революции 1905 г., Государственной Думе и др., Воровский написал большое количество литературно-критических статей о современной ему русской и иностранной литературе, об интеллигенции и ее роли в литературе и общественной жизни России. Он наряду с Плехановым и Луначарским является одним из основателей марксистской литературной критики. Статьи Воровского перепечатывались после его смерти в различных сборниках и в 1931—1933 гг. Институтом Ленина при ЦК ВКП(б) и Соцэкгизом были изданы «Сочинения» Воровского в 3-х томах. Это издание является первым наиболее полным изданием ценного наследия, оставленного нам этим выдающимся публицистом. Мы будем ссылаться в дальнейшем на это трехтомное издание. Сборники литературно-критических статей Воровского были выпущены затем в 1948 и в 1956 г. г.

Краткий биографический очерк мы считали необходимым предпослать исследованию языка Воровского, чтобы подчеркнуть значимость и важность личности и деятельности Воровского в истории русского революционного движения и в истории русской публицистики. Следует отметить, что о Воровском, как активном деятеле большевистского подполья и активном участнике первых лет жизни советского государства, появилось большое количество статей и воспоминаний современников. Есть целый ряд статей, посвященных Воровскому, как одному из первых марксистских

литературных критиков.[2] Но работ, посвященных его языку и стилю, нет. Язык и стиль Воровского — марксистского, большевистского литературного критика и публициста заслуживает, по нашему мнению, специального лингвистического исследования.

Мы ограничиваем свою работу исследованием лексико-фразеологических особенностей языка Воровского, т. к. именно это характеризует своеобразие его стиля.

I

Материалом для исследования послужили политические статьи Воровского, посвященные тактике большевиков в эпоху первой русской революции 1905 г., а также литературно-критические статьи о русской и иностранной литературе и маленькие фельетоны. Весь языковой материал мы располагаем в две большие группы: 1) фразеологические сочетания слов, их характер и разновидности, включая использование Воровским пословиц и поговорок, и 2) особенности использования отдельных слов как то; сложные слова, иностранные слова, различные виды неологизмов, эмфатическое использование архаизмов и т. д.

Прежде всего остановимся на различных видах фразеологических сочетаний и их использовании Воровским. Как в политических, так и в литературно-критических статьях Воровского встречается большое количество фразеологических сращений или идиом,[3] т. е. таких сочетаний, в которых значение целого сочетания уже необъяснимо с точки зрения значения отдельных слов, входящих в него. Например: «все эти черты *красной нитью* проходят через многолетнюю деятельность М. Горького» (т. 2, стр. 209). «Эти «миллионы других людей» — народ — оставались для него *книгой за семью печатями*» (т. 2, стр. 135), «*ринувшись очертя голову* в капиталистический водоворот» (т. 3, стр. 88), «труд становится какой-то *панацеей от всех бед*» (т. 2, стр. 66), «*драконовские наказания* — вот меры борьбы с революцией (т. 3, стр. 5). «Наши друзья из новой «Искры» уже два года стремятся... испепелить большинство и в этом стремлении постоянно *попадают впросак*(т. 3, стр. *22*). Количество примеров можно было бы увеличить множеством им подобных, но уже и из приведенного списка ясно, что идиомы — не случайное явление, а органическое свойство языка Воровского. В подтверж-

[2] Подробную библиографию о В. В. Воровском см. в кн: «Деятели революционного движения в России» био-библиографический словарь от предшественников декабристов, до падения царизма. Т. V, вып. 2. Москва 1933; кроме этого: *Мясников*, «В. В. Воровский в борьбе за большевистскую литературную критику». «Большевик» 1948, № 13.

[3] Здесь и в дальнейшем при разборе фразеологических сочетаний мы придерживаемся классификации, данной акад. *В. В. Виноградовым* в книге «Русский язык» М. 1947, стр. 21—27.

дение этого положения укажем, что такая идиома, как *красной нитью проходит* т. е. является основным, главным, характерным — повторяется в целом ряде статей. Кроме приведенного примера из статьи «Максим Горький», эта идиома встречается в других статьях о Горьком, в статье «Базаров и Санин» и в др. Идиома *панацея от всех бед, зол*, т. е. абсолютное, верное, единственное всеисцеляющее средство встречается, кроме указанного примера из статьи «Лишние люди», в статьях: «Базаров и Санин»: — «Знание же было той панацеей, которая должна возродить и перестроить человеческое общество» (т. 2, стр. 93); «Д. И. Писарев»: «Рост знания, развитие мысли для него были альфой и омегой прогресса, панацеей от всех общественных зол» (т. 2, стр. 132). Встречающаяся в последнем из выше приведенных примеров идиома — *альфа и омега* повторяется в статье «И. С. Тургенев, как общественный деятель»: — «ряд публично-правовых реформ... — вот *альфа и омега* дворянского либерализма 40-х годов» (т. 2, стр. 141).

Интересно отметить, что идиомы, употребляемые в литературно-критических и в политических статьях не одинаковы по своему стилистическому характеру и происхождению. Если для языка литературно-критических статей характерна бóльшая традиционность и книжность и идиомы, встречающиеся в этих статьях книжного происхождения *(панацея от всех бед, книга за семью печатями* и др.), то язык политических статей гораздо ближе к разговорному бытовому языку и идиомы, встречающиеся в этих статьях — разговорные, имеющие своим источником живую разговорную речь *(попасть впросак, ринуться очертя голову* и др.).

Фразеологические единства и фразеологические сочетания, в узком смысле слова, т. е. те устойчивые сочетания слов, в которых значение целого сочетания в той или иной мере мотивировано значением отдельных слов, входящих в сочетания, — встречаются в еще бóльшем количестве в статьях Воровского. Следующие примеры фразеологических единств и фразеологических сочетаний могут иллюстрировать это положение: «Феодальные отношения были *вырваны с корнем*» (т. 3, стр. 94); «у *кормила правления* стали отдельные группы» (т. 3, стр. 94); «Буржуазия редко, как класс, стоит у *кормила правления*» (т. 3, стр. 93.); «объективный процесс развития производительных сил *пропел отходную* феодальному строю хозяйства» (т. 2, стр. 36); «Читателю *не по плечу* были эти могучие переживания» (т. 2, стр. 194); «Солидные органы» только *руками разводят* от недоумения» (т. 2, стр. 172); «Белинский был *до мозга костей* «земным», был детищем той черной земли...» (т. 2, стр. 113); «М. Горький *до мозга костей* гуманист» (т. 2, стр. 195); «И *язык* патриота *не повернется* на защиту этой измены» (т. 2, стр. 471); «Но разве *повернется* хоть у одного революционера *язык*, чтобы протестовать против революции» (т. 3, стр. 35); «Берлинские рабочие призывали собрание к этому решительному шагу, обещая защищать его *до последней капли крови*» (т. 3, стр. 103); «Рабочие будут бороться *до последней капли крови*» (т. 3, стр. 105).

Таким образом, и этот вид устойчивых фразеологических сочетаний очень характерен, более того, является органической составной частью языка и стиля Воровского.

Возникает вопрос, какова же стилистическая роль фразеологических сочетаний и идиом в языке Воровского? Рассматривая и изучая различные по характеру статьи, можно придти к выводу, что фразеологические сочетания играют двоякую роль: с одной стороны, они усиливают, подчеркивают важность серьезность, значимость содержания и это проявляется в первую очередь в политических статьях. С другой стороны, они придают иронический характер высказываемому и это наблюдаем в фельетонах и отчасти в литературно-критических статьях. И в том и в другом случае фразеологические сочетания делают язык красочным, своеобразным, приближают язык Воровского-публициста к языку художественной литературы. Для пояснения данного положения достаточно привести несколько примеров. В статье «Из русской жизни», помещенной в газете «Искра» в 1903 году и посвященной наступлению царского самодержавия на революционное движение, Воровский пишет: «Что же касается опасности, грозящей со стороны элементов, не призванных поддерживать «порядок», то против нее принимаются самые широкие меры. Правительственная тактика в этом отношении становится все яснее и определеннее. *Отделить козлищ от агнцев* — революционную интеллигенцию от рабочих и крестьянства, а потом обезоружить каждый из этих слоев особенными мерами — кого угрозой, кого лаской — вот план-тактика Плеве» (т. 3, стр. 3). Здесь сочетание «отделить козлищ от агнцев» — евангельского происхождения — очень ярко характеризует основную мысль Воровского — правительство хочет расколоть революционные силы. Другой пример из той же статьи: «...*драконовские наказания*» — вот меры борьбы с революцией» (т. 3, стр. 5). Идиома «драконовские наказания» кратко и точно определяет непомерно суровые меры, принимаемые правительством и в этой краткости — особая сила и стилистическая выразительность. Ту же краткость, точность, выразительность подчеркивает и такой пример из литературно-критической статьи о Леониде Андрееве: «Здесь в сущности *Ахиллесова пята* рассказа»(т. 2, стр. 251).

Фразеологические сочетания еще более разнообразят стиль Воровского, играя роль иронии. Так, например, в статье «Был ли Герцен социалистом?», напечатанной в журнале «Творчество» в 1920 году, Воровский с насмешкой пишет об отходе Герцена от идей социализма после крушения революций 1848 года в Европе: «Но постепенно в нем происходит внутренний перелом. Из-под коры западничества все более и более выступает *ветхий Адам*» — русский человек с определенном уклоном к славянофильству» (т. 2, стр. 102—103).

И, наконец, самое яркое проявление иронии в стиле Воровского видно в его маленьких фельетонах. В качестве примера приведем выдержку из

фельетона «В подземном царстве», напечатанного в газете «Одесское обозрение» в 1908 году. Фельетон представляет собой описание воображаемого суда над Л. Толстым в подземном царстве. В качестве защитника выступает Цербер с головой Меньшикова, известного реакционера и черносотенца. И вот в уста этого «защитника» Толстого Воровский вкладывает следующие слова: «Братие! когда я однажды *плакал* в умилении *крокодиловыми слезами* над березками Нестерова, из которых сотни поколений вязали веники розог, этот старец пришел и братски облобызал меня... Слезы душат меня... я не могу говорить...» (т. 2, стр. 471). Здесь помимо иронического характера выражения «плакать крокодиловыми слезами», контраст между сентиментальными березками Нестерова и розгами, которые вязали из них, создает исключительно богатый, красочный и остроумный стиль.

Фразеологические сочетания всех категорий, употребляемые Воровским в своих статьях, — самого различного происхождения: из античной и библейской мифологии, из профессиональной речи *(подковать героя на все четыре ноги, поставить последнюю карту)*, и наконец встречаются и такие, которые творятся в самом русском языке в процессе его развития и обогащения, (как, например, «черная сотня» — реакционная антисемитская организация, созданная для борьбы с революцией, «до мозга костей», «вырывать из когтей враждебного мира» и др.).

Все фразеологические сочетания, как перечисленные здесь, так и подобные им *(гора свалилась с плеч, получить львиную долю* и др.) существуют в языке вообще и не являются исключительной принадлежностью языка того или иного писателя. Представляет интерес только рассмотрение их значения и роли в языке Воровского, о чем уже была речь выше.

Не меньший интерес представляют словосочетания, являющиеся переходными между свободными и фразеологическими сочетаниями слов. Так, например, выражение «[Тургенев] стал *певцом своего поколения*» (т. 2, стр. 142 — статья «И. С. Тургенев как общественный деятель») — не является общепринятым в языке и, тем не менее, переносное значение слова «певец» в данном случае, содержащее, вероятно, намек на произведение Тургенева «Певцы», позволяет все сочетание считать приближающимся к фразеологическому. По своей структуре и лексической сущности это сочетание близко к таким, как: «детище своей среды», «продукт эпохи», и др., которые существуют в русском языке, как установившиеся устойчивые фразеологические сочетания. Как правило, такие переходные случаи основаны на переносном значении слов и часть из них ближе к фразеологическим сочетаниям, часть же легко воспринимается как свободное сочетание слов, в котором переносное значение того или иного слова создает лишь красоту и художественность стиля. Провести четкую границу между теми и другими не всегда является легкой задачей, и часто единственным критерием служит употребительность, общепринятость в языке. Так, например, сочетания: «больной

вопрос», «больная совесть», «болеть душой» широко распространены в языке и воспринимаются, как фразеологические: «моральные формулы не могут заглушить голос *больной совести*» (т. 2, стр. 63); «только с такой стороны рассматривает г. Боборыкин этот *больной вопрос*» (т. 2, стр. 69); «не раз, конечно, будет бунтоваться *больная совесть* неопошлевшего еще окончательно лишнего человека» (т. 2, стр. 63); «Это тоже любящая *и болеющая душой* за своих детей мать» (т. 2, стр. 210).

В то же время мы встречаем в языке Воровского целый ряд словосочетаний, в которых слова употребляются в переносном значении, и которые обычно в языке не существуют, как готовые словосочетания, но в данном контексте являются таковыми. Такие сочетания, как: «Он [Герцен] не щадил *огненных слов*, чтобы заклеймить Кавеньяка и Бонапарта» (т. 2, стр. 102); «Сам он [класс] в политическом отношении *поплетется в хвосте* какого-нибудь примыкающего и более жизненного класса, пока совсем не растворится в обществе» (т. 2, стр. 36); «*На заре движения*» (т. 2, стр. 192) и др. в сущности — свободные синтаксические сочетания слов, но в то же время образность и индивидуальная стилистическая специфика позволяет рассматривать их и им подобные словосочетания, как приближающиеся к фразеологическим. Следует отметить, что возможность употребления в переносном значении слов «огненный» и «хвост» засвидетельствована словарем Ушакова: *Огненный взор, огненные речи, звуки, огненная страсть* (см. Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, т. 2, стр. 748). Отсюда легко образуемо и сочетание «огненные слова» — пламенные исполненные силы, подъема. Что касается слова «хвост», имеющего переносное значение — конец, задняя часть чего-нибудь при движении (хвост обоза, колонны), то сочетания: *идти, тащиться, плестись в хвосте* в начале XX века приобрело определенное политическое значение — следовать за стихийным рабочим движением. Отсюда образовалось слово «хвостизм» — оппортунистическая тактика следования в хвосте событий, приспособления к отсталым стихийным элементам движения. Наличие в языке переносного значения данных слов позволяет Воровскому умело и тонко использовать их в другом контексте и этим создавать новые сочетания с ними, приближающиеся в его стиле к фразеологическим. Слово «заря» имеет переносное значение, как начало, зарождение нового *(заря счастья, на заре новой жизни, на заре туманной юности* — Кольцов). И снова у Воровского мы видим новое сочетание «на заре движения», придающее его стилю несколько книжный и вместе с тем выразительный оттенок.

Для характеристики художественности и образности стиля Воровского приведем еще несколько примеров использования им переносного значения слов: «...Все это *шевелит* вокруг нее *стоячую воду* человеческой рутины» (т. 2, стр. 137); «*Пробуждающийся и тянущийся к социализму* рабочий класс» (т. 2, стр. 104); «*Могучим потоком движется жизнь* все вперед и

выше» (т. 2, стр. 30); «Письмо Л. Андреева *угловатое, острое с резкими гранями*, местами вдруг переходящее в красивую образную лирику» (т. 2, стр. 244); «Но другое дело прилепиться только к его внешним чертам, к оборотам речи, *к резким торчащим граням языка*» (т. 2, стр. 273). Слова с переносным значением создают перед нами зримый ощутимый образ.

II

Особенную силу и выразительность языку Воровского придают пословицы и поговорки. Воровский охотно и часто обращается к пословицам и поговоркам, как русским, так и заимствованным из других языков. Пользуется он ими умело и тонко, подчеркивая значимость текста или иронический смысл его и никогда не перегружая текст излишним нагромождением народных слов и выражений. Поэтому стиль Воровского всегда остается блестящим, политически заостренным даже и в литературно-критических статьях и, будучи простым, не носит характера псевдо-народной упрощенности. Характерным примером этого служит следующая выдержка из известной статьи «Лишние люди» (напечатанной в журнале «Правда» в 1905 году и посвященной судьбе русской интеллигенции в конце XIX века), в которой Воровский описывает чеховских героев, как характерных представителей интеллигенции конца века: «И мы рвались к идеалу, да что делать, *лбом стены не прошибешь, не перешибешь обуха плетью* и т. д.» (т. 2, стр. 32). В этой короткой выдержке употреблены две синонимичные пословицы и они кратко и убедительно рисуют полное крушение всех «идеалов» мелкобуржуазной интеллигенции.

Перед нами статья «Еще о Горьком» (помещена в большевистском журнале «Мысль» в 1911 году), которую Воровский посвящет вопросу о противоречии художника и гражданина в каждом поэте и писателе, в том числе в Горьком, т. е. вопросу о том, что важнее, создавать высоко художественные произведения без определенной идейной направленности или в интересах идейно-политической заостренности произведения поступаться его художественностью. Статья написана торжественным стилем с употреблением книжных оборотов, примером чему является следующий отрывок: «Сложный и спорный вопрос, что важнее для общества и притом не в данный момент, а с точки зрения длительных интересов: подобный отказ от чисто художественного творчества и служение нуждам данного политического момента или же, напротив, бряцание рассеянной рукой на лире вдохновенной, служение искусству и только искусству, не ставя себе каких-либо практических задач в данный момент» (т. 2, стр. 221). И вот в этот торжественный текст врывается такая просторечная разговорная поговорка, как: «как ни кинь, все клин» (там же), которая не снижает значимости и важности текста,

а только подчеркивает их. Такую же роль играет и другая народная пословица: «Куда конь с копытом, туда и рак с клешней», употребленная в статье «В ночь после битвы» (т. 2, стр. 245), посвященной позиции русской интеллигенции и, в первую очередь, писателей после разгрома революции 1905 года.

Пословицы и поговорки встречаются и в политических статьях Воровского, хотя в меньшем количестве и в этих статьях они своей выразительностью и художественной образностью также служат усилению, подчеркиванию основного смысла статьи. В богатом и разнообразном языке Воровского пословицы и поговорки часто выражают иронию. Например: «Но с трудов праведных не наживешь палат каменных, так и путь к богатству ведет Вассу Железнову через дебри греха и преступлений'' (т. 2, стр. 211). И сама пословица — ироническая и мораль ее — осуждающая. В этой связи очень интересно рассмотреть особые случаи использования пословиц и поговорок, а именно не использование их целиком, так, как они существуют в языке, а как бы в расслоенном виде, перефразируя их значение. «Кого история хочет погубить, у того она отнимает разум» (т. 3, стр. 108) — пишет Воровский в статье «Революция и контрреволюция» о провале попыток царского правительства заглушить растущее революционное движение в 1905 году, перефразируя известную пословицу: «кого боги хотят погубить, у того они отнимают разум.»

Такое расслоение пословицы, как разъяснение ее смысла в данном контексте, встречаем и в других статьях Воровского. «И с ненавистью бросил он дерзкие слова этой интеллигенции, продавшей свое почетное социальное первородство за чечевичную похлебку материальных благ» (т. 2, стр. 200) — читаем мы в статье «Максим Горький».

И наконец своей вершины и наилучшего выражения достигает этот прием перефразирования пословиц в ироническом смысле в фельетонах, в частности, в статье «Спор о Макаре», напечатанной в газете «Одесское обозрение» в 1908 году и посвященной спорам писателей-декадентов о роли и судьбе русского народа после подавления революции 1905 года. Воровский иронически называет Макаром русский народ, который является объектом изучения и домыслов декадентов вроде З. Гиппиус и других. Приведем в качестве иллюстрации начало статьи, которое показывает блестящий и остроумный публицистический стиль Воровского: «Бедный Макар, известный также под поэтическими названиями «многострадального», и «сермяжного», а также под прозаической, но вразумительной кличкой «ён» — этот бедный Макар искони отличался двумя незаменимыми с государственной точки зрения свойствами: во-первых, на него охотно валились все шишки, и, во-вторых, он гонял своих телят в такие места, дальше которых бывали только бывшие члены Государственных Дум, да лица, оказавшиеся не по чину умными» (т. 2, стр. 344). В этом отрывке, кроме двух пословиц: «на бедного Макара все шишки ва-

лятся» и «куда Макар телят не гонял», можем наблюдать сочетание слов книжного риторического стиля (поэтические названия, многострадальный, с государственной точки зрения) со словами сугубо разговорными и даже просторечными и испорченными (ён», кличка). Такое сочетание слов совершенно разных речевых стилей создает неповторимый иронический эффект.

Метод такого расслоения, перефразировки пословиц не новый в русской литературе. Традиция эта восходит к Гоголю, в произведениях которого можно встретить такие примеры: «своя рожа несравненно ближе, чем всякая другая» (т. VII, стр. 82); «пойдут потом поплясывать, как нельзя лучше под чужую дудку» (т. III, стр. 66); «Помещик, кутящий во всю ширину русской удали и барства, прожигающий, как говорится, насквозь жизнь» (т. III, стр. 117).[4]

Все рассмотренные пословицы и поговорки — народного или библейского происхождения, прочно вошедшие в языковой обиход. Не менее интересным явлением в языке Воровского является использование им так называемых «крылатых слов» — выражений и слов, попавших в язык из литературных произведений. Отметим, что некоторые из таких «крылатых слов» вошли прочно не только в литературный, книжный, но и в разговорный язык и часто источник их уже забыт и не осознается говорящими. Примером служит следующий отрывок из статьи о Н. А. Добролюбове: «Когда трудящиеся массы получают относительную свободу и возможность бороться уже только за свои интересы (а не таскать каштаны из огня для других)» (т. 2, стр. 129), где выражение «таскать каштаны из огня» — восходит к басне Лафонтена «Обезьяна и кот».

Приведем несколько примеров, имеющих своим источником русскую литературу. В упомянутой уже статье «В ночь после битвы», описывая неприглядное «мародерское» (по его выражению) поведение интеллигенции после разгрома революции 1905 года, Воровский восклицает: «И пошла писать губерния!» (т. 2, стр. 245). Это выражение, очень часто употребляемое в языке, особенно в разговорном — цитата из «Мертвых душ» Гоголя: «Галопад летел во всю пропалую . . .» Вона! пошла писать губерния!» — проговорил Чичиков, попятившись назад» (ч. 1, гл. 8). В той же статье Воровский зло пишет об интеллигенции: «Но ее «благие порывы» так и остались порывами», где «благие порывы» — цитата из стихотворения Некрасова «Рыцарь на час»:

«Суждены вам благие порывы,
Но свершить ничего не дано».

Другая группа цитат и выражений из литературы, употребляемых Воровским, является достоянием литературного языка и в разговорной речи

[4] Примеры взяты из «Мертвых душ», цит. по кн. *Гоголь*, Соч. изд. 10-е, под ред. *Н. С. Тихонравова.*

почти не встречается. В письменной же речи очень часты такие выражения, как: «*властитель дум* рассматриваемого нами поколения» (т. 2, стр. 52), восходящее к стихотворению Пушкина «К морю»; «Добродетельные помпадуры» (т. 3, стр. 4), впервые употребленное в сатирическом смысле Салтыковым-Щедриным в очерках «Помпадуры и помпадурши».

Следует указать на целый ряд выражений, которые не имеют настолько широкого распространения в языке, как уже перечисленные, но тем не менее нет оснований предполагать, что Воровский был единственным, употреблявшим их. Литературное происхождение такого рода прямых или перефразированных цитат придает языку Воровского более возвышенный поэтический характер, не уменьшая важности и идейно-политической направленности его статей. «*Красный призрак витает* над русской землей, держа в вечном страхе верных слуг самодержавия» (т. 3, стр. 13) — читаем мы в статье «Из русской жизни» и ассоциация с первыми строками русского перевода «Коммунистического Манифеста» — ясна. Характеризуя Горького, как пролетарского писателя-борца, Воровский пишет: «Таким безумцем, пожелавшим навеять человечеству золотой сон о святой правде, явился сам Максим Горький.» (т. 2, стр. 190), перефразируя четверостишие Беранже в переводе В. С. Курочкина, бывшее очень популярным в то время среди революционно-настроенной молодежи.[5] И далее для характеристики Горького Воровский использует выражения из произведений самого Горького, ставшие крылатыми: «В эти грустные дни М. Горький выступил дерзким глашатаем безумства храбрых» (т. 2, стр. 190), «М. Горький стал буревестником пролетарской революции» (т. 2, стр. 209).

И снова нельзя не упомянуть в этой связи блестящего мастерства Воровского в стиле иронии. В статье «Уроки жизни» он пишет: «Теперь поймите, как «организовать революцию» в «ходе восстания»? Это тоже что организовать войну в ходе сражения. Формула эта относится к той же категории понятий, что и 48-я мартобря гоголевского персонажа» (т. 3, стр. 24).

III

Рассмотрев стилистическую роль различного вида словосочетаний, мы остановимся на лексическом составе языка Воровского в узком смысле слова, т. е. на использовании им отдельных слов. В этой связи наибольший интерес представляют новые слова, неологизмы, которые вошли в русский литературный язык в конце XIX и начале XX веков. Под неологизмами в

[5] *Господа, если к правде святой*
Мир дорогу найти не сумеет
Честь безумцу, который навеет
Человечеству сон золотой.

Беранже: «Безумцы».

данном случае следует понимать не только вновь образованные слова, возникшие в процессе развития культурной и общественно-политической жизни общества, но и те старые, существовавшие в языке, слова, которые получили новое значение. Новых слов, простых по своей структуре, сравнительно немного в языке Воровского. В качестве примера приведем часто употребляемое им прилагательное «культурнический», которое словарь Ушакова характеризует, как слово—новое и с оттенком пренебрежительности. Воровский же вкладывает в это слово серьезный положительный смысл, когда он пишет о попытках интеллигенции нести культуру и просвещение в послереформенную деревню и называет ее деятельность, то «культурнической струей» (т. 2, стр. 53), то «культурническими начинаниями» (т. 2, стр. 54), то «культурно-народническим течением» (т. 2, стр. 51). Есть все основания считать, что в тот период это слово не имело пренебрежительного значения.

Новым словом, не существующим в словарях, является образованное от прилагательного «хороший» — абстрактное существительное «хорошесть»: «Сознание своей хорошести» (т. 2, стр. 253); «Собственная вычитанная из книг хорошесть» (там же). Оба примера взяты из статьи «В ночь после битвы» и в общем контексте насмешки над поведением интеллигенции после подавления революции 1905 года слово «хорошесть» имеет саркастический стилистический оттенок.

Другой пример — слово «обуржуазение», встречающееся в таком сочетании, как «обуржуазение России» (т. 2, стр. 110). Словарь дает это слово в форме «обуржуазивание» — превращение отдельной части рабочих в «рабочую аристократию» в капиталистических странах. От него существуют глаголы — «обуржуазить», «обуржуазиться» и у Ленина мы встречаемся с таким выражением, как «обуржуазившиеся рабочие», которое, вероятно, было новым, не общепринятым, так как Ленин берет его в кавычки. Воровский, говоря об «обуржуазении России», придает слову более широкий общественно-политический смысл. По этому же типу он образует слово «одворяниться» («Неудивительно, что всякая крупная личность, жаждавшая широкой общественной деятельности, но происходившая из бесправных низов, должна была сама «одворяниться», т. е. путем выслуги, чинов и орденов быть принятой в господствующее сословие» (т. 2, стр. 116). Слово это словари не указывают и это — новообразование самого Воровского, сделанное им по общему правилу русского словообразования. Таких совсем новых слов у Воровского чрезвычайно мало.

Кроме указанного «одворяниться», встречается еще одно слово, — «треповидные» (образованное от имени министра внутренних дел Трепова, ярого реакционера, имя которого стало олицетворением царского произвола) в следующем отрывке из статьи «Севастопольское одоление», написанной в ноябре 1905 года и язвительно бичующей «победу» царского самодержавия над восстанием в Севастополе: „«Войско!» — самоуверенно кричат

треповидные герои, бия себя в грудь, увешанную крестами за Ляоян, Кишинев, Мукден, Баку, Порт-Артур, Одессу и другие подвиги" (т. 3, стр. 75). Явный сарказм вложен в перечисление «побед» (позорных поражений) в русско-японской войне, в разгроме революции и в погромах и новообразование «треповидные» звучит нескрываемой издевкой.

Неологизмами, возникшими непосредственно в большевистской печати в начале XX века являются и такие слова, как «новоискровцы» (т. 3, стр. 26—28), «новоискровский» (т. 3, стр. 24), применяемые к «Искре», ставшей, начиная с № 52 меньшевистской. В зависимости от контекста слова эти имеют то стилистически нейтральное, то ироническое значение.

Гораздо бóльший лексический пласт в языке Воровского составляют так называемые «кованые» слова, стоящие «на границе словотворчества и комбинации слов уже имеющихся».[6] Такого рода словообразование больше всего наблюдаем в системе прилагательных и наречий. Наряду с общепринятыми в литературном языке сложными прилагательными типа: «буржуазно-капиталистические методы» (т. 2, стр. 50), «общественно-политическая жизнь» (т. 2, стр. 200), «общественно-экономическое развитие» (т. 3, стр. 10), «общественно-экономическая категория», (т. 3, стр. 93), «торгово-промышленная Россия» (т. 2, стр. 144), «объективно-историческое значение» (т. 2, стр. 101), «революционно-настроенные классы» (т. 2, стр. 108), и др. в языке Воровского, как и в языке многих русских писателей и публицистов, мы можем наблюдать большое количество сложных прилагательных и наречий, не зафиксированных словарями и являющихся индивидуальной особенностью языка того или иного писателя. Приведем самые характерные примеры таких слов: «барско-красивый язык Тургенева» (т. 2, стр. 112), «Манерно-простой и притворно-спокойный стиль» (т. 2, стр. 274), «презрительно-пессимистический ответ» (т. 2, стр. 94), «ярко-индивидуалистическая окраска» (т. 2, стр. 83), «Неприятно-остро воспринимать» (т. 2, стр. 75), «молитвенно-лицемерно-предательская рожица» (т. 2, стр. 469), «барско-крестьянская Русь» (т. 2, стр. 191), «Умеренно-мещанское мировоззрение» (т. 2, стр. 447) и др.

Эти и подобные им слова образуются, как указывает в названной книге Булаховский, из двух известных прилагательных или наречий и потому значение таких новообразований понятно читателю и они часто не воспринимаются им, как новые слова. Булаховский приводит большое количество подобных слов из русской художественной прозы и поэзии. Укажем лишь некоторые из них, чтобы подчеркнуть, что традиция такой «ковки» слов существовала в русском литературном языке уже в XIX веке и была унаследована писателями и публицистами XX века. У Достоевского встречаются такие прилагательные, как: «тихо-радостное светлое ощущение», «беспоря-

[6] Об этом см. *Л. А. Булаховский*, Курс русского литературного языка. Киев 1952, т. 1 стр. 82.

дочно-восторженные мысли», «что-то такое мучительно-действительное и страдальчески-справедливое» и др. У Гоголя встречаем такие прилагательные, как: «пронзительно-ясные глаза», «невинно-простодушные речи», «зелёнокудрые леса» и др. У Тютчева — «громкокипящий кубок», «незримороковая длань» и др.[7]

К этой структурной группе слов можно отнести сложные прилагательные, образованные Воровским из прилагательного и какого-либо служебного слова, например: «Россия за-буржуазная» (т. 2, стр. 144), «Якобы-демократическая интеллигенция» (т. 2, стр. 260) и др. Отметим, что такого типа новые и в то же время старые слова были очень распространены в публицистическом языке конца XIX и начала XX веков и мы встречаем их у Ленина и других публицистов.

Интересно еще раз подчеркнуть, что такие сложные слова, как правило, прилагательные или наречия, т. е. в тексте они выступают в роли эпитетов и своей новизной усиливают выразительность языка, в применении же к языку публициста заостряют и усиливают политическую целенаправленность статей или придают им иронический характер.

IV

В языке, как литературно-критических, так и политических статей Воровского, можно наблюдать значительный пласт устаревшей лексики. Слова-архаизмы чаще всего играют роль иронии и, выступая в серьезном контексте в сочетании с обычными общепонятными современными словами, создают сильный и выразительный контраст. Так в статье «Буржуазные »соглашатели« и пролетарские революционеры», написанной в октябре 1905 года, Воровский резко выступает против меньшевистской «Искры», призывающей к соглашению с буржуазией и агитирующей за поддержку Государственной Думы, против которой боролись в то время большевики. Воровский пишет: «...теперь — перед *отверстыми вратами* государственной Думы — восстание теряет опять для нее [«Искры»] привлекательную силу и превращается в »вещь в себе«, как было до 9 января» (т. 3, стр. 110). Оба слова «отверстые» и «врата» снабжены в словаре пометами «книжные», «риторические», «поэтические», «устаревшие». В современном литературном языке эти слова обычно не употребляются. В данном же контексте возвышенный, риторический, поэтический смысл их в применении к Государственной Думе звучит злой насмешкой и над этим лжепарламентом и над меньшевиками, возлагающими на него большие надежды. Заканчивается предложение философским термином «вещь в себе», который в данном случае также служит выражению иронии.

[7] Примеры заимствованы из книги *Л. А. Булаховского*, Курс русского литературного языка. Киев 1952, т. 1 стр. 82—83.

Другой пример — статья «Севастопольское одоление», написанная в ноябре 1905 года. Вся статья — жестокая насмешка над царским самодержавием, которое проиграло войну с Японией, но зато беспощадно расправляется с восстаниями революционных масс. Слово «одоление» [победа], которое встречаем и в самом названии статьи и несколько раз в тексте в словаре значится, как устаревшее, книжное, риторическое и его использование в применении к победе армии над народом — явный сарказм. В этой же статье Воровский использует в применении к армии выражение «христолюбивое воинство» — официальное торжественное наименование армии в дореволюционной России. Но какой сарказм и издевка над этим «воинством» звучит в следующем отрывке: «Христолюбивое воинство, позорно бежавшее перед натиском японцев, проявляет неукротимое мужество в борьбе с бунтующими рабочими, крестьянами, интеллигентами» (т. 3, стр. 74).

Еще пример использования в стиле иронии архаических слов и выражений: «И вот неблагодарная задача, — представить г. Горького и его »сброд« читателям »Вестника Европы« — выпадает на долю г. Ляцкого. Г. Ляцкий, *ничто же сумняшеся* берется за этот искус и выполняет его, надо признаться, блистательно» (т. 2, стр. 173). Весь отрывок — едкая насмешка над критиком Горького и архаичное «ничто же сумняшеся» еще более усиливает эту насмешку, доводя до злой сатиры.

Второй линией использования архаизмов является использование и для выражения торжественности стиля. Такое использование архаизмо имеет большую традицию в русской литературе и особенно в поэзии. И в этом смысле Воровский не вносит нового в литературный язык, когда он пишет: «В воздухе запахло *грядущей* бурей» (т. 2, стр. 91), или «характерное *знамение* времени» (т. 3, стр. 8), или «основное настроение его было ярким *знамением* назревавшей революции» (т. 2, стр. 194), или «Он [пролетариат] ответил на нее октябрьской стачкой, не бывалой в *летописях* истории» (т. 3, стр. 39) и др. Примеры взяты и из политических и из литературно-критических статей, и иллюстрируют традиционность многих литературных приемов Воровского.

Заканчивая этот краткий обзор лексико-фразеологического состава языка Воровского, можно сказать, что Воровский продолжает традиции русского литературного языка, сложившиеся к концу XIX века. Он, как публицист-большевик, является наследником русской революционно-демократической публицистики конца века. Размеры данной статьи не позволяют проследить эту преемственность между языком публицистов конца XIX века и языком Воровского, а это было бы очень интересной задачей. Все то новое в лексике, фразеологии и словообразовании, что вносит в свой язык Воровский, находится в связи с новым политическим и общественным содержанием его статей, с их боевым, революционным характером.

Unbekannte slowakische Gedichte und Volksliedvarianten

F. Gregor

I.

Die Handschriftenabteilung der Széchenyi-Nationalbibliothek besitzt eine Hs. im ledernen Einband, die im Katalog unter dem Stichwort »Stilübungen« (Signatur: Quart. Lat. 2688) in Evidenz gehalten wird. Der Band stammt aus dem 17—18. Jahrhundert und enthält meistens lateinische, weniger deutsche und in kleinster Anzahl tschechische bzw. slowakische, nicht von derselben Hand stammende handschriftliche Texte.

Auf der ersten beschriebenen Seite liest man die Jahreszahl 1690, der unbekannte Verfasser begann also in diesem Jahr seine Aufzeichnungen. Auf Seite 69b liest man die Jahreszahl 1741, aber dies letzteres Datum hat mit dem Text gar nichts zu tun und darf mit großer Wahrscheinlichkeit als eine nachträgliche Eintragung gelten. Vermutlich wird man auch die zweimal lesbare Jahreszahl 1770 auf der Innenseite des hinteren Deckelbandes in demselben Sinne erklären dürfen. Dagegen bezeichnet die Zahl 1699 auf Seite 104b ein Datum, das mit dem Text zusammenhängt. Das geht daraus hervor, daß die meisten Seiten des Bandes wohl noch im 17. Jahrhundert beschrieben wurden, doch ist es wahrscheinlich, daß der eine oder andere Text erst später, in der ersten Hälfte des 18. Jahrhunderts eingetragen wurde. Wohl hat der Band im Laufe dieser Zeiten auch den Besitzer gewechselt, wie man dies auf Grund zweier Gedichte annehmen darf.

Der Band enthält zum größten Teil lateinische Stilübungen. Man findet darin Brief- und Ansprache-Konzepte, Meditationen in bunter Reihenfolge nacheinander, oft auch denselben Text wiederholt in verschiedenen Fassungen, lateinisch und deutsch (wie z. B. Imitatio ciceroniana; Dispositio Epistolae Gratulatoriae; Mercatura; Materiatum usw., aber auch solche ohne Titel). In zwei Fällen begegnet man auch je einem mit Slowakismen durchsetzten tschechischen Konzept. Außerdem liest man darin auf den Seiten 162—164b, sowie 170b—171a in slowakischer Sprache aufgezeichnete Texte über Aberglauben, Quacksalbereien und Rezepte, und auf den Seiten 123b, 165—169, 171b, 173, 174 wie auch auf der Innenseite des hinteren Deckelbandes slowakische Gedichte. Auf den Seiten 165—169 folgen aufeinander nicht weniger

als 22 slowakische Gedichte[1] unter dem zusammenfassenden Titel: *Nektere pisničkí pro Mladencu y pro pannj.* Nach diesen kommen 9 lateinische Gedichte, von derselben Hand geschrieben. Von dieser Hand stammen (mit Ausnahme von dreien) auch die erwähnten volksmedizinischen Texte. Auch die Schreibart des Gedichtes *Gak libežnu wuni* auf Seite 123b ist der vorigen Schrift sehr ähnlich, aber dennoch läßt sie sich nicht mit Gewißheit als die derselben Hand bezeichnen. Man kann auch nicht mit voller Sicherheit feststellen, ob diese Gedichte von ihrem Verfasser aufgezeichnet oder von jemand anderem abgeschrieben bzw. in den Band eingetragen wurden. Nach den Verbesserungen und Auslassungen zu urteilen, dürfte man eher noch an eine Aufzeichnung aus dem Gedächtnis denken.

Das Gedicht *Gak libežnu wuni* ist in ziemlich holprigem Stil und mit schwachen Reimen tschechisch geschrieben, aber es enthält auch einige Slowakismen (z. B. das Fehlen des *ř*, *welmo*, *chotar*, *moge*, *woni*). Aus zwei Angaben bekommt man einige Stützpunkte für den Entstehungsort des Gedichtes und die Person des Verfassers. Man erfährt nämlich, daß der unbekannte Verfasser im Komitat Turóc zum Gedichtschreiben angeregt wurde, und daß sein guter Bekannter, vielleicht ein Freund von ihm, Stefan Záborsky war *(mug dobre známi* — wie er gelegentlich über Letzteren sagt). Und da man auf der Innenseite des hinteren Deckelbandes unter einem kurzen fünfzeiligen aber geschickten und spielerischen Verschen die von einer anderen Hand stammende und ziemlich schlechte Unterschrift: *Andreas Z* liest, wäre man geneigt zu denken, daß der Band im Laufe der Zeit vielleicht in den Besitz der Familie Záborsky hinüberging. Die Unterschrift *Andreas Z* kann kaum den Verfasser des Gedichtes bezeichnen. Es ist nämlich so gut wie sicher, daß es sich um ein Volkslied handelt, das *Andreas Z* nur aufzeichnete. Die beiden Gedichte heißen:[2]

Gak libežnu wuni, dawágj Borowice, W ssickni predobre znagj, zdrawj noб magjce.
Proto snimi kadime, Domi a swetnice, Tam se radi bawime, kde gsau Borowice.
Proto gest welmi hlawne w Turčanske Stolici, Misto okolo slawne, ležj po prawicy
Že tam wuni welice Roskosnu widawá Od ktere noб y lice občerstwene bywa.
Tuto se ale stalo, ne tak welmi dawno, že woneti začalo to misto woniawo.
gjnu wuni libežnu gesste libežnegssj, kteru wám hnetki reknu sem prichil Te ussj.
Ruzowa wune byla, ktera borowice, wssecki prewissowala gesste Mnohem wice
Sam[3] *se mnozj zchazeli mezi Borowice, Aby ružu wideli kterak tak welice,*

[1] Eigentlich 23 Liedertexte.

[2] Die Gedichte werden zuerst abgedruckt wie sie in der Hs. stehen und erst nachher dem Rhytmus und Reim entsprechend gegliedert. Die Transkription der Texte betreffend vgl. Eugen Paulinys Ausgabe von Ján Kollárs Národnie spievanky, 1953 (vgl. 2 ; 608). Auch die folgenden nach Kollár angeführten Angaben entnahmen wir dieser Ausgabe.

[3] Zweifellos nur ein Schreibfehler statt *Tam*.

W uni na wssecke strani, nekteri gj też chteli, od nesti, nez prebráni, Teg wtady nemeli.
Sam gedini tak sstastni byl, Steffan Zaborsky,
Że podwratil te brani, chlapik welmo wrtky,
Peknu ružu dostal, do pribitku sweho, do chotara gj odjal Rage Zaborskeho,
O Steffan Zaborsky, temer ty zawidim, mug dobre známi když tu Ružu widim.
Než ale tyó známi mug protoó se radegj, że cos hledal to gjž maď moge srdce smegj.
Ruže když od korene, otrhnuta bywa, Wadne gak každodene, w chete[4] *se to stáwa.*
ga ale wynssugem, twug dobre pregjcy,
Tobe nini pregem, z dussj plesagjcy, Aby ta twa Ruže nikdy neuwadla,
Aby gj žadna nuze, nikde ne popadla.
Nech cerwena, nech woni, nech te občerstwuge, Swu roztomilu
wuni, nech dnu naplnuge, Tak žjw bud sny gak w Ragj,
S Ewu žiw byl Adam, O Ragj [hier zwei Worte durchstrichen] *kragj, ktera gako hadam*

(Fortsetzung fehlt.)

Jak líbeznu wúni
dávají borovice,
wšickni predobre znají,
zdravý nos majíce.

Proto s nimi kadíme
dom a svetnice,
tam se radi bavíme,
kde jsau borovice.

Proto jest velmi hlavné
v Turčanské stolici,
místo okolo slávné
leží po pravici.

Že tam váni velice
rozkošnú vydává,
od které nos i líce
občerstvené bývá.

Tuto se ale stalo,
netak velmi dávno,
že voneti začalo
to místo voňavo.

Jinú váni líbeznú,
ješte líbežnejší,
kterú vám hnedky reknu,
sem prichylte uši.

Rúžová váne byla,
která borovice
všecky prevyšovala,
ješte mnohem více.

Tam se mnozí scházeli
mezi borovice,
aby rúžu videli,
kterak tak velice

váni na všecké strany.
Nekterí jí też chteli
odnésti, než prebraní,
tej tady nemeli.

Sám jediný tak šťastný
byl, Štefan Záborský,
že podvrátil te brány,
chlapík velmo vrtký.

[4] Unverständlicher Ausdruck. Vielleicht meinte der Schreiber des Textes: *v lette*

Peknú rúžu dostal
do príbytku svého,
do chotára jí odjal,
raje Záborského.

O, Štefan Záborský,
temer ti závidím,
múj dobre známy,
když tú rúžu vidím.

Než ale tys' známý múj,
protož se radejí,
Že cos' hledal, to již máš,
moje srdce smejí.

Rúže když od korene
otrhnutá bývá,
vadne jak každodenne,
v chete [?] se to stáva.

Já ale vynšujem,
tvúj dobre prející,
tobe nyní prejem
z duši plesající,

aby tá tvá rúže
nikdy neuvadla,
aby jí žádná núze
nikde nepopadla.

Nech červená, nech voní,
nech te občerstvuje,
svú roztomilú vúni
nech dnu naplňuje.

Tak živ buď s ní jak v raji
s Evu živ byl Adam.
O, raji [hier zwei Worte durchstrichen] *kraji,*
která jako hádám

(Fortsetzung fehlt.)

* * *

Wgem galučku Nadolyne
nadoly ne naneg Trawa neza
hynge Trawa Sucha Trawa Sucha
Kosa tupa Kosa Tupa
Og Ami chlapcy Hopacupa Hopacupa
Andrear6 Z

Viem ja lúčku na doline, na doline.
Na nej tráva nezahynie, nezahynie.[5]
Tráva suchá, tráva suchá!
Kosa tupá, kosa tupá! Oj!!
A my chlapci, hopacupa, hopacupa!!

Was Sprache und Form betrifft, bieten die 22 (eigentlich 23) Gedichte, die unter dem Sammelnamen *Nektere pisničkí pro Mladencu y pro pannj*

[5] Man sieht an der Komposition des Gedichtchens, daß auch das Wort *nezahynie* wiederholt werden muß. Zweifellos hat der Schreiber die Verdoppelung vergessen.

zusammenfaßt sind, ein sehr interessantes Bild. Sie lassen sich in zwei Gruppen gliedern: in Kunstlieder (oder wie sie in Kolláıs Národnie spievanky-Sammlung heißen: *Piesne meštianske a panské)* und in Volkslieder. In die erste Gruppe gehören 12 Gedichte, von denen sechs auch in Varianten bei Kollár vertreten sind, während die anderen sechs Kollár nicht bekannt waren. Es ist bezeichnend für diese 12 Kunstlieder, daß sie sprachlich vielmehr unter tschechischem Einfluß stehen als die 10 (bzw. 11) Volkslieder, die offenbar dem Abschreiber in den Ohren klangen, so daß er sie auch unwillkürlich slowakisch oder mindestens slowakisierend aufzeichnete. Die Orthographie der Gedichte ist dieselbe, wie die der zeitgenössischen tschechischen Texte. Dabei wird die Quantität völlig regellos angegeben oder unterlassen, so daß man daraus gar keine Schlüsse ziehen kann.

Zunächst werden hier die Gedichte in ihrer ursprünglichen Reihenfolge abgedruckt, erst später bei der Gliederung nach Rhythmus und Reim trennen wir die Kunstlieder *(A)* von den Volksliedern *(B)*. Hier drucken wir auch die entsprechenden Gedichte aus Kolláıs Sammlung ab, da sich auf diese Weise am leichtesten die Varianten vergleichen und die Abweichungen beobachten lassen. Natürlich sind für uns nicht nur jene Gedichte wertvoll, die in der Sammlung Národnie spievanky nicht vorkommen, sondern auch diejenigen, die Kollár zu seiner Zeit schon aufgezeichnet hatte. Denn unser Band ist mindestens um hundert Jahre älter als Kolláıs Sammlung, und so sind darin ursprünglichere Varianten erhalten geblieben. Man bekommt also aus dem Vergleich ein sehr interessantes Bild nicht nur über die sprachlichen Veränderungen, sondern auch über die Abweichungen in bezug auf Form und Inhalt.

Nektere pisnički pro Mladencu y pro pannj

1. *Amor o amor proč mne tak sužugeb proč ránib prosim te srdce me. proč ustáwične mne prenásledugeb prineb poselstwj mne wesele :|: dobre ffssecek nezuffam, tak prudce tebe žadám od welkeg milosti, nemu- | žem spomocy sobe sám.*
2. *Když mne ma mila Pride na pamatku, kdy bych možne bylo bych letel, nedbagjce nic y neghorssj chwilku, len žebich sem spisse gu widet,*[6] *Srdce we- | mne wždj horj, nebo Amor mne mori, wssecko co gest wmem tele wsse- | cko wssecko mne boly.*
3. *Co kolwek robjm wždj na tebe mislim ne mám na tebe wždj milegssjho neb gem, | neb pigem, aneb když kolwek Spim spátrim na twu premilu krasu :|: | nemužem wislowiti, nemužem wjpsati. gaksi zakorenena werže giste Srdcy wmem.*[7]

[6] Das *t* in *widet* ist zweifellos nur ein Schreibfehler anstatt *l*.
[7] So macht unsere Handschrift die umgekehrte Wortfolge erkenntlich.

4. *Nic od Lasky twe, uffanj ga to mám nikdj mne odneg neod lučj, kteri pre La- | sku mne čjni to nedbám, ga wtwogem, ati wmogem Srdcy:|: protož zustáweg werna, gak sjmne prislibila, ach kdybi jiů prissla ta ssta- | stna naůa hodina.*

gina: *Když ga pugdem ceů Horu ceů zeleni Hag smutnim hlásem neweselim takto zawolám.*

2. *Stratila sem Karbunkuluů od wichot Slunca, co mj switil wedne w nocy od meho Srdca.*
3. *Zgedneg stránj Karbunkuluů zdruheg Magéran, na prostretku mug nagmilssj gako Tulipan.*
4. *Čo po to be Tulipane že pekne kwitne coů po to be mug negmilssj, ked ma newezmeů.*
5. *Co po to be Magerane že pekne wongaů co po to be mug megmilssj ked ma za nechaů.*
6. *Gednemu sem Ruku dala a druhemu žgal treti mu sem powgedala že nepuogdem zan.*
7. *Štwrti sedj za wrch stola, gako z Ružj kwet, černe očka wíplákane menj samu swet.*
8. *Paty sedy na Stoličky wssecek omdlewa už ma mila premiléna čepček opssjwa.*
9. *Issla ona do komori atak horce plákála bodagsomta mog nagmilssj, bola neznála.*
10. *Neplač neplač ma milena wssak sj wssak siti ma wssak ti malo lide pragu Pan Bůh ti ma dá.*[8] *Am.*

gjna

Lebo milug lebo nechag, zli newerni Šuhagu zlosti swoge nezakriwág neb se ti skrit nedagu negsi wrečj gako sweču kteruž wida twoge očj hnet sa priznágu.

2. *O meg Lasce pochibowál, že bi sem tak klamála ale on to musi swečit, že sem werna bjwála, Šuhagjčku podwodničku sklámal si mne newolničku uů sem ta wčil skusila.*
3. *Neraů si ga o tom mislim, gak by sem ti werila, mnoho mlauwjů nic neplniů, gjž sem ta poznála, w hodina to nowina kde gen prigdeů wssade gina. gjž sem ta wcil skusila.*

[8] Die Handschrift läßt alle zehn Strophen als ein einziges Gedicht aufeinander folgen, obwohl es sich hier offenbar um zwei verschiedene Gedichte handelt. Die ersten fünf Strophen trennen sich, was Inhalt und Form betrifft, scharf von den darauffolgenden fünf ab. Wir drucken die zehn Strophen ohne Unterbrechung ab.

4. *Sam Bůh tebe trestát bude že si mne tak oklámál, lasku sem ti zachowála, uprimnost mi slibowál, ffalessnosti podwodnosti mám uteba Šuhag dosti, gjž sem se tak sklámála. Am.*

gjna: *Tesske žj ti Srdcy memu tagjti tomu,*[9] *neb wjm že me mlčenj, rozmnožuge trapenj.*

2. *Nic w Swete stáleho nenj každu hodinu se změni a me nesstastne srdce, wemne se zmenit nechce.*
3. *Gasem ten nesstastnj Amant, nemužem srdcy rozkazat, anj uwerit nechce, wčem gest bidne me srdce.*
4. *Srdce na očj žaluge, že su oni na pričyne :|: Nebže su oni Tlumač, ked nemuže byti gjnač.*
5. *Očy zaď to powjdagj že kdiž oni uhlidágj, aby uď potom srdce učinilo gako|chce.*
6. *Misl srdcy radu dawa, takto gemu powida, netreba tu milowat, kteru|nemužeď dostat.*
7. *Nyekterim Lidem setak zda, že mne mug wek kwjtnuti má gest praw-|da, že mne kwytne, ale srdce wemne skne.*
8. *guď ga to istotne werjm, že gako Penix pochodjm Srdečne trapeni me, | do hrobu mne prywedé.*

gjna: *Kdo chce wedet co gest Láska, gest Lidske omámenj mnohemu sstasti prekažka a očj za slepenj.*

2. *Kdo si kdo kocho zálibi, bit bylgako lucyffer, ne wjdimu po dob-|nemu misli to že ge Angel.*
3. *Nebo Laska na nic dobre človeka nepriwede, ale radneg mnoho krate, | od dobrého odwede.*
4. *Škody človeku nazdráwy a neb mu ukračuge, srdce trapj sen odjma,*[10] *| weselost zarmucuge.*
5. *Newipisse to neg lepssge, než kdo to skusil, kterj pro Lasku težkosti mnoho pod stupid musil.*
6. *Ani si ten wic nežáda do Laski upadnuti, maliby pro lasku wjce take | trapenj míti.*
7. *Skladatel teto pisničkí, tak si byl to uložil maliby wic milowati | Radegjbi žjwot zložil.*
8. *Ani si on wic nežáda do lasky upadnuty. Maliby pro Lasku wjce take trápenj mity.*

gjna: *Ga lubim teba len ti tak lub mna, moge srdce dosti len tu | žadosti, když mám Lasku uteba.*

[9] Fehlerhafter Vers. Der Verfasser oder der Abschreiber ließ irgendeinen Ausdruck aus Versehen weg, wie das des öfteren vorkommt.

[10] Schreibfehler anstatt *odgjma*.

2. *Newerila sem ani nebudem panenko ma mila, wssecka rostomila mogu Lasku zgewugem.*
3. *Gestli ge práwda že tak lubyž mna, moge srdce wečne offerugem tobe gestli budež werni mne.*
4. *Giž se odáwam wernj zustáwám, až do smrti, tweg ga tebe tež prosjm kdiž ta wsrdcy nosjm no6 mne tež wsrdcy swem.*

gjna: *Kdi bymna bola moga Matička dokut sem bila malička do Klasstora dala abych neklámala sweho Milačka.*
2. *Kdy by mna bil dal ten můg Tatiček dokud sem ga bil mali chlapíček dal učyt brewiar, abych sem nebil ...*[11] *Šwarnich Deweček.*
3. *Nenj na Nebi telko Hwezdíček co mne ma mila da hubíček nenj a nebude co swet swetem bude tolko hwezdiček.*
4. *Nenj na Swete tolko Kardusu, co mne ma mila bozkala ...*[12] *nenj a nebude co swet swetom bude tolko Kardusu.*
5. *Nenj na Swete tolko Klasstoru co mne ma mila dala noclahu není a nebude co swet swetom bude tolko Klasstoru.*
6. *Gedna hodjna, spulnocý bíla kdiž mne ma mila odprewadila, cestu do le hagem wiprewadila pekne polahučki atak potichučki hubičku dála. Am.*

gjna: *Kde si sywa Holubička litála, kde si twoge zlate zlate*[13] *kridla kde si zlámala.*
2. *Lytala sem tam popoli, ato wssecko memu premilemu nazdurj.*
3. *Zasegem ga žjtnj kláb chjtim te ga Siwa Holubička wkratky čab.*
4. *Když te ga chitim zakrigj, nepustim te siwa Holubička už nikdi.*
5. *Když te ga chjtim za Srdce, nepustim te ga siwa Holubička už wice.*
6. *Když te ga chjtim za ruku nepustim te ga siwa Holubička rab wroku.*
7. *Když te ga chjtim za obe nepustim te ga siwa Holubička od sebe.*
8. *Šla do komory plakala, swug zeleni wenček, a zlati prsstenček skládala.*
9. *Dwanac Trubaču trubilo, osemnac paru pacholengec služjlo.*
10. *Trupte Trubačy wesele asnad se nám siwa Holubička zasmege. Am.*

gjna: *Prechodi se mila smutná po hagjčku padagu geg slzj pogeg bgelem ličku.*
2. *Ach chodi a plače lame swoge ruce, neda si potessit swoge smutne Srdce.*

[11] Unleserlicher Ausdruck.
[12] Diese Stelle der Handschrift ist unklar. Das Wortende könnte etwa *-uzu* heißen. Vielleicht *buzu, juzu, pusu*?
[13] Das Wort *zlate* wurde wohl nur aus Versehen zweimal geschrieben.

3. *Co sem milowála gjď sem to stratila, co sem za negwetssj wtom Swete ważjla.*
4. *Strátila sem Kamen kamen srdce meho nebolo mu celem wswete podobneho.*
5. *Stratila sem Kamen kamen welmi krásni Karbunkuluó swetli, gak ta hwezda gestrj.*
6. *Powecte Slawički powezte Hrlički snad steho wideli giti zestudnički.*
7. *Sokole siwj ptak ti wisoko litaď powec mi a netág snad ho nekde widaď.*
8. *Wetričku libežni qen wždj po poli wegeó, powec mi a netág snad ho nekde čugeď.*
9. *Politugte hori hori*[14] *politugte skali, nawrátemi poklát kteri ste mi wzáli.*
10. *Sla mila krikugjc, sla mila po ceste míli segeg ozwál pri zeleneg brezce.*
11. *Preteba sem ocy moge wiplakála smutna po dolinach teba sem hledála.*
12. *Když sem te nalezla gjó te wic nestratim mug drahi Klenote teraó ti zaplátim.*

gjna: *Ga milugem newim newim*[14] *co aranil mne newjm kdo, ato nesstástna Srdce wjgewiti se nechce prokoho gest ránené.*

2. *Powečte ni Oči me čjste wi napričine stjm ffalessnjm pozeranj me Srdce wic gjz*[15] *neobránj ko- | hož zalibi chce.*
3. *Očj se wjmluwágj že otom nic neznágj že onj ani newideli, co by me srdce zalibilo cobi dalo radosti.*
4. *Ach wizna wám že sem gjž ach ga nesstastnj priliž tak že temer pro Lásku, omdlewám kdi žadne potessenj nemam cobi radost dala*
5. *Vale vale pugdem dale, budem sobe spiwáti ti pisnički Anwentowe budem sj rozgjmáti Bože geto pekna chasa budeli ta Zuska nassa. Wolil bich snu žjw biti do mogeg a geg smrti.*[16] *Am.*

gjna: *Sam sa ga sam nasebe radugem, Angel muog že tak werne milugem, milugem te werne ale se obawám, že bude daremne gestli by wedel žebi dáremne bylo, nelitowal by Husarem zustat, nepotrebi mi, Husárikem byti, dato mili pan Bůh že ti musiď moga bity tge twoge černe očj to sa moge puta gestli te nedostám budemi pokuta, To twoge pekne nosenj to ge moge wezenj pokud te newjdim wssecek sem strápenj Amor dictowál Lasku spisowál dussa moga.*[17] *Am.*

[14] Der Wörter *hori* und *newim* wurden wohl nur aus Versehen wiederholen.
[15] Eine halbe Zeile gestrichen.
[16] Die letzte Strophe des Gedichtes ist der Form nach von den übrigen sehr abweichend und gehörte ursprünglich wohl nicht zum Gedicht. Entweder wurde sie erst nachträglich hinzugedichtet oder durch Versehen aus einem anderen Gedicht hier abgeschrieben.
[17] In diesem Gedicht findet man mehrere fehlerhafte Verse. Der Abschreiber hatte den Text wohl nicht genau im Gedächtnis.

gjna: *Ach ti rauko Srdce meho proč sy mne tak ranila, že si strelu srdcj memu gedowátu pustila, ach umirám ach omdlewám ffalessna milownice od twich ffalssu sem zmordován nesstastna podwodnice.*

2. *Ga sem pro te žiwot wažjl bich se mohol zalibit ati ffalessna panenko dala si sa ti zmenit, gasem pro te wkažde dobe činil co se libilo ato twemu prezlosnemu srdcj zacne nebylo.*
3. *Do Oči si sa stáwala, gak by6 mne milowála, když sem odtebe od essel za gjm pozjrála. wssecko si mi powedala, wčem sem se zweril tobe, ffalessneho milowáni, pomsti neminež z Nebe.*
4. *Ach zatmi se Slunce, zatmi na obloze Nebeske nechteg, gj6 swititi wjce nati ffalessne srdce spal ge ohen obrat popel, to nezrádne stworenj nechat nedodáwa memu srdcy suženj.*
5. *Akyž*[17a] *se to y tak stáne, ga umne zweselosti napissem nahrobe takto : skladam swe mlade kosti tu hle ležj gedno telo od ffalsse zmordováno aktere ge wprach a popel giď wssecko obraceno. Am.*

gjna: *Swete marní a podwodni nechcy wice ffalssowat Srdcy memu tak truchliwe punkta wždicky dodawat že se musim gednuc lučyt Bohu wssecko poručyt zustán mila premilena rač mne stebu spogjt.*

2. *Ach umirám ach omdlewám, že ga musim prič wándrowát atebe tak zanechat ach nerač mne odlučowát od tebe Srdce mileho, spog mne stebu neb omdlewám pro tebe wkažde chwile.*
3. *Marnost marnost nad marnosti kdo ma neco libosti, nebo gako witr zrazj kwitek zestromu tak se prowinugem taki kdy su wlasce gednaky že se musga gednuc lučit Bohu wssecko poručit.*
4. *Giž posledni termin prissel*[18] *meho zde prebiwáni, giď ten ča6 weseli ussel, ze Zužjčku obiwanj, giž srdce do cela hasne za Zuzičku auprimnau, giž blesk trati slunce*[19] *gasne, za lasku wigewenu.*
5. *Kdi koli sem na te mislil, mile bylo misléni, ag nini sem Srdceránil pro nasse roz lučeni, ach nezatwrzug swe srdce, ma Zužjčko premila mu- / žeď toho dobre znáti, že sy wsrdcy zadrána.*
6. *Ach gak od žalosti wjndu steho Banske Stawnicy, ach kdeže ga nini zagdu, zde6kTurecke Hranicy, nez ytam se mi nelibi, pro to že witr sskodi, A Turek ten slostni pohan, marni welice lidi.*

[17a] Das *d* fiel in der Handschrift zufällig fort.
[18] Fünf Viertel Zeilen wurden hier korrigiert.
[19] So wird die umgekehrte Wortfolge kenntlich gemacht.

7. *Y ktomu by sem priwolil, kdy by sem mohl zemrit, když od Holubički mile misim wtemto čaó dogjt,*[20] *nea neni wswete člowek ktery by ma potessil, a me zarmucene srdce radostne obweselil.*
8. *Nu gjž ma mila Zužjčka posled ni vale dáwám, od tebe ma mila srdce ted dale se odbiram, pan Bůh tobe wtwogeg dobe nech pomáha, to žadám apregem ty, srdce sweho agjž wssecku omdlewám.*

gjna: *Gjž sem se oženil gjž sem se potessil, giž sem sà nakolik pgerečko zawesil.*
2. *Gak sem se oženil gak bi mi hlawu stal strela mu wmateri, kdo mi teg radi dal.*
3. *Dal sem se ulapit gak ripka wewode, tak sem se domniwál že mi lepe bude.*
4. *Mladency mladency semne priklat berte, kdy chcete dobre mit, nikdi se nežente.*
5. *Nikdy se nežente ket chcete dobre mit neb mladim newestám nikdy netco werit.*
6. *Akdo se ožení nech ženu probuge, neb sritka se nagde, že ne obanuge.*
7. *Šanugem banugem y mužem bánowát, pregednu osobu, celi Swet mám nechát.*
8. *Ani den ani Noc, ni wečer, ni rano, od welkyho žalu wssecko mi ge gedno.*
9. *Sanowát banowát nyni welmy mísim, pregednu Osobu wsseckim Lasku zrussjm.*
10. *Když sem gakrom bywál swobodne polŏwál, y whagenich lesech zweri sem zabigal.*
12. *Neni tech pssenicy ktereg Kukol neni, nenj stáw Manželski wkterem žálu nenj.*

gjna: *Hodi ssuhag podwore klobka na dwere spiŏ mila či čugeó, čy ma werne milugeŏ otwor mi dwere.*
2. *Ani nespim ne čugem, hore nestánem ga twoga ganičko sywa Holubička nikda nebudem.*

gjna: *Kossjce Bystrica nerowno stogjte, ne gedneg Materi srdce zarmutite.*
2. *Gak gssli tak gssli zbudina na gatku, negeden spominal swu pani Matku.*
3. *Zadna Matka nezna na co deti chowa moga též neznála nač mne wichowála.*
4. *Nazdala se ona že gu budem chowát, aga weru musim po swete wandrowát.*
5. *Plačemi Mamička plačemi Sestrička že sami likoce pri boku ssablička.*
6. *Sabličká brusena to ge moga žena, ked pugdem do wogni bude mi potrebna.*

gjna: *Horela Lipka horela :/: pod nou Zuzánka sedela :/:*
2. *Ket nanu gskry padali :/: Šecy Mladency plakály. :/:*
3. *Krome ten geden neplákal :/: co geg mezj [páchal] mlatal :/:*

gjna: *Zahorámy za wodámy tančowála moga Mila zhusaramy.*
2. *Tancowála za plakála, co že sy mi moga Mila dokazala.*
3. *Prissel Otec prissla Mati podže Dgewča pot že spáti.*

gjna: *Gag beda prebeda čo ssuhag poweda, že wssecko popreda sam sa na wognu da.*
2. *Plačemi Mamička plačemi Sestrička že se mi likoce pri boku ssabličká.*

[20] Richtiger: *odgjt.*

3. *Šablička brusena toge moga žena, ked puogdem na wognu budemi potrebna.*
4. *Odpust mi ma Mila wčem sem te rozhnewal, už sem sy Konička dowognj osedlál.*

gjna: *Když sem wčera to sstesty mel, že sem mila twogu widel, twár nad Ružj červenssj nad lilium krasnegssj.*

2. *Wssecka se mi twár spačila až se y moge dwjhalo, srdce horí z milosti, pro welku spanilostj.*
3. *To wssak y ga mohu wiznát že máb premná welmi malu, lasku* [hier ein Wort duhcrstrichen] *naproti mne nemilugeb mne werne.*
4. *Ga pak take wyznám smele že ga nemám take male milowáni ku tebe, tužjm wždjcky po tebe.*
5. *Wtom sa tessj misl moga že gesste gen rab twoga, twe polibenj milo* [die Fortsetzung des Wortes ist durchstrichen], *wzdy te žadam uprimne.*
6. *Daleko žjwota meho wjm že neposskwrneneho Srdcy gjž strápene-/ho srdcy gjž zmaréneho.*

gjna: *Chodiwal sy Šuhag wedne wnocy do nab a gjž sa mi nini do známosti nedab.*

2. *Gako sa ty ga mám do známosti daty, když sem ssel podla wab počalab plákaty.*
3. *Neplač mila neplač nerob sy wsrdcy žgal, wedla*[21] *wody ugde počim ga pugdem kwám.*
4. *Budem sa ga ženit ale na ostatku, wiberem si dgewku zwelikeho zamku.*

gjna: *Na nasseg posteli robili co chteli, urobili chlapca gesste dgeuča chteli.*

A.

Amor, o amor, proč mne tak sužuješ?
Proč raníš, prosím te, srdce mé,
proč ustavične mne prenasleduješ?
Prines poselství mne veselé.
Dobre všecek nezúfám,
tak prudce tebe žádám.
Od velkej milosti,
nemúžem spomoci, sobe sám.

Když mne má milá príde na památku,
kdy bych možné bylo, bych letel,

[21] Richtig: *weta.*

nedbajíce nic i nejhorší chvílku,
len žebych sem spíše ju videl.
Srdce ve mne vždy horí,
nebo Amor mne morí.
Všecko, co jest v mém tele,
všecko, všecko mne bolí.

Cokolvek robím, vždy na tebe myslím.
Nemám na tebe vždy milejšího.
Neb jem, neb pijem, aneb kdyžkolvek spím,
spatrím na tvú premilú krásu.
Nemúžem vysloviti,
nemúžem vypsati,
jak si zakorenená
verže jiste v mém srdci.

Nic od lásky tvé úfání já to mám
nikdy mne od nej neodlúčí,
který pre lásku mne činí, to nedbám.
Já v tvojem, a ty v mojem srdci.
Protož zustávej verná,
jak si mne prislíbila.
Ach, kdyby již prišla
tá šťastná naša hodina.

* * *

Lebo miluj...

Lebo miluj, lebo nechaj,
zlý, neverný šuhaju!
Zlosti svoje nezakrývaj,
neb se ti skryt nedajú.
Nejsi v reči
jako svečí:
Kterúž viďá tvoje oči,
hned sa priznajú.

O méj lásce pochyboval,
že by sem tak klamala,
ale on to musí svečit,
že sem verná bývala.

Lebo miluj, lebo nechaj,
zlý, neverný šuhaju!
Falše svoje neukrývaj,
tie sa zakryť nedajú.
Nie si v reči
jako svedčí:
Kterú vidia tvoje oči,
ku každej sa priznajú.

O mé lásce pochybuješ,
že by som ťa sklamala:
dobre o tom vedeť muožeš,
že som verná bývala.

Šuhajíčku,
podvodníčku,
sklamal si mne nevolničku,
už sem ťa včil skúsila.

Neraz si já o tom myslím,
jak by sem ti verila?
Mnoho mlauvíš, nic neplníš,
již sem ťa poznala.
V hodina,
to novina,
kde jen prijdeš, všade jiná,
již sem ťa včil skúsila.

Sám Búh teba trestat bude,
že si mne tak oklamal,
lásku sem ti zachovala,
úprimnost mi sliboval.
Falešnosti,
podvodnosti,
mám u teba šuhaj, dosti,
již sem se tak sklamala.

Šuhajíčku,
podvodníčku,
sklamal si mňa nevoľničku,
už som teraz poznala.

Že ja klamem, darmo myslíš,
darmo mne chceš potvárať,
čo sám robíš, v tom mňa viníš,
neprestávaš sužovať:
Čo hodina,
to novina,
kam len ideš, všade iná,
jakže ťa mám milovať?

I ja sobe myslím neraz,
jak bych som ti verila:
treba kúpiš, treba necháš,
za kým že bych túžila!
Už je dosti
do sýtosti,
škoda bolo tej milosti,
čo som s tebou strávila.

Kollár 2 : 306

* * *

Teské žití srdce mému
tajiti tomu,
neb vím, že mé mlčení,
rozmnožuje trápení.

Nic v svete stálého není,
každú hodinu se zmení.
A mne nešťastné srdce,
ve mne se zmenit nechce.

Já sem ten nešťastný amant,
nemúžem srdci rozkázat,
ani uverit nechce,
v čem jest bídné mé srdce.

Srdce na oči žaluje,
že sú ony na príčine,

Já sem ten nešťastný...

Já sem ten nešťastný amant,
nemúžem srdci rozkázat,
ona mi verit nechce,
že jest smutné mé srdce.

Srdce na oči žaluje,
že jsou ony na príčine,

nebže sú ony tlumač,
keď nemúže býti ináč

Oči zas to povídají,
že když ony uhlídají,
aby uš potom srdce
učinilo jako chce.

Mysl srdci radu dává,
takto jemu povídá:
netreba tú milovat,
kterú nemúžeš dostat.

Nekterým lidem se tak zdá,
že mne múj vek kvitnúti má.
Jest pravda, že mne kvitne,
ale srdce ve mne schne.

Už já to istotne verím,
že jako Penix pochodím.
Srdečné trápení mé,
do hrobu mne privede.

že jsou ony ten tlumač,
že to nemúž byt jináč.

Oči na to povídajú,
že když ony uhlídajú,
aby potom to srdce
učinilo jako chce.

Srdce očúm radu dává,
obúm se nám krivda stává:
Netreba tu milovat,
kterú nemožno dostat.

Kollár 2 : 342

* * *

Kdo chce vedet, co jest láska?
Jest lidské omámení,
mnohému štastí prekážka
a očí zaslepení.

Kdo si kdo koho zalíbí,
byt byl jako Lucifer,
nevidí mu podobnému,
myslí to, že je anjel.

Nebo láska na nic dobré
človeka neprivede,
ale radnej mnohokráte
od dobrého odvede.

Kdo chce vedet, co jest láska?
Jest lidské omámení,
dobrého štestí prekážka
a očí zaslepení.
Kdo se zalúbí do koho,
byť byl jako Lucifer,
nevidí mu podobného
a myslí, že jest anjel.

Nech sobe nejprv pomyslí,
kdo chce koho milovat,
a nech srdce dobre skusí,
bude-li v vernosti stát?

Kdo chce vediet...

Škodí človeku na zdraví,
aneb mu ukracuje,
srdce trápí, sen odjímá,
veselost zarmucuje.

Nevypíše to nejlepšé,
než kdo to skúsil,
který pro lásku težkostí
mnoho podstúpit musil.

Ani si ten víc nežádá
do lásky upadnúti,
mal-li by pro lásku více
také trápení míti.

Skladatel této písničky
tak si byl to uložil,
mal-li by víc milovati,
radeji by život zložil.

Ani si on víc nežádá
do lásky upadnúti,
mal-li by pro lásku více
také trápení míti.

Nebo není kunšt započat,
ale kunšt jest dokonat,
kdo nemá stále milovat,
netreba mu započat.

Nejlépe to zná vypsati
ten, kdo to sám už skusil,
a kdo pro lásku težkostí
mnoho znášeti musil,
ani sobe nežádá víc
do lásky upadnouti,
mel-li by pro lásku také
velké trápení míti.

Láska tedy na nic dobré
človeka nedovede,
ale ješte mnohokráte
od dobrého odvede.
Škodí človeku na zdraví
i život ukracuje,
sen odnímá, srdce trápí,
veselosti zbavuje.

Človek ten jestiť prešťastný
jenž nikdy nemiloval,
kterého Kupido vábný
do své moci nedostal.
Ten má vždy srdce spokojné
i mysl vždy veselú,
ale sotva na tom svete
takového naleznu!

Kdyby se mohl najíti
v svete lékar takový,
nejeden by volil jíti
do daleké krajiny.
Ale nech nikdo radeji
k té ceste se nebere,
neb lidé se mu vysmejí
a nenajde lékare.

Kollár 2 : 371

* * *

Já lúbím teba,
len ty tak lúb mňa,
moje srdce dosti,
len tú žádostí,
když mám lásku u teba.

Neverila sem,
ani nebudem,
panenko, má milá,
všecka roztomilá,
mojú lásku zjevujem.

Jestli je pravda,
že tak lúbíš mňa,
moje srdce večne
oferujem tobe,
jestli budeš verní mne.

Již se oddávám,
verný zustávám,
až do smrti tvej.
Já tebe též prosím,
když ta v srdci nosím,
nos mne též v srdci svém.

* * *

Kdyby mňa bola moja matička
dokud sem bila maličká,
do kláštora dala,
abych neklamala
svého miláčka.

Kdyby mňa byl dal ten múj tatíček
dokud sem já byl malý chlapíček,
dal učit breviar,
abych sem nebyl . . .
švárných deveček.

Není na nebi telko hvezdíček,
co mne má milá dá hubíček.
Není a nebude,

co svet svetem bude,
tolko hvezdíček.

Není na svete tolko kardusu,
co mne má milá bozkala ...
Není a nebude,
co svet svetom bude,
tolko kardusu.

Není na svete tolko kláštoru,
co mne má milá dala noclahu.
Není a nebude,
co svet svetom bude,
tolku kláštoru.

Jedna hodina spúlnoci byla,
když mne milá odprevadila.
Cestú dole hájem vyprevadila,
pekne polahučky,
a tak potichučky
hubičku dala.

* * *

Prechodí se milá smutná po hájičku,
padajú jej slzy po jej bielem líčku.

Ach, chodí a plače, láme svoje ruce,
nedá si potešit svoje smutné srdce.

Co sem milovála, již sem to stratila,
co sem za nejvetší v tom svete vážila.

Stratila sem kamen, kamen srdce mého,
nebolo mu celem v svete podobného.

Stratila sem kamen, kamen velmi krásny,
karbunkulus svetlý, jak tá hvezda jestrí.

Povecte, slávičky, povezte, hrličky,
snad ste ho videli jíti ze studničky?

Prechodí sa milá...

Prechodí sa milá smutná po hájičku,
padajú jej slzy po jej bielom líčku.

Prechodí sa smutná, zalamuje ruce,
nedá si potešiť zarmúcené srdce.

Ach, čím sa poteším, keď som to stratila,
čo som si v tom svete najviac vážila.

Stratila som poklad od srdce mojého,
nebolo mu v tomto svete podobného.

Povedzte, hrdličky, povedzte, slávičky,
snáď ste ho videli niekde u studničky?

Sokole, sokole, ty vysoko lietaš!
Povedzže mi, povedz, snád ho niekde vídaš?

Sokole, sivý pták, ty vysosko lítáš!
povec mi a netaj, snad ho nekde vídáš?

Vetríčku, líbezný, jen vždy po poli veješ,
povec mi a netaj, snad ho nekde čuješ?

Politujte hori, politujte skaly!
Navráťte mi poklad, který ste mi vzali!

Šla milá krikujíc, šla milá po ceste,
milý se jej ozval pri zelenej brezce.

Pre tebe sem oči moje vyplakala,
smutná po dolinách teba sem hledala.

Když sem te nalezla, již te víc nestratím,
múj drahý klenóte, teraz ti zaplatím.

Vetríčku líbezný, od poludnia veješ,
nezataj prede mnou, snáď ho niekde čuješ?

Politujte smutnú, politujte skaly!
Vráťte mi milého, kterého ste vzaly!

Milá horekuje, šla volať na cestu,
milý sa jej ozval pri zelenom brestu.

Ach, ach, ty muoj milý, kde si sa mi schoval,
muoj drahý sokole, že si sa neozval?

Pre teba som moje oči vyplakala,
teba som ja smutná po horách hledala.

Keď som ťa len našla, uzťa viac nestratím,
čo som ti sľúbila, už ti teraz vrátim.

Kollár 2 : 333

* * *

Já milujem, nevím co,
a ranil mne, nevím kdo?
A to nešťastné srdce,
vyjeviti se nechce,
pro koho jest ranené.

Povedzte mi, oči mé,
či ste vy na príčine?
S tým falešným pozerání
mé srdce víc již neobrání,
kohož zalíbit chce.

Oči se vymlúvají,
že o tom nic neznají,
že ony ani nevideli,
co by mé srdce zalíbilo,
co by dalo radosti.

Ach, vyznávám, že sem již,
ach, já nešťastný, příliš
tak, že pro lásku omdlévám,
kdy žádné potešení nemám,
co by radost dala.

Já milujem . . .
Já milujem, nevím čo,
ranilo mne, nevím kdo?
A to mé nešťastné srdce
vyjeviti se mi nechce,
pre koho já zemdlévám.

Povezte mi, oči mé,
či ste vy na príčine
vaším všetečným poznáním,
srdcem se již víc nebráním,
Koho zamilujete.

Oči se vymlúvajú,
že ony nic neznajú,
čím by srdce tantovaly,
že ony nic nevidely,
co by bulo k milosti.

Poznávám se, že sem už
já nešťastný Priamus,
který pro lásku zemírá,
žádné potešení nemá,
co by mu dalo radost.

Kollár 2 : 362

Vale, vale, pújdem dále.
Budem sobe spívati
tí pisničky anventové,
budem aj rozjímati.

Bože, je to pekná chasa,
bude-li tá Zuza naša!
Volil bych s ňú živ býti,
do mojej a jej smrti.

* * *

Sám sa ja...

Sám sa já, sám, na sebe radujem,
anjel muoj, že tak verne milujem.

Milujem te verne, ale se obávám,
že bude daremné.

Jestli by vedel, že by daremné bylo,
nelitoval by husárem zustat.

Nepotrebi mi husárikem býti,
dá to milý pán Búh, že ty musíš moja býti.

Tie tvoje černé oči, to sa moje putá,
jestli te nedostám, bude mi pokuta.

To tvoje pekné nosení, to je moje vezení,
pokud te nevidím, všecek sem strápený.

Amor diktoval, lásku spisoval,
duša moja.

Sám sa ja, Mariška, sám sa ja čudujem,
že ťa ja, duša má, tak verne milujem.

Milujem ťa verne ako srdce ve mne,
ale sa obávám, že bude daremné.

Kebych som ja vedel, že ťa nedostanem,
neľutoval bych sem zostati husarem.

Ale mne nenačim ani husárem byť,
dá to milý Pán Boh, že musíš moja byť.

Tvoje čierne oči, to sú moje putá,
keď ťa ja nevidím, jest moja pokuta.

Tvé pekné nosení jest moje vezení,
keď ťa ja nevidím, všecek sem zemdlený.

Láska spisovala a Amor diktoval,
pre tebe, má milá, že sem te miloval.

Kollár 2 : 349

* * *

Ach, ty rauko, srdce mého proč si mne tak ranila?
Že si strelu srdci mému jedovatú pustila.
Ach, umírám, ach, omdlévám, falešná milovnice,
od tvých falšú sem zmordován, nešťastná podvodnice.

Já sem pro te život vážil, bych se mohol zalíbit,
a ty, falešná panenko, dala si sa ty zmenit.
Já sem pro te v každé dobe činil, co se líbilo,
a to tvému prezlostnému srdci vzácné nebylo.

Do oči si sa stávala, jak bys mne milovala,
když sem od tebe odešel, za jím pozírala.
Všecko si mi povedala, v čem sem se zveril tobe,
falešného milování, pomsti nemineš z nebe.

Ach, zatmi se slunce, zatmi na obloze nebeské,
nechtej již svítiti více na tí falešné srdce.
Spál je ohen, obrať v popel, to nezradné stvorení,
nech at nedodává mému srdci súžení.

A když se to i tak stane, já u mne z veselosti
napíšem na hrobe takto: skladám své mladé kosti.
Tu hle leží jedno telo, od falše zmordováno,
a které je v prach a popel již všecko obráceno.

* * *

Svete marný a podvodný,
nechci více falšovat,
srdci mému tak truchlivé
punkta vždycky dodávat.
Že se musím jednúc lúčit,
Bohu všecko poručit,
zustaň milá, premilená,
rač mne s tebú spojit.

Ach, umírám, ach, omdlévám,
že já musím prič vandrovat,
a tebe tak zanechat.
Ach, neráč mne odlučovat,
od tebe, srdce milého,
spoj mne s tebú,
neb omdlévám pro tebe
v každé chvíle.

Márnost, márnost nad márnosti,
kdo má neco líbosti.
Nebo jako vítr zrazí

kvítek ze stromu,
tak se proviňujem taky,
kdy sú v lásce jednaký.
Že se musia jednúc lúčit,
Bohu všecko poručit.

Již posledný termin prišel,
mého zde prebývání.
Jíž ten čas veselý ušel,
ze Zuzičkú obývání.
Již srdce docela hasne
za Zuzičku auprimnau,
již blesk tratí slunce jasné
za lásku vyjevenú.

Kdykoli sem na te myslil,
milé bylo myslení.
Aj nyní sem srdce ranil,
pro naše rozlúčení.
Ach, nezatvrzuj své srdce,
má Zuzičko, premilá,
múžeš toho dobre znáti,
že si v srdci zadráná.

Ach, jak od žalosti vyndu
s teho Banské Štavnici?
Ach, kdeže já nyní zájdu,
zdes k turecké hranici?
Než i tam se mi nelíbí,
proto, že vítr škodí,
a Turek, ten zlostný pohan,
marní velice lidí.

I k tomu by sem privolil,
kdy by sem mohl zemrít,
když od holubičky milé
misím v temto čas odjít.
Ne a není v svete človek,
který by ma potešil,
a mé zarmúcené srdce
radostne rozveselil.

Nu, již má milá Zuzička,
poslední vale dávám,
od tebe, má milá srdce,
teď dále se odbírám.
Pán Búh tobe v tvojej dobe
nech pomáhá. To žádám
a prejem ti, srdce svého,
a již všecku omdlévám.

* * *

Když sem včera to štestí mel,
že sem milá, tovoju videl
tvár, nad ruži červenejší,
nad lilium krasnejší.

Všecka se mi tvár spáčila,
až se i moje dvíhalo
srdce, horí z milosti,
pro velkú spanilosti.

To však i já mohu vyznat,
že máš pre mna velmi malú
..... *naproti mne,*
nemiluješ mne verne.

Já pak take vyznám smele,
že já nemám také malé
milovaní ku tebe,
túžím vždycky po tebe.

V tom sa teší mysl moja,
že ješte jen raz tvoja.
Tvé políbení milo.....,
vždy te žádám úprimne.

Daleko života mého,
vím, že nepoškvrneného
srdci, již strápeného,
srdci již zmareného.

* * *

B.

Když já půjdem cez horu, cez zelený háj,
smutným hlasem, neveselým, takto zavolám :

Stratila sem karbunkulus od východ slunca,
co mi svítil ve dne, v noci od mého srdca.

Z jednej strany karbunkulus, z druhej majerán,
na prostredku múj najmilší jako tulipán.
Čo po tobe, tulipáne, že pekne kvitneš?
Co po tobe, múj nejmilší, keď ma nevezmeš?
Co po tobe, majeráne, že pekne voniaš?
Co po tobe, múj nejmilší, keď ma zanecháš?

S jednej strany . . .

Z jednej strany tulipánik, s druhej majerán,
a v prostredku muoj najmilší jako mladý pán.
Čo po tebe, tulipáne, že pekne kvitneš?
Čo po tebe, muoj najmilší, keď ma nevezmeš?
Čo po tebe, majeráne, že pekne vonias?
Čo po tebe, muoj najmilší, keď ma zanecháš?

Kollár 1 : 333

Jednému sem ruku dala
a druhému žial.
Tretímu sem poviedala,
že nepuojdem zaň.

Štvrtý sedí zavrch stola,
jako z ruži kvet,
černé očká vyplakané,
mení sa mu svet.

Pátý sedí na stoličky,
všecek omdlévá.
Už má milá, premilená,
čepček obšívá.

Išla ona do komory,
a tak horce plakala :
Bodaj som ťa, mój najmilší,
bola neznala!

Neplač, neplač, má milená,
však si, však si ty má:
však ti málo lidé prajú,
pán Búh ti ma dá.

* * *

Holubička sivá . . .

Holubička sivá lietala,
že se nebe, zeme krídelečky týkala.

Kde si, sivá holubička, lítala?
Kde si tvoje zlaté krídlá, kde si zlámala?

Lítala sem tam po poli,
a to všecko mému premilému na zduri.

Zasejem já žitný klas,
chytím te ja, sivá holubička, v krátký čas.

Když te já chytím, zakryjí,
nepustím te, sivá holubička, už nikdy.

Když te já chytím za srdce,
nepustím te já, sivá holubička, už více.

Když te já chytím za ruku,
nepustím te já, sivá holubička, raz v roku.

Když te já chytím za obe,
nepustím te já, sivá holubička, od sebe.

Šla do komory, plakala,
svúj zelený venček a zlatý prstenček skladala.

Dvanást trúbaču trúbilo,
osemnást páru paholeniec slúžilo.

Trúbte trúbači vesele,
asnad se nám sivá holubička zasmeje.

* * *

Kdes, holubička, lietala?
Kde si svoje zlaté krídelečká zmáčala?

Lietala som ja po poli,
hľadala som mojho milejšího mne k vuoli.

Ač ťa ja chytím za ruku,
nepustím ťa, sivá holubička, len v roku.

Ač ťa ja chytím za obe,
nepustím ťa, sivá holubička, od sebe.

Ač ťa ja chytím za srdce,
nepustím ťa, sivá holubička, už více.

Ač ťa ja chytím za ruky,
nepustím ťa, sivá holubička, na veky.

Kollár 2 : 186

Jak sem se oženil...

Již sem se oženil, již sem se potešil,
již sem sa na kolík pierečko zavesil.

Jak sem se oženil, jak by mi hlavu stal,
strela mu v materi, kdo mi tej rady dal.

Dal sem se ulapit jak rybka ve vode,
tak sem se domníval, že mi lépe bude.

Mládenci, mládenci, ze mne príklad berte,
kdy chcete dobre mít, nikdy se nežeňte.

Nikdy se nežeňte, keď chcete dobre mít,
neb mladým nevestám nikdy netco verit.

A kdo se ožení, nech ženu probuje,
neb zrídka se najde, že neobanuje.

Šanujem, banujem, i múžem banovat,
pre jednu osobu celý svet mám nechat.

Ani den, ani noc, ni večer, ni ráno,
od velikého žalu všecko mi je jedno.

Šanovat, banovat nyní velmi misím,
pre jednu osobu všeckým lásku ruším.

Když sem já krom býval, svobodne poloval,
i v hájených lesech zveri sem zabíjal.

Není tech pšenici, kterej kúkol není,
není stav manželský, v kterém žálu není.

Jak sem se oženil, tak sem se potešil,
jak by si na kolek perečko zavesil.

Tak sem se oženil, jak by mi hlavu stal
bodaj ho hus kopla, kto mi tú radu dal.

Dal sem se ulapit jak rybka ve vode,
tak sem se domníval, že mi lépe bude.

Šuhajci, šuhajci, ze mne príklad berte,
jak chcete dobre mít, nikdy se nežeňte.

Nikdy se nežeňte, když chcete dobre mít,
neb mladej neveste nikdy nie čo verit.

A kto sa ožení, nech ženu probuje,
však se zrídka najde, že neobanuje.

Banujem, banujem, i musím banovat,
pre jednu osobu celý svet mám nechat.

Ani den, ani noc, ani večer, ráno,
od velkého žialu všecko mi je jedno.

Litujem, litujem a velice musím,
pre jednu osobu všecku lásku ruším.

Není tej pšenice, v kterej kúkol není,
není stav manželský, v kterém žialu není.

Kollár 1 : 498

* * *

Chodí šuhaj po dvore...

Chodí šuhaj po dvore, klopká na dvere:
Spíš, milá, či čuješ?
Či ma verne miluješ?
Otvor mi dvere!

Chodí šuhaj po dvore, klope na dvere,
volá, budí svojú milú v tmavej komore:
Spíš, má milá, či čuješ?
Ak ma verne miluješ,
Otvor mi dvere!

Ani nespím, nečujem, hore nevstanem,
já tvoja, Janíčko,
sivá holubička,
nikda nebudem.

Bárs by spala, bárs nespala, hore nevstanem,
moje srdce zarmúcenuo ako ten kameň;
otec mi zakazuje,
mati mi zabraňuje,
tvoja nebudem!

Kebys ma tak milovala ako ja tebe,
veru bys mi otvorila v mojej potrebe!
Ale mňa nemiluješ,
svevolne ma sužuješ,
parom do tebe!

Ja som tebe sic miloval, kýms verná byla,
ale si už všecku lásku u mne stratila.
Zostaň tedy, komu chceš,
už ty moja nebudeš,
duša falešná!

Kollár 1 : 391

* * *

Košice, Košice...

Košice, Bystrica, nerovno stojíte,
ne jednej materi srdce zarmútíte.

Košice, košice, v rovine stojice,
nejednej materi serco zarmucice.

Jak išli, tak išli, z budína na jatku,
nejeden spomínal svú pani matku.

Keby tote selzy ku Košicom došly,
davno by Košice dolu vody pošly.

Kollár 1 : 668

Žádná matka nezná, na čo deti chová,
moja tež neznala, nač mne vychovala.

Žiadna matka nezná, načo dietky chová,
i moja neznala, nač ma vychovala.

Nazdala se ona, že ju budem chovat,
a já veru musím po svete vandrovat.

Ona se nazdala, že ju budem chovať,
a ja tam iť musím po svete bojovať.

Kollár 1 : 662: *Na bystrickej bráne...* (6—7. Strophen.)

Plače mi mamička, plače mi sestrička,
že sa mi ligoce pri boku šabličkа.

Šablička brusená, to je moja žena,
keď pújdem do vojny, bude mi potrebná.

* * *

Horela lipka, horela,
pod ňou Zuzanka sedela.

Keď na ňu iskry padali,
všteci mládenci plakali.

Krome ten jeden neplakal,
co jej mezi [páchal] mlátal.

Horela lipa, horela...

Horela lipa, horela,
pod ňou panenka sedela.

Keď na ňu iskry padaly,
všetci mládenci plakali.

Chyba ten jeden neplakal,
čo ju falešne miloval.

Kollár 1 : 65

* * *

Za horámi,
za vodámi,
tancovala moja milá s husárami.

Tancovala,
zaplakala:
Cože si mi, moja milá, dokázala?

Prišel otec,
prišla mati:
Poďže, dievča, poďže spati!

Za horámi...

Za horámi,
za vodámi,
tancovala Katarína s husárami.

Tancovala,
zaplakala:
Čože som ja, milý Bože, dokázala?

Prišol otec,
prišla mati:
Poďže, Katka, dievko naša, domov spati!

Chodte zdravi,
spite sami,
a ja budem mašírovať s husárami.

Ja nepuojdem,
ja tu budem,
tancovala s husárami, ešte budem.

Kollár 1 : 689

* * *

Jaj, beda, prebeda...

Jaj, beda, prebeda, čo šuhaj povedá!
Že všecko popredá, sám sa na vojnu dá.

Plače mi mamička, plače mi sestrička,
že se mi ligoce pri boku šablička.

Šablička brusená, to je moja žena,
keď puojdem na vojnu, bude mi potrebna.

Jaj, beda, prebeda, čo muoj syn povedá!
Že všecko popredá, sám sa na vojnu dá.

Na vojnu širokú, na cestu dalekú,
a to všecko preto, že má žiaľ v srdiečku.

Žiaľ v srdiečku veľký od jeho frajerky,
Že ho zanechala nevernica celky.

Kollár 1 : 656

Odpusť mi, má milá, v čem sem te rozhneval,
už sem si koníčka do vojny osedlal.

* * *

Chodíval si, šuhaj, ve dne, v noci do nás,
a již sa mi nyní do známosti nedáš.

Jako sa ti já mám do známosti dati,
když sem šel podla vás, počalas plakati.

Neplač, milá, neplač, nerob si v srdci žial,
vela vody ujde, počím já pújdem k vám.

Budem sa já ženit, ale na ostatku,
vyberem si dievku, z velikého zámku.

* * *

Na našej posteli
robili co chteli.
Urobili chlapca,
ješte dieuča chteli.

* * *

Über zwei Gedichte müssen wir noch sprechen (außerdem gibt es noch ein moralisierendes Gedicht in tschechischer Sprache, das keine Beziehung zu den slowakischen hat). Das eine heißt *Pisen statocna*, das andere einfach nur *Pysen*.

Das Gedicht *Pisen statocna* steht auf einem Sonderquartblatt, das jedoch im Band als Seite 173 numeriert wurde. (Die Paginierung erfolgte erst in der

Bibliothek.) Es läßt sich feststellen, daß dieses Blatt ursprünglich als Briefpapier benutzt wurde, denn es ist zusammengefaltet worden, und auf der einen Außenseite steht geschrieben:

Monssieur
Monssieur Ladislaus
Krasznecz Presnuamekt (die Lesung des letzten Wortes ist unsicher).

Auf der anderen Außenseite des zusammengefalteten Briefes liest man von einer anderen Hand:

Pisen blazniwa premu
drich ludi Kdo se stym
obera ale mu lepsse ku
del zdrhnut otri zdech ga
ko teto pletki zachowawat

Es heißt also: *Píseň bláznivá pre múdrych ludí. Kdo se s tým oberá, ale mu lepšé kúdel zdrhnút o tri zdech,(?) jako této pletki zachovávat.*

Zweifellos hat also der Verfasser des Gedichtes *Pisen statocna* seine Komposition an Monssieur Krasznecz geschickt, um sie begutachten zu lassen. Aber Krasznecz, der wohl eine kirchliche Größe war, dachte bezeichnenderweise, daß ein solches Gedicht keine *statocná*, eher eine *blazniwa* wäre, nichts für kluge Leute, zu denen er auch sich rechnen wollte. Und doch ist das Gedicht mit Ausnahme eines Silbenfehlers (die zweite Zeile der letzten Strophe hat um eine Silbe weniger als nötig) sowohl dem Inhalt als auch der Form nach eine hervorragende Schöpfung. Rhythmus und Reime sind ausgezeichnet, und der Unterschied der beiden ersten Strophen, sowohl im Vergleich zu den übrigen, als auch gegeneinander, darf als Ergebnis einer hohen Formenkunst gelten. Die Sprechtakte der Verse, ihre Takteinteilung, Sprache und der Inhalt sind nur allzusehr volksliedmäßig, aber die erwähnte Formgebung läßt doch nicht den Gedanken zu, daß es sich hier um die Aufzeichnung eines Volksliedtextes handle.

Es fragt sich noch, wie der Brief mit dem Gedicht unter die Blätter unseres Bandes kam. Am nächsten läge der Gedanke, daß zu einer Zeit wohl Ladislaus Krasznecz der Besitzer des handschriftlichen Bandes gewesen sei, und daß er den bei ihm eingelaufenen Brief unter die Blätter dieses Bandes gelegt hätte. Dieser Vermutung widerspricht jedoch die Tatsache, daß der Adressat — wie er dies auch rundweg erklärt hatte — das Gedicht für keiner Beachtung wert fand, geschweige daß er ein solches Stück aufbewahren hätte wollen. Kam also etwa das zur Begutachtung übergesandte Gedicht später

zum Verfasser zurück, und er selber hätte seine heruntergemachte Schöpfung mit Herzenskummer aufbewahrt? Oder war der Verfasser ein Freund vom ehemaligen Besitzer unseres Bandes, der auch dies Gedicht unter den Blättern des Buches aufbewahrte? Wer könnte heute eine solche Frage mit Bestimmtheit beantworten? Aber ist das Gedicht *Pisen statocna* k e i n Volkslied — und dafür spricht sowohl der Titel selbst, der von den gewöhnlichen Benennungen der Volkslieder abweicht, wie auch die negative Kritik, die dem Gedicht zuteil wurde — so haben wir mit einer persönlichen Dichtung zu tun. Es ist schade, daß die Person des Verfassers völlig unbekannt ist, denn seine Begabung ist ja nicht zu bestreiten, und es unterliegt auch keinem Zweifel, daß dies Gedicht weder seine erste noch sein einziges Werk sein konnte. Ein ungeübter Dichter hätte kaum je vermocht, einen solcher Vers aufs Papier zu werfen. Daraus folgt nun jedoch, daß es schon im 17. und 18. Jahrhundert Dichter gab, die bestrebt waren, ihre Gefühle und Gedanken in slowakischer Sprache auf künstlerischer Weise zum Ausdruck zu bringen. Und diese Gefühle und Gedanken waren überhaupt nicht dieselben wie diejenigen, die sich in den religiösen Liedern und Gesängen fanden. Mit anderen Worten: es gibt zu dieser Zeit Spuren der weltlichen Dichtkunst auch auf slowakischem Sprachgebiet. Es handelt sich in unserem Fall auch um keine isolierte und alleinstehende Erscheinung, im Gegenteil: wir haben hier die Fortsetzung der mittelalterlichen slowakischen weltlichen Dichtkunst, bzw. der des Jahrhunderts vor uns.[21a]

P i s e n s t a t o c n a

Budeď moga premilena budeď plakat,
(až ty budu na čižmicky slzy kwapkat)
proč že bude to plakanj, asnad russjď
twoge werne slibowany: weru russjm to
ge prawda, nedrď sa ty moga mila ne-
drž za mna: ga ta prosym nenadále
(nenehag mą Šuhag Šwarny tak na
náhle; ga ta nehám to maď giste
newidiď ma nikdy wjce wasseg
izbe; ga ta prosym prit ze gesste, nech
ta widim len gedenkrat w nasseg izbe
newidiď ma, nenj možna, anj ty du-
ssa moga pan Bůh neda.

[21a] Vgl. dazu . . . J. Mišianik — Eckhardt S. — Klaniczai T., Balassi Bálint szép magyar komédiája. A Fanchali Jób kódex magyar és szláv versei. Budapest 1959.

Písen statočná

Budeš moja premilená,
budeš plakať,
až ti budú na čižmičky
slzy kvapkať.

Proč že bude to plakaní?
Asnáď rušíš
tvoje verné slibovaní?

Veru ruším, to je pravda.
Nedrž sa ty, moja milá,
nedrž za mňa.

Ja ťa prosím nenadále,
nenechaj ma, šuhaj švárny,
tak na náhle.

Ja ťa nechám, to máš jiste,
nevidíš ma nikdy více,
vašej izbe.

Ja ťa prosím, prídže ješte,
nech ťa vidím len jedenkrát
v našej izbe.

Nevidíš ma, neni možná,
ani ti, duša moja,
pán Búh nedá.

Das andere Gedichte heißt einfach *Pysen*. Dies beginnt auf der Versoseite des Blattes 171, die Fortsetzung befindet sich auf Seite 174. Die Schrift unterscheidet sich von der der bisher erwähnten Gedichte; sie ist vermutlich dieselbe, wie die der schon erwähnten tschechischen Briefkonzepte auf den Seiten 12b—13b, oder mindestens sind sich diese Schriften sehr ähnlich. Das Gedicht ist weder dem Inhalt noch der Form nach eine bedeutende Schöpfung, nur die gemischte Sprache und der eigentümliche Stil sind interessant, weil sie gewissermaßen einen Einblick in die Welt der damaligen Rektoren, Lehrer, Kirchensänger und Seminaristen gewähren. Selbst solche Abrakadabra-Kinderspiele bedeuteten damals eine große Abschweifung von der kirchlichen Richtung. Der Text ist ziemlich schwer leserlich, da die Tinte an mehreren Stellen ver-

blaßte, die Buchstabenschlingel ineinander flossen und an einigen Stellen auch das Papier abgenützt ist. Aber unser Gedicht ist auch darum interessant, weil Kollárs Sammlung einen solchen mischsprachigen Liedertext überhaupt nicht kennt.

P y s e n

Lyla moga lyla, kde sy bila, čiri čara Lyla, kdež chodila; Hip hop sa sa Marenda, pryssel kemne Merenda, Reverenda. (2.) Hikeď bikeď dudeď, na praslicy, a ssta more ffude, na Ulyci; Bunder munder Bundička, fyrom ffarom truhlyčka, tűz warečka. (3.) Dora Bara Beta, hozal vizet, Drnda moga Drumbloď rakjal tűzet, Umi hrngec Kasasot, preskoč potok tež y plot, daß ist mein wort. (4.) Kotrec Hrable Krpce, y Motiku, pulchre lewes dades, y perynku; Tabulenter gagdalo, hozal kěrem y sadlo, na paleno. (5.) Dolor oculorum, sehenste Jungfrau, diches mangres dades, takto geg wrau;[22] *Veni hozam dilecta, si non ibis ebadta, pekna Beta. (6.) Owca Koza Krawa, mind anéned, tarka bika ffarka, na ne pohled; Nawal futa, soskero, prissel kemne neskoro, Walach ffero. (7.) Hoti Petri Metri ssilasstia, hos prosiltos Mata Armaria, Taplita himin Marissa firom*[23] *wetis Kapusta, moga dussa. (8.) Monsieur Monsieur, Monsieur a Madame ami chera me, nec non pere; Entres belles alletres Zachar Fajko kőkenes, o kikenes. (9.) Hikom bakom dotkes, kumnorakda, fazik tarto vide, Cigan Waida; Szép tantzolni ulicu, Fajko hanics kumantzu:*[24]

i papuču.

(10.) Botla motla potla dwa Tolare, dam ga mogeg Anki na polane; Bude ona Cantorcu,

[22] Die Endung *-u* von *Jungfrau* zeigt, daß es sich bei *wrau* um eine phonetische Schreibart handelt. Die bilabiale Aussprache von *v* in solcher Stelle ist für das Mittelslowakische bezeichnend.

[23] Es kann auch *firom* heißen (s. weiter oben: *firom, farom)*, aber man könnte auch an ungarisch *finom* denken: *finom vetís kapusta.*

[24] Die Lesung dieser Strophe ist am unsichersten. Zweifelhaft ist also auch der Gebrauch der Worte: *kumnorakda, ulicu* und *kumantzu.* Die verblaßten und ineinandergeflossenen Buchstaben am Seitenende erschweren die genaue Lesung.

bude chodit wsstrikloku, y w Mantliku. (11.) Kantuů Štrumple take, y pantličky, muže ona nosyt, tež čzrewičky; Tum w Kossjcah Dei sehirin bude ona Cantorin syne werim. (12.) Vivat, vivat, vivat, A. B, C. D et ab illa rogo non discede; Nam est pulchra Nymphitska...[25]
nit gako Hrlička, bez Samecka.

P i s e n

Lila, moja Lila, kde si byla?
Čiri čara Lila, kdež chodila?
Hip-hop, sa-sa, marenda,
prišel ke mne merenda,
reverenda.

Hikeš, bikeš, dudeš, na praslici,
a sťa more fudɛ, na ulici.
Bunder, munder, bundička,
firom, farom, truhlička,
tűz varečka.

Dora, Bara, Beta, hozál vizet,
drnda moja, drumbloš, rakjál tüzet!
Umi hrniec kásásot,
preskoč potok, též i plot!
daß ist mein Wort.

Kotrec, hrable, krpce i motyku,
pulchre leves dades i perinku.
Tabulenter gajdalo,
hozál kérem i sadlo,
na páleno!

Dolor oculorum, sehenste Jungfrau,
dichtes mangres dades, takto jej vrav:

[25] Schwer lesbar ist das Wort *Nymphitska* am Rande. Das *nit* am nächsten Versanfang läßt darauf schließen, daß die vorangehende Zeile wohl auf *ca* endete: *canit jako hrlička.*

Veni hozám dilecta,
si non ibis ebadta,
pekná Beta.

Ovca, koza, krava, mind a nénéd;
tarka bika farka, na ne pohled.
Naval futa soskero,
prišel ke mne neskoro
Valach Fero.

Hoti petri, metri, silastia,
hos prosiltos mata armaria.
Taplita himin Mariša,
firom vetís kapusta,
moja duša.

Monsieur, monsieur, monsieur a madame,
ami chera me, nec non pere.
Entres belles alletres,
Zachar Fajko kőkenes,
o kikenes.

Hikom, bakom dotkes, kumnorakda,
fazík tarto vide, Cigan Vajda.
Szép tántzolni ulicu,
Fajko Hanič kumantzu,
i papuču.

Botla, motla, potla, dva toláre,
dám ja mojej Anky na polane.
Bude ona kántorkú,
bude chodit v štrikloku
i v mantlíku.

Kantuš, strumple i pantličky,
múže ona nosit též črevičky.
Tum v Košicách sei Seherin,
bude ona Kantorin,
sine verím.

Vivat, vivat, vivat, a, b, c, d,
et ab illa rogo, non discede.

Nam est pulchra nimphitska,
canit jako hrlička,
bez samečka.

II.

Die nächstfolgenden Gedichte entnehmen wir einer anderen Gedichtsammlung. Diese findet sich in der Handschriftensammlung der Ungarischen Akademie der Wissenschaften unter der Signatur Joseph Kelecsényi: Verses gyűjtemény (Gedichtsammlung). Magyar Irod. Régi és Újabb Irók (= Ungarische Literatur. Alte und Neuere Schriftsteller) Quart, No. 60.[26] Der Band war ein Geschenk von Josef Kelecsényi an die Ungarische Akademie der Wissenschaften im Jahre 1872.

Von slowakischem Gesichtspunkt ist diese Sammlung deswegen interessant, weil darin vier Gedichte vorkommen, von denen das eine — *Pesnicska pobozna* — ein kirchlicher Gesang, während die drei anderen Volkslieder sind. Die Schrift des kirchlichen Gesanges ist nicht dieselbe, wie diejenige der drei anderen Gedichte, auch ihre Sprache ist tschechische, wie es damals in der religiösen Dichtung üblich war:

P e s n i c s k a p o b o z n a

Ukrizowani Kriste Iezisy weri[27] *laskavé*
na mogu Hrysnu dusy. Hci pokutowat,
Hci te milowat, Iezu do smrty volym
Umryty nezly zhresity jenom jeden krat.
Uznawam ze jest jz oddalena, od cesty slowa
Tweho zwedena. Hci pokutowat & c.
Cos netco krehkost ma spusobyla, wsak wet
sym dilem zlost ma za zaprawyla.[28] *Hci*
pokutuwat & c.

[26] Was die Beschreibung, den Ursprung und die ungarischen Bezüge des Bandes betrifft vgl. Béla Stoll, A Kelecsény-énekeskönyv (= Das Kelecsény-Gesangbuch), Magyar Könyvszemle (Zs. f. ung. Buchwesen) LXXII, S. 296. Über Stoll hinausgehend läßt sich über den Zeitpunkt der Abschrift dieser Gedichte noch folgendes feststellen: man findet auf der Innenseite des vorderen Deckelbandes die Eintragung: Su zapzane wselyke- und noch zwei unleserliche Worte. (Dieselbe Schrift kommt in dem Band sonst nicht mehr vor.) Daselbst findet man auch die Jahreszahl: 1722. Dadurch wird die Vermutung wahrscheinlicher, daß die Gedichte in dieses Gesangbuch zum größten Teil noch in der ersten Hälfte des 18. Jahrhunderts eingetragen wurden.

[27] Richtig: *wezri.*

[28] Die Wiederholung des Wortes *za* ist überflüßig.

MAGYAR TUDOMÁNYOS AKADÉMIA

O yak se zlost ma Rozmnozyla, ze y pocet
vlas mih prewýsyla. Hci pokutowat & c.
W sak predcze mam sylnu wtobe' nadey, ze
mne' usy twe' ne oslisey. Hci pokutowat & c.
Jestlis racil na Petra wezrity, ackoliw
trikat htel smel[29] *te zaprytý. Hci poku-*
towat & c.
Rač take' Iezu namné vezriti, nemislil sem
Te nigdi zaprytý. Hci pokutowat & c.
O pane' smilug se nademnu, gak sy se smilo
wal nad Marij Magdalenu. Hci poku-
towat & c.
Ackoliw Hrihuw mnoho sem spahal, casto
nez Peter sem Te Roz Hnewal, Hci pokutuwat
...(?)[30] *ach bud mne' milostiwy Boze', lituy*
Toho yak srdcè moze. Hci pokutuwat & c.
Ah kdy bych mohel spetrem plakaty, a' z-
Marij Magdalenu te milowaty Hci pokutuwat
Dufam ze' se to mug Iezu stane', kdis wezres
namne' yaks wezrel nane'. Hci pokutu
wat, Hci te milowat Iezu do smrty, volim
Umrýty nezli zhresyti yènom yeden krat
Amme'n.

P e s n i č k a p o b o ž n á

Ukrižovaný Kriste Ježiši,
vezri láskave na moju hrísnú duši.
Chci pokutovat, chci te milovat,
Jezu, do smrti. Volím umríti,
než-li zhrešiti, jenom jeden raz.

Uznávám, že jest již oddálená,
od cesty slova tvého zvedená.
Chci pokutovat...

Cos neco krechkost má spúsobila,
však vetším dílem zlost má zapravila.
Chci pokutuvat...

[29] Ich vermute, daß der Schreiber entweder *htel* oder nur *smel* gebrauchen wollte und nur zufällig beide Ausdrücke niederschrieb.
[30] Lesung unsicher. *Rskuc* oder *Rtkuc*?

O, jak se zlost má rozmnožila,
že i počet vlás mých prevíšila.
Chci pokutovat...

Však predce mám silnú v tobe nádej,
že mne uši tvé neoslyšej.
Chci pokutovat...

Jestlis račil na Petra vezríti,
ačkoliv trikrát chtel, (smel) te zapríti.
Chci pokutovat...

Ráč také, Jezu, na mne vezríti,
nemyslil sem te nikdy zapríti.
Chci pokutovat...

O pane, smiluj se nademnú,
jak si se smiloval nad Marií Magdalénú.
Chci pokutovat...

Ačkoliv hríchúv mnoho sem spáchal,
často, než Peter sem te rozhneval.
Chci pokutuvat...

.....(?), ach buď mne milostivý Bože,
lituj toho, jak srdce može.
Chci pokutuvat...

Ach, kdy bych mohel s Petrem plakati,
a s Márií Magdalénú te milovati.
Chci pokutuvat...

Dúfám, že se to, múj Jezu, stane,
když vezreš na mne, jaks vezrel na ne.
Chci pokutuvat, chci te milovat,
Jezu, do smrti. Volím umríti,
nežli zhrešiti jenom jedenkrát.
Ammen.

Die mit den laufenden Nummern 108, 109 und 110 bezeichneten Gedichte (die Numerierung erfolgte nachträgliche in der Bibliothek, vgl. darüber Stoll a. a. O.) sind wahre Perlen der slowakischen Volksdichtung. Daß es sich hier

in der Tat um Volkslieder handelt, dafür zeugen sowohl Inhalt, Abfassung und Formgebung (die zweizeiligen reimenden Zwölfer, 6 + 6, und die Verstakte 4 + 2 + 4 + 2 sind die beliebtesten Formen der slowakischen Volkslieder), als auch die entsprechenden Varianten unter den Narodnie spievanky. Denn es gibt in allen drei Gedichten Stellen, die mit Volksliedern in Kollárs Sammlung so gut wie völlig übereinstimmen, oder ihnen mindestens sehr ähnlich sind. Die Stücke unseres Bandes sind jedoch um ein Jahrhundert früher als Kollárs Sammlung aufgezeichnet worden, und darum bringen sie auch eine vollständigere Form der Lieder. Daraus ersieht man, daß in der Zeit, als Kollár sammelte, dieselben Lieder schon abgesungen waren; es ist auch möglich, daß Kollár seine Lieder auf anderen Gebieten gesammelt hatte, wo diese nur in kürzeren Varianten bekannt waren.

Für den Ursprung des Bandes aus dem Komitat Neutra konnte Stoll überzeugende Argumente ins Feld führen. Auch die aufgezeichneten Lieder stammen aller Wahrscheinlichkeit nach aus derselben Gegend. Denn es ist gar nicht wahrscheinlich, daß diese Gedichte eigene Schöpfungen eines unbekannten Dichters wären, in die er Verse und Strophen gehörter Volkslieder eingearbeitet hätte.

Es bedarf keiner besonderen sprachlichen Analyse, um die slowakische und zwar mittelslowakische Eigenart dieser Gedichte zu erkennen. Diese mittelslowakische Eigenart ist hie und da auch mit einzelnen tschechischen bzw. westslowakischen Zügen durchsetzt, dem alltäglichen Sprachgebrauch einzelner Gebiete im Komitat Neutra gemäß. Es ist jedoch erwähnenswert, daß die Orthographie einen starken ungarischen Einfluß zeigt. So findet man in diesen Gedichten den Laut **č** meistens mit *cs*, den **c** mit *cz* bezeichnet. Aber es kommen auch **sz** für *s*, **ty** für *ť*, **gy** für *ď*, **ny** für *ň*, **s** für *š* und **ts** für *č* vor. In einem einzigen Fall wird auch das *kv* mit dem lateinischen **qv** bezeichnet *(qvet = kvet)*. Wer also diese Lieder aufgezeichnet hatte, kannte besser die ungarische (und offenbar auch lateinische) Orthographie als die slowakische bzw. tschechische. Dies ist zugleich auch ein Beweis dafür, daß man den Abschreiber dieser Gedichte unter jenen ungarischen Gutsbesitzern zu suchen hat, die der Familie Amade in Oberungarn wohl nahe standen; der betreffende muß allerdings — seiner gesellschaftlichen Lage oder auch seiner Abstammung nach — engere Beziehungen zu dem Slowakentum und zu der slowakischen Sprache gehabt haben. Diese Vermutung wird auch dadurch erhärtet, daß die Schrift der drei slowakischen Volkslieder mit der mehrerer ungarischer Gedichte vor und nach diesen übereinstimmt.

(108) Pësen

1.

Us ge moge srdcze welikem zalarỳ, gako by ho tlkow wmede nem mazarỳ

2.

Take mỳ ge srdcze ako skamenene, mnohorazỳ ne wỳgem tsy ge we mne zỳwe

3.

Take my' ge srdcze sta kamen .....(?),[31] *a' to wseczko preto ze zamỳlem tuzỳ.*

4.

Tuzenga Tuzenga weczỳ neswazenga z wazenga pomoze ztuzenga nemocze.[32]

5.

Tasko mỳ ge Tasko na mogem srdecsku sak mỳ ho zwaza lỳ zhodbabnu snurecsku

6.

Wedge ta snurecska welỳczetenucska welmỳ sa wrezala do mogho srdecska.

7.

(Keine Fortsetzung.)

(109) Drucha

1.

Asnagy umret musym pre wtacska gedneho welmý sa mỳ wrezal do srdecska meho.

2.

Ne umjerag dỳewcsa pre gedneho wtacska, sak ge we swete dosttakeho semgacska.

[31] Unleserlich. Vermutlich ein dreisilbiges Wort auf *-y;* vor dem letzten Buchstaben stand ein *z* oder *cz.*

[32] Die Lesung *nemvoze* ist zweifelhaft. Mit *v* wird in diesem Text weder der *v*-Laut noch der *u*-Laut bezeichnet. Aber im Falle von *nemocze* wäre die auch sonst schwerfällige Strope völlig unverständlich.

3.

Placse otcsy placse slzy wylyewate,[33] *koho ste lubyly toho zabywagte.*

4.

Teskoto zabudnut čo raz wydy oko, kegy sa to za reze do srdcza hlboko.

5.

Treba Teba suhaj mnohi ludje hanja, ale moge Ocsy len za tebu hladja.

6.

Treba teba suhaj nech hany wseczek swet, weru tya nezhnusyn lalia byela qvet.

7.

Nemozem nemozem gako sy spomozem mog mylý newyem kde gako mu odkazem

8.

Prelecz ftacsku prelecz ces to cyre pole pozdrawny odemne ptesenga moge.

9.

Potesenga moge Boze moy[34] *kde mi ge wedelabich kde ge, ale ne wyem csye ge.*

10.

Szpiwak[35] *slawyk spiwag wzeleneg Wrbyne, ze čo mi ma boh dat ze to mnya ne myne*

11.

Spywag slawyk spywag na ustknutem prutku, ze ge moge srdcze welykom zarmutku.

[33] Zweifellos statt: *Plačte, oči, plačte, slzy vylievajte,* wie man es aus *zabyvajte* deutlich ersieht.

[34] *moy* über der Zeile nachgetragen.

[35] Das *k* in *Szpiwak* statt *g*. Vgl. auch die nächste Strophe.

(110.) Igna

1. *Sẏwe otcsẏ sẏwe gako ta mrakawa sak ze som sa prene mnoho wẏplakala.*
2. *sẏwe otcsẏ sẏwe, mnohẏm Ludẏm mẏle, à tẏ nagsẏwégsẏ to su nag mẏlegsẏ.*
3. *Cso mẏ ge to my ge, à nenẏ mẏ nystkwolẏ, treba na cso mẏslẏm, len ma srdcze bolẏ.*
4. *Cso mẏ ge to mẏ ge, ale mẏ ge csosẏ, asnat mog nag mẏlsẏ ẏnseg darẏ nosẏ.*
5. *Ne mozem ne mozem wedne w noczẏ spatẏ pre teba Suhajka ze ma nesmės zatẏ.*
6. *Hlawẏcska ma bolẏ, srdecsko odndlena*[36] *mẏlẏ dussa moga, čo ze to znamena.*
7. *Powecz ze mẏ powecz dusa moga mẏla, či tẏ ma rada mas, csẏ ne stogys omnya*
8. *Weru ta rada mam, ze srdcza mogeho, anẏ sẏ nezadam od teba gẏneho*
9. *Za tẏma za tẏma csernyma ocsyma asnat bẏ som dunag na ras pre skocsẏla.*
10. *Za csernẏma Dunag, za sẏwẏma more, pre teba dusa ma potesenga moge.*
11. *Treba ma lagete, treba ma bẏgete, ne pogdem za toho, zakoho wẏ kczete.*
12. *Les pogdem za toho, za koho sama kczem, treba ma bude bẏt, desat razẏ czes den. amen.*

Pieseň

Už je moje srdce velikém žalári,
jako by ho tlkov v medeném mažári.

Také mi je srdce ako skamenené,
mnoho razy neviem, či je ve mne živé.

Také mi je srdce sťa kameň .....,
a to všecko preto, že za milém túži.

[36] Man sieht aus der Handschrift, daß der Schreiber eigentlich *omdlena* schreiben wollte; irrtümlicherweise jedoch mit *od* begann; dann ergänzte er den Schaft des Buchstabens *d* noch mit zwei Schäften und machte so ein *m*, er strich aber die obere Schlinge des *d* nicht durch, und so kann man *odndlena* lesen. Aber die Endung auf *-ena* ist irrtümlich, da sich diese grammatikalische Form nicht auf das neutrale *srdecsko* beziehen kann. Darum heißt es also richtig; *omdléva*.

Túženia, túženia, veci nezvazenia,
z vazenia pomože, z tuženia nemoce.

Ťažko mi je, ťažko, na mojem srdečku,
však mi ho zvázali s hodbábnú šnúrečku.[37]

Veď je tá šnúrečka velice tenučká,
velmi sa vrezala do mojho srdečka.

D r u h á

Asnáď umret musím pre vtáčka jedného,
velmi sa mi vrezal do srdečka mého.

Neumieraj dievča, pre jedného vtáčka,
však je ve svete dost takého semiačka.

Plačte, oči, plačte, slzy vylievajte!
Koho ste lúbili, toho zabývajte!

Težko to zabudnút, čo raz vidí oko,
keď sa to zareže do srdca hlboko.[38]

Treba teba, šuhaj, mnohí ludie hania,
ale moje oči len za tebú hladia.

Treba teba, šuhaj, nech haní všecek svet,
veru ťa nezhnusím, lalia, biela kvet.

Nemôžem, nemôžem, jako si spomôžem,
moj milý, neviem, jako mu odkážem?[39]

[37] Vgl.; *Tašel mi muoj mily dolu dolinečkou,*
zaviazal mi srdce hodbavnou šnúrečkou.
Kollár 1 : 291: *Tašel mi muoj milý*

[38] Ebenso: *Ťažko je to nechať, čo raz vidí oko,*
lebo sa to vreže do srdca hlboko.
Plačte, oči, plačte, slzy vylievajte!
Koho ste ľúbili; toho zanahajte!
Kollár 1 : 277: *V tom bystrickom poli . . .*
(2. u. 3. Strophen)

[39] S.: *Nemuožem, nemuožen, ako si spomuožem,*
milý je ďaleko, ako mu odkážem?
Kollár 1 : 261: *Nemuožem, nemuožem . . .*
(1. Abschn.)

Preleť, vtáčku, preleť, cez to číre pole,
pozdravni odemne potešenia moje.

Potešenia moje, Bože moj, kde mi je?
Vedela bych kde je, ale neviem: čie je?

Spívaj, slávik, spívaj, v zelenej vrbine,
že čo mi má Boh dat, že to mňa nemine.

Spívaj, slávik, spívaj, na uschnutém prútku,
že je moje srdce velikom zarmútku.

J i n á

Sivé oči, sivé, jako tá mrákava,
všakže som sa pre ne mnoho vyplakala.

Sivé oči, sivé, mnohým ludím milé,
a tí najsivejší, to sú najmilejší.

Čo mi je, to mi je, a neni mi ništ k vóli,
treba na čo myslím, len ma srdce bolí.

Čo mi je, to mi je, ale mi je čosi,[40]
asnáď moj najmilší inšej dary nosí.

Nemožem, nemožem ve dne, v noci spati,
pre teba, šuhajka, že ma nesmeš vzati.

Hlavička ma bolí, srdečko omdlévá,
milý duša moja, čože to znamená?

Povedzže mi, povedz, duša moja, milá,
či ty ma rada máš, či nestojíš o mňa?

Veru ťa rada mám, ze srdca mojého,
ani si nežádám od teba jiného.

[40] Gleichweise:

Čo mi je, to mi je, len mi je voľačo:
to moje srdiečko neľúbi ledačo.

Kollár 1 : 234: *Čo mi je, to mi je . . .*

Za týma, za týma, černýma očima,
asnáď by som Dunaj na raz preskočila.

Za černýma Dunaj, za sivýma more,
pre teba, duša má, potešenia moje.

Treba ma lajete, treba ma bijete,
nepojdem za toho, za koho vy chcete.

Lež pojdem za toho, za koho sama chcem,
treba ma bude bit, desat razy cez den.

Les formes métriques sud-slaves de la poésie de Bálint Balassi*

Stojan D. Vujičić

Le XVIe siècle fut certainement l'une des périodes les plus animées de l'interpénétration littéraire hongroise et serbo-croate. Jamais par la suite on ne trouve autant d'emprunts réciproques dans la littérature hongroise et la littérature sud-slave. Le résultat de ces influences est, dans l'ancienne littérature hongroise, *Az Béla királyrul és az Bankó leányáról szép história* (= Récit en vers sur le roi Béla et la fille de Bankó)[1] qu'en 1570 un auteur inconnu de chansons traduisit du croate en hongrois, sauvegardant ainsi, au moins sous forme de traduction, un des morceaux caractéristiques de ce genre disparu de la littérature croate et inconnu dans ses versions originales.[2] S'y rattache intimement l'ouvrage de Gáspár Ráskai datant de 1552 *Egy szép história az vitéz Franciscorul és az ő feleségéről* (= Un récit en vers sur le preux Francisco et son épouse),[3] imprimé pour la première fois en 1574 à Debrecen et représentant, selon toute probabilité, l'emprunt d'une tradition orale de la littérature croate. Nous pouvons indiquer ici l'influence captivante et toute particulière de la poésie sud-slave dans le cas de Bálint Balassa (1554—1594). A ce point de vue, c'est surtout l'analyse plus approfondie de la métrique de deux poèmes de Balassi qui pourra nous fournir des résultats utiles et dignes d'attention. Ces morceaux sont: la poésie *Aenigma* qu'il composa «sur l'air d'une chanson d'amour croate» et qui figure parmi ses oeuvres de jeunesse écrites aux environs de 1577, et sa poésie *Bécsi Zsuzsannáról s Anna-Máriáról szerzette* (= De Suzanne de Vienne et d'Anne-Marie) écrite «sur l'air du Doklei sem še divičicom bila, ou sur l'air de la chanson polonaise: A pod liesem, etc.» et datant de 1589, époque de ses pérégrinations.

* L'auteur a présenté cette étude, en automne 1958, à l'Institut d'histoire littéraire de l'Académie des Sciences de Hongrie.

[1] Régi Magyar Költők Tára (Recueil des Poètes Hongrois Anciens) 8 ; 173—178. (En abrégé: RMKT) Ce récit en vers a été retrouvé et publié pour la première fois par F. Szél: Egy XVI. századi codex históriás énekei (Les récits en vers d'un manuscrit du XVI. siècle). Századok [Siècles] 18 (1884) 670—677.

[2] M. Kombol, Poviest hrvatske književnosti do narodnog preporoda. [L'histoire de la littérature croate jusqu'à la renaissance nationale.] Zagreb 1945, 39.

[3] RMKT 6 : 49—72.

M. Sándor Eckhardt signale dans son introduction aux Oeuvres Complètes de Balassi:[4] «Dans certaines de ces chansons, comme par exemple dans celle adressée aux grues migratrices,[5] même avec nos moyens actuels il nous est possible de démontrer les vestiges des chansons populaires hongroises. Par contre dans ses canevas, Balassi lui-même fait état de chansons populaires roumaines, croates, polonaises, slovaques et même les chants turcs, qu'il adapta en langue hongroise, appartiennent plutôt à la poésie turque de tendance populaire... Bálint Balassi vivait donc avec le peuple, surtout avec les soldats qui luttaient à ses côtés; il apprit leurs danses, leurs airs et leur enseigna les siens. Il composa la majeure partie de ses poèmes sur les mélodies populaires des chanteurs issus du peuple et des nationalités mêlées aux Hongrois, ce qui restera pour ainsi dire sans exemple, même dans les périodes à venir, dans la littérature hongroise.»

Au cours de sa vie mouvementée, Balassi eut de nombreuses occasions d'entrer en rapports plus directs et plus étroits avec des Serbes et des Croates, de prendre connaissance de leur poésie, d'entendre et d'apprendre leurs chansons et peut-être même d'approfondir la connaissance de leur langue. Surtout aux environs de 1570 et de 1580, dans les deux dernières décennies de sa vie, de nombreux soldats de nationalité serbe et croate des confins militaires figurent dans son entourage le plus intime. A cette époque, dans les lettres du poète et dans les différents documents ayant trait à sa personne, nous rencontrons souvent des soldats des confins militaires appelés Rác ou Horvát. Cependant les relations sud-slaves de la famille Balassi remontent à beaucoup plus loin. Ferenc, le grand-père du poète, d'abord ban de Szörény, fut en 1505 et conjointement à András Both ban de la Croatie, de la Dalmatie et de la Slavonie.[6] Grâce à ce grand-père, des soldats croates et serbes parvinrent certainement en bon nombre dans les places fortes de János Balassi, père du poète et celui-ci put donc entrer en contact avec eux dès sa prime enfance.[7] A cette époque, les confins militaires de la Hongrie sont peuplés de Croates, la noblesse et les soldats croates affluent sans discontinuer, aussi bien que les Serbes, en Transylvanie et dans les régions frontalières de la Hongrie. C'est ainsi que les familles Krusith, Barbarith, Melith, etc. arriveront dans cette région, où elles établiront les contacts les plus directs et les plus étroits avec les Balassi.[8]

Des hommes de János Balassi, père du poète, qui assumèrent la défense de la localité de Divény, seul un dénommé Deli Radossa ou Rácz Radossa

[4] Balassi Bálint Összes művei. [Oeuvres complètes de Bálint Balassi.] Sous la rédaction de S. Eckhardt. I—II. Bp. (= Budapest) 1951, 1955. (En abrégé: OeC.)

[5] Titre de la poésie: Inventio poetica: Grues alloquitur: Darvaknak szól.

[6] F. Šišić, Pregled povijesti hrvatskoga naroda. [Panorama de l'histoire du peuple croate.] Zagreb 1916, 360.

[7] Eckhardt S., Balassa Bálint. Bp. 1940, 112.

[8] Ibid. 112; A. Ivić, Istorija Srba u Vojvodini. [Histoire des Serbes dans la Voïvodine.] Novi Sad 1929, 183 etc.

(Radosav) réussit à sauver sa vie et à fuir jusqu'à la ville d'Eger.[9] C'est justement à cause de ce Deli Radosav que János Balassi eut pour la première fois des différends avec les habitants de la ville de Zólyom. Le 14 mars 1577, les bourgeois de Zólyom protestent parce que Radosav débite du vin, ce qui représente le privilège exclusif de la ville.[10] Dans une lettre du poète à András Balassi datée du 22 novembre 1577 de Zólyom,[11] mention est faite de la femme de Radosav, tandis que dans une autre missive, écrite de Liptóújvár, le 29 décembre 1588, il est de nouveau question de Radosav en personne.[12] Deli Radosav ou Rác Radosav avait dû être un soldat de nationalité serbe du père du poète et resta ensuite aux ordres de Bálint Balassi. A un endroit figure même un serf de Radosav.[13]

Dans sa lettre précitée du 22 novembre 1577 à András Balassi, le poète parle du «capitaine d'Újvár»[14] qui n'est autre que Pál Vratkovich, c'est-à-dire Pál Rácz, le futur compagnon d'armes du poète à Eger. Balassi combattra avec lui dès sa première entreprise militaire.[15]

En 1580, Bálint Balassi — en compagnie de trois de ses compagnons, dont István Rácz (Stephanus Rácz, Istwann Rachaj) — adresse une requête au roi au sujet de la rémunération de ses mérites militaires. De ces trois bons soldats c'est surtout István Rácz qui se distinguera: en 1584, il s'adressera de nouveau à la Chambre Royale, mais alors le poète aura déjà quitté depuis deux années la place d'Eger.[16] Cet István Rácz n'est pas identique au serviteur de même nom (Stephano Rach) de Ferenc Kövér, qui participera à l'attaque à main armée menée en août 1576 contre le manoir de Nyék de Balassi.[17] A la même époque, mention est également faite à Eger des soldats dénommés Farkas Rác (Vuk Rac), Ádám Rác, Kristóf Siglić, Illés Rác (Ilija Rac), Teodor Deli et Miklós Rác (Nikola Rac).[18]

Au cours du procès intenté au poète à l'époque de son service à Eger, au sujet de la levée de la dîme, il est question d'un autre Farkas Rácz, serviteur celui-là de son père, János Balassi.[19]

László Rácz, György Bartakutich et Mihály Horváth, d'origine incontestablement sud-slave, sont les soldats du poète. Le nom Horváth (Croate)

[9] Az ismeretlen Balassi Bálint. [Bálint Balassi, cet inconnu.] Recueil composé sur la base de documents inédits de l'époque par S. Eckhardt. Bp. 1943, 61. (En abrégé: B. B. inc.); Istvánffy, Historia regni Hungariae. Historiarum Liber XXV (1576); S. Eckhardt, Balassa Bálint 112.

[10] B. B. inc. 79, 240—241.

[11] OeC. 1 : 318—320; B. B. inc. 105.

[12] OeC. 1 : 314, 316.

[13] B. B. inc. 81.

[14] OeC. 1 : 318—319.

[15] Ibid. 320; Ivić op. cit. 189—190.

[16] B. B. inc. 97—99, 246—247. En ce qui concerne cet István Rácz qui participa à de nombreuses escarmouches contre les Turcs, voir en détail Ivić, op. cit. 190—191.

[17] B. B. inc. 75, 238.

[18] Ivić op. cit. 186, 191.

[19] B. B. inc. 81.

définit ici la nationalité; c'est ainsi que, dans un acte de donation daté de 1569, figure un soldat d'Eger dénommé Horváth, mais dont le nom original est Peter Susallyth.[20]

Skyllandovith, alias György Horwáth est l'homme de main de Péter Hunyadi Nagy, l'un des soldats de Balassi, et il sera question de lui en 1582 à Zólyom.[21]

Nous pouvons considérer comme l'un des hommes favoris du poète le soldat Demjén (Damjan) Rácz qui participera aussi à la prise de Sárospatak. Le 28 décembre 1584, de la localité de Szikszó, Balassi adresse une lettre à Sándor Kapy afin que celui-ci «fournisse toute aide... et sur place» à ses braves serviteurs Péter Nagy et Demjén Rácz.[22] En effet, ceux-ci n'étant point nobles, on devait les cacher jusqu'à ce que l'indignation générale causée par leur attaque contre Sárospatak fût calmée.[23] Dans son testament signé le 3 octobre 1585, le poète prend les mesures suivantes au sujet de Demjén Rácz: «De mes biens conquis j'ai déjà séparé, à l'intention de mon brave serviteur Demjén Rácz Nagylibercse, terre que j'ai déclarée au Chapitre d'Eger comme étant d'une valeur de mille florins; j'ai pris cette mesure avec la permission de mon frère cadet.»[24]

Deux lignes de son poème *Valedicit patriae, amicis iisque omnibus quae habuit carissima* (vers 17 et 18):

Sok jó vitéz legény, kiket felemeltem,
S kikkel sok jót tettem, tartottam, neveltem
(Tous ces braves soldats que j'ai relevés,
Comblés de bienfaits, entretenus et instruits)[25]

se rapportant à ses hommes de main qui figurent sur la liste des participants au siège de la place forte de Sárospatak, ou sont mentionnés dans son testament, donc entre autres à son serviteur coutumier Demjén Rácz.[26]

Dans la lettre d'attestation du Chapitre de Nyitra datée du 21 juin 1583, nous apprenons que deux jeunes nobles (nobiles juvenes), nommément György Rachÿtth et Farkas Marÿtth sont au service du poète; ils étaient tous les deux et sans aucun doute d'origine sud-slave.[27]

[20] Ibid. 95.

[21] OeC. 2 : 135. Eckhardt S., Új fejezetek Balassi Bálint viharos életéből. [Nouveaux chapitres de la vie orageuse de Bálint Balassi.] Bp. 1957, 54. Pál Vratkovich eut également un soldat au nom de famille identique *(Skiljanović, Štiljanović)*. Ivić op. cit. 189—190.

[22] OeC. 1 : 335.

[23] Eckhardt S., Balassa Bálint 112; OeC. 1 : 336.

[24] OeC. 1 : 343.

[25] Ibid. 1 : 118.

[26] Ibid. 1 : 257. Il figura sur la liste des participants au siège de la place forte de Sárospatak comme «*Damianus Rácz ign.*». Balassi Bálint minden munkái. [Oeuvres complètes de Bálint Balassi.] Publié avec une introduction biographique et annoté par Lajos Dézsi. I—II. Bp. 1923, 566. (En abrégé: Dézsi.)

[27] OeC. 1 : 404.

Dans la lettre du 27 avril 1587 écrite par le poète à Mező-Zombor et adressée à István Melith, nous pouvons lire au sujet des vignobles de Zombor: «maintenant je fais facilement de l'argent dans la région des Serbes... dans les auberges, grâce aux vins«,[28] ce qui permet également de déduire des rapports plus animés et plus directs avec les Serbes.

Mais cela nous mènerait loin de passer en revue les relations des Balassi avec les familles d'origine croate déjà mentionnées, comme les Melyth, les Barbaryth, avec qui le poète fut tantôt ami, tantôt sur pied de guerre, ou comme les Krusith de Lepoglava, en Croatie, ces voisins de son père, et en même temps ses ennemis, à la fille desquels, Ilona, il adressera plusieurs poésies.[29]

Si nous avons jugé nécessaire de donner un résumé des rapports connus des relations serbes et croates les plus immédiates de Bálint Balassi c'est simplement pour illustrer et étayer le fait que, dès son enfance, le poète eut d'innombrables occasions de prendre connaissance et même d'apprendre des chansons populaires on de goût populaire sud-slaves. La remarque de M. Sándor Eckhardt est donc bien fondée: le poète «a eu, dans sa famille et son entourage, maintes occasions d'assimiler la langue et les chansons croates«,[30] et il présume également d'une manière fort pertinente que c'est justement de ses compagnons de combat qu'il put entendre et apprendre les chansons sud-slaves, dont il utilisera les airs pour ses propres vers.[31]

Nous ne pouvons nous permettre de juger à quel point le poète connaissait la langue serbo-croate. Nous ignorons s'il la savait ou non. Pourtant nous ne considérons pas comme invraisemblable que Balassi, qui s'enrichit de si profondes et durables impressions puisées à la poésie populaire et populiste des différents peuples avec lesquels il fut en contact, ait également appris la langue de l'un ou de l'autre de ces peuples.

Dans la présente étude nous désirons — selon les possibilités — éclairer de plus près et en détail la question et les problèmes des canevas serbo-croates de Balassi.

Aenigma compte parmi ses poésies de jeunesse, il l'écrivit «sur l'air d'une chanson d'amour croate» («egy Horuath Wiragh Ének Notajara») et elle date probablement de 1577:[32]

[28] Ibid. 1 : 359.

[29] Au sujet des relations des familles en question avec la famille Balassi, S. Eckhardt nous a révélé de riches données dans ses ouvrages «Az ismeretlen Balassi Bálint» et «Új fejezetek Balassi Bálint viharos életéből». Nous trouverons également de nombreuses références dans les deux éditions mentionnées des oeuvres complètes de Balassi.

[30] OeC. 1 : 170.

[31] B. B. inc. 95; Eckhardt, Balassa Bálint 112—113.

[32] OeC. 1 : 44.; Balassa-Kódex [Codex Balassa.] Publié par B. Varjas avec une introduction et des notes. Bp. 1944, 4 et fac-similé. (En abrégé: BC.)

Jelentem versben mesémet,
De elrejtem értelmemet;
Kérem édes szeretőmet,
Fejtse meg nekem ezeket:

Minap én úton jártomban
Láték két hattyút egy tóban,
Hogy volna csendes úszásban,
Együtt lassú balagásban.

Gyakran egymásra tekintnek,
Kiről kitetszik szerelmek,
Egymáshoz való jó kedvek;
Hasonlók mindketten szépek.

Hogy így együtt szerelmesen
Ők úsznának szép csendesen,
Azonközben nagy sebesen
Egy keselő csalárdképpen

Rájok menvén az egyikét
Körme között az szebbikét
Elkapá, faggatá szegént,
Mint szeretőt kedve szerént.

Látván társa, bánatjában,
Rén keserves kiáltásban,
Széllel balagván az tóban,
Nem tud meggyen nagy búában,

Mert látja társától váltát,
Látja maga özvegy voltát,
Búában elszánta magát,
Óhajtja már csak halálát.

(Tout d'abord nous devons parler de la structure des strophes de cette poésie. Nous considérons comme erronée sa publication en vers de seize syllabes — telle qu'elle figure; par exemple, dans la récente édition de M. Sándor Eckhardt — et, dans l'analyse qui suivra, nous la traiterons comme un morceau bâti sur des vers octosyllabiques, comme dans la publication de Lajos Dézsi. Le texte manuscrit de la poésie se trouvant dans le Codex Balassa réclame également cette solution.)

Il n'y a que quelques rares poèmes de Balassa composés sur canevas dont nous connaissions à peu près l'air indéniablement authentique. Il est

également fort difficile de nous orienter selon la dénomination — vers entiers ou tronqués — des chansons figurant comme canevas. Dans le meilleur des cas, nous pouvons tout au plus démontrer des textes rapprochés, mais nous ne possédons qu'exceptionnellement les airs. Les résultats des recherches ultérieures de ce genre sont également fort problématiques. Cependant les airs empruntés par le poète soit aux Croates, soit aux Polonais, soit aux Roumains etc. ont défini, avec une rigueur entièrement compréhensible, les poèmes composés sur ces canevas et, en premier lieu, la longueur des vers, c'est-à-dire le nombre des syllabes, et ils ont exigé certaines servitudes toutes naturelles dans le rythme. Il est visible que Balassi prit grand soin et du nombre des syllabes et des césures, des schémas rythmiques requis par les formes métriques utilisées; nous ne pouvons cependant imputer les irrégularités commises à la détérioration des vers,[33] car il faut encore prendre en considération le fait que Balassi fut par endroits incapable de résoudre et de surmonter parfaitement, par exemple, les césures insolites des lignes empruntées à la poésie populaire serbo-croate; c'est ainsi que nous constatons là ou bien une certaine lourdeur de style, ou bien une régression vers la forme métrique hongroise d'usage courant à l'époque.

Dans le cas de l'*Aenigma*, Lajos Dézsi a déjà remarqué que le rythme des octosyllabes n'est ni homogène, ni soutenu. Des vers binaires à coupe 4 | 4 et ternaires à coupe 3 | 2 | 3 alternent capricieusement, sans aucune régularité.[34] Nous ne pouvons considérer ce mélange comme conscient, ainsi que le soutient Dézsi, en faisant ressortir cette alternance irrégulière des vers binaires et ternaires comme un trait caractéristique de Balassi;[35] par contre, cette alternance illustre fort bien les difficultés qu'éprouvait par endroits le poète, devant les exigences du rythme inconnu, étranger et insolite.

Il est certain que les vers binaires de cette poésie reflètent l'influence intermittente de l'octosyllabe hongrois; ce sont là des sortes de «revenants». De telles strophe approximativement pures, nous n'en trouvons que deux: la quatrième et la sixième. Mais bien plus que celles-ci et que les octosyllabes binaires qu'on trouve disséminés dans le texte, les vers ternaires à coupe 3 | 2 | 3 (ou leurs éventuelles variantes à coupe 2 | 3 | 3 ou 3 | 3 | 2) sont beaucoup plus caractéristiques, car à cette époque ils sont méconnus aussi bien dans la poésie populaire que non populaire hongroise (plus précisément ne peuvent être considérés que comme des formes intermédiaires), et ce n'est qu'aux XVIIIe et au XIXe siècles que nous posséderons des exemples semblables; nous songeons ici à l'octosyllabe rapide, dont le second demipied

[33] Vargyas L., A magyar vers ritmusa: [Le rythme de la poésie hongroise.] Bp. 1952, 140.
[34] Dézsi LXXXIX.
[35] Ibid. LXXXIX.

est ralenti, et que nous retrouvons aussi bien chez Csokonai que chez Vitkovics ou dans la poésie populaire.[36]

C'est la troisième strophe qui peut être considérée comme complètement composée de vers ternaires, dont les césures changent assez capricieusement de place:

Gyakran / egymásra / tekintnek,	2 | 3 | 3
Kiről / kitetszik / szerelmek,	2 | 3 | 3
Egymáshoz / való / jó kedvek;	3 | 2 | 3
Hasonlók / mindketten / szépek.	3 | 3 | 2

Les vers 1 et 4 de la première strophe sont les plus purs à coupe 3 | 2 |3:

Jelentem / versben / mesémet
Fejtse meg / nekem / ezeket

ainsi que les trois premiers vers de la seconde strophe:

Minap én / úton / jártomban
Láték két / hattyút / egy tóban,
Hogy volna / csendes / úszásban.

D'autres vers ternaires de ce poème sont: le troisième de la cinquième strophe:

Elkapá / faggatá / szegént	3 | 3 | 2

et la septième strophe à l'exception du second vers:

Mert játja / társától / váltát,	3 | 3 | 2
Búában / elszánta / magát,	3 | 3 | 2
Óhajtja / már csak / halálát.	3 | 2 | 3

Des 28 vers du poème 13 sont ternaires, 15 binaires. La possibilité de solutions mixtes existe à peine; le vers final est une exception à la règle, car il peut être considéré et comme ternaire et comme binaire:

Óhajtja / már csak / halálát	3 | 2 | 3
Óhajtja már / csak halálát	4 | 4

[36] Horváth J., Rendszeres magyar verstan. [Traité systématique de la versification hongroise.] Bp. 1951, 49.; Horváth J., A magyar vers. [La poésie hongroise.] Bp. 1948, 112.

Il est indéniable que ce sont les vers ternaires plus animés, plus alertes qui sont caractéristiques de ce poème, et le marquent en quelque sorte de leur empreinte. C'est donc dans ces vers que nous devons chercher les reflets du chant d'amour croate sur l'air duquel la poésie a été conçue. Les deux genres intermittents du rythme n'ont d'ailleurs aucune importance particulière du point de vue de l'air, étant donné que l'effacement du rythme autonome du texte bâti sur l'air ne porte pas préjudice à l'adaptation au chant.

Dès le premier coup d'oeil, la corrélation est indubitable avec les vers de coupe semblable, de schéma rythmique identique des deux chansons populaires mentionnées dans la littérature croate du XVIe siècle et connues seulement par leurs vers initiaux. Dans le roman pastoral *Planine* de Petar Zoranić (1508—env. 1560—70), écrit aux alentours de 1536, mais imprimé seulement en 1569 à Venise, l'auteur mentionne à deux endroits — une fois au chant du berger Grabko, une autre fois au duo de Sladoj et de Dragoljub — que la chanson doit être interprétée *ad notam* sur l'air d'une chanson populaire («u zuk»). Indiquant dans les deux cas les vers initiaux intégraux,[37] il mentionne, pour Grabko, la chanson populaire commencant par

A ti, de / vojko / šegljiva

et, pour Sladoj et Dragoljub, cette autre:

Drazi mi / goru / projdoše.

Heureusement, dans un manuscrit de Zadar (Zara) de la Dalmatie du Nord, datant du commencement du XVIIe siècle (probablement vers 1628—1629), la chanson populaire commençant par *A ti, devojko šegljiva* nous a été conservée en entier.[38]

Sur la base de la mention de Zoranić, il apparait clairement que la chanson fut concue au plus tard au début du XVIe siècle; mais il est encore plus

[37] Dans l'édition vénétienne de 1569 du *Planine*, pages 42/a et 44/a; Djela Petra Zoranića, Antuna Sasina, Savka Gučetića Bendeviševića. [Oeuvres de Petar Zoranić, d'Antun Sasin et de Savko Gučetić Bendevišević.] Zagreb 1888, 55, 57. (Stari pisci hrvatski = Ecrivains croates anciens — XVI.)

[38] F. Fancev, Dosad najstarija poznata hrvatska pučka pjesma iz Severne Dalmacije. [La chanson populaire croate la plus ancienne de la Dalmatie du nord.] Zbornik u čast Bogdana Popovića. Beograd 1929, 116—120.; F. Fancev, Gradja za povijest hrvatske crkvene drame. [Quelques données de l'histoire du drame d'Église croate.] Gradja za povijest književnosti hrvatske 11 (1932) 21, (texte du chant populaire de nouveau reproduit; en ce qui concerne la chanson populaire elle-même cf. ibid. 17.; le manuscrit se trouve à *Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti* (Zagreb), département des manuscrits; sign. I. a. 44., le texte aux pages 81/a—b du manuscrit.

plausible qu'elle ait été connue dès le XVe siècle. Cette chanson populaire de quarante vers, qui nous est parvenue dans une notation tardive, doit être par ailleurs un morceau caractéristique de la poésie populaire érotique des Croates, dont mention est faite dès la seconde moitié du XVe siècle.[39]

Pour illustrer la coupe des vers, comme ils n'ont aucun rapport — dans leur contenu — avec le poème de Balassi, nous donnons ci-dessous et en leur texte original d'après Fancev, les huit premiers vers de la chanson populaire:

A ti, di / vojko / šegljiva,
zapni pu / tašca / do grla,
da ti se / dojke / ne vide,
da mene / želja / ne bude;
na tvoje / dojke / gledajuć
vranoga / konja / zakovah
i moje / družbe / ja ostah
i moje / ga go / spodina.

Rien ne prouve mieux la large diffusion et la notoriété de cette chanson populaire et de ses semblables que le fait qu'aux environs de 1530 Zoranić juge suffisant de faire allusion à leur texte ou à leur air. Malheureusement les airs de ces chansons ne nous sont point parvenus et nous avons peu d'espoir de jamais les retrouver.

D'autre part, ce type de chansons populaires croates (car il apparaît clairement que c'est d'un genre particulier qu'il est question, qui ne subsiste que dans de rares vestiges) a sérieusement influencé la poésie croate de l'époque. Pour son roman, Zoranić ne s'est pas contenté d'emprunter les airs, mais la chanson de Grabko suit aussi fidèlement dans ses quelques soixante vers le rythme ternaire de la chanson populaire, exception faite de quelques vers visiblement lourds, allongés d'une syllabe chacun:[40]

Pasite / drobne / travice
Moje pri / mile / ovčice (la coupe peut être aussi 2 | 3 | 3)
Da vime / načca / nadmete
Da vime / načca / nadmete
Da vidra / mlika / naljete...

[39] Jurja Šižgorića spis «De situ Illyriae et civitate Sibenici a. 1487». (Écrit par Juraj Šižgorić:...) Gradja za povjest književnosti hrvatske 2 (1899) 10—11.

[40] Djela Petra Zoranića 55—57.; Planine, édition de Venise, 42/a—43/a.; P. Zoranić, Planine. Le texte accompagné de notes et d'un index a été classé et ordonné aux fins de publication par Vj. Štefanić. Zagreb 1942, 114—116. (En abrégé: Planine, Štefanić)

Nous ne pouvons affirmer la même chose au sujet du duo Sladoj — Dragoljub conçu sur l'air de l'autre chanson populaire au rythme semblable, et dont les vers ne reflètent pas le mètre original.[41]

Cependant Zoranić n'est point le seul auteur dont les poésies reflètent l'influence de ces chansons populaires sur la forme. Džore Držić originaire de Dubrovnik (Raguse) est un lyrique proéminent de la seconde moitié du XVe siècle (1461—1501); parmi ses poèmes écrits sur le mode populaire, «na narodnu», nous trouvons celui commençant par *Sous le ciel pas de plus bel oiseau que le faucon au gris plumage*, qui accuse également le rythme en question:[42]

Pod nebom | ljepše | ptice ni,
nego li | soko | sivoper;
da bi m' se | njime | stvoriti,
letnuo | si bih | visoko,
visoko | soko | pod oblak;
a padnuo | si bih | nizoko,
nizoko | soko | na orah.
A pod | orahom | vila spi 2 | 3 | 3
ali je | vila | ali ni,
ali je | koja | ina zvier;
bože, | liepo t'je | stvoren'je, 2 | 3 | 3
ljepše | nego li | ljetnji dan. 2 | 3 | 3

C'est là une preuve de plus que les chansons populaires en question, ainsi que bien d'autres semblables, étaient déjà fort répandues dans la deuxième moitié du XVe siècle et même qu'elles exercèrent une influence digne d'attention sur les poètes de cette époque et du XVIe siècle. Il est certain que rien ne devait empêcher Balassi d'entendre dans son entourage immédiat, surtout parmi ses compagnons d'armes sud-slaves, de telles chansons populaires ou d'autres de goût populaire écrites et chantées sur le modèle des précédentes. Nous sommes donc vraisemblablement sur la bonne piste en découvrant dans le poème de Balassi intitulé Aenigma l'influence d'une chanson populaire ou de goût populaire du même genre répandue en Dalmatie et sur le littoral croate au XVe ou XVIe siècle.

[41] Djela Petra Zoranića 57—58.; Planine, édition de Venise, 44a—b.; Planine (Štefanić) 118—120.

[42] Pjesme Šiška Menčetića Vlahovića i Gjore Držića. [Chansons de Šiško Menčetić Vlahović et de Gjore Držić.] Zagreb 1870, 511—512. (Stari pisci hrvatski II.); A l'encontre de l'éditicn de Jagić, ce pcème dont l'authenticité est douteuse ne figure pas dans la nouvelle éditicn des oeuvres de Držić dirigée par M. Rešetar: Pjesme Šiška Menčetića i Gore Držića, i cstale pjesme Rańinina zbornika. II., sasvim preudešeno izdańe. Zagreb 1937. (Stari pisci hrvatski II.). A consulter la page X. de l'édition.

On doit rejeter l'opinion selon laquelle la chanson d'amour croate indiquée comme canevas de *Aenigma* proviendrait de l'aire linguistique slovène-kaï-croate,[43] opinion fondée sur le seul fait que l'autre canevas serbo-croate du poète nous aurait éventuellement conservé de telles formes.

L'internationalisme des canevas de Balassi est une caractéristique générale du culte de la chanson chez la noblesse hongroise des XVIe et XVIIe siècles; citons seulement à ce sujet les morceaux hongrois, slovaques, polonais, roumains et même tziganes du Codex Kájoni et du Codex Vietorisz, dont une partie nous a été conservée dans des interprétations populaires. (Un exemple frappant en est la *Danse de Lázár Apor [Apor Lázár tánca]* du Codex Kájoni, qui de nos jours sert de support à la danse *Batută*[44] des Roumains à Battonya (comitat de Békés.)

Cela dépasserait le cadre de notre étude que de rechercher à quel point la présence, dans la poésie populaire ou populiste croate, du vers ternaire en question, peut être considérée comme la transplantation en croate — compte tenu des particularités linguistiques — de l'octosyllabe dit d'Ambrosius; mais, en tout cas, nous ne pouvons manquer d'attirer l'attention sur cette éventualité. (D'ailleurs les poésies de Balassi sur airs turcs reflètent également une coupe 3 | 2 | 3.)[45]

Ayant pu établir l'origine de cette forme métrique de Balassi, sans connaître toutefois l'air s'y rattachant, il nous reste à savoir si le poète fut également inspiré dans son texte par l'exemple croate ou s'il se contenta d'en emprunter le rythme et, par son truchement, la forme poétique?

L'ouvrage daté de 1487 du chanoine Šižgorić de Šibenik — *De situ Illyriae et civitate Sibenici* — nous relate, au chapitre XVII, *De moribus quibusdam Sibenici*, la florissante richesse de la poésie populaire en Dalmatie, sur le littoral de l'Adriatique.[46] Nous ne pouvons également pas omettre la poésie amoureuse exceptionnellement virulente de cette époque qui s'enorgueillit, à la fin du XVe siècle et au début du XVIe de représentants éminents comme Šiško Menčetić Vlahović (1457—1527), Džore Držić, auteur déjà mentionné (1461—1501), Marin Krističević (mort en 1531), Andrija Čubranović (Andrija Zlatar, XVIe siècle), Hanibal Lucić (env. 1485—1553), Nikola Naljeśković (env. 1510—1587), Marin Držić (1508?—1567), Dinko Ranjina (1536—1607) et Dominko Zlatarić (1555— mort après 1609), dont plusieurs présentent immédiatement des canzones complètes chantant toutes les phases habituelles de l'amour.[47] Outre les différentes emprises occidentales, surtout

[43] OeC. 1 : 244.

[44] Szabolcsi B., A XVII. század magyar világi dallamai. [Les airs hongrois profanes du XVIIe siècle.] (Bp. sans date) 49.

[45] OeC. 1 : 63; 89—90; Dézsi LXXXIX.

[46] Gradja 2 : 10—11.

[47] En ce qui concerne certains auteurs; voir en détail: M. Kombol, Poviest hrvatske književnosti do narodnog preporoda. [L'histoire de la littérature croate jusqu'à la renaissance nationale.] Zagreb 1945. Référence en question ibid. 89.

pétrarquistes tous ces poètes sont à un certain point sous l'influence des chansons populaires nous avons même fourni des exemples de ce qu'ils composent leurs vers sur le modèle et les airs de celles-ci, tout comme le fait Balassi. C'est surtout dans la poésie amoureuse que se manifeste l'effet de la chanson populaire.

La poésie *Aenigma* de Balassi est un morceau allégorique dans lequel le poète traduit son propre sort et son propre amour. Sur les hords du lac, il voit deux cygnes évoluant dans une amoureuse harmonie. Tout à coup un vautour s'abat sur eux et emporte le plus beau des cygnes. Celui qui est resté seul continue à nager sur l'étang et, chantant sa tristesse, ne désire que la mort. Jusqu'ici, il n'a pas été possible de déceler une poésie plus ou moins semblable à celle-ci dans la littérature sud-slave de l'époque — semblable tout au moins du point de vue du contenu. Pourtant un vague indice nous conduirait peut-être à la source de l'inspiration. Dans un catalogue datant probablement du milieu du XVIIIe siècle, et contenant l'énumération (non sur la base des vers initiaux, mais sur celle des titres) des poésies originales et visiblement disparates d'un poète croate inconnu marqué seulement par les intiales de son nom «*St. D.*», figure une poésie, *Od sokola i labuda* (= Le faucon et le cygne).[48] Pouvons-nous soupconner dans cette poésie, connue seulement par son titre et datant de la première moitié du XVIIIe siècle, une variante tardive de l'éventuelle source de Balassi? Il est impossible de trancher la question. De tels motifs sont notoires dans toute la poésie pétrarquiste et — soit dit en passant — la recherche et l'examen de leurs éléments communs seraient fort fertiles. Par contre, on peut tenir comme certain que des poésies fort rapprochées de l'*Aenigma* par leur contenu existaient au XVIIIe siècle et pouvaient également exister dans la riche poésie populaire et amoureuse de l'ancienne littérature croate des XVe et XVIe siècles. Il n'est pas exclu que, tôt ou tard, le folklore serbo-croate révèle un morceau correspondant par son contenu au poème de Balassi, tout au moins approximativement, ce qui déciderait définitivement du bien-fondé de nos présomptions.

Outre sa poésie *Aenigma*, Balassi se réfère encore à un endroit à une chanson sud-slave. Il écrivit, sa chanson: *Bécsi Zsuzsannáról s Anna-Máriáról szerzette* «sur l'air de *Doklei sem še divičicom bila*, ou sur celui de la chanson polonaise: *A pod liesem*, etc.» Les deux canevas nous sont parvenus dans la transcription déformée de Balassi. Le premier conserve des formes slovènes—kaï-croates et figure ainsi chez Balassi: *Doklei sem sze divichicőm bila*, et

[48] F. Fancev, Sitni prilozi za povijest hrvatske književnosti. 2. Katalog poezije pjesnika «St. D.» iz sredine 18 vijeka. [Données brèves de l'histoire littéraire croate. 2. Catalogue des poésies du poète «St. D.» du milieu du XVIIIe siècle.] Gradja za povijest književnosti hrvatske 11 : 221—224; Hadrovics L., Magyar és déli szláv szellemi kapcsolatok. [Relations intellectuelles hongroises et sud-slaves.] Bp. 1944, 15.

devait être prononcé à l'origine: *Doklei* (ou *Dokler) sem še divičicom* (ou *devičicom) bila*. C'est à dire: «tant que j'étais fille (vierge)».

Sur le base du recueil de chansons populaires slovènes de Karel Štrekelj, M. Sándor Eckhardt a tenté de retrouver l'original sud-slave, en signalant la chanson populaire présentée dans ce recueil sous le titre de *Dokler si devica bila, si cvela kakor roža*, dont le douzième vers est:

Dokler si še devica biva.[50]

Ce vers possède la même signification que le canevas de Balassi, mais il est à la deuxième personne. Or dans le recueil de Štrekelj (parmi les airs présentés sous le titre collectif de *Rože sem trgala, dokler sem nedolžna bla)* nous trouvons de nombreuses chansons populaires dont des vers extraits au hasard correspondent, au point de vue de sens, au canevas mentionné. Ainsi le vers 30 de la chanson populaire no. 2288:

Dokliedar sem še nadužna b'va.

Les vers

Dokler sem nedovžna bva
Dokler sem nedolžna bla
Dokler sem nedolžna bila

se retrouvent dans de nombreuses chansons populaires (no. 2290, vers 5; no 2291, vers 5; no 2293, vers 5 et 6; no 2295, vers 5 et 6; no 2298, vers 5; no 2299, vers 16 et 20; no 2301, vers 5; no 2302, vers 10; no 2304, vers 5. De même les vers 5 et 25 de la chanson populaire no. 2300).

Cependant, c'est le vers 6 de la chanson populaire no. 2291 qui s'apparente le mieux au canevas de Balassi:

Dokler sem še mlada bila,

ainsi que les vers 10 et 15 du no. 2297, et les vers 5 et 6 du no. 2306:

Dokler sem še nedolžna bla

Dokler sem še nedolžna bila.

[49] OeC. 1 : 111—112; BC. 78—79 et fac-similé.

[50] Eckhardt S., Balassi Bálint irodalmi mintái. [Les modèles littéraires de Bálint Balassi.] Irodalomtörténeti Közlemények [Bulletin d'Histoire Littéraire] 23 (1913) 444; K. Štrekelj, Slovenske narodne pesmi. [Chansons populaires slovènes.] II. Ljubljana 1900—1903, 2310 no.

Examinons toutefois au point de vue métrique le canevas en question de Balassi. Quelle que soit la manière dont nous lisons le vers initial de cette chanson populaire sud-slave conservée jusqu'à nos jours, nous aurons en tous les cas un vers décasyllabique à coupe 4 | 6 donc, selon la lecture acceptée:

Doklei sem še | divičicom bila.

De tels décasyllabes sont inconnus dans la métrique slovène, par contre ils peuvent être retrouvés dans l'aire linguistique kaï-croate. Nous devons donc chercher l'origine du canevas de Balassi non dans la poésie populaire slovène, mais dans la poésie serbo-croate. Ainsi les vers proches du canevas de Balassi et choisis par M. Eckhardt ou par nous-mêmes dans les chansons populaires slovènes ne peuvent être des variantes de ce canevas. Nous devons rechercher l'origine de la chanson populaire mentionnée par Balassi dans la poésie populaire kaï-croate, qui conserve des particularités linguistiques identiques.

L'autre canevas, le polonais, étaye également la thèse du décasyllabe à coupe 4 | 6. Les paroles initiales qui nous sont restées dans la transcription de Balassi: *Apodliesem etc.* doivent être lues: *A pod lasem*, ce qui signifie: «mais à l'orée du bois...» (La supposition que la chanson initialement polonaise est rendue dans une prononciation slovaquisée et serait donc parvenue au poète par une entremise slovaque, ne change rien à l'essence de la question.)[51]

József Waldapfel a publié une chanson populaire polonaise fort rapprochée du canevas polonais.[52] Cette chanson est composé de décasyllabes à coupe 4 | 6 alternant avec des vers de neuf syllabes, mais cette dérogation à la règle peut être toujours remarquée dans la partie faisant suite à la césure:

Tam pod lasem, | pod ciernystim borem,
Skąd wytryska | zimnej wody zdrój,
Pod zielonym | prześlicznym jaworem.
Tam na trawie | usiadł luby mój.[53]

Le canevas polonais de Balassi est donc un vers tronqué, la partie de ce vers précédant la césure.

C'est justement la poésie de Balassi qui nous a le mieux conservé le rythme des vers à coupe 4 | 6 des chansons populaires d'origine sud-slave et polonaise. A l'exception des vers 5 et 6 de chaque strophe et de quelques autres, il construit son poème à coupe 4 | 6, en utilisant à la césure la règle stricte et caractéristique du décasyllabe croate: en effet cette césure ne coupe

[51] Irodalomtörténeti Közlemények 23 (1913) 444.

[52] WALDAPFEL J., Balassi lengyel kapcsolataihoz. [A propos des rapports polonais de Balassi.] Egyetemes Philologiai Közlöny [Bulletin de Philologie Universelle] 65 (1941) 310—317.

[53] Ibid. 313; Pieśni ludowe z polskiego Śląska 2 : 350.

jamais les mots, mais tombe toujours dans les intervalles. Exception à cette régle: le dernier vers de la première strophe:

De csak heá | ban szeretik sokan,

et le second vers de la cinquième strophe:

Elég hogy meg | volt minden édesség,

ainsi que la dernière strophe, la sixième, qui — de ce point de vue — représente une exception par rapport à tout le poème; en effet les magnifiques et souples décasyllabes, à césure nette, s'arrêtent brusquement et s'alourdissent. La cause en est que seules ces cinq premières strophes étaient chantées; la dernière, la sixième n'est qu'une sorte d'annexe du morceau et, ainsi, ses césures demandaient bien moins de soins. C'est ce qu'atteste également le vers final de la dernière strophe c h a n t é e:

De versemben | itt legyen már vég.

La sixième strophe est la suivante:

Kurta oktá | ván a sovány böjtben,
Pozsony váro | sából kimentemben,
Szerzém eze | ket ilyen versekben
Táncnótára | egy kisded énekben.
(ce dernier vers est régulier !)

puis le vers final:

Hogy bécsi vi | rág juta eszemben.

Il est à remarquer cependant que, dans les chansons populaires décasyllabiques des Serbo-Croates, il est rare que les deux sortes de coupe du décasyllabe figurent conjointement dans le cadre de la même chanson, donc qu'il y ait aussi, à côtés des coupes 4 | 6, des coupes 5 | 5.

Voyons en guise d'exemples, parmi les strophes à coupes régulières, la première et la quatrième.

Az Zsuzsánna | egy szép német leány
Bécsben lakik | Tiefengrab utcáján.
Piros rózsa | tündöklik orcáján,
Szép kaláris | tetszik az ajakán.
. . . . . .
Kezet fogván | egymással azontúl
Házban lépénk | mindnyájan utcárúl.
S mint a méhek | szekfü szép virágrúl
Mézet szedénk | egymás ajakárul.
. . . . . .

Nous ne pouvons fournir d'explication acceptable pour les vers 5 et 6 de chaque strophe. (Ils sont de six syllabes et à coupe 4 | 2 ou 3 | 3.) Dans la poésie populaire serbo-croate, cette structure de la strophe est tout à fait inconnue.

Le poème de Balassi a conservé, dans la poésie hongroise, les reflets les plus lointains du décasyllabe serbo-croate caractéristique, le *deseterac ;* ce qui prouve l'expansion, à l'époque, du *deseterac*, tandis que le canevas, même déformé, reste un vestige précieux de la littérature serbo-croate, puisque nous y pouvons saluer l'une des notations les plus anciennes du *deseterac*, même s'il n'est question que d'un vers initial.

D'ailleurs le décasyllabe à coupe 4 | 6 n'est pas inconnu dans la littérature hongroise. Un exemple en est fourni par *Vásárhelyi András éneke* (= Le chant d'András Vásárhelyi) datant de 1508.[54] Mais *Szabács viadala* (= Le siège de Szabács), ce chant épique relatant la prise de la place forte de Szabács (Šabac) sur les bords de la Save, en 1476, est également composé de décasyllabes irréguliers et présente une coupe identique dans nombre de ses vers.[55] (Remarquons en passant que les rapports de ce chant épique avec la poésie populaire serbo-croate ne sont pas encore suffisamment éclairées.) Cette même métrique verra d'ailleurs sa floraison dans la littérature hongroise pendant les premières décennies du XIXe siècle, à la suite de la traduction en hongrois des chansons populaires serbo-croates, et elle deviendra un des rythmes à la mode à l'époque, connu sous le nom de «serbus manier» et cultivé, entre autres, par Kölcsey, Vörösmarty et Petőfi.[56]

La recherche du texte de la chanson populaire commençant par *Doklei sem še divičicom bila* est d'un intérêt secondaire, puisqu'il est fort peu probable qu'il soit question d'une chanson populaire proche dans son texte de la poésie de Balassi.

Dans le cas de chacune des deux oeuvres de Balassi que nous venons de traiter, l'emprunt de la métrique est d'une importance primordiale. Il serait très intéressant de rechercher les airs qui, en fait, reflétaient la métrique, mais cela ne présente pour l'instant aucune chance de succès. Par contre, l'analyse des deux morceaux poétiques peut nous fournir de nombreuses données de haute valeur, aussi bien du point de vue de la littérature hongroise que de la littérature serbo-croate, en enrichissant nos connaissances les plus anciennes et assez rares relatives au folklore du XVIe siècle.

[54] RMKT. 1 : 236—240; Horváth J., A középkori magyar vers ritmusa. [Le rythme de la poésie médiévale hongroise.] Berlin 1928, 66—70, 118, 153.

[55] RMKT. 1 : 468—472; Horváth ibid. 117—121, 128—129, 153.

[56] Horváth J., A magyar irodalmi népiesség Faluditól Petőfiig. [Le populisme littéraire hongrois de Falusi à Petőfi.] Bp. 1927, 145—148; Horváth J., Petőfi és a «szerbus manier». [Petőfi et la «manière serbe».] Irodalomtörténet [Histoire Littéraire] 7 (1918) 302—308; Horváth J., A «szerbus manier». [La «manière serbe».] Tanulmányok. [Études]. Bp. 1956. 266—271.

Eigentümlichkeiten der Strauchdieb-Balladen bei den mitteleuropäischen und balkanischen Völkern

S. Domokos

Die Strauchdieb-Balladen der mitteleuropäischen und balkanischen Völker sind bisher auf ihre gemeinsamen Eigentümlichkeiten hin noch nicht untersucht worden. Und doch sind diese Balladen in mancher Hinsicht unter ähnlichen gesellschaftlichen Verhältnissen entstanden, was sich auch in ihrer Thematik widerspiegelt. Außerdem enthalten sie über die thematische Ähnlichkeit hinaus auch manche typischen und künstlerischen Eigentümlichkeiten, ja selbst zahlreiche Lehnmotive. Um dies alles herausstellen zu können, muß man den Gegenstand mit einheitlicher marxistischer Methodik in Angriff nehmen.

Im folgenden versuchen wir die Schlüsse auf Grund der vergleichenden Methode aus den Balladen selbst zu ziehen, indem wir den Ausgang aus einer Analyse der gesellschaftlichen und historischen Umstände nehmen.

I. Die Entstehung der Strauchdieb-Balladen

Die zahlreichste Gattung der europäischen Volkspoesie macht zweifellos die Ballade aus, die sich infolge ihrer Konstruktionsart und der gattungsmäßigen Eigentümlichkeiten nicht nur am geeignetsten erweis, individuelle und gesellschaftliche Schicksalstragödien zu dichten, sondern dabei auch am besten jene manchmal bizarren und unglaubhaften Geschichten in poetischer Form darzustellen vermag, die die Phantasie des Volkes und seine moralische Denkweise am meisten beschäftigen.

Prüft man die Themen der Balladendichtkunst bei den verschiedenen europäischen Völkern genauer, so sieht man, daß in ihnen die individuellen Tragödien und abergläubischen Ansichten vorherrschen; ihr Inhalt hat jedoch im Laufe der Zeiten manche Veränderungen durchgemacht, und zwar in der Richtung auf die gemeinschaftlichen, also gesellschaftlichen Probleme. Besonders gut läßt sich dies im Balladenschatz der mitteleuropäischen und balkanischen Völker beobachten: in den Volksballaden, die in der Zeit zwischen dem 16. und 19. Jahrhundert entstanden, werden immer mehr jene Themen am

beliebtesten, die die gesellschaftliche Spannung zwischen dem Gutsbesitzer und dem Leibeigenen, dem Reichen und Armen, dem Herrn und Diener hervortreten lassen, je nach dem, wie die Leibeigenen des betreffenden Volkes zu immer höherem Selbstbewußtsein erwachen.

In dem 18. und 19. Jahrhundert wird die Balladenthematik der mitteleuropäischen und balkanischen Völker schon vorwiegend von dem Gedanken des gesellschaftlichen Kampfes zwischen Herren und Leibeigenen, sowie von der verhüllten oder offenen Revolte der Bauern beherrscht. Diese Balladen von neuem Typus sind die sog. Strauchdieb-Balladen. Ihre Helden, die Strauchdiebe, die aus den Reihen der Leibeigenen hervorgingen, kämpften ja gegen jedwede Ungerechtigkeit und Unterdrückung, mag sie von klassenmäßiger oder nationaler Art gewesen sein.

II. Die Beurteilung der Strauchdiebe

Es kämpften in der Beurteilung der Strauchdiebe in der Vergangenheit zwei Ansichten gegeneinander, von denen die eine diejenige der herrschenden Klassen war. Diese vermochte nur Verachtung und Abscheu den Strauchdieben entgegenzubringen, in denen man nur gemeine Räuber und Bösewichter, die Umstürzler der »gesellschaftlichen Ordnung« erblicken wollte. Man unternahm energische Aktionen, um sie festzunehmen, mit großen Pandurenheeren, ja nicht selten auch mit Heranziehung des Militärs, wie dies auch durch zahlreiche Strauchdieb-Balladen bezeugt wird. Aber oft blieben diese Aktionen dennoch erfolglos, weil das Volk die Verfolgten beschützte und versteckte. In solchen Fällen mußten sich die Mächtigen der List bedienen. Es ist z. B. bekannt, daß auch Sándor Rózsa nur mit List festgenommen werden konnte, indem man nämlich auf sein nationales Ehrgefühl appellierte.

Das andere Bild des Strauchdiebes ist dasjenige, das sich das Volk gemacht hatte. In der Volksphantasie ist der Strauchdieb ein übermenschlicher Held, der zu jedem Opfer bereit ist, um die ihm und den Seinigen zugestossene Ungerechtigkeit zu rächen. Diese Auffassung führte zu jener bekannten Strauchdiebenromantik, die sowohl in Ungarn als auch bei den Nachbarvölkern für zahlreiche literarische Flickwerke das Material lieferte. Erst in den letzten Jahrzehnten wurden solche Werke veröffentlicht, die auch als zeitgeschichtliche Dokumente gelten dürften, romanhafte Lebensschilderungen und Erzählungen, wie z. B. die großartige Jánošik-Monographie von J. Melicherčik, das Werk von D. Popović: »O haiducima«, der Roman »Sándor Rózsa« von Zsigmond Móricz, manche Erzählungen über die Strauchdiebe von M. Sadoveanu und Panait Istrati etc.

Aber keine von den beiden Auffassungen analysierte die Gründe, die das Strauchdiebentum hervorbrachten, d. h. die gesellschaftliche Situation. Ein

diesbezüglicher Fortschritt zeigte sich erst in den allerletzten Jahrzehnten. Aber selbst heute sind noch manche Fragen nicht geklärt worden, welche Rolle z. B. den Strauchdieben in den gesellschaftlichen und Unabhängigkeitskämpfen der mitteleuropäischen und balkanischen Völker zufiel. Denn es läßt sich kaum denken, daß die Strauchdiebe in den häufigen Bauernaufständen der genannten Völker gar nicht mitgewirkt hätten. Ebenso müßte man auch prüfen, inwiefern die Unabhängigkeitskämpfe dieser Völker gegen dieTürken durch halbmilitärisch organisierte Strauchdiebtruppen unterstützt wurden, denn bei den Griechen, Bulgaren und Serben zählten ja die einzelnen Strauchdiebtruppen manchmal mehrere hundert Häupter. Auch bei den Rumänen waren solche Truppen nicht unbedeutend; in der Truppe von Pintea kämpften z. B. etwa 200 Strauchdiebe.

III. Inhaltliche Gruppierungen der Strauchdieb-Balladen

a) *Kampf für die nationale Freiheit*

Man darf in der Prüfung der genannten Fragen das Strauchdiebentum der verschiedenen balkanischen und mitteleuropäischen Völker dennoch nicht auf einen gemeinsamen Nenner bringen. Wohl findet man bei diesen verwandte Züge und Ähnlichkeiten; so wurde z. B. das Strauchdiebentum bei allen genannten Völkern durch zwei wichtige Faktoren weitgehend gefördert; der eine von diesen war die gesellschaftliche Not, und der andere die Fremdherrschaft. Aber Erscheinungsform und Intensität des Strauchdiebwesen waren je nach Völkern verschieden. Prüft man z. B. das Strauchdiebwesen der im engeren Sinne balkanischen Völker (Griechen, Bulgaren und Serben), so ersieht man aus ihren diesbezüglichen Balladen, daß bei diesen Völkern die Strauchdiebe vor allem gegen die Fremdherrschaft kämpften.

1. So ist z. B. das beliebteste Thema der neugriechischen Kleftis-Balladen der Kampf gegen die Türken. Man begegnet in diesen Balladen meistens solchen Motiven: der griechische Jüngling will nicht zu Hause bleiben, er will Kleftis werden, um gegen die Türken zu kämpfe; die Mutter des Kleftis beweint ihren Sohn, der im Kampf gegen die Türken verwundet wurde; die Türken setzen einen Preis auf den Kopf des Kleftis; die Kleftise ziehen auf den Olymp, weil sie sich den Türken nicht ergeben wollen; der von den Türken festgenommene Kleftis fordert seine Gefährten zur Rache auf, usw. usw.

2. Auch die bulgarischen Strauchdieb-Balladen sind volkstümliche Denkmäler der Kämpfe gegen die Türken. Man begegnet solchen Themen wie: der Führer *Čavdar* ruft seinen jüngeren Bruder, er soll ihn aus der Gefangenschaft des Pascha befreien; *Stojan* greift an und nimmt fest den türkischen Bey, der das Volk des Dorfes zur Zwangsarbeit treiben wollte;

Radul verkleidet sich als Braut und läßt sich durch seine Gefährten nach Sliven führen, um den türkischen Pascha festzunehmen; *Tatunčo* haut zusammen die Türken, die ihn festnehmen wollten; der als Bettler verkleidete *Strahil* will zu den Türken, um an ihnen Rache zu nehmen; *Nenčo* kämpft gegen den Pascha Amedco. Der tapfere Kampf der bulgarischen Haiduten wird selbst von den Türken anerkannt. In der einen Ballade ruft der Türke zu der den Sohn beweinenden Mutter: »Du hast nicht umsonst einen Sohn geboren !« Bei den Bulgaren fiel übrigens der Kampf gegen die gesellschaftliche Unterdrückung mit dem Kampf gegen die Türken für die nationale Unabhängigkeit zusammen. Dieser Kampf begann noch im 11. Jahrhundert, und es nahmen in den 18—19. Jahrhunderten auch die Haiduten teil daran, meistens in größeren, regulären Strauchdiebtruppen. An der Spitze dieser Truppen stand der »Woiwode« mit Fahnenträger an der Seite, der gewöhnlich eine rote oder grüne Fahne trug.

3. Wie die Bulgaren, kämpften auch die serbischen Strauchdiebe tapfer gegen die Türken; ihre Kämpfe gehören in die Geschichte der Unabhängigkeitskämpfe des serbischen Volkes. Diese Tatsache spiegelt sich auch in den Strauchdieb-Balladen wider, die beinahe ausschließlich nur mit dem Kampf gegen die Türken beschäftigen. Eben darum wollen wir auf ihre Besprechung im einzelnen nicht eingehen. Das serbische Strauchdiebenwesen entwickelte sich besonders in Montenegro, Bosnien und Herzegowina. Zu Kriegszeiten wüteten die Türken mit größter Grausamkeit gerade in diesen Gebieten gegen die serbische Bevölkerung, während sie im Frieden die bemessenen Steuern strengstens eintrieben. Die serbischen Leibeigenen wurden wie Sklaven gekauft und verkauft (D. I. Popović, O haiducima. Belgrad 1930, S. 66). Die aufständischen Strauchdiebe hausten meistens auf den Grenzgebieten, aber manchmal besetzten sie auch die von den Türken benutzten Wege, so z. B. den Weg Stambul—Belgrad—Dubrovnik. Die Türken verkehrten, um sich gegen sie schützen zu können, in Karawanen. Den Strauchdiebführern schlossen sich ganze Heere von Verfolgten an, wodurch die Zahl dieser Truppen sehr anwuchs, manchmal betrug sie mehrere hundert Häupter. Die serbischen Strauchdiebe griffen auch die meistens fremden, türkischen Händler an, die beim Durchzug über Gebiete, die durch Strauchdiebe kontrolliert waren, diesen regelrecht Steuer zahlen mußten (D. I. Popović, op. cit. 127). Es ist bezeichnend dafür, wie mächtig diese Strauchdiebe waren, daß man mehreren Namen von bekannten Strauchdieben auch unter den Inschriften auf den Wänden der Kirchen begegnet. Auf der anderen Seite ersieht man wie die öffentliche Meinung gegen die Türken eingestellt war, auch daraus, daß an den Kämpfen gegen sie auch die Frauen und Geliebten der Strauchdiebe teilgenommen hatten. Die Angriffe waren meistens organisiert, vor je einem größeren Anschlag auf die Türken hielt man Beratung ab, in der der Räuberhauptmann die Aufgaben der einzelnen Truppenteile im voraus bestimmte.

b) *Kampf gegen die gesellschaftlichen Ungerechtigkeiten*

Andere Themen werden in den Strauchdieb-Balladen der mitteleuropäischen Völker nördlich von der Donau (Rumänen, Ungarn, Slowaken und Ruthenen) behandelt. Bei diesen Völkern richtete sich der Kampf der Strauchdiebe — mindestens nach den Balladen — hauptsächlich gegen die gesellschaftlichen Ungerechtigkeiten. Das erklärt sich dadurch, daß bei den genannten Völkern die Leibeigenen in einer noch grausameren gesellschaftlichen Unterdrückung lebten, als bei den übrigen europäischen Völkern Am schlimmsten war darunter wohl die Lage der rumänischen Leibeigenen. Mögen darüber hier einige Angaben erwähnt werden: unter der Regierung von C. Brîncoveanu (Anfang des 18. Jh.) mußten die zehenpflichtigen rumänischen Leibeigenen 24 Tage Fronarbeit leisten und außerdem auf Monate verteilt nicht weniger als 42 Arten von Steuern zahlen. Auf je einen Monat fielen 3—4 Arten von Steuern. Außer den Geldsteuern mußten die Leibeigenen auch nach ihren Tieren verschiedene Abgaben leisten. Die Steuern wurden mit der größten Strenge eingetrieben. Falls die vorgeschriebenen Beträge nicht bezahlt wurden, hatten die Steuerbeamten die Männer und Frauen festgenommen, eingesperrt und gequält, ja manchmal auch zu Tode gepeitscht (M. Roller, Istoria romînilor, S. 240). Nicht wesentlich wurde die Lage der Leibeigenen auch durch die Revolution von Tudor Vladimirescu (1828), und nach der Einführung des Organisations-Reglements geändert. Mit Recht bezeichnete Marx dies Reglement in seinem »Kapital« als das »Gesetzbuch der Fronarbeit«. Bojaren und Priester zahlten nach wie vor keine Steuern, das ganze Steuersystem wurde überhaupt nur insofern verändert, daß die zahlreichen Steuerarten zu einer einzigen Steuer *(birul)* zuammengefaßt wurden, aber diese machte je nach Familienhaupt 30 Lei aus. Wohl durfte der Leibeigene im Sinne der neuen Regelung seine Frondienstpflicht auch mit Geld ablösen, aber nur gemäß der Schätzung des Bojaren, d. h. er mußte für 1 Tag Arbeit 3 Tage Geld zahlen. Die Leibeigenen hatten außer ihren Verpflichtungen dem Gutsbesitzer gegenüber auch andere schwere Lasten zu tragen dem Staat gegenüber. Alle 50 Familien mußten z. B. einen Soldaten stellen, dessen Ausrüstung ihnen 300 Lei kostete; zum Unterhalt der Gendarmen und Beamten mußten sie mit 12 Lei beisteuern; 6 Tage Arbeit mußten sie für die Erhaltung der Wege leisten, aber dies nahm manchmal auch dreimal so viel Zeit in Anspruch; beim Betreten der Stadt mußten sie je nach Tieren zwei Lei abzahlen, ebenso hatten sie die Gebühren für die offiziellen Stempel und Prozesse zu tragen, die meistens gegen sie selbst wegen saumseliger Erfüllung ihrer Pflichten geführt wurden. Aber bezahlen mußten sie auch den Dorfwächter, erhalten der Dorfpriester und ihm Fronarbeit leisten. Futter mußten sie für die Dorfreserve einliefern, erhalten die Dorfwege, auf eigene Kosten das Gemeindehaus und die Dorfschule erbauen. Die direkten Steuern betrugen nach einem

Ausweis aus dem Jahre 1847 pro Kopf 154 Lei (N. Bălcescu, I. Reforma socială la romîni. Opere, I. 1953, S. 269—270).

Aber das Organisations-Reglement stellte zahlreiche Hindernisse auch im Wege der freien Übersiedlung der Leibeigenen. So mußten z. B. diejenigen, die übersiedeln wollten, ihre Absicht 6 Monate früher zu festgesetzter Zeit anmelden und ihre Zahlungspflichten dem Gutsbesitzer gegenüber für das ganze Jahr leisten; sie waren verpflichtet, ihre Gebäude ohne Entschädigung den Besitzern zu überlassen, ihre Steuern der Gemeinde und dem Staat für ein Jahr zu zahlen. Und selbst wenn sie dies alles geleistet hatten, auch so durften noch aus einer Gemeinde in einem Jahr nur zwei Menschen übersiedeln Dabei war es den Gemeinden strengstens verboten, willkürliche Übersiedler aufzunehmen (N. Bălcescu, Reforma socială la romîni. Opere, I. 1953, S. 272).

Die Strauchdiebe gingen zu einem guten Teil aus den Reihen solcher Leibeigenen hervor, die diese Lasten nicht zu tragen vermochten; sie taten sich in Truppen zusammen, um an ihren Unterdrückern Rache zu nehmen. In den meisten rumänischen Strauchdieb-Balladen spiegelt sich der gesellschaftliche Kampf der Strauchdiebe wider. So rächte sich z. B. *Toma Alimoş*, der berühmte Strauchdieb der Moldau an seinem Bojaren-Gutsherrn; *Corbea* und *Miul*, die angeblich bojarischer Abstammung waren, wurden — durch Zurücksetzung gekränkt — Strauchdiebe und sie rächten sich an dem Wojwoden Ştefan, indem sie ihn in die Falle lockten; *Bujor* terrorisierte die Schinder des Volkes *(ciocoi)* ; *Codrean* raubte die Pferde der Reichen, und *Pintea*, der berühmte Strauchdiebführer von Maramureş vergalt mit seiner Truppe von mehreren hundert Mann die den Bauern zugefügten Unbilden.

Aber manchmal hört man in den rumänischen Strauchdieb-Balladen auch von Kämpfen gegen Türken und Griechen. Jener Kampf gegen die Türken für die nationale Unabhängigkeit, der in der Balladendichtkunst der balkanischen Völker eine zentrale Rolle spielte, ist auch den ähnlichen rumänischen Balladen nicht unbekannt, aber hier ist er kein ausschließliches Thema mehr, es tritt daneben auch das Problem des gesellschaftlichen Kampfes in den Vordergrund.

Prüft man die Strauchdieb-Balladen der übrigen erwähnten mitteleuropäischen Völker, so sieht man, daß in diesen der Kampf gegen die gesellschaftlichen Ungerechtigkeiten schon beinahe vorrherrschend wird. Darum sind auch die ungarischen, slowakischen und ruthenischen Strauchdieb-Balladen ziemlich eintönig: es handelt sich in ihnen so gut wie immer um die Verfolgung und Bestrafung des Strauchdiebes durch die Panduren. Wir wollen sie darum auch nicht im einzelnen aufzählen.

IV. Die Typen-Kategorien der Strauchdieb-Balladen

Die beiden Themenkreise, die wir bisher aus den Strauchdieb-Balladen der balkanischen und mitteleuropäischen Völker erwähnten, d. h. also der Kampf gegen die fremden Unterdrücker und derjenige gegen die gesellschaftlichen Ungerechtigkeiten, werden natürlich je nach den einzelnen Völkern verschieden behandelt. Es kommt nämlich in ihnen jedesmal die eigentümliche nationale Schöpfungsart der einzelnen Völker zur Geltung; darum begegnet man unter ihnen auch mehreren Typen-Varianten.

Man findet unter diesen Balladen — von dem Gesichtspunkt der gattungsmäßigen Eigentümlichkeiten aus betrachtet — teils solche, in denen die romanzartigen, und teils solche, in denen die dramatischen Elemente vorwiegen, je nach dem, welcher Art Ereignisse den Gegensatnd der Ballade bilden. Viele Balladen behandeln reale, wirklich zugetragene Ereignisse, wie nämlich ihre Helden gegen die Unterdrücker und Verfolger kämpften, und wie sie in diesem Kampf fielen. Form und Inhalt hängen in diesen Balladen auf das engste zusammen. Völlig anders redet der völkische Dichter, wenn er den Sieg des Strauchdiebes über seine Gegner feiert, und anders, wenn er über seinen Tod berichtet, oder darüber, wie er infolge eines Verrates festgenommen wurde. Es ergeben sich also aus dem Gegenstand selbst die gattungsmäßige Art und die Eigentümlichkeiten der Ballade.

Novellistisch bzw. chronikartig ist die Ballade, wenn sie über den Kampf oder Sieg des Strauchdiebes über seine Unterdrücker berichtet. In solchen Fällen wird in ihr das lyrische Element vorherrschend, man spürt in der Tat, wie glücklich der völkische Dichter den Sieg, die gelungene Rache seines Helden, des Strauchdiebes erzählt. Die ganze Ballade wird von einer lustigen Atmosphäre durchdrungen, die manchmal sogar, z. B. in den rumänischen Balladen, auch zur Erzählung der Einzelheiten führt. So kommt in ihnen die Begeisterung des Volkes für die Erfolge der Strauchdiebe, und die Hoffnung darauf zum Ausdruck, daß es einmal gelingen wird, über die Unterdrücker Herr zu werden.

Eine völlig andere Athmosphäre atmet die Strauchdieb-Ballade, wenn sie erzählt, wie der Strauchdieb durch die Panduren festgenommen und wie er für seine Taten bestraft wurde. In solchen Fällen werden die dramatischen Elemente vorherrschend. Manchmal behandelt die Ballade die Ereignisse nur bis zu der Festnahme des Strauchdiebes, aber auch in solchen Fällen ist die Stimmung der Dichtung düster, man merkt, daß der völkische Dichter die Hörer mit dem traurigen Schicksal seines Helden bewegen, das Mitgefühl erwecken will. Dies sind die Strauchdieb-Balladen von dramatischem Typus.

Im allgemeinen sondern sich die beiden genannten Balladentypen in der Dichtkunst der südosteuropäischen Völker spürbar voneinander ab, aber manch-

mal kommen, besonders in einigen rumänischen Strauchdieb-Balladen die novellistischen und dramatischen Elemente auch gemischt vor.

Es ist auffallend, daß unter den Strauchdieb-Balladen der balkanischen und mitteleuropäischen Völker die Mehrheit jene novellistischen Dichtungen bilden, in denen die lyrischen Elemente vorherrschen. Das ist besonders bei den bulgarischen, serbischen und rumänischen Strauchdieb-Balladen der Fall. Aber das heißt natürlich keineswegs auch so viel, als ob diesen Balladen das dramatische Element völlig fehlte. Dramatisch werden z. B. die bulgarischen und serbischen Strauchdieb-Balladen oft durch jenen Kampf um Leben und Tod, der sich sozusagen vor unseren Augen entfaltet, und in dem der Held — manchmal nach einer zeitweiligen Schlappe — den Sieg über seine Gegner doch davonträgt.

Noch dramatischer sind die neugriechischen, ungarischen, slowakischen und ruthenischen Strauchdieb-Balladen. Aber natürlich sind auch diese Dichtungen nicht immer aus demselben Grunde dramatisch. Das Dramatische der ungarischen und neugriechischen Strauchdieb-Balladen besteht z. B. meistens in der Schilderung dessen, wie der Held fiel und starb; aber ein wahrhaft dramatischer Kampf gegen den Feind kommt in diesen Stücken gewöhnlich nicht vor. Die neugriechischen Balladen erzählen oft den Todeskampf des verwundeten Kleftis und sein Testament; damit schildern sie — der Realität entsprechend — die hoffnungslose Lage der Kleftise, sowie die Tatsache, daß ihr Kampf gegen die türkische Übermacht aussichtslos war.

Wie die neugriechischen Kleftis-Balladen, so haben auch die ungarischen Stücke der ähnlichen Gattung meistens ein trauriges, tragisches Ende. Auch diese Balladen gehören, so gut wie ohne Ausnahme, zu dem dramatischen Typus. Von sämtlichen ungarischen Strauchdieb-Balladen lassen sich kaum zwei Vertreter des novellistischen Typus erwähnen; solche sind nämlich die Strauchdieb-Balladen »Fábián Pista« und »Szabó Pál«.

Dagegen kommen beide Typen unter den slowakischen Strauchdieb-Balladen vor, obwohl auch hier die Stücke von dramatischem Typus die Mehrheit bilden. Es ist beachtenswert, daß es unter den Balladen über *Jánošik* einige gibt, die nur über die Verfolgung des Strauchdiebes berichten, und daß diese Stücke zu dem novellistischen Typus gehören; aber die übrigen Balladen, die über die Festnahme und Hinrichtung desselben Helden berichten, sind schon dramatisch. Die slowakischen Balladen des dramatischen Typus sind ähnlich wie die neugriechischen und ungarischen Strauchdieb-Balladen, insofern nämlich auch in diesen nur die wichtigsten Einzelheiten der Ereignisse in gespannter Stimmung vorgetragen werden. Derselben Vortragsart begegnet man übrigens auch in den novellistischen Strauchdieb-Balladen der Slowaken; auch in diesen gibt es keine Beschreibungen und ausmalende Schilderungen, der völkischen Dichter beschränkt sich auf die

Zusammenfassung der wichtigsten Momente. Daher die Gedrängtheit und manchmal die raphsodische Vortragsweise der slowakischen Strauchdieb-Balladen, die an die ähnlichen ungarischen und griechischen Stücke erinnert.

Die ruthenischen Haidamak-Balladen gehören alle ohne Ausnahme zu dem dramatischen Typus. Wie die neugriechischen Kleftis-Balladen, erzählen auch diese meistens den Tod des Helden — mit dem Unterschied jedoch, daß sie dabei auch mehr Ereignisse vortragen; nur die lüstere Stimmung der Dichtungen und der tragische Fall des Helden erinnern an die verwandten griechischen Stücke.

V. Die künstlerischen Eigentümlichkeiten der Strauchdieb-Balladen

1. Die Typeneigentümlichkeiten der Strauchdieb-Balladen sowohl bei den balkanischen als auch bei den mitteleuropäischen Völkern bestehen nicht bloß darin, daß in diesen Schöpfungen Form und Inhalt auf das engste miteinander verbunden sind; dieselben Eigentümlichkeiten beleuchten auch die jeweils charakteristische Schöpfungsart der einzelnen Völker. Dadurch werden diese Balladen, die meistens doch ähnliche Themen behandeln, nicht nur abwechslungsreich und vielfarbig, sondern oft erreichen sie auch das hohe Niveau echter künstlerischer Schöpfungen.

Es wird sich also lohnen, genauer ins Auge zu fassen, welchen formalen und künstlerischen Elementen man in diesen Werken der balkanischen und mitteleuropäischen Volkskunst begegnet.

Es sei gleich vorausgeschickt, daß man auch in der Benutzung der künstlerischen Elemente je nach Völkern wesentliche Unterschiede in den Strauchdieb-Balladen der genannten Gebiete beobachten kann. Es gibt Völker, bei denen die Strauchdieb-Balladen wegen ihrem Reichtum der künstlerischen Elemente wahre Kunstwerke sind, und es gibt wieder andere, in deren Balladen Einfachheit, ja manchmal übertriebene Einfachheit zur Geltung kommt, und eben deswegen diese Schöpfungen gar kein künstlerisches Element enthalten.

Wir wollen zunächst die neugriechischen Strauchdieb-Balladen näher besehen, nicht nur darum, weil sie die ältesten sind, sondern auch darum, weil diese — wie überhaupt die griechische Volksdichtung — im Entlehnen und Weitergeben der Motive eine Vermittler-Rolle zu den übrigen balkanischen und mitteleuropäischen Volksdichtungen spielten. Natürlich wurde die gegenseitige Beeinflussung in unserem Fall durch die stark nationale Eigenart der Strauchdieb-Balladen sehr eingeschränkt, aber man wird sie dennoch nicht völlig außer acht lassen dürfen.

Auffallend ist an den neugriechischen Kleftis-Balladen, wie in diesen die Naturelemente zur Geltung kommen; auch diese nehmen an den

Kämpfen der Kleftise teil, sie helfen und unterstützen ihre Günstlinge, sie haben Mitgefühl mit ihnen. Auch die Natur beweint den gefallenen Kleftis; dürr und trocken wird die Wiese, wenn der Strauchdieb am Sterben liegt.

Besonders den Bergen kommt in den Kleftis-Balladen oft eine interessante Rolle zu. Der Olymp rühmt sich z. B. in einem Zwiegespräch, daß an allen seinen zweiundzwanzig Spitzen Fahnen flattern, und daß in allem seinem Strauch Kleftise versteckt seien. Der Berg ist also stolz darauf, eine Heimat der Kleftise zu sein.

Auch Flüsse, Sonne, Mond und Sterne werden in den Kleftis-Balladen oft personifiziert. Aber seltener kommen Tiere vor; am häufigsten wird von ihnen noch das Pferd erwähnt; das Pferd ist ja sozusagen ein treuer Kampfgenosse des Kleftis, dem er auch sein Testament erzählt, wenn er am Sterben liegt. Öfters werden in den Balladen Vögel genannt, besonders der Adler, zu dem der Kleftis wie zu seinem Mithelfer redet, und den er bittet, seine Gefährten auf die nahende Gefahr aufmerksam zu machen. Es kommt auch vor, daß der Adler die Beratung der Paschas belauscht.

Die Vögel in den Kleftis-Balladen sind Beispiele der märchenhaften Personifikation. Aber man erfährt meistens nicht, von welcher Art Vogel eigentlich die Rede ist. Die stereotypen Anfangsverse mehrerer Balladen heißen, daß drei Vögel an einem Ast sitzen und untereinander reden. Mit Gattungsnamen benannt werden von den Vögeln das Rebhuhn und der Kuckuck. Letzterem begegnet man übrigens auch in den ruthenischen Haidamak-Balladen.

Sehr interessant sind auch die Symbole der Kleftis-Balladen. Oft hört man in ihnen das Motiv des unheilverkündenden Traumes: sieht der Kleftis im Traum ein trübes Wasser, so verkündet es ihm immer etwas böses.

Ein sehr verbreitetes Motiv der Balladen mit tragischem Ende ist das Motiv der symbolischen Todes-Ehe. Der Kleftis bittet in seinem Testament die Gefährten seinen Tod der Mutter nicht zu erzählen; lieber soll man sagen, er hätte geheiratet: sein Schwager sei der Steinfels, seine Frau die schwarze Erde und seine Verwandten die vielen Kieselsteine geworden. Zweifellos kommt daher auch das Symbol der Todeshochzeit in der schönsten rumänischen Volksballade, in der *Miorița*. (Sieh darüber ausführlicher S. Domokos, Die neugriechischen Kleftis-Balladen und die rumänischen Volksballaden. Filológiai Közlöny [Philologischer Anzeiger] 1958 : 107—115.)

Zwar selten, aber es kommen als Symbole des Lebens die Blüten von Nelke und Rose vor. In der einen Ballade (Passow, Popularia Carmina recentivnos. Leipzig. MDCCIX, S. 118) erfährt die Mutter des Kleftis den Tod ihres Sohnes daraus, daß zu Hause Rose und Nelke verwelken.

Blumensymbolen begegnet man übrigens sowohl in den ungarischen als auch in den rumänischen Balladen, mit dem Unterscheid jedoch, daß diese Blumen den Gräbern unglücklicher Geliebten entwachsen und den Triumph

der ewigen Liebe verkünden, indem sie diejenigen verfluchen, die die Geliebten getrennt hatten. (Das Ebenbild der ungarischen Ballade »Kádár Kata« ist auch den siebenbürgischen Rumänen bekannt.)

Dasselbe Motiv findet sich auch in der serbischen Strauchdieb-Ballade *Maleta*, mit dem Unterschied, daß hier der Haiduk Maleta auf die Gräber des getöteten Rivalen und seiner in Trauer nachgestorbenen Geliebten Bäume pflanzt: einen Tannenbaum zum Kopf des Bräutigams und eine Weinrebe zu dem der Braut; wie es dann in der Ballade heißt: »*Die Weinrebe neigte sich zum Tannenbaum, wie verliebtes Mädchen zum jungen Mann*«.

Es ist interessant, daß es in den neugriechischen Kleftis-Balladen keine Märchenmotive gibt; auch von den mythologischen Elementen kommt nur Charon vor, der den gestorbenen Kleftis in die Unterwelt führt.

Statt dessen gibt es in diesen Balladen oft Klagegesänge, Testamente und Abschiednehmen. So gut wie immer verfügt in den Kleftis-Balladen der Sterbende selbst über seine Beerdigung. Solche Szenen sind schon stereotyp. Es heißt z. B. in der Ballade »Dimos am Sterbebett«: »Grabet mir mein Grab, daß es hoch und breit sei, damit ich drin aufstehe, wenn ich kämpfe, und auch zweimal meinen Platz darin wiederfinde. Laßt mir auch ein Fenster über meinem Grab nach Osten zu, da soll die Schwalbe zwitschern, wenn der schöne Lenz kommt. Und wenn die erste Morgendämmerung des blumenreichen Mais kommt, da wird der lustige Gesang der Lerche ertönen.«

Am häufigsten sind in den Kleftis-Balladen die Testamente, aber manchmal hört man darin auch, wie der Sterbende von den Gefährten, Verwandten, Bergen, Quellen und Hirtinnen Abschied nimmt.

Dies sind also jene dichterischen Schmuckelemente, die die Kleftis-Balladen auf ein hohes künstlerisches Niveau erheben. Der künstlerische Wert dieser Schöpfungen wird auch noch durch ihre Kürze und ergreifende dramatische Gedrängtheit gesteigert. In Kürze kommen diesen Stücken vielleicht nur die ungarischen Strauchdieb-Balladen nahe; ihre durchschnittliche Länge beträgt ja meistens nur 40 Verse. Die einzelnen Verszeilen haben im allgemeinen fünfzehn Silben, mit einer Zäsur in der Mitte der Zeile. Die Zeilen sind gewöhnlich völlig selbständig, sie werden nicht einmal durch konsequent gebrauchte Reime miteinander verbunden. Gedrängtheit, Kürze und schmucklose Einfachheit unterscheiden sie von allen übrigen hier behandelten Strauchdieb-Balladen; umsonst würde man unter ihnen diejenige Struktur und umfangreiche Breite suchen, die für die bulgarischen, serbischen oder rumänischen Strauchdieb-Balladen charakteristisch ist.

2. Die reichsten an künstlerischen Elementen und an Formenschönheiten sind zweifellos die rumänischen Strauchdieb-Balladen, diese langen, wahrhaft epischen Schöpfungen. Sie entlehnten im Laufe ihrer Entwickulng viele Elemente aus den rumänischen Volksliedern und historischen Volksballaden. (Vgl. S. Domokos, Künstlerische Elemente der rumäni-

schen Haidukenballaden. Annales Universitatis Scientiarum Budapestiniensis de Rolando Eötvös nominatae. Sectio Philologica. Tomus I, 1957.)

Nicht nur die häufigen Naturbilder kamen als Stimmungselemente aus den rumänischen Volksliedern in die Strauchdieb-Balladen hinüber, sondern auch das lustige Anstimmen der Vortragsart, das eine eigenartige, manchmal optimistische Athmosphäre der Dichtung verleiht, die in den übrigen Strauchdieb-Balladen der bisher erwähnten Völker nicht vorkommt. Aber wir wollen die wichtigsten künstlerischen Elemente der rumänischen Strauchdieb-Balladen der Reihe nach im einzelnen besprechen.

Die meisten rumänischen Balladen dieser Art beginnen — und das ist schon ein wesentlicher Unterschied im Vergleich zu den Strauchdieb-Balladen der bisher erwähnten südosteuropäischen Völker — mit einem Naturbild, ebenso wie auch die rumänischen Volkslieder und die anderen Balladen der Rumänen. Diese Naturbilder intonieren den Vortrag und zugleich nehmen sie auch den Inhalt der Ballade, bzw. den Ausgang der geschilderten Ereignisse vorweg.

Eine stimmungsmäßige Rolle fällt auch den erwähnten Blumen und Blättern zu, die nicht aufs geratewohl sondern zielbewußt zur Anwendung kommen, wie dies schon V. Alecsandri (Poeziile populare ale Romînilor. 1860, S. 50) erkannt hatte.

In den novellistischen Balladen — die, wie schon gesagt, den Sieg des Strauchdiebes erzählen — werden im allgemeinen aus Stimmungsgründen die folgenden Blumen und Bäume genannt: das Blatt der Buche, rote Nelke, Veilchen, Seebinse, Tulpe, und am häfigsten: grünes Blatt, Zichorienblatt, das Blatt des Dornstrauches, Rosenblatt usw. Oft kommt im Text der Ballade auch ein anderes Naturbild noch an die Reihe, womit nicht nur eine Abwechslung sondern wohl auch eine Anpassung an das eben Vorgetragene erzielt wird. Aber es gibt auch Strauchdieb-Balladen, in denen dasselbe Naturbild bis zum Ende beibehalten wird, so z. B. in den Varianten der Ballade *Ghiță Cătănuță*, in denen Kraft und Schönheit des Strauchdiebes durch das Symbol der Tulpe zum Ausdruck gebraucht werden.

Anderen Naturbildern begegnet man in den Strauchdieb-Balladen von dramatischem Typus. Es werden z. B. in der Ballade *Darie*, in der der Strauchdieb erhängt wird, gleich am Anfang als stimmungserweckendes Bild drei Haselnüsse genannt, und dann später hört man im Text selbst von einem dürren Ast. In der Ballade *Bujor*, die ebenfalls von dem Erhängt-werden des Strauchdiebes erzählt, wird Mariengras erwähnt, und in anderen Balladen von traurigem Inhalt: Feldbohne, Backkürbis, Knoblauch und Schierlingsblatt.

Selbstverständlich werden nicht alle Strauchdieb-Balladen mit einem Naturbild angestimmt, ja es gibt auch solche, in denen überhaupt keine Naturbilder vorkommen.

Die Vortragsart der rumänischen Strauchdieb-Balladen ist im allgemeinen zweierlei: entweder folgt sie nämlich dem logischen Gang der geschilderten Ereignisse, oder registriert sie nur Einzelheiten der Handlung, die dann durch aus Volksmärchen übernommenen Motiven miteinander verbunden werden.

Die Wirklichkeitsnähe wird durch lebenstreue Beschreibungen erreicht; nicht nur das Äußere des Strauchdiebes, seine körperliche Beschaffenheit, Kleidung und Bewaffnung, sowie das Pferd von ihm werden genau geschildert, sondern mit derselben Ausführlichkeit auch der Feind. Einer solchen Schilderungsart begegnet man sonst in den Strauchdieb-Balladen von keinem erwähnten südosteuropäischen Volk, sie ist eine ausschließliche Eigentümlichkeit der rumänischen Strauchdieb-Balladen, die den realistischen Wert dieser völkischen Schöpfungen auf eine hohe Stufe erhebt. Es wäre auch verkehrt zu glauben, daß die rumänischen Strauchdieb-Balladen in den meisten Fällen nicht wirklich zugetragene Ereignisse enthielten, und daß sie eher freie Schöpfungen der Volksphantasie wären.

Diese Feststellungen gelten natürlich nur für die Haupttypen der Balladen, d. h. also für jene Dichtungen, die Werke eines echten völkischen Dichters sind, und nicht auch für jene Varianten, die meistens mehrere Jahrzehnte später als Nachdichtungen von zweifelhaftem Wert zustande gebracht wurden.

Ein eigentümlicher Zug der rumänischen Strauchdieb-Balladen ist noch, daß sie mit Märchenmotiven durchwebt sind — auch ein unterscheidendes Merkmal im Vergleich zu den Strauchdieb-Balladen der übrigen osteuropäischen Völker. Oft schreibt das Volk den berühmten Strauchdieben solche Eigenschaften zu, die in den Märchen die Riesen kennzeichnen, so ist z. B. *Pintea* unverwundbar, und *Stanciu* faßt die auf ihn geschossenen Flintenkugeln mit der Hand ab, usw.

Sehr oft hört man in diesen Balladen von dem Zauberpferd der Märchen, der wie ein Mensch redet, sich mit Glut ernährt, und so dahinsaust, daß es mit dem Fuß kaum den Boden berührt. Solche Pferde kommen z. B. in den Balladen *Corbea*, *Codrean* und *Toma Alimoș* vor.

Ebenso findet man ein Märchenmotiv auch in der Ballade *Miu*, die damit endet, daß der Wojwode Ștefan die Schwester des Strauchdiebes, die im fürstlichen Hof gedient hatte, heiratet. In der Ballade *Ghiță Cătănuță* erzittern die Bäume des Waldes auf den Gesang der Geliebten des Strauchdiebes, und die Steine setzen sich in Bewegung, wie in den Märchen.

Auch der Formenschatz der Märchen beeinflußte die Strauchdieb-Balladen; diese beginnen nämlich oft mit einem stereotypen Text, wie z. B. die Ballade *Corbea:*

Ach! Blättchen, kleines Blättchen!
Laßt mich erzählen, Bojaren,
das Schicksal von Corbea!

Ebenso aus den Volksmärchen entstammt auch die übliche Schlußforme mancher Strauchdieb-Balladen. Es heißt z. B. am Ende der einen Variante der *Corbea*-Ballade:

Teuer muß ich für mein Singen zahlen,
wie der Wolf für sein Geheul:
findet ihn der Jäger, so wird er ihm
mit seinem Fell zahlen.

Derselben Formel begegnet man auch in den Balladen *Miu* und *Ghiță Cătănuță*. Aber es kommen auch andere Schlußformeln vor, z. B. in der einen Variante der *Miu*-Ballade:

Saget mir nun Amen, Bojaren,
und laßt es euch gut gehen,
manchmal auch Wein trinken.

Oder:

Los drauf nun, Schwager Prosit!
Sei du nur ein Räuber ehrlich,
wie ein Räuber wahrhaft,
mir wirst du nie habhaft!

Außer den Märchenmotiven begegnet man auch zahlreichen Symbolen in den rumänischen Strauchdieb-Balladen. Ein Teil von ihnen ist aus dem internationalen Balladenschatz wohlbekannt, oder kommt auch in sonstigen rumänischen Balladen vor, woher seine Übernahme erfolgte.

Zunächst sei das aus den neugriechischen Kleftis-Balladen schon bekannte Traum-Motiv erwähnt. Es kommt in mehreren rumänischen Strauchdieb-Balladen meistens im Zusammenhang mit dem Schwert oder Waffe des Strauchdiebes vor, und es verkündet ihm den Tod. In der Ballade *Darie* träumt der Strauchdieb von einem Adler, der eine Schlange in dem Schnabel trägt, und er legt sich den Traum aus:

»*Ich sah einen furchtbaren Traum! Ein Adler mit einer Schlange im Schnabel schwebte gerade über mir. Und als er dort mit der Schlange schwebte, pickte und hackte er in sie hinein. Das heißt gewiß kein Glück, nur Übel und Trauer. Die ausgebreiteten schwarzen Flügel bedeuten die Menge meiner Sünden. Der Schnabel, der in die Schlange pickt, ist der verfluchte Henker, und die Schlange im Schnabel, das ist des Henkers Strick selber.*«

In der einen Variante der *Pintea*-Ballade (At. Marienescu, Balade. Pesta 1859, S. 112) träumt der Strauchdieb, daß sein Arm gebrochen sei, und dieser Traum geht in Erfüllung, er wird von den Panduren abgeschossen, nachdem

das Geheimnis seiner Unverwundbarkeit bekannt wurde. In der anderen Variante *(Pintea şi soru-sa)* sieht die Schwester von ihm im Traum weißes Leinen, zwei Schafherden und zwei krächzende Krähen. Der Traum wird durch ihn dahin erklärt: »*das Leinen ist mein Weg zum Galgen ; die zwei Schafherden meine Begleiter, und die krächzenden Krähen die Herren, die sich über mich beraten.*«

Es kommt in den rumänischen Strauchdieb-Balladen auch das Motiv des Fluches vor. So verflucht z. B. in der Ballade *Golea* die Mutter ihren Sohn, weil er Strauchdieb geworden ist.

In der Ballade *Corbea* begegnet man dem Symbol der *Galgenbraut*, das aus Volksmärchen in die Strauchdieb-Balladen übernommen wurde (Norocul şi mintea: Folklorul romînesc, S. 133).

Das Motiv des grün werdenden dürren Holzes, das aus ungarischen Volksmärchen wohlbekannt ist, kommt in der einen Variante der *Pintea*-Ballade vor. Der Strauchdieb verflucht seinen bösen Gutsherrn und er gelobt, nur dann zu ihm zurückzukehren, wenn sein Peitschenstock grün wird und süße Äpfel, das Joch dagegen sauere Kirschen trägt. Ebenso erwähnt die eine Pintea-Ballade das Motiv der *Aspisviper*, das übrigens auch in anderen Balladen vorkommt (Ballade »Giurgiu«: Miron Pompiliu, Balade populare romîneşti. Iaşi 1870, S. 41; und »Mitul«: G. Dem. Teodorescu-Samml., S. 682).

Und schließlich kommen in rumänischen Strauchdieb-Balladen, besonders in denen mit tragischem Ende, auch Partien vor, die an *Klagegesänge* erinnern *(Toma Alimoş, Darie* und *Pintea) ;* diese Partien berichten entweder über das traurige Ende des Helden, oder sie wiederholen in erster Person die Abschiedsworte des Strauchdiebes. In der Ballade *Jianu* beweint z. B. der völkische Dichter seinen Helden:

»*Unten vor dem glänzenden Fenster des fürstlichen Schlosses sang der Gefangene seinen Gesang dem Wojwoden selber.*

Aber er ließ ihn dennoch verurteilen, legte Ketten auf seine Hände. Sein Schicksal ist die tiefe Mine geworden, woher er wird nir zurückkommen.«

Das Mitgefühl des Volkes mit dem Strauchdieb kommt in der Ballade *Bujor* in den folgenden Worten zum Ausdruck:

Grünendes Laub der Wälder,
Bujor steht auf trüber Leiter,
Alle Armen beweinen ihn,
Die Herren gehen nie dahin.
Räubers Weg ist diese Leiter,
zum schwarzen Tode ihn begleiten.

In den zahlreichen *Pintea*-Balladen hört man verschiedene Formen der Klagegesänge. In der einen Variante beklagt der Strauchdieb sein eigenes

Schicksal und verflucht sich selber, während er in anderen Varianten seinen Gefährten Ratschläge erteilt.

Auch dem Testament, das in den neugriechischen Balladen so häufig ist, begegnet man in den rumänischen Stücken derselben Gattung. Es seien hier nur zwei ergreifende Beispiele dafür genannt. Nach dem einen vertraut *Toma Alimoș* seinen letzten Willen dem geliebten Pferd an: er bittet es, nicht zu dulden, daß ein anderer als sein jüngerer Bruder auf ihm reite; nach dem anderen bittet *Darie* unter dem Galgen seine Frau, die Kinder in Ehren zu erziehen, damit diese nicht durch ein ähnliches Schicksal, wie ihr Vater, erreicht werden.

Es ist hauptsächlich den aufgezählten Motiven zu verdanken, daß die abwechslungsreichen und farbigen rumänischen Balladen in künstlerischer Hinsicht unter den Vertretern derselben Gattung bei den übrigen südosteuropäischen Völkern weit hervorragen. Aber es muß auf zwei Mängel dieser Schöpfungen doch hingewiesen werden. Erstens sind sie nämlich oft allzu lang und umfangreich. Das reiche epische Material fügt sich nicht genügend zusammen, ist nicht gedrängt genug, und darum ermüden sie häufig das Interesse des Lesers für die Handlung.

Der andere Mangel hängt mit dem vorigen auf das engste zusammen: es gibt in diesen Balladen häufig gewisse Schablonen. Das lange, umfangreiche Material läßt sich ohne diese Schablonen nicht zusammenfügen; dadurch wird aber die Vortragsweise oft langweilig. (Diese Einwände gelten natürlich vor allem für die umfangreicheren Balladen.)

3. In den bulgarischen Strauchdieb-Balladen findet man schon weniger Schmuckmotive; manche von diesen sind auch schon aus den neugriechsichen Kleftis-Balladen bekannt. Mehrmals wird z. B. der Wald personifiziert, als die Braut der Haiduken, und der Rasen als ihr Bett. Beachtenswert ist z. B. das Motiv »der Wald ist deine Braut«, das einigermaßen an das schon erwähnte Motiv der Todesehe in den Kleftis-Balladen erinnert. Die Vermutung, daß man es hier mit demselben Motiv zu tun hat, wird umso wahrscheinlicher, wenn man bedenkt, daß die Haiduken oft in ihrem Versteck, im Wald starben, wo sie durch ihre Feinde angegriffen wurden.

Oft werden in den bulgarischen Haiduken-Balladen auch Vögel personifiziert, die — wie schon gesagt — beinahe ein ständiges Motiv in den Kleftis-Balladen bildeten. Diese Motiv-Ähnlichkeit sind natürlich gar keine Zufälle; man hat es in diesen Fällen eher um Entlehnungen aus dem Griechischen zu tun. Die Beeinflussung seitens der neugriechischen Kleftis-Balladen wurde ja auch durch die geographische Lage der Bulgaren sehr erleichtert.

Die Schönheit dieser Balladen besteht in dem geschlossenen Aufbau, in der wirkungsvollen und künstlerischen Variation der Wort- und Zeilenwiederholungen, in dem ziemlich gedrängtem epischen Stoff und in der Benutzung der dichterischen Wendungen.

Die bulgarischen Strauchdieb-Balladen benutzen gewöhnlich Achter-Zeilen. Die Zeile gliedert sich auf zwei Hälften, mit einer Zäsur bei der fünften Silbe, wobei der Akzent immer auf die darauffolgende Silbe fällt. Dies ist die allgemein gebräuchliche Form, Silbenzahl und Zäsur werden konsequent bewahrt.

Das Reimen ist nicht regelrecht; eher kommen Reime nur gelegentlich vor, und dann benutzt man am häufigsten Paarreime, aber manchmal reimen auch mehrere Zeilen (3—5) nacheinander. Im Reimen spielt die Assonanz eine große Rolle, und manchmal die Alliteration.

4. Am einfachsten sind unter den balkanischen Strauchdieb-Balladen — beinahe ohne jedes Schmuckmotiv — die serbischen. Es wird sich lohnen in dieser Beziehung auf eine irrtümliche Behauptung von N. Iorga aufmerksam zu machen. N. Iorga war nämlich der Ansicht, daß die rumänischen Strauchdieb-Balladen am meisten den serbischen ähnlich wären. Aber diese Behauptung trifft nur in dem Falle derjenigen rumänischen Strauchdieb-Balladen zu, die Kämpfe gegen die Türken behandeln. Der Irrtum von Iorga wird besonders dann offenbar, wenn man sich bedenkt, daß die serbischen Strauchdieb-Balladen beinahe ausschließlich nur Kämpfe gegen die Türken behandeln, und daß es unter ihnen kaum solche gibt, die Kämpfe gegen gesellschaftliche Ungerechtigkeiten erzählten. Darin hat jedoch Iorga vollkommen recht, daß die serbischen Strauchdieb-Balladen ihrer Form nach den Kleftis-Balladen ähnlich sind, denn ebenso wie in denjenigen, geht auch in diesen der Kampf gegen die Türken um Leben und Tod. Aber in den serbischen Balladen tragen doch den Sieg meistens die serbischen Strauchdiebe davon, und die Ballade endet nicht so tragisch mit dem Untergang des Helden, wie die neugriechischen Kleftis-Balladen. Es ist auch interessant zu beobachten, daß man sonst in den Balladen keines südosteuropäischen Volkes einer solchen Fülle von List und kluger Erfindung begegnet, wie in den serbischen Strauchdieb-Balladen. Bald verkleidet sich der serbische Strauchdieb und so kommt er in den Palast des Sultans, bald verstellt er sich, als wäre er gestorben, und so überhaupt er die Türken, bald kommt er als Braut verkleidet unter die Türken und macht plötzlich einen Anschlag auf sie. Vielleicht wird eben durch die Erzählung solcher listenreicher Handlungen die auffallende Armut der serbischen Strauchdieb-Balladen an künstlerischen Schmuckmotiven ausgeglichen. *Grujica* und *Radojca*, die volkstümlichsten serbischen Strauchdiebe sind die bekanntesten Träger solcher Listigkeiten. Eben darum werden auch die serbischen Strauchdieb-Balladen nicht langweilig, obwohl sie immer wieder dasselbe Thema, die Rache an den Türken erzählen.

Die häufigste Form der serbischen Strauchdieb-Balladen ist das *Deseteraz*, d. h. die Zehnerzeile mit trochäischer Senkung. Jede Zeile hat eine Zäsur, undzwar nach der vierten Silbe. Manchmal gibt es auch eine Nebenzäsur nach der achten Silbe, aber diese letztere ist nicht gebunden, und dadurch bekommt

der Vers eine eigenartige Melodie. Das *Deseteraz* ist im allgemeinen reimlos, selten gibt es Paarreime, aber manchmal begegnet man Leoninen-Reimen, d. h. die erste Hälfte der Zeile (die vier ersten Silben) reimt mit dem Versende.

5. Völlig fehlen die Schmuckmotive in den ungarischen und slowakischen Strauchdieb-Balladen. Diese sind so gedrängt, daß sie sich darauf beschränken, bloß das traurige Schicksal des Helden dramatisch darzustellen, und dies macht die Anwendung eines breiteren epischen Rahmens so gut wie völlig unmöglich. Aber dennoch findet man auch in diesen Balladen Abschied und Testament, die an Klagegesänge erinnern; diese Einzelheiten unterscheiden sich von den ähnlichen Kleftis-Balladen und den rumänischen Stücken derselben Gattung nur dadurch, daß sie sehr wortkarg und dramatisch gedrängt sind; aber auch so vermag das Volk seine Gefühle dem Helden gegenüber sehr gut zum Ausdruck zu bringen.

In einigen Varianten der *Jánošik*-Ballade kehrt dieselbe Form des Testamentes wieder, die aus den neugriechischen Kleftis- und aus den rumänischen Strauchdieb-Balladen wohlbekannt ist. So heißt z. B. der Abschluß der Ballade »Am Gipfel des Königsberges«:

Ich bitte euch, Gefährten,
die Klinge meines Schwertes
brecht ihr entzwei,
brecht ihr entzwei.
Mit dem dünnern Ende
schlaget mir den Kopf,
mit dem dickern Ende
grabet mir mein Grab.

6. Die ruthenischen Haidamak-Balladen sind an Motiven nicht mehr so arm, obwohl sie lange nicht denselben Reichtum der Schmuckelemente besitzen, wie die neugriechischen oder rumänischen Strauchdieb-Balladen. Es gibt in diesen ruthenischen Dichtungen einige Motive, die an die neugriechischen Kleftis-Balladen erinnern. So ist z. B. die Personifikation der Vögel. In mehreren Balladen wird der Kuckuck genannt, er setzt sozusagen die Handlung in Bewegung. So fragt z. B. in der *Jančik*-Ballade der Kuckuck den Strauchdieb, wo er hinginge. In anderen Fällen verkündet die Stimme des Kuckucks für den Helden die Gefahr oder seinen Tod. Es kommt außerdem in diesen Balladen auch noch der Rabe vor, undzwar meistens als Überbringer schlechter Nachrichten, oder als Mahner auf die Gefahr (so z. B. in der *Jančik*-Ballade).

Auch die Klagegesänge und Testamente in diesen Balladen erinnern an die Kleftis-Balladen. Besonders häufig sind in den ruthenischen Dichtungen die Testamente. Ein ergreifendes Beispiel des Klagegesanges liest man in der

Ballade *Nasijenko*. Der erhängte Haidamak wird von seiner Frau in den Worten beweint:

»*Nasijenko, du Geliebter, umsonst schützte ich dich vor Feuer und Wasser, doch hat dich dies Entsetzliches erreicht!*«

Die ruthenischen Balladen bestehen aus trochäischer Zeilen, aber manchmal gehen die Trochäen in Daktylen hinüber. Der Versbau ist selten vollkommen und die Silbenzahl oft schwankend. Am häufigsten gebraucht man Achterzeilen, aber es kommen auch Zeilen mit vierzehn Silben vor, so z. B. in der Ballade *Nasijenko*.

*

Die Strauchdieb-Balladen der mitteleuropäischen und balkanischen Völker bilden sowohl wegen der neuartigen und abwechslungsreichen Thematik, als auch mit ihrem Reichtum an Ausdrucks- und Formenschatz eine eigenartige Farbe nicht nur in der Balladendichtkunst der einzelnen Völker, sondern auch in dem gesamten internationalen Balladenschatz. Die eigentümlichen nationalen und internationalen Züge verschmelzen in ihnen in eine harmonische Einheit, und gerade darin besteht der hohe künstlerische Wert dieser Schöpfungen.

Eine Motivverwandtschaft der Erzählung »Das Schloss« von Lajos Nagy mit Turgenevs »Inspektor«

»Der Inspektor« ist eines der schönsten und wirkungsvollsten Stücke in dem Erzählungsband von Turgenev »Die Aufzeichnungen eines Jägers«, in dem der Schriftsteller die Willkür der Gutsbesitzer mit vernichtender Ironie an den Pranger stellt. Der Inspektor, der Bauerschinder ist eigentlich ein bloßer Handlanger seines Herrn, und darum im Grunde nur eine Nebenfigur der Erzählung; Turgenevs Zorn und Empörung richtet sich vielmehr gegen den Gutsbesitzer Penočkin, dessen feudale Willkür durch die oberflächlich angeeignete Glasur der westlichen Kultur gar nicht verhüllt werden kann. Die Manieren des Penočkin sind tadellos, seine Stimme ist weich und angenehm, oft gebraucht er französische Ausdrücke; aber sein unerwartetes Erscheinen im Dorf erweckt dennoch Angst und Beklemmung, selbst der Richter antwortet auf seine Fragen »matt und unbeholfen«; die Rede von ihm »machte den Eindruck, als hätte er seinen Kaftan mit vor Kälte erstarrten Fingern zuknöpfen wollen«. »Der Jäger« spürt eine merkwürdige Unruhe in Penočkins Haus. Es bedrückt ihn auch, daß sich die Diener, wie lautlose Maschinen, so vollkommen bewegen. Während des Frühstücks ereignet sich plötzlich etwas peinliches.

»... Als Penočkin sein reichliches Frühstück, wie es auch am Gesicht zu sehen war, mit Wohlbehagen beendet hatte, schenkte er sich ein Gläschen Rotwein ein, hob das Glas zu der Lippe, aber plötzlich zog er die Stirn in Falten zusammen.

— Warum hat man diesen Wein nicht vorgewärmt? — fragte er den einen Diener in ziemlich scharfer Stimme.

Der Diener wurde verlegen, blieb stehen, als wäre er angewurzelt, und er verblaßte sich.

— Dich fragte ich, mein Lieber — setzte Arkadij Pavlyč ruhig fort mit unverwandten Augen.

Der unglückliche Diener stand beengt da vor ihm, zerrte an der Serviette in der Hand hin und her, und brachte kein Wort heraus. Arkadij Pavlyč ließ den Kopf sinken und er starrte düster in Gedanken vertieft vor sich hin.

— *Pardon, mon cher* — sagte er dann nach einer Weile mit sanftem Lächeln, indem er mein Knie mit der Hand freundlich berührte, und er blickte wieder auf den Diener. — Geh fort — setzte er nach kurzem Schweigen hinzu, dann hob er die Brauen hoch und klingelte.

Es trat ein dicker, brauner und schwarzhaariger Mann mit niedriger Stirn herein; seine Augen versteckten sich unter Fettkissen.

— In Fedors Sache ... erwarte ich Verfügungen — sagte zu ihm Arkadij Pavlyč still und mit vollkommener Selbstbeherrschung.

— Jawohl — antwortete der Dicke und verließ das Zimmer.

— *Voilà, mon cher, les désagréments de la campagne* — bemerkte Arkadij Pavlyč gemütlich. — Aber wo wollen Sie hin? Bleiben Sie, sitzen Sie noch ein wenig hier.

— Ich kann nicht bleiben — antwortete ich: — es ist schon Zeit, daß ich gehe.«

Es sei hier vor allem daran erinnert, wie sehr Lenin durch diese Szene beeindruckt war. Lenin war es, der die gesellschaftliche und politische Rolle des Typus von Penočkin aus jenem Anlaß beleuchtete, daß die bürgerliche Presse den Tod des Grafen Heyden als einen schweren Verlust verzeichnen wollte. »Der gebildete konterrevolutionäre Gutsbesitzer hat es verstanden, die Interessen seiner Klasse klug und listig zu verteidigen, er hat geschickt mit einem Schleier edelmütiger Worte und äußerlichen Gentlemantums die selbstsüchtigen Bestrebungen und den räuberischen Appetit der Fronherren verdeckt, er forderte (vor Stolypin) mit Nachdruck, daß diese Interessen durch die zivilisiertesten Formen der Klassenherrschaft geschützt werden. ... Turgenevs Gutsbesitzer ist gleichfalls ein 'humaner' Mensch ... im Vergleich zur Saltyčicha zum Beispiel, er ist so human, daß er nicht selbst in den Pferdestall geht, um nachzusehen, ob die Dispositionen zur Auspeitschung Fedors auch gut getroffen sind. Er ist so human, daß er sich nicht darum kümmert, ob man die Ruten, mit denen man Fedor auspeitscht, in Salzwasser gelegt hat. Er, dieser Gutsbesitzer, wird sich nicht erlauben, den Lakeien zu schlagen oder auszuschelten, er disponiert bloß von »fern«, als gebildeter Mensch, in geschmeidigen und humanen Formen, ohne Lärm, ohne Skandal, ohne 'öffentliches Aufsehen' ... Ist das etwa wirklich nicht human: die Dubassows zu schicken, um 'bezüglich Fedors Dispositionen zu treffen', statt selbst im Pferdestall anwesend zu sein?« (W. I. Lenin: Sämtliche Werke. Bd. XII. Wien—Berlin. Verlag für Literatur und Politik. 1933. 8—10.)

Man begegnet einer ähnlichen Manifestation der Willkür des Gutsbesitzers in der Erzählung »Das Schloß« von Lajos Nagy. Auch hier wird die Empörung des Schriftstellers durch eine unmenschliche Behandlung des Dieners ausgelöst. Peter wurde als juristischer Korrepetitor neben den jungen Grafen Elmar in das Schloß von Barlangvár aufgenommen. Der junge Mann bewegt sich selbstbewußt, aber etwas verlegen und wie verblendet in der Gesellschaft der großen Herren. Von den neuen Eindrücken beschäftigt ihn am meisten dennoch das gegenseitige Verhältnis von Herren und Dienern. Er tut alles, um das menschliche Bewußtsein in Johann, dem Diener, der ihm zur Verfügung gestellt wurde, zu erwecken; er will in eine menschliche Beziehung zu ihm treten, aber seine Versuche sind umsonst. Was er auch tut, stößt er immer auf eine undurchdringliche Mauer. In den Augen des Johann gehört auch er, Peter — möge er auch noch so arm sein — zu der Welt der Herren. Kaum ist Peter angekommen, und eine nie geträumte, luxuriöse und bequeme Umgebung vorgefunden, und er möchte schon fliehen, zurück in die Armut, wo man von keinen Dienern bedient wird, die »mit zeremonieller, ernster Miene, beinahe mit Andacht und mit einer Reihe von mechanischen Bewegungen« auf Zehenspitzen verkehren. Und da erfolgt der Konflikt.

»Diesmal warteten beim Abendessen drei Diener auf, unter ihnen auch Johann. — Johann schien weniger rutiniert sich um den Tisch zu bewe-

gen als die anderen; einmal streifte er sogar mit der Garnierungsschüssel den linken Arm der Gräfin, worauf er plötzlich rot wurde. Die Gräfin warf einen flüchtigen Blick auf den Grafen, sie hatte sichtlich Angst, aber der Graf schluckte eben und starrte auf seinen Teller hin.

Auch Wein hat man getrunken ; Peter trank mit. Er wurde etwas lebhaft von dem Wein, und seine Zunge löste sich tüchtig. Er hat sogar spaßhafte Geschichten von sonderbaren städtischen Leuten mit knappem Gelde erzählt, also er sprach von lauter Gestalten, die in dieser Umgebung als exotische Figuren gelten mußten. Die Gräfin lachte darüber bis zu Tränen, auch der alte Graf lachte mit, nur Elmar lächelte mißgestimmt. Bei der Pointe der einen grotesken Geschichte trug es sich zu, daß ein kleines Lächeln auch an den Lippen des Dieners Johann erschien. Als dies der alte Graf merkte, wurde er plötzlich purpurrot, seine Augen glotzten, er legte Messer und Gabe nieder und brüllte aufbrausend den Diener an:

— Scher dich raus !

Es wurde grabesstill. Johann legte schnell die Flasche Mineralwasser nieder, die er gerade herumtrug, und er schlich hinaus. Der Graf folgte seinen Schritten mit blitzenden Augen, bis er verschwand, auch dann brüllte er noch nach ihm:

— Du kriegst es noch, Hund !

Peter blieb das Wort im Munde stecken. Er vermochte nicht weiter zu sprechen, am wenigsten spaßhafte Geschichten zum besten zu geben. Seine dumme Verlegenheit wäre geradezu peinlich geworden, wenn die Gräfin selber ihm nicht zu Hilfe gekommen wäre. Aber sie fing plötzlich an, ebenfalls eine spaßhafte Geschichte zu erzählen, die sich im Schloß, und eben im Kreise des Personals zutrug. Nu siehe !

Nach dem Abendessen trank man schwarzen Kaffee in der Rauchstube und man rauchte Zigaretten. Einmal, als sich Gelegenheit dazu bot, fragte Peter leise, damit die Alten es nicht merken, den jungen Grafen Elmar:

— Dieser Johann wird es nun kriegen, nicht wahr?

Der junge Grafblickte ihn spöttisch lächelnd an:

— Ein Paar Ohrfeigen sehen ihm allerdings aus.

— So? !«

Bald nach dieser Szene folgt in der Erzählung eine Episode, in der die menschliche Würde des Dieners noch tiefer erniedrigt wird. Der junge Graf wird durch Peters Selbstbewußtsein gereizt. Der Korrepetitor will nämlich das Hemd, das er ihm aufgedrängt hatte, nicht tragen. Der junge Graf läßt dafür seinen Zorn an dem Diener aus. Johann kann sich beim Ankleiden nicht schnell genug an die nervösen Bewegungen seines Herrn anpassen.

»[Der Graf] riß nervös an dem Hemd, dessen Ärmel Johann immer noch krampfhaft hielt, und da er sich allzusehr bemühte, ist es ihm wirklich nicht gelungen, die Manschettenknöpfe einzustecken. So sehr ging es ihm nicht, daß er hätte fluchen wollen, und er wurde in seiner Wut ganz rot. Als nun der Graf an dem Hemd riß, riß auch Johann unwiderstehlich ein wenig zurück. Nur ein ganz wenig.

Der Graf wurde auf einmal bleich, und Johann's Gesicht verzerrte sich schon in Angst. Der Graf gab ihm eine entsetzliche Ohrfeige, eine so große, daß es erschallte, als hätte man einen rohen Kürbis mit Stock geschlagen. Johann wankte, und der Graf erhob die Hand zu einer neuen Ohrfeige, aber

inzwischen fuhr schon Johann mit dem Kopf aus dem Wege, und so traf der zweite Schlag nur noch seine Hand. Der Graf brüllte:

— Was, du Schwein, du verteidigst dich noch? Du Mistfink !

Und jetzt gewitterte schon ein Hagelsturm der Faustschläge auf Johann, auf seine Hand, Körper und Kopf. Johann bückte sich, und preßte beide Hände auf den Kopf. Der Graf gab ihm einen Fußtritt, Johann ächzte und fiel zu der Wand, dann stürzte er zu Boden und streckte sich. Der Graf sprang nach ihm und gab noch einen Fußtritt, er erhob den Fuß zu einem neuen Tritt, aber Peter drängte sich dazwischen:

— Beruhigen Sie sich, bitte ! Ich bitte Sie !

So sprach Peter sehr still und entsetzt.

Der Graf stand ihm gegenüber und blickte ihn mit Wut an, dann schaute er mit Ekel auf den liegenden Diener. Plötzlich wandte er sich, ging zu dem Bett und zog sich weiter an. Er steckte selber die Manschettenknöpfe in das Hemd, während er stumpf keuchend immer noch zu sich selbst redete:

— Ich werde schon diese Händelfanger belehren !

Händelfanger ! Aber was heißt das? Peters Angst war aufeinmal fortgeflogen. Seine Fäuste ballten sich. Herrgott noch einmal ! Dein Geschlecht !

Aber der Graf wandte sich zu ihm, beinahe mit anmutigem Lächeln:

— Verzeihen Sie bitte diesen kleinen Zwischenfall. Ich bedauere, daß es sich in Ihrer Gegenwart ereignete. Es war mir nicht möglich, Sie davor zu schonen.

Peter entgegnete entschieden und scharf:

— Auch ich bedauere sehr, daß es überhaupt vorgefallen ist. Ich wundere mich darüber !

Das Lächeln des Grafen wurde spöttisch:

— Also, wir haben gegenseitig unser Bedauern zum Ausdruck gebracht. Darin sind wir einig.

Und er reichte unmißverständlich die Hand:

— Auf Wiedersehen !

Peter war nur einen Augenblick unschlüßig. Er hätte jene Hand gern abgelehnt. Möge es kommen, wie es will ! Rauferei, Zweikampf, Verlust der Stellung oder Tod, einerlei ! Aber er nahm doch die Hand. Pfui, über jene Hand !

Und er ging niedergeschlagen auf sein Zimmer zu.«

Peter überlegt sich, ob er nicht gleich verreisen sollte; aber was würden dazu seine armen Eltern sagen? Außerdem hat er ja nicht einmal Geld für die Reise. Es fährt ihm auch durch den Kopf, daß er versuchen sollte, dem jungen Grafen ins Gewissen zu reden, aber sofort sieht er auch ein, daß dieser Plan zwecklos ist. Die peinliche Situation wird wieder durch die Gräfin geschlichtet; als sie die Geschichte erfährt, belehrt sie ihren Sohn in Peters Gegenwart: sie hätte ihm schon ein Paar mal gesagt, daß »man mit dem Personal menschlich umgehen müßte«.

Die Erzählungen von Turgenev und Lajos Nagy haben, trotz der Identität des Ereignisses, das den Kern der Handlung bildet — die Erniedrigung des Dieners — mehrere abweichende Züge. Auch das gegenseitige gesellschaftliche Verhältnis der beteiligten Personen ist in den beiden Erzählungen keineswegs dasselbe. In beiden Fällen sind die lyrischen Helden der Erzählungen die Schriftsteller selbst: sie beide, Turgenev und Lajos Nagy, stellen zweifellos gleichermaßen etwas persönlich erlebtes dar, sie bringen ihre Empörung

über je eine miterlebte Unmenschlichkeit zum Ausdruck. Wohl entstammt auch Turgenev aus derselben gesellschaftlichen Umgebung, wie sein Penočkin, aber das hindert ihn doch nicht daran, seinen »Helden« auf das schärfste zu verurteilen und ihn verachten zu lassen. Die für Turgenev charakteristische Darstellungsart des Ereignisses überrascht mit ihrer Gedrängtheit und mit jener Ironie, die die Wirkung noch umsomehr steigert. Der Held von Lajos Nagy (der Schriftsteller selber) gerät aus der Umgebung armer Menschen in jene »Traumwelt« herein, die ihn auf einmal anzieht und abstößt. Aber möge das leichte Leben auch noch so verlockend sein, so wird er doch kein Verräter seiner Klasse. Obwohl sein Versuch, in eine menschliche Beziehung zu Johann zu treten, erfolglos bleibt, so wird er durch den Schein doch nicht irregeführt; er ist sich im klaren darüber, daß er hier — auch wenn die Herren ihn zu ihrer Gesellschaft zugelassen hatten — dennoch nur ein herrschaftlicher Diener ist. Lajos Nagy stellt sein Thema viel ausführlicher dar, er nähert sich ihm von verschiedenen Seiten her, um die Gestalt von Johann, sowie sein eigenes Verhältnis zu den einzelnen Figuren je tiefer analysieren zu können. Er enthüllt den Feudalismus in seiner offenen und brutalen Barbarei. Hier hat die Ironie gar keinen Platz — nur Schmerz und Zorn reden aus ihm. Als täten die Faustschläge und Fußtritte ihm selber weh, erwacht in ihm die Leidenschaft des Klassenkampfes. Bei Turgenev wird die Wut des Gutsherrn durch eine kleine Unachtsamkeit ausgelöst: man hat es versäumt, seinen Wein vorzuwärmen. Bei Lajos Nagy bleibt die ungeschickte, schwerfällige Bewegung des Dieners weniger bedeutend, aber umso schwerer fällt es ins Gewicht, daß der Diener sich unternimmt, in der Gesellschaft der Herren ein menschliches Gefühl zu äußern.

Es stellt sich nun die Frage, ob man in diesem Fall von einer literarischen Beeinflussung reden dürfte — natürlich auch darüber hinausgehend, daß in beiden Fällen ähnliche Erlebnisse vorlagen, und daß also infolgedessen die Motivverwandtschaft wohl auch einem ähnlichen humanen Reagieren der Verfasser zugeschrieben werden könnte? Die literarische Beeinflussung ist natürlich von vorneherein möglich, ja sogar wahrscheinlich. Lajos Nagy stand schon als junger Mann und angehender Schriftsteller unter dem Einfluß der russischen Literatur. Es ist auch kein Zufall, daß der lyrische Held unserer Geschichte in der hocharistokratischen Umgebung gerade die Erzählung von Gorkij: »Sechsundzwanzig Mann und ein Mädchen« liest, dieselbe Erzählung, die übrigens — nach dem eigenen Geständnis von Lajos Nagy — seine schriftstellerische Laufbahn gleich am Anfang sozusagen im voraus bestimmte. Es unterliegt gar keinem Zweifel, daß Lajos Nagy die auch in Ungarn außerordentlich volkstümlichen Erzählungen von Turgenev sehr gut kannte. Es gibt auch eine gewisse Ähnlichkeit in der Schilderung des Erlebnisses, in dem künstlerischen Aufbau des kleinen Dramas. Besonders fällt dieselbe Entschuldigungsgeste nach der peinlichen Szene in beiden Schilderungen auf. Aber die Frage, ob es sich um eine literarische Beeinflussung handelt, ist im Grunde beinahe gleichgültig. Wesentlicher ist jene menschliche und schriftstellerische Verhaltungsart, mit denen sowohl Turgenev als auch Lajos Nagy, zwar unter verschiedenen gesellschaftlichen Verhältnissen, aber gleichermaßen auf das Ereignis reagieren.

B. Lengyel

Эндре Сабо — венгерский популяризатор творчества А. П. Чехова

В 80-ые годы прошлого столетия венгерские читатели проявляли все возрастающий интерес к русской литературе. Но русским языком владели немногие. Большинство произведений переводилось посредством французских и немецких изданий. В это время венгерский поэт, редактор сатирического журнала «Üstökös» («Комета») Эндре Сабо выучил русский язык, чтобы переводить шедевры русских писателей с оригинала.

Он вскоре устанавливает связь с некоторыми русскими писателями. Переводчице Шандора Петефи — Ольге Михайловой-Чюминой он пересылает подстрочные русские переводы стихотворений Петефи; позже он помогает Н. Новичу составить первую на русском языке антологию венгерской поэзии (»Мадьярские поэты«, 1897 г.).

В 1890 году он совершает путешествие в Москву и Петербург и тут он впервые знакомится с рассказами А. П. Чехова. После своего возвращения на родину он отзывается с большой любовью о Чехове и в течение ряда лет переводит его произведения. Он издает на первый в венгрии маленький сборник рассказов Чехова (1898 г.).

Когда в 90-ые годы ему поручают написать статьи о русских писателях для большого венгерского лексикона «Паллас», он обращается к Чехову со следующим письмом:

«Милостивый государь, Антон Павлович,

Я, пишущий Вам это письмо, венгерский писатель. как видите, знаю кое-как по-русски, изучая вашему языку с той целью, чтобы пошире познакомить русскую литературу с венгерской публикой.

Поручили мне написать историю русской литературы, и так же русскую часть одного большого лексикона, который издается у нас теперь в виду «Mayers lexikon» (по немецки). Так, как я про вас очень мало нашел в истории новейшей русской литературы Скабичевского, но хотелось бы мне о Вас подлиннее писать, потому, что вы мой любимец в теперешней русской литературе, то попрошу Вас, сделайте одолжение и напишите мне данные Вашей биографии. Одновременно еще одна просьба. Так как у меня находятся только Ваши рассказы и Ваш роман «Дуэль», а нужно было бы и с другими Вашими произведениями познакомиться, но сознаться, я как очень небогатый человек, не в состоянии выписать Ваши сочинения, (надо теперь много тратить на помогательные книги) будьте так добры, пришлите мне Ваши остальные сочинения. Я намерен и много переводить из них, как и уж перевел на днях рассказ «Тайный советник». Но если Вам это стоит деньги, так бросьте.

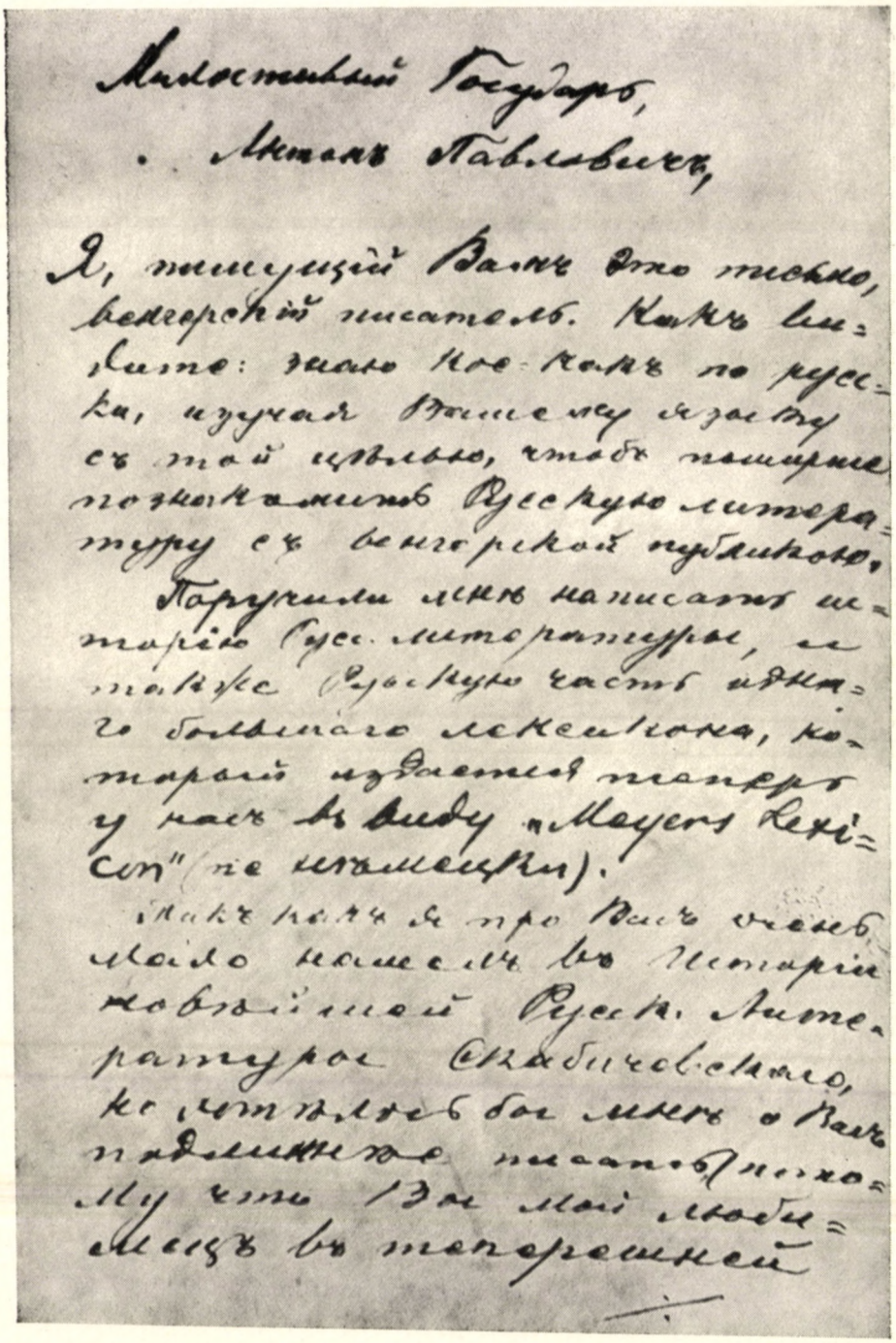
Я был уж один раз в Петербурге. Вероятно буду еще раз и тогда поблагодарю Вам лично.

Андрей Сабо

Адрес:

Адрес: Mr. Szabó Endre redacteur d'«Üstökös» Hongrie Budapest, Kecskeméti u. 6.

Письмо хранится в Москве, в Гос. Библиотеке им. Ленина.)



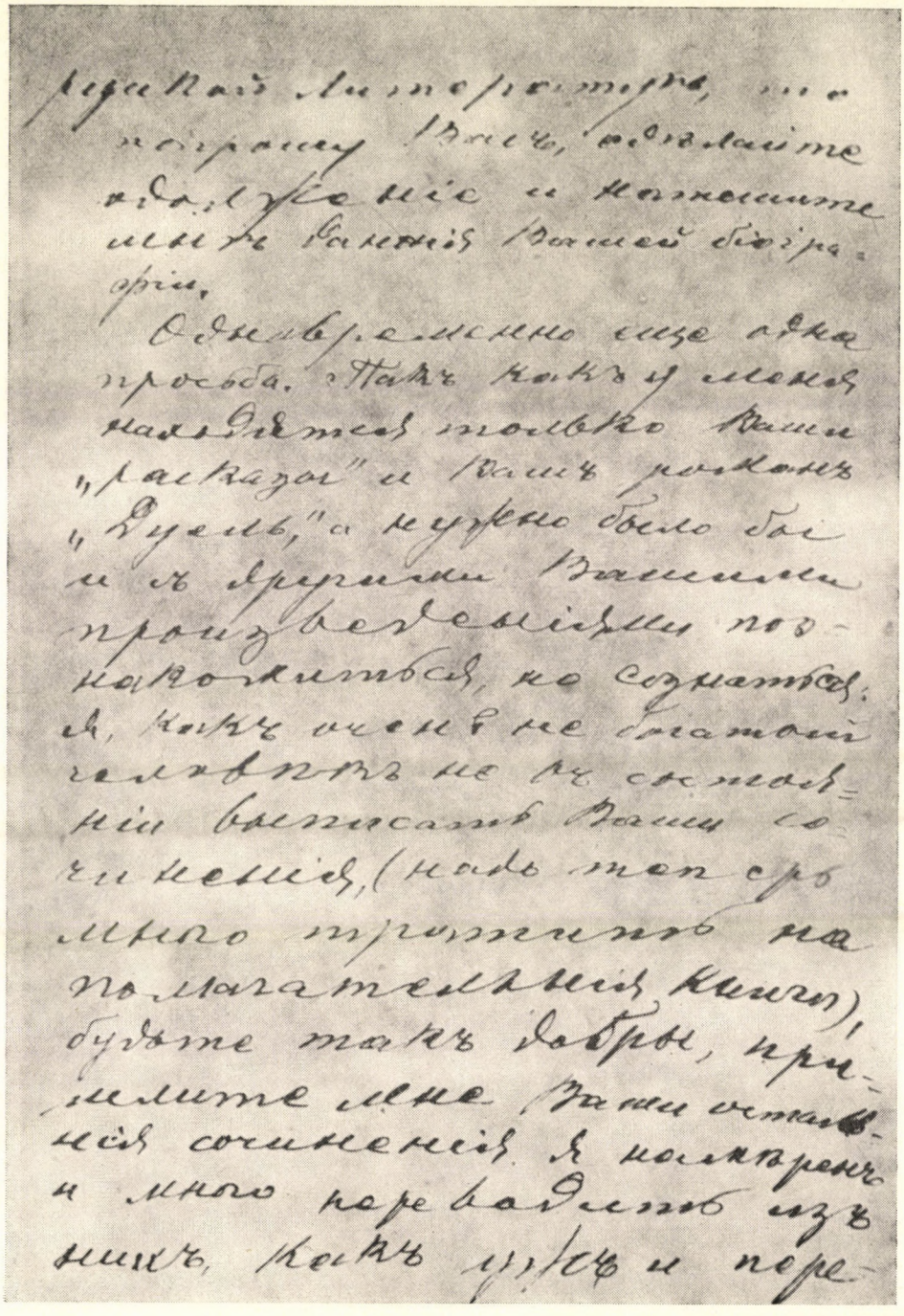
Милостивый Государь,

Антонъ Павловичъ,

Я, пишущій Вамъ это письмо, венгерскій писатель. Какъ видите: знаю кое-какъ по русски, изучая Вашему языку съ той цѣлью, чтобъ пошире познакомить Русскую литературу съ венгерской публикою.

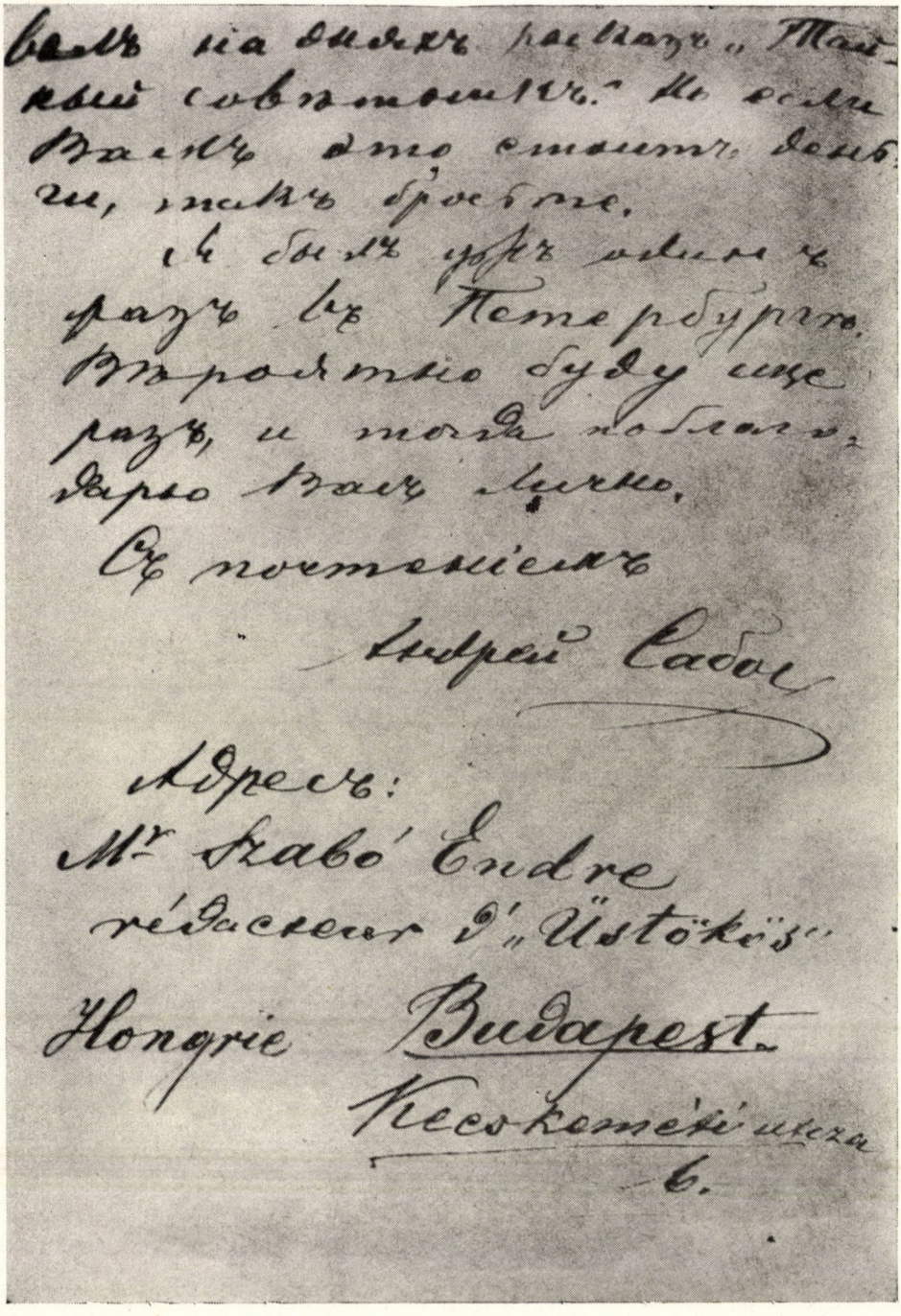
Поручили мнѣ написать исторію Русс. литературы, а также Русскую часть одного большаго лексикона, который издается теперь у насъ въ виду „Meyers Lexicon" (не нѣмецки).

Такъ какъ я про Васъ очень мало нашелъ въ Исторіи новѣйшей Русск. Литературы Скабичевскаго, но хотѣлось бы мнѣ о Васъ подлиннѣе писать (потому что Вы мой любимецъ въ теперешней



руской литературѣ, то
попрошу Васъ, сдѣлайте
одолженіе и напишите
мнѣ данныя Вашей біогра-
фіи.

Одновременно еще одна
просьба. Такъ какъ у меня
находятся только Ваши
„расказы" и Вашъ романъ
„Дуель," а нужно было бы
и съ другими Вашими
произведеніями поз-
накомиться, но сознаться:
я, какъ очень не богатый
человѣкъ не въ состоя-
ніи выписать Ваши со-
чиненія, (надо теперь
много тратить на
помогательныя книги),
будьте такъ добры, при-
шлите мне Ваши осталь-
нія сочиненія. Я намѣренъ
и много переводить изъ
нихъ, какъ ужъ и пере-



13 Studia Slavica VI/3—4.

Ответа Чехова мы не нашли. Вообще все письма, написанные к Сабо, так же, как и его богатая библиотека, растеряны. Но есть косвенное доказательство того, что Чехов ответил ему. 1-го июня 1909 года Сабо в письме к Короленко сообщает:

«Может быть интересно будет Вам узнать, что у меня имеется одно письмо Антона Чехова, написанное ко мне в оное время. В то время я тоже справился у него на счет его биографии и он мне ответил». (Отдел рукописей библиотеки им. Ленина, Москва.)

Кроме Чехова и Короленко, Сабо состоял в переписке и с другими русскими писателями. Так, например, в Отделе рукописей Музея Л. Н. Толстого хранятся три его письма к Л. Толстому, в Центральном Государственном Литературном Архиве шесть писем к издателю Пантелееву. Может быть когда-нибудь еще удастся найти ответы этих русских писателей к Сабо.

Жужанна Зельдхейи

Angaben über Tihomir Ostojić

Aus der Feder von dr. Milan Petrović, dem 1952 verstorbenen Präsidenten der »Matica srpska«, erschien im »Letopis Matice srpske« (1953; Band 371, 181—201) ein in innigem Ton geschriebener Artikel über den bekannten serbischen Kulturarbeiter und Literarhistoriker Tihomir Ostojić.

Tihomir Ostojić (1865—1921) begann seine Laufbahn als Lehrer an dem serbischen Gymnasium zu Novi Sad im Jahre 1889. Er leistete in der Schule und auch im kulturellen Leben der damaligen südungarischen Stadt bedeutende Arbeit. 1911 wurde er Sekretär der »Matica srpska« und auf diesem Posten blieb er bis zum Ausbruch des ersten Weltkrieges, als er von den ungarischen Behörden interniert wurde. Nach dem Krieg (1920) wurde Ostojić Professor für jugoslawische Literaturgeschichte an der Philosophischen Fakultät zu Skopje in Mazedonien. Doch der frühzeitige Tod machte seiner wissenschaftlichen Laufbahn, die sich nun wirklich hätte entfalten können, ein jähes Ende!

Tihomir Ostojić ist vor allem als Literarhistoriker von Bedeutung. Aus seiner Feder stammt die erste Geschichte der serbischen Literatur des 18. Jahrhunderts: »Srpska književnost od Velike Seobe do Dositeja Obradovića« (1905). Seine wichtigsten Arbeiten auf dem Gebiete der serbischen Literaturgeschichte sind zwei Monographien: »Dositej Obradović u Hopovu« (1907)[1] und »Zaharija Orfelin« (1923). In demselben Jahre (1923) erschien auch sein Handbuch »Istorija srpske književnosti«. Sein besonderes Verdienst besteht darin, daß er mit seiner, ebenfalls erst nach seinem Tod erschienenen, Antologie »Srpska gradjanska lirika 18 veka« (1926) die Aufmerksamkeit der Fachleute und auch der serbo-kroatischen Leserwelt auf diese gänzlich in Vergessenheit geratene und nicht unbedeutende Periode der serbischen Poesie lenkte.

Milan Petrović, der im Novisader serbischen Gymnasium zuerst Schüler und später Kollege von Ostojić war, stellt in seinem Aufsatz diesen bedeutsamen Literarhistoriker vor allem als Lehrer und Methodiker dar, der von der Universität einen neuen gesunderen Geist in die Schule mit sich gebracht hat. Petrović betont in diesem Zusammenhang das Verdienst der Übungsschule der Budapester Philosophischen Fakultät und des bekannten ungarischen

[1] Auch deutsch: »Dositheus Obradović's Klosterjahre« (1909).

Pädagogen Mór Kármán (1843—1915). Ferner erwähnt er, daß Ostojić von dem bekannten ungarischen Slawisten Oszkár Asbóth auf dem Gebiete der Sprachwissenschaft viel gelernt hatte.

Darum wird es vielleicht nicht ohne Interesse sein, einige Angaben über die Studien von Ostojić, die in Budapest vorhanden sind, zu veröffentlichen.

Im Archiv der Budapester Loránd Eötvös Universität befinden sich unter Nr. 289 die Prüfungsprotokolle von Tihomir Ostojić. Aus diesen Protokollen entnehmen wir folgende Angaben:

Ostojić machte seine Fundamentalprüfung im Mai 1887 aus Deutsch, Latein, Serbisch und Ungarisch. Die ersten drei Sprachen galten als seine Fächer, während das Ungarische für einen jeden Studenten, der Sprachen studierte, obligat war. Bei der mündlichen Prüfung hatte er aus Serbisch folgende Fragen zu beantworten: *Das Wesen der altslawischen Sprache. Die Tätigkeit von Daničić. Branko Radičević* (in serbischer Sprache). *Vuk St. Karadžics Rechtschreibung. Die Bildung des Präsens. Die serbischen Mundarten.* Seine Klassifikation aus Serbisch war *gut*, aus Deutsch *lobenswürdig*, aus Latein und Ungarisch *genügend.*

Seine Fachprüfung aus Deutsch und Serbisch hat Ostojić im Dezember 1890 abgelegt. Aus Serbisch antwortete er auf der mündlichen Prüfung auf folgende Fragen: *Leben und literarische Tätigkeit von Dositej Obradović. Die Anhänger seiner literarischen Richtung. Branko Radičević. Klassifikation der Zeitwörter. Die in der ersten Verbalklasse vorkommenden wichtigsten phonetischen Gesetze.* Aus Serbisch hat er die Klassifikation *lobenswürdig*, aus Deutsch die Zensur *gut* bekommen.

Unter seinen Professoren befanden sich namhafte Gelehrte wie J. Budenz (1836—1892), der in Deutschland geborene bekannte Sprachwissenschaftler, Bahnbrecher der finnisch-ugrischen Linguistik; Pál Gyulai (1826—1909), ein sehr einflußreicher ungarischer Kritiker, auch als Literarhistoriker und Dichter von Bedeutung; Gusztáv Heinrich (1845—1922), bedeutender Germanist und Bahnbrecher der vergleichenden ungarischen Literaturwissenschaft und Oszkár Asbóth (1852—1920), der bekannte Slawist.

Im Matrikel der Philosophischen Fakultät befindet sich das Diplom von Tihomir Ostojić und mit ihrer wörtlichen Abschrift möchten wir diesen kleinen Artikel schließen:

Az oklevél száma	Név	Születési hely és idő	Hol végezte felső tanulmányait	Alapvizsgálat	Szakvizsgálat
1185	Ostojić Tihamér	Tisza-Szent-Miklós 1865	a bpesti tudomány-egyetemen és a bécsi egyetemen	magyar: elégséges német: dicséretes szerb: jó latin: elégséges	f. német: jó m. szerb: dicséretes

Paedagogiai vizsgálat	Mely szakmára szerzett képesítést?	Tanítási nyelv	Az oklevél kelte	Az aláírt bizottsági tagok nevei
philos.: jó paedag.: dicséretes	német és szerb és a latin grammatika	magyar	1894. febr. 22.	Beőthy, Heinrich, Ásbóth, Bartal, Pauer, Alexander

I. Póth

Опроштајно писмо Теодора Павловића „Србском Обштеству“ у Пешти

Теодор Павловић (1804—1854), адвокат и уредник Летописа (1832—1841), Српског народног листа (1835—1847), Српских народних новина (1838—1847) и забавника Драгољуба (1845—1846) у Пешти, као угледан грађанин и књижевник дуго година је био и члан пештанског *Србског Обштества* и његов «правдобранитељ». Када је 1850 године наименован за надзорника српских школа у Војводини, одлазећи из Пеште, врло лепим писмом се опростио од српске општине, које ниже објављујемо. Писмо се налази у архиви Српске православне црквене општине у Будимпешти, међу списима, «находећихсе у Архіви Церкве Пештанске Србске», у фасцикули № 93—162, под бр. 121/1850, и у «Регістеръ»-у се под истим бројем води као «Писмо Теодора Павловића, коимъ се отъ Обштества Пештанскогъ опраша, полазећи у войводину Србску за Надзырателя Школскогъ». На писму се Павловић само потписао (наводећи и своју нову титулу), иначе је оно препис његовог концепта туђом руком. По забелешци на писму «Предузето є 19. Фебру. 850. Числа 12.» у Обштеству. Споља је адресирано:

Высокопочитаємомъ православномъ Србскомъ Пештанскомъ Обществу

у Мѣсту.

Само писмо је следеће:

Высокопочитаємо Общество!

Колико самъ утѣхе налазіо, што самъ срећанъ био не само членомъ Высокопочитаємогъ Общества Пештанскогъ быти, него и тогъ повѣренія удостоити се, да као Общества Фишкалъ чрезъ выше лѣта по моимъ искренымъ силама дѣйствуємъ, — толико ми теже пада данасъ, што по высокомъ опредѣленію Правительства нашегъ премилостивогъ Цара и Великогъ Войводе Србскогъ као Надзиратель наши школа у Войводовину — наше мило Отечество — одлазећи са Высокопочитаємымъ Обществомъ опростити се, и «съ Богомъ остайте» рећи, и на досадашнѣмъ поклонѣномъ ми повѣренію мою найтоплію благодарность съ овымъ одкрыти себе принуждена осећамъ. Я у дубльини душе моє чувствуємъ, да самъ као Правдобранитель Общества сваку дужность спрама овога, а спрама васъ свію и као Сочленова и ревностне браће Србске — дужности пріятельства и почитанія свагда испуняваo; па зато самъ увѣренъ, да ће и мене ваша свію пріятелска любовь и на то моє ново опредѣленіє пратити, као што ће и мени споменъ «да самъ и я членъ овогъ Общества и ваше любови био», свагда најслађе задовольство причинявати. И зато ако се тѣломъ одъ васъ и разставлямъ, моя ће душа ипакъ пребывати међу вама, кадгођъ ме красніи часъ живота озаравати буде. — Повторително дакле завѣштаваюћи вамъ свима мою искрену признателность на доякошнѣмъ повѣренію остаємъ съ найотмѣнитіомъ отдошћу.

у Пешти 2/14° Февруарія 1850. лѣта

Высокопочитаємогъ Общества

понизный Слуга
Θ Павловичь
ц. к. Србскій Школа Надзиратель

Саопштио: *Ст. Д. Вујичић*

К некоторым вопросам категории собирательности в древнерусском языке

В данной работе затрагивается одна из проблем, касающихся категории собирательности имен существительных.

Уже в ранних грамматиках при рассмотрении категории множественного числа неизбежно поднимался вопрос об особых признаках некоторых имен существительных, а именно — о признаке собирательности.

В первоначальном освещении категории собирательности затрагивалась лишь семантическая сторона вопроса. Но уже, начиная с Павского, проявляется интерес и к ее грамматическим признакам.

Во всей лингвистической литературе изучение категории собирательности тесно связывалось с изучением других категорий имени существительного. Установление особенностей категории собирательности имен существительных во взаимосвязи с другими категориями имени существительного особенно важно потому, что и в современных грамматиках круг имен, относимых к собирательным, довольно неоднороден. Так, в «Грамматике русского языка» АНСССР, в работах ак. В. В. Виноградова и др. категория собирательности до некоторой степени смешивается с категорией вещественности, хотя эти категории строго разграничивались уже в трудах А. Х. Востокова и А. А. Шахматова. Среди существительных «pluralia tantum» выделяются разряды собственно собирательных, отвлеченно-собирательных и в е щ е с т в е н н о - с о б и р а т е л ь н ы х (таких, как *белила, дрожжи, сливки)*.

Современные грамматики не вполне последовательны, указывая на собирательность некоторых вещественных существительных, употребляемых только во множественном числе, и вместе с тем не усматривая подобного оттенка в вещественных же существительных, употребляемых только в единственном числе. В самом деле, почему тогда не усмотреть собирательность в таких существительных, как *соль, песок*? С другой стороны, неправильным было утверждение, что категория собирательности в современном русском языке превратилась как бы в «подвид» множественного числа, полностью перейдя в разделительное множественное, несмотря на то, что оттенки собирательного значения множественного числа служат основой для образования новых «pluralia tantum».

Проблема числа имен существительных интересна и сложна. Происходит это потому, что в категории числа переплетаются не только грамматические, но и лексико-семантические особенности существительных. Подчас именно лексико-семантические особенности нарушают, казалось бы, столь необходимый параллелизм и взаимосвязь между числом множественным и единственным. Большее соотношение с семантическими особенностями существительного имеет число множественное, нежели единственное. Ряд существительных русского языка связан с формами только единственного числа, целый ряд других существительных только с формами множественного числа. Но как первая группа имен существительных, так и вторая в целом ряде случаев связаны с категорией собирательности. В форме единственного числа зачастую представлены не только предметы единичные, но и названия предметов, не имеющих выражения счета, числа. С другой стороны, в формах множественного числа мы видим не только разъединенное множество отдельных единиц, но и коллективную совокупность предметов. Категория

числа имени существительного исторически тесно связана с категорией собирательности.

В самом термине «категория собирательности» предполагается совокупность, а совокупность должна объединять какие-то единицы. Следовательно, собирательные существительные семантически уже связаны с категорией единственного числа, позволяющей выразить «единственность», входящую в состав собирательности. Это послужило причиной того, что категория собирательности имени существительного при помощи определенных морфологических средств образуется от формы единственного числа. Например: *дуб — дубье* (Новг. лав. кн.); *прут — прутье* (П. вр. л. 6559); *репа — репье* (Ип. мон. 23); *бревно — бревенье* (Гр. Кир. Б. М.); *свинья — свинье* (Н. гр. № 9); *дерево — деревье* (В. л. 8, 179—31).

Кроме того, морфологическим выражением категории собирательности является опять-таки единственное число. Это выражение при помощи единственного числа связано и зависит от семантической сущности собирательных существительных: обозначать совокупность лиц, предметов, представляющих собой как бы собирательное единство как одно целое.

Более того, избрав своим выражением единственное число, категория собирательности получила возможность образоваться не только от единственного числа, выражающего единицу, но и от самой собирательности, оформленной единственным числом. В древнерусском языке встречается целый ряд собирательных существительных, близких по значению к вещественным, образованных от имен существительных, уже содержащих в себе собирательность.

Это такие существительные как *хворостъ (хврастъ)* (Хол. акт. № 3, 101—25; Ип. л. 6765); *хворостье (хврастье)* (ПСК. 2 л, 39—19; ВМЧ. окт. 4—8); *бисеръ* (Сб. 1076 г.), *бисерье* (Хр. 1512); *соръ* (ПСК. 1 л. 1585 г.), *сорье* (Пск. 1л. 1585 г.).

В данном случае лексически-изначальная собирательность, оформленная единственным числом, дала возможность принять такую совокупную множественность за единицу, а дальнейшее образование подчинилось общей закономерности: образование при помощи суффикса *-ье* путем прямого присоединения его к основе существительного.

Почти аналогичное явление наблюдается в чешском языке, когда от существительного, в котором уже заключено значение собирательности, оформленное единственным числом: *drobot* или *drobota*, образуется тоже собирательное существительное при помощи суффикса собирательности: *drobotina*.

Но уже в древнерусском языке существовали отдельные категории для обозначения отдельно взятого предмета в отношении к другим предметам (единственное число) и предмета, выделенного из совокупности, в отношении к которой он назван (существительное единичности). Существительное единичности уже тогда имело свой грамматический признак — суффикс единичности *-ин*.

А. А. Потебня отмечал, что в литовском и латышском языках и то и другое значение существительного выражалось одной формой — формой единственного числа.[1] То же самое мы можем наблюдать в некоторых случаях и в русском языке.

[1] *А. А. Потебня*, Значения множественного числа в современном русском языке. Воронеж 1888, 26.

Категория собирательности в древнерусском языке тесно связана с категорией единичности, имеющей свое грамматическое оформление — суффикс *-ин*. Эта связь обусловлена тем, что точно так же, как собирательное существительное предполагает свое единственное число, так и каждое существительное в форме единичности предполагает свою собирательность. Л. В. Щерба, отмечая эту связь, писал: «Любопытно, что благодаря этому и все основные слова, от которых могут быть образованы единичные слова на '-ин', составляют своеобразную категорию, группу».[2]

Существительные в значении и форме единичности образуются и от собирательных существительных и от вещественных (или сплошных). В данной статье идет речь об образовании единичности от собирательных существительных. Единичность же «вещественных» существительных рассматривается только в случае какого-либо отношения этой категории к категории собирательности.

Существительные единичности образуются от собирательных существительных преимущественно на *-ье, ство, -а, -ь;* кроме того параллельные образования таких существительных есть для существительных лексически собирательных. Существительных единичности для собирательных на *-ье* почти нет. Чаще всего в памятниках встречается единичность на *-ин*, одновременно являющаяся и единственным числом этого существительного. Это существительные единичности типа: *-ia — шурья* (Дв. гр. № 12; Ип. л. 144—3; АХУ № 3), *шуринь* (Новг. 1 л.; АХУ № 4); *-ство — боярство* (В. л. 280—5; Соф. л. 93—32; П. вр. л. 6453), *бояринъ* (Дог. гр. Дм. Ив. 1362 г.); *христианство* (Сб. Кир. Бел. 15 в.); *бесерменство* (В. л. 8, 204—4; Польск. ч. 1, 1497 г.),; *бесерменинъ* (Ип. л. 6692); *-а господа* (Др. гр. № 12; АХУ № 13; Н. 1 л.), *господинъ* (Р. Пр; Н. 1. л. 202—10).

Во всех этих случаях единичность совпадает с единственным числом имени существительного. Большинство из этих существительных имеет свое множественное число. Об этой особенности будет сказано ниже.

Второй ряд единичности от собирательных существительных составляют существительные единичности, образовавшиеся от существительных изначально собирательных. Таких, как *мордва — мордвинъ; литва — литвинъ; чюдь — чюдинъ* и др.

Выше говорилось о том, что в древнерусском языке образование собирательных существительных могло идти от таких существительных, которые по своему значению уже собирательны *(хворостъ — хворостие; бисеръ — бисерие)*.

И при таком образовании собирательные существительные предполагают свою единичность (в рассматриваемом периоде языка): *хворостъ — хворостие — хворостина*. Единичность здесь совпадает с единственным числом. Но процесс образования идет дальше.

Параллельно образованию *хворостъ — хворостие* идет образование собирательного существительного от формы единственности — единичности, т. е., подчиняясь закону образования, единичная форма предполагает наличие соответствующей ей собирательной формы: *хворостинье* — образованное от *хворостина; Стрелцы же великого князя и пищалники заметаша ровъ градныи х в р а с т и н ь е м ъ и землею...* (Соф. вр. 1409).

[2] *Л. В. Щерба*, Части речи в русском языке. Сб. «Русская речь», 2, 1928 г. стр. 12

Существительных в форме единичности в памятниках отмечено на много меньше, чем существительных собирательных. Единичность же больше наблюдается в устной речи. Так, например, основываясь на данных средневеликорусских говоров, В. И. Нейштадт в одной из своих статей отмечает, что в современных говорах существительные на *-ин-а* более продуктивны, чем в литературном языке. Там же он утверждает, что «говоры средневеликорусского типа образуют форму единственного числа (сингулятивы) при помощи суффикса -ИНа от всех существительных с вещественным значением: как от тех, от которых в литературном языке образуются сингулятивы лишь при помощи суффикса -ИНКа, так и от других, от которых в литературном языке сингулятивы совсем не образуются.»[3] В этих говорах единичность образуется от всех собирательных и вещественных существительных: *снег — снежина; песок — песчина; пух — пушина; дрова — дровина; овес — овсина; верба — вербы — вербье — вербина; тополь — тополи — тополье — тополина; сосна — сосны — соснина; ива — ивы — ивье — ивина.*

Но несмотря на то, что в памятниках единичность менее распространена, имеются все основания говорить о тесной связи категории единичности и категории собирательности.

С другой стороны, категория собирательности тесно связана с категорией множественного числа. Выяснение характера и особенностей этой связи является одной из основных проблем для выяснения сущности как категории собирательности, так и категории множественного числа. Прежде всего, по своему значению это совершенно различные категории. По определению А. А. Шахматова «слова с множественным разложимы на составные единицы, напротив, слова с собирательным значением обозначают собрание лиц или предметов, рассматриваемое как одно целое.»[4]

На протяжении всего изучаемого периода собирательное существительное и существительное во множественном числе употребляются параллельно. Так, в памятниках одного и того же периода одно и то же слово может употребляться и в форме собирательности и в форме множественного числа: *жердье — жерди — к о л ь е и ж е р д ь е... повезу, понесу* (АХУ 39 № 6, 201—13); *ж е р д и и к о л ь е еловые... в огород поставити* (АУ № 4, 945—18); *дрекольем — дрекольми — д р е к о л ь е м ъ же избивают и удари въ главу* (ВМЧ, окт. 19—31, стб. 1820); *Ако на разбойника ли изыдосте съ оружиемъ и д р е к о л ь м и юти мя?* (ВМЧ, окт. 4—18, стб. 1473); *дубие — дубовъ — А д у б и е молодое и ясенъ и папортъ вся мразъ призноби* (Пск. 1 л. 239—35); *Да на два дуба, что стоять на вражнѣ, ... а от д у б о в ъ межою по ямам* (Др. гр. № 8, 383—17).

Параллельные формы собирательных существительных и существительных множественного числа встречаются не только на протяжении какого-то одного периода, но даже в одном и том же памятнике. При чем значения их полностью совпадают: *княжья — князи — Новгородцы же... прислаша по нѣ митрополитъ и вся к н я ж ь я Русская...* (Новг. 1 л. 6694). И в этой же Новгородской летописи:

[3] *В. И. Нейштадт*, Суффикс единичности — ИНА. «Институт языкознания» (доклады и сообщения) т. 4, АНСССР, 1954 г., стр. 40.

[4] *А. А. Шахматов*, Очерки современного русского литературного языка. Учпедгиз, 1941 г., стр. 131.

Митрополитъ же с цѣном церковнымъ вкупѣ, князи и бояри... срѣтоша у Боголюбивемъ (Новг. 1 л. 273—23); *отъ дубья — отъ дубовъ — Да старою межою по ямам на дубье, а на нихъ грани, а под ними ямы; а отъ дубья по ямамъ.* (Гр. др. № 8, 382—27); *А оть дубовъ межою по ямамъ* (Гр. др. № 8, 383—17).

В Новгородской же первой летописи: *бревенье распалось — бревна привозивъ* (Новг. 1 л. 6925).

В целом ряде случаев в одном и том же предложении, в роли одних и тех же членов предложения употребляется существительное-собирательное и существительное во множественном числе: *И мнѣ Федору колье и жерди не опустошити* (Х. А. № 3, 101—35).

Здесь слова *колье* и *жерди*, являясь однородными дополнениями и выполняя однородную функцию, выражены различными грамматическими формами. А в другом предложении, где они также являются однородными дополнениями, они оба стоят в форме собирательности: *А оть тое деревни колья и жердья зъ домовъ не свозить* (АХУ 3, № 6, 201—9).

Такое явление встречается довольно часто во всех рассмотренных древнерусских памятниках.

Независимо от того, что собирательное существительное имеет свое отличающееся от множественного числа значение, подчас в древнерусском языке множественным числом выражалась совокупность предметов. В целом ряде случаев собирательное существительное стало формой множественного числа для выражения значения его. Этому способствовал тот факт, что при собирательном существительном глагол почти всегда, а иногда и определение стояли во множественном числе: *Змия же отклоняся от Адама прииде ко Еве; ноги у нее были, крылие было* (Авв. сотв. м.).

Здесь сказуемое *было* согласуется с подлежащим *крылие* в единственном числе. А во втором случае — *А естьли бы у меня убогой крылие были, я бы тебе сама принесла* (АХУ 3, 246—18) — тот же глагол с тем же существительным стоит уже во множественном числе. Можно привести еще примеры: *Полозие ползоша* (Сл. о п. ИГ. 15—3). Здесь *ползоша* — аорист множественного числа; *И прозябоша лозие и принесоша грезны зрелы»;* (Хр. 1512 г.), где *прозябоша* и *принесоша* — тоже аорист множественного числа.

Иногда и определение к определяемому слову, выраженным собирательным существительным, стоит во множественном числе: *А в нем листье неведомо какие...* (Мет. Пут. Ив. Петлина); *Древо имеетъ вѣтвие терноваты* (Травн. леч. 352); *да в коробъ въ плату волосье человечьи немного* (Доп. А. И. т. 10). Здесь определения *какие, терноваты, человечьи* стоят во множественном числе.

Такое употребление способствовало тому, что значение некоторых собирательных существительных перестало восприниматься как совокупность-собирательность и стало простым разделительным множественным числом. Эти собирательные существительные потеряли свою самостоятельность и стали одной из форм грамматической категории числа. Это такие существительные как *братья, друзья, князья* и др. Ряд слов при этом претерпел фонетические изменения. Так, формы *князья* и *друзья* образовались из форм *княжьа, дружьа* под влиянием форм на *-з — князи, друзи.*[5] И во мно-

[5] *А. И. Соболевский,* Лекции по истории русского языка. Изд. 4, М. 1907, 146, 220.

жественном числе эти существительные укрепились уже в форме *князья, друзья*. В разряд множественного числа такие собирательные существительные начинают переходить уже в XVI веке. Если форма *дядия* еще в XVI в. встречается как собирательная: *Тимофей вместе зъ братьею и зъ д я д ь е ю и с племянники*... (Арх. Стр. 1, 1584, эти же формы *дядию* см. Холм. Акт. № 2, 35—8; Пск. 2 л. 58—19; 58—24), то в том же XVI веке это существительное в творительном падеже употребляется и в форме множественного числа: *Да за ними же, что было за д я д ь я м и ево*... (Арх. Стр. XVI в.).

То же самое явление наблюдаем мы и во второй Псковской летописи: *Сему же преудобреному князю ничесо же не в душу, еже на нь врагъ диаволъ дядьямъ его новъ сшиваше и слагаше лесъ*... (Пск. 2 л. 58—37).

В памятниках конца XVI—XVII вв. эти существительные уже твердо употребляются как множественное число к формам *брат, дядя: А иные поместья взяли б р а т ь я свои родные и двоюродные и д я д ь я*... (Гр. ук. о крест. 1642 г.).

Среди неодушевленных существительных этот процесс захватил гораздо большее количество слов. Это существительные типа: *клинье — клинья — Беркманы лазять въ ямы и носять с собою кирки, молоты, буры и железные к л и н ь я* (Кн. о горн. д. XVII в.); *плашье — плашья — Дали три деньги казаку, что на бую пособлялъ п л а ш ь я класть* (Кн. расх. Завелич. ц. 1531); *трупья* (Вол. сп. XVI в.), *стручья* (Тр. л.); *коренья* (Пск. 1 л. 279—23); *гвоздья* (АУ № 6, 1021—47); *листья* (Ст. П. 110) и др. Все это собирательные существительные среднего рода, у которых окончание -ье при переосмыслении существительного во множественном числе изменилось в *-ья*.

Этот процесс задел и ряд существительных среднего рода. Напр. *деревья, перья, поленья* и др., хотя он в основном захватил имена существительные мужского рода.

Подобные существительные начинают твердо склоняться по множественному числу: дат. пад. — *дядьямъ* (АХУ, 2, 54—12); вин. пад. — *за пенья* (АХУ, 2, 61—15); твор. пад. — *кольями* (Болд. м. 4) местн. пад. — *въ гвоздьяхъ* (АХУ № 5, 52—45).

Теряет значение собирательности, переходя в разряд множественного числа и приобретая значение множественности, и некогда собирательное существительное *господа*. Будучи собирательным, оно склонялось по типу существительных с основой на *-а* по ед. ч.: *господѣ* — дат. пад. — *Переслаша Плесковичи послы къ Новгороду*... *кланяемся г о с п о д ѣ* (Новг. 1 л. 6850); *господу* — вин. пад. — *Предати хотяху г о с п о д у свою и градъ* (Ип. л. 6710); *господою* — твор. пад. — *кто пред г о с п о д о ю оударить на судъ своего истьца, ино его въ рубли выдать чеку* (Пск. судн. гр. 42—4).

Употребление глаголов во множественном числе при этих собирательных существительных способствовало переходу их во множественное число. В некоторых случаях новая форма множественного числа, возникшая из собирательности, не вытеснила старой формы множественного числа, и в памятниках долгое время употребляется как та, так и другая формы: *полозья* (Пск. 1 л., 46—52), *полозы* (АМГ 1); *волосья* (Пск. 1 л., 46—52), *волосы* (Пск. 1 л., 27—4); *трупья* (Новг. 4 л. 45—42), *трупы* (Новг. 4 л. 24—27).

О таких существительных, как *кол — колы — колья; прут — пруты — прутья; клин — клины — клинья, плаха — плахи — плашья* и под., можно сказать, что в последних формах множественного числа сохранился неко-

торый оттенок совокупности. Это отмечает и Б. Унбегаун, когда он говорит о том, что множественное число, образовавшееся из *-ье* собирательного, сохраняет оттенок собирательности, чего нет во множественном числе *-ы, -а*.[6]

Такая же картина наблюдается в болгарском языке, где наряду с категорией множественного числа для некоторых существительных есть еще категория множественного-собирательного числа: *книга — книги — книжа* (мн. собират.); *нива — нивы — нивя* (мн. собират.); *къща — къщи — къщя* (мн. собират.); *жена — жени — женуря* (мн. собират.); *кола — коли — коля* (мн. собират.); *лист — листове — листя* (мн. собират.).

Флексия *-а, -я* для множественного числа имен существительных в болгарском языке по своему происхождению является собирательной. Проф. Цонев в «Истории болгарского языка» отмечает: «Во многих восточных говорах болгарского языка встречаются некоторые имена женского рода с окончанием *-Е* во множественном числе, такие как: »зъмие«, »свиние«, »глистие«, а также и »овце«. По форме эти существительные очень похожи и соответствуют староболгарским »зъмиѣ«, и др., но неправильно было бы искать здесь староболгарские формы, так как это требовалось бы делать при *всех* мягких основах, а не только при положениях четырех или пяти. Мне кажется, что »зъмие« и пр. имеют собирательную форму, как, например, »листие«, »нивие« »пъртие« и др., которые в настоящее время воспринимаются как множественное число от »зъмиа«, »глистиа«, »свиниа« и пр.... Это разбираемое явление не свойственно всем болгарским говорам, потому что во многих из них употребляются и названных пять слов в правильной форме множественного числа: »змии«, »глисти«, »свини«, »мрави«, »овци«.»[7]

Таким образом, множественное число приобрело еще одну новую форму для своего выражения. Значение ряда имен существительных множественного числа получило новый оттенок — оттенок собирательности, а различные оттенки множественного числа, возникшие на основе собирательности, являются в свою очередь основой для ««pluralia tantum». В современной литературе как общеграмматической, так и посвященной специально этому вопросу, тесно связываются эти две грамматические категории — категория собирательности и существительные «pluralia tantum». В «Грамматике русского языка» Академии Наук СССР существительные «pluralia tantum» делятся даже на группы «с собственно-собирательным значением» «с вещественно-собирательным значением», «с отвлеченно-собирательным, значением».[8] Д. Н. Овсянико—Куликовский стоит на этой же точке зрения, утверждая, что в существительных типа *сливки, дрожжи, щи* и т. д. и типа *сумерки, именины, крестины* нет «ясно выраженной идеи множественности: она тонет в виде собирательности, отчетливо выступающей в большинстве слов, сюда относящихся.»[9] Бесспорно, что в словах такого типа нет ярко выраженной идеи множественности. Но вряд ли можно согласиться с тем, что в большинстве слов, сюда относящихся, отчетливо выступает идея собирательности.

По происхождению такого типа существительные не имеют ничего общего с категорией собирательности. Кроме этого, собирательные сущест-

[6] *B. Unbegaun*, La langue russe au XVIe siècle (1500—1550). Paris, стр. 100—101.
[7] *Б. Цонев*, История на български език. Т. 2. София 1934, 480—481.
[8] Грамматика русского языка. Т. 1, АНСССР, 1952 г., стр. 118—119.
[9] *Д. Н. Овсянико—Куликовский*, Синтаксис русского языка. СПб. 1912, 16.

вительные прежде всего предполагают совокупность каких-то однородных предметов, чего мы не можем сказать о «pluralia tantum». За «идею собирательности» в таких существительных, казалось бы, говорит тот факт, что они сочетаются с собирательными числительными *двое*, *трое*, *четверо*. Но дело в том, что количественные числительные *два*, *три*, *четыре* требуют постановки существительного в родительном падеже, а для «pluralia tantum» это невозможно. Собирательные же числительные *двое*, *трое*, *четверо*, сочетаясь с ««pluralia tantum», получают функцию разделительную. Нет никаких оснований объединять существительные «pluralia tantum» и собирательные существительные в одну группу, хотя собирательные существительные и дали основу для появления разновидностей «pluralia tantum». В результате целого ряда языковых процессов множественное число имен существительных стало более обобщенной грамматической категорией. При этом обобщенная грамматическая форма множественного числа позволяет выразить все оттенки прежних значений, включая их в себя.

Милица Сабо

Список сокращений

АМГ 1	— Акты московского государства, издание под редакцией Н. А. Попова, т. 1—3, СПб., 1890—1901 г. г. (Т.I — 1571—1634).
Арх. Стр. 1	— Архив П. М. Строева, Т. 1 (1400–1597). (Русская Историческая Библиотека, т. 32, 1915 г.)
АХУ	— Акты Холмогорской и Устюжской епархий, кн. 1. (Русская Историческая Библиотека, т. 12, СПб. 1890 г.)
Болд. м. 4	— Болдин дергобужский монастырь. Книги расходные. (Русская Историческая Библиотека, т. 37.)
В. л. 8	— Летопись по Воскресенскому списку. (Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению археографическою коммиссиею, т. 8, СПб., 1859 г.)
В. М. Ч.	— Великие Минеи Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. (Издание археографической комиссии.)
Вол. сп. XБI в.	— «Воинские повести древней Руси», АНСССР, 1949 г.
Гр. др. № 8	— Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся — в государственной коллегии иностранных дел. Ч. 1, М., 1813 г.
Гр. Кир. Б. М.	— Дебольский Н. Н., «Из актов и грамот Кирилло—Белозерского монастыря» (1397—1557). (Вестник археологии и истории, вып. 13, 1900 г.)
Гр. ук. о крест.	— Памятники истории крестьян 14—17 в. в. (Памятники русской истории.)
Др. гр. № 8	— Собрание государственных грамот и договоров, хранящееся в государственной коллегии иностранных дел.
Дв. гр. № 12	— Двинские грамоты, изданные А. А. Шахматовым. (Исследования по русскому языку т. 2, вып. 3, СПб., 1903 г.)
Дог. гр. Дм. Ив.	— Собрание государственных грамот и договоров, хранящееся в государственной коллегии иностранных дел.
Ип. лет.	— Ипатьевская летопись. (Полное собрание русских летописей. изданное по высочайшему повелению археографической комиссией, т. 2, СПб, 1843 г.)
Ип. мон. 23	— Переписные книги Костромского Ипатьевского монастыря 1595 г. (Чтения ОИДР, 1890 г., кн. 3.)
Кн. Келарск. Кир. Бел. мон.	— Книга келарская расходная по поминкам и по службам. (Временник ОИДР, кн. 22, 1855 г.)
Кн. расх. Завелич. ц.	— Расходная книга Псковской Завелической церкви 1531 г. (Записки отделения русской и славянской археологии Арх. Общества, Зотд., 1 т. 1851 г.)

Новг. гр. № 9	— Новгородские грамоты. (Издание А. А. Шахматова «Исследование о языке новгородских грамот 13—14 в. в. СПб«, 1886.)
Новг. лав. кн.	— Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г. (Изд. РАНИОН, М., 1930 г.)
Новг. 1 л.	— Новгородская первая летопись по синодальному хартейному списку. (Издание Археографической комиссии, СПб, 1888 г.)
Новг. 3л.	— Новгородская третья летопись. (ПСРЛ, т. 3., СПб, 1841 г.)
Новг. 4 л.	— Новгородская четвертая летопись. (ПСРЛ, т. 4, СПб, 1848 г.)
П. вр. л.	— Повесть временных лет. (ПСРЛ, т. 1., вып. 1. Пб. — Л, 1926 г.)
Польск. ч. 1	— Памятники дипломатических сношений московского государства с Польско—Литовским (РИБ т. 35.)
Пск. 1 л.	— Псковская первая летопись. (ПСРЛ, т. 4, СПб, 1848 г.)
Пск. 2 л.	— Псковская вторая летопись. (ПСРЛ т. 5—6, СПб, 1851 г.)
Пск. судн. гр.	— Псковская судная грамота 1397—1467 г. (Изд. Мурзакевича, Одесса, 1868 г.)
Р. Пр.	— Русская Правда. (Изд. под. ред. Грекова, М—Л., АНСССР, 1940 г.)
Сб. 1076 г.	— Изборник Святослава 1076 г. (В. И. Срезневский «Описание рукописей и книг, собранных для Императорской АН в Олонецком крае. СПб, 1913 г.)
Сб. Кир. Бел.	— Сборник Кирилло—Белозерского монастыря 15 в. (Ученые записки Императорской АН по 1 и 3 отделению, т. 5, СПб, 1853—1855 г.)
Сл. оп. Иг.	— Слово о полку Игореве. (М—Л., АНСССР, 1950 г.)
Соф. вр.	— Софийский временник или русская летопись, ч. 1—2. (Изд. П. Строева, М., 1820—1821 г.)
Соф. 1 л.	— Софийская первая летопись. (ПСРЛ, т. 5, СПб, 1853 г.)
Соф. 2 л.	— Софийская вторая летопись. (ПСРЛ, т. 6, СПб, 1853 г.)
Ст. П. 110	— Книга степенная царского родословия, ч. 1—2. (ПСРЛ, т. 21, СПб, 1908—1913 г.)
Х. А. № 2	— Акты Холмогорской и Устюжской епархий кн. 2. (Русская Историческая библиотека, т. 14, СПб, 1894 г.)
Хр. 1512	— Русский Хронограф, ч. 1. (ПСРЛ, т. 22, СПб, 1911 г.)

(Примечание: Если в условном обозначении стоит двойная цифра [напр., 42—17, 69—41], то первая часть означает номер страницы, вторая — номер строки.)

CRITICA ET BIBLIOGRAPHIA

М. П. Штокмар, Рифма Маяковского. «Советский писатель.» Москва 1958.

On possède depuis longtemps des travaux nourris de faits sur l'histoire de la rime russe,[1] mais on a relativement peu étudié la technique et l'expressivité de la rime chez tel ou tel des grands poètes russes.[2] C'est pourquoi on doit saluer avec un plaisir particulier l'heureuse initiative de M. P. Štokmar, spécialiste avantageusement connu de la versification russe,[3] de consacrer une brève, mais substantielle monographie aux rimes de Majakovskij. Fidèle à ses idées antérieures sur l'importance de la fin des vers, l'auteur cherche à motiver même théoriquement le choix de son sujet: »Необходимо отметить» écrit-il à ce propos, «что во всех системах стихосложения... окончание стиха, или клаузула, обладает особыми качествами. Последнее ударение в стихотворной строке является ритмически наиболее сильным. Оно сопровождается конечной стиховой паузой, которая интонативно подчеркивает границы стиха, и в этом членении послед ний акцент служит своего рода межевым знаком стихотворной речи» (p. 88). D'où, selon Štokmar, les efforts de Majakovskij de renouveler d'une manière consciente l'effet esthétique de la fin de vers par des r i m e s i n é d i t e s.[4] Pour caractériser ces préoccupations (qui, sur un autre plan, sont connues aussi aux lecteurs des littératures occidentales, notamment de la poésie française),[5] l'auteur avait sous sa main un excellent guide dû au poète lui-même, à savoir le célèbre petit traité »Comment faire des vers?» (Как делать стихи?) où, par exemple, sur la rime «classique» et, par conséquent, plus ou moins «usée» резвость / трезвость on lit la remarque suivante: «Когда вы говорите р е з в о с т ь, то рифма т р е з в о с т ь напрашивается сама собою и, будучи произнесенной не удивляет, не останавливает вашего внимания» (XII, 142—3, cité p. 143). M. P. Štokmar considère ce passage comme une manifestation du peu d'estime qu'avait le poète pour les rimes »suffixales et flexionnelles» («суффиксально-флективные рифмы» l. c.). A notre avis, le commentateur aurait pu aller même plus loin: n'est-il pas évident que c'est de la condamnation formulée dans Как делать стихи? qu'est née, précisément à propos du mot

[1] Cf. les études signalées par *B. O. Unbegaun* dans son traité «La versification russe.» Paris, s. d. (1958), 192, en particulier *V. M. Žirmunskij*, Рифма, ее история и теория.Pétrograd 1923, Вопросы поэтики III, et *B. V. Tomaševskij*, К истории русской рифмы. Труды Отдела новой русской литературы. I (1948) 233—80. Une série de bons exemples et intéressantes remarques se trouvent dans la nouvelle monographie de *L. I. Timofeev*. Очерки теории и истории русского стиха. Moscou 1958, passim.

[2] Sur la technique de Lermontov — pour ne citer qu'un exemple — v. les deux précieuses études de *I. N. Rozanov*, Лермонтов в истории русского стиха. Литературное наследство 43—4 (1941) 425—68 et Лермонтов — мастер стиха. Moscou 1942.

[3] Cf. son ouvrage Исследование в области русского народного стихосложения (Moscou 1952) et l'étude О стиховой системе Маяковского parue dans le volume Творчество Маяковского (Moscou 1952); sur, la seconde contribution v. mon compte-rendu: Acta Ling. Hung. III (1953) 452 sq.

[4] «Моя рифмовка», écrivait Majakovskij, «почти всегда необычайна и уж во всяком случае до меня не употреблялась, и в словаре рифм ее нет» (XII, 143, cité p. 134).

[5] Sur les efforts analogues des poètes symbolistes russes, contemporains de Majakovskij: p. 135—6

трезвость, l'assonance врезываясь / трезвость, rendue célèbre par le premier quatrain de l'ode sur Jesenin:

Вы ушли,
как говорится,
в мир иной.
Пустота...
Летите,
в звезды врезываясь.
Ни тебе аванса,
ни пивной.
Трезвость.

Une des parties les plus intéressantes du livre est consacrée aux racines historiques de la rime de Majakovskij; en parlant des rimes «classiques» (pour quelques exemple v. 137—8), l'auteur ne se contente pas de les considérer comme telles, mais il cite à l'appui une série de textes: comme il dit très judicieusement, «vu qu'il n'existe aucun dictionnaire historique de la rime russe», force lui était de recourir à sa mémoire pour expliquer par des parallèles tirés de Puškin, Lermontov, Gribojedov, etc. les rimes du type руд / труд, гости / кости, туго / друга, командиры / мундиры (137—9). La démonstration est hautement significative; il en ressort que même une technique aussi personnelle du vers que celle créée par Majakovskij est solidement ancrée dans le passé.[6]

Les rimes «classiques» qui se mêlent aux rimes inédites ne sont guère les seuls liens qui, d'après Štokmar, unissent l'art de Majakovskij à celui des époques antérieures. Dans certains cas, ce grand poète moderne a recouru même à un jeu aussi vieux que les rimes en écho, auxquelles le lecteur français associe avant tout certains vers de Victor Hugo (cf. *La chasse du burgrave;* avec des vers comme: «En chasse! allons courre les *cerfs,* — *Serfs!)* Mais M. P. Štokmar nous fait savoir qu'en Russie les petits poèmes galants ornés de rimes en écho, après avoir constitué au XVIIIe siècle une sorte de divertissement des salons aristocratiques,[7] devinrent, à l'époque des guerres napoléoniennes, un curieux moyen d'expression de l'effervescence nationale.[8] Or, c'est un fait qu'entre les mains de Majakovskij les rimes en écho ont également assumé une signification politique: tantôt on en trouve dans les vers qui, sous une forme extrêmement concise, exhortent à une tâche à accomplir, tantôt dans les poèmes d'une tendance manifestement satirique. Deux exemples suffisent pour illustrer ces procédés: le premier est tiré des «Окна сатиры РОСТА», le second de la satire «А что если...? Первомайские грезы в буржуазном кресле»:

a) *Что делать?*
Голод придет со своей разрухой сестрой.
Строй!
b) *Уже открыли ресторан Волну. — Ну? Частная собственность — во! Все возвращено. — Но? Генералы ходят. Лампасы на штанах. — Ах!*

Un long chapitre (29 sq.) est consacré aux particularités phonétiques des rimes et des assonances de Majakovskij; à ce propos l'auteur a parfaitement raison de sou-

[6] Inutile de dire qu'il serait facile de faire des constatations analogues même à propos des poètes classiques, y compris Puškin: sa rime невежда/надежда (cf. l'épigramme sur le prince Voroncov) se rencontre déjà chez Kantemir dans un poème aussi connu que la satire «A mon esprit» (К своему духу, v. 15—6).

[7] Cf. les vers (cités à la p. 18): «Как розы здесь растут между лесами? — Сами. Кто мне ответствует себя в лесу тая? — Я».

[8] Cf. les vers suivants (l. c.): «От русских ранен кто среди протекших дней? — Ней. Ужель бежал от них и сам Наполеон? — Он».

ligner le fait que toutes ces consonnances résultent des effets acoustiques de la langue parlée; notamment de la réduction des voyelles inaccentuées, de la faible articulation des voyelles et des consonnes en position finale, etc. D'où l'affinité phonétique de проходы /пароходы; птицей/ петиций; урагана /курганов, etc. (33). Il n'eût pas été sans intérêt d'ajouter que les consonnances de ce genre ont également de lointains antécédents historiques: dans les poèmes »pré-kantémiriens» de V. Mons et I. V. Paus (début du XVIIIe siècle) il est facile de relever des rimes ou plutôt des assonances du type сердца/ радуется; пухе/жемчуги; авантажи/наши.[9] Bien entendu, il ne s'ensuit pas que Majakovskij ait connu ces tentatives antérieures; nos exemples ne servent qu'à démontrer que dans le cas où l'on essaie de rimer «pour l'oreille» et non «pour les yeux»; on aboutit nécessairement à des résultats analogues. Même pour les consonnes finales qui «ne comptent pas» au point de vue de la consonnance, nous pourrions nous en référer à un vieux poème de 1721:

Мы с польского на русский / перелицовали,
Вписавши беспременно, / что там начитали:
Правда или неправда, / мало ли, довольно ль,
Яко с примусу читали, / а не самовольно.

Autant d'aspects, anciens et modernes, de ce que M. P. Štokmar appelle à juste titre la «démocratisation du vers» (105).

Pour terminer notre bref aperçu, nous voudrions formuler un souhait. De temps à autre, bien que l'auteur parle à plusieurs reprises et avec insistance du côté émotionnel de l'expressivité poétique (v. par exemple p. 131), on a l'impression que les rimes, pour être appréciées à leur juste valeur, doivent toujours être examinées dans le cadre des vers, des phrases, voire des poèmes où elles se rencontrent. Entre les mots d'un texte poétique s'établissent souvent des liens secrets qui confèrent au texte, lu et écouté dans son ensemble, une force suggestive supérieure. L'étude de la rime doit donc, à notre avis, faire partie d'une stylistique générale du langage poétique; c'est seulement dans ces conditions qu'on peut se faire une idée nette de toute l'expressivité qui se cache par exemple dans certains vers d'inspiration impressionniste de Majakovski (pour un exemple v. dans ce même fascicule p. 327). Ces vers ne satisfont-ils pas aussi les célèbres exigences verlainiennes: «De la musique avant toute chose . . .»?

Il est à espérer que dans les travaux à venir de M. P. Štokmar l'effet des rimes et toutes les particularités de la facture acoustico-logique des vers seront analysés sous le double aspect de la musicalité et de l'art de la composition.

L. Gáldi

Tardy Lajos, Doktor Orlay János (1770—1829). [Доктор Иван Семенович Орлай.] Különlenyomat az Országos Orvostörténeti Könyvtár Közleményei 13. számából. [Отдельный оттиск из Сообщений Государственной Медицинско-исторической Библиотеки, № 13]. Budapest 1959.

Лайош Тарди в своих работах, появившихся в предыдущих годах, осветил ряд неизвестных или малоизвестных моментов венгерско-русских связей XIX в. Данные, опубликованные автором в настоящей работе, расширяют наши сведения, точнее, вносят некоторые поправки в общие взгляды, создавшиеся до сих пор об И. С. Орлае.

[9] Les exemples sont cités par Timofejev, op. cit. 270—3.
[10] Op. cit. 253.

В начале прошлого века, в период значительного расширения организации университетов и высших учебных заведений в России, русским властям приходилось преодолевать большие затруднения, в первую очередь затруднения, связанные с недостатком специалистов. Поэтому на кафедры новых высших учебных заведений приходилось приглашать и заграничных ученых. Однако вполне понятно, что в данном случае привилегией пользовались специалисты, владевшие русским, или каким-нибудь иным славянским языком, ибо последние сравнительно легко могли усвоить русский язык. Таким образом, из Венгрии в Россию попал целый ряд специалистов, в первую очередь закарпатских украинцев, которые позже на новой родине в большинстве случаев сделали блестящую научную, а иногда и общественно-политическую карьеру.

Одним из таких специалистов был и И. С. Орлай, сын обедневшего дворянина из бывшего Унгского [Ужгородского] комитата. В молодости перед И. С. Орлаем были две возможности: пойти в священники или в гонорациоры.* Он начинает с первой; поступает к пиаристам, где одно время работает преподавателем, но не вступает в монашеский сан. Пытается стать преподавателем в каком-нибудь государственном учебном заведении, но ему отказывают. Он некоторое время борется с затруднениями, потом внезапно исчезает и мы находим его уже в Петербурге в качестве стипендиата, изучающего медицинские науки. Каким образом попал И. С. Орлай в Россию, на основании работы Лайоша Тарди можно лишь догадываться, потому что в его распоряжении не было достаточно данных для окончательного разрешения этого вопроса. Закончив учебу в Петербурге, И. С. Орлай получает государственную заграничную стипендию, учится в Австрии и Германии. Вернувшись в Петербург, он работает в качесте врача и получает звание «придворного хирурга.» Он станет одним из организаторов приглашения заграничных ученых в университеты России. Вполне понятно, что он приглашает специалистов в первую очередь из Венгрии, своих бывших друзей и знакомых (Балудьянского, Кукольника, Лодия и т. д.)- Он находится в постоянной переписке с венгерскими литераторами. Некоторые известия о России, появившиеся в венгерских журналах начала XIX в., почерпнуты из его писем. В 1805 г. И. С. Орлай уже является заместителем придворного врача. Позже опять отправляется в Германию. Здесь получает степень доктора в нескольких университетах; его избирают членом немецких научных обществ. В Йене он знакомится с Гете, с которым позже переписывается. В Петербурге его карьера продолжается. В 1810 г. он принимает русское подданство и становится редактором тогдашнего русского медицинского журнала. В 1816 г., после получения ряда награждений, он удостоен чина государственного советника, а хирургическая академия избирает его в ряды своих членов. По-видимому, его здоровье не выносило холодного и сырого петербургского климата, поэтому он просит, чтобы его перевели на юг. Его назначают директором известной гимназии высших наук в Нежине, где между его учениками находим и Н. В. Гоголя. За заслуги он удостоен новых награждений, а кроме того получает и крупное поместье.

И. С. Орлай умер в 1829 г. сравнительно молодым. Ему было всего 59 лет.

По данным Л. Тарди родители И. С. Орлая были венграми католического вероисповедания, происходившими из Белезны, следовательно, по происхождению он не был закарпатским украинцем, как это считалось до сих пор. Украинский и русский языки он усвоил в школе, в украинской среде. Далеко на чужбине он часто думал о своей родине. Как и многих ученых венгров того периода, И. С. Орлая также чрезвычайно интересовал вопрос о происхождении венгров. Он предпринял ряд путешествий с целью разыскать родственные венграм народы. Венграм, очутившимся в России, он помогал в их исследовательской работе советами и рекомендациями.

* Гонорациорами до 1848 г. в Венгрии называли интеллигентов недворянского происхождения с высшим образованием, получавших за работу (службу) гонорар.

Лайош Тарди благодаря кропотливому труду и, повидимому, продолжительной переписке, с большим усердием и пониманием дела собрал свои данные, за что несомненно заслуживает похвалу. Однако следует заметить, что автор в данном случае не дал более подробного анализа деятельности и оценки взглядов И. С. Орлая. Это, конечно, при нынешнем состоянии исследования этого вопроса едва-ли возможно. Для этого понадобится дальнейшая продолжительная иеследовательская работа, которую успешно можно будет выполнить лишь в СССР, в тех местах, где в свое время И. С. Орлай действовал. Но одно уже и теперь можно установить, а именно то, что И. С. Орлай в условях российского самодержавия представлял во многих вопросах сравнительно передовые взгляды и благодаря своей деятельности принадлежал к выдающимся врачам и общественным деятелям своего времени.

Й. Перени

Beiträge zur Bibliographie der Geschichte der slawischen Völker in der ungarischen bürgerlichen Geschichtsschreibung

Die ungarische bürgerliche Geschichtsschreibung, die sich um die Mitte des vorigen Jahrhunderts herauszubilden begann, beschäftigte sich eigentlich bis zu dem Jahre 1945 mit der Geschichte der slawischen Völker nicht in dem Maße, wie es sich gebührt hätte. Man wird zwar auch aus der folgenden Zusammenstellung ersehen, daß gar nicht die Rede davon sein kann, als ob sich die ungarischen Historiker für die Geschichte der slawischen Völker überhaupt nicht interessiert hätten. Aber ihr Interesse blieb weit hinter jener realen Bedeutung zurück, die dem Slawentum als einem entscheidenden Faktor in der osteuropäischen Entwicklung auch von dem Gesichtspunkt der ungarischen Geschichte aus in der Tat zukommt.

In der Zeit nach dem Ausgleich von 1867 wurde das Interesse der ungarischen Historiker — teils durch die politische Forderung der Expansion der Österreichisch-Ungarischen Monarchie auf dem Balkan, und teils auch durch jenes ungarisch—kroatische Verhältnis, das dauernd Spannungen schuf — auf die südslawischen Völker, genauer auf die Kroaten und Serben, bzw. auf Bosniens Geschichte gelenkt. Dementsprechend wurden manche solche Werke geschrieben, die mehr oder weniger offen die Balkan-Ansprüche der Monarchie bzw. von Ungarn zu unterstützen bestrebt waren. Aber die Expansion auf dem Balkan stieß sofort auf jene Balkan-Politik Rußlands, die schon alte Traditionen besaß, und durch diese Tatsache war sogleich auch das Problem der Bedeutung Rußlands für die ungarische Geschichte auch in größerer Perspektive gestellt. Die Gegensätze, die sich in den Jahren um 1870 herum besonders verschärft hatten, lösten viel Anklang in der zeitgenössischen Publizistik aus, aber es scheint, daß die Historiker der Meinung waren, das Problem Rußlands und die Frage der russisch—ungarischen Beziehungen wären allzu heikel; wohl darum hat man in so wenig historischen Werken diese Probleme berührt. Und doch eben im Zusammenhang mit Rußland beschäftigten sich die ungarischen Historiker verhältnismäßig viel — auch im Banne gewisser gefühlsmäßiger Stimmungen, die mindestens die Erinnerung an die revolutionären Traditionen des unmittelbar vorangegangenen halben Jahrhunderts zu bewahren trachteten — mit Polen und mit der Geschichte der polnisch—ungarischen Beziehungen; dies war unter den gegebenen Umständen beinahe schon wie eine Demonstration gegen das offizielle

Rußland. Dabei beschränkte sich auch das bisher erwähnte Interesse für das Slawentum, dem damaligen Entwicklungsgrad der ungarischen Geschichtsschreibung entsprechend, eher nur auf das frühe Mittelalter und auf die Zeit der Türkenherrschaft. Und da die ungarische Geschichtsschreibung — man könnte sagen, beinahe bis zu dem heutigen Tage — sich nur mit Ungarns Geschichte beschäftigen wollte, während sie auf die Pflege der universalen Geschichte mit unbegründeter Bescheidenheit im voraus verzichtete, bestand ihre Tätigkeit auf unserem Gebiete bloß in der Erforschung der Beziehungen. Man vergesse auch nicht, daß die ungarische Geschichtswissenschaft sich auf Kosten der Erforschung slawischer Beziehungen sehr eingehend mit Ungarns Beziehungen zu den westlichen Ländern beschäftigte, und die westlichen Einflüsse immer wieder in den Vordergrund stellte, während sie die eigenartigen Züge der osteuropäischen Entwicklung, in der Ungarn und Slawen einander so nahe kommen, kaum beachtete.

Ebensowenig wollte man zur Kenntnis nehmen, daß Ungarn in nationaler Hinsicht gar nicht einheitlich ist, daß es auf dem historischen Landesgebiete außer Kroaten — deren Selbständigkeit infolge der staatsrechtlichen Lage auch von der ungarischen Geschichtsschreibung nicht bezweifelt werden konnte — auch noch andere slawischen Nationalitäten gibt. Zur Zeit der Jahrhundertwende erlangten jedoch die Bestrebungen der ungarländischen Nationalitäten schon eine solche zentrale Bedeutung, daß auch jene Geschichtswissenschaft, die sich scheinbar so kühl vor den Problemen der Gegenwart verschloß, diese Fragen nicht mehr völlig außer acht zu lassen vermochte. Zu dieser Zeit erschienen die ersten geschichtlichen Werke über die ungarländischen Nationalitäten — die meisten in jener Art von chauvinistischem Eigendünkel geschrieben, die für Ungarn um die Zeit des sog. Milleniums (1896) so charakteristisch war.

Die verschiedenartigen Pläne, die bald nach dem Ausbruch des ersten Weltkrieges in beiden Lagern in bezug auf eine Neuordnung Osteuropas gefaßt wurden, erweckten das Interesse im allgemeinen für die slawischen Probleme, und man fing bald an, die Bedeutung der slawischen Frage von Ungarns Gesichtspunkt aus in halbwegs publizistischen Werken zu erörtern. Natürlich rückten dabei die Pläne, die das Wiederherstellen des Polnischen Königtumes bezweckten, wieder die polnische Frage in den Vordergrund des Interesses.

Durch die Auflösung der Österreich-Ungarischen Monarchie auf Nationalstaaten wurde das äußerst verwickelte Problem der ungarländischen Nationalitäten auf einmal zu einem brennenden Tagesproblem. Auch die ungarische Geschichtsschreibung mußte dazu Stellung nehmen. Vor allem wurde dadurch eine zeitliche Ausbreitung der Forschungen herbeigeführt. Denn die Frage der Nationalitäten wurde ja in ihrem vollen Ernst im Laufe des 19. Jahrhunderts wichtig; die Geschichtsschreibung mußte also auch diese verhältnismäßig junge Vergangenheit in den Kreis ihrer Forschungen einbeziehen. Die Geschichtsschreibung der ersten Jahre nach dem Weltkrieg, soweit sie sich mit dem Problem der Nationalitäten beschäftigte, verband ihre Verständnislosigkeit und Gekränktheit über die nationale Katastrophe mit einer ähnlichen chauvinistischen Verständnislosigkeit der Geschichte der Nationalitäten gegenüber. Die Werke, die zu dieser Zeit geschrieben wurden, standen unmittelbar im Dienste des Revisionismus, und sie propagierten als alleinige richtige Lösung die völlige Wiederherstellung der im Jahre 1918 auseinandergefallenen politischen Landeseinheit. Mit der Zeit behielt jedoch eine etwas nüchternere Betrachtungsart die Oberhand; man wollte nicht mehr einfach nur die Katastrophe verurteilen, sondern man suchte schon gefaßter auch nach ihren Gründen, und man war bestrebt, auch den Nationalitäten mehr Verständnis entgegenzubringen. Aber natürlich vermochte auch diese Richtung höchstens nur im Rahmen von Nationalitätengebilden zu denken; gesellschaftliche Art und Inhalt der im Jahre 1918 erfolgten Veränderung kamen dabei überhaupt nicht zu Worte.

In den Jahren um 1930 herum und noch mehr zur Zeit des zweiten Weltkrieges wurde — nicht nur in der Politik der ungarischen Herrscherklasse, sondern auch in der ungarischen Geschichtsschreibung — die Idee der Wiederherstellung in einer modernen Variante des Reiches der mittelalterlichen Stefanskrone zu einem der wichtigsten Leitgedanken. Die historischen Werke, die in diesen Jahren veröffentlicht wurden, vertraten im allgemeinen die Auffassung, daß die Nationalitätenpolitik des alten Ungarns, mindestens im letzten halben Jahrhundert, völlig verfehlt gewesen sei. Diese Richtung hatte Verständnis für die Bestrebungen der Nationalitäten, ja bis zu einem gewissen Grade hielt sie diese auch für berechtigt; aber indem man sich ein ideales Bild von dem mittelalterlichen mehrsprachigen Land entwarf, versuchte man auch den Nationalitäten des ehemaligen Ungarns einzureden, daß auch für sie, auch von ihrem eigenen nationalen Gesichtspunkt aus betrachtet die Rückkehr unter die Oberhoheit der Stefanskrone und die Wiederherstellung des historischen Ungarns die richtigste Lösung wäre.

Die Nationalitätenfrage zu behandeln hieß natürlich vor allem: sich mit slawischen Völkern zu beschäftigen. Man untersuchte in dieser Epoche außer der Geschichte der Slawen des ehemaligen Ungarns wieder mit erneuter Intensität die polnisch—ungarischen Beziehungen. Das Erforschen der russischen Geschichte bzw. der russisch-ungarischen Beziehungen kam natürlich wegen allzu aktuellen politischen Gesichtspunkten gar nicht in Frage. Bulgarien war jenes slawische Land, dessen Lage nach dem ersten Weltkrieg, und dessen revisionistische Ansprüche manche Analogien mit den ungarischen Bestrebungen hatten; diese Tatsache schien auch die Erforschung der bulgarisch—ungarischen Beziehungen zu rechtfertigen. Aber man wollte diesmal — auch im Sinne der damaligen offiziellen bulgarischen Auffassung — eher die Beziehungen der alten Bulgarotürken und Ungarn erforschen; die Tatsache, daß die heutigen Bulgaren in der Tat doch Slawen sind, wurde dabei lieber schamhaft verschwiegen.

Was die ungarländischen slawischen Nationalitäten, und noch mehr, was die übrigen slawischen Völker betrifft, begnügte sich die ungarische Forschung meistens mit der Erörterung der Beziehungen; die nicht sehr zahlreichen Werke, die die Geschichte der einzelnen slawischen Völker von diesem Gesichtspunkt aus unabhängig behandelten, waren in den meisten Fällen nur anspruchslose Kompilationen.

Im folgenden wollen wir in thematischer und chronologischer Gruppierung die Werke aufzählen, die sich mit den Slawen beschäftigten. Diese Aufzählung erstrebt natürlich auch von weitem nicht die Vollständigkeit. Es ist nicht einmal sicher, daß hier alle wichtigen Werke und nur die wichtigen genannt werden. Es werden hier nur die ersten Schritte getan, um die Aufmerksamkeit auf ein vernachlässigtes Gebiet der ungarischen Geschichtsschreibung zu lenken.

Von den Werken, die sich mit der Geschichte der Slawen beschäftigen, soll in chronologischer Hinsicht zuerst die Arbeit von O. Asbóth genannt werden: Aus der Vergangenheit der slawischen Völker.[1] Eine größere Zusammenfassung ist von S. Bonkáló: Darstellung der Slawen, der slawischen Völker und der slawischen Frage.[2] Eine populärwissenschaftliche Zusammenfassung mit neuen Gesichtspunkten ist von I. Kniezsa: Die Slawen.[3] Die Beziehungen des ungarischen Volkes zu den Slawen behandelt im Zeichen eines chauvinistischen Überlegenheitsdünkels A. Berzeviczy in seinem Werk: Ungarn und Slawen.[4] Dieselben Beziehungen und einige Probleme des ungarisch—slawischen Zusammenlebens werden verständnisvoller und im Sinne einer neueren Betrachtungsart in jenem Sammelband beleuchtet, der von Gyula Szekfü herausgegeben wurde: Das

[1] Asbóth, Oszkár, A szláv népek múltjából. Budapesti Szemle (= Budapester Rundschau, Zeitschr.) Bd. 52. 1887, p. 1—19

[2] Bonkáló, Sándor, A szlávok. A szláv népek és a szláv kérdés ismertetése. Bp. (= Budapest) 1915, 153, 3 p.

[3] Kniezsa, István, A szlávok. Bp. 1932. 80 p.

[4] Berzeviczky, Albert, Magyares et slaves. Revue de Hongrie 1926, p. 81—84.

Ungarntum und die Slawen.[5] Hier muß auch jener deutsch veröffentlichte Band von ähnlichem Geist erwähnt werden, den István Gál zusammenstellte: Ungarn und die Nachbarvölker;[6] darin werden natürlich nicht allein slawische Völker behandelt, und die Beziehungen werden eher auf dem Gebiete der politischen und kulturellen Entwicklung untersucht. Ein Problem der frühslawischen Geschichte, die Sendung von Cyrill und Method in Mähren, wird in der ungarisch und deutsch veröffentlichten Studie von I. Kniezsa: Die Slawenapostel und die Slowaken[7] erörtert. P. Váczy faßt in seinem Buch: Die erste Epoche des ungarischen Königtums,[8] die tschechischen, polnischen und russischen Parallelen der ungarischen Entwicklung näher ins Auge. Das Werk von K. Rátz: Die Geschichte des Panslawismus[9] ist vorwiegend eine ausführliche Zusammenfassung nach der Arbeit von Fischel. Einen kürzeren Überblick bietet über dasselbe L. Gogolák: Der Panslawismus.[10] Auf Grund von Arbeiten russischer Slawophilen, besonders derjenigen von Aksakov bespricht die Entwicklung des Problems in Rußland E. Szabó: Beiträge zur Geschichte des Panslawismus.[11] Die ungarländischen Bezüge der Panslawenbewegung werden erörtert in: E. Szabó, Miteleuropa und der Panslawismus.[12]

Bevor wir die Werke über die Geschichte der ungarländischen slawischen Nationalitäten aufzählen, müssen wir noch auf einige Bücher und Studien hinweisen, die die ungarländische Nationalitätenfrage im allgemeinen behandeln. O. Jászi sucht in seinem Buch: Die Ausgestaltung der Nationalstaaten und die Nationalitätenfrage[13] die ungarländischen Lösungsmöglichkeiten des Problems. Nach der Auflösung von Österreich-Ungarn auf Nationalstaaten untersuchte die Nationalitätenfrage in ihrem vollen Umfang B. Jancsó: Defensio Nationis Hungaricae;[14] er versuchte die Aufrechterhaltung des historischen Ungarns, bzw. seine Wiederherstellung mit annehmbaren Argumenten zu unterstützen. Die neuere Betrachtungsart bahnt sich den Weg in dem Sammelband von Gy. Szekfü: Staat und Nation,[15] mit einer kurzgefaßten Geschichte der ungarländischen Nationalitäten. Etwas trockener wird dieselbe Auffassung in dem Werk von E. Flachbarth: Die Geschichte der ungarländischen Nationalitäten,[16] vertreten. Einige prinzipielle Fragen der Entwicklung im Donau-Tal werden bei D. Kosáry erörtert: Über einige Probleme der vergleichenden Geschichte.[17] Der Begriff Ost- oder Ost-Mitteleuropa wird auf Grund politischer und kultureller Kennzeichen untersucht, und es wird innerhalb von diesem der Versuch unternommen, die Stellung der kleineren slawischen Völker zu bestimmen, in den beiden Werken: T. Baráth: Der Begriff Ost-Europa in der modernen Geschichtsschreibung,[18] und L. Gogolák: Die nationale Idee in Ost-Mitteleuropa.[19] Im Dienste der ungarischen revisionistischen Ansprüche steht mit geopolitischem Unterbau: A. Rónai, Eine Biographie der politischen Grenzen von Ost-Mitteleuropa.[20]

[5] SZEKFÜ, GYULA (red.), A magyarság és a szlávok. Bp. 1942. 278 p.
[6] Ungarn und die Nachbarvölker. Red. GÁL, ISTVÁN. Bp. — Leipzig—Milano. 1943. 252 p., 2 Karten.
[7] KNIEZSA, ISTVÁN, A szláv apostolok és a tótok. Bp. 1942; KNIEZSA, STEFAN, Die Slawenapostel und die Slowaken. Archivum Europae Centro-Orientalis 1942 und Sonderdruck. Bp. Leipzig. 1942. 19 p.
[8] VÁCZY, PETER, Die erste Epoche des ungarischen Königtums. Pécs. 1935. 139 p. 1 Taf.
[9] RÁTZ, KÁLMÁN, A pánszlávizmus története. Bp. 1941. 415 p.
[10] GOGOLÁK, LAJOS, Pánszlávizmus. Bp. 1940. 135 p.
[11] SZABÓ, ENDRE, Adatok a pánszlávizmus történetéhez. Orosz források után. (Nach russischen Quellen.) Magyar Figyelő (= Ung. Beobachter) 1911. Bd. IV. p. 322—342.
[12] SZABÓ, ENDRE, Középeurópa és a pánszlávizmus. Hitel 1943, p. 516—520.
[13] JÁSZI, OSZKÁR, A nemzeti államok kialakulása és a nemzetiségi kérdés. Bp. 1912. XVI. 544 p.
[14] JANCSÓ, BENEDEK, Defensio nationis Hungaricae. Bp. 1920. 228 p.
[15] SZEKFÜ, GYULA, Állam és nemzet. Bp. 1942. 372, 2 p.
[16] FLACHBART, ERNEST, Histoire des minorités nationales en Hongrie. Paris (Bp.) 1944. 187 p.
[17] KOSÁRY, DOMINIQUE, Sur quelques problèmes d'histoire comparée. Revue d'Histoire Comparée 1943. p. 3—32.
[18] BARÁTH, TIBOR, Kelet-Európa fogalma a modern történetírásban. Domanovszky-emlékkönyv (Festschrift für Domanovszky) Bp. 1937. p. 23—43 und Sonderdruck Bp. 1937. 23, 1 p.
[19] GOGOLÁK, LAJOS, A nemzeti eszme Kelet-Középeurópában. Az Ország Útja (Der Weg des Landes) 1942. p. 129—139.
[20] RÓNAI, ANDRÉ, Biographie des frontières politiques du Centre-Est-Européen. Etude politico-géographique consacrée à l'histoire des frontières. Bp. 1936. IV. 140 p.

Die erste bedeutende Arbeit über die Anfänge der ungarländischen slawischen Siedlungen ist diejenige von J. Melich: Ungarn zur Zeit der Landnahme.[21] Die moderne Bearbeitung derselben Frage: I. Kniezsa: Ungarns Völkerschaften im 11. Jahrhundert[22] in ungarischer und in deutscher Sprache. Mit den Fragen des Slawentums in Siebenbürgen beschäftigten sich L. Makkai: Siebenbürgens Völkerschaften im Mittelalter[23] und I. Kniezsa: Die Ortsnamen in Ostungarn.[24] Ein wichtiges Problem der Nationalitätenentwicklung wird untersucht bei I. Szabó: Die ethnische Assimilation im Karpatenbecken.[25] Einzelheiten der Debatte über die Probleme des mittelalterlichen mehrsprachigen Landes findet man bei Gy. Szekfü: Ungarn und seine Minderheiten im Mittelalter,[26] E. Mályusz: Die ungarische Nationalitätenpolitik im Mittelalter,[27] und dann wieder: Gy. Szekfü: Die ungarische Nationalitätenpolitik im Mittelalter,[28] und E. Mályusz: Das einsprachige Land.[29] Man findet viele Angaben über die Nationalitätenfrage der ersten Hälfte des vorigen Jahrhunderts in der Quellensammlung von Gy. Szekfü, auch mit einer großen Einleitung dazu: Schriften zur Problemgeschichte der ungarischen Staatssprache. 1790—1848.[30] Die Donau-Konföderationspläne der ungarischen Emigration nach 1848—49 werden unter anderen in den folgenden Werken erörtert: J. György: Die Donau-Konföderation,[31] T. Ács: Die Ideenbestrebung der Donau-Konföderation,[32] drei Studien von T. Lengyel: Die ungarischen Emigranten und die Donau-Konföderation,[33] Die ungarische Emigration und die Nationalitätenfrage,[34] Ungarn und die Donau-Konföderation,[35] sowie L. Lajtor: Kossuth's Donau-Konföderationsplan und seine Vorgeschichte.[36]

Zur Geschichte der südslawischen Völker und zu der ganzen Balkan-Problematik: L. Thallóczy: Studien zur Siedlungsgeschichte der Balkan-Halbinsel[37] (behandelt die Frage zur Zeit des Römischen Reiches); M. Wertner: Die genealogische Geschichte der südslawischen Herrscher im Mittelalter,[38] K. Szekrényessy: Ungarn und die südslawischen Provinzen.[39] Eine neue Betrachtungsart kommt zur Geltung in den Werken: M. Ferdinandy—L. Gogolák: Ungarn und Südslawen[40] (eine in mehreren Sprachen veröffentlichte

[21] MELICH, JÁNOS, A honfoglaláskori Magyarország. Bp. 1925—1929. 434 p. A nyelvtudomány kézikönyve (= Handbuch der Sprachwissenschaft) I/6.

[22] KNIEZSA, ISTVÁN, Magyarország népei a XI. században. Szent István-emlékkönyv (St. Stefan-Gedenkbuch) II. Bd. Bp. 1938. p. 365—472, 1 Karte; KNIEZSA, STEFAN, Ungarns Völkerschaften im XI. Jahrhundert. Archivum Europae Centro-Orientalis 1938. und Sonderdruck Bp. 1938. 172 p. 1 Karte.

[23] MAKKAI, LÁSZLÓ, Erdély népei a középkorban. Magyarok és románok (= Ungarn und Rumänen) I. Bd 1943, p. 314—440.

[24] KNIEZSA, ISTVÁN, Kelet-Magyarország helynevei. Magyarok és románok. I. Bd. Bp. 1943, p. 111—313.

[25] SZABÓ, ETIENNE, L'assimilation éthnique dans le bassin des Carpathes. Revue d'Histoire Comparée 1943, p. 279—330.

[26] SZEKFÜ, GYULA, A magyarság és kisebbségei a középkorban. Bp. 1935; SZEKFÜ, JULIUS, Ungarn und seine Minderheiten im Mittelalter. Südostdeutsche Forschungen 1936.

[27] MÁLYUSZ, ELEMÉR, A középkori magyar nemzetiségi politika. Századok (= Jahrhunderte, Zeitschr.) 1939. p. 257—294., 385—448.

[28] SZEKFÜ, GYULA, A középkori magyar nemzetiségi politika. Magyar Szemle (Ung. Rundschau, Zeitschr.) 1940.

[29] MÁLYUSZ, ELEMÉR, Az egynyelvű ország. Századok 1941. p. 113—139.

[30] SZEKFÜ, GYULA, Iratok a magyar államnyelv kérdésének történetéhez. 1790—1848. Bp. 1926. VIII. 664 p. Fontes historiae Hungaricae aevi recentioris.

[31] GYÖRGY, JÁNOS, A dunai konföderáció. 2. Aufl. Bp. 1918, 300 p.

[32] ÁCS, TIVADAR, A dunai államkonföderáció eszmetörekvése. Magyar Külpolitika (=Ungarische Außenpolitik) 1921.

[33] LENGYEL, THOMAS, The Hungarian Exiles and the Danubian Confederation. The Hungarian Quarterly 1939. p. 450—461.

[34] LENGYEL, THOMAS, L'émigration hongroise et la question des nationalités. Nouvelle Revue de Hongrie Bd. 41. 1939. p. 321—329.

[35] LENGYEL, THOMAS, La Hongrie et la confédération danubienne. Nouvelle Revue de Hongrie. Bd. 69. 1943. p. 15—26., 136—149.

[36] LAJTOR, LÁSZLÓ, Kossuth dunai konföderációs terve és előzményei. Bp. 1944. 80 p.

[37] THALLÓCZY, LAJOS, Tanulmányok a Balkán félsziget telepedési története köréből. Budapesti Szemle (Budapester Rundschau) Bd. 107. 1901. p. 321—352., Bd. 108. 1901. p. 40—64. und Sonderabdruck Bp. 1901. 80 p.

[38] WERTNER, MÓR, A középkori délszláv uralkodók genealógiai története. Temesvár 1891. 266 p.

[39] SZEKRÉNYESSY, KÁLMÁN, Magyarország és a délszláv tartományok. Bp. 1878. 159 p.

[40] FERDINANDY, MIHÁLY—GOGOLÁK, LAJOS, Magyarok és délszlávok. Bp. 1940. 43, 3 p. 32 Taf.; Ungarn und Südslawen. Bp. 1941. 49 p. 16 Taf.; Madjari i jugosloveni. Bp. 1941. 48 p., 16 Taf.

Zusammenfassung), L. Gogolák: Ungarn und Südslawen,[41] sowie L. Hadrovics: Geistige Beziehungen zwischen Ungarn und Südslawen,[42] und ders.: Der Jugoslawismus und die Idee des Kroatentums.[43] Zu den außenpolitischen Bezügen der Entwicklung der Balkanvölker: L. Lajtor: Die Geschichte der Orientalischen Frage,[44] Gy. Balanyi: Die Entwicklung des Balkan-Problems vom Pariser Kongreß bis zum Ausbruch des Weltkrieges, 1856—1914,[45] und S. Lakatos: Karl IV. und die Südslawen.[46] Eine programmäßige Manifestation der verständnisvollen Betrachtungsart ist das Werk von I. Gál: Die jugoslawische Orientation der ungarischen Geschichtswissenschaft.[47] Einen kritischen Überblick der neueren historischen Literatur bietet L. Hadrovics: Historische Forschungen über die ungarländischen Südslawen.[48]

Von den Werken über die kroatische Geschichte sei an erster Stelle E. Margalits: Kroatisches historisches Repertorium.[49] erwähnt, das eine Exzerptensammlung aus den wichtigsten kroatischen historischen Zeitschriften bietet. Von den Urkundenveröffentlichungen: L. Thallóczy—A. Hodinka: Urkundensammlung der kroatischen Grenzfestungen. I. 1490—1527,[50] und L. Thallóczy—S. Horváth: Urkundenbuch von Unterslawonien.[51] Im Zusammenhang mit den aktuellen Ereignissen in den Jahren 1883—84 in Kroatien werden zahlreiche historische Fragen der kroatischen Entwicklung, aber nicht systematisch, durch F. Pesty behandelt: Hundert politische und historische Briefe über Kroatien.[52] Man findet Untersuchungen über mehrere Einzelfragen der kroatischen Geschichte in der Studiensammlung von J. Bajza: Die kroatische Frage.[53] Eine kurze Zusammenfassung bietet E. Tarczay: Kurzer Überblick der Geschichte der Länder Kroatien-Slawonien, mit Rücksicht auf ihre kulturellen Verhältnisse.[54]

Über die Anfänge der Beziehungen zwischen Kroatien und Ungarn schrieb zuerst Gy. Pauler: Über die Besitznahme von Kroatien und Dalmatien,[55] und über dasselbe mit Betonung der ungarischen Eroberung und mit Polemik gegen die kroatische Auffassung: J. Karácsonyi: Klippen der kroatischen Geschichtsschreibung,[56] dann wieder mit neuerer Betrachtungsart (auch in deutscher und französischer Sprache): J. Deér: Die Anfänge der ungarisch—kroatischen Staatsgemeinschaft.[57] Viele Angaben werden systemlos und ohne jede Konzeption zusammengetragen in dem Werk: F. Oslay: Die kroatischen Leibeigenen 1500—1650,[58] und E. Tarczay: Die Geschichte der Leibeigenen in Kroatien 1650—1848.[59] Einen Beitrag zu einer Einzelheit der kroatischen Entwicklung bietet die Textveröffentlichung von L. Thallóczy: Kroatisches Gewohnheits-

[41] Gogolák, Louis, Hungarians and Southern Slavs. A historical survey. The Hungarian Quarterly 1941. p. 16—31.

[42] Hadrovics, László, Magyar és déli szláv szellemi kapcsolatok. Bp. 1944. 80 p.

[43] Hadrovics, Ladislas, Le yougoslavisme et l'idéal croate. Nouvelle Revue de Hongrie, Bd. 68. 1943. p. 20—29.

[44] Lajtor, László, A keleti kérdés története. Bp. 1940. 145 p.

[45] Balanyi, György, A Balkán-probléma fejlődése a párizsi congressustól a világháború kitöréséig. 1856—1914. Bp. 1920. 382 p.

[46] Lakatos, Sándor, IV. Károly és a délszlávok. Bp. 1920. 97 p.

[47] Gál, István, Jugoslovenska orientacija mađarske historijske nauke. Beograd—Bp. 1940. 16 p.

[48] Hadrovics, Ladislas, Études historiques sur les Slaves du Sud en Hongrie. Revue d'Histoire Comparée 1943. p. 232—238.

[49] Margalits, Ede, Horvát történeti repertórium. I—II. Bp. 1900—1902. XXIV. 782; XLI. 867 p.

[50] Thallóczy, Lajos—Hodinka, Antal, Magyarország melléktartományainak oklevéltára. I. Bd. A horvát véghelyek oklevéltára (Urkundensammlung der kroatischen Grenzfestungen) I. Bd. 1490—1527. Bp. 1903. CVIII. 753 p. 1 Karte. Monumenta Hungariae Historica. Diplomataria 31.

[51] Thallóczy, Lajos—Horváth, Sándor, Alsó-Szlavóniai okmánytár. (Dubica, Orbán és Szana vármegyék.) Bp. 1912. XXXI. 2, 450 p., 1 Taf. Monumenta Hundariae Historica. Diplomataria 36.

[52] Pesty, Frigyes, Száz politikai és történeti levél Horvátországról. Bp. 1885. VIII. 419 p.

[53] Bajza, József, A horvát kérdés. Válogatott tanulmányok (Ausgewählte Studien). Bp. 1941. 529 p.

[54] Tarczay, Erzsébet, Horvát-Szlavón országok történetének rövid áttekintése, tekintettel azok kultúrviszonyaira. Bp. 1915. 56 p. 2 Karten.

[55] Pauler, Gyula, Horvát—Dalmátország elfoglalásáról. Századok (= Jahrhunderte, Zeitschr.) 1888. p. 197—215., 320—333.

[56] Karácsonyi, János, A horvát történetírás zátonyai. Századok 1912. p. 1—31.

[57] Deér, József, A magyar—horvát államközösség kezdetei. Jancsó-emlékkönyv; Die Anfänge der ungarisch—kroatischen Staatsgemeinschaft. Archivum Europae Centro-Orientalis 1936. p. 5—45.; Les origines des relations politiques entre la Croatie et la Hongrie. Revue d'Histoire Comparée 1943. p. 33—69.

[58] Oslay Ferenc, A horvát jobbágyság 1500—1650-ig. Szakolca 1910. VIII. 67 p.

[59] Tarczay, Erzsébet, A jobbágyság története Horvátországban 1650—1848. Bp. 1913. 118 p.

recht aus den Jahren 1551—1553.[60] Zur Geschichte der sog. Grenzbezirke vgl. T. Orthmayer (Ortvay): Geschichte der Ausbildung der kroatisch-slawonischen Grenzbezirke.[61] Dazu ist ein Beitrag die Quellenveröffentlichung von L. Thallóczy: Karlowitz und das Entstehen der kroatischen Grenzbezirke.[62] Großes Quellenmaterial wird mit ausführlicher Analyse bei Gy. Miskolczy mitgeteilt: Geschichte und Quellen der kroatischen Frage im Zeitalter des Ständestaates;[63] eine vorweggenommene Zusammenfassung der Ergebnisse desselben Verfassers: Die kroatische Frage. (1790—1847.)[64] Siehe dazu noch: I. Lajos: Die kroatische Frage.[65] Zu einer wichtigen Frage dieses Zeitalters kann noch erwähnt werden: R. Szegedy: Der Illyrismus und die Korrespondenz von Lajos Gaj.[66] Zu dem späteren Zeitalter vgl.: L. Juhász: Die kroatische Frage nach dem Ausgleich von 1868,[67] J. Bajza: Die kroatische Publizistik während des Weltkrieges.[68]

Mit dem kroatisch—ungarischen Verhältnis beschäftigten sich mehrere zusammenfassende Studien, so z. B.: I. Barta: Ungarisch—kroatische geschichtliche und kulturelle Beziehungen,[69] L. Hadrovics: Ungarn und die Kroaten,[70] I. Lobmayer: Unsere historische Beziehungen zu Kroatien,[71] L. Hadrovics: Acht Jahrhunderte ungarisch—kroatischer Staatsgemeinschaft,[72] derselbe: Ungarn und die Kroaten.[73] Zu einer Teilfrage des Problems: Miklós Kring: Die Staatsgrenze im Mur-Winkel und die Geschichte der ungarisch—kroatischen Beziehungen;[74] zur Verselbständigung der Kroaten: I. Lajos: Das letzte Kapitel der ungarisch—kroatischen Union,[75] und J. Bajza: Die Auflösung der ungarisch—kroatischen Union.[76]

An der Spitze der ungarländischen historischen Werke über die serbische Geschichte steht wieder das Buch von E. Margalits: Repertorium der serbischen Geschichte,[77] ein unvollständiger Band von Exzerpten aus serbischen geschichtlichen Zeitschriften. Über die Geschichte des serbischen Volkes und Staates im allgemeinen: J. Thim: Die Geschichte der Serben von den ältesten Zeiten bis 1848,[78] J. Németh: Historische Veränderungen des serbischen Staatsgebietes und des serbischen Ethnikums.[79] Zu der mittelalterlichen Geschichte: L. Thallóczy: Studien zur Geschichte Bosniens und Serbiens im

[60] Thallóczy, Lajos, Horvát szokásjog 1551—1553-ból. Magyar Gazdaságtörténelmi Szemle (= Ungarisch Wirtschaftsgeschichtliche Rundschau) 1896. p. 142—169.

[61] Orthmayer [Ortvay], Tivadar, A horvát-slavon határőrvidék kifejlődésének ... története. I. Teil. Temesvár 1871. 10 p.

[62] Thallóczy, Lajos, Károlyváros és a horvát határőrvidék keletkezése. Dubovac vár leltára 1583-ból (= Inventar der Festung Dubovac aus d. J. 1583). Magyar Gazdaságtörténelmi Szemle (= Ungarische Wirtschaftsgeschichtliche Rundschau) 1898. p. 365—387.

[63] Miskolczy, Gyula, A horvát kérdés története és irományai a rendi állam korában. I—II. Bp. 1927—1928. 640; 576 p. Fontes historiae Hungaricae aevi recentioris.

[64] Miskolczy, Gyula, A horvát kérdés. (1790—1847.) Századok (Zeitschr.) 1923—1924. p. 567—584.

[65] Lajos, Iván, A horvát kérdés. Pécs 1932. 116 p.

[66] Szegedy, Rezső, Az illyrismus és Gaj Lajos levelezése. Bp. 1912. 102 p.

[67] Juhász, Lajos, A horvát kérdés az 1868-i kiegyezés után. A Gróf Klebelsberg Kunó Magyar Történetkutató Intézet Évkönyve (Jahrbuch des Graf Kuno Klebelsberg Instituts für ungarische Geschichtsforschung in Wien) 1938. p. 247—293.

[68] Bajza, Josef, Die kroatische Publizistik während des Weltkrieges. Ungarische Jahrbücher 1921. p. 122—148.

[69] Barta, Stefano, Relazioni storiche e culturali ungaro—croate. Corvina 1941. p. 403—416.

[70] Hadrovics, Ladislaus, Ungarn und die Kroaten. Ungarische Jahrbücher 1941.

[71] Lobmayer, Iván, Történelmi kapcsolataink Horvátországgal. Bp. 1941. 35 p.

[72] Hadrovics, Ladislas, Huit siècles de communauté d'État hungaro—croate. Les origines. Nouvelle Revue de Hongrie. Bd. 65. 1941. p. 226—236. — Le réveil du sentiment national. Nouvelle Revue de Hongrie Bd. 67. 1942. p. 99—110.

[73] Hadrovics, Ladislaus, Ungarn und die Kroaten. Ungarn und die Nachbarvölker. p. 141—156.

[74] Kring, Miklós, A muraközi országhatár a magyar—horvát viszony történetében. A Történettudományi Intézet Évkönyve (Jahrbuch des Geschichtwissenschaftlichen Institutes) 1942. und Sonderabdr. 1942. 68 p.

[75] Lajos, Iván, A magyar—horvát unió utolsó fejezete. Katholikus Szemle (Katholische Rundschau). 1930. p. 404—415., 503—523.

[76] Bajza, József, A magyar—horvát unió felbomlása. Bp. 1925. 74 p.

[77] Margalits, Ede, Szerb történelmi repertórium. I. Bp. 1918. LIX. 930 p.

[78] Thim, József, A szerbek története a legrégibb kortól 1848-ig. I—III. Nagybecskerek. 1892. X. 159; 179; 116 p.

[79] Németh József, A szerb államterület és a szerb ethnikum történelmi változásai. Budapesti Szemle (Zeitschr.) Bd. 203. 1926. p. 365—392.

Mittelalter,[80] und derselbe: Zur Geschichte Serbiens,[81] sowie A. Hodinka: Die Quellen der serbischen Geschichte und ihr erstes Zeitalter,[82] derselbe: Stand und Verhältnis der serbischen Fürstentümer zu Ungarn und zu Byzanz um die Mitte des 12. Jahrhunderts[83] (eine Besprechung der Arbeit des serbischen Forschers Srecković). Über ein späteres Zeitalter: L. Hadrovics: Die serbische nationale Kirche im 16—17. Jahrhundert,[84] B. Kállay: Geschichte der Serben. 1780—1815.[85] (eine unvollständige Arbeit), und derselbe: Die Geschichte des serbischen Aufstandes von 1807—1810.[86] Weniger bedeutend sind: L. Faragó: Karadjordje und die Karadjordjević,[87] sowie J. Thim: Das Auftreten der Obrenović während der Revolution.[88]

Die Urkunden über die serbisch—ungarischen Beziehungen wurden durch L. Thallóczy und A. Áldásy veröffentlicht: Urkundenbuch der Beziehungen zwischen Ungarn und Serbien 1198—1526;[89] die kurze Bearbeitung derselben Frage von L. Thallóczy: Ungarisch—serbische historische Beziehungen.[90] Eine skizzenhafte Zusammenfassung derselben Frage von P. Balla: Entwicklung der ungarisch—serbischen politischen Verbindungen bis auf unsere Tage,[91] Z. Csuka: Ungarn und die Serben.[92] Auf kulturellem Gebiet: L. Hadrovics: Ungarn und die serbische Kultur.[93] Besonders die letzteren Arbeiten berührten auch schon die Frage der ungarländischen Serben.

Im besonderen mit den ungarländischen Serben beschäftigt sich im allgemeinen: I. Prokopy: Was hat das heimische Serbentum Ungarn zu verdanken?[94] Eine größere Zeitspanne überblickt das Werk von Gy. Dudás: Die historische Rolle der ungarländischen Serben 1526—1711.[95] Zusammenfassender Art ist noch: L. Hadrovics: Die balkanischen Wurzeln der ungarländischen Serbenfrage,[96] und derselbe: Ausgestaltung des serbischen Nationalismus und das ungarländische Serbentum.[97] Zu der Niederlassung der Serben in Ungarn: A. Hodinka: Der serbische Patriarch von Ipek verlangt einen Donationsbrief von König Leopold I. zur ständigen Niederlassung in Ungarn.[98] Eine frühere Arbeit über die serbischen Niederlassungen L. Szalay: Das Rechtsverhältnis der ungarländischen serbischen Siedlungen zu dem Staat.[99] Zur Geschichte der ungarländischen serbischen Kirche im 18. Jahrhundert: M. Érdújhelyi: Das Patriarchat von Karlowitz und die bosnische griechisch-orthodoxe Kirche;[100] zur Geschichte der ungarländischen

[80] THALLÓCZY, LAJOS, Studien zur Geschichte Bosniens und Serbiens im Mittelalter. München—Leipzig 1913. 478 p.

[81] THALLÓCZY, LUDWIG, Zur Geschichte Serbiens. Bp. 1916. 81 p.

[82] HODINKA, ANTAL, A szerb történet forrásai és első kora. Bp. 1891. 66 p.

[83] HODINKA, ANTAL, A szerb fejedelemségek állapota és viszonya Magyarország és Byzanczhoz a XII. század közepén. Történelmi Tár 1889. p. 143—149.

[84] HADROVICS, LADISLAS, L'Église nationale serbe aux XVIe et XVIIe siècles. Revue d'Histoire Comparée 1943. p. 117—166. und Sonderabd. 52 p.

[85] KÁLLAY, BÉNI, A szerbek története. 1780—1815. I. Bd. Bp. 1877. 639 p.

[86] KÁLLAY, BÉNI, A szerb felkelés története 1807—1810. Hátrahagyott kéziratairól kiadta Thallóczy Lajos (= Aus seinen hinterlassenen Manuskripten veröffentlicht durch L. Thallóczy). I—II. Bp. 1909. 405; VIII. 415 p.

[87] FARAGÓ, LÁSZLÓ, Karagyorgye és a Karagyorgyevicsek. Bp. 1940. 39 p.

[88] THIM, LAJOS, Az Obrenovicsok fellépése a forradalom alatt. Zombor. 1894. 14 p.

[89] THALLÓCZY, LAJOS—ÁLDÁSY, ANTAL, Magyarország melléktartományainak oklevéltára. II. Bd. A Magyarország és Szerbia közti összeköttetések oklevéltára 1198—1526. Bp. 1907. CXXIV. 479, 1 p., 1 Karte. Monumenta Hungariae Historica. Diplomataria 33.

[90] THALLÓCZY, LAJOS, Magyar—szerb történeti összeköttetések. Bp. 1906. 53 p.

[91] BALLA, PÁL, A magyar—szerb politikai kapcsolatok alakulása napjainkig. Láthatár 1943. p. 121—125.; Bp. 1943, 18 p.

[92] CSUKA, ZOLTÁN, Ungarn und die Serben. Ungarn und die Nachbarvölker. p. 157—171.

[93] HADROVICS, LÁSZLÓ, Magyarország és a szerb művelődés. Délvidéki Szemle 1942. und Sonderabdr. 11 p.

[94] PROKOPY, IMRE, Šta može da blagodari domače srpstvo Maďarskoj? Pécs. 1944. 16 p.

[95] DUDÁS, GY., A magyarországi szerbek szereplésének története 1526—1711. A Délmagyarországi Történelmi Társulat Történelmi és Régészeti Értesítője (Historischer und Archäologischer Anzeiger der Südungarländischen Historischen Gesellschaft) 1886.

[96] HADROVICS, LÁSZLÓ, A magyarországi szerb kérdés balkáni gyökerei. A Történettudományi Intézet Évkönyve (Jahrbuch des Geschichtswissenschaftlichen Institutes) 1942. und Sonderabdr. 1942. 42 p.

[97] HADROVICS, LÁSZLÓ, A szerb nacionalizmus kialakulása és a magyarországi szerbség. Bp. 1943, 9, 3 p

[98] HODINKA, ANTAL, Az ipeki szerb pátriárka Magyarországon való állandó letelepedésre adománylevelet kér I. Lipót királytól. Pécs 1943. 13 p.

[99] SZALAY, LÁSZLÓ, A magyarországi szerb telepek jogviszonya az államhoz. Pest 1861. 143 p.

[100] ÉRDUJHELYI, MENYHÉRT, A karlóczai patriarkatus és a boszniai gör. kel. egyház. Századok (Zeitschr.) 1894. p. 224—236.

Serben im 18. Jahrhundert: J. Hornyik: Die Konterrevolution der Raitzen 1703—1711,[101] A. Hodinka: Vier zeitgenössische Meldungen über die raitzische Verheerung in Fünfkirchen i. J. 1704.[102] Wissenschaftliches über Peros Aufstand: S. Márki: Peros Aufstand.[103] Eine ausführliche Bearbeitung der Ereignisse von 1848—49 gibt J. Thim mit reichen urkundlichen Belegen: Der serbische Aufstand in Ungarn in 1848—49.[104] Zu der Literatur über die Geschichte der ungarländischen Serben vgl.: L. Hadrovics: Die serbische Geschichtsschreibung über den südlichen Teil des Karpatenbeckens.[105]

Mit Bosniens und Herzegowinas Entwicklung beschäftigt sich J. Asbóth: Bosnien und Herzegowina[106] (Reisebeschreibung), A. Gebé: Geschichte Bosniens von den ältesten Zeiten und unter ungarischer Oberhoheit 1102—1527,[107] F. Komlósy: Das Rechtsverhältnis von Bosnien und Herzegowina zu Ungarn im Mittelalter 1103—1528,[108] A. Strausz: Das Land Bosnien und sein Volk. Bosniens Geschichte und ethnographische Schilderung.[109] Über die Anfänge der ungarischen Oberhoheit in Bosnien: Gy. Pauler: Wie und wann kam Bosnien an Ungarn?[110] L. Thallóczy: Untersuchungen über den Ursprung des bosnischen Banates mit besonderer Berücksichtigung der Urkunden im Körmender Archiv.[111] Mit Einzelfragen der Entwicklung Bosniens beschäftigte sich ebenfalls L. Thallóczy: Studien über bosnische und serbische Persönlichkeiten und Geschlechter;[112] ein früherer Teil derselben Arbeit: Studien über bosnische Geschlechter.[113] Zur Kirchengeschichte: A. Hodinka: Studien zur Geschichte des Bistums von Bosnisch-Djakovar,[114] ferner: J. Asbóth: Die bosnischen Bogumilen im Zeitalter der Arpaden, Anjous und Hunyadis.[115] Mit einem bosnischen Hochadeligen aus der Zeit 1386—1416 beschäftigt sich L. Thallóczy: Der Fürst Hervoja und sein Wappen;[116] zu einem späteren Zeitalter derselbe: Bosnien als die Eroberung des Königs Matthias.[117] Zur Geschichte der slawischen Bevölkerung der südlichen ungarischen Grenzgebieten: L. Thallóczy: Die Geschichte von Jajca (Banat, Burg und Stadt) 1450—1527,[118] F. Pesty: Geschichte des Banates und des Komitates Szörény,[119] L. Faragó: Geschichte des Banates Mačva im Zeitalter der Arpaden.[120]

[101] Hornyik, János, A rácok ellenforradalma 1703—1711. Századok 1868. p. 530—552., 608—632., 693—719.

[102] Hodinka, Antal, Négy egykorú jelentés az 1704-i pécsi rác dúlásról. Pécs 1932. 59 p.

[103] Márki, Sándor, Péró lázadása. Bp. 1893. 96 p. Értekezések a történeti tudományok köréből (Abhandlungen aus den historischen Wissenschaften) XV/11.

[104] Thim, József, A magyarországi 1848—49-i szerb felkelés története. I—III. Bp. 1930—1940, VIII. 527; XV. 1, 686; 984 p. Fontes historiae Hungaricae aevi recentioris.

[105] Hadrovics, Ladislas, L'historiographie serbe concernant le midi du bassin Carpathique. Revue d'Histoire Comparée 1943. p. 554—562.

[106] Asbóth, János, Bosznia és Hercegovina. Úti rajzok és tanulmányok (Reiseschilderungen und Studien). I—II. Bp. 1887. IV. 275; VIII. 222, XXVI p. 2 Taf., 2 Kart.

[107] Gebé, Andor, Bosnyákország történelme a legrégibb időktől a magyar fennhatóság alatt (1102—1527). Ungvár 1908. 229 p.

[108] Komlósy, Ferenc, Bosznia és Hercegovina jogviszonya Magyarországhoz a középkorban. 1103—1528. Bp. 1879. 106 p.

[109] Strausz, Adolf, Bosnyák föld és népe. Bosznia története és néprajzi leírása. Bp. 1881. VIII. 301 p.

[110] Pauler, Julius, Wie und wann kam Bosnien an Ungarn? Wien 1894. 6 p.

[111] Thallóczy, Lajos, Tanulmányok a bosnyák bánság kezdetéről, főtekintettel a körmendi levéltár okleveleire. Bp. 1905. 69 p. Értekezések a történeti tudományok köréből XX/5.; Untersuchungen über den Ursprung des bosnischen Banates mit besonderer Berücksichtigung der Urkunden im Körmender Archiv. Wissenschaftliche Mitteilungen aus Bosnien und der Herzegovina 1909. und Sonderabdr. Wien 1909. 49 p. 11 Taf., 1 Karte.

[112] Thallóczy, Lajos, Bosnyák és szerb élet- s nemzedékrajzi tanulmányok. Bp. 1909. XII. 559 p.

[113] Thallóczy, Lajos, Bosnyák nemzedékrendi tanulmányok. Turul 1895. p. 5—17.

[114] Hodinka, Antal, Tanulmányok a bosnyák-djakovári püspökség történetéből. Bp. 1897. 119 p. Értekezések a történeti tudományok köréből (Abhandlungen aus den historischen Wissenschaften) XVII/3.

[115] Asbóth, János, A bosnyák bogumilok az Árpádok és Anjouk korában. Budapesti Szemle (Budapester Rundschau) Bd. 41. 1885. p. 25—52.; A bosnyák bogumilok az Árpádok, Anjouk és Hunyadiak korában. Budapesti Szemle Bd. 41. 1885. p. 172—208.

[116] Thallóczy, Lajos, Hervoja herceg és címere. Turul 1892. p. 1—12.

[117] Thallóczy, Lajos, Bosznia mint Mátyás király foglalmánya. Történeti Szemle (Historische Rundschau) 1915. p. 515—544.

[118] Thallóczy, Lajos, Jajca (bánság, vár és város) története 1450—1527. Az oklevéltárat szerk. Horváth Sándor (Die Urkundensammlung hrg. von S. H.) Bp. 1915. CCCLXXX, 2, 442 p. 3 Taf. Monumenta Hungariae Historica. Diplomataria 40.

[119] Pesty, Frigyes, A szörényi bánság és Szörény vármegye története. I—III. Bp. 1877—1878. VI, 482; 574, 5; 426 p.

[120] Faragó, L., A macsói bánság története az Árpádok korában. Kaposvár 1911.

Zur Geschichte der Slowenen vgl.: R. Braun: Die Südslawen und die Anfänge der slowenischen Frage,[121] Die Entwicklung der slowenischen nationalen Idee von 1848 ab bis zum Tode von Bleiweis,[122] Die slowenische nationale Idee in unseren Tagen.[123] Zur Geschichte der Winden: S. Mikola: Vergangenheit und Gegenwart der Winden,[124] derselbe: Die ungarländischen Winden,[125] F. Gönczi: Die Winden im Komitat Zala,[126] A. Mikola—J. Melich: Die Windenfrage.[127] Über die Beziehungen zu dem ungarischen Volk: A. Pavel: Ungarn und die Slowenen.[128]

Zur Geschichte von Montenegro: J. Bajza: Beiträge zur ungarischen Bibliographie über Montenegro,[129] und derselbe: Die montenegrinische Frage.[130]

Eine populäre Darstellung der Geschichte des neuen jugoslawischen Staates ist von J. Bajza: Jugoslawien;[131] etwas ausführlicher über dasselbe: G. Vaska: Die Geschichte von Jugoslawien;[132] über eine Teilfrage: I. Prokopy: Die jugoslawische Agrarreform.[133]

Von den Werken über die Slowaken kann als erstes erwähnt werden: A. Pechány: Die ungarländischen Slowaken.[134] Eine völlig andere Betrachtungsart vertritt I. Borsody: Die Slowaken im Karpatenbecken.[135] Die siedlungsgeschichtliche Erforschung der Komitate am Grenzgebiet des mittelalterlichen Ungarns — vom Gesichtspunkt der Nationalitäten aus betrachtet — ist zuerst von E. Mályusz angeregt worden: Die Entstehung des Komitates Turóc;[136] ihm folgten mit der Bearbeitung von je einem mit Slowaken bevölkerten Komitat: A. Fekete Nagy: Territoriale und geschichtliche Ausbildung der Zips,[137] E. Fügedi: Die Besiedlung des Komitates Neutra,[138] B. Ila: Das Komitat Gömör;[139] von dem letzteren erschien nur der Beleg-Band, aber auch dieser umfaßt nicht das ganze Material. Auch mit den slowakischen Beziehungen des Rákóczi-Aufstandes beschäftigt sich Á. Markó: Nationalitäten von Oberungarn in dem Heer des Fr. Rákóczi II.[140] M. Zsilinszky schildert die Tätigkeit des slowakischen Diplomaten von Rákóczi: Leben und Werke des ev. Bischofs Daniel Kermann. 1663—1740.[141] Mit der neuzeitlichen Ausbreitung des slowakischen Siedlungsgebietes beschäftigt sich in chauvinistischem Sinne J. Kőrösy: Die Slowakisierung von Oberungarn.[142] Eine ähnliche Auffassung vertritt die schon früher veröffentlichte, zwar nicht historische, eher aktuell politische Schrift von B. Grünwald: Oberungarn,[143] die schon damals heftig angefochten wurde. In neuer

[121] Braun, Róbert, A délszlávok és a szlovén kérdés kezdetei. Huszadik Század (Zwanzigstes Jahrhundert, Zeitschr.) 1917. Bd. I. p. 193—215.

[122] Braun, Róbert, A szlovén nemzeti eszme fejlődése 1848-tól Bleiweis haláláig. Huszadik Század (Zwanzigstes Jahrhundert, Zeitschr.) 1917. Bd. I. p. 289—316.

[123] Braun, Róbert, A szlovén nemzeti eszme napjainkban. Huszadik Század (Zeitschr.) 1918. Bd. I. p. 129—145.

[124] Mikola, Sándor, A vendség múltja és jelene. Bp. 1928. 46 p.

[125] Mikola, Sándor, Die ungarländischen Wenden. Bp. 1941. 14, 2 p.

[126] Gönczi, Ferenc, A zalamegyei vendek. Kaposvár. 1914. 70 p.

[127] Mikola, Alexandre—Melich, Jean, La question wende. Bp. 1920. 36 p.

[128] Pavel, August, Ungarn und die Slowenen. Ungarn und die Nachbarvölker. p. 123—140.

[129] Bajza, Joseph, Beiträge zur ungarischen Bibliographie über Montenegro. Bp. 1927. 37 p. 2. Serie. Bp. 1929. 18 p.

[130] Bajza, Giuseppe, La questione Montenegrina. Bp. 1928. 50 p.

[131] Bajza, József, Jugoszlávia. Bp. 1929. 79 p.

[132] Vaska, Géza, Jugoszlávia története. Bp. 1932. 104 p.

[133] Prokopy, Imre, A jugoszláv agrárreform. Magyar Kisebbség (Ungarische Minderheit) 1903. und Sonderabdr. Lugoj 1933. 78 p.

[134] Pechány Adolf, A magyarországi tótok. Bp. 1913. 282, 1 p. 8 Taf. Nemzetiségi ismertető könyvtár (Populärwissenschaftliche Nationalitäten-Bibliothek) I/3.

[135] Borsody, Stephen, The Slovaks in the Carpathian basin. The Hungarian Quarterly 1941. p. 215—227.

[136] Mályusz, Elemér, Turócmegye kialakulása. Bp. 1922. 196 p., 1 Karte. Die Entstehung des Komitates Turóc. Ungarische Jahrbücher 1921. p. 298—312.

[137] Fekete Nagy, Antal, A Szepesség területi és történeti kialakulása. Bp. 1934. 377, 1 p. 3 Karten.

[138] Fügedi, Erik, Nyitramegye betelepülése. Századok (Zeitschr.) 1938. p. 273—319., 488—509.

[139] Ila, Bálint, Gömör megye. II. Band. Bp. 1944. XV. 620 p.

[140] Markó, Árpád, Felvidéki nemzetiségek II. Rákóczi Ferenc hadseregében. Magyar Szemle (Ungarische Rundschau) 1938.

[141] Zsilinszky, Mihály, Kermann Dániel evangélikus püspök élete és művei. 1663—1740. Bp. 1899, 116 p

[142] Kőrösy, József, A Felvidék eltótosodása. Nemzetiségi tanulmányok Pozsony, Nyitra, Bars, Hont, Nógrád, Pest, Gömör, Abaúj, Zemplén és Ung megyék területéről (Untersuchungen über die Nationalitäten auf dem Gebiete der Komitate: Pozsony, Nyitra etc.) Bp. 1898. 45 p. 2 Karten.

[143] Grünwald, Béla, A Felvidék. Bp. 1878. 162 p.

Betrachtungsart erörtert dieselbe Frage A. Kovács: Veränderungen der ungarisch—slowakischen Sprachgrenze in den beiden letzten Jahrhunderten,[144] I. Kniezsa: Beiträge zur Geschichte der ungarisch—slowakischen Sprachgrenze,[145] Cs. Csapodi: Die Veränderung der nordwestlichen ungarisch—slowakischen Sprachgrenze und die katholische Restauration.[146]

Mit der Frage der slowakischen nationalen Bewegung beschäftigen sich: T. Dugovich: Entwicklungsgeschichte der slowakischen nationalen Bewegungen,[147] L. Steier: Die slowakische Frage. Entwicklungsgeschichte der slowakischen nationalen Bewegung,[148] A. Pechány: Die Entfaltung der slowakischen Frage bis 1918;[149] 1.: Aufzeichnungen aus der Geschichte der slowakischen nationalen Bewegungen,[150] A. Fóris: Die Entwicklung der slowakischen nationalen Frage in Ungarn.[151] Die Anfänge der Bewegung behandelt F. Wagner: Die erste Zeit des slowakischen Nationalismus.[152] Mit der namhaften Persönlichkeit in der ersten Hälfte des vorigen Jahrhunderts beschäftigt sich L. Wagner: Leben und Werke von Safarik.[153] Die slowakische Bewegung des J. 1848 behandelt mit reichen urkundlichen Belegen L. Steier: Die slowakische nationale Frage in den Jahren 1848—49.[154] Mit Einzelheiten der späteren slowakischen Geschichte beschäftigt sich S. Vájlok: Das slowakische Memorandum von Turócszentmárton,[155] L. Ruttkay: Die Schließung der slowakischen Mittelschulen von Oberungarn i. J. 1874.[157] Eine Zusammenfassung der slowakischen Geschichtsschreibung des 20. Jahrhunderts bietet L. Gogolák: Probleme der slowakischen Geschichtsschreibung.[157]

Von den chauvinistischen Schriften über die gegenseitigen Beziehungen von Tschechen und Slowaken können erwähnt werden: Gy. Podhradszky: Tschechen und Slowaken,[158] L. Steier: Tschechen und Slowaken,[159] und J. Gerő: Die verschiedenen tschechischen nationalen Bewegungen in Ungarn.[160] Eine frühe Epoche dieses Verhältnisses behandelt Z. Szabó: Anfänge der tschechisch-slowakischen geistigen Gemeinschaft. Das Lebenswerk von György Ribay.[161] Zu den Werken, die die Volksgemeinschaft von Tschechen und Slowaken beanstanden, und die die Herrschaft über das slowakische Volk fordern, gehört noch: L. Steier: Ungarns Vergewaltigung. Oberungarn unter tschechischer Herrschaft.[162] Eine gemäßigtere Auffassung vertritt J. Deák: Die diplomatische Geschichte der tschechoslowakischen Einheit.[163] Zusammenfassend schildert das slowakisch—unga-

[144] Kovács, Alajos, A magyar—tót nyelvhatár változásai az utolsó két évszázadban. Századok (Zeitschr.) 1938. p. 561—575.

[145] Kniezsa, István, Adatok a magyar—szlovák nyelvhatár történetéhez. Bp. 1941; Zur Geschichte der ungarisch—slowakischen ethnischen Grenze. Archivum Europae Centro-Orientalis 1941. p. 240—309.

[146] Csapodi, Csaba, Az északnyugati magyar—tót nyelvhatár megváltozása és a katolikus restauráció. Regnum 1943. p. 113—135.

[147] Dugovich, Titusz, A tót nemzetiségi mozgalmak fejlődésének története. Turócszentmárton 1903. 105 p.

[148] Steier, Lajos, A tót kérdés. A tót nemzetiségi mozgalom fejlődésének története. Liptószentmiklós 1912. 5, 354 p.

[149] Pechány, Adolf, A tót kérdés alakulása 1918-ig. Külügyi Szemle (Außenpolitische Rundschau) 1933. p. 139—148. und Sonderabdr. Bp. 1933. 12 p.

[150] 1.: Följegyzések a tót nemzetiségi törekvések történetéből. A Cél 1917. p. 303—309.

[151] Fóris, Anna, A tót nemzetiségi kérdés fejlődése Magyarországon. Magyar Kisebbség (Ungarische Minderheit) 1934. p. 19—29, 45—55, 89—96, 136—140, 173—178, 195—201, 231—239, 261—269.

[152] Wagner, Ferenc, A szlovák nacionalizmus első korszaka. Bp. 1940. 59, 2 p.

[153] Wagner, Lajos, Safarik élete és művei. Egyetemes Philológiai Közlöny (Archivum Philologicum) 1878. und Sonderabdr. Bp. 1878. 48 p.

[154] Steier, Lajos, A tót nemzetiségi kérdés 1848—49-ben. I—II. Bp. 1937. VIII. 670; 787 p. Fontes historiae Hungaricae aevi recentioris.

[155] Vájlok, Sándor, A turócszentmártoni szlovák memorandum. Rozsnyó 1941. 22 p.

[156] Ruttkay, László, A felvidéki szlovák középiskolák megszüntetése 1874-ben. Pécs 1939. 148 p.

[157] Gogolák, Louis, Problèmes de l'historiographie slovaque. Revue d'Histoire Comparée 1943. p. 217—232.

[158] Podhradszky, György, Csehek és tótok. Budapesti Szemle Bd. 177. 1919. p. 129—140.

[159] Steier, Lajos, Csehek és tótok. Bp. 1919. 95 p.

[160] Gerő, Jean, Les divers mouvements nationaux tchèques en Hongrie. Bp. 1919. 28 p.

[161] Szabó, Zoltán, A cseh-tót szellemi közösség kezdetei. Ribay György életműve. Egyetemes Philológiai Közlöny (Archivum Philologicum) 1937. und Sonderabdr. Bp. 1937. 43 p.

[162] Steier, Ludwig, Ungarns Vergewaltigung. Oberungarn unter tschechischer Herrschaft. Zürich—Leipzig. 1929. XXXII. 1007 p., 45 Taf. 8 Karten.

[163] Deák, József, A cseh-szlovák egység diplomáciai története. Pécs 1943. 174 p.

rische Verhältnis I. Borsody: Die Grundzüge der ungarisch—slowakischen Frage,[164] und L. Sziklay: Ungarn und die Slowaken.[165]

Über Verbindungen zwischen Tschechen und Ungarn im allgemeinen: A. Angyal: Ungarn und die Tschechen.[166] Über die Rolle der Hussiten in Ungarn eine grundlegende Arbeit: P. Tóth-Szabó: Die tschechisch-hussitischen Bewegungen und ihre Herrschaft in Ungarn;[167] eine kleinere Zusammenfassung über dasselbe: J. Gerő, Die tschechischen Hussiten in Ungarn.[178] Mit einer späteren Epoche der Verbindungen beschäftigt sich O. Sárkány: Ungarische kulturellen Einflüße in Böhmen 1790—1848.[169] Die Entwicklung der tschechischen Geschichtsschreibung von Palacký bis Pekař wird von L. Gogolák geschildert: Die tschechische Geschichtsbetrachtung.[170]

Unter den Werken über die Tschechoslowakei ist zu erwähnen: Die Geschichte der tschechoslowakischen Legion in Rußland.[171] Eine populäre Zusammenfassung bietet Gy. Nosz: Die Geschichte der Tschechoslowakei,[172] Ö. Tarján: Der Weg der Tschechoslowakei und die ungarische Minderheit,[173] M. Halász: Die Tschechoslowakei 1918—1938.[174] Eine scharf kritische Biographie des führenden tschechischen Politikers bietet I. Borsody: Beneš.[175] Hier kann noch erwähnt werden: S. Vájlok: Die tschechoslowakische Emigration. (1938—1941.)[176]

Unter den Arbeiten über die Karpato-Ukrainer ist von allgemeiner Art: O. Szabó: Über die Karpato-Russen (Ruthenen),[177] S. Bonkáló: Die ungarischen Ruthenen,[178] A. Hodinka: Wohnsitz, Wirtschaft und Vergangenheit der karpathischen Ruthenen.[179] Eine längere populäre Zusammenfassung bietet S. Bonkáló: Die Ruthenen.[180] Eine kürzere Zusammenfassung von demselben in deutscher Sprache: Die ungarländischen Ruthenen.[181] Von den siedlungsgeschichtlichen Studien befassen sich zwei auch mit der Geschichte der Karpato-Ukrainen: I. Szabó: Das Komitat Ugocsa,[182] und V. Bélay: Gesellschaft und Nationalitäten des Komitates Máramaros von der Besiedelung des Gebietes bis zum Ende des 18. Jahrhunderts.[183] Über die Entwicklung der karpato-ukrainischen Nationalitätenfrage, die eng mit der Geschichte der vereinten Kirche steht, liefert viel Material A. Hodinka: Geschichte des griechisch-katholischen Bistums von Munkács,[184] mit archivalischen Belegen. Über eine Teilfrage des Problems: Gy. Papp: Ursprung des Bistums von Munkács.[185] Ebenso kirchengeschichtlich ist die Arbeit von T. Lehoczky: Geschichte der katholischen Pfarren griechischer Liturgie im Komitat

[164] Borsody, István, A magyar-szlovák kérdés alapvonalai. Bp. 1939. 59 p.
[165] Sziklay, Ladislaus, Ungarn und die Slowaken. Ungarn und die Nachbarvölker. p. 96—100.
[166] Angyal, Andreas, Ungarn und die Tschechen. Ungarn und die Nachbarvölker.
[167] Tóth-Szabó, Pál, A cseh-huszita mozgalmak és uralom története Magyarországon. Bp. 1917. XVI, 474 p.
[168] Gerő, János, A cseh husziták Magyarországon. Besztercebánya 1910. 204 p.
[169] Sárkány, Oszkár, Magyar kulturális hatások Csehországban 1790—1848. A Gróf Klebelsberg Kunó Magyar Történetkutató Intézet Évkönyve (Jahrbuch des Graf Kuno Klebelsberg Instituts für ungarischen Geschichtsforschung in Wien) 1937. p. 273—323.
[170] Gogolák, Louis, La conception historique tchèque. Revue d'Histoire Comparée 1943. p. 438—468.
[171] Rátz, Kálmán, Az oroszországi cseh-szlovák légió története. Bp. o. J. 122 p.
[172] Nosz, Gyula, Csehszlovákia története. Bp. 1932. 156 p.
[173] Tarján, Ödön, Der Weg der Tschechoslowakei und die ungarische Minderheit. Bp. 1934. 84 p.
[174] Halász, Miklós, Csehszlovákia 1918—1938. Bp. 1938. 116 p.
[175] Borsody, István, Benes. Bp. o. J. 239 p.
[176] Vájlok, Sándor, A csehszlovák emigráció (1938—1941). Kassa 1944. 57 p.
[177] Szabó Oreszt, A magyar-oroszokról. (Ruthének.) Bp. 1919. 300, 2 p. 10 Taf. Nemzetiségi ismertető könyvtár (Populärwissenschaftliche Bibliothek über die Nationalitäten) I/1.
[178] Bonkáló, Sándor, A magyar rutének. Bp. 1920. 43 p.
[179] Hodinka, Antal, A kárpátalji rutének lakóhelye, gazdaságuk és multjuk. Bp. 1923. 48 p.
[180] Bonkáló, Sándor, A rutének (ruszinok). Bp. o. J. 184 p.
[181] Bonkáló, Alexander, Die ungarländischen Ruthenen. I. Die Ansiedlung der ungarländischen Ruthenen. Ungarische Jahrbücher 1921. p. 215—232; II. Ursachen der geistigen und wirtschaftlichen Rückständigkeit der Ugro-Russen. III. Hungarismen in der ugro-russischen Kultur. Ungarische Jahrbücher 1921. p. 313—341.
[182] Szabó, István, Ugocsa megye. Bp. 1937. XII, 615 p. 4 Karten.
[183] Bélay, Vilmos, Máramaros megye társadalma és nemzetiségei a megye betelepülésétől a XVIII. század végéig. Bp. 1943. 224 p. 1 Karte.
[184] Hodinka, Antal, A munkácsi görög-katholikus püspökség története. Bp. 1910. VIII, 856 p.
[185] Papp, György, A munkácsi püspökség eredete. Miskolc 1940. 24 p.

Bereg bis zum Ende des 19. Jahrhunderts.[186] Mit der neueren Geschichte der Karpato-ukrainen befassen sich: Gy. Böör: Die periodische Presse der ungarländischen Ruthenen im 19. Jahrhundert,[187] G. Darás: Die Ruthenen-Frage gestern und heute,[188] und derselbe: Die Vorgeschichte der Abtrennung des Ruthenenlandes (1890—1920).[189] Über die karpato-ukrainische Gesellschaft am Anfang des Jahrhunderts eine chauvinistische Arbeit, die zu ihrer Zeit großes Aufsehen erregte: M. Bartha: Im Chasarenlande.[190] Über die Geschichte des politischen Prozesses, der unmittelbar vor dem ersten Weltkrieg ebenfalls viel Aufsehen erregte: V. Aradi: Der ruthenische Schisma-Prozeß.[191] Die Geschichte der Karpato-Ukrainen in der ersten tschechoslowakischen Republik behandelt Á. Árky: Der Kampf des Ruthenenlandes um die Autonomie 1918—1927.[192] Hierher gehört noch: L. Balogh-Beéry: Die ruthenische Autonomie.[193] In den Kreis der karpato-ukrainisch—ungarischen Beziehungen gehört: A. Hodinka: Fürst Rákóczi II. und die »gens fidelissima».[194]

Über die Geschichte der Ukraine: A. Hodinka: Bogdán Chmelyniczkij,[195] ein Auszug aus der Arbeit von Kostomarov; S. Márki: Ungarische Angaben über Mazeppa,[196] sowie S. Bonkáló: Geschichte der ukrainischen Bewegung 1917—1922,[197] über die Beziehungen zu den Ungarn: Gy. Podhradszky: Ungarisch—ukrainische historische Beziehungen.[198]

Von den Werken über Rußlands Geschichte ist in chronologischer Hinsicht als erstes zu erwähnen: Gy. Lázár: Geschichte des russischen Reiches,[199] eine populärwissenschaftliche Kompilation. Zur Zeit des zweiten Weltkrieges erschien das großangelegte und verhältnismäßig objektive Werk von K. Rátz: Die Geschichte von Rußland.[200] Die neuzeitlichen Eroberungsbestrebungen von Rußland werden aus dem Gesichtspunkt des Habsburger-Reiches betrachtet von B. Kállay: Die Orientpolitik Rußlands[201] (in deutscher Sprache) und Rußlands Orientbestrebungen[202] (in ungarischer Sprache).

Eine Arbeit über die russisch—ungarischen Beziehungen von allgemeiner Art ist das Werk von S. Márki: Die Russen in der ungarischen Geschichte.[203] Eine wichtige Quellengruppe über die russisch—ungarischen Beziehungen im Mittelalter veröffentlichte A. Hodinka: Die ungarischen Bezüge der russischen Annalen.[204] Mit den frühzeitlichen Beziehungen beschäftigte sich S. Márki: Die ersten Berührungen zwischen Russen und Ungarn,[205] und dann A. Hodinka: Die Schlacht bei Peremysl des ungarischen Königs Koloman nach der russischen Urchronik.[206] Zu der Geschichte des 12. Jahrhunderts: Gy. Pauler: Die russisch—griechischen Kriege von Geysa II. 1148—

[186] Lehoczky, Tivadar, A Bereg megyei görögszertartású katholikus lelkészségek története a XIX. század végéig. Munkács 1904. 169, 4 p.
[187] Böör, György, A magyarországi ruszin időszaki sajtó a XIX. században. Kolozsvár 1943. 52 p.
[188] Darás, Gábor, A rutén kérdés tegnap és ma. Bp. 1938. 63 p.
[189] Darás, Gábor, A Ruténföld elszakításának előzményei (1890—1920). Újpest 1936. 137 p.
[190] Bartha, Miklós, Kazárföldön. Kolozsvár 1901. 328 p. Neue Aufl. Bp. 1939.
[191] Aradi, Victor, A rutén skizmapör. Bp. 1914. 80 p.
[192] Árky, Ákos, Ruszinszkó küzdelme az autonómiáért 1918—1927. Bp. 1928. 55 p.
[193] Balogh-Beéry, László, A ruthén autonómia. Pécs 1937. 28 p.
[194] Hodinka, Antal, II. Rákóczi Ferenc fejedelem és a „gens fidelissima". Pécs 1937. 64 p.
[195] Hodinka, Antal, Chmelyniczkij Bogdán. Századok 1891. p. 40—51., 124—139.
[196] Márki, Sándor, Magyar adatok Mazeppáról. Ukránia 1916.
[197] Bonkáló, Sándor, Az ukrán mozgalom története 1917—1922. Bp. 1922. 223 p.
[198] Podhraszky, György, Magyar—ukrán történelmi kapcsolatok. Bp. 1916. 92, 165 p.
[199] Lázár, Gyula, Az orosz birodalom története. I—IV. Temesvár 1890—1891. VIII, 427; 435; 478; 606 p.
[200] Rátz, Kálmán, Oroszország története. Bp. 1943, 629 p. 42 Taf. 26 Karten.
[201] Kállay, Benjamin, Die Orientpolitik Rußlands. Bp.—Wien—Leipzig 1878. 124 p.
[202] Kállay, Béni, Oroszország keleti törekvései. Bp. 1881. 124 p.
[203] Márki, Sándor, Az oroszok hazánk történetében. Nagyvárad 1878. 94 p.
[204] Hodinka, Antal, Az orosz évkönyvek magyar vonatkozásai. Bp. 1916. 510 p.
[205] Márki, Sándor, Az oroszok és magyarok első érintkezései. A budapesti VII. ker. főgimn. ért. (Programm des Obergymnasiums im VII. Bezirk von Budapest) 1888/89.
[206] Hodinka, Antal, Kálmán királyunk 1099-i peremysli csatája az orosz őskrónika nyomán. Hadtörténelmi Közlemények (Kriegsgeschichtliche Mitteilungen) 1913 p. 325—346.; 524—544.

1156,[207] über die Kämpfe der Jahre 1152—53: M. Baumgarten: Beitrag zur Geschichte der ungarisch—russischen Berührungen.[208] Über die Verbindungen im nächsten Jahrhundert: G. Wenzel: Rosztizlaw, Fürst von Galizien, der Eidam des ungarischen Königs Béla IV.,[209] und derselbe: Boris und Rosztizlaw.[210] Für die Zeit des Königs Matthias und der Jagellonen: S. Márki: Russisch—ungarische Berührungen im Zeitalter des Königs Matthias und der Jagellonen,[211] und A. Hodinka: Der offene Brief des Sultans Bajazid über seinen mit Vladislaus, König von Ungarn und Böhmen i. J. 1498 geschlossenen Frieden.[212] Über die russischen Verbindungen des Stefan Báthory: L. Szádeczky-Kardoss: Die ungarischen Soldaten des polnischen Königs Stefan Báthory im Moskowiten-Krieg des Jahres 1580,[213] ders.: Die Feldzüge von Stefan Báthory gegen die Russen,[214] ders.: Denkschrift des Stefan Báthory an den Moskowiten-Zaren i. J. 1581,[215] ders.: Die Friedensvermittlung des Papstes zwischen Báthory und dem russischen Zaren.[216] Die Ereignisse des 17. Jahrhunderts behandelt S. Márki: Russisch—ungarische Berührungen im Zeitalter der Siebenbürger Fürsten,[217] S. Szilágyi: Briefe und Urkunden zur Geschichte der östlichen Verbindungen des György Rákóczi I.;[218] das Quellenmaterial über die russischen Beziehungen des György Rákóczi II. wird veröffentlicht, bzw. in einer größeren einleitenden Studie behandelt von S. Szilágyi: Siebenbürgen und der nordöstliche Krieg.[219] Über die Verbindungen zwischen Franz Rákóczi II. und Peter I.: K. Tárczy: Der Zar Peter der Große und Ungarn,[220] S. Márki: Russisch—ungarisches Bündnis i. J. 1707,[221] und ders. mit Urkundenveröffentlichung: Bündnis zwischen dem Zaren Peter d. Gr. und Franz Rákóczi II. i. J. 1707.[222], ein deutscher Auszug der letzteren Arbeit: Ein russisch—ungarisches Bündnis im Jahre 1707.[223] Die Reiseschilderung des slowakischen Diplomaten von Rákóczi: Die Schilderung der Reise von Daniel Krmann in Rußland.[224] Zu dem außenpolitischen Hintergrund des Bündnisses vgl. noch: L. Péterffy: Franz Rákóczi II. als Kandidat auf den polnischen Thron.[225] Die öffentliche Meinung des Reformzeitalters (1825—1848) schildert A. Sajó: Die russische Gefahr und das Reformzeitalter.[226] In seiner russischen Reiseschilderung stellt L. Thallóczy einen

[207] Pauler, Gyula, II. Géza orosz—görög háborúi 1148—1156. Hadtörténelmi Közlemények (Kriegsgeschichtliche Mitteilungen) 1890. p. 1—19., 273—285.

[208] Baumgarten, Miklós, Adalék a magyar—orosz összeköttetés történetéhez. Történeti Szemle (Historische Rundschau) 1930. p. 97—101.

[209] Wenzel, Gusztáv, Rosztizlaw galíciai herceg, IV. Béla magyar királynak veje. Bp. 1887. 20 p. Értekezések a történeti tudományok köréből (= Abhandlungen aus den historischen Wissenschaften) XIII/8.

[210] Wenzel, Gusztáv, Boris und Rostislav. Berlin 1889.

[211] Márki, Sándor, Orosz—magyar érintkezések Mátyás és a Jagellók korában. Erdélyi Múzeum (Siebenbürgisches Museum) 1893.

[212] Отвореный лист султана Баязита о мире его с Владиславом королем угорским и чешским р. 1478. Šišićev zbornik. Zagreb 1929. 5 p.

[213] Szádeczky-Kardoss, Lajos, Báthory István lengyel király magyar katonái az 1580-i muszka háborúban. Hadtörténelmi Közlemények (Kriegsgeschichtliche Mitteilungen) 1931. p. 1—30.

[214] Szádeczky-Kardoss, Lajos, Báthory István hadjáratai az oroszok ellen. Hadtörténelmi Közlemények (Kriegsgeschichtliche Mitteil.) 1888. p. 32—46, 224—245, 408—415, 538—548.

[215] Szádeczky, Lajos, Báthory István emlékirata a muszka cárhoz 1581-ben. Századok (Jahrhunderte, Zeitschr.) 1884. p. 511—517.

[216] Szádeczky, Lajos, A pápa békeközvetítése Báthory és az orosz cár között. Századok (Zeitschr.) 1885. p. 289—305.

[217] Márki, Sándor, Orosz—magyar érintkezések az erdélyi fejedelmek korában. Erdélyi Múzeum (Siebenbürgisches Museum) 1894. p. 17—31, 103—116.

[218] Szilágyi, Sándor, Levelek és okiratok I. Rákóczi György keleti összeköttetései történetéhez. Bp. 1883. 924 p.

[219] Szilágyi, Sándor, Erdély és az északkeleti háború. I—II. Bp. 1890—1891. VIII, 635; 596 p.

[220] Tárczy, Károly, Nagy Péter cár és Magyarország. Munkács 1905.

[221] Márki, Sándor, Orosz—magyar szövetség 1707-ben. Akadémiai Értesítő (Akademischer Anzeiger) 1901.

[222] Márki, Sándor, Nagy Péter cár és II. Rákóczi Ferenc szövetsége 1707-ben. Bp. 1913. 96 p. Értekezések a történeti tudományok köréből (Abhandlungen aus den historischen Wissenschaften) XXIII/6.

[223] Márki, Alexander, Ein russisch—ungarisches Bündnis im Jahre 1707. Ungarische Rundschau 1914.

[224] Krmann Dániel Oroszországi útjának leírása. Bp. 1894. 638 p. Monumenta Hungariae Historica. Scriptores 33.

[225] Péterffy, L., II. Rákóczi Ferenc lengyel királyjelöltsége. A kisújszállási ref. gimn. ért. (Programm des Reformierten Gymnasiums von Kisújszállás) 1912/13.

[226] Sajó, Andor, Az orosz veszedelem és a reformkor. Huszadik Század (Zwanzigstes Jahrhundert, Zeitschr.) 1915. I. Bd. p. 359—365.

MAGYAR TUDOMÁNYOS AKADÉMIA

interessanten Vergleich zwischen der russischen und der ungarischen Leibeigenenbefreiung an: Rußland und unsere Heimat.[227]

Unter den zahlreicheren Werken über die polnische Geschichte allgemeiner Art ist: J. Tomcsányi: Polen. Skizzen und Studien.[228] Über die polnische wirtschaftliche Entwicklung: Gy. Komoróczy: Die Problematik der polnischen wirtschaftsgeschichtlichen Literatur.[229] Über die Entwicklung des polnischen Staates und Rechtes: B. Baranyai: Die polnische Königskrönung,[230] und V. Janák: Die Umgestaltung Polens zu einem König wählenden Land.[231] Mit der polnischen Geschichte im 19. Jahrhundert befaßt sich kurz J. Tomcsányi: Die Opfer der polnischen Nation für die Freiheit seit der Aufteilung Polens.[232] Über die polnisch—deutschen Beziehungen: Gy. Balanyi: Die historischen Wurzeln des polnisch—deutschen Gegensatzes,[233] über die polnisch—russischen Beziehungen: J. Kertész: Das polnisch—russische Verhältnis in der Perspektive der Geschichte.[234]

Über das Quellenmaterial der polnisch—ungarischen Beziehungen: A. Divéky: Das auf Ungarn bezügliche handschriftliche Quellenmaterial der polnischen Bibliotheken und Archive.[235] Eine Bibliographie enthält: Hungaria et Polonia. Die Bibliographie der ungarisch—polnischen Verbindungen von J. Kertész,[236] und von demselben: Polen in der ungarischen Presse. Ungarisch—polnische Bibliographie.[237] Eine Zusammenfassung dieser Beziehungen bietet K. L. Szádeczky: Polnisch—ungarische Bezüge in der Geschichte,[238] A. Divéky: Aus den Fragen der polnisch—ungarischen historischen Verbindungen,[239] B. Kossányi: Polen und Ungarn,[240] A. Divéky: Die historischen Lehren der ungarisch—polnischen Berührungen,[241] K. Huszár: Ungarn und Polen. Ungarisch — polnische Beziehungen in Geschichte, Kultur und Wirtschaft,[242] A. Divéky: Polen und Ungarn,[243] I. Nagy: Ungarisch — polnische Verbindungen und die Jugend,[244] derselbe: Ungarisch—polnische kulturelle Verbindungen,[245] A. Divéky: Ungarn und die Polen.[246] Über die Verbindungen im Mittelalter: A. Divéky, Ungarn und Polen im Mittelalter,[247] und derselbe: Ursprung der ungarischen Goldenen Bulle und ihre Wirkung auf das polnische Recht.[248] Zu dem Zeitalter der Anjous: A. Pór: Ungarisch—polnische Berührungen im 14. Jahrhundert,[249] und E. Málnási: Das polnische Königtum

[227] Thallóczy, Lajos, Oroszország és hazánk. Bp. 1884. 8, 276 p.
[228] Tomcsányi, János, Lengyelország. Vázlatok és tanulmányok. Bp. 1933. 293 p.
[229] Komoróczy, György, A lengyel gazdaságtörténeti irodalom problematikája. Bp. 1937. 19 p.
[230] Baranyai, Béla, A lengyel királykoronázás. Karcag 1927. 166 p.
[231] Janák, Viktor, Lengyelország átalakulása királyválasztó országgá. Eger 1913. 76 p.
[232] Tomcsányi, János, A lengyel nemzet áldozatai a szabadságért Lengyelország felosztása után. Bp. 1929. 24 p.
[233] Balanyi, György, A lengyel—német ellentét történeti gyökerei. Bp. 1939, 16 p.
[234] Kertész, János, A lengyel—orosz viszony a történelem távlatából. Külügyi Szemle (Außenpolitische Rundschau) 1943. p. 292—300.
[235] Divéky, Adorján, A lengyelországi könyv- és levéltárak magyar vonatkozású kézirati anyaga. Levéltári Közlemények (Archivalische Mitteilungen) 1927. p. 27—58. und Sonderabdr. Bp. 1928. 32 p.
[236] Kertész, János, Hungaria et Polonia. A magyar—lengyel kapcsolatok bibliográfiája. Bp. 1934. 21 p.
[237] Kertész, János, Lengyelország a magyar sajtóban. Magyar—lengyel bibliográfia. Polska w prasie węgierskiej. Bp. 1938. 91 p.
[238] Szádeczky-K., Lajos, Lengyel—magyar vonatkozások a történelemben. Budapesti Szemle Bd. 162. 1915. p. 202—219.
[239] Divéky, Adorján, Z zagadnień historycznych stosunków polsko—węgierskich. Kraków 1923.
[240] Kossányi, Béla, Polonais et Hongrois. Paris 1930. 28 p.
[241] Divéky, Adorján, A magyar—lengyel érintkezések történelmi tanulságai. Bp. 1937. 32 p.
[242] Huszár, Károly (red.), Magyarország és Lengyelország. Magyar—lengyel kapcsolatok a történelemben, a kultúrában és gazdasági téren. Bp.—Warszawa 1936. 433 p., 20 Karten.
[243] Divéky, Adrien, Hongrie et Pologne. Nouvelle Revue de Hongrie, Bd. 56. 1937. p. 495—499.
[244] Nagy, Iván, Magyar—lengyel kapcsolatok és az ifjúság. Bp. 1936. 45 p.
[245] Nagy, Iván, Magyar—lengyel kulturális kapcsolatok. Magyar Szemle (Zeitschr.) 1935.
[246] Divéky, Adrian, Ungarn und die Polen. Ungarn und die Nachbarvölker.
[247] Divéky, Adrien, La Hongrie et la Pologne au moyen âge. Nouvelle Revue de Hongrie. Bd. 69. 1943. p. 470—476.
[248] Divéky, Adorján, Pochodzenie węgierskiej Złotej Bully i jej wpływ na prawo polskie. Kraków 1938.
[249] Pór, Antal, Magyar—lengyel érintkezés a XIV-ik században. Századok (Jahrhunderte, Zeitschr.) 1903. p. 201—218, 308—326.

Ludwigs d. Gr.[250] Über die kulturellen Beziehungen: P. Nyáry: Die Krakauer Universität und ihre ungarischen Studenten im 14—16. Jahrhundert.[251] Vom Zeitalter des Königs Siegmund angefangen behandelt die Frage F. Sváby: Die Geschichte der an Polen verpfändeten 13 Städte in der Zips.[252] Über das polnische Königtum des Báthory: L. Szádeczky: Stefan Báthory wird zum polnischen König gewählt. 1574—1576.,[253] und J. Zsirkó: Die Außenpolitik des polnischen Königs Stefan Báthory.[254] Über die Rolle der mit Stefan Báthory nach Polen gekommen Ungarn: A. Divéky: Ungarn in Polen im Zeitalter des Stefan Báthory,[255] und derselbe: Die Rolle der Familie Békés in Polen.[256] Über die wirtschaftlichen Verbindungen: Gy. Komoróczi: Der ungarische Weinexport nach Norden,[257] und die folgenden Materialveröffentlichungen: S. Takáts: Der ungarische Weinexport nach Polen in den Jahren 1610—1611,[258] K. Tagányi: Der ungarische Weinexport nach Polen 1637—1641,[259] und derselbe: Der ungarische Weinexport nach Polen 1711—1735.[260] Zu den politischen Verbindungen im 17. Jahrhundert: G. Gáspár: Die Aspirationen der Siebenbürger Fürsten auf den polnischen Thron,[261] Gy. Tóth: Die diplomatische Vorgeschichte des polnischen Unternehmens von György Rákóczi II.,[262] S. Szilágyi: Der polnische Feldzug von György Rákóczi II. i. J. 1657;[263] zu einem Problem der Beziehungen im 18. Jahrhundert: A. Divéky: Geschichte der Wiedervereinigung der Zipser Städte mit Ungarn i. J. 1770,[264] und derselbe: Die Rückkehr der an Polen verpfändeten 16 Städte der Zips an Ungarn i. J. 1770.[265] Die Verbindungen im 19. Jahrhundert werden bei A. Divéky behandelt: Ungarn und Polen im 19. Jahrhundert[266] (eine ungarisch und polnisch veröffentlichte Studie). Außenpolitische Fragen werden durch J. Kertész untersucht: Polen und die Andrássys.[267] Mit dem Plan der Aufstellung einer ungarischen Legion am Anfang des ersten Weltkrieges, die den Polen hätte Hilfe leisten sollen, beschäftigt sich A. Divéky: Die Frage der ungarischen Legion für Polen.[268] Zur Entwicklung der polnischen Frage während des ersten Weltkrieges: I. Lukinich: Die ungarische Regierung und die polnische Frage in den ersten Jahren des Weltkrieges,[269] und derselbe: Die polnische Frage und die ungarische Regierung 1914—1917,[270] sowie A. Divéky: Was wollten die Ungarn und was taten sie für Polen zur Zeit des Weltkrieges.[271]

[250] MÁLNÁSI, ERZSÉBET, Nagy Lajos lengyel királysága. Nyíregyháza 1943. 60 p.
[251] NYÁRY, PÁL, A krakói egyetem és magyar diákjai a XIV—XVI. században. Bp. 1942. 30 p.
[252] SVÁBY, FRIGYES, A Lengyelországnak elzálogosított XIII szepesi város története. Lőcse 1895. 344 p.
[253] SZÁDECZKY, LAJOS, Báthory István lengyel királlyá választása 1574—1576. Bp. 1887. VI, 454, XLI p.
[254] ZSIRKÓ, JÁNOS, Báthory István lengyel király külpolitikája. Nyitra 1909. 58 p.
[255] DIVÉKY, ADRIEN, Les Hongrois en Pologne à l'époque d'Etienne Báthory. Cracovie 1935.
[256] DIVÉKY, ADORJÁN, A Békés-család szerepe Lengyelországban. Debrecen 1944. 20 p.
[257] KOMORÓCZY, GYÖRGY, Borkivitelünk észak felé. Fejezet a magyar kereskedelem történetéből. Kassa 1944. 379 p.
[258] TAKÁTS, SÁNDOR, Borkivitelünk Lengyelországba 1610 és 1611-ben. Magyar Gazdaságtörténelmi Szemle (Ungarische Wirtschaftsgeschichtliche Rundschau) 1899. p. 85—89.
[259] TAGÁNYI, KÁROLY, Borkivitelünk Lengyelországba 1637—1641-ig. Magyar Gazdaságtörténelmi Szemle (Ung. Wirtschaftsgesch. Rund.) 1898. p. 113—116.
[260] TAGÁNYI, KÁROLY, Borkivitelünk Lengyelországba 1711—1735-ig. Magyar Gazdaságtörténelmi Szemle (Ung. Wirtschaftgesch. Rundsch.) 1900. p. 282—284.
[261] GÁSPÁR, GABRIELLA, Az erdélyi fejedelmek törekvései a lengyel trónra. Debrecen 1943. 84 p.
[262] TÓTH, GY., II. Rákóczi György lengyel vállalatának diplomáciai előzményei. Szatmár 1912.
[263] SZILÁGYI, SÁNDOR, II. Rákóczi György lengyel hadjárata 1657-ben. Rajzok és tanulmányok. II. Bd. Bp. 1875. p. 47—70.
[264] DIVÉKY, ADORJÁN, Dzieje przyłączenia miast spiskich do Węgier w roku 1770. Zamość. 1921.
[265] DIVÉKY, ADORJÁN, A Lengyelországnak elzálogosított XVI szepesi város visszacsatolása 1770-ben. Bp. 1929. 199 p.
[266] DIVÉKY, ADORJÁN, Węgrzy a Polacy w XIX stuleciu. Warszawa (1920) 212 p.; Magyarok és lengyelek a XIX. században. Budapesti Szemle (Budapester Rundschau). Bd. 174. 1918. p. 421—436, Bd. 175. 1918. p. 51—76, 243—272, 364—393.
[267] KERTÉSZ, JÁNOS, Lengyelország és az Andrássyak. Bp. 1936. 15 p.
[268] DIVÉKY, ADORJÁN, Sprawa legionu węgierskiego dla Polski. Warszawa 1939.
[269] LUKINICH, EMMERICH, Die ungarische Regierung und die polnische Frage in den ersten Jahren des Weltkrieges. Archivum Europae Centro-Orientalis 1938. p. 413—455. und Sonderabdr. Bp. 1938. 43 p.
[270] LUKINICH, IMRE, A lengyel kérdés és a magyar kormány 1914—1917. Bp. 1939. 44 p. Értekezések a történeti tudományok köréből (Abhandlungen aus den hist. Wissenschaften) XXV/8.
[271] DIVÉKY, ADORJÁN, Co chcieli zrobić i co zrobili Węgrzy dla Polski w okresie wojny. Warszawa 1934.

MTA Könyvtára
Periodika 637/1961 sz.

Unter den Werken über bulgarische Themen ist von allgemeiner Art: Z. Szilády: Bulgarien.[272] Über die Beziehungen im allgemeinen: A. Berzeviczy: Die Bulgaren und Ungarn.[273] Hauptsächlich mittelalterliche Beziehungen werden behandelt von G. Fehér und A. Göllner: Ungarn und Bulgaren.[274] Die Rolle der Bulgarotürken wird überbetont bei G. Fehér: Bulgarisch—ungarische Verbindungen in den V—XI. Jahrhunderten,[275] ebenso auch in zahlreichen anderen Werken desselben Verfassers. Über die Verbindungen zur Zeit der Landnahme derselbe: Versuche und Erfolge der bulgarischen Kirche in unserer Heimat;[276] die Glaubwürdigkeit der Angaben von Anonymus in bezug auf Salan und die Bulgaren wird durch J. Melich geprüft: Bulgaren und Slawen.[277] Zu den Beziehungen im 14. Jahrhundert: L. Thallóczy: Ludwig d. Gr. und das bulgarische Banat.[278] Über die ungarländischen Bulgaren: G. Czirbusz: Die Bulgaren in den Komitaten Temes und Torontál. — Die Krassowanen in Komitat Krassó-Szörény.[279]

Selbstverständlich vermag diese einfache Aufzählung die Kritik der ungarischen bürgerlichen Geschichtsschreibung über die Geschichte der slawischen Völker nicht zu ersetzen; es wurde hier nur versucht, Material für eine solche Arbeit zu liefern. Diese Arbeit zu leisten wäre allerdings eine dringende Aufgabe, da gerade auf diesem Gebiet die Behauptungen und Feststellungen der bürgerlichen Geschichtsschreibung nur mit scharfer Kritik zu benutzen sind.

E. Niederhauser

[272] Szilády, Zoltán, Bulgária. Bp. 1931. 472 p.
[273] Berzeviczy, Albert, A bolgárok és Magyarország. Budapesti Szemle (Budapester Rundschau) Bd. 174. 1918. p. 1—16.
[274] Fehér, Géza—Göllner, Aladár, Magyarok és bolgárok. Bp. 1942. 48 p.
[275] Fehér, Géza, Bulgarisch—ungarische Beziehungen in den V—XI. Jahrhunderten. Bp. 1921. 190 p.
[276] Fehér, Géza, A bolgár egyház kísérletei és sikerei hazánkban. Századok (Jahrhunderte, Zeitschr.) 1927. p. 1—20. und Sonderabdr. Bp. 1927. 20 p.
[277] Melich, János, Bolgárok és szlávok. Magyar Nyelv (Ungarische Sprache, Zeitschr.) 1921. p. 1—15.
[278] Thallóczy, Lajos, Nagy Lajos és a bulgár bánság. Századok (Jahrhunderte, Zeitschr.) 1900. p. 577—615.
[279] Czirbusz, Géza, A temes- és torontálmegyei bolgárok. — A krassó-szörénymegyei krassoványok. Bp 1913. 196 p. 5 Taf. Nemzetiségi ismertető könyvtár (Populärwissenschaftliche Bibliothek über die Nationalitäten) I/7

CHRONICA

Славянское языкознание в Венгрии за 1959—1960 годы*

1. За истекший период в секции славистики Венгерского лингвистического общества были сделаны следующие доклады:

3-го ноября 1959 г. научный сотрудник Института славяноведения в Праге канд. филол. наук Зоя Гауптова прочитала доклад о некоторых проблемах венгерских заимствований в лексике словацкого языка. В докладе были сообщены наблюдения над распределением заимствованных из венгерского языка слов по разным понятийным слоям.

19-го января 1960 г. с докладом «О расслоении русского стихового ударения» выступил заведующий отделом Института языкознания ВАН доктор филол. наук Л. Гальди. Доклад был посвящен проблеме неодинаковой силы ударных слогов, составляющих основу ритмической организации русского силлабо-тонического стиха.

29-го апреля 1960 г. был прочитан доклад заведующего отделом Института словацкого языка в Братиславе доктора филол. наук Й. Ружички «О некоторых вопросах словацкого глагола». В докладе, посвященном проблеме категории залога, была высказана мысль о необходимости разграничения т. н. возвратных форм глагола и глаголов собственно возвратных.

3-го мая 1960 г. проф. П. Ивич (Нови Сад) прочитал доклад «О положении и задачах диалектологических исследований в Югославии». Докладчик остановился на своеобразных проблемах составления атласа южнославянских диалектов, а также на отдельных особенностях южнославянских говоров на территории Югославии, представляющих собой особый интерес как для сравнительно-исторического изучения славянских языков, так и с точки зрения общего языкознания.

2. Международный Комитет по славянскому языковому атласу, созданный решением IV Международного съезда славистов в 1958 г., проводил заседание с 25-го по 28-ое ноября 1959 г. в Варшаве. На заседании член Комитета канд. филол. наук П. Кирай прочитал доклад о значении венгерских диалектов для работ по атласу славянских языков.

С 3-го по 6-ое мая 1960 г. состоялось в Вене первое рабочее заседание Международного Комитета по истории славянской филологии, организованного на IV Международном съезде славистов. На заседании с докладом об изучении истории славянской филологии в Венгрии выступил член Комитета доц. Э. Балецкий.

3. На всевенгерской конференции по вопросам культуры речи, состоявшся в сентябре 1959 г. в городе Печ, научный сотрудник Института чешского языка в Праге канд. филол. наук К. Гаузенблас сделал сообщение о некоторых принципиальных вопросах чешских работ по культуре речи.

В июне 1960 г. заведующий отделом Института языкознания в Братилаве канд. филол. наук А. Габовштяк принимал участие согласно венгерско-чехословацкому соглашению о научном и культурном сотрудничестве в проверочных работах по составлению атласа словацких говоров в Венгрии.

4. Комитет по славяноведению при Первом отделении Венгерской Академии Наук провел за отчетный период несколько рабочих заседаний, посвященных организационным и другим текущим вопросам. В целях большей оперативности при Комитете были созданы специальные комиссии, ведающие работой по отдельным отраслям славистики. Комитет занимался также вопросом о подготовке аспирантов-славистов и разработал пятилетний перспективный план издания работ по славистике; запланировано, между прочими, издание научно-популярного пособия о материальной и духовной культуре славян в марксистской оценке.

М. Петер

* Отчет охватывает период от 1 июля 1959 г. до 1 июля 1960 г.

A kiadásért felel az Akadémiai Kiadó igazgatója — Műszaki szerkesztő: Farkas Sándor
A kézirat nyomdába érkezett: 1960. VIII 1. — Terjedelem: 20 (A/5) ív, 3 ábra

1960.51815 — Akadémiai nyomda, Budapest — Felelős vezető: Bernát György